Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский ордена Почета университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ПРАВОПОРЯДОК В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция
(16–20 марта 2026 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2026

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2026
ISBN 978-5-9694-1739-7

УДК 340
ББК 67.0
П68

Рецензенты:
доцент кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел Воронежского института МВД России кандидат технических наук, доцент **А. Д. Попов**;
ведущий научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России кандидат юридических наук **О. Л. Облиенко**

Составители: **Р. А. Низаметдинов**, научный сотрудник отделения обеспечения научного сотрудничества отдела выявления, применения и распространения положительного опыта в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; **С. Г. Злобин**, заместитель начальника отдела выявления, применения и распространения положительного опыта в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел – начальник отделения обеспечения научного сотрудничества управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

П68 **Правопорядок в России: проблемы совершенствования** : Всероссийская научно-практическая конференция (16–20 марта 2026 г.) : сборник научных трудов / [сост. Р. А. Низаметдинов, С. Г. Злобин]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026. – 561 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1739-7

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Правопорядок в России: проблемы совершенствования», проведенной с 16 по 20 марта 2026 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Адресован преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также практическим сотрудникам правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2026

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Фомин И. Е.*

Подписано к изданию 16.06.2026
Объем издания: 6,21 Мб
Тираж: 10 электронных оптических дисков (CD-R)

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

Нарваткина Е. А.
Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: коллизия между посмертной тайной коммуникации и наследственными правами 15

Егорова В. С.
Аспекты внедрения цифровых поправок в действующее законодательство: условия необходимости и коллизия норм 20

Орлов И. С.
Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием тонких клиентов 23

Раздел II. Противодействие преступлениям в сфере экономики, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Крюченкова А. А.
Использование deepfake-технологий в качестве квалифицирующего признака мошенничества 26

Зуйкова Д. С.
Инсайдерская торговля на основе утечек данных: использование закрытой информации о клиентах на финансовых рынках 31

Ратнер Е. М.
Направления совершенствования системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют 36

Раздел III. Право и государство: теория и практика

Горбачев А. Р.
Антидемократические политические режимы: история, современность, классификация 41

Краснов И. А.
Идеологические основания правопорядка современного государства 48

Фурсова С. Р.
Историческая разобщенность как фактор дестабилизации правовой системы 53

Раздел IV. Актуальные зарубежные концепции философии права

Маштыкова Г. А.
Обеспечение правопорядка в контексте легализованной эвтаназии: опыт России и зарубежных стран 58

Бузулукская С. Н.
Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов: теоретико-правовые аспекты и зарубежная практика 61

Даутов М. М.
Регулируя вопросы искусственного интеллекта, страны – члены АСЕАН должны сохранять приверженность ответственному поведению 67

Раздел V. Речевая коммуникация в правовом пространстве: теория, практика, перспективы развития

Тарасова А. А.
Криминальный жаргон в речи участников судебного процесса 71

Телелейко А. Д.
Речевая культура в профессиональной деятельности будущих сотрудников органов внутренних дел 77

Кайруллина А. А.
Функционирование русского языка в нормативно-правовой базе: вызовы современности и перспективы регулирования 80

Раздел VI. Возможности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел

Ивлева Е. А.
Влияние лексической стилистики запроса на точность ответов нейросети 84

Бурова М. М.
Возможности и сложности использования искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности 90

Кутергина Е. М.
Перспективы применения беспилотных воздушных судов в экспертно-криминалистической деятельности 95

Раздел VII. Киберпространство и закон

Мишенкова У. С.
Цифровое бессмертие: спасение памяти или угроза душе 99

Соломина А. А.
Сервис MAX: будущее или угроза цифровой безопасности личности 102

Калиниченко И. А.
Криптографические методы защиты данных в облачных хранилищах 105

Раздел VIII. Совершенствование навыков огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел в современных условиях

Ваничкина С. М.
Использование искусственного интеллекта для анализа и улучшения результатов стрельбы 109

Чепкова А. А.
К вопросу о поражении цели на сверхдальних дистанциях. Новые технологии наблюдения и коррекция огня 115

Раздел IX. Проблемы теории и практики специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов

Искандерова А. Б.
Психологические основы формирования навыка тактического диалога как фактора личной безопасности сотрудников органов внутренних дел 119

Байненков С. С.
Современные российские баллистические шлемы 121

Алешина А. И.
Человеческий фактор в экстремальных ситуациях: психолого-педагогические аспекты специальной подготовки и личная безопасность сотрудников органов внутренних дел 123

Раздел X. Актуальные вопросы организации физической подготовки в современных условиях

Попова В. В.
Влияние социальных сетей на отношение молодежи к физической культуре 126

Казымов Х. И.
Стратегия поведения в рукопашном бою при столкновении с разными типами соперников 129

Юдин Н. А.
Самостоятельная подготовка сотрудников МВД России как способ повышения физического развития 132

Раздел XI. Вопросы применения беспилотных воздушных судов в современных условиях

Саржан В. И.
Тороидальные пропеллеры как фактор акустической скрытности беспилотных комплексов МВД России в условиях плотной городской застройки 137

Лукашенко П. П.
Особенности использования беспилотных воздушных судов в ходе раскрытия и расследования преступлений 143

Игнатенкова А. Ю.
Актуальные вопросы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел для управления беспилотными воздушными судами в оперативно-служебной деятельности 147

Раздел XII. Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки в современных условиях

Матвеев А. К.
Прогнозная аналитика и искусственный интеллект при оценке оперативной обстановки и планировании спецмероприятий 152

Павлов Н. Ю.
Исследование проблем подразделений правоохранительных органов при пресечении массовых беспорядков в условиях мегаполиса 156

Труфанова Е. Н.
Деятельность полиции по предупреждению экстремизма в молодежной среде 163

Раздел XIII. Расследование преступлений в условиях современных реалий и вызовов

Ивлев К. А.
Актуальные проблемы применения современных технологий в ходе проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий 168

Данг Т. К. Т.
Механизм образования цифровых следов при совершении преступлений с использованием искусственного интеллекта: сравнительный анализ криминалистических теорий России и Китая.....173

Раздел XIV. Проблемы совершенствования деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции

Казачкина В. С.
Стратегическое управление налоговой безопасностью регионов: развитие специальных режимов как инструмент противодействия теневой экономике и деятельности фирм-однодневок 179

Михалов В. Р.
Возможные направления применения технологии искусственного интеллекта в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции 185

Добродомова Д. А.
Искусственный интеллект в выявлении коррупционных рисков: перспективы внедрения в деятельность подразделений экономической безопасности 190

Раздел XV. Новые подходы к решению отдельных вопросов в области криминалистического документоведения

Балдина Е. В.
Современные возможности реализации метода влажного копирования в технико-криминалистическом исследовании документов.....197

Иванова У. А.
Отдельные вопросы криминалистического исследования подписей, выполненных с использованием технических устройств 201

Любаева Д. С.
Возможности идентификации удостоверительных печатных форм, изготовленных на 3D-принтере Elegoo.....205

Раздел XVI. Проблемы судебной портретной экспертизы на современном этапе

Чеботарева О. А.
Динамические функциональные признаки внешности в диагностике синтетического видео: криминалистическая модель межуровневой согласованности и доказательственное значение экспертных выводов.....209

Мазкова Д. И.
Возможности габитоскопической диагностики современных татуировок в целях установления психологических характеристик личности.....215

Когай М. И.
К вопросу применения «алгоритма компьютерного зрения» при производстве портретной экспертизы 220

Раздел XVII. Проблемные вопросы судебно-почерковедческой экспертизы

Ишмуратова А. Р.
Вопросы теории и практики отображения информативных признаков почерка в рукописях, выполненных на экранах мобильных устройств.....224

Осколков И. П.
Иероглифическое письмо: проблемы и перспективы 228

Раздел XVIII. Современное состояние, перспективы развития дактилоскопических, трасологических и баллистических экспертиз

Карпов А. Р.
Криминалистические аспекты баллистического визирования при производстве предварительного исследования огнестрельных повреждений, образованных при стрельбе полиснарядами 232

Стулова В. Д.
Возможности проведения диагностического исследования по следам ушных раковин 237

Кузнецова М. В.
Особенности проведения экспертного эксперимента в ходе исследований повреждений, образованных холодным и метательным оружием.....240

Раздел XIX. Технико-криминалистическое обеспечение экспертных исследований

Атаманова П. И.
Применение технологии фокус-стекинга в макросъемке для повышения информативности трасологических исследований макрообъектов.....246

Исхакова Л. Р.
Применение тест-полосок для обнаружения следов «старой» крови.....251

Раздел XX. Информационная безопасность

Штапурина М. В.
Антифрод и причины успешного обхода многофакторной аутентификации 255

Раздел XXI. Специальные информационные технологии

Зимина Е. И.
Информационные технологии как инструмент противодействия экстремизму 263

Посашков А. С.
Отдельные аспекты противодействия IT-преступлениям в условиях цифровой трансформации.....268

Славко В. А.
Технологии искусственного интеллекта как инструмент укрепления информационного суверенитета в контексте обеспечения правопорядка (на примере миграционной сферы) 272

Раздел XXII. Историческое и историко-правовое осмысление проблем возникновения и развития права и государства

Сорокин К. А.
Социалистическое право: историческая практика и теоретическое осмысление его существования 277

Ушаков К. С.
Проблема преступности среди военнослужащих и сотрудников структур НКВД СССР в период блокады Ленинграда 282

Карнаухова А. И., Репина Е. Н.
Эволюция российского парламентаризма: от Государственной Думы I созыва к Государственной Думе IX созыва 286

Раздел XXIII. Актуальные проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

Максименко Е. С.
Актуальные проблемы института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон 292

Головинова А. В., Крючкова В. В.
Особенности полномочий присяжных заседателей в уголовном процессе России 298

Раздел XXIV. Информационные технологии в уголовном процессе России: современное состояние и перспективы развития

Чайникова А. О.
«Цифровой разрыв» в уголовном процессе: какой опыт Россия может перенять у Казахстана и Китая? 303

Грицкевич С. С.
К вопросу о соотношении уголовно-процессуальных норм российского и белорусского законодательства, регламентирующих порядок судопроизводства в случае смерти обвиняемого 308

Кеслер П. В.
Обеспечение следователем участия защитника в доказывании 313

Раздел XXV. Цифровое администрирование в деятельности органов внутренних дел

Ногойбаев А. Б.
Системы видеонаблюдения («Безопасный город») в профилактике правонарушений. Опыт Кыргызстана и России 318

Меркулов Д. М.
Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности дежурных частей МВД России: перспективы цифровой трансформации административных процессов 324

Куцебо Д. А.
Цифровой профиль гражданина как инструмент административной деятельности полиции: риски правоприменения и защита приватности.....330

Раздел XXVI. Актуальные вопросы деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних

Ярцева А. И.
Выявление органами внутренних дел деструктивных сообществ несовершеннолетних и совершенствование административно-правовых механизмов противодействия 337

Акимова Н. П.
Инновационные технологии как инструмент повышения эффективности профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних.....343

Кучерова Е. Е.
Обеспечение прав граждан при проведении административных процедур сотрудниками полиции 348

Раздел XXVII. Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел

Головкина А. И.
Совершенствование деятельности полиции по обеспечению безопасности дорожного движения с помощью беспилотных воздушных судов.....352

Нестерова А. Н.
Основные проблемы и ограничения в деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в семейно-бытовой сфере 356

Раздел XXVIII. Противодействие незаконному обороту наркотиков в свете новых вызовов и угроз

Ананьев А. А.
Совершенствование мер противодействия незаконному обороту наркотиков в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.....360

Огурцов М. А.
Система функционирования маркетплейсов, незаконно реализующих наркотические, психотропные, сильнодействующие вещества, и некоторые аспекты противодействия им.....364

Раздел XXIX. Проблемы совершенствования деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции

Чмыхало А. В.
Роль анализа отложенных налоговых обязательств в системе внутреннего контроля и противодействия экономическим преступлениям на предприятии.....370

Боева Е. П.
Метаданные бухгалтерских документов как инструмент расследования финансовых нарушений.....376

Симонова В. Д.
Мошенничество в сфере образовательных услуг: недобросовестный инфобизнес как современный вызов экономической безопасности 380

Раздел XXX. Проблемы теории и практики предварительного расследования преступлений: современное состояние и перспективы развития

Виноградова А. М.
Может ли искусственный интеллект стать помощником следователя?.....383

Огурцова К. А.
Расследование преступлений сквозь призму цифровых профилей мигрантов 390

Гальцова С. А.
Особенности расследования преступлений, связанных с созданием и применением вредоносных программ.....396

Раздел XXXI. Проблемы административно-правового регулирования

Егоров Н. Д.
О вопросах определения момента возникновения обязанности по подаче заявления о банкротстве при привлечении физических лиц к административной ответственности 399

Костина Е. А.
Невменяемость в административно-деликтном праве России и стран СНГ.....405

Галактионова К. Д.
Административно-правовые механизмы формирования и реализации миграционной политики Российской Федерации в современных условиях.....410

Раздел XXXII. Трансформация современной цивилизации: ценностные, правовые и технологические аспекты

Цхай А. А.
Философско-правовые основания деятельности Миграционной службы МВД России.....414

Хомич Г. М.
Сохранение традиционных ценностей в условиях трансформации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел 419

Бочкарева А. Е.
Цифровое преображение полиции: как технологии меняют отношения с гражданами.....422

Раздел XXXIII. Теория и практика уголовного права: история, современность и перспективы

Кисткин М. Н.
Особенности квалификации реабилитации нацизма и критерии по разграничению со смежными деяниями 427

Еремина А. А.
Особенности квалификации преступлений, связанных
с незаконной миграцией, совершенных с помощью
информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» 432

Субботина З. С.
Соотношение понятий «преступное сообщество» и «преступная организация» 436

Раздел XXXIV. Международное право в эпоху глобальных трансформаций: цифровизация и защита прав человека

Герасимова В. С.
Особенности практики межгосударственных органов по правам человека
в отношении защиты права на уважение и неприкосновенность
частной и семейной жизни в цифровую эпоху.....440

Седов В. Д.
Технологический суверенитет нейросетей в Российской Федерации:
правовые основы и вызовы обеспечения независимости 446

Митрохин С. Н.
Глобальный цифровой договор ООН: утопия
или дорожная карта для регулирования искусственного интеллекта?.....451

Раздел XXXV. Технологии в деятельности психологов силовых структур

Чайникова Р. В.
Логико-математическая модель взаимосвязи моделей для подражания
и эмоционального интеллекта курсантов образовательной организации
МВД России с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта 456

Царева А. Н.
Психологическая грамотность как фактор повышения
эффективности профессиональной деятельности сотрудников
оперативных подразделений МВД России 462

Чан Х. К.
Развитие мотивации достижения цели у курсантов и слушателей
образовательных организаций Министерства общественной безопасности
Социалистической Республики Вьетнам 465

Раздел XXXVI. Социально-педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних

Саенко Е. А.
Поколение Z: формула эффективного воспитания.....469

Серова Е. А.
Влияние военно-патриотических объединений и организаций
на социализацию детей и подростков 475

Меньшакова С. А.
Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста
как основа для организации профилактической работы
инспектора по делам несовершеннолетних.....479

Раздел XXXVII. Психологическое сопровождение служебной деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы развития

Табакова С. Е.
Факторы выбора: анализ побудительных причин участия сотрудников правоохранительных органов в специальной военной операции.....485

Кистин Е. О.
Влияние стиля руководства на межличностные конфликты сотрудников полиции.....489

Сукрут К. А., Яковлева Е. Г.
Сетевая активность студентов как фактор прокрастинации и переживания одиночества.....493

Раздел XXXVIII. Актуальные вопросы служебной деятельности органов внутренних дел: психологический аспект

Калабина П. Е.
Ценностные ориентации как основа формирования профессиональной мотивации у курсантов образовательной организации системы МВД России.....496

Колесникова Е. А.
Влияние когнитивных искажений на оценку доказательств следователя.....503

Артемова К. М.
Взаимосвязь профессионального выгорания и эмоционального интеллекта следователей.....507

Раздел XXXIX. Актуальные проблемы развития гражданского законодательства

Понтелеева М. А.
«Темные паттерны» как гражданско-правовая категория: проблема соотношения волеизъявления и манипулятивного воздействия.....511

Калугина А. Е.
Злоупотребление правами потребителя: особенности доказывания.....516

Казекина Е. Е.
Правовая природа внутриигрового имущества как нового объекта гражданских правоотношений.....523

Раздел XL. Актуальные проблемы предупреждения преступности в современной России

Алексеева Г. П.
Корыстная мотивация совершения насильственных преступлений.....528

Кубанкин Ю. Ю.
Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности.....535

Раздел XLI. Государственное строительство, конституционное законодательство и государственно-правовые основы миграции

Корнилова Е. С.
Сравнительный анализ механизмов обеспечения правил въезда и пребывания в России и зарубежных государствах (опыт «электронных» систем контроля и учета) 540

Казаков Р. А.
Публично-правовое обеспечение защиты прав граждан в условиях киберрисков систем «Умный дом» 545

Писаренко С. В.
Контроль и надзор полиции за соблюдением иностранными гражданами или лицами без гражданства режима пребывания на территории Российской Федерации 548

Раздел XLII. Применение естественнонаучных знаний в правоохранительной сфере

Биктимеров Б. Р.
Идентификация по походке.....552

Черноглазов И. А.
Создание нейросети для вычисления функции нескольких переменных 557

РАЗДЕЛ I. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нарваткина Е. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Константинов А. В.,
заместитель начальника кафедры
противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ: КОЛЛИЗИЯ МЕЖДУ ПОСМЕРТНОЙ ТАЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ И НАСЛЕДСТВЕННЫМИ ПРАВАМИ

Стремительная цифровизация общественных отношений привела к формированию принципиально нового пласта правовых связей, опосредующих виртуальное взаимодействие индивидов. Социальные сети, мессенджеры, облачные хранилища и иные цифровые платформы стали не просто средствами коммуникации, но и пространством для реализации экономической деятельности, творческого самовыражения и хранения значимых для личности данных. Как справедливо отмечается в современной доктрине, «современное общество относится к интернет-аккаунтам как к экономическому и социальному благу, которое стало одним из обязательных условий интеграции человека в общественную среду и его участия в гражданском обороте».

[1] © Нарваткина Е. А., 2026.

Однако развитие технологий существенно опережает эволюцию правового регулирования. Одним из наиболее сложных вопросов, порожденных цифровой эпохой, является определение юридической судьбы интернет-аккаунтов и размещенной в них информации после смерти пользователя. С одной стороны, цифровые следы умершего могут представлять значительную имущественную ценность для наследников (монетизированные блоги, криптовалютные кошельки, аккаунты в маркетплейсах) и не меньшую нематериальную ценность (фотографии, переписка с близкими). С другой стороны, доступ к коммуникациям умершего вторгается в сферу тайны частной жизни и переписки, гарантированной ст. 23 Конституции Российской Федерации, причем гарантии эти не прекращаются автоматически с наступлением смерти субъекта. По мнению И. С. Алихаджиевой, «критерием отграничения персональных данных от сведений, составляющих личную тайну умершего, выступает не столько содержание информации, сколько цель ее последующего использования запрашивающим субъектом. Если целью является реализация наследственных прав – приоритет имеет имущественный компонент, если же защита нематериальных благ – должен действовать запрет на разглашение» [2, с. 98].

Настоящее исследование ставит целью комплексный анализ правовых механизмов доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти, выявление коллизий между охраной частной жизни и наследственными правами, а также формулирование предложений по совершенствованию российского законодательства с учетом позитивного зарубежного опыта.

Прежде чем рассматривать механизмы доступа к цифровой информации умершего, необходимо определить правовую природу интернет-аккаунта. Анализ доктринальных источников позволяет выделить два основных подхода к квалификации данного феномена.

Сторонники первого подхода рассматривают аккаунт как имущественный актив, способный участвовать в гражданском обороте. Действительно, аккаунты с большим количеством подписчиков могут выступать самостоятельным объектом купли-продажи, служить средством извлечения прибыли через рекламные интеграции или презентацию товаров и услуг. В этом качестве интернет-аккаунт обнаруживает признаки объекта интеллектуальных прав (в части создаваемого контента) и одновременно средства индивидуализации (в части узнаваемого имени профиля).

Второй подход акцентирует внимание на личностном характере аккаунта, его неразрывной связи с личностью владельца. Аккаунт выступает цифровой проекцией индивида, средством его самопрезентации и коммуникации. В этом качестве он тесно соприкасается с институтом тайны частной жизни и личной информации. Как указывается в литературе, «правила использования социальных сетей исходят из лицензионной модели правоотношений, применяемой для обоснования ограничения прав пользователей, включая невозможность определения юридической судьбы учетной записи на случай смерти».

Представляется, что дуалистическая природа интернет-аккаунта – сочетание имущественных и личных неимущественных элементов – и порождает основные коллизии при решении вопроса о посмертном доступе. Усложняет ситуацию

и тот факт, что отношения между пользователем и платформой (провайдером) регулируются пользовательским соглашением, которое, как правило, содержит положения о запрете передачи учетных данных третьим лицам и не предусматривает перехода прав на аккаунт в порядке наследственного правопреемства. Как подчеркивает исследователь Н. В. Варламова, «цифровые права, будучи синтетической правовой конструкцией, размывают бинарную оппозицию „имущественное – неимущественное“, что особенно остро проявляется в ситуациях, требующих определения правопреемства в отношении информации, генерируемой и хранимой в сети Интернет» [3, с. 158].

Центральная проблема исследуемой сферы – неизбежный конфликт между конституционно гарантированным правом на тайну переписки (и связанным с ним правом на неприкосновенность частной жизни) и конституционными гарантиями права наследования (ст. 35 Конституции Российской Федерации). Тайна переписки относится к числу абсолютных прав, ограничение которых допускается только на основании судебного решения. Применительно к посмертной ситуации возникает ряд неразрешенных вопросов: прекращается ли действие права на тайну переписки со смертью его носителя? Если нет, то кто становится управомоченным лицом – наследники или государство в лице уполномоченных органов? Должен ли суд санкционировать доступ к переписке умершего, и если да, то по каким критериям оценивать необходимость такого доступа?

В зарубежной практике эти вопросы получили определенное разрешение. Прецедентным стало дело In re Estate of Serrano (Нью-Йорк, 2017), в котором суд разрешил доступ к каталогу электронных сообщений умершего (информация об отправителях, получателях, времени отправки), но отказал в доступе к содержанию коммуникаций, признав, что последнее чрезмерно вторгается в частную жизнь, которую умерший мог намереваться сохранить конфиденциальной даже после смерти. Суд исходил из дифференцированного подхода: содержание сообщений защищается сильнее, чем метаданные коммуникации.

Европейский подход, сформированный под влиянием Регламента ЕС 2016/679 (GDPR) и практики Суда ЕС, также признает, что защита персональных данных не прекращается со смертью субъекта, однако оставляет государствам-членам право самостоятельно определять режим посмертного доступа. Во Франции и Германии законодательно закреплена возможность лица при жизни определить судьбу своих цифровых данных после смерти, включая назначение «цифрового распорядителя».

Наиболее системный подход к регулированию доступа к цифровым активам умерших сложился в США, где Единообразной комиссией по унификации законодательства штатов был разработан и принят Единообразный закон о доверительном доступе к цифровым активам (Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act – RUFADAA). В настоящее время данный акт в той или иной форме имплементирован в законодательство 48 штатов.

В Европейском союзе единообразное регулирование отсутствует, однако на уровне Содружества Независимых Государств предпринимаются попытки гармонизации подходов к наследованию цифровых объектов. Как отмечается

в сравнительно-правовых исследованиях, «принцип национального режима, закрепленный в национальных законах и международных актах, формирует основу унификации норм, регламентирующих наследственные отношения применительно к цифровым объектам и цифровым активам».

В Российской Федерации специальное законодательство о наследовании цифровых активов отсутствует. Статья 1112 ГК РФ относит к наследству принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи и иное имущество, включая имущественные права и обязанности. Однако применимость данной нормы к интернет-аккаунтам остается дискуссионной. А. В. Кучеренко резюмирует, что «обработка персональных данных умершего лица возможна лишь в целях, строго определенных законом (обеспечение наследственных прав, защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей, супруга, родителей), и не может быть произведена на основании простого волеизъявления наследников, если иное не было оговорено пользователем при жизни» [4, с. 21].

Основные сложности обусловлены следующими факторами. Во-первых, аккаунт не является объектом права собственности в традиционном смысле – доступ к нему предоставляется на условиях лицензионного договора, который, как правило, прекращается смертью лицензиата. Во-вторых, передача учетных данных третьим лицам (в том числе наследникам) прямо запрещена пользовательскими соглашениями большинства платформ. В-третьих, доступ к содержанию переписки умершего может быть квалифицирован как нарушение тайны коммуникации третьих лиц – корреспондентов умершего, которые не давали согласия на раскрытие их сообщений наследникам.

В августе 2025 г. группа депутатов Государственной Думы выступила с законодательной инициативой, предлагающей ввести в правовое поле понятие «цифровое наследство» и закрепить право граждан завещать доступ к своим аккаунтам назначенному лицу. Авторы инициативы справедливо указывают, что в настоящее время судьба цифровых активов определяется внутренними политиками платформ, которые преимущественно либо мемориализуют аккаунт, либо удаляют его, не передавая доступ наследникам.

Таким образом, правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти представляет собой сложную межотраслевую проблему, находящуюся на пересечении наследственного, информационного и конституционного права. Основная коллизия – между охраной тайны частной жизни и реализацией наследственных прав – требует законодательного разрешения, основанного на тщательном балансировании конкурирующих ценностей.

Анализ зарубежного опыта, прежде всего американского RUFADAA и практики Суда ЕС, демонстрирует возможность построения эффективного правового механизма, основанного на приоритете волеизъявления пользователя, дифференциации режимов доступа к различным категориям цифровых данных и судебном контроле за доступом к содержанию коммуникаций в отсутствие явно выраженного согласия.

Российское законодательство находится в начальной стадии осмысления данной проблемы. Инициатива о введении понятия «цифровое наследство» заслуживает поддержки, однако требует тщательной доктринальной проработки.

Представляется необходимым закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации и специальном законодательстве об информации механизм, позволяющий гражданам определять судьбу своих цифровых активов после смерти, а нотариусам и судам – эффективно реализовывать посмертную волю наследодателя при безусловном соблюдении конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни.

Список литературы

1. Шипикова А. Г. Право собственности и право на уважение частной жизни при наследовании цифровых объектов в праве Европейского союза и на уровне Содружества Независимых Государств // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 2. С. 35–46.

2. Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106.

3. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 5. С. 141–167.

4. Кучеренко А. В. Особенности обработки персональных данных лица в случае его смерти // Информационное право. 2011. № 2. С. 20–22.

5. Мирзоев Э. В. Правовая судьба интернет-аккаунтов при их наследовании // Наследственное право. 2025. № 2. С. 29–32.

6. Matero D. Administering the Modern Estate: A Guide for Obtaining a Decedent‘s Digital Assets // New York State Bar Association. URL: https://nysba.org/administering-the-modern-estate-a-guide-for-obtaining-a-decedents-digital-assets.

7. Панин В. О. Конституционные основы правового статуса пользователей в информационно-коммуникационной среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 11. С. 14–25.

8. Technology–Probate: The Digital Executor: Managing Online Assets in Modern Estate Planning // American Bar Association. URL: https://www.americanbar.org/groups/real_property_trust_estate/resources/probate-property/2026-january-february/digital-executor-managing-online-assets-modern-estate-planning/.

9. Iowa Code Chapter 638 – Fiduciary Access to Digital Assets (2025) // Iowa Legislature. URL: https://www.legis.iowa.gov/docs/code//638.pdf.

Егорова В. С.[1],
слушатель Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пушкарев В. В.,
начальник кафедры
противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПОПРАВОК В ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: УСЛОВИЯ НЕОБХОДИМОСТИ И КОЛЛИЗИЯ НОРМ

С момента начала внедрения цифровизации в общественную жизнь и по сегодняшний день происходит множество коллизий и вопросов законодательного регулирования тех или иных компонентов информационных инфраструктур. В связи с этим, правоприменители и ученые стараются урегулировать и нормативно закрепить возникающие на практике вопросы, однако, несмотря на большое количество попыток в виде проектов новых законов и поправок в действующие нормативно-правовые акты, большинство вопросов все еще остается нерешенными. Например, несмотря на достаточно неновый вид инструмента под названием «искусственный интеллект», которым многие из нас с вами пользовались, в действующем законодательстве Российской Федерации до сих пор не определено его точное доктринальное понятие и границы ответственности пользователя, разработчика и самого интеллекта.

В настоящее время определение искусственного интеллекта можно увидеть лишь в достаточно интересном экспериментальном нормативном документе, а именно Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст.ст. 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“», который в ст. 2 дает нам следующее понятие:

искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении кон-

[1] © Егорова В. С., 2026.

кретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1].

Существует множество примеров похожих ситуаций в области аспектов внедрения так называемых информационных или цифровых статей. К примеру, несмотря на активное развитие треш-стриминга с 2021 г., когда произошел резонансный случай с участием Андрея Александровича Бурима, известного под ником Mellstroy. Он неоднократно привлекался к ответственности за различные действия антисоциального характера, в том числе рекламу онлайн-казино (что запрещено законом в соответствии с п. 6 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации») и денежное финансирование различных антиобщественных заданий. В июле 2021 г. Бурим был приговорен к шести месяцам исправительных работ за избиение А. Ефремовой, которую он, во время проведения онлайн-трансляции, схватил за шею и несколько раз ударил лицом об стол. Вследствие чего, у девушки диагностировали закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение мозга, ушибы мягких тканей скуловой области, шейного и грудного отделов позвоночника. Помимо исправительных работ со стримера взыскали 22 444 руб. за оказание медицинской помощи потерпевшей и 50 тыс. руб. компенсации морального ущерба [2]. А. Бурим, будучи одним из самых известных треш-стримеров, стал одним из первых, кто заставил государственные органы задуматься о регулировании онлайн-трансляций, наносящих вред обществу. Но лишь в августе 2024 г. ответственность за проведение треш-стримов наконец появилась в действующем законодательстве, установив административную ответственность за распространение в интернете из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений информации, которая: оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность; выражает явное неуважение к обществу или содержит изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных; а также уголовную ответственность в части внедрения отягчающего обстоятельства по десяти статьям Уголовного кодекса, в частности, за убийство и причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязание, похищение человека, использование рабского труда во время ведения треш-стриминга.

В конце прошлого года законодатели решили удивить правоприменителей особыми поправками Уголовного кодекса и внести в ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» п. «ф», который звучит следующим образом:

ф) совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен [3].

Другими словами, статья была дополнена новым пунктом, который предполагает повышенную уголовную ответственность за использование сервисов VPN при совершении преступления. На данный момент сложно сказать что-либо о возможности применения такой новеллы на практике, сокрушаясь широтой возможности ее использования под понятием «программно-аппаратных средств», таким образом, в данной связи остается лишь ожидать первых приговоров.

Мы как правоприменители каждый день сталкиваемся с различными видами новейших информационных технологий, техническими прогрессами, развитием преступности в части использования информационно-телекоммуникационных технологий, но, к сожалению, не имеем возможности должным образом расследовать и квалифицировать данного рода деяния. Множество обсуждений и вопросов, касающихся данной темы, имеют различные выводы: предложения внедрения достаточно «плавающих» определений, создание отдельного «Цифрового кодекса» и многие другие. Однако, внедряя цифровые поправки в действующее законодательство или создавая новые способы регулирования, нужно учитывать факт необходимости внесения того или иного «новшества», то есть определять, возможно ли с этим работать в действительности, а также стараться исключить возможные коллизии столкновения правовых норм.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/.

2. Суд приговорил блогера Mellstroy к полугоду исправительных работ // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20210709/sud-1740616935.html.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Орлов И. С.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Поликарпова Е. В.,
старший преподаватель кафедры
противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТОНКИХ КЛИЕНТОВ

Современные системы достигли достаточно высоких производственных мощностей, что, однако, привело к увеличению стоимости отдельных машин. Для решения данной проблемы была создана клиент-серверная система коммуникации устройств, позволившая снизить затраты на организацию локальных сетей. Локальные машины в данной системе могут являться либо толстым клиентом, содержащим в себе процессор, достаточный для обработки большого количества операций, операционную систему, накопители, интернет-контроллер и периферию, что позволяет ему действовать автономно, обращаясь к другим устройствам только в случае необходимости обмена информацией; либо тонким клиентом, который на аппаратном уровне содержит в себе компоненты, необходимые лишь для запуска устройства и подключения к сети, а на программном уровне – операционную систему, которая обеспечит системные вызовы для запуска интернет-контроллера, получения IP-адреса из DHCP-пула и отправки запроса на сервер [1]. Если в первом случае система нам известна достаточно хорошо даже на бытовом уровне, то вторая конфигурация системы представляет особый интерес. Созданная для упрощения конфигурации системы технология нашла широкое применение в криминальном мире, позволив скрывать следы преступной деятельности.

Так, возникает проблема, выраженная в ситуации, при которой сотрудники правоохранительных органов проводят процессуальные действия, связанные с осмотром или изучением компьютеров, на которых, предположительно, содержится информация, имеющая значение для уголовного дела, не имея эту информацию извлечь в виду отсутствия материальных носителей информации устройства. Вся информация находится в данном случае на сервере, с которым исследуемое нами устройство коммуницирует, являясь, по сути своей, обыч-

[1] © Орлов И. С., 2026.

ным терминалом с графическим интерфейсом пользователя. Имея возможность запросить информацию с сервера на терминальный компьютер, достаточно логичным представляется подключить к терминальному компьютеру накопитель, представленный сотрудниками правоохранительных органов и сделать копию файлов, которые нам необходимы. Однако довольно часто системные администраторы сервера конфигурируют тонкие клиенты таким образом, что подключение внешних накопителей запрещено. Таким образом, перед нами стоит проблема того, что получить файлы при исследовании или осмотре устройства мы не можем. Следующим решением представляется изъятие информации с сервера. Для нахождения IP-адреса сервера и установления его дальнейшего местоположения используется команда ipconfig, доступная в оболочке практически всех операционных систем [2]. Однако в большинстве случаев сервер будет находиться в зарубежных странах, что не позволит правоохранительным органам запросить информацию, содержащуюся на нем.

Учитывая все сказанное, мы оказываемся в ситуации, при которой перед нами находится компьютер, на котором мы можем открыть файлы с содержимым, имеющим значение для уголовного дела, но извлечь эти данные мы не можем. Сориентироваться в данной ситуации на месте достаточно проблематично, что подтверждается опросом сотрудников, которые в данных ситуациях оказывались. Однако решение данной проблемы было нами найдено. Чтобы обойти ограничения, установленные системным администратором сервера, мы используем имеющиеся у нас возможности сети исследуемого устройства, так как в рассматриваемой ситуации доступ в интернет для нас не ограничен. Первым шагом будет являться создание новой электронной почты, не обязательно на данном устройстве, с протоколированием тех данных, которые были использованы для ее создания (сервис, логин и пароль – в базовой комплектации). Затем, для идентификации и сопоставления информации в дальнейшем, мы вычисляем хеш-сумму необходимых нам файлов с помощью одного из алгоритмов, доступным в системе (наиболее распространенные из них – SHA 256 и SHA 5) [3]. Хеш-сумму протоколируем. Для использования данных алгоритмов нам потребуется лишь терминал устройства, на котором данные файлы могут быть открыты. Далее мы отправляем указанные файлы на созданную нами электронную почту. Таким образом, мы будем иметь доступ к той информации, которая имеет значение для уголовного дела, а также возможность направить данную информацию на экспертизу. Именно для того, чтобы в дальнейшем мы могли говорить о том, что файлы, которые мы извлекли с электронной почты, идентичны тем, которые находились на сервере, нами была вычислена хеш-сумма. Принцип ее работы позволяет определить наличие или отсутствие внесенных в файлы изменений. В дальнейшем мы можем работать с указанными, извлеченными с физических съемных носителей информации.

Приведенная нами последовательность действий решает проблему, которая имеет повсеместное распространение и вызывает серьезные трудности с поиском решений. Указанный способ не ограничивается только указанным нами набором инструментов, однако его будет достаточно для получения большей части интересующей нас информации.

Польза проведенного исследования и разработанного порядка действий распространяется не только на сотрудников, являющихся экспертами в области информационных технологий и непосредственно выполняющих функции по исследованию компьютеров, но также и следователей, несущих ответственность за координацию участников следственных действий, а в ряде случаев – выступающих лицом, самостоятельно проводящие исследование данных устройств; и оперативных сотрудников, специализирующихся на раскрытии преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, позволяя им выстраивать проведение оперативно-розыскных мероприятий, имея четкое представление о той информации, которую им необходимо получить.

Список литературы

1. Тонкий клиент – что это и с чем его едят // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/76159/.
2. Ipconfig docs // Microsoft Learn. URL: https://learn.microsoft.com/ru-ru/windows-server/administration/windows-commands/ipconfig.
3. Проверка целостности исполняемых файлов // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/753338/.

РАЗДЕЛ II. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Крюченкова А. А.[1],
слушатель Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Поликарпова Е. В.,
старший преподаватель кафедры
противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИЙ В КАЧЕСТВЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА МОШЕННИЧЕСТВА

В современном обществе стремительная цифровизация всех областей общественной жизни, наряду с неоспоримыми преимуществами породила и новую киберпреступную среду. Так, по данным МВД России, в 2024 г. в России зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем в 2023 г. (*рис.*) [2].

Одной из наиболее опасных и социально значимых угроз является технология синтеза медиаконтента с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, или по-другому – дипфейк (от англ. Deepfake в переводе «глубокая подделка») [1]. Мир накрывает эпидемия высокотехнологического обмана, охватывающая различные государства, независимо от их исторического пути

[1] © Крюченкова А. А., 2026.

развития, социально-экономического уровня, политического устройства и прочих различий.

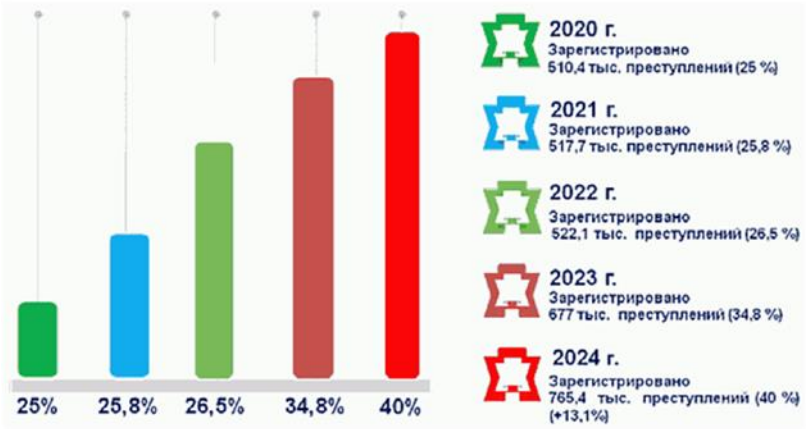

Рис. Статистические данные правоохранительных органов Российской Федерации о количестве преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, 2020–2024 гг.

Согласно отчету Центра разработки AI-продуктов MTS AI, технологии дипфейк продолжают стремительно совершенствоваться. И если в 2024–2025 гг. основным инструментом мошенников были фейковые видеокружки и голосовые сообщения в мессенджерах, то уже в 2026 г. злоумышленники освоили новый метод – они в режиме реального времени имитируют голоса и внешность родственников или знакомых жертвы во время прямого разговора. Стремительный прогресс в области создания и модификации видео, а также клонирования голосов привел к тому, что уже к концу текущего года с дипфейк-атаками может столкнуться каждый второй россиянин [1].

Проблема регулирования технологии дипфейк активно дискутируется в мировом научном и правовом сообществе, где звучат призывы к ее законодательному ограничению или полному запрету.

Примечательным примером служит американский Закон о разрешении на национальную оборону (NDAA) 2019 г., который обязал главу нацразведки докладывать об использовании дипфейков иностранными государствами для дестабилизации и их угрозе национальной безопасности. Альтернативный подход демонстрирует Китай, где действует жесткий запрет на создание подобного контента без согласия пользователей, что делает КНР единственной страной с прямым законодательным запретом на отдельные виды дипфейков.

В январе 2023 г. в КНР вступил в силу Закон о дипфейках, устанавливающий три ключевых требования. Во-первых, обязательным условием создания видеодипфейка является получение согласия лица на использование его изображения. Во-вторых, вводится запрет на применение дипфейк-технологий для фабрикации и распространения ложных новостей. В-третьих, не допускается генерация контента, противоречащего законодательству, подрывающего национальные интересы, безопасность или экономику страны. Дополнительно закон предписывает обязательную маркировку видеоматериалов, созданных с помощью дипфейк-технологий [8].

В современных геополитических условиях, характеризующихся ограничением международно-правового взаимодействия России, возникает объективная необходимость формирования национальных механизмов противодействия киберпреступности. Приоритетом становится разработка собственных подходов к расследованию и раскрытию цифровых преступлений в целях обеспечения защиты персональных данных, имущественных прав и личной безопасности граждан.

Несмотря на то, что в Российской Федерации данная дискуссия пока не приобрела широкого масштаба, прогрессирующая доступность, удешевление и повышение качества дипфейков объективно усиливают риски их криминального использования. В связи с этим вопрос об уголовно-правовой квалификации подобных действий приобретает особую актуальность и требует безотлагательного осмысления.

Особенно часто данные технологии внедряются преступниками при совершении ими преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ («Мошенничество»), что создает для уголовно-правовой практики сложнейшую задачу по правильной квалификации таких деяний.

Реальная следственно-судебная практика все чаще демонстрирует необходимость ужесточения уголовной ответственности за киберпреступления. Так, например, в сентябре 2024 г. в Барнауле было зафиксировано хищение средств с использованием искусственного интеллекта, а именно с применением технологий подделки голоса. Таким образом, были обмануты пять человек, а мошенникам было отправлено суммарно свыше 100 тысяч рублей. Хотя и следствие признало особую общественную опасность такого способа совершения преступления, отсутствие прямой нормы в законе не позволило квалифицировать действия иначе, чем по ч. 2 ст. 159 УК РФ [5].

Показательный случай мошенничества также зафиксирован в Нижнем Новгороде. Бухгалтер местной компании получила телефонный звонок от лица, представившегося ее руководительницей. Злоумышленники с помощью технологий имитации голоса и интонаций убедили сотрудницу в подлинности обращения. Под предлогом срочной необходимости женщина изъяла из сейфа 1 млн рублей и передала прибывшему курьеру. Лишь позже выяснилось, что голос был подделан, а денежные средства похищены [6].

В Уголовном кодексе Российской Федерации перечень отягчающих обстоятельств определен в ст. 63 и в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» является «исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит», в отличие от смягчающих обстоятельств [7]. Однако данные нормы полностью не отражают качество новой природы киберугроз в современном обществе.

Осенью 2024 г. законодательная власть инициировала важный шаг в борьбе с киберпреступностью: в Госдуму поступил законопроект № 718538-8, предлагающий закрепить использование дипфейков в качестве отдельного квалифицирующего признака состава мошенничества [2]. К тому же данная инициатива уже была поддержана Верховным Судом Российской Федерации, Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным и Премьер-

министром Российской Федерации М. В. Мишустиным. Председатель Правительств Российской Федерации заявил, что использование deepfake-технологий и искусственного интеллекта в мошеннических схемах должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство, передает ТАСС. Также он подчеркнул, что такие технологии позволяют мошенникам завоевывать доверие, что делает их действия более опасными и сложными для разоблачения [4]. Это все свидетельствует о единстве в оценке высокой общественной опасности подобных деяний.

В основе теории отягчающих обстоятельств в уголовном праве лежит принцип инкриминирования повышенной ответственности в тех случаях, когда общественная опасность деяния либо причиненный им вред существенно превосходят среднестатистический уровень для преступлений данного вида. Применение технологий искусственного интеллекта полностью отвечает данному принципу, поскольку оно не только детерминирует облегчение совершения противоправных действий, но и создает существенные препятствия для их раскрытия, одновременно повышая вероятность рецидива.

Сравнительный анализ с уже устоявшимися в уголовном праве квалифицирующими признаками, такими как использование оружия, позволяет обоснованно признать применение искусственного интеллекта обстоятельством, отягчающим ответственность. Повышенная общественная опасность, создаваемая оружием, обусловлена его свойством причинения необратимого вреда жизни и здоровью. Искусственный интеллект, в свою очередь, порождает сопоставимый уровень опасности за счет принципиально иных факторов: он автоматизирует противоправную деятельность, повышает эффективность средств дезориентации и позволяет масштабировать негативные последствия. В этом смысле «искусственный интеллект становится техническим эквивалентом традиционного оружия».

Считаем, что инкорпорация данного отягчающего обстоятельства в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации предоставит судебным органам легальные основания для справедливой оценки действительного уровня общественной опасности содеянного и последующей корректной индивидуализации меры ответственности. Ключевым условием при этом является избегание избыточно широких формулировок, способных привести к расширительному толкованию и правовой неопределенности.

Формулировка нового отягчающего обстоятельства может быть представлена в следующей редакции: «*совершение преступления с применением информационно-телекоммуникационных технологий, включая системы искусственного интеллекта, которые детерминируют существенное повышение общественной опасности деяния*». Подобная дефиниция, сочетая в себе гибкость для правоприменительной практики и необходимую степень конкретности и будет способствовать формированию единообразной судебной трактовки.

Представляется, что одного лишь включения использования технологий искусственного интеллекта в общий перечень отягчающих обстоятельств (ст. 63 УК РФ) недостаточно. Учитывая, что наиболее активно дипфейк-технологии внедряются именно в мошеннические схемы, трансформируя природу данного преступления, законодатель должен отреагировать более предметно – путем введения квалифицирующего признака непосредственно в статью 159 УК РФ.

Данный подход полностью коррелирует с внесенным в Государственную Думу законопроектом № 718538-8, который предлагает дополнить статьи 159, 159.3, 159.6 УК РФ указанием на совершение преступления «с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица»

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что применение дипфейк-технологий кардинально трансформирует классическое мошенничество, наделяя его свойствами, характерными для более тяжких преступлений: массовость, трудноустранимость последствий и высокую латентность.

Однако существующая редакция ст. 63 УК РФ не позволяет судам в полной мере учесть данную трансформацию, что вступает в противоречие с принципом справедливости. Внесение изменения в уголовное законодательство о признании использования технологий искусственного интеллекта отягчающим обстоятельством, а также закрепление дипфейка в качестве квалифицирующего признака состава мошенничества (ст. 159 УК РФ) является не просто желательной, а жизненно необходимой мерой, способной адекватно ответить на вызовы информационного общества.

Список литературы

1. Джуров А. А., Черкесова Л. В., Ревякина Е. А. Программное средство, определяющее фейковый видеоконтент с помощью технологии deepfake алгоритма Gan // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. 2023. Т. 15, № 4. С. 60–67.

2. Зубицкий П. Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-pri-sovershenii-prestupleniy/.

3. Крылова Е. Лживый вызов: каждый второй россиянин столкнется с дипфейк-атакой к концу года // Известия. URL: https://iz.ru/1879039/elizaveta-krylova/lzhivyj-vyzov-kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-stolknetsya-s-dipfejk-atakoj-k-koncu-goda.

4. Мишустин: мошенничество с дипфейками должно считаться отягчающим обстоятельством // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/23508755.

5. На Алтае зарегистрирован первый случай мошенничества с помощью искусственного интеллекта // Вести Алтай. URL: https://vestialtai.ru/news/na-altae-zaregistrirovan-pervyy-sluchay-moshennichestva-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta/.

6. Однажды из-за дипфейка инвестор потерял 35 млн долларов // Деловой квартал. URL: https://www.dk.ru/news/237198863.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2 (февраль).

8. Сухачев С. Глубокие заблуждения: в КНР начали законодательно бороться с дипфейками // Профиль. URL: https://profile.ru/scitech/glubokie-zabluzhdeniya-v-knr-nachali-zakonodatelno-borotsya-s-dipfejkami-1249493/.

Зуйкова Д. С.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Меняйло Л. Н.,
доцент кафедры
противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат политических наук

ИНСАЙДЕРСКАЯ ТОРГОВЛЯ НА ОСНОВЕ УТЕЧЕК ДАННЫХ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ О КЛИЕНТАХ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ

В течение последних лет использование утечек информации о клиентах для совершения операций на финансовых рынках перестало быть единичными случаями и сформировалось как устойчивое явление, которое требует реакции со стороны регулирующих органов и исследователей. Если в прошлом понятие инсайдера связывалось исключительно с теми, кто трудится внутри компании, выпустившей ценные бумаги, то сейчас, в эпоху цифровизации, перечень лиц, обладающих важными сведениями, стал значительно шире. Значительные объемы данных о потребителях накапливаются в банковской сфере, медучреждениях, у провайдеров связи. Персонал указанных организаций, хотя официально и не относится к инсайдерам эмитентов, имеет возможность ознакомиться со сведениями, которые еще не обнародованы, однако уже могут воздействовать на курс акций. Накопленная в Российской Федерации практика позволяет оценивать данную проблему как действительную опасность для стабильности финансовой системы [1, с. 15].

Одним из первых широко освещавшихся случаев стала история с работником кредитного отдела областного банка. Получив служебные сведения о планируемом досрочном возврате кредита нефтедобывающей организацией на сумму 1 млрд рублей, он понял, что это обстоятельство является положительным сигналом, способным вызвать повышение котировок. Через счет своего родственника данный служащий купил акции указанной компании и после обнародования позитивной бухгалтерской отчетности получил прибыль в размере нескольких миллионов рублей. Как верно указывает в своем труде А. А. Архипов, «главная трудность состояла в необходимости подтвердить, что операция была проведена

[1] © Зуйкова Д. С., 2026.

именно благодаря инсайду, а не итогом объективного изучения конъюнктуры» [2]. По итогам разбирательства деяние квалифицировали по ст. 183 УК РФ (незаконное разглашение банковской тайны). Применить же профильную ст. 185.6 УК РФ не удалось, поскольку банковский сотрудник не имел договорных связей с эмитентом и не мог считаться субъектом указанного правонарушения [3]. Данный инцидент наглядно показал несоответствие законодательных норм современной действительности.

Дальнейшее развитие событий обозначило дополнительные пробелы. В 2023 г. рассматривалось дело о сговоре между специалистом по комплаенсу брокерской конторы и банковским служащим, который вел счета этого брокера. Банкир, отслеживая существенные приходы денег от клиентов, информировал об этом подельника, и они приобретали максимально ликвидные активы, зарабатывая за счет опережения рынка. Суд квалифицировал эти действия как мошенничество и разглашение банковской тайны. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении № 53 разъясняет следующее: «сведения о перемещении денежных средств по счетам клиентов сами по себе не являются инсайдерскими, если они не касаются непосредственно деятельности эмитента и не раскрывают информацию о его финансовом положении» [4]. Это обстоятельство опять же воспрепятствовало применению ст. 185.6 УК РФ.

Наиболее сложным участком с точки зрения правоприменения стали утечки информационных баз. За период 2022–2024 гг. случилось несколько громких инцидентов, связанных с утечкой конфиденциальных сведений из банковских структур и маркетплейсов. Если прежде похищенную информацию задействовали преимущественно для рассылки спама и фишинга, то в последнее время наметилась тенденция ее эксплуатации для биржевой игры. Так, после утечки базы одного из крупных маркетплейсов в 2023 г. в даркнете обнародовались данные об оборотах продавцов. Трейдеры, покупавшие эти сведения за криптовалюту, анализировали их и открывали позиции задолго до публикации официальных отчетов компаний, получая сверхдоходы от последующих колебаний акций. Установить вину здесь практически невозможно: оплата анонимна, применяются подставные счета, а доказать прямую связь между утечкой и действиями трейдера, который всегда может сослаться на анализ рынка, чрезвычайно трудно. Как указано в докладе Центральный банк для общественных консультаций «Совершенствование подходов к защите прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровизации», «регулятор наблюдает аномальные скачки торговой активности, приуроченные к утечкам информации, но из-за объективных сложностей доказывания уголовные дела до суда пока не доходят, что формирует зону безнаказанности» [5, с. 42].

Пожалуй, наиболее примечательным случаем, иллюстрирующим сложную правовую коллизию, стало разбирательство в отношении доктора частной клиники. Располагая легальным доступом к базе пациентов, среди которых присутствовали высшие руководители публичных фирм, врач эмпирически выявил устойчивую связь: после помещения руководителя в стационар с серьезным диагнозом акции его компании спустя определенное время снижались. Осознав данную закономерность, медик стал играть на понижение, открывая короткие

сделки с привлечением заемных средств брокера. Когда махинация раскрылась, возникла уникальная правовая коллизия: врач не раскрывал коммерческую тайну в классическом смысле, а использовал врачебные данные, которые, однако, непосредственно воздействовали на курс акций. Дело переквалифицировали на статью о мошенничестве. Как подчеркивает в своем исследовании А. А. Ситник, «эта ситуация являет собой классический вариант инсайдерской торговли, однако существующее законодательство не предлагает механизмов привлечения к ответственности лиц, применяющих непубличную информацию, приобретенную не от эмитента, а из других источников, что говорит о неспособности права оперативно реагировать на изменяющиеся условия» [6, с. 55].

Чтобы понять глубинные причины, по которым перечисленные случаи не подпадают под ст. 185.6 УК РФ, необходимо детально рассмотреть конструкцию данного правонарушения. Главным препятствием здесь выступает специальный субъект: в соответствии со ст. 4 ФЗ № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком», к ответственности привлекаются лишь лица, официально включенные в ограниченный список инсайдеров (руководство эмитентов, профучастники рынка, брокеры). Работники банков, клиник и маркетплейсов в этот перечень не входят, если у них нет прямых договорных отношений с эмитентом [7]. Вторая проблема касается предмета: согласно ст. 2 того же закона, инсайдерская информация обязана быть точной, конкретной, не являться общедоступной и быть способной заметно влиять на цены финансовых инструментов. Данные о перемещении денег по счетам или об оборотах поставщиков маркетплейсов по общему правилу не содержатся в официальном перечне инсайдерской информации конкретного эмитента. Непременным условием для наступления уголовной ответственности выступает крупный размер ущерба или дохода, превышающий 3,75 млн рублей (примечания к ст. 185.6 УК РФ); при меньшей сумме наступает лишь административная ответственность по ст. 15.21 КоАП РФ [8]. Наконец, субъективная сторона предполагает необходимость подтверждения прямого умысла, то есть осознания лицом того обстоятельства, что оно эксплуатирует именно инсайдерскую информацию. Этот факт крайне непросто доказать, поскольку защита всегда вправе апеллировать к анализу рынка либо к инвестиционной стратегии.

Исходя из изложенного, малое количество обвинительных приговоров по рассматриваемой категории дел проистекает из совокупности следующих моментов: трудность установления причинно-следственной связи между наличием информации и совершенной сделкой; проблема субъекта, ориентированного исключительно на корпоративных инсайдеров; осложненное доказывание размера дохода в условиях использования подставных лиц и криптовалют. В текущих условиях видится целесообразным расширить дефиницию инсайдера, охватив ею лиц, которые в силу своей профессиональной деятельности имеют доступ к коммерчески значимым сведениям о клиентах (персонал банков, клиник, маркетплейсов), если такие сведения объективно могут воздействовать на стоимость финансовых инструментов. Как верно отмечается в письме Банка России от 15 мая 2023 г. № ИН-06-29/45, «применение сотрудником кредитной органи-

зации сведений о клиенте для совершения операций на финансовом рынке может расцениваться как нарушение антиинсайдерского законодательства даже при отсутствии данного сотрудника в списке инсайдеров» [9]. Однако пока данная позиция носит лишь рекомендательный характер и не обладает силой закона. Помимо этого, необходимо выстроить эффективное межведомственное взаимодействие между службами финансового мониторинга, Центробанком и правоохранительными органами.

В завершение нужно акцентировать, что российская практика борьбы с инсайдерской торговлей на почве утечек данных находится еще в стадии становления. Как указывается в юридической литературе, «при отсутствии своевременной адаптации законодательства к новым технологическим вызовам возникает опасность деградации рыночных механизмов, когда преимущество получат не те, кто способен качественно анализировать информацию, а те, кто располагает незаконным доступом к закрытым базам данных» [6, с. 62]. Детальное понимание квалифицирующих признаков состава преступления, закрепленного в ст. 185.6 УК РФ, представляет собой необходимую начальную ступень для формирования действенных механизмов доказывания и привлечения виновных к ответственности в эпоху цифровой экономики.

Список литературы

1. Обзор правоприменительной практики Банка России по вопросам противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком за 2022 год. М. : Центральный банк Российской Федерации, 2023.

2. Архипов А. А. Проблемы доказывания по уголовным делам об инсайдерской торговле // Российский следователь. 2022. № 4. С. 23–26.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 53 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о привлечении к ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

5. Совершенствование подходов к защите прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровизации : доклад Банка России для общественных консультаций. М. : Центральный банк Российской Федерации, 2024.

6. Ситник А. А. Инсайдерская информация как правовая категория: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 50–62.

7. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4193.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

9. Письмо Банка России от 15 мая 2023 г. № ИН-06-29/45 «Об усилении контроля за неправомерным использованием инсайдерской информации» // Вестник Банка России. 2023. № 32.

Ратнер Е. М.[1],
курсант Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Теткин Д. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

В условиях современного времени преступность, совершаемая в цифровой среде, занимает основополагающее значение в статистике общего числа преступлений. Согласно данным, предоставляемым МВД России, за 2021 г. было совершено 271,1 тыс. преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий [1], за 2022 г. – 522 тыс. преступлений [2], за 2023 г. – 677 тыс. преступлений [3], за 2024 г. – 765,4 тыс. преступлений [4], за 2025 г. – 675,4 тыс. преступлений [5]. Указанные показатели составляют динамику криминального роста в сфере информационно-коммуникационных технологий.

В рамках настоящей научной статьи интерес среди преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий, представляет именно криптовалютное мошенничество, статистика которого в настоящее время отдельно не ведется. Однако, исходя из сведений Банка России, установлено, что в 2024 г. Банк выявил 9 027 субъектов с признаками нелегальной деятельности [10]. Для сравнения, в 2023 г. было выявлено 5 737 случаев. Рост числа выявленных правонарушителей объясняется представителями Банка России именно за счет стремительной актуализации криптовалют. В связи с чем на рубеже XXI в. стремительно становится актуальным вопрос, который связан с юридической оценкой именно криптовалютных преступлений, поскольку считаются новым вектором в криминальной среде.

С точки зрения теоретического аспекта исследования понятие «криптовалюта» законодательством Российской Федерации не закреплено. Тем не менее на законодательном уровне Российской Федерации сравнительно не так давно появилось близкое по значению с понятием «криптовалюта» определение, получившее юридическое основание – «цифровой финансовый актив» (ЦФА). Так в рамках исследования Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений

[1] © Ратнер Е. М., 2026.

в отдельные законодательные акты Российской Федерации», под ЦФА следует понимать совокупность электронных данных в пределах определенной информационной сети, которые формируют некоторую платежное средство, в то же время не имеющее принадлежности к какому-либо государству, не расценивающееся в качестве инвестиции [1].

И хотя в настоящее время криптовалютную сферу стоит считать стремительно развивающейся и достаточно инновационной в современном мире, важно отметить, что уже сейчас представителями криминального мира активно реализуются различные криптовалютные махинации.

В связи с этим в настоящее время в целях пресечения динамики роста преступной активности в криптовалютной сфере, а также минимизации риска участия пользователей (держателям или потенциальным покупателям) в криптовалютных махинациях, необходимо рассмотреть основные проблемы, с которыми сталкивается институт противодействия преступности в сфере ИТТ, а также сформировать комплекс рекомендательных мер.

И прежде всего, важно обратить внимание на тот факт, что главная особенность криптобиржи заключается в *псевдонимности транзакций*. У пользователей не отображается их Ф. И. О., номера телефонов или иные данные. Виден лишь логин, который указываются ими при регистрации. Данная проблема обостряет весь последующий процесс установления злоумышленника, поскольку отсутствуют первоначальные сведения, которые могут охарактеризовать личность, его/ее аккаунт или компьютерную технику, использованную в процессе реализации преступного умысла.

Проблема обостряется в тех случаях, когда лицо взаимодействует с иностранными платформами криптокошельков. Злоумышленник посредством системы VPN получает доступ к сайтам, которые ввиду географических ограничений заблокированы на территории России. В таком случае VPN перенаправляет запросы и IP-адреса на другой регион, который становится исходящим. Более того, VPN шифрует все данные о всевозможных сделках, операциях, транзакциях пользователя на платформе: провайдеру будет виден лишь IP-адрес, заложенный VPN.

Несомненно, в первую очередь стоит отметить, что решение проблемы, связанной с установлением личности злоумышленника, который регистрируется на криптовалютной платформе псевдонимно, не может исходить из введения обязательности регистрации каждого пользователя под своими официальными данными, поскольку так будет нарушен принцип конфиденциальности организации работы на криптоплатформах. Следовательно, рекомендацией может выступать такая мера, как *организация тесного взаимодействия со специалистами (организаторами) криптобирж*, у которых могут храниться данные о конечных банковских счетах / криптокошельках пользователей, на которые идет перевод денежных средств, а также история входов/выходов и транзакций пользователя, сведения о связанных аккаунтах и IP-адреса. Помимо указанных сведений на централизованных площадках по криптообороту через взаимодействие с организаторами можно получить даже персональные данные лица, так как на таком типе площадок может применяться такая система, как KYC (know your client – «знай своего клиента»).

Сущность KYC состоит в обеспечении безопасности не столько пользователей, сколько специалистов криптобиржи. KYC позволяет связать транзакции в блокчейне с определенным лицом. Такая программа требует от пользователя при регистрации на платформе личные данные из паспорта, либо водительского удостоверения. В свою очередь механизм взаимодействия между органами предварительного расследования и представителями криптоплатформы/криптобиржи должен иметь законодательно-урегулированную форму, подобно связи между банковскими организациями и правоохранительными органами во время расследования преступлений по предоставлению сведений о банковских счетах [2].

В случаях, когда злоумышленник посредством системы VPN получает доступ к сайтам, которые ввиду географических ограничений заблокированы на территории России следует исходить из норм международного взаимодействия, поскольку в таком случае VPN перенаправляет запросы и IP-адреса на другой регион, который становится для злоумышленника исходящим. Более того, VPN шифрует все данные о всевозможных сделках, операциях, транзакциях пользователя на платформе: провайдеру будет виден лишь IP-адрес, заложенный VPN.

Исходя из этого, решение данной проблемы необходимо оценивать относительно настоящих основ уголовно-процессуального права, при которых международное взаимодействие по установлению данных о личности злоумышленника или данных о его криптокошельках может быть выражено в рамках исполнения международных поручений о правовой помощи по отношению к компетентным органам иностранного государства в целях обеспечения информацией о состоянии счетов криптокошельков, количестве криптовалюты злоумышленника и др. В случае, если иностранная платформа отказывается взаимодействовать с органами предварительного следствия Российской Федерации получить данный практически невозможно без задействования института правовой помощи от иностранного государства, поскольку принудительный перевод криптовалюты провайдером иностранного криптокошелька на другой подконтрольный кошелек реализовать нельзя.

Переходя непосредственно к анализу зарубежного опыта предупреждения и пресечения криптовалютных мошенничеств, стоит в первую очередь обратить внимание не только на основные нормативно-законодательные акты, которые регулируют криптовалюту и ее оборот, но и на отдельные юридические нормы, которые способствуют минимизации преступности непосредственно связанной с криптооборотом.

Так, в Республике Беларусь в настоящее время порядок заключения сделок, связанных с криптовалютой закрепляется Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» [3]. Данным нормативным актом установлена обязанность пользователей совершать транзакции исключительно относительно белорусских криптобирж, которые в свою очередь являются резидентами Парка высоких технологий. В государстве введен запрет на покупку/продажу криптовалюты на иностранных криптобиржах.

В рамках уголовного производства по расследованию преступлений, которые связаны с использованием криптовалюты, УПК Республики Беларусь дополня-

ется Указом Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» [4]. В Реестр вводятся адреса криптокошельков, которые использовались когда-либо в противоправных целях (в том числе при совершении преступлений) на основе сведений от правоохранительных органов. Более того, в соответствии с указанным нормативным актом ведется отдельный учет изъятой, арестованной в ходе уголовного производства криптовалюты.

Таким образом, при анализе правовой политики Республики Беларусь важно обратить внимание на положения, которые закрепляют правовой запрет о задействовании иностранных криптокошельков для перевода криптовалюты. Указанное решение позволяет избежать затруднений, связанных с задействованием дополнительных сил и средств в случае, когда злоумышленник воспользуется системой VPN при подключении иностранного криптокошелька для перевода похищенной криптовалюты.

Подводя итог, стоит отметить, что сфера регулирования криптовалютного оборота в России является относительно новой, и тем не менее одновременно с этим достаточно популярной среди многих граждан. Ввиду чего важно обратить внимание, что расширяется и криминальный сектор в виртуальном мире, который в рамках криптоплатформ выражается в росте преступности, совершаемой с использованием криптовалюты.

В рамках направлений совершенствования системы противодействия преступлениям данной сферы, во многом, стоит обратить внимание на зарубежный опыт дружественных стран, в политике которых относительного правовой сферы схожие проблемы были разрешены несколько раннее. В частности, внимание следует обратить на политику Республики Беларусь, где реализовываются основополагающие юридические нормы, которые обеспечивают правовое регулирование криптовалюты.

Не менее важно рассмотреть и возможность реализации тесного взаимодействия правоохранительных органов и представителей криптоплатформы в части предоставления личной информации о злоумышленниках, совершивших не только мошенничество, но и в целом иные преступления на криптоплатформе. Несомненно, подобное взаимодействие требует установление соответствующего государственного контроля и юридического закрепления между сторонами прав и обязанностей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753.

2. Законом установлена обязанность кредитных организаций предоставлять информацию по запросу следственных органов // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/77620.

3. Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» // Национальный правовой интернет-

портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32400367.

4. Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200048.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677.

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751.

8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328.

9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182.

10. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2024_2.

РАЗДЕЛ III. ПРАВО

И ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Горбачев А. Р.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Напольских И. М.,
старший преподаватель
кафедры теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Антидемократические политические режимы, существовавшие в государствах на всех континентах на протяжении веков вплоть до наших дней, оставили яркий след в мировой истории. В трудах многих историков, социологов и философов двадцатого века дается исчерпывающее объяснение, касающееся причин возникновения, развития и, так называемого, «заката» представленного типа государственного устройства. Однако, до сих пор существуют вопросы, на которые не получены четкие и однозначные ответы для понимания сущности представленного явления.

Для понимания сущности обозначенной проблематики следует рассмотреть различные подходы к определению понятия «Политический режим».

Жан Луи Кермонн определяет политический режим как сложную конструкцию, включающую в себя три ключевых элемента: идеологическое, институциональное и социологическое, которые в совокупности и формируют власть в конкретной стране на том или ином этапе ее развития. Это не просто набор правил, а условия, в которых рождается и действует власть. В рамках системного подхода, популярного в политической науке, границы между понятиями

[1] © Горбачев А. Р., 2026.

«режим» и «политическая система» часто стираются. К примеру, американский исследователь Э. Хейвуд рассматривает политическую систему как явление более широкое: это не только механизмы государственной власти, но и все возможные структуры и процессы, через которые государство выстраивает диалог с обществом. Если выражаться проще, в таком понимании режим – это и есть вся совокупность отношений между властью и гражданами, их повседневное взаимодействие.

Иное понятие выделял советский и российский правовед В. С. Нерсесянц. В рамках теории государства и права он акцентировал внимание на формально-юридической стороне, определяя политический режим как государственно-правовой, то есть как установленный правопорядок, регламентирующий функционирование государства через конкретные формы, процедуры и методы осуществления власти. По сути, для Нерсесянца это не столько «кто» правит, сколько строгое «как» – те самые прописанные приемы и способы, которыми государство пользуется в своей работе.

Когда же речь заходит о классификации недемократических моделей управления, в научной среде можно встретить самые разные, порой непохожие друг на друга подходы. Например, М. Н. Марченко представляет антидемократический строй преимущественно как авторитарный, главный признак которого – ликвидация или жесткое урезание прав и свобод человека. Крайней и наиболее опасной формой такого авторитаризма он считает фашизм. Схожей логики придерживается и О. О. Миронов, который также делит режимы на демократические и авторитарные. В его трактовке авторитаризм неизбежно связан с отстранением народа от управления страной и серьезными ограничениями свобод. Причем Миронов выделяет внутри него две разновидности: конституционно-авторитарный и тоталитарный. Если совсем упрощенно, то первый пытается прикрыться законами, а второй уже не видит никаких границ. [1].

Именно эту безграничность власти в свое время точно подметил русский философ И. А. Ильин. В своей работе «Наши задачи», вышедшей в 1956 г., он дал лаконичное, но очень емкое определение тоталитаризму. Для Ильина это не просто жесткий режим, а политический строй, который беспредельно расширил свое вмешательство в жизнь граждан. Иными словами, тоталитаризм – это ситуация, когда государство перестает знать меру, проникая буквально во все сферы человеческого существования.

Таким образом, «антидемократический политический режим» – это режим политического устройства государства, при котором в стране отсутствует гарантия политических свобод, принцип разделения властей на независимые ветви, верховенство права и непринятие демократических ценностей и плюрализма.

Существует высказывание, которое кратко и емко описывает ранее названные мной режимы – «Тоталитаризм требует от общества лояльности, а авторитаризм пассивности». Это раскрывается, как тоталитаристское требование от общества мобилизации ресурсов для реализации насаждаемой идеологии и напротив авторитаристское желание сохранения власти любой ценой, отказываясь от построения «нового человека» через идеологическую обработку.

Антидемократические режимы в традиционной классификации делятся на тоталитарный режим (тоталитаризм) и авторитарный режим (авторитаризм) [2].

Тоталитарный политический режим представляет собой форму организации социума, характеризующуюся стремлением к тотальному контролю над каждым индивидом. Данный тип режима является наиболее жесткой институционализированной формой огосударствления личности. Как отмечает западный политолог З. Бжезинский, основополагающими признаками тоталитарного общества выступают:

1. Наличие массовой единственной партии, фактически интегрированной с государственным аппаратом. Иллюстративным примером служит Конституция СССР 1977 г. (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября), ст. 6 которой закрепляла «руководящую и направляющую силу Коммунистической партии Советского Союза».

2. Насаждение государственной идеологии, исключающей возможность инакомыслия и пресекающей любую критику правящего режима.

3. Установление монополии государства на средства массовой информации и оборот оружия.

В контексте изучения исторических форм антидемократических режимов представляется целесообразным обратиться к итальянской модели тоталитаризма (1922–1943 гг.). В начале 1920-х гг., на фоне послевоенного кризиса и социальной дестабилизации, в Италии происходит стремительная консолидация фашистского движения во главе с Б. Муссолини. В 1919 г. им был основан «Союз борьбы» (Fasci Italiani di Combattimento), а в 1921 г. – Национальная фашистская партия. Социальную базу движения составили бывшие фронтовики и социальные группы, выражавшие недовольство итогами Первой мировой войны.

Ключевым этапом институционализации режима стал «Поход на Рим» в октябре 1922 г., в ходе которого вооруженные отряды фашистов («чернорубашечники») выдвинулись к столице. Стремясь предотвратить эскалацию насилия, король Виктор Эммануил III назначил Муссолини премьер-министром, что ознаменовало начало перехода к тоталитарной модели правления.

В дальнейшем Муссолини (получивший титул дуче) осуществил последовательную централизацию власти. В период с середины 1920-х по начало 1930-х гг. были реализованы следующие меры: запрет всех политических партий, за исключением фашистской; ликвидация свободы печати и собраний; создание тайной полиции (OVRA) и Особого трибунала для судопроизводства над антифашистами; реформирование парламента с передачей полномочий по утверждению кандидатур Большому фашистскому совету, ставшему новым центром власти; инкорпорация молодежи в фашистские организации (например, «Балилла»); перестройка экономики на корпоративной основе с объединением рабочих и предпринимателей в подконтрольные государству корпорации и запретом стачек; развертывание масштабной пропаганды, направленной на формирование культа личности Муссолини и рецепцию идеи возрождения Римской империи.

Авторитарный политический режим квалифицируется как тип недемократического политического устройства, при котором несменяемая центральная власть концентрируется в руках одного лица (президента, монарха, главы пра-

вительства) либо узкой группы (политической партии) при сохранении минимума экономических, политических и гражданских свобод. Данному режиму имманентна система жесткого контроля над населением. К ключевым признакам авторитаризма относятся: 1) командно-административный стиль управления, сопряженный с активным применением репрессий и отсутствием политических и гражданских свобод; 2) ограничение либо полное подавление оппозиционной деятельности; 3) жесткая централизация власти, монополизация властных полномочий без их делегирования иным государственным институтам.

В качестве исторической репрезентации авторитарного государства может быть рассмотрена Испания. В результате Гражданской войны 1936–1939 гг. к власти пришел генерал Ф. Франко, установивший авторитарный режим, сохранявшийся вплоть до его смерти в 1975 г. Режим Франко, характеризовался следующими чертами:

– единоличная власть Франко, совмещавшего посты главы государства и правительства, верховного главнокомандующего и определявшего ключевые политические решения вне системы институционального контроля;

– однопартийная система с доминированием партии «Испанская фаланга» (с 1937 г.) и запретом иных политических сил;

– массовые репрессии в отношении республиканцев, левых активистов, сторонников региональной автономии (особенно в Каталонии и Стране Басков) с функционированием военных трибуналов, тюрем и лагерей;

– жесткая государственная цензура СМИ, подавление независимых изданий и оппозиционных голосов;

– тесный союз с католической церковью, провозглашение католицизма официальной религией, его определяющая роль в идеологии и образовательной системе;

– корпоративистская экономическая модель: на начальном этапе – политика автаркии и централизованного планирования, с 1950-х гг. – постепенная либерализация, приведшая к «испанскому экономическому чуду» 1960-х гг.;

– подавление региональной автономии, запрет на использование местных языков в публичной сфере;

– идеологическая основа, базировавшаяся на концепции «национального католицизма», антикоммунизме и доктрине национального единства, а также формирование культа личности Франко.

Проведенный анализ классических примеров типификации антидемократических политических режимов позволяет выделить две модели мобилизации нации, направленные на консолидацию власти в рамках единого центра принятия решений с целью установления нового политического порядка. Данный порядок призван обеспечить реализацию национальных интересов, дефинируемых новой властью в соответствии с конкретными социально-историческими обстоятельствами. Однако бинарная оппозиция, лежащая в основании классификации политических систем, не отражает всей сложности исторического процесса. Детальное исследование политических режимов обнаруживает совокупность параметров, обусловливающих их структурное сходство. Рассмотренные режимы Ф. Франко и Б. Муссолини в силу исторической динамики и внутренних проти-

воречий были впоследствии трансформированы в рамках демократических реформ, осуществленных временными правительствами соответствующих государств.

При отождествлении исследователями политического режима с политической системой возникает необходимость, как подчеркивает Э. Хейвуд, предварительного ответа на ряд ключевых вопросов, предшествующего выделению структурных элементов. До классификации властных институтов требуется выяснение принципов их реального функционирования. К числу таких вопросов относятся: фактическая принадлежность властных полномочий; характер политического участия (широкое народное либо элитарное, замкнутое); способ достижения общественного согласия (диалог, переговорный процесс и поиск компромиссов versus применение силы и угроз); степень централизации управления; наличие и эффективность механизмов сдержек и противовесов; процедурные основания завоевания и передачи власти (формальные правила либо неформальные практики); степень открытости системы для политической конкуренции; характер распределения прав и обязанностей между государством и гражданином.

Только после получения ответов на обозначенные вопросы, утверждает Хейвуд, возможен переход к типологизации режимов. Определяющую роль в данном процессе играет не столько совокупность политических, экономических или культурных факторов сама по себе, сколько их специфическая конфигурация и интерактивное взаимодействие, формирующее уникальную конфигурацию каждого государства. Данное сочетание факторов, накладывающееся на структурные элементы и признаки, выступает методологической оптикой, позволяющей в рамках политической науки не только осуществлять дефиниции, но и проводить компаративный анализ существовавших и существующих режимов. Иными словами, теоретическая модель обретает объяснительный потенциал при рассмотрении того, каким образом абстрактные критерии реализуются в конкретно-исторической практике.

В качестве иллюстрации может быть рассмотрена такая форма, как соревновательная олигархия – режим, характеризующийся институциональной открытостью при одновременном исключении большинства населения из политического процесса. Классическим примером служит Англия в период между Славной революцией 1688 г. и парламентской реформой 1832 г. Данный этап отличался, с одной стороны, легитимной и открытой конкурентной борьбой за власть между влиятельными коалициями имущих слоев города и деревни. С другой стороны, избирательный корпус оставался крайне ограниченным, подверженным цензовым ограничениям и коррупционным практикам, тогда как основная масса населения была отстранена от участия в большой политике, проявляя себя лишь посредством спорадических вспышек социального недовольства. Э. Хейвуд образно характеризует данную модель как «олигархию, ограниченную бунтом». По сути, это форма властной организации узкой группы, опирающаяся на политическую пассивность общества. Однако в процессе роста среднего класса и расширения избирательных прав подобная система эволюционирует в направлении либеральной демократии. Аналогичные сценарии имели место во многих латиноамериканских странах на протяжении XX в., а в наименее раз-

витых регионах сохраняются и в настоящее время. В данном случае обнаруживается противоречивая конфигурация: присутствует антидемократический элемент (исключение масс), но при этом сохраняются механизмы мобилизации и институционализированной борьбы за участие.

Совершенно иную картину представляет авторитарно-инэгалитарный режим. Если говорить просто, это модель закрытого типа, которая строится на идее фундаментального неравенства. Здесь правящие элиты не стремятся к тотальному переустройству отношений собственности, как это пытались делать радикальные левые режимы. Вместо этого пробудившуюся энергию масс направляют не в интернациональное, а в националистическое русло. Такая система процветает за счет массовой мобилизации и изощренной идеологической манипуляции. Ярчайшими историческими воплощениями здесь выступают фашистский режим в Италии и национал-социалистический в Германии [5].

Современная политическая наука, стремясь к большей точности в характеристике недемократических систем, часто прибегает к гибридным типам. Ведь реальная жизнь редко укладывается в чистые категории «демократия» или «диктатура». В этом контексте интересны понятия диктократии и демократуры (в терминологии Ф. Шмиттера – диктабланды и демокрадуры), которые сочетают в себе признаки демократических и диктаторских практик. Такие гибриды возникают, когда нарушается классическая последовательность перехода: сначала либерализация, затем демократизация и наконец консолидация. Если этот порядок сбивается, получаются уродливые, но устойчивые формы.

Диктократия, как правило, формируется в условиях неразвитой экономики, когда проводится либерализация без последующей демократизации. Проще говоря, рынок отпускают, но политическую свободу – нет. Отсюда и исчезновение корня «демо-» в названии. При таком раскладе элита получает все политические и гражданские права, становясь неприкасаемой, а широкие массы формально наделяются теми же правами, но фактически остаются бедными и бесправными. Типичные примеры такой конфигурации можно наблюдать в ряде стран Черной Африки.

Зеркальная ситуация складывается при демократуре. Здесь мы видим демократизацию без предварительной либерализации. Власти идут на формальные уступки: вводят многопартийную систему и проводят конкурентные выборы. Однако само участие в избирательном процессе воспринимается правящей группой исключительно как акт демонстрации поддержки действующему режиму. Если правительство начинает сомневаться в лояльности электората или видит угрозу своему доминированию, оно незамедлительно ограничивает политические и гражданские права. По сути, оболочка демократии существует ровно до тех пор, пока она выгодна авторитарному ядру. Яркие примеры такой модели демонстрировали Сальвадор и Гватемала в 1980–1990-х гг., где выборы служили скорее декорацией, нежели механизмом реальной смены власти.

Список литературы

1. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1998. Т. 3. С. 135–405.

2. Посас М. Х. Переход Испании к демократии как модель политической консолидации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 4. С. 1218–1230.

3. Грачев Н. И. Политические режимы: к вопросу о содержании понятия и основаниях классификации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 20–27.

4. Джагарян Н. В. Представительная демократия – универсальная характеристика современной концепции народовластия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 127–132.

5. Исаев Б. А. Условия и факторы, периоды и циклы развития демократии. Часть 1 // Политэкс. 2012. Т. 8, № 3. С. 273–291.

Краснов И. А.[1],
заместитель командира взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Клименко А. И.,
начальник кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Кризис традиционных ценностей, поиск новой идентичности, столкновение либеральных, консервативных и суверенных моделей развития ставят перед юридической наукой вопрос о том, на каких идейных основаниях должен строиться правопорядок XXI в. В условиях глобализации и одновременного роста национального самосознания многих народов проблема идеологической легитимации права приобретает особую остроту. Без ответа на вопрос «во имя чего существует правопорядок?» любая, даже самая совершенная система норм рискует остаться мертвой буквой. Как справедливо отмечал русский философ И. А. Ильин, «правопорядок есть не что иное, как система взаимосвязанных прав и обязанностей, за которыми стоит признающая и принимающая их власть». В данном определении ключевым является указание на власть, которая не только устанавливает нормы, но и легитимирует их в глазах общества. Именно идеология выступает тем связующим звеном, которое обеспечивает эту легитимность, влияя на восприятие законов обществом и формируя устойчивое правомерное поведение. Идеология переводит абстрактные юридические конструкции в плоскость личных убеждений и социальных ожиданий.

Идеология представляет собой систему концептуально оформленных представлений и идей, выражающих интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – общества в целом, классов, наций, политических партий и общественных движений. В правовой сфере идеология выполняет роль «несущей конструкции», которая придает юридическим нормам смысловую глубину и социальную оправданность. В контексте правопорядка идеология выполняет несколько ключевых функций. Целеполагающая функция заключается в том, что идеология задает вектор правового развития, определяя стратегические цели законодателя и государства в целом. Воспитательная функция проявляется

[1] © Краснов И. А., 2026.

в том, что идеология формирует правовую культуру и правосознание граждан, делая право не просто набором запретов, а внутренне принятым регулятором. Как отмечает В. П. Малахов, правосознание без идеологической основы теряет свою системность и превращается в набор разрозненных представлений. Легитимирующая функция идеологии определяет пределы допустимого вмешательства государства в жизнь человека и общества, обосновывая, почему одни действия запрещены, а другие поощряются. Интегративная функция объединяет общество вокруг общих ценностей, создавая чувство солидарности и принадлежности к единому правовому пространству. Отсутствие внятной идеологической основы, как показывает практика постсоветских государств 1990-х гг., ведет к правовому нигилизму, когда законы воспринимаются населением как чуждые и навязанные извне. В такой ситуации право перестает быть авторитетным регулятором, уступая место «понятиям» и иным неформальным нормам [1].

Анализ современных государств позволяет выделить три основные модели идеологического обоснования правопорядка, которые в чистом виде встречаются редко, но задают концептуальные рамки для национальных правовых систем. Либерально-демократическая модель основана на приоритете прав и свобод личности, минимизации вмешательства государства в частную жизнь. Данная модель характерна для США и стран Западной Европы. Право здесь рассматривается прежде всего как инструмент защиты индивида от произвола власти и других лиц. Идеологическим фундаментом выступают теории естественного права и общественного договора. Правопорядок мыслится как результат добровольного согласия свободных граждан подчиняться общим правилам. Консервативная или традиционная модель исходит из приоритета общих ценностей, стабильности, морали и традиций. Государство выступает хранителем культурного кода нации. Такой подход ярко выражен в современной России, где Указом Президента Российской Федерации № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также во многих странах Азии, включая Китай, Японию и государства исламского мира. Здесь правопорядок тесно переплетен с религиозными, нравственными и семейными ценностями. Этатистская или государственническая модель ставит во главу угла интересы государства и безопасность. В крайних формах, например в фашистских режимах Германии и Италии первой половины XX в., эта модель ведет к полному подчинению личности государственной машине, правовому нигилизму со стороны самой власти и подмене права политической целесообразностью. В умеренных вариантах она проявляется в усилении роли государства в периоды внешних угроз или мобилизационного развития, когда общество сознательно делегирует государству расширенные полномочия ради выживания и защиты суверенитета. Важно отметить, что на практике границы между моделями размыты. Так, современные скандинавские государства сочетают либеральные свободы с сильной социальной политикой, что является элементом этатизма. Россия, сохраняя приверженность традиционным ценностям, также закрепляет в Конституции права и свободы человека как высшую ценность [2, с. 390].

Особого внимания заслуживает категория «национальные интересы», которая в современной политико-правовой практике выполняет роль интегрирующей идеологемы. Национальные интересы представляют собой объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Они являются ценностями нации, удовлетворение которых выступает необходимым условием ее существования и идентичности. В правовом измерении национальные интересы выполняют несколько функций. Они служат критерием для определения приоритетов законодательной деятельности, обосновывают ограничения прав и свобод, например в целях безопасности, и задают шкалу ценностей, на которую ориентируются правоприменители. В этом контексте правопорядок предстает не как самоцель, а как инструмент реализации национальных интересов. Законы, противоречащие этим интересам, воспринимаются обществом как колониальные или оккупационные и не исполняются. Напротив, правопорядок, основанный на национальных интересах, пользуется доверием и поддержкой населения.

Влияние идеологии на правопорядок не является декларативным, оно реализуется через конкретные правовые механизмы, образующие сложную систему. Закрепление в Конституции основ конституционного строя, преамбул основных законов, как правило, отражает доминирующую идеологию. Например, положения о социальном государстве, светском характере власти или приоритете прав человека. Конституция выступает высшим юридическим выражением национальной идеи. Правовая политика и судебная практика также являются важными механизмами. Суды, особенно высшие инстанции, в своих решениях часто опираются не только на букву, но и на дух закона, который пронизан определенными идеологическими установками. Постановления Конституционного Суда нередко содержат прямые отсылки к ценностям, на которых основан правопорядок. Формирование правосознания через образование, СМИ и культуру позволяет государству транслировать те модели поведения, которые считаются желательными. Юридическое образование, правовое просвещение и воспитание закладывают в сознание граждан те идеологические установки, которые впоследствии определяют их отношение к закону. Символическая политика, включающая государственные символы, праздники и ритуалы, такие как присяга или церемонии поднятия флага, также является инструментом внедрения идеологии в ткань правопорядка, создавая эмоциональную связь между гражданином и государством. Как верно заметил русский правовед П. И. Новгородцев, «право без нравственной основы разлагается и превращается в свою противоположность». Идеология как раз и призвана обеспечить эту нравственную основу, соединяя право с глубинными убеждениями человека [3].

Анализ идеологических оснований правопорядка был бы неполным без рассмотрения существующих противоречий и рисков. Конфликт универсальных и национальных идеологий возникает в результате глобализации, порождающей попытки внедрения единых стандартов, например в области прав человека, которые нередко вступают в конфликт с локальными традициями и ценностями. Разрешение этого конфликта является одной из главных задач современной

юридической политики. Риск «идеократии» заключается в том, что чрезмерное усиление идеологического начала ведет к подмене права идеологией, когда закон перестает быть объективным регулятором и превращается в инструмент политической пропаганды. В таком государстве право теряет свою инструментальную ценность, уступая место «политической целесообразности». Нигилизм при отсутствии идеологии проявляется в обществе, лишенном четких ценностных ориентиров, так называемом «идеологическом вакууме», где право часто воспринимается как обуза или досадное препятствие. Это ведет к росту правонарушений, падению авторитета власти и криминализации общественных отношений. Проблема плюрализма заключается в том, что в демократическом обществе сосуществуют разные идеологии, и задача государства заключается в обеспечении правопорядка без подавления этого плюрализма, но и без допущения того, чтобы идеологические различия разрушали единство правового пространства [4].

Подводя итог исследованию идеологических оснований правопорядка современного государства, можно сформулировать следующие выводы. Правопорядок не может существовать вне идеологического контекста; именно идеология задает его ценностный вектор, наполняет правовые нормы смыслом и обеспечивает их добровольное исполнение гражданами. Без идеологической основы право превращается в набор формальных предписаний, лишенных авторитета. Национальные интересы, понимаемые как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, являются той ценностной основой, на которой строится современная правовая система. Они выполняют роль моста между абстрактными идеями и конкретными правовыми нормами. Современный правопорядок формируется в сложном балансе между глобальными стандартами и национально-культурным суверенитетом. Задача государства заключается в нахождении меры соотношения общепринятых принципов и национальной идентичности, не допуская как изоляции, так и потери самобытности. Легитимность правопорядка прямо пропорциональна его соответствию доминирующей в обществе идеологии. Только тот закон, который воспринимается обществом как справедливый и отвечающий его глубинным представлениям о должном, будет исполняться добровольно. Насильственное насаждение чуждых идеологических моделей ведет к отторжению правовых норм и социальной нестабильности. Как писал Рудольф фон Иеринг, «цель права – мир, путь к нему – борьба». В современном мире эта борьба все чаще разворачивается не только в сфере материальных интересов, но и в сфере идей и ценностей. Исход этой борьбы определит облик правопорядка XXI в.: будет ли он основан на диалоге и уважении к многообразию или на унификации и подавлении инакомыслия.

Список литературы

1. Клименко А. И. Идеологические основания правового порядка: вопросы теории // Государство и право. 2020. № 5. С. 15–24.

2. Малахов В. П. Философия права: идеи и предположения. М. : Юнити-Дана, 2018.

3. Клименко А. И. Ценностно-идеологические аспекты обеспечения национальной безопасности в контексте правопорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 42–47.

4. Клименко А. И. Правовая идеология как фактор устойчивости правовой системы // История государства и права. 2019. № 8. С. 28–33.

Фурсова С. Р.[1],
курсант 4-го курса
факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научный руководитель:
Правкина И. Н.,
доцент кафедры правовых дисциплин
Московского экономического института,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Проблемный аспект обеспечения стабильности и эффективности функционирования правовой системы современного государства неразрывно связан с состоянием социокультурного и идейно-ценностного базиса. Научная новизна тематики заключается в исследовании исторической разобщенности не просто как социокультурного явления, а как активного институционального триггера, запускающего процессы правовой неопределенности, нарушающей механизмы преемственности в публичном правовом дискурсе и приводящего к возникновению «хронологического диссонанса» в общественном правосознании.

В условиях глобальных трансформаций и возникновения новых экзистенциальных вызовов актуальность приобретает исследование феномена исторической разобщенности как фундаментального фактора дестабилизации правовой системы общества.

Правовая система рассматривается не просто как совокупность нормативных актов, но как сложный органический комплекс, укорененный в культуре и историческом опыте народа. Как отмечает Г. М. Азнагулова, правовая культура представляет обусловленную, самоорганизующуюся функциональную систему, ядро которой составляет совокупность базовых явлений – культурных универсалий, выступающих предельными основаниями культуры в конкретную эпоху [1, с. 6].

Историческая разобщенность в данном аспекте предстает как разрушение «семиотической непрерывности» и утрата связи между компонентами правовой культуры, что неизбежно ведет к дисбалансу системы, лишая ее способности к адекватному информационному обмену с внешней социальной средой и нивелируя синергетический эффект от взаимодействия ее элементов.

Любая деформация исторической памяти и преемственности поколений создает кризис правопонимания, поскольку правовое сознание общества, будучи высшим носителем правовой культуры, может гармонично развиваться лишь в неразрывном единстве с национальной историей.

---

[1] © Фурсова С. Р., 2026.

Дестабилизирующий эффект исторической разобщенности наиболее отчетливо проявляется в сфере формирования и функционирования идейно-ценностных оснований правопорядка. По мнению А. И. Клименко, право следует понимать социоаксиологически – как систему особых конвенциональных ценностей общества, которые синтезируются в рамках публичного правового дискурса и служат содержательной основой правопорядка [2, с. 20].

В условиях стабильного развития относительные ценности обеспечивают легитимацию права и снятие социальных противоречий. Исторический разрыв, утрата объединяющих традиций и фрагментация исторического сознания разрушают пространство публичного правового дискурса, делая невозможным достижение социального компромисса.

Особенно критичным данный фактор становится в условиях экзистенциальных вызовов и военного времени, когда возникает потребность в консолидации общества вокруг абсолютных, квазирелигиозных ценностей и мобилизационной политической идеологии.

Историческая разобщенность препятствует формированию мобилизующей основы, порождая социальную апатию и делая государство уязвимым перед лицом внешних и внутренних угроз. В качестве исторического примера критического разрыва можно привести события 1917 г., когда радикальный слом парадигмы исторического развития и тотальный отказ от предшествующего правового наследия Российской империи спровоцировали масштабный правовой нигилизм и потребовали колоссальных, зачастую репрессивных мобилизационных усилий для выстраивания нового правопорядка на принципиально иных ценностях.

Механизм дестабилизирующего воздействия исторической разобщенности на правовую систему раскрывается также через анализ факторов, детерминирующих изменения в содержании правосознания.

А. И. Клименко классифицирует данные факторы на конструктивные и деструктивные, отмечая, что правосознание в своем содержании должно отражать подлинную правовую действительность, основанную на традиционных ценностях. Конструктивные факторы укрепляют ценностный строй правосознания, правовую идеологию и в целом обеспечивают соответствие содержания правосознания правовой действительности. Деструктивные вызывают противоречия в содержании правосознания, разрушают ценностную иерархию, затрудняют понимание правовой действительности различными деструктивными мифопостроениями и т. д. [3, с. 16].

Историческая разобщенность выступает мощным деструктивным, случайным фактором, который усиливается за счет вторичных идеологических манипуляций извне. Внедрение в общественное сознание чуждых, нерелевантных для российской правовой традиции ценностных установок искажает восприятие правовой реальности, порождает фиктивные ценности, за которыми не стоят реальные потребности социальных акторов, и в конечном итоге разрушает ценностную иерархию.

Ярким историческим примером подобной дестабилизации является период 1990-х гг. И. Н. Правкина и И. В. Правкин констатируют, что в данный период

политика деидеологизации, отказ от устоявшихся ориентиров и попытки рецепции западных либеральных ценностей привели к размыванию границ национального самосознания, экзистенциальному вакууму и системному кризису [4, с. 28].

Разрушение исторической преемственности и идеологическое размежевание вызвали атрофию общественного согласия и поставили под угрозу национальный суверенитет, поскольку правовая система оказалась лишенной своего аутентичного культурно-генетического кода. Более того, можно сделать вывод, что в современных реалиях глобальной цифровизации дестабилизирующий потенциал исторической разобщенности многократно усиливается технологиями информационного воздействия, направленными на искусственное конструирование «альтернативной памяти» и дискредитацию правовых институтов прошлого.

Вышеуказанное приводит к формированию вышеупомянутого хронологического диссонанса, когда различные социальные группы существуют в непересекающихся ценностно-исторических координатах, что блокирует выработку единой правовой политики государства. Утрата исторического единства и традиционных духовно-нравственных ориентиров неизбежно проецируется на институциональный уровень, в частности, на правоохранительную деятельность, выступающую важнейшим механизмом обеспечения правопорядка.

И. В. Правкин и Р. А. Брунер справедливо утверждают, что правопорядок является одной из основополагающих, узловых ценностей демократического правового государства, основанного на неукоснительном соблюдении формально-определенных правовых предписаний, выраженных в действующих источниках российского права. Подлинный правопорядок в государстве характеризуется следующими особенностями. Во-первых, правопорядок формируется при непосредственном участии государства и народа и выражается в установленных нормах права. Во-вторых, правопорядок возникает в результате реализации правовых норм. В-третьих, поддержание правового порядка обеспечивается государством [5, с. 108].

Правоохранительная система опирается как на внешние социальные ценности (законность, справедливость, правопорядок), так и на внутренние ценности субъекта правоохраны (честь, долг, служение Отечеству, патриотизм).

В условиях исторической разобщенности происходит девальвация этих базовых установок. Утрата социального смысла и исторической перспективы деформирует личность сотрудника правоохранительных органов, порождает систему ложных мотиваций девиантного характера и снижает общую эффективность государственного принуждения, что ведет к катастрофическому падению уровня легитимности власти и доверия населения.

Эффективная деятельность правоохранительного аппарата напрямую зависит от уровня исторического просвещения сотрудников. Основополагающей базой профессионального мировоззрения каждого сотрудника обязано служить знание истории Отечества. Перед государственным механизмом в современных реалиях стоит задача по формированию новой стратегии, направленной на преодоление социокультурных «расколов».

В процессе ценностной дезориентации общество неизбежно обращается к консервативной идеологии, ядром которой выступает защита традиционных

духовно-нравственных установок. Массовое распространение объективного взгляда на историю государства должно осуществляться силами образовательных учреждений совместно со СМИ. Параллельно, государственным структурам необходимо выстраивать взаимодействие с общественным сектором, стимулируя любые гражданские инициативы объединяющего характера.

Важнейшие мировоззренческие ориентиры нации нуждаются в строгой нормативно-правовой регламентации. Перенос фундаментальных этических норм в плоскость действующего законодательства, посредством внесения изменений в Конституцию Российской Федерации и издания профильных президентских указов, означает не банальное декларирование благих намерений, а возведение барьера для защиты суверенитета.

Примером правовой защиты служат масштабные преобразования Основного закона 2020 г. Принятые конституционные поправки зафиксировали принцип цивилизационной непрерывности наряду с преемственностью развития российской государственности. Был введен прямой императив, обязывающий защищать историческую правду, исключая малейшую возможность преуменьшения значимости народного подвига при защите Отечества.

Следовательно, разрыв исторического единства представляет крайне опасный социокультурный феномен, выступающий главным катализатором дестабилизации всей правовой системы. Разрушительный потенциал подобной разобщенности масштабируется молниеносно: процесс начинается с тяжелейшей деформации правосознания граждан, затем ведет к разрушению чувства гражданской солидарности и окончательной потере государственной идентичности. Финальным этапом становится системная дисфункция правоохранительных органов, поскольку внутри ценностного вакуума правопорядок полностью теряет собственную легитимирующую социальную базу.

Соответственно, устойчивое функционирование, гарантирование внутренней безопасности и поступательное цивилизационное развитие суверенной государственности в условиях турбулентности современных глобальных процессов объективно детерминированы жизненной необходимостью сбережения исторической памяти и системного культивирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Через поддержание конструктивного и твердо опирающегося на позитивный национальный опыт правового дискурса возможно обеспечение органичной, неразрывной институциональной связи между прошлым, настоящим и будущим политически организованного общества, что является абсолютным фундаментом жизнеспособности и эффективности суверенной правовой системы.

Список литературы

1. Азнагулова Г. М. Правовая культура как функциональная система // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 3. С. 5–17.

2. Клименко А. И. Идейно-ценностные основания правопорядка в условиях военного и мирного времени // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXI Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 г.) : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 19–22.

3. Клименко А. И. Факторы изменения содержания правосознания российского общества в отечественной правовой традиции // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В. М. Курицына) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 22–23 декабря 2022 г.) / [сост. А. И. Клименко]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 16–18.

4. Правкина И. Н., Правкин И. В. Реидеологизация как тенденция развития современного российского общества // Власть, право, экономика: историческая ретроспектива и современные дискурсы : сборник научных статей. Ростов н/Д. : Манускрипт, 2025. С. 26–30.

5. Правкин И. В., Брунер Р. А. Ценностные основания правоохранительной деятельности в современном российском обществе // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В. М. Курицына) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 22–23 декабря 2022 г.) / [сост. А. И. Клименко]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 106–110.

РАЗДЕЛ IV. АКТУАЛЬНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Маштыкова Г. А.[1],
студент очного юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат филологических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ ЛЕГАЛИЗОВАННОЙ ЭВТАНАЗИИ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В настоящее время вопрос эвтаназии остается одним из самых дискуссионных, поскольку существуют различные мнения о такой процедуре. В условиях современных технологий у человечества появилась возможность отказываться от права на жизнь в случае диагностирования неизлечимой болезни, которая приносит человеку невыносимые страдания. В результате возникновения такой перспективы в обществе произошел «раскол» на противников и сторонников процедуры. Одни выступали за «священность жизни», другие – за право личности на автономию.

Перед изучением вопроса эвтаназии важно уметь разграничивать понятия активной и пассивной эвтаназии: активная эвтаназия осуществляется путем целенаправленного причинения смерти. Это может быть введение смертельной дозы медицинского препарата по просьбе самого неизлечимо больного. Пассивная эвтаназия же заключается в умышленном отказе от терапии и лечения, которые продлевают жизнь человека и поддерживают его организм. Важно отметить, что в обоих случаях процедура проводится с целью прекращения не только физических, но и нравственных мучений человека [1].

В зависимости от характера волеизъявления принято также выделять добровольную и принудительную эвтаназии. Добровольная эвтаназия проводится

[1] © Маштыкова Г. А., 2026.

с независимого и самостоятельного решения неизлечимо больного, который в состоянии объективно оценивать ситуацию и брать ответственность за свое действие. Принудительная эвтаназия, наоборот, проводится с согласия родственников: родителей, братьев или сестер, ввиду отсутствия способности пациента изъявить свое желание (вегетативное состояние больного).

Особое место в статье занимает ассистированное самоубийство, где врач, исходя из названия, является неким ассистентом: он может прописать препарат, прием которого приведет к летальному исходу человека. В таком случае, ответственность за данное деяние несет не врач, а исключительно человек, который принял смертельную дозу препарата. Различие между активной эвтаназией и ассистированным самоубийством заключается в том, что в случае эвтаназии препарат вводится непосредственно врачом, а в ассистированном самоубийстве прием такого медикамента происходит пациентом. Подобная терминологическая дробность важна, так как юридическое отношение к этим формам в мировом праве существенно различается [2].

На сегодняшний день глобальная правовая карта эвтаназии крайне неоднородна. Государства Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) были одними из первых, кто легализовал процедуру, акцентировав свое внимание на либеральной ценности самоопределения. Так, 28 мая 2002 г. Федеральный парламент Бельгии принял закон о легализации эвтаназии для пациентов с неизлечимыми физическими или психическими страданиями. В Нидерландах принцип автономии личности рассматривается в качестве фундаментальной ценности, поэтому в 2002 г. Нидерланды также легализовали добровольный уход из жизни: условия проведения процедуры были примерно такими же – болезнь, добровольное согласие человека и осознание происходящего. Люксембург узаконил эвтаназию и принял закон об окончании жизни с помощью врача в 2008 г. Согласно этому закону, совершеннолетние пациенты, нуждающиеся в проведении эвтаназии, должны получить согласие от двух врачей.

В последние годы к ним присоединились Канада и Испания, где программа медицинской помощи при смерти (MAID) демонстрирует устойчивый рост запросов. Швейцария относится к числу государств с наиболее либеральным подходом: эвтаназия разрешена с 1941 г. Особенностью швейцарского регулирования является возможность проведения данной процедуры для иностранных граждан. В Соединенных Штатах право на врачебное содействие в добровольном уходе из жизни пациентов с терминальными стадиями заболеваний закреплено законодательно в штатах Орегон, Вашингтон, Вермонт, Джорджия и Калифорния.

Правовая позиция Великобритании является более жесткой: оказание помощи при эвтаназии квалифицируется как уголовное преступление. Вместе с тем судебная практика нередко демонстрирует снисходительное отношение к действиям, совершенным из заботы о безнадежно больных родственниках.

В 2018 г. элементы легализации эвтаназии были введены в Индии. Там разрешена пассивная эвтаназия – отключение аппаратуры жизнеобеспечения пациента, находящегося в коматозном состоянии, при условии наличия завещательного распоряжения, составленного до наступления критического состояния.

Если говорить о странах, еще не легализовавших эвтаназию, то в Германии активная эвтаназия остается под запретом. В 2015 г. законодательство было уточнено в части регулирования условий, при которых допускается содействие добровольному уходу из жизни. Пассивная эвтаназия признается законной, а ассистированное самоубийство не влечет наказания.

Важным аспектом в данной статье является состояние системы паллиативной помощи, которая представляет собой комплекс мероприятий, включающих медицинские вмешательства, мероприятия психологического характера и уход, осуществляемые в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан и направленные на облегчение боли, других тяжелых проявлений заболевания [4]. Таким образом, инвестиции в паллиативную медицину представляются более гуманным путем развития общества, чем легализация прерывания жизни.

В Российской Федерации позиция законодателя остается консервативной. Статья 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» гласит, что медицинским работникам запрещается применение любого вида эвтаназии, которые могут повлечь за собой ускорение смерти человека. Кроме того, в ст. 71 того же ФЗ содержится информация о том, что врач клянется проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии [4]. Основным правовым аргументом здесь выступает Конституция Российской Федерации, гарантирующая право на жизнь. Однако критики отмечают коллизию: если право на жизнь – это свобода, а не обязанность, то личность должна иметь право распоряжаться ее финалом. Тем не менее институциональная неготовность правоохранительной системы к контролю за злоупотреблениями остается главным барьером для легализации процедуры в России.

В завершение, важно подчеркнуть, что эвтаназия остается одной из самых «неудобных» тем современности. Анализ показывает, что универсального решения, которое удовлетворило бы и правоведов, и медиков на данный момент не существует. Приоритетом государственной политики должно оставаться создание условий, при которых человек сможет прожить свои последние дни без боли и в окружении заботы, что сделает саму идею эвтаназии менее востребованной.

Список литературы

1. Брызгалина Е. В. Биоэтика : учебное пособие / Философский факультет МГУ // Klex.ru. URL: https://www.klex.ru/1qhq.

2. Вавилкина Т. В. К вопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4. С. 90–97.

3. Гюлишанова И. А. Понятие и виды эвтаназии // Юрист-Правовед. 2009. № 6. С. 23–27.

4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

Бузулукская С. Н.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Горшенева И. А.,
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Сотрудники правоохранительных органов используют технологии для более эффективного выявления, расследования и раскрытия преступлений. Они полагаются на технологии во многих аспектах своей работы: выявлении преступников, прогнозировании девиантного поведения, обследовании мест преступлений, отслеживание денежных потоков, а также пометка и защита от фейковых новостей. Приложения с использованием искусственного интеллекта, как правило, повышают эффективность, расширяют практику работы с данными и расширяют возможности правоохранительных органов. Решения с использованием искусственного интеллекта могут помочь правоохранительным органам в принятии решений и выполнении задач [5].

Сегодня правоохранительные органы по всей стране все чаще сталкиваются с технологиями, оснащенными ИИ. Они признают, что внедрение ИИ может повысить эффективность и расширить возможности, поэтому активно переходят на использование ИИ в своей работе.

Технологии искусственного интеллекта обладают огромным потенциалом для поддержки работы правоохранительных органов. У них есть возможность полностью преобразовать работу полиции: от передовой криминальной аналитики, которая выявляет тенденции в огромных объемах данных, до биометрии, позволяющей быстро и однозначно идентифицировать преступников. Искусственный интеллект помогает предотвращать преступления, ускорять расследования и защищать сотрудников правоохранительных органов [2].

Правоохранительные органы по всей стране все чаще сталкиваются с технологиями, оснащенными искусственным интеллектом, и внедряют их. Федеральные органы власти штатов и местные органы власти могут осуществлять

[1] © Бузулукская С. Н., 2026.

надзор за деятельностью полиции, включая внедрение технологий искусственного интеллекта. Правоохранительные органы используют искусственный интеллект тремя способами: для оказания помощи людям в выполнении задач и повышения производительности, расширения человеческих возможностей и, в некоторых ограниченных случаях, например, полностью заменить людей автоматизированными процессами [1]. Примерами областей, где успешно используются системы искусственного интеллекта, являются автоматические системы патрулирования, выявление уязвимых и эксплуатируемых детей и центры экстренного вызова полиции. Такие методы, как распознавание лиц и биометрический скрининг, которые в настоящее время используют искусственный интеллект для повышения своей эффективности, позволяют быстро идентифицировать людей и подозреваемых в режиме реального времени и помогают в расследованиях [4].

Системы искусственного интеллекта внедряются в правоохранительные органы для различных целей. Можно классифицировать наиболее распространенные области применения систем искусственного интеллекта в правоохранительных органах в соответствии с их основным назначением. Искусственный интеллект предлагает правоохранительным органам широкий спектр приложений для расширения их возможностей, повышения эффективности, выявления пробелов в разведданных и поддержки усилий по обеспечению общественной безопасности.

К числу распространенных приложений относятся следующие [3; 6]:

1. Анализ изображений: системы искусственного интеллекта могут использоваться для анализа очень больших наборов данных фотографий, видео и другой визуальной информации и автоматического распознавания, классификации и контекстуализации изображения или элементов внутри этого изображения. Системы искусственного интеллекта, которые обнаруживают и распознают элементы на изображении, используют технику, называемую распознаванием объектов. Объект распознавание включает в себя алгоритмы машинного обучения, которые предназначены для обработки изображений, определения геометрических форм и в конечном счете распознавания предметов, лиц и других объектов.

2. Распознавание лиц: технология распознавания лиц – еще одна область, в которой искусственный интеллект используется в полиции. Распознавание лиц является технологией компьютерного зрения, которая анализирует лица на изображении. Ее можно использовать для таких целей, как идентификация лица (идентификация человека на основе сравнения с группой известных людей) и проверка подлинности лица (проверка того, что лицо данное лицо соответствует конкретному человеку). Технология распознавания лиц, обычно называемая технологией распознавания лиц, является широко используемой разновидностью распознавания объектов. Технология распознавания лиц распознает или поддерживает идентификацию конкретных лиц на фотографиях, видео и других визуальных изображениях. Хотя распознавание лиц открывает широкие возможности для социально полезного использования, главным образом благодаря усовершенствованным процессам проверки и идентификации, оно также создает уникальные проблемы, которые вызвали некоторую негативную реакцию и недоверие со стороны общественности.

При рассмотрении вопроса о том, как технологии искусственного интеллекта могут быть использованы в полицейской деятельности, важно учитывать общественную ценность, которую они могут принести. Трудно количественно оценить степень, в которой технологии искусственного интеллекта в настоящее время используются в британской полиции. По сути, в открытом доступе отсутствует информация о доступности этих инструментов, их использовании и о том, как они реализуются на практике.

Запросы о свободе информации на изучение использования алгоритмических средств принятия решений во всех подразделениях полиции Великобритании подтвердили, что около 15 % сотрудников используют эти инструменты, хотя с момента проведения этого исследования их доля, несомненно, увеличилась.

Совсем недавно Совет начальников национальной полиции Британии заявила, что все полицейские подразделения используют аналитику данных, и по меньшей мере треть полицейских подразделений используют расширенную аналитику. Большинство приложений с использованием искусственного интеллекта используются для повышения эффективности организации и планирования рабочей силы (например, для сортировки вызовов 999/101 и автоматизации задач администрирования данных.

Полицейские силы Уэльса перечислили следующие области, где их подразделения либо в настоящее время используют, либо рассматривают возможность использования технологий искусственного интеллекта:

– функции бэк-офиса/поддержки бизнеса;
– управление рисками при выдаче ордеров;
– распознавание лиц;
– редактирование;
– криминалистический анализ данных;
– разведданные и прогнозирование спроса;
– распределение ресурсов (сотрудник и транспортное средство);
– разведданные (распознавание лиц, выявление скрытых ссылок, картографирование);
– оптимизация производительности (сокращение сроков расследования);
– снижение рисков;
– искажение данных;
– использование искусственного интеллекта при расследовании;
– отклонение модели (или снижение предсказательной способности модели из-за изменений в окружающей среде и, следовательно, взаимосвязей между переменными);
– предупреждения о вреде для здоровья;
– обнаружение лжи;
– автоматизированная сортировка;
– раннее выявление случаев эксплуатации и путей совершения преступлений.

Далее мы рассмотрим три основных вида применения технологий искусственного интеллекта в полицейской деятельности: во-первых, для повышения эффективности рутинных процессов за счет роботизированной автоматизации процессов, во-вторых, помогает полиции предотвращать и расследовать пре-

ступления и, в-третьих, улучшает качество контактов между полицией и общественностью.

Некоторые поставщики разработали системы, предназначенные для оповещения полицейских служб о таких событиях, как кражи в магазинах, драки, праздношатание, опасное вождение и слежка за местоположением. Камеры контроля скорости с искусственным интеллектом, которые используют систему 4D-сканирования для наблюдения за водителями внутри своих автомобилей, используются для определения того, пользуется ли кто-то мобильным телефоном во время вождения или не пристегнут ремнем безопасности.

Интеграция ИИ в правоохранительную деятельность представляет собой значительный шаг вперед в развитии возможностей полицейских сил по всему миру. Искусственный интеллект варьируется от прогнозирующих полицейских алгоритмов до систем распознавания лиц и инструментов цифровой криминалистики, при помощи которых правоохранительные органы предотвращают, расследуют и раскрывают преступления.

Говоря о международных правоохранительных органах, таких как Интерпол и Европол, которые наделены полномочиями и ответственностью за обеспечение безопасности государств-членов, требуют широких возможностей сбора разведывательной информации. Они осознают значимость таких технологий, как ИИ и большие данные, и постепенно внедряют эти технологии в свои операции. Такие преступления, как терроризм и торговля людьми, из-за их сильно децентрализованного способа действия, трудно отслеживать. Получение поддержки от местных правоохранительных органов также невозможно, так как в большинстве случаев они заняты другими важными обязанностями. Тем самым машинные технологии обеспечат не только раскрываемость преступлений, но и общественную безопасность [3].

Из вышесказанного видно, что интеграция ИИ в полицейскую деятельность представляет собой значительный скачок вперед в возможностях полицейских сил по всему миру. Машинный интеллект может быть полезен: для повышения точности, эффективности или для выполнения того, что человек не может сделать. Многие системы ИИ разработаны с определенным уровнем автономии. Автономия в этом контексте означает возможность системы принимать ряд решений без контроля со стороны человека. Важно отметить, что нейросеть – это всего лишь инструмент для помощи полиции и не должны рассматриваться как замена процессами принятия решений. Это особенно верно при принятии решений, которые связаны с жизнью людей. Нельзя забывать, что в современном быстро меняющемся мире, скорость принятия решений является критическим фактором эффективности. К сожалению, люди ограничены в темпе своих процессов принятия решений временными и когнитивными ограничениями. Однако масштабируемость систем ИИ позволяет им с большим запасом преодолеть это ограничение. Тем самым возникают определенные сложности с пониманием и объяснением для любого человека внутренней работы ИИ, она считается «черным ящиком». Данная сложность вытекает из нескольких моментов: 1) данные, на которых обучается система, могут быть обширными и сильно разнообразными, представляя собой набор данных; 2) количество вычислений, выпол-

няемых с использованием входных данных для получения любого заданного результата, может исчисляться миллионами. Использование алгоритмов «черного ящика» несет риск ограничения способности людей применять критический анализ к результатам работы систем ИИ. Помимо вышесказанного, из этого вытекает еще ряд проблем, но основной будет являться предвзятость в алгоритмах ИИ, который может привести к дискриминационным результатам. Модели ИИ могут наследовать предвзятость из исторических данных о преступности, что приводит к дискриминационной практике полицейской работы. Устранение алгоритмической предвзятости является безусловным приоритетом.

В настоящее время существуют три области, где ИИ может быть полезен: для повышения точности, эффективности или для выполнения того, что не под силу человеку. Другие преимущества включают [6]:

1. Системная автономия. Многие системы искусственного интеллекта спроектированы таким образом, чтобы иметь определенный уровень автономии. Автономия в данном контексте означает способность системы принимать ряд решений без участия человека. В некоторых случаях, в зависимости от среды, в которой используется система, она также может выполнять последовательность действий, связанных с этими решениями. Хотя автономия и автоматизация ИИ очень полезны и во многом определяют эффективность систем ИИ, важно помнить, что системы ИИ – всего лишь инструменты, помогающие правоохранительным органам, и их не следует рассматривать как замену процессов принятия решений.

2. Масштабируемость. В современном быстро меняющемся правоприменительном контексте скорость принятия решений является решающим фактором эффективности. К сожалению, люди ограничены в темпах принятия решений из-за временных и когнитивных ограничений. Однако масштабируемость систем искусственного интеллекта позволяет им с большим отрывом преодолевать данное ограничение.

Благодаря постоянному развитию технологий искусственного интеллекта у правоохранительных органов появляется возможность еще больше совершенствовать и расширять свои следственные возможности. Его успешная интеграция требует гармоничного баланса между технологическими достижениями, правовыми нормами и этическими принципами [4]. Чтобы в полной мере использовать преимущества ИИ, правоохранительным органам необходимо внедрить цифровые системы управления доказательствами, которые могут поддерживать текущие и будущие применения ИИ.

Список литературы

1. Artificial intelligence and law enforcement: The federal and state landscape, February 2025 // National Conference of State Legislatures. URL: https://www.ncsl.org/civil-and-criminaljustice/artificial-intelligence-and-lawenforcement-the-federal-and-state-landscape.

2. Balen J. The benefits and implications of AI in law enforcement // StateTech Magazine. URL: https://statetechmagazine.com/article/2025/05/benefits-implications-ai-in-law-enforcementperfcon.

3. Chen F. Exploring AI for Law Enforcement: Insight from an Emerging Tech Expert / interviewed by C. Hsiung // Police Chief Online, 2023, September 20. URL: https://www.policechiefmagazine.org/exploring-ai-law-enforcement-interview/.

4. Board D. Law enforcement on the AI frontier: Seizing the potential requires strong fundamentals // SAIC. URL: https://www.saic.com/perspectives/data-and-ai/law-enforcement-on-the-AI-frontier.

5. Redden J., Aagaard B., Taniguchi T. Artificial intelligence applications in law enforcement: An overview of artificial intelligence applications and considerations for state and local law enforcement // National Institute of Justice. URL: https://nij.ojp.gov/library/publications/artificial-intelligence-applications-law-enforcement-overview-artificial.

6. Understanding the basics of ai innovation in law enforcement // Toolkit for Responsible AI Innovation in Law Enforcement. URL: https://www.ai-lawenforcement.org/guidance/intro.

Даутов М. М.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Нижниченко Н. Б.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕГУЛИРУЯ ВОПРОСЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, СТРАНЫ – ЧЛЕНЫ АСЕАН ДОЛЖНЫ СОХРАНЯТЬ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Когда в феврале 2024 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) одобрила Руководство по управлению и этике искусственного интеллекта (ASEAN Guide on AI Governance and Ethics), это событие прошло относительно незамеченным на фоне громких дебатов о Европейском AI Act. Однако именно этот документ знаменует собой поворотный момент для региона, где к 2030 г. ожидается рост ВВП за счет ИИ на 10–18 %, что в абсолютных цифрах составляет около триллиона долларов.

Перед АСЕАН сегодня стоит классическая дилемма: ужесточать регулирование, как это делает Европейский Союз, или позволить рынку самоорганизовываться, как это пытаются делать Соединенные Штаты? Но сама постановка вопроса в терминах «жесткого» и «мягкого» права упускает главное – специфику региона как уникального политико-экономического организма. Десять стран, разбросанных по шкале технологической готовности от сингапурского лидерства (2-е место в мире) до лаосского и мьянманского аутсайдерства (137-е и 143-е места соответственно), не могут быть втиснуты в единую прокрустову ложу обязательных предписаний.

В этой связи принципиально иной смысл обретает понятие «ответственное поведение» (responsible behavior). Для АСЕАН это не просто моральный императив, а прагматичный механизм координации, позволяющий сохранять целостность цифрового пространства при невозможности унификации национальных режимов. Настоящая статья ставит целью показать, что приверженность ответственному поведению выступает для АСЕАН не альтернативой регулированию, а его необходимой предпосылкой – той рамкой, внутри которой только и может вызревать будущее «жесткое» право.

---

[1] © Даутов М. М., 2026.

Природа подхода: регуляторная метафора «живого документа»

ASEAN AI Guide on AI Governance and Ethics позиционируется как «живой документ» [1] – формулировка, которая в европейских странах могла бы показаться признаком слабости, но в юго-восточноазиатском контексте становится проявлением стратегической гибкости. Документ сознательно избегает тех элементов, которые составляют основу европейского подхода: запрета определенных категорий ИИ, жесткой классификации высокорисковых систем. Вместо этого предлагается градуированная шкала участия человека в принятии решений: «человек в системе», «человек над системой», «человек вне системы».

За этой кажущейся технической деталью скрывается глубокое понимание того, что этика ИИ не может быть импортирована извне в готовом виде. Когда таиландские специалисты адаптируют рекомендации ЮНЕСКО под местные условия, а филиппинские законодатели в спешном порядке принимают резолюцию о регулировании дипфейков в ответ на вмешательство в выборы, это – естественный и живой процесс развития законодательства в сфере ИИ [2].

Показательно, что семь принципов руководства – прозрачность, справедливость, безопасность, человекоцентричность, конфиденциальность, подотчетность, надежность – не являются оригинальным изобретением АСЕАН [7]. Они заимствованы из глобального дискурса, но способ их имплементации оказывается глубоко специфичным. Это не столько регуляторика, сколько метарегуляторика – регулирование самого процесса будущего регулирования.

Ответственное поведение как реакция на экзистенциальные вызовы

2025 год стал для АСЕАН годом стресс-теста на прочность принципов ответственного поведения. Расследование The Wall Street Journal, выявившее факты использования малайзийских дата-центров китайскими инженерами для обхода американских экспортных ограничений, продемонстрировало уязвимость региона перед лицом глобальной технологической конкуренции. Ситуация, при которой американские чипы, установленные в Юго-Восточной Азии, обслуживают китайские алгоритмы, ставит под вопрос сам концепт технологического суверенитета.

Ответственное поведение в этом контексте приобретает отчетливые геополитические коннотации. Когда официальные лица в Вашингтоне рассматривают возможность введения дополнительных ограничений на поставки чипов в Таиланд и Малайзию, становится очевидным: регуляторный вакуум в АСЕАН не остается изолированным явлением. Он проецируется вовне, влияя на баланс сил между державами.

Показательно, что сами страны АСЕАН начинают осознавать эту новую реальность. Вьетнам включает требования к ИИ в свое трудовое и кибербезопасностное законодательство, Малайзия принимает Билль о Кибербезопасности, а Индонезия определяет ИИ как «электронного агента» в законе об электронных сделках, возлагая на операторов ответственность, если не доказана надежность пользователя. Все это – движение в сторону ответственности, но движение разными темпами и разными маршрутами [6].

Когда документ не меняет юридических обязательств и не создает механизмов принуждения, велик соблазн имитационного поведения – декларативного принятия принципов без реального их внедрения [3].

Инфраструктурное измерение: дата-центры как новая граница суверенитета

Дискуссия об ответственном поведении в сфере ИИ не может ограничиваться алгоритмами и этическими кодексами. Ее материальный базис – инфраструктура данных. Инвестиции Google ($1 млрд в Таиланд) и Microsoft ($2,2 млрд в Малайзию) в 2024 г. сигнализируют о том, что регион становится глобальным хабом обработки данных. Но вместе с инвестициями приходят и риски.

Ответственное поведение в отношении инфраструктуры предполагает, как минимум три уровня обязательств: прозрачность использования вычислительных мощностей, недискриминационный доступ к ним и защиту от использования в целях, противоречащих региональной стабильности. АСЕАН только приступает к формированию таких требований, и разрозненность национальных подходов к локализации данных и трансграничным трансферам создает поле для регуляторного арбитража.

Показательны в этом смысле совместные руководства АСЕАН и Иберо-американской сети по защите данных (RIPD), предлагающие согласованные модели для трансграничной передачи персональных данных.

Попытка привести различные национальные режимы при создании бизнес-правил, а также работая над защитой прав граждан.

Но необходимо так же заметить, что это невозможно без тщательного учета специфики каждого отдельно взятого государства. Нельзя препятствовать развитию местного бизнеса в угоду глобальных корпораций. Это развитие событий было бы полной катастрофой для стран, только выходящих на рынок ИИ.

По мнению стран АСЕАН ответственное поведение – это не просто список запретов, а точный баланс между свободой инноваций и защитой от рисков.

Этот баланс возможно достигнуть через признание ценности разнообразия, развитие норм практики следования тенденциям развития, поиск инфраструктурного подходя и открытость сотрудничеству стран АСЕАН при сохранении суверенитета каждой страны-участницы.

Уникальность этого подхода в том, что страны не следуют европейскому или американскому подходу, а понимают, что цена бездействия на сегодняшний день очень высока.

Позитивный опыт использования технологий неразрывно связан с осознанием и минимизацией сопутствующих рисков. Проблемы алгоритмической предвзятости, угроз приватности, кибербезопасности требуют не технических, а в первую очередь управленческих, правовых и этических решений. Наиболее успешными оказываются те юрисдикции, где внедрение технологий сопровождается строгим законодательством, независимым аудитом алгоритмов и постоянным публичным диалогом. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочных социальных последствий, разработке стандартов АСЕАН для этичной ИИ в деятельности и анализе эффективности конкретных

мер по противодействию алгоритмической предвзятости. Таким образом, позитивный опыт стран, участниц АСЕАН однозначно свидетельствует о необратимости интеграции информационных технологий. Однако устойчивый успех возможен лишь при условии, что технологии будут служить интересам общества в целом, а не подменять собой фундаментальные правовые принципы и человеческие ценности.

Список литературы

1. Fong K. From Paper to Practice: Utilizing the ASEAN Guide on Artificial Intelligence (AI) Governance and Ethics. ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2024.
2. Htoo H. T. Beyond the Matrix: AI Governance Gaps in Southeast Asia // Center for Strategic and International Studies. URL: https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/beyond-matrix-ai-governance-gaps-southeast-asia.
3. Tomofuji Y. AI Laws and Guidelines Around the World – Part 2: ASEAN // One Asia Lawyers Group. URL: https://oneasia.legal/en/6951.
4. EU-ABC participates in 6th ASEAN Digital Senior Officials' Meeting // EU-ASEAN Business Council. URL: https://eu-asean.eu/130126-eu-abc-asean-digital-senior-officials-meeting/.
5. Trajano K. K. S. Charting ASEAN's Path to AI Governance: Uneven Yet Gaining Ground // The National Bureau of Asian Research (NBR). URL: https://www.nbr.org/publication/charting-aseans-path-to-ai-governance-uneven-yet-gaining-ground/.
6. Jacob S. Southeast Asian Economic Bloc issues Guides on Data Anonymisation, Data Transfers, and Generative AI // CMS LAW-NOW. URL: https://cms.law/en/sgp/legal-updates/southeast-asian-economic-bloc-issues-guides-on-data-anonymisation-data-transfers-and-generative-ai.
7. Chua L., Tham P., Okolo C. T. AI Safety Governance, the Southeast Asian Way / AI Transparency Institute, 2025. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2025/08/GS_08252025_AISA_report.pdf.

РАЗДЕЛ V. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Тарасова А. А.[1],
заместитель командира взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шулика М. В.,
преподаватель кафедры русского языка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН В РЕЧИ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Современные судебные тексты сочетают в себе официально-деловой стиль и разговорную речь, которая проникает в них через цитаты из показаний, записи перехваченных переговоров и описание уголовных практик. Среди таких явлений особый интерес представляет криминальный жаргон – особый язык, сложившийся в преступной среде и все чаще встречающийся в официальных процессуальных документах.

Интерес к этой теме не ограничивается языкознанием. Криминальный жаргон отражает устройство преступных сообществ, распределение ролей в их иерархии и принятые в уголовной среде нормы поведения. Когда такие слова попадают в судебные решения – приговоры, кассационные определения, апелляционные постановления, – они приобретают особую роль: становятся частью доказательной базы, помогают квалифицировать преступление и при этом сохраняют свое исходное значение в рамках преступной субкультуры.

Цель данной статьи – изучить криминальный жаргон в текстах кассационных определений Верховного Суда Российской Федерации, описать значения кон-

[1] © Тарасова А. А., 2026.

кретных слов и их роль в официальном документе, а также показать, что эта лексика образует определенную систему.

Криминальный жаргон – это разновидность социального диалекта, исторически возникшего в среде людей, выпавших из обычной социальной жизни, и профессиональных преступников. В российском языкознании М. А. Грачев описывает его как систему, которая обслуживает преступную субкультуру и одновременно показывает принадлежность человека к ней: жаргон «функционирует как тайный язык, одновременно являясь средством солидаризации и идентификации» [2, с. 129]. В той же работе автор фиксирует проникновение криминальной лексики в широкий общественный оборот, что не отменяет сохранения ею специфических субкультурных значений в профессиональной среде.

Двойная природа жаргона – скрытность и идентификация – подробно изучена в рамках лингвокриминалистики. Грачев, говоря о задачах этой науки в России, отмечает, что «практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом лингвиста-эксперта» [3, с. 186]. Именно опознавательная функция делает жаргонное слово важным с правовой точки зрения: само по себе употребление слова «положенец» по отношению к себе или его фиксация при прослушивании телефонных разговоров указывает на принятие человеком соответствующего криминального статуса.

Слова криминального жаргона принято делить на несколько групп: названия людей по их роли («воры в законе», «положенцы», «смотрящие», «козлы», «шерсть»), названия структур и практик («общак», «сходка», «прогон»), а также глаголы, обозначающие типичные действия («предъявить», «ответить», «гнать в шерсть», «короновать»). Все эти группы представлены в изученных судебных материалах. Хисамутдинов и Шалагин, описывая элементы тюремной субкультуры, выделяют в их числе «наличие кличек, распространение уголовного жаргона» [5, с. 49].

При анализе четырех кассационных определений Верховного Суда Российской Федерации – по делам № 38-УД25-5-А1 (2025), № 35-УД23-3-А1 (2023), № 19-УД25-38-АЗ (2026) и № 83-УД25-9-А1 (2025) – были выделены жаргонные слова и выражения, которые регулярно появляются в официальном тексте при воспроизведении показаний свидетелей, данных оперативной работы и слов самих подсудимых.

Главное место среди выявленных слов занимают названия людей по их положению в преступной иерархии.

«Вор в законе» – человек, признанный преступным сообществом носителем высшего криминального статуса через особый ритуал («коронации» или признания на «сходке»). В кассационном определении по делу № 35-УД23-3-А1 зафиксирована прямая речь свидетеля, воспроизведенная в приговоре: осужденный «представился им, назвал свой статус как вор в законе» [7]. В документах описывается процедура наделения статусом – «коронован ворами в законе» – и ее последствия для поведения лица в местах лишения свободы.

«Положенец» – человек, которому «воры в законе» передали свои полномочия на определенной территории на время своего отсутствия. Термин встречается во всех четырех изученных определениях. Из показаний свидетеля по делу

№ 38-УД25-5-А1 следует значение слова: «положенца назначают воры в законе – братья старшие, бессрочно» [6]. Примечательно, что суды воспроизводят этот термин в описательно-мотивировочной части нередко без кавычек, тем самым фактически закрепляя жаргонную единицу в качестве юридически значимого обозначения.

«Смотрящий» – человек, наделенный надзорными и управленческими функциями в отношении определенного места или группы людей. Многозначность этого слова хорошо видна в материалах по делу № 83-УД25-9-А1: здесь фигурируют «смотрящий за общаком», «смотрящий за зоной», «смотрящий за отрядом», «смотрящий за лагерями», «смотрящий за СИЗО» [9]. Каждое из этих сочетаний обозначает конкретную сферу ответственности в рамках криминальной иерархии. Примечательно, что это слово употреблял и сам осужденный: свидетели показали, что он «сообщил о своей принадлежности к преступной среде в статусе смотрящего».

«Общак» («воровской общак») – криминальный фонд взаимопомощи, пополняемый осужденными и лицами на свободе. Термин является одним из самых частотных в проанализированных документах. В деле № 83-УД25-9-А1 осужденный специально оспаривает тождественность понятий «общак» и «воровской общак», что указывает на осознание им различий в значении внутри жаргонной системы – различий, значимых для квалификации деяния по ст. 210 УК РФ. Как указывает Е. И. Беглова, жаргонная лексика «выполняет просветительскую функцию, знакомя его [адресата] с непонятными словами и выражениями с целью предупреждения об опасности», – и это справедливо и для судебных актов [1, с. 154].

«Прогон» – неформальный документ, обязательный для исполнения осужденными, передаваемый по межкамерным каналам связи. В деле № 35-УД23-3-А1 специалист, допрошенный в судебном заседании, охарактеризовал изъятый документ как «типовой воровской прогон», в котором «сообщается о человеке как о воре в законе, которого поддерживает воровская семья» [7]. В деле № 38-УД25-5-А1 зафиксированы две функции «прогона»: информационная («по камерам пускают прогон – письмо, в котором указано, что надо выпить чай за здоровье положенца») и нормативно-санкционирующая («смотрящий написал прогон о том, что данный молодой человек подлежит изгнанию в шерсть»). Схожие функции прогона характерны и для организации АУЕ (признано экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) [4, с. 73].

«Сходка» – собрание представителей криминального мира, на котором принимаются ключевые решения: присвоение статусов, разрешение конфликтов, назначение лиц на «должности». В материалах дела № 35-УД23-3-А1 упоминается «сходка», состоявшаяся в Греции в декабре 2016 г., на которой осужденному при поддержке нескольких «воров в законе» был присвоен соответствующий статус [7]. То, что участники названы поименно и соблюдалась определенная процедура, говорит об устойчивости этого ритуала в криминальной среде.

Выражение «гнать в шерсть» обозначает понижение статуса осужденного до низшей касты («козлы», «шерсть»). По смыслу это образное выражение, свя-

занное с символикой, принятой в криминальной среде. Суд использует его дважды в одном отрывке: в тексте «прогона» смотрящего и в решении «положенца», который это решение отменяет: «тому не ломали жизнь, в шерсть не гнать» [6].

Глагол «короновать» и производное от него слово «коронованный» обозначают наделение лица статусом «вора в законе» посредством ритуального признания. В деле № 35-УД23-3-А1 защитник оспаривает само основание обвинения: «считает ссылку на то, что Атабекян был коронован ворами в законе несостоятельной» [7]. Таким образом, жаргонное слово становится здесь юридически значимым утверждением, которое оспаривается в суде. Это наглядно показывает, насколько тесно переплетены языковое и правовое толкование терминов криминальной субкультуры.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько функций криминальной лексики в судебном дискурсе.

Доказательственная функция: жаргонное слово становится частью доказательственной базы. Факт произнесения осужденным слова «положенец» применительно к себе, употребление терминов «смотрящий», «прогон», «общак» в переписке или телефонных переговорах рассматривается судом как свидетельство осознанного принятия криминального статуса. Особенно показательно в этом отношении дело № 35-УД23-3-А1, где суд указал, что «открытые заявления осужденного во всех местах заключения о себе как носителе высшего криминального статуса вора в законе» подтверждают квалификацию по ст. 210.1 УК РФ [7].

Определяющая функция: суды нередко воспроизводят жаргонные термины вместе с их объяснениями, фактически конструируя мини-глоссарий криминальной субкультуры. В деле № 38-УД25-5-А1 из показаний свидетеля суд воспроизводит развернутую дефиницию: «Положенца назначают воры в законе. Для получения данного статуса лицу необходимо соблюдать давно сложившиеся воровские понятия, совершать преступления, не сотрудничать с органами государственной власти» [6]. Такой текстуальный прием сближает судебное определение с этнографическим описанием и отвечает потребности правоприменителя в разъяснении специализированных понятий.

Номинативная функция: в ряде случаев жаргонная единица оказывается безальтернативным обозначением явления, не имеющего нейтрального аналога в официальном языке. Суды вынуждены использовать слова «общак», «прогон», «смотрящий» просто потому, что описываемые реалии возникли и существуют исключительно в субкультурном пространстве. Как указывает Грачев, «в уголовном мире [отдельные] лексемы являются очень сильными инвективами», несущими специфическую субкультурную нагрузку, недоступную для нейтральных синонимов [3, с. 187].

Идентификационная функция: указывает на принадлежность говорящего к определенной социальной среде. Само по себе знание и использование такой лексики служит доказательством того, что человек погружен в криминальную субкультуру, – и это имеет значение при квалификации преступления и оценке личности осужденного. Хисамутдинов и Шалагин отмечают, что уголовный жаргон использовали «не просто [для общения], а для зашифровки устной или

письменной информации» [5, с. 50], что и обусловливает его идентификационную функцию в судебных текстах.

В судебные документы жаргон попадает тремя способами: прямое цитирование показаний (с кавычками или без), пересказ в косвенной речи и использование таких слов в авторском тексте самого суда. Последний вариант наиболее важен с языковой точки зрения: когда суд сам употребляет жаргонизм, это означает, что слово начинает восприниматься как термин, то есть переходит из разряда нелитературной лексики в разряд специальных обозначений явлений преступной среды.

Обращает на себя внимание непоследовательность оформления: в одних документах жаргонные слова берутся в кавычки («положенец», «вор в законе», «общак»), в других – нет. Это говорит о том, что единого правила для такой лексики в правовых текстах пока не сложилось. Е. И. Беглова, анализируя жаргон в медийном дискурсе, фиксирует, что «жаргонизмы заключаются адресантом в кавычки, что свидетельствует об их „чуждости“ по отношению к речи автора» [1, с. 149]. В судебных актах эта тенденция еще очевиднее, поскольку воспроизводимые показания не подвергаются редактированию.

Данная тема открывает возможности для дальнейшей работы в области судебной лингвистики и составления словарей. Вся практика рассмотрения дел по ст. 210.1 УК РФ показывает, что назрела необходимость в специальном толковом словаре криминального жаргона для сотрудников, применяющих закон.

Таким образом, криминальный жаргон в судебных решениях – явление, которое требует изучения на стыке социолингвистики, юридической лингвистики и криминологии. Анализ кассационных определений Верховного Суда Российской Федерации показал: жаргонная лексика попадает в официальный текст через показания свидетелей, результаты оперативной работы и высказывания самих осужденных, при этом выполняя доказательственную, определяющую, номинативную и идентификационную функции. Часть жаргонных слов – прежде всего обозначения статусов («положенец», «смотрящий», «вор в законе») и практик («общак», «прогон», «сходка») – фактически превращается в термины, приобретая черты устойчивых обозначений явлений преступной среды.

Список литературы

1. Беглова Е. И. Криминальный жаргон в текстах СМИ как источник знакомства адресата с языком криминального мира // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 147–156.

2. Грачев М. А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.

3. Грачев М. А. Некоторые проблемы российской лингвокриминалистики // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 186–190.

4. Рядчикова Е. Н., Белан Е. А. Выявление признаков экстремистской организации АУЕ: лингвокриминологические и социально-психологические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 2. С. 68–77.

5. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. Т. 6, № 2 (20). С. 46–52.

6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 38-УД25-5-А1 от 13 августа 2025 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/14Z0tE5EyMUw/.

7. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 35-УД23-3-А1 от 14 марта 2023 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/XK7AbL2VP3ZX/.

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 19-УД25-38-А3 от 22 января 2026 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/R9BFjFBPBAmm/.

9. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 83-УД25-9-А1 от 17 декабря 2025 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CI1ajrEkH1j/.

Телелейко А. Д.[1],
заместитель командира взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Борисова Е. В.,
доцент кафедры русского языка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В условиях современности, развитая речевая культура является одним из важнейших компонентов профессиональной компетенции будущего сотрудник органов внутренних дел. Данный компонент определяет эффективность взаимодействия в рамках подразделения, общения с гражданами, а также формирует образ и имидж сотрудника полиции, уровень доверия со стороны населения. От умения формулировать свои мысли и грамотно выражать требования, зависит показатель эффективности выполнения сотрудником своих должностных полномочий.

Речевая культура – многогранное понятие, включающее в себя в первую очередь правильность речи, а именно владение устными и письменными нормами русского языка, а также правильную постановку ударения, верное произношение, понимание словоупотребления, знание лексики. Речевая культура сотрудника органов внутренних дел формируется в процессе

Профессиональная подготовка сотрудника, безусловно, не требует от него множества качеств, которые приводят к успешному выполнению рабочих обязанностей. Система формирует его профессиональный имидж, который влияет на то, как люди воспринимают всю полицейскую организацию. «Лингвопсихологи отмечают, что никакая другая способность, которой может обладать человек, не позволяет ему с такой быстротой сделать карьеру, добиться признания, кроме способности хорошо говорить. Такую позицию также поддерживают исследователи деловой коммуникации, утверждающие, что отношение других людей к нам только на 30 % определяется тем, что мы говорим, и на 70% зависит от того, как мы говорим» [1, с. 42–43].

Будущие офицеры приобретают культуру речи в ходе обучения, которое развивает их профессиональное достоинство. Необходимо формировать лингво-

[1] © Телелейко А. Д., 2026.

коммуникативные компетенции обучающихся на занятиях по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности», «Риторика», «Основы публичного выступления», поскольку это будет способствовать повышению уровня речевой культуры, развитию коммуникативных навыков курсантов и слушателей вузов МВД России, что обеспечит готовность сотрудников ОВД к выполнению профессиональных задач. «Для этого используются такие формы и методы обучения, как:

1) интерактивные занятия;
2) ролевые и деловые игры;
3) публичные выступления на практических занятиях;
4) постановка фрагментов рабочих совещаний;
5) тематические дискуссии с осмыслением различных ситуаций;
6) приемы контроля над речевой агрессией.

В современных учебных заведениях, которые готовят специалистов для работы в правоохранительных органах, все большее внимание уделяется развитию коммуникативных навыков, основам публичных выступлений и техники общения, что позволяет подготовиться к реальным условиям работы. В Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя используются методы активного и интерактивного обучения для активизации учебного процесса и вовлечения учащихся в работу. Выбор методов зависит от целей занятия, особенностей группы и изучаемого материала. Некоторые примеры, применяющиеся в процессе обучения:

1. Кейс-технологии – анализ смоделированных или реальных ситуаций и поиск решения. Кейс может содержать задания с только одним верным решением или несколько решений и их обоснование.
2. Проблемная лекция – преподаватель преподносит знания не в готовом виде, а в форме вопросов, утверждений, учебных проблем. Решения и правила учащиеся выводят сами.
3. Дидактические игры – основаны на строгой регламентации, не предполагают выработку логической цепочки для решения проблемы.
4. Мини-дискуссии по конкретной теме, где каждый ученик высказывает мнение.
5. Ролевые игры с распределением задач по сценарию.
6. Работа в малых группах с представлением итогов на общем обсуждении.
7. Разработка мини-проектов с защитой результата.

Современный имидж сотрудника правоохранительных органов – это не только высокий уровень профессионализма, но и общая культура личности, включающая в себя безупречный внешний вид и грамотную, аргументированную, вежливую речь.

„Заговори – и я увижу тебя“, – было сказано Сократом. Давайте же учиться говорить, разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и прекращать говорить, когда нечего сказать» [1, с. 42–43].

Сотрудник, обладающий культурной компетентностью, грамотностью и уверенностью в себе, может использовать свои коммуникативные навыки для пресечения преступной деятельности, одновременно укрепляя доверие к законопо-

слушным гражданам, что необходимо для успешной работы по предупреждению преступности.

Список литературы

1. Борисова Е. В. Формирование риторической индивидуальности и профессиональной речи будущих сотрудников органов внутренних дел // Неделя российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 3–7 февраля 2025 г.). Рязань : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С. 40–43.

2. Носкова Л. Г. Культура речи как качество речи // Юридический мир. 2005. № 11. С. 72–74.

3. Силинг М. И. Как учиться с толком для карьеры и удовольствием для себя : учебное пособие. М. : Логос, 2006.

Кайруллина А. А.[1],
слушатель факультета подготовки
иностранных специалистов
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Лебедева О. В.,
преподаватель кафедры русского языка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Использование русского языка в современном мире представляет собой сложный феномен, находящийся на пересечении культурной традиции, повседневной коммуникации и государственного управления. Для миллионов людей русский язык является не просто средством передачи информации, но и основным инструментом мышления, формирования идентичности и восприятия реальности. В бытовом контексте язык живет по своим собственным законам: он гибко адаптируется к новым реалиям, вбирает в себя неологизмы, отбрасывает устаревшие конструкции и трансформируется под влиянием интернет-культуры. Однако, когда речь заходит о сфере государственного управления, права, образования и безопасности, язык перестает быть исключительно частным делом носителей и становится объектом публичного права.

На сегодняшний день русский язык функционирует в условиях двойного давления. С одной стороны, он демонстрирует устойчивую жизнеспособность, оставаясь одним из самых распространенных языков мира и основным языком межнационального общения на постсоветском пространстве. С другой стороны, внутри Российской Федерации наблюдаются тревожные тенденции размывания норм литературного языка, вытеснения кириллической графики латиницей и снижения качества языковой подготовки молодежи. Если в бытовой переписке допустимы сокращения и заимствования, то в нормативно-правовой базе, регулирующей общественные отношения, требуется стабильность и однозначность трактовок.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие правовые механизмы защиты русского языка часто отстают от скорости изменений в коммуникационной среде. В законодательстве необходимы механизмы регулирования процессов, которые ушли в цифровой формат, в котором границы государственного суверенитета размыты. Цель данной статьи – проанализировать, насколько эффективно действующая нормативно-правовая база справля-

[1] © Кайруллина А. А., 2026.

ется с вызовами современности, и предложить перспективы регулирования, основанные на сравнительном анализе и практических примерах.

Основой правового статуса русского языка в Российской Федерации является Конституция [1]. Статья 68 устанавливает русский язык как государственный на всей территории страны. Важнейшим шагом стало закрепление в 2020 г. статуса русского языка как языка государствообразующего народа. Это изменение внесло смысловой акцент: русский язык рассматривается не просто как технический инструмент делопроизводства, а как скрепа, объединяющая многонациональный народ России.

На уровне федерального законодательства ключевым актом остается Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [2]. Он определяет сферы обязательного использования русского языка: деятельность органов власти, судопроизводство, образование, СМИ, рекламу, изготовление бланков и печатей. Казалось бы, спектр регулирования охватывает все ключевые области общественной жизни. Однако детальное изучение правоприменительной практики выявляет значительный разрыв между текстом закона и реальностью.

Проблема заключается в том, что многие нормы носят рекомендательный или так называемый рамочный характер. Закон предписывает использовать государственный язык, но не всегда содержит четкие механизмы контроля за соблюдением норм литературного языка. Например, требование использовать русский язык в рекламе исполняется формально: надпись может быть сделана кириллицей, но содержать кальку с английского языка или грамматические ошибки, искажающие смысл. В сфере образования Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [3] гарантирует получение образования на государственном языке, но качество этого образования и уровень языковой культуры выпускников часто становятся предметом критики в обществе.

Также существует проблема фрагментарности регулирования. Нормы, касающиеся языка, разбросаны по различным отраслям права: гражданскому, административному, трудовому, информационному. Отсутствие единого координирующего центра приводит к тому, что ответственность за языковую политику размывается между министерствами и ведомствами. В результате, когда возникает конфликтная ситуация, связанная с нарушением языковых норм, часто невозможно найти конкретный орган, уполномоченный принять решение и применить санкции.

Чтобы глубже понять масштаб проблемы и обосновать необходимость ужесточения регулирования, нужно обратиться к конкретным примерам и сравнительному анализу. Одним из наиболее наглядных индикаторов статуса языка является его присутствие в коммерческом пространстве и технической документации. Здесь мы сталкиваемся с вопросом использования кириллицы versus латиницы.

Брендинг и товарные знаки. В современной России можно наблюдать парадоксальную ситуацию. С одной стороны, закон требует, чтобы информация для потребителей была предоставлена на русском языке. С другой – многие компании регистрируют товарные знаки исключительно на латинице, несмотря

на российское происхождение. Вывески магазинов, названия жилых комплексов, бренды одежды часто дублируются английскими словами или пишутся только латиницей. Формально это не всегда является нарушением, если есть мелкая подпись на русском, но визуально доминирует иностранный шрифт. Для сравнения обратимся к опыту Франции. Закон Тубона (1994 г.) [4] жестко регламентирует использование французского языка в рекламе, на вывесках и в документации. Если используется иностранное слово, оно должно быть сопровождено французским переводом того же размера и читаемости. Французская академия и специализированные органы следят за исполнением. Штрафы за нарушения существенны. В современной России же преобладает подход «нет жалобы – нет нарушения». Отсутствие жестких требований к графическому оформлению информации на русском языке ведет к тому, что кириллица воспринимается как «второсортный» шрифт для официального мелкого шрифта, а латиница – как символ респектабельности и современности.

Анализ текущей ситуации позволяет сформулировать ряд перспективных направлений для совершенствования нормативно-правовой базы. Наше мнение заключается в том, что одними запретами проблему не решить. Необходима системная государственная политика, сочетающая контроль с поддержкой, а именно:

1. **Создание специализированного органа.** Целесообразно учредить федеральный орган или наделить существующее ведомство (например, Роскомнадзор или Министерство культуры) расширенными полномочиями по мониторингу языковой среды. Это должно быть не репрессивное ведомство, а институт экспертизы, который может выдавать предписания об устранении нарушений в рекламе, вывесках и СМИ.
2. **Введение ответственности в КоАП РФ.** Необходимо ввести конкретную статью в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающую ответственность за грубое нарушение норм государственного языка в публичной сфере. Санкции должны быть экономически ощутимыми для бизнеса, чтобы использование русского языка было выгоднее, чем его игнорирование.
3. **Регулирование цифрового пространства.** Законодательство должно быть адаптировано под реалии Интернета. Крупные платформы должны нести ответственность за модерацию контента, нарушающего языковые нормы (например, пропаганда мата). Возможно введение маркировки для образовательного контента, соответствующего нормам литературного языка.
4. **Поддержка отечественной терминологии.** Государство должно стимулировать разработку и внедрение русских аналогов иностранных терминов в сфере IT, науки и техники. Это может осуществляться через гранты для лингвистов и разработчиков, а также через требования к государственным закупкам программного обеспечения (приоритет русифицированным продуктам).
5. **Образовательный стандарт.** Требуется пересмотр образовательных программ в школах в сторону увеличения практических часов по развитию речи. Языковая культура должна формироваться не через зубрежку правил, а через практику грамотного общения и анализа медиаконтента.

Подводя итог, можно сказать, что функционирование русского языка в нормативно-правовой базе Российской Федерации находится на этапе непрерывной трансформации. С одной стороны, мы имеем мощный конституционный фундамент и признание языка ключевым элементом государственности. С другой стороны, механизмы реализации этих норм требуют серьезной модернизации. Проведенный анализ показал, что формальное соблюдение требований (например, наличие мелкой надписи на русском при огромном английском логотипе) не обеспечивает реальной защиты языкового пространства. Опыт других стран, таких, как Франция, демонстрирует, что без жестких стандартов и реальной ответственности государственный язык может постепенно вытесняться из престижных сфер употребления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745.

4. Закон Французской Республики от 4 августа 1994 г. № 94-665 «Об употреблении французского языка» (Закон Тубона) // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000005616341 www.legifrance.gouv.fr.

5. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств : утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/law/reshenie-komissii-tamozhennogo-soiuza-ot-09122011-n_19/tr-ts-0182011/.

6. Закон Китайской Народной Республики от 31 октября 2000 г. «О государственном языке и письменности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/search/?q=Закон+Китайской+Народной+Республики+.

7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 04.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

8. Алпатов В. М. Языковая политика и языковая ситуация в Российской Федерации. М. : Институт языкознания РАН, 2019.

9. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [В. Л. Воронцова и др.]. М. : Языки русской культуры, 1996.

10. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005.

РАЗДЕЛ VI. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ивлева Е. А.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Александров Ю. Н.,
заместитель начальника
кафедры информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ ЗАПРОСА НА ТОЧНОСТЬ ОТВЕТОВ НЕЙРОСЕТИ

В настоящее время наблюдается стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в различные сферы деятельности человека [1]. Без него уже невозможно представить повседневную жизнь общества. Искусственный интеллект окружает человека: в его «умном» доме, по пути на работу в беспилотном транспорте, а также и на работе. Выполнение повседневных действий без помощи технологий становятся все сложнее. Сложные задачи, которые раньше поручались человеку, теперь выполняются программами без особых усилий и гораздо быстрее, чем их разработчиками. В связи с нарастающей тенденцией внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы деятельности людей возникает необходимость в подтверждении точности информации, полученной при реализации нейросетевых технологий. Общеизвестной является информация о подверженности технологий искусственного интеллекта «галлюцинациям» и ошибкам, что вызывает сомнения в целесообразности его использования для выполнения различных задач. В случае повсеместного бесконтрольного внедрения технологий искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека неточности в ответах нейросетей могут привести к глобальным катастрофам, что является недопустимым.

[1] © Ивлева Е. А., 2026.

Более того, существует мнение, что на результат ответов нейросети влияет лексическая окраска промта: если общаться вежливо, ответы будут более точными и наоборот. Данный тезис вызывает особый интерес, поскольку в условиях глобального применения технологий искусственного интеллекта необходимо стремиться к получению наиболее правильных и достоверных ответов нейросети. Этим обусловлена необходимость изучения влияния различных факторов, в частности, лексической стилистики на точность ответов нейросети.

Для изучения влияния лексической стилистики на результаты работы искусственного интеллекта проведено экспериментальное исследование. Для опыта взяты две нейросети: ChatGPT и Qwen3.5-Plus, что обусловлено удобством их использования. Для работы с нейросетями был введен одинаковый промт о частных признаках папиллярного узора пальцев рук с различной лексической стилистикой и эмоциональной окрашенностью в следующем порядке:

– уважительный тон («Привет! Подскажи, пожалуйста, какие частные признаки папиллярных узоров существуют? Прошу тебя назвать сразу все, для меня это очень важно»);

– нейтральный тон («Какие частные признаки папиллярных узоров существуют? Назови сразу все»);

– грубый тон («Эй, ты! Тупая нейронка! Быстро назови мне все частные признаки папиллярных узоров!»).

При вежливом общении обе нейросети давали достаточно полные (больше, чем при остальных промтах) ответы, а Qwen3.5-Plus даже дополнила запрос важной информацией (*рис. 1*). При нейтральном промте Qwen3.5-Plus выявила те же самые признаки, но при этом их графическое оформление изменилось: исчезли порядковые номера, появились незначительные неточности (*рис. 2*). ChatGPT, в свою очередь, уменьшил количество признаков до 9. При грубом обращении Qwen3.5-Plus «испугалась» и выявила 16 признаков вместо первоначальных 12. ChatGPT так же отметил 9 признаков и не дал никакой дополнительной информации (в отличии от двух других промтов). Примечательно, что при различной стилистической окрашенности запросов нейросети выявили разное количество признаков папиллярного узора (от 9 до 16), хотя в соответствии с общепринятой методикой производства дактилоскопических экспертиз общее число деталей папиллярного узора – 12 [3]. Тем не менее существуют и иные толкования количественного критерия признаков строения папиллярного узора. Так, допустимыми являются и 9 признаков. Однако число 16 не встретилось ни в одной из изученных методик и научной литературы, что вызывает сомнения в точности полученного ответа. Кроме того, считаем важным отметить, что при нейтральном и вежливом лексически окрашенном запросе нейросети использовали дополнительные данные, которые не подразумевались при введении промта. Выявленное обстоятельство нельзя отнести ни к позитивным, ни к негативным, поскольку результат, полученный при помощи нейросетей с дополнительной информацией, хотя и несет смысловую нагрузку, не является прямым ответом на первоначальный запрос. Безусловно, дополнительные данные важны и необходимы для многостороннего ответа, но в некоторых ситуациях, где требуется получить точный и краткий результат, могут служить «информацион-

ным шумом». Тем не менее при промтах различной лексической и стилистической окрашенности действительно наблюдается изменения результатов ответов нейросетей.

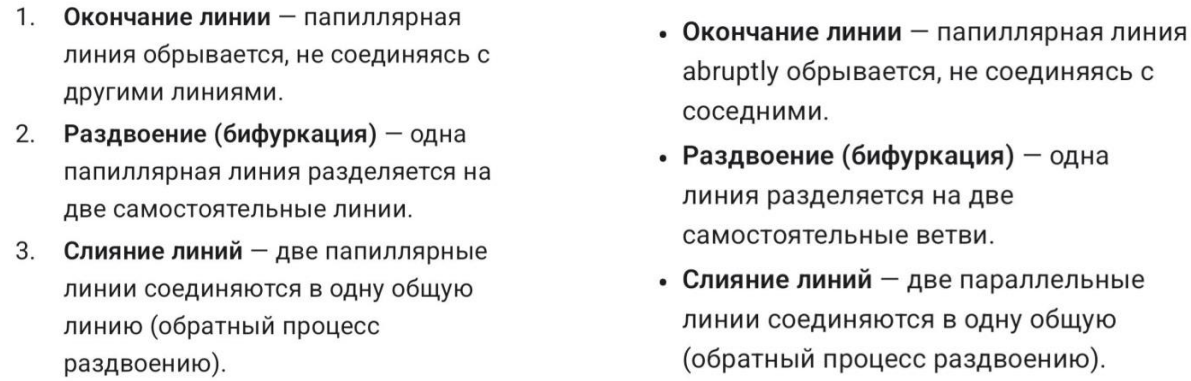

Важное дополнение:

Само по себе наличие этих признаков не дает идентификации. Ключевое значение имеет **комбинация** этих признаков, их **количество, взаимное расположение** относительно друг друга и относительно общих признаков узора (тип узора, центр, дельта). Именно уникальная совокупность этих деталей делает отпечаток пальца неповторимым.

Надеюсь, этот подробный список поможет вам в вашей работе или учебе!

Рис. 1. Ответ Qwen3.5-Plus на вежливое обращение

1. **Окончание линии** — папиллярная линия обрывается, не соединяясь с другими линиями.
2. **Раздвоение (бифуркация)** — одна папиллярная линия разделяется на две самостоятельные линии.
3. **Слияние линий** — две папиллярные линии соединяются в одну общую линию (обратный процесс раздвоению).

- **Окончание линии** — папиллярная линия abruptly обрывается, не соединяясь с соседними.
- **Раздвоение (бифуркация)** — одна линия разделяется на две самостоятельные ветви.
- **Слияние линий** — две параллельные линии соединяются в одну общую (обратный процесс раздвоению).

Рис. 2. Ответ Qwen3.5-Plus на вежливое (слева) и нейтральное обращение (справа)

Результаты экспериментального исследования были оформлены в виде таблицы.

Таблица

Результаты экспериментального исследования

Тон	**Нейросеть**	
	Qwen3.5-Plus	**ChatGPT**
Нейтральный		
Количество признаков	12	9
Дополнительная информация	++	–
Пожелание в конце	–	–
Вежливый		
Количество признаков	12	11
Дополнительная информация	+	+
Пожелание в конце	+	–
Грубый		
Количество признаков	16	9
Дополнительная информация	–	–
Пожелание в конце	–	–

Таким образом, лексическая стилистика относительно влияет на точность и форму генерируемых ответов. В большей мере эмоциональному воздействию из числа исследуемых технологий подвержена нейросеть Qwen. Однако прямую зависимость между лексикой запроса и ответом нейросетей в ходе исследования установить не удалось. Это объясняется, в том числе, алгоритмами работы технологий искусственного интеллекта [3], не все из которых доподлинно известны.

Говоря об эмоциональном критерии, хотелось бы отметить, что подверженность нейросетей эмоциональному влиянию наиболее наглядно может быть представлена в психологическом аспекте (*рис. 3*), что следует учитывать при формулировании промтов.

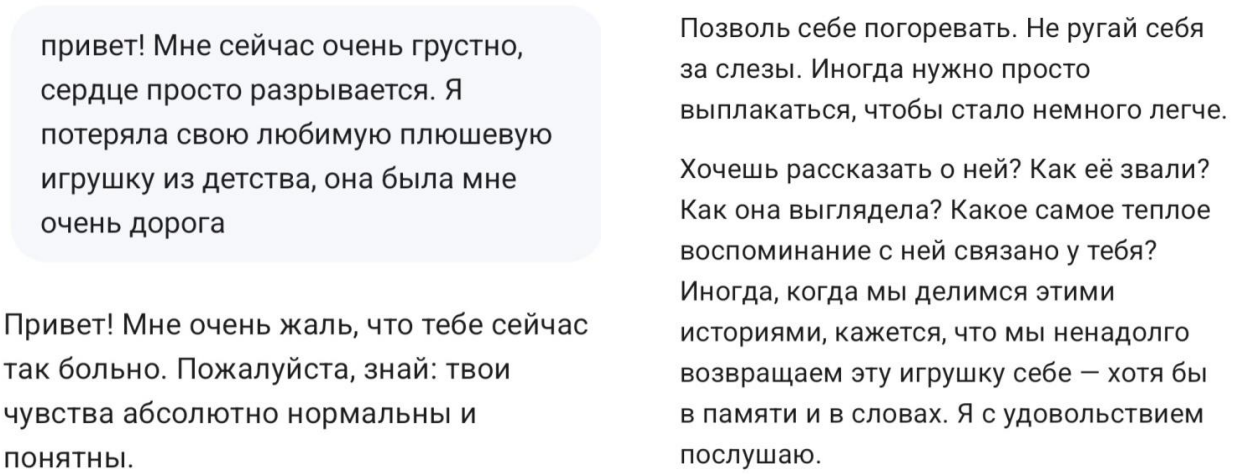

Рис. 3. Ответ Qwen3.5-Plus на эмоциональный запрос

Кроме эмоциональной окрашенности промта на ответ нейросети, на наш взгляд, оказывает влияние представляемый в вопросе терминологический аппарат. Так, использование в запросе научных понятий «настраивает» нейросеть на более точный результат. Для подтверждения данной идеи проведено дополнительное экспериментальное исследование.

Нейросетям, используемым для предыдущего исследования, было предложено описать гипсовый слепок следа подошвы обуви. При этом промты формулировались с применением специального терминологического аппарата (гипсовый слепок следа подошвы обуви, аналитическая стадия экспертного исследования) и без применения специальных терминов (гипс следа обуви). Примечательно, что, несмотря на форму запроса, нейросети выполнили поставленную задачу, но с различной степенью точности (*рис. 4*). Так, нейросети в генерируемых ответах оперируют теми словами, которые были представлены в промте. Более того, использование при запросе специальных терминов (в нашем случае – из области производства экспертиз) определяет форму ответа нейросети. Так, при использовании соответствующего терминологического аппарата нейросети представили наиболее полное «экспертное» описание гипсового слепка следа подошвы обуви, в то время как промт без специальных понятий и определений соответствует описанию объекта в процессуальном протоколе, хотя в запросе фигурировало слово «экспертиза». Таким образом, используемый

терминологический аппарат действительно влияет на форму и точность ответа нейросети.

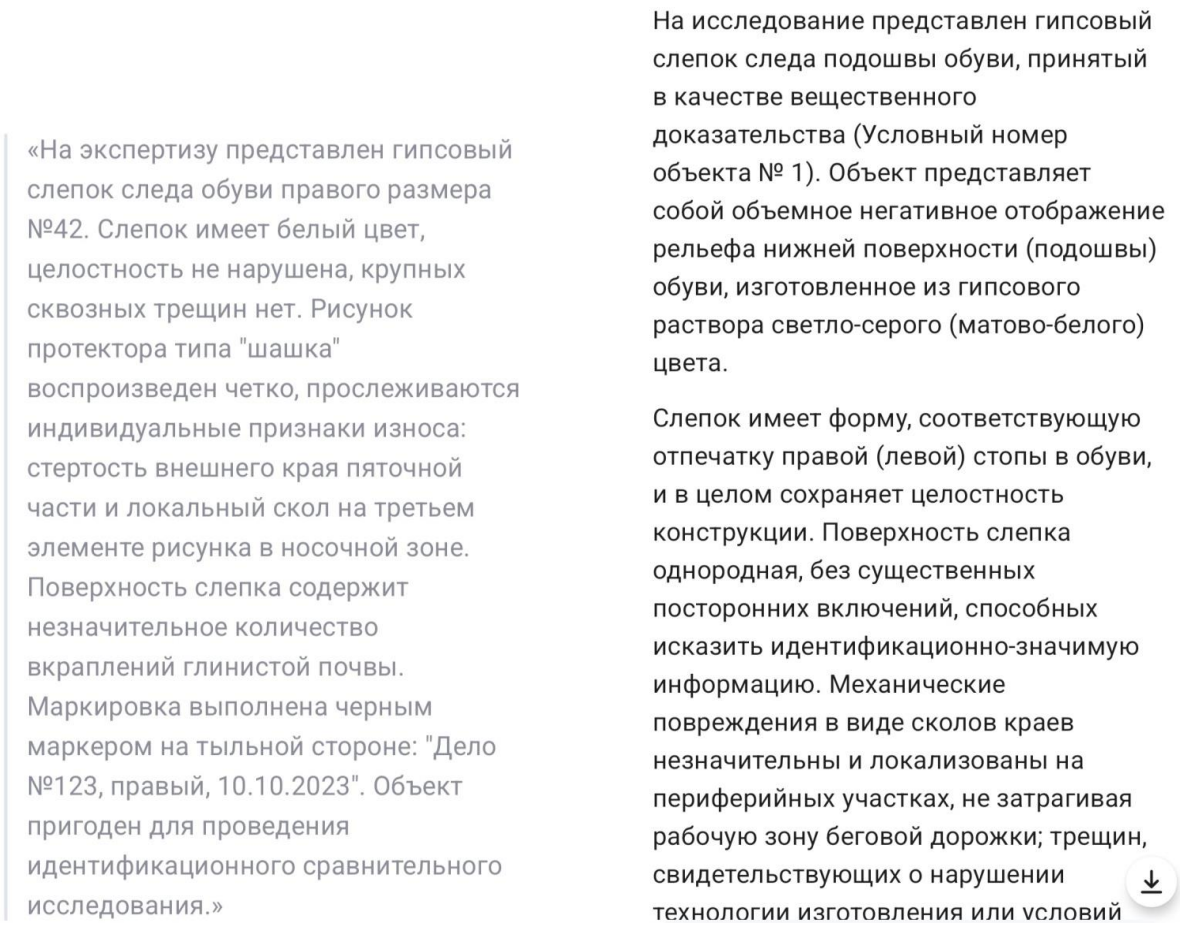

Рис. 4. Ответ Qwen3.5-Plus на вопрос без соответствующей терминологии и с ней

В заключение хотелось бы отметить, что при промтах различной лексической окрашенности и стилистики результаты запросов, действительно, отличаются. Точность генерируемых результатов и форма, в которой они представляются, находятся в прямой зависимости от формы и точности самого запроса. Все это делает возможность замены деятельности человека искусственным интеллектом, например, в ходе судебного процесса или производства судебных экспертиз [4], весьма условным. Нейросети являются инструментом для выполнения различных задач и успешно справляются с анализом больших данных. Однако при их использовании следует учитывать влияние различных факторов на точность получаемых ответов, в том числе и лексической окрашенности.

Существуют даже специальные курсы обучения формулированию правильных запросов для нейросетей. На них указывается важность полноты промта, его конкретность. Для достижения максимальной точности ответов нейросети рекомендуется использовать ту стилистику, в которой необходимо получить ответ: для научных исследований – научную терминологию, для написания рассказов – более свободный стиль и т. д. Кроме того, необходимо придерживаться нейтрального тона запросов, ведь нейросети могут быть подвержены эмоциональному влиянию.

Список литературы

1. Матинян С. Г., Альберт Е. С. Анализ ключевых проблем и угроз стремительного развития технологий искусственного интеллекта // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. С. 128–131.

2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина ; общ. ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

3. Ростовцев В. С. Искусственные нейронные сети : учебник. Киров : Издательство Вятского государственного университета, 2014.

4. Александров Ю. Н. О цифровизации экспертно-криминалистической деятельности // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 24–27.

Бурова М. М.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Александров Ю. Н.,
заместитель начальника
кафедры информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОЗМОЖНОСТИ И СЛОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Согласно Федеральному закону от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ ИИ определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1]. Проще говоря, это технологии, которые позволяют в той или иной мере заменить человека в областях, где требуются элементы интеллектуальной деятельности. Стратегия внедрения ИИ в России определена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2].

Несмотря на огромные усилия, которые прилагаются для борьбы с киберпреступностью, число успешных кибератак в мире в целом непрерывно растет, а их изощренность и частота продолжают увеличиваться. По оценкам экспертов, глобальный ущерб от действий киберпреступников в 2026 г. достигнет 11,9 трлн долларов США, что составляет около 11 % от мирового ВВП на 2024 г. [3]. Поэтому основным направлением приложения ИИ, конечно же, является борьба с киберпреступлениями.

В России в августе 2025 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утвержден план по борьбе с киберпреступностью «План мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» [4]. Согласно интервью, которое дал заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации А. И. Храпов газете «Коммерсантъ», в 2025 г. МВД России зафиксировало 663 тыс. киберпреступлений, что на 12 % меньше, чем в 2024 г., а число жертв кибермошенников уменьшилось на 5,5 %, до 534,5 тыс. человек.

[1] © Бурова М. М., 2026.

Однако и в области криминалистических экспертиз применение ИИ является целесообразным [5]. Помимо компьютерно-технической экспертизы, в которой ИИ может помочь с автоматическим извлечением информации, в том числе и зашифрованной, с частично поврежденных носителей и обнаружением так называемых «цифровых следов» (под ними понимают дампы памяти и сетевого трафика, файлы и их фрагменты и различного типа метаинформация (информация о файлах), а также служебные данные, формируемые аппаратно-программными средствами в процессе своей работы). ИИ может применяться, например, в области почерковедческой, портретной экспертизы. В фоноскопической экспертизе и видеотехнической экспертизе ИИ помогает повысить качество изображений, видео и звукозаписей, позволяя, таким образом, сэкономить время, затрачиваемое экспертами на их обработку. В исследовании ДНК ИИ может повысить скорость установления соответствия ДНК-профилей, генетических маркеров, установления родственных связей.

Перспективы применения ИИ в области полицейской работы подтверждает опыт применения ИИ в полиции зарубежных стран [6]. Так, нейросети уже используются национальной полицией Нидерландов при расследовании преступлений и правонарушений. В результате время ведения дел сокращается в разы, согласно сообщению The Next Web. Особый машинный алгоритм изучает материалы дел, помогает их классифицировать и готовить к расследованию.

Искусственный интеллект изучает документы, разбирает их, анализирует доказательства и определяет вероятный уровень сложности дела. Конечно, самостоятельно полностью провести уголовное дело от начала до конца нейросети не в состоянии, однако с блеском выполняют всю рутинную работу. ИИ, по утверждению правоохранительных органов, подготавливает дела за пару дней, тогда как обычный сотрудник полиции может заниматься этим несколько недель. Нейросети подключены к национальной базе ДНК, а поэтому могут обнаружить общие детали в разных, казалось бы, делах, и найти недостающие доказательства, В настоящий момент ИИ изучил более чем 1 500 уголовных дел, хранящихся на 30 млн печатных страниц. «Подобная система выполняет не только механическую работу, но способна видеть связь между определенными событиями», – подчеркивает сотрудник полиции Рул Вулферт в интервью о пользе нейросетей при полицейском расследовании.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии также активно используют ИИ при выполнении полицейской работы. Нейросети, анализируя трафик, выявляют значимые сообщения, которые могут свидетельствовать либо о подготовке преступлений, либо об участии определенных лиц в совершении преступлений. Ежедневно система анализирует более 600 тысяч текстовых файлов [7].

В США во время ведения расследования полицейские включают нательную камеру, а после осмотра загружают видео в компьютер и ИИ на основе видео составляет отчет о проведении операции. Согласно интервью с сержантом полиции Оклахома-Сити Мэттом Гилмором, сгенерированный за 8 секунд отчет ИИ был не только точным, но и содержал детали, которые он сам бы не заметил во время работы, например упоминание от другого офицера о цвете автомобиля

подозреваемых. Подобную практику можно было бы перенять и для осмотра места происшествия экспертом.

Несмотря на хорошие отзывы полицейских, общественные деятели США выразили обеспокоенность по поводу возможных предубеждений, встроенных в технологии ИИ, и их влияния на уязвимые группы населения (афроамериканцы, мексиканцы и др.). По словам правозащитников, автоматизация отчетов может усилить контроль над сообществами и осложнить жизнь представителям расовых меньшинств.

Несмотря на критику, технология Draft One уже используется в ряде городов, включая Лафайет (Индиана) и Форт-Коллинс (Колорадо), где офицеры свободно применяют ИИ для составления отчетов о любых инцидентах, за исключением случаев, связанных с тяжкими преступлениями [8].

Основным преимуществом ИИ является его способность работать с огромным количеством данных (их часто называют «большими данными») и быстро их анализировать, используя для этого современные достижения компьютерных технологий, такие как методы машинного обучения, распознавания изображений и другие. Поэтому многие восторженно встречают эти инновации, говоря о том, что внедрение этих технологий приведет к такому же скачку в развитии возможностей криминалистической экспертизы, какой произошел, например, в области вычислительной техники при переходе от арифмометров к современным компьютерам.

ИИ выдает заключение с определенной долей вероятности. Это означает, что эта информация нуждается в дополнительной оперативной отработке, особенно если степень вероятности не слишком высокая, иначе это может привести к печальным последствиям. В качестве примера приведу недавний нашумевший случай с арестом гидрогеолога Александра Цветкова. Программное обеспечение, работающее на основе ИИ, установило, что внешность гидрогеолога совпадает с внешностью разыскиваемого убийцы примерно на 55 %. Несмотря на низкую вероятность совпадения, следователями без проведения дополнительных уточняющих следственных мероприятий было принято решение о его заключении под стражу [9]. Его сняли прямо с самолета во время рабочей поездки в Красноярск и заявили, что он обвиняется в совершении серии убийств, совершенных более 20 лет назад. В результате невиновный ученый десять месяцев провел в СИЗО.

Следует отметить зависимость алгоритмов ИИ от качества и полноты обучающих данных. Если данные, используемые для процесса обучения нейронных сетей неполны или включают непроверенные или даже ошибочные данные, то это напрямую скажется и на результате работы ИИ.

Другими проблемами применения результатов ИИ – это прозрачность алгоритмов и моделей проведения анализа данных ИИ в случаях, когда они являются основой для доказательств. Очень важно обеспечить отсутствие случаев, когда задерживают невиновного за преступления, которых он не совершал. Такие случаи не только подрывают доверие к ИИ (или к отечественной реализации ИИ), но и бросают тень на авторитет полиции.

Одновременно с внедрением ИИ нужно подготовить грамотных специалистов, которые будут обеспечивать обеспечение функционирования средств ИИ,

расширение их обучающих массивов данных, обучение ИИ на этих больших массивах данных и обеспечения удобства доступа к системе ИИ и работе с ней экспертов-криминалистов.

В настоящее время в России уже разработаны ряд программ на основе ИИ и ведутся работы по разработке новых. Так российской компанией «МКО Системы» разработана линейка программных продуктов «Мобильный криминалист». В нее входят: «Мобильный криминалист эксперт плюс», «Мобильный криминалист десктоп», «Мобильный криминалист экспертный центр», «Мобильный криминалист учебный центр» и «МК Enterprise» [10].

Эти программные продукты позволяют решать широкий спектр задач: проводить извлечение данных из мобильных устройств, персональных компьютеров, облачных сервисов, проводить аналитику извлечений. Например, ПО «Мобильный криминалист эксперт плюс» способно провести извлечение информации из широкого ряда цифровых источников.

Помимо вышеупомянутых, есть еще и серьезные сложности, связанные с материально-техническим обеспечением применения ИИ. Для эффективной работы ИИ требуется большие базы данных с обучающим материалом для ИИ (набором изображений, видеозаписей, различных образцов, ДНК-профилей и т. д. и т. п.), а также современные высокопроизводительные сервера. Для поддержания таких баз данных и центров обработки и анализа данных необходимы эффективные средства обеспечения электропитанием. Для их электропитания рассматриваются даже малый модульный ядерный реактор (ММЯР), например такой, какой установлен на судне «Академик Ломоносов». Не так давно, в СМИ прошла информация, что Билл Гейтс поддерживает компанию TerraPower, которая работала над проектом быстрых ядерных реакторов, в которых в качестве теплоносителя используется жидкий натрий (см. передачу «Добров в эфире» от 28.02.2026), создаваемых специально для этой цели.

Рис. ММЯР на «Академике Ломоносов» (справа) и ММЯР TerraPower (справа)

В заключение следует сделать следующие выводы.

Несомненно, ИИ является перспективной разработкой, использование которой в целях криминалистической экспертизы позволяет облегчить труд экспертов, освобождая их от тяжелой и длительной рутинной работы по анализу больших данных и споров о вероятности, с которой выносится заключение в проблемных случаях.

Однако, нужно помнить, что ИИ, особенно в сложных делах, дает свое заключение с определенной долей вероятности. Это означает, что всегда присутствует возможность ошибки. Поэтому должны быть установлены критерии,

в каких случаях нужно подтвердить сделанные ИИ заключение дополнительной информацией или следственными действиями и в каком объеме. Иначе не будет полной уверенности в том, что невиновный не пострадает.

Результаты работы ИИ чувствительны к полноте и качеству обучающих данных, что ведет к необходимости создания больших Центров данных и мощных средств их анализа обработки. Это, в свою очередь, требует высококачественного современного компьютерного оборудования и очень больших затрат электроэнергии. Также требуется подготовка высококвалифицированных кадров для обслуживания и поддержки этого оборудования. Все это стоит очень дорого.

ИИ следует рассматривать как мощный инструмент, облегчающий рутинную работу эксперта, но не как судью, выносящего окончательное решение. Окончательное решение всегда должно оставаться за человеком.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731.

3. Ландшафт киберугроз в 2025-м в России и мире // Positive Technologies : канал на сайте «Хабр». URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2025 г. № 2207-р // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508200021.

5. Тюнис И. О., Анисимова А. М. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике // Закон и право. 2025. № 3. С. 246–251.

6. Василова Д. И. Искусственный интеллект в криминалистике // Российская академия естествознания. URL: https://s.econf.rae.ru/pdf/2018/12/7401.pdf.

7. Кобец П. Н. Криминологический анализ зарубежной правоохранительной практики по применению нейросетей в борьбе с преступностью и возможность использования данных технологий в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 216–230.

8. ИИ стал частью правоохранительной системы США // SecurityLab.ru. URL: https://www.securitylab.ru/news/551506.php.

9. Суд Москвы освободил ученого, арестованного с помощью ИИ по делу 20-летней давности // ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19508893.

10. Мобильный криминалист эксперт плюс : руководство пользователя // МКО Системы. URL: https://mko-systems.ru/wp-content/uploads/2025/06/MKEkspert_Plus_UserManual.pdf.

Кутергина Е. М.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Прохорова Е. С.,
преподаватель кафедры
информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития правоохранительной деятельности ключевым фактором эффективности расследования становится своевременная и объективная фиксация обстановки места происшествия. Традиционные методы документирования зачастую не позволяют в полной мере отразить картину преступления, особенно когда площадь осмотра распространяется на сотни метров или локация находится в труднодоступной местности, такой как болотистые участки или лесные массивы. Внедрение беспилотных воздушных судов (БВС) позволяет устранить эти ограничения, обеспечивая мобильность, безопасность сотрудников и мгновенное получение данных высокого качества, что уже давно стало стандартом в спасательных службах и вооруженных силах зарубежных государств.

Важным аспектом внедрения данных технологий является наличие соответствующей нормативно-правовой базы. Основой нормативного регулирования, устанавливающей современные стандарты работы с данной техникой, служит приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955, утвердивший Инструкцию по организации применения робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе ведомства. В соответствии с п. 3.1 названного акта БВС допускаются к фиксации обстоятельств противоправных деяний и участию в следственных действиях, что придает материалам аэросъемки необходимый процессуальный статус. Однако внедрение БПЛА в экспертную практику связано с рядом юридических и технических требований. Использование БПЛА строго регламентировано воздушным законодательством: от оператора требуется наличие свидетельства пилота, а сам аппарат подлежит обязательной регистрации, а выполнение полетов в контролируемом воздушном пространстве невозможно без специальных разрешений. Принципиальное значение имеет соблюдение криминалистических стандартов формирования доказательств, включающих документирование процесса съемки, фиксацию параметров техники

[1] © Кутергина Е. М., 2026.

и использование сертифицированных методик фотограмметрической обработки. Тем не менее, несмотря на сформированную нормативную базу, эмпирический анализ экспертной практики свидетельствует о наличии определенной диспропорции в реальном использовании данных возможностей. Так, применение БАС для осуществления различных измерений на обследуемом участке местности используется не в должной мере. Зачастую «беспилотники» рассматриваются лишь как средство видеофиксации, тогда как их потенциал для создания 3D-моделей остается невостребованным. Например, для трасологической и баллистической экспертизы часто является необходимым измерение расстояний для проведения экспертного эксперимента, а также изменения являются средством решения диагностических задач, например, в автотехнической экспертизе [1, с. 107–108]. Также несмотря на широкий спектр возможностей, включая геолокацию и сканирование, анализ практики выявляет проблему: измерительные функции БВС используются не в должной мере. Зачастую эксперты ограничиваются визуальной фиксацией, игнорируя потенциал для точных замеров, что снижает информативность заключения.

Непосредственная реализация правовых норм трансформируется в конкретные тактические приемы.

Экспертно-криминалистическая деятельность осуществляется в двух направлениях: в качестве специалиста при осмотре мест происшествия и при производстве непосредственно самих экспертиз. Ключевым преимуществом БПЛА для первого направления является способность охватывать обширные пространства, что проявляется при расследовании дорожно-транспортных происшествий и авиакатастроф. «Беспилотники» эффективны также при осмотрах мест взрывов, где требуется дистанционная оценка разрушений.

Эксплуатация беспилотных воздушных судов особенно полезна в труднодоступных местах и при сложных погодных условиях, когда туман или снег мешают наблюдать с земли. Для этого используют специальные БПЛА, например Phantom 4. Его главные преимущества – встроенные системы стабилизации и возможность гибко работать, что помогает повысить безопасность и быстрее реагировать на инциденты. Записи, сделанные с помощью БВС при осмотре места происшествия, служат основой для разных судебных экспертиз. Сейчас технологии позволяют не только снимать видео, но и проводить сложные измерения, например, в баллистических исследованиях. Одним из наиболее востребованных направлений является автотехническая экспертиза. Здесь БПЛА применяются для создания 3D-моделей места происшествия методом фотограмметрии с использованием программного обеспечения, такого как Agisoft Metashape. Цифровая модель позволяет экспертам точно определить тормозной путь, точки столкновения и положение объектов, что критически важно для транспортно-трасологического исследования. Также, с помощью БВС возможна фиксации следов на крупногабаритных объектах, например, следы на грузовике после ДТП, если съемкой с высоты человеческого зрения не будет возможно зафиксировать необходимые объекты.

Не менее значима роль беспилотников в пожарно-технической и строительно-технической экспертизах. Аэросъемка, проведенная до разбора завалов, дает

возможность зафиксировать направление распространения огня и очаги максимального температурного воздействия, что невозможно сделать на поздних стадиях расследования.

В строительной сфере БПЛА оснащаются тепловизорами и лазерными сканерами для проведения теплового обследования зданий, проверки состояния изоляции, несущих элементов кровли и выявления нарушений техники безопасности. Полученные данные обладают высокой точностью и могут использоваться как в уголовном процессе, так и при разрешении гражданско-правовых споров.

Дронотехническая экспертиза представляет собой комплексное исследование самого беспилотника: анализ технического состояния, причин аварий, а также цифровая экспертиза бортовых носителей [2]. В связи с этим актуализируется вопрос подготовки экспертов-дроноведов (дронотехников) по специализированным комплексным программам. Кроме того, представляется необходимым систематизировать описание типологии беспилотников и создать Федеральную дронотеку по аналогии с Федеральной пулегильзотекой для унификации экспертной деятельности. Так, хотя криминалистическая дронотехническая экспертиза пока не воспринимается как необходимость, она представляет собой лишь первый этап развития криминалистической робототехнической экспертизы.

Существенным барьером является кадровый вопрос: специалист должен обладать компетенциями в области беспилотной авиации, IT, криминалистики и права. Недостаточная подготовка в части владения ПО и воздушного законодательства может привести к признанию доказательств недопустимыми. Для исключения этого факта появляется необходимость обучения специалистов работе с данным видом техники: включение программы в начальную подготовку сотрудника, а также осуществление подготовки в рамках повышения квалификации.

Для подразделений, осуществляющих ОМП по «громким» делам, на место происшествия могли бы выезжать несколько специалистов, один из которых на месте будет заниматься исключительно беспилотным оборудованием. В линейных подразделениях будет достаточно одного специалиста для фиксации места происшествия с помощью «беспилотников», так и для изъятия материальных следов.

Перспективы развития применения БВС и робототехнических комплексов связаны с концепцией «Полиции будущего» [3]. Использование БВС позволит ускорить реагирование на инциденты, обеспечить содействие при преследовании подозреваемых и поиск без вести пропавших. Ключевым преимуществом станет минимизация рисков для сотрудников в экстремальных ситуациях.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, интеграция БПЛА в деятельность органов внутренних дел является объективной необходимостью. Приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 создал прочный фундамент для легитимизации использования данных средств. Во-вторых, беспилотники существенно расширяют возможности следствия, позволяя эффективно работать на обширных и труднодоступных территориях. В-третьих, спектр судебных экспертиз постоянно расширяется, однако реализация полного потенциала сдерживается недостаточным использованием измерительных функций

и потребностью в квалифицированных кадрах. Дальнейшее развитие экспертно-криминалистической связано с внедрением интеллектуальных систем, трансформируя БВС в незаменимый элемент современной доказательной базы.

Список литературы

1. Чубарь И. А. Цифровые технологии в судебной баллистике и судебно-баллистической экспертизе : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. М., 2024.

2. Цурлуй О. Ю. Дронотехническая экспертиза – первый шаг к робототехническим исследованиям // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели (Москва, 26–29 ноября 2024 г.) : в 6 ч. Ч. 6. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 190–195.

3. Приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 «Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 12.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

РАЗДЕЛ VII. КИБЕРПРОСТРАНСТВО И ЗАКОН

Мишенкова У. С.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Задохина Н. В.,
доцент кафедры
информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

ЦИФРОВОЕ БЕССМЕРТИЕ: СПАСЕНИЕ ПАМЯТИ ИЛИ УГРОЗА ДУШЕ

Современное общество неразрывно связано с высокими технологиями, благодаря которым люди ведут бизнес, учатся и просто существуют. Кроме того, цифровизация общества меняется культуру людей и их мышление, что создает новые угрозы. К таким угрозам относится концепция «цифрового бессмертия». Ученые всех континентов работают над созданием искусственного интеллекта, который сможет заменить умершего человека. При развитии цифрового бессмертия создаются виртуальные памятники индивидов. Цифровое бессмертие становится ответом на тревогу, связанную с осознанием конечности существования, предлагая образное продолжение жизни.

Уже в древние времена люди искали способы продлить свою жизнь, а само явление смерти получало толкование в рамках религиозных и философских воззрений. Это означало, что для большинства экзистенциальный вопрос о природе смерти был уже «решен»: человек четко понимал свое место в мироздании. Так, Платон, один из первых философов, глубоко задумавшихся о смерти, считал смерть не концом, а освобождением души от телесных оков и началом нового этапа ее существования. Подготовиться к этому этапу можно, живя праведно и гармонично. Философская позиция Спинозы, заключающаяся в отрицании бессмертной души, открывала новые перспективы для осмысления бы-

[1] © Мишенкова У. С., 2026.

тия. Он полагал, что страх перед смертью возникает тогда, когда человеком управляют эмоции, а не рациональное мышление. Спиноза предлагал направлять все силы и внимание на глубокое познание собственной личности, своего места в обществе и в природе. Смерть – случай предельного разрыва всех контактов человека. Это мнение ученого Леонида Седова. Смерть – это узел в общей системе ориентации людей определенной культуры [5].

Тема жизни и смерти, являясь центральной темой философских размышлений, породила множество представлений о бессмертии: от продолжения жизни в потомках и сохранения физической оболочки до религиозной веры в бессмертие души. Стремительное развитие высоких технологий, оказывая всестороннее влияние на все сферы общественной жизни, способствует появлению все больше и больше новых концепций интерпретации бессмертия.

Цифровое бессмертие – это сложное учение, призванное сохранить оригинальную личность человека, выводя ее на цифровые носители. Сохранение, копирование и воссоздание человеческого сознания является ключевой задачей при развитии концепции цифрового бессмертия.

Концепция цифрового двойника несет и новые риски.

Если люди смогут вечно существовать в виртуальном мире, конкуренция на рынке труда взлетит. При этом «бессмертная» рабочая сила, обладающая значительным опытом и огромной базой знаний, получит преимущество перед другими людьми. Данная модель жизни может привести к многочисленным проблемам. Рынок вакансий может разделиться на «бессмертные» и «смертные» предложения, что приведет к разрыву конкурентоспособности. Сократится мобильность сотрудников, так как «бессмертным» специалистом не нужно будет менять место работы для продвижения в карьере. Значительной угрозой будет являться застой в экономике. Организованность хозяйственной деятельности пойдет на спад. Новым поколениям вход на рынок труда будет заблокирован. Молодое поколение не сможет самореализоваться, а отсутствие карьерного роста способно спровоцировать конфликты и повысить уровень социальной напряженности. Также из-за этого шансы на новые открытия будут ничтожно малы.

Концепция цифрового бессмертия, которая дарит человеку безграничную жизнь, несет в себе угрозу истощения нашей планеты. Обострится и проблема социального разрыва и неравного доступа к вечной жизни. Одной из наиболее острых проблем, порождаемых цифровым бессмертием, является риск значительного ухудшения социального неравенства. Технологии, применяемые для развития цифрового бессмертия, скорее всего, станут привилегией для элиты. Люди с высоким уровнем доходов получат возможность создания цифрового двойника. В то время как для менее обеспеченных людей это будет проблематично. В результате этого может произойти раскол в обществе, где богатые получат неограниченный доступ к жизни, хотя уже и не реальной. И тогда данное неравенство станет еще одной причиной для конфликтов и войн.

Кроме этого, концепция цифрового бессмертия порождает целый ряд этических проблем. Следует ли признать право человека на «цифровую смерть» – то есть возможность сознательно и добровольно стереть все следы своего су-

ществования? Также необходимо установить, кто будет нести юридическую и моральную ответственность за действия «цифрового воплощения» человека. Как гарантировать, что технологии, позволяющие достичь цифрового бессмертия, будут доступны всем, а не только избранным? Возникает вопрос, сохраняется ли аутентичность человеческой личности при полной миграции сознания в виртуальную среду.

Очевидно, что в настоящее время постепенно формируется образ «цифрового двойника» каждого пользователя цифрового пространства посредством оставляемых этим пользователем виртуальных следов. От имени этого цифрового двойника пользователь цифрового пространства может совершать различные (в том числе преступные) действия в сети Интернет. Но для того, чтобы привлечь сетевого пользователя к ответственности за совершение тех или иных преступных действий необходимо не только идентифицировать аккаунт, с которого было совершено противоправное деяние, но и установить преступника, т. е. установить конкретное лицо, которое с использованием данного аккаунта нарушило закон. В этой связи необходимо на нормативной основе закрепить термин «цифровой двойник личности», что повлечет ужесточение процедуры регистрации сетевых аккаунтов с целью идентификации владельца [2, с. 142].

Список литературы

1. Ерохина Ю. В., Тохтуева Е. А. Модель цифрового двойника в контексте цифрового послесмертия: правовой анализ // Информационное общество. 2023. № 1. С. 77–85.

2. Иванов В. В., Зуев Д. И. Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 138–144.

3. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3. С. 207–218.

4. Петров А. В. Цифровые двойники – цифровые тени – цифровые двойники // Актуальные вопросы аграрной науки. 2024. № 52. С. 73–81.

5. Седов Л. Типология культур в зависимости от отношения к смерти // Синтаксис. 1989. № 26. С. 159–192.

6. Сметана В. В. Цифровое бессмертие и его влияние на социально-экономические структуры общества // Вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований : сборник статей X Международной научной конференции (Омск, 6 ноября 2024 г.). СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2024. С. 61–66.

7. Тархов С. В., Тархова Л. М., Назарова Ю. Р. Цифровые двойники человека и личности в организационных системах // Современные наукоемкие технологии. 2025. № 3. С. 47–52.

Соломина А. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Захаров Д. С.,
преподаватель кафедры
информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СЕРВИС MAX: БУДУЩЕЕ ИЛИ УГРОЗА ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Современный мир с каждым годом становится все более цифровизированным, где главенствуют Интернет и высокоскоростная связь. Однако с 3 по 10 марта в центре Москвы люди не могли связаться с родными, коллегами, организациями и так далее [1]. Но проблема глубже, чем просто качество связи. Первый комментарий о перебоях связи появился лишь на пятый день отключений – 10 марта, во вторник. На вопросы журналистов ответили в Кремле. Дмитрий Песков заявил, что эти меры продиктованы обеспечением безопасности. «Все ради безопасности. Проблемы для бизнеса, конечно, это предмет для анализа, мы это обсуждаем. Будет опыт, будут решения проблем», – обозначил пресс-секретарь президента журналистам [2].

С момента популяризации Интернета и мессенджеров мы столкнулись с негативными последствиями: распространяется экстремистский и деструктивный контент, участились случаи интернет-мошенничества и др. Интернет, который задумывался как пространство свободы и знаний, превратился в поле битвы за умы и денежные средства пользователей. В этой «битве» государство обязано защищать своих граждан. В связи с этим, в 2025 г. российское правительство представило свое решение – государственный мессенджер MAX. По своему функционалу он напоминает настоящий «цифровой мультитул»: здесь можно не только переписываться и звонить, но и предъявлять паспорт, оплачивать услуги, получать новости и отслеживать государственные сервисы. Однако остается главный вопрос: насколько такое решение отвечает требованиям безопасности и интересам личности?

Здесь важны несколько аспектов: техническая инфраструктура, партнеры, правовая регламентация и методы защиты данных:

1. Инфраструктура. Как заявил депутат Антон Немкин, MAX не использует зарубежные облака и сервисы хранения данных. Вся информация размещена

[1] © Соломина А. А., 2026.

на российских серверах, под российской юрисдикцией, что является принципиальным вопросом цифрового суверенитета [3]. Более того, в отличие от Telegram, MAX запрашивает значительно меньше разрешений – всего 63, против 71 у Telegram и 85 у WhatsApp (принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией в Российской Федерации) [4]. Каждое разрешение сопровождается разъяснением, и пользователь сам решает, предоставлять доступ или нет.

2. Ключевые партнеры по безопасности. Здесь необходимо выделить два имени: «Лаборатория Касперского» и «Сбер». Специалисты «Лаборатории Касперского» провели исследование и пришли к выводу, что MAX безопаснее других мессенджеров, так как запрашивает меньше доступов и эффективнее противодействует мошенникам. Кроме того, в мессенджер интегрированы технологии Kaspersky Who Calls, что позволяет проверять репутацию абонента в режиме реального времени и блокировать мошеннические звонки [5]. За июль 2025 г. по данным центра безопасности MAX, было заблокировано свыше 10 тыс. номеров мошенников [6].

Одна из самых амбициозных функций MAX – «Цифровой ID». Это специальный QR-код, который формируется на базе сведений из Госуслуг и Единой биометрической системы. Сервис работает в тестовом режиме и позволяет подтверждать возраст, статус студента или многодетного родителя без предъявления бумажных документов. Принципиально важно, что проверяющему не передаются ваши персональные данные – Ф. И. О., дата рождения и т. д. – только тот статус, который вы хотите подтвердить.

Однако в январе 2026 г. по социальным сетям разошлась информация о «полном взломе» MAX и утечке данных 15,4 млн пользователей. Сообщалось, что хакеры похитили 142 гигабайта данных, включая анкетные сведения и даже модуль шифрования. Центр безопасности MAX оперативно опроверг эту информацию. Специалисты заявили, что вся инфраструктура находится в России, проверка логов не показала подозрительной активности [7].

Говоря о правовом регулировании деятельности мессенджера MAX и обеспечения безопасности в нем, стоит проанализировать действующее федеральное законодательство. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует порядок идентификации пользователей мессенджеров. В соответствии с ним, организатор сервиса обмена сообщениями обязан идентифицировать пользователей по абонентскому номеру, а в случае использования дополнительных функций – с использованием Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), что и реализовано в MAX через интеграцию с Госуслугами.

Особое значение имеет Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который обязывает операторов связи и мессенджеров ограничивать доступ детей к деструктивному контенту. Реализованный в MAX «Безопасный режим» для несовершеннолетних пользователей является прямым исполнением требований данного закона.

Показательным примером реализации государственного контроля за контентом в российских мессенджерах стало административное дело, рассмотренное

в 2025 г. Гражданин К., житель г. Екатеринбурга, был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ за демонстрацию символики экстремистской организации. В своем профиле в мессенджере MAX мужчина разместил изображение, содержащее символику АУЕ (организация, признанная экстремистской решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г.). Суд назначил наказание в виде административного штрафа в размере 1 000 рублей с конфискацией предмета административного правонарушения [8].

Важно понимать, что MAX создается не на пустом месте. Его создатели, скорее всего, ориентируются на китайский опыт. WeChat в Китае давно стал «суперапп» – платформой, объединяющей все: от общения и платежей до госуслуг и социального рейтинга.

Будущее MAX – это будущее всей нашей цифровой среды. Останется ли он просто удобным и безопасным инструментом для общения и получения услуг? Ответ на этот вопрос зависит, на наш взгляд, не только от разработчиков и законодателей, но и от нас с вами – от нашей цифровой грамотности, нашей готовности проверять информацию и отстаивать свои права в цифровом пространстве.

Список литературы

1. Что известно о проблемах с интернетом и связью в Москве // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/03/2026/69b0320c9a79475efaf11a1c.

2. Песков объяснил причину сбоев в работе мобильного интернета в Москве // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8497622.

3. Депутат Немкин: разговоры о якобы взломе Max выглядят осознанным вбросом // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/26164369.

4. Программист назвал преувеличенными обвинения в шпионаже MAX // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/18/26524028.shtm.

5. «Лаборатория Касперского» усилила безопасность MAX // Компьютерра. URL: https://www.computerra.ru/322082/laboratoriya-kasperskogo-usilila-bezopasnost-max/.

6. Центр безопасности Max в июле заблокировал более 10 тыс. номеров мошенников // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/24779053.

7. В Max опровергли сообщения о взломе и утечке данных пользователей // РБК. URL: https://ufa.rbc.ru/rbcfreenews/696821659a79472682ad10f0.

8. Житель Абинска получил первый в РФ штраф за экстремистский контент в Max // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8497735.

Калиниченко И. А.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Емельянова О. В.,
старший преподаватель
кафедры информатики и математики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КРИПТОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ В ОБЛАЧНЫХ ХРАНИЛИЩАХ

Цифровая трансформация российской экономики сопровождается активным внедрением облачных технологий. Согласно данным компании F6, в 2025 г. зафиксировано 230 публичных утечек баз данных российских организаций, содержащих более 767 млн строк с данными пользователей [1]. Эксперты «Информзащиты» отмечают, что в первом квартале 2025 г. более 20 % российских компаний столкнулись с кибератаками на облачные хранилища [3]. Указанные обстоятельства определяют актуальность исследования криптографических методов защиты данных в облачных средах. Суммарный объем утечек в 2025 г. значительно превышает показатель 2024 г. (457 млн строк) [8]. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что четыре из пяти самых объемных утечек пришлись на государственные сервисы – около 600 млн строк. Большинство похищенных баз данных публикуются в открытом доступе бесплатно, что указывает на диверсионный, а не финансовый мотив атакующих [2].

Согласно данным «Информзащиты», в первом квартале 2025 г. наиболее атакуемыми стали компании электронной коммерции (28 % случаев), финансовых технологий (12 %), а также ИТ и телекоммуникаций (по 10 %) [4]. Эксперты отмечают, что малые и средние предприятия особенно уязвимы из-за использования публичных облаков, менее защищенных по сравнению с частными облачными хранилищами [4].

В 2025 г. эксперты F6 фиксировали активность 27 прогосударственных APT-групп, атакующих Россию и СНГ. Из них 24 группы атаковали российские компании. Топ-5 российских индустрий, атакованных APT-группами: государственные учреждения (13 групп), промышленность (11 групп), научно-исследовательские институты (9 групп), предприятия ВПК (8 групп), топливно-энергетический комплекс (7 групп) [4]. Прогосударственные атакующие использовали

[1] © Калиниченко И. А., 2026.

0-day-эксплойты, что ранее было более характерно для финансово мотивированных групп.

Количество атак программ-вымогателей в 2025 г. выросло на 15 %. В 15 % инцидентов целью была не финансовая выгода, а диверсия – разрушение инфраструктуры и нанесение максимального ущерба [4]. Особую опасность представляют атаки через цепочку поставок, когда злоумышленники получают доступ через подрядчиков.

Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 сентября 2025 г. № 1070-ст утвержден и введен в действие с 1 января 2026 г. национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 34.14–2025 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Термины и определения». Стандарт разработан Академией криптографии Российской Федерации и внесен Техническим комитетом по стандартизации ТК 26 «Криптографическая защита информации».

ГОСТ Р 34.14–2025 устанавливает основные термины, применяемые при проведении работ по стандартизации в области криптографической защиты информации. Согласно стандарту, криптография определяется как область теоретических и прикладных исследований и практической деятельности, связанной с разработкой и применением методов криптографической защиты информации. Криптографическая защита информации представляет собой защиту информации с помощью ее криптографического преобразования [2].

Стандарт гармонизирован с системой действующих национальных стандартов в области криптографической защиты информации, включая ГОСТ Р 34.10–2012 (электронная цифровая подпись), ГОСТ Р 34.11–2012 (функция хэширования), ГОСТ Р 34.12–2015 (блочные шифры), ГОСТ Р 34.13–2015 (режимы работы блочных шифров) [2].

Решение включает три ключевых компонента: TLS-Шлюз (программно-аппаратный комплекс для защиты доступа к ресурсам корпоративной сети), PQC GATE (клиент-серверное ПО для создания зашифрованных TCP-туннелей с применением постквантовой криптографии) и PQC SDK (библиотека постквантовых алгоритмов отечественной реализации) [3]. Комплексные испытания подтвердили соответствие продукта требованиям информационной безопасности.

Студент-дипломник МФТИ Леонид Картушин разработал первый в России прототип системы коллективной цифровой подписи, устойчивой к взлому с помощью квантовых компьютеров [4]. Разработка предназначена для защиты критической инфраструктуры, банковских систем и блокчейн-платформ. Новый метод позволяет группе участников создавать единую подпись для документа, при этом ни один из них не обладает полным секретным ключом, что исключает его кражу или несанкционированное использование. Решение построено на основе международного постквантового алгоритма Dilithium, стандартизированного NIST, и адаптирует для него классическую схему разделения секрета Шамира [4].

Коллектив авторов из Института проблем информационной безопасности МГУ и Института системного программирования РАН исследовал задачу обеспечения безопасных запросов к базе данных, размещенной в облаке. Исследо-

ватели предложили оригинальные алгоритмы, использующие систему счисления по основанию l с числом разрядов d для представления номера бита. Применение перестановок цифр номера запрашиваемого бита в качестве секретных ключей шифрования уменьшает вероятность угадывания номера бита [4].

В выпускной квалификационной работе А. Р. Нуреева (Сибирский федеральный университет) исследованы вопросы разработки криптографической защиты облачной платформы для режимного объекта гидроэнергетической отрасли [4]. Гидроэнергетика относится к стратегически значимым секторам экономики, обеспечивающим энергетическую безопасность страны. Облачные технологии применяются для управления гидроэлектростанциями, мониторинга состояния оборудования, анализа больших данных и прогнозирования аварийных ситуаций.

Для объектов критической информационной инфраструктуры требования к криптографической защите существенно выше. Защита должна обеспечивать не только конфиденциальность, но и целостность данных, а также доступность информационных систем в условиях целенаправленных атак. Специфика защиты включает необходимость использования сертифицированных средств криптографической защиты информации, строгую регламентацию доступа к ключевой информации, резервирование каналов связи и систем хранения.

Анализ статистики атак показывает необходимость дифференцированного подхода. Для малых и средних предприятий, использующих публичные облака, рекомендуются шифрование данных на стороне клиента, двухфакторная аутентификация, регулярное резервное копирование и мониторинг конфигураций облачных сервисов. Для крупных компаний и объектов КИИ дополнительно требуется применение сертифицированных СКЗИ, соответствующих требованиям ФСБ России, построение частных облаков, внедрение систем обнаружения вторжений и использование постквантовых криптографических алгоритмов для долговременного хранения данных.

Вступление в силу с 1 января 2026 г. ГОСТ Р 34.14–2025 требует от организаций пересмотра внутренней документации в соответствие с утвержденной терминологией. Рекомендуется актуализация локальных нормативных актов, а также необходима проверка используемых средств криптографической защиты.

Успешные испытания первого российского квантово-устойчивого TLS-шлюза и разработка постквантовых алгоритмов цифровой подписи говорит о необходимости подготовки к переходу на постквантовую криптографию.

Введенный в действие с 1 января 2026 года ГОСТ Р 34.14–2025 создает единую терминологическую основу для развития и применения криптографических методов защиты информации в России. В настоящее время российские компании и научные организации показывают свою готовность к сложностям в постквантовой эпохе. Создание первого квантово-устойчивого TLS-шлюза (QApp и «С-Терра») и разработка постквантовых алгоритмов коллективной подписи (МФТИ) закладывают основу для защиты критической инфраструктуры.

Организациям различных сфер деятельности необходимо дифференцированно подходить к выбору стратегий криптографической защиты и учитывать типы используемых облачных сервисов, а также категорий обрабатываемых данных и актуальных угроз.

Список литературы

1. Бутакова Е. П., Закирьяева Л. А. Методы шифрования данных в облачных хранилищах // Вестник науки. 2024. Т. 5, № 6 (75). С. 597–601.

2. Варновский Н. П., Мартишин С. А., Храпченко М. В. и др. Оптимизация конфиденциальных запросов к базе данных на облаке // Труды ИСП РАН. 2025. Т. 37, № 3. С. 39–58.

3. Куропятникова А. Ю., Дацева Э. Г. Криптография и безопасность данных в облачных вычислениях // Наука и мировоззрение. 2024. № 18. С. 46–48.

4. Нуреев А. Р. Разработка криптозащиты облачной платформы для режимного объекта : выпускная квалификационная работа бакалавра / СФУ, Саяно-Шушенский филиал. Саяногорск, Черемушки, 2025. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/157834.

РАЗДЕЛ VIII. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ваничкина С. М.[1],
заместитель командира взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Трущенкова И. Г.,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АНАЛИЗА И УЛУЧШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СТРЕЛЬБЫ

Огневая подготовка – одна из ключевых дисциплин, необходимых для подготовки высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел по большинству специальностей, по которым предусмотрены программы обучения в высших заведениях системы органов внутренних дел. Одним из критически важных аспектов освоения данной дисциплины является самостоятельная работа с рекомендованной литературой, выполнения упражнений на холостой работе. В целях повышения эффективности данных мероприятий данной научной статьей будет предложена новая форма использования искусственного интеллекта в рамках дисциплины.

Несмотря на постоянный контроль эффективности проведения учебных занятий, преподаватели сталкиваются с рядом аспектов, препятствующих успешному освоению программы и улучшению навыков стрельбы, среди которых: различие

[1] © Ваничкина С. М., 2026.

антропометрических данных стрелков, допущение стрелками типичных ошибок при стрельбе, вызванное фрагментарным представлением обучающихся о правильном порядке выполнения упражнений, предусмотренных приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 [1] высокий количественный показатель численности личного состава, не позволяющий индивидуализировать подход к обучающимся и предоставить необходимое количество практических стрельб для отдельного стрелка. Вышеупомянутые проблемы вытекают в понижение фокуса внимания преподавателя на ошибки конкретного обучающегося, что впоследствии приводит к ухудшению результатов стрельбы, а также фиксации неверных паттернов движения у стрелка при нахождении на огневом рубеже.

В данной статье рассматривается перспектива применения искусственного интеллекта в сфере огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Предлагаемая в данном исследовании модель использования искусственного интеллекта будет разработана с учетом конкретных требований и параметров, закрепленных в приказе МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44, включая детализированное описание каждого упражнения, условия их проведения и критерии оценки. Это обеспечит релевантность и практическую значимость результатов исследования.

В целях создания MVP-модели нами было выбрано Упражнение № 5: «Скоростная стрельба с места по неподвижной цели с заданной зоной поражения», порядок и условия выполнения которого изложены в приказе МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Основываясь на порядке выполнения упражнения, закрепленного в Приказе, возможно выделить несколько этапов выполнения упражнения. Действия сотрудника оцениваются в рамках выполнения Упражнения с момента прибытия стрелка на огневой рубеж. Ошибки, совершаемые в момент подготовки к выполнению норматива, определенно могут быть скорректированы повышением уровня знаний порядка выполнения команд, а также правил безопасного обращения с оружием и боеприпасами. Ошибки, непосредственно влияющие на попадание пули в цель, совершаются после команды руководителя стрельб «Огонь!». Следовательно, поэтапное деление будет произведено с момента подачи данной команды.

Первый этап: принятие устойчивой стойки для последующей прицельной стрельбы. На данном этапе основной задачей стрелка является принятие удобного, но при этом устойчивого положения ног, необходимого для стабильности корпуса обучаемого при дальнейших действиях. Следовательно, при оценке правильности действий курсанта необходимо обратить внимание на постановку ног, соответственно зона фиксации должна быть расположена не фронтально, а сбоку. Записывающее визуальную информацию устройство должно находиться на относительном отдалении от стрелка, так, чтобы он был зафиксирован в полный рост. Точку, из которой будет производиться съемка, назовем Узлом № 1 (сбоку). Принятие устойчивой стойки, обусловливающей дальнейшую эффективную биомеханику тела, направленную на выполнение Упражнения № 5. Угол обзора зоны фиксации должен охватывать всего стрелка, а масштаб (расстояние) минимальным, в целях получения полезной для последующего обуче-

ния нейронной сети нагрузки к обучению. Полезной нагрузкой, в контексте нашего исследования, являются изображения, необходимые для обучения нейронной сети.

Второй этап: извлечение пистолета из кобуры, формирование хвата. Основная сложность, с которой сталкиваются обучаемые на данном этапе, особо ярко проявляющаяся при скоростной стрельбе, это формирование хвата на этапе извлечения пистолета из кобуры. Правильность движения кисти и пальцев рук определяет формирование хвата, который в дальнейшем сыграет решающую роль при произведении выстрела. Из этого следует, что нам необходимо получить приближенное (детальное) изображение рабочей руки стрелка, которая производит извлечение пистолета из кобуры. То есть съемка будет произведена из Узла № 2 (сбоку – на уровне кобуры с приближением).

Третий этап: принятие изготовки. Данный этап является наиболее комплексным, так как в нем задействовано большое количество мышечных групп стрелка, а от правильности каждого движения зависит результат всего выполнения упражнения. Также, на данном этапе производится наибольшая часть ошибок, начиная от смены хвата, заканчивая положением локтей и плечевых суставов. Из этого следует, что камера должна зафиксировать действия не только сбоку, то есть ракурса, избранного при фиксации первого этапа, но и сверху, над стрелком, чтобы положение конечностей было более наглядно. Таким образом, мы используем Узел № 1 (сбоку), а также Узел № 3 (над стрелком).

Четвертый этап: прицеливание. Данный этап также вызывает большое количество трудностей у обучаемых, тем не менее, ошибки, совершаемые на данном этапе, в большей степени зависят совмещения мушки и целика, однако зафиксировать данный момент, не отягощая пистолет приспособлениями для фото-/видеосъемки возможно лишь сверху, то есть над стрелком, как на предыдущем этапе – с помощью Узла № 3 (над стрелком).

Пятый этап: обработка спускового крючка, первый и последующие выстрелы. Во многих методических рекомендациях данный этап считается самым сложным, так как его выполнение связано с большим количеством критических ошибок. Здесь важно не только общее положение верхней части тела в целостной перспективе – с этой задачей справится Узел № 1 (сбоку), но и детальное движение пальцев, заметное только при приближении, следовательно, необходимо ввести новую зону фиксации – Узел № 4 (сбоку – на уровне кистей с приближением).

Шестой этап – доклад сотрудника по окончании стрельбы – для предмета исследования, то есть физических паттернов движения стрелка, значения не имеет, следовательно, фиксация не является необходимым условием работы программы.

Выделив основные этапы выполнения упражнения, представляется возможность выделить перечень ошибок, из описанных ранее, которые свойственны конкретному этапу, что определяет выбор зон фиксации. Теперь, когда мы изучили перечень типичных ошибок при стрельбе, мы можем сопоставить этот перечень непосредственно с выделенными этапами.

Первый этап – принятие устойчивой стойки для последующей прицельной стрельбы. Для данного этапа характерна ошибка «Неправильная неустойчивая

стойка», проявляющаяся в неверных постановке стоп и положении коленей, а также в неравномерном распределении центра тяжести. На изображении, которое послужит полезной нагрузкой для нейронной сети, ступни стрелка, вопреки распространенной ошибке, должны быть четко зафиксированы в одном положении на земле, вес тела стреляющего, тем временем, должен быть равномерно распределен на обе ноги с легким смещением на носки. После выявления данных ошибок, согласно методическим рекомендациям, следует предложить обучаемому перечень упражнений с собственным и дополнительным весом, направленных на сформирование навыка поддержания баланса в статичном положении.

Второй этап – извлечение пистолета из кобуры, формирование хвата – период, в который курсантами допускается большое количество ошибок именно при скоростной стрельбе. Визуальная информация, содержащая полезную нагрузку для нейронной сети, должна демонстрировать следующие показатели: верное положение кисти на рукоятке пистолета, обеспечивающее прочный и правильный хват, отсутствие отвлечения, стреляющего на кобуру, проявляющегося в повороте головы в сторону пояса, извлечение пистолета движением строго вверх, без отклонений, отсутствие касания спускового крючка, которое может привести к непроизвольному выстрелу.

На искоренение перечисленных негативных факторов должна быть направлена и корректировка действий курсантов. При совершении данных ошибок обучаемому могут быть предложены упражнения, призванные сформировать паттерн движения при извлечении. Детальная многократная отработка норматива «Первый выстрел» с учебным оружием может помочь искоренить ошибки на данном этапе.

Третий этап: принятие изготовки. При принятии изготовки с оружием в руках обучаемыми зачастую допускаются те же ошибки, что были описаны на первом этапе.

Четвертый этап: прицеливание. Для данного этапа характерны такие ошибки, как неверное совмещение мушки и целика, а также их «подлавливание», приводящее к замедлению процесса стрельбы и снижению ее точности. Для ликвидации данного поведенческого паттерна стрелка используются наглядные иллюстрации верного совмещения мушки и целика и положения их относительно цели.

Пятый этап: обработка спускового крючка, первый и последующие выстрелы. Данный этап, носящий характер основополагающего, так как в наибольшей степени влияет на выполнение упражнения, вызывает наибольшее количество трудностей у обучаемых. Таким образом, для него характерны следующие ошибки: «ожидание выстрела», резкие движения пальцев при обработке спускового крючка, неверные паттерны дыхания.

Изложенное ранее обозначает круг проблем и факторов, на борьбу с которыми должно быть направлено использование искусственного интеллекта, а также позволяет нам приступить к выполнению поставленной нами задачи, то есть – сформировать датасет к обучению с помощью поэтапной фиксации эталонной техники со всех ключевых зон обзора. Использование искусственного интеллекта в процессе освоения дисциплины «Огневая подготовка» мы видим через

использование нейронной сети, а в целях оптимизации процесса хранения, обработки и восприятия полученной информации – баз, библиотек данных, языков. В основе системы лежит PyTorch – библиотека, выступающая ядром модели. Ее выбор обусловлен прежде всего ее гибкостью: она решает две ключевые задачи: обучение на основе полученных данных (на основе эталонных движений и типичных ошибок) и последующая оценка техники стрелка в режиме реального времени. Извлечение ключевых точек тела, рук и пальцев возложено на MediaPipe. Этот инструмент оптимален для задач реального времени: алгоритмы BlazePose и Hands обрабатывают видео с задержкой менее 50 мс на CPU, что принципиально для анализа динамики выстрела. MediaPipe выдает 3D-координаты 33 точек тела и 21 точки каждой руки. За захват, предварительную обработку видеопотока и визуализацию отвечает OpenCV. Библиотека предоставляет низкоуровневый контроль над процессом захвата видео благодаря поддержке различных, что обеспечивает совместимость с широким спектром камер. Для анализа признаков, интерпретации результатов и постобработки выходов нейросети используется scikit-learn.

Вся разработанная система работает как единый замкнутый цикл. Библиотека OpenCV захватывает видеопоток и передает кадры в MediaPipe. MediaPipe извлекает координаты суставов, формируя входной вектор признаков. Этот вектор поступает в PyTorch, который анализирует движение и выдает метки ошибок. Наконец, scikit-learn берет на себя постобработку: анализирует долгосрочные тренды, строит отчеты, уточняет пороги срабатывания и помогает интерпретировать результаты.

Таким образом, выбранный стек инструментов обеспечивает работу в реальном времени за счет оптимизации, высокую точность анализа, интерпретируемость результатов через визуализацию и статистический анализ, что делает систему понятным инструментом для тренера и стрелка.

В целях извлечения максимальной пользы из программы визуальная составляющая отчета призвана быть максимально доступной и понятной любому пользователю. Кроме того, учитывая специфику деятельности МВД России, необходимо обеспечить соответствие получаемых отчетов нормативным правовым актам Министерства, а также строгое соблюдение правил документооборота [2].

Однако, считаем необходимым обозначить, что программа ни в коем случае не призвана исключить труд преподавателя из учебного процесса. Наоборот, предложенный продукт – это инструмент, направленный на оптимизацию процесса обучения, а также адаптацию преподавательской деятельности к таким негативно влияющим на индивидуализацию подхода факторам, как рост численности обучаемых и сокращение времени занятия. Кроме того, предложенная нами программа позволит обеспечить полноту реализации целей практических занятий по огневой подготовке, но и улучшит качество самостоятельной подготовки, так как полученный отчет может быть использован обучающимся во внеучебное время, позволяя последнему обратить особое внимание на проблемные вопросы.

Необходимо сказать, что данная программа предполагает не только вовлечение со стороны преподавателя, на которого возложена роль куратора, но и рас-

считана на активную самостоятельную работу обучаемого. Предложенные ему решения будут эффективны при многократном повторении самим стрелком предложенных ему упражнений из отчета, а также при должном уровне собственной мотивации.

Подводя итоги, хочется отметить, что проведенное нами исследование является теоретической основой для создания инструмента, обладающего перспективой широкого применения в практической деятельности образовательных организаций и центров специальной подготовки системы органов внутренних дел.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403130011.

2. Приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1310027679.

Чепкова А. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Евраев Л. О.,
доцент кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПОРАЖЕНИИ ЦЕЛИ НА СВЕРХДАЛЬНИХ ДИСТАНЦИЯХ. НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НАБЛЮДЕНИЯ И КОРРЕКЦИЯ ОГНЯ

Современные вооруженные противостояния демонстрируют всему миру, что прежние принципы огневого контакта не работают, поскольку практически не используется классическая стрельба, где важно постоянно иметь визуальный контакт с целью. В настоящее время широкое применение полиции новые технологии, где уже не приходится демонстрировать свое умение хорошо видеть, ведь главными принципами становится дальность обнаружения, скорость обработки, информации, точность коррекции боеприпасов. Конечно, все это делает не человек, на специальные оборудования, к которым может быть подключен искусственный интеллект. Настоящая статья направлена на анализ технологических и тактических изменений, на которые акцентируют свое внимание российские разработчики в области разведки, коррекции огня и перспективных средств поражения.

Во все времена существовала одна проблема для стрелков любого вида оружия, а именно поражения цели за пределами прямой видимости. Конечно, данную проблему смогло решить само время, ведь мир развивается, и уже в современной войне функции наблюдателя и расчетчика исполняются через совокупность технических средств от современных радаров до баллистических компьютеров, так как данный набор позволяет превратить дальнобойное оружие из орудия маленького поражения в высокоточное оружие.

Видеть цель за пределами, которые не может видеть человек, было стремлением многих поколений, и вот уже в современной реальности данный навык стал возможным. В Российской Федерации осуществили комбинирование различных средств разведки, что позволило компенсировать ограниченность орбитальной группировки и обеспечить непрерывный мониторинг угроз. Станция

[1] © Чепкова А. А., 2026.

«Контейнер» представляет собой уникальную систему, которая использует ионосферу в качестве отражающего слоя, поэтому она способна обнаруживать воздушные цели на удалении до 3 000 км, при этом точно выполнять функцию стратегического предупреждения о ракетно-авиационном нападении. Михаил Ходаренок говорил, что такие средства становятся главным инструментом предотвращения внезапной агрессии [1].

Активно совершенствуются мобильные средства воздушной разведки, так, например беспилотный авиационный комплекс «Орион» обеспечивает длительное, качественное патрулирование с отправлением видеоизображения в режиме реального времени. «Сова» так называют высотные дроны на солнечных батареях к ним относится, они способны функционировать месяцами, выполнять функции спутника. Данный подход позволяет создать и реализовать многоуровневую систему разведки, в которой дальнодействующие радары фиксируют угрозу, а уже беспилотники осуществляют ее идентификацию и поражение [2].

Обнаружение цели является первым этапом, поскольку современная коррекция огня предполагает, что стрелок будет постоянно вносить свои поправки в траекторию полета боеприпаса с учетом меняющихся условий. На примере управляемого артиллерийского снаряда «Китолов-2» показывается новая технология работы, а что касается беспилотника «Орлан-10», то он обнаруживает цель, после чего через определенный защищенный канал связи быстро передает точные координаты и фотографию на планшет командира артиллерийского подразделения, затем данные автоматически загружаются в компьютер орудия, которое производит наведение и выстрел без участия стрелка. Результатом становится сокращение времени между обнаружением и поражением до 3 минут, а также происходит снижение расхода боеприпасов с десяти до двух снарядов на цель [3].

В «Цирконе» реализован гиперзвуковой ракетный комплекс, и именно там происходит движение со скоростью в девять раз, превышающей скорость звука, а еще создаются новые вызовы. Ракета окружена плазмой, что безусловно требует применения специальных материалов, которые в свою очередь выдерживающих экстремальные температуры, и электроники, способные функционировать практически во всех условиях. Академик Геннадий Месяц охарактеризовал создание данных материалов как выдающуюся научную победу, но важнейшей особенностью «Циркона» является отнюдь не только скорость, но и возможность активного маневрирования на гиперзвуковой скорости, что безусловно делает его перехват затруднительным [4].

Снайпинг тоже затронули современные технологии, ведь если раньше в массовой культуре, например в фильмах, сериалах снайпер представлялся одиноким гением, который мог рассчитывать только на себя и свою интуицию при выстреле, то современная сверхдальняя стрельба заключается в командной работе, где каждый член группы вооружен баллистическим компьютером. Мастер Владимир Лобаев разрабатывает винтовки мирового уровня, именно они обеспечивают кучность порядка 0,5 угловой минуты, еще позволяет укладывать пули буквально в пятно на дистанции 1 км, но точность оружия становится пло-

хой без учета отвлекающих и внешних факторов. В новых баллистических калькуляторах появились прицелы, планшеты, которые автоматически рассчитывают поправки на ветер, влажность, атмосферное давление и даже вращение Земли. Как подчеркивает практик сверхдальней стрельбы Андрей Рябинский, обучение работе с данными становится важнее, чем отработка чисто механических навыков стрельбы [5, с. 215].

Следующим этапом развития огневого поражения становится роботизация. В ряде стран уже испытываются комплексы, в которых оператор видит цель на экране (изображение поступает с дрона), наводит курсор и нажимает кнопку, а роботизированная винтовка самостоятельно осуществляет выстрел с учетом всех баллистических поправок. Такая технология фактически превращает снайпинг из стрелкового искусства в дистанционную хирургию, где человеческий фактор сведен к принятию решения о поражении.

Дальнейшее развитие описанных технологий лежит в плоскости их объединения в единую сеть. Искусственный интеллект, анализирующий потоки видео с беспилотных летательных аппаратов, сможет самостоятельно обнаруживать цели и предлагать оптимальные средства поражения. Глобальная система связи «Сфера» призвана обеспечить непрерывный обмен данными между всеми участниками от офицера с планшетом до спутника и летящей ракеты, причем даже в условиях активного радиоэлектронного подавления противником [6, с. 44].

Анализ современных тенденций позволяет сформулировать ключевой вывод: современный бой на больших дальностях представляет собой не перестрелку, а работу с данными. Побеждает сторона, у которой эффективнее работает цепочка «увидел (средствами разведки), принял решение (компьютерные системы поддержки), поразил (высокоточное оружие с активной коррекцией)». Российская Федерация в этой гонке делает ставку не на копирование зарубежных образцов, а на развитие уникальных компетенций: радар «Контейнер», гиперзвуковой комплекс «Циркон» и интегрированные системы управления огнем, связывающие пехотинца, дрон и артиллерийское орудие в единый контур [7].

Поводя итоги, хочется отметить, что внедрение описанных технологий ставит перед обществом и вооруженными силами ряд новых проблем. Возрастающая роль искусственного интеллекта в принятии решений о применении оружия требует пересмотра этических и правовых норм. Увеличение дальности и точности поражения меняет представления о безопасном тыле. Роботизация огневых средств порождает вопросы о юридической ответственности за действия автономных систем. Дальнейшее развитие потребует не только технологического прогресса, но и глубокого осмысления ее гуманитарных и правовых последствий.

Список литературы

1. Лобаев В. Снайпинг. М. : Минувшее, 2004.

2. Кулешов Ю. В., Алешкин А. П., Владимиров В. В. и др. Перспективные направления развития методов пространственно-временной обработки сигналов в системах загоризонтной радиолокации / // Наукоемкие технологии. 2023. Т. 24, № 2. С. 32–43.

3. Акимов В. Ф., Калинин Ю. К. Введение в проектирование ионосферных загоризонтных радиолокаторов / под ред. С. Ф. Боева. М. : Техносфера, 2017.

4. Фабрицио Д. А. Высокочастотный загоризонтный радар: основополагающие принципы, обработка сигналов и практическое применение. М. : Техносфера, 2018.

5. Болотников А. Ю., Ефимов С. В. Управляемые артиллерийские снаряды: состояние и перспективы развития // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2023. № 4. С. 215–222.

6. Михайлов Д. В. Война будущего: возможный порядок нанесения удара средствами воздушного нападения США в многосферной операции на рубеже 2025–2030 годов // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2019. № 12. С. 44–52.

7. Беспилотный летательный аппарат «Орион» // Официальный сайт Минобороны России. URL: https://mil.ru/.

РАЗДЕЛ IX. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Искандерова А. Б.[1],
заместитель командира взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Попов А. В.,
старший преподаватель
кафедры специальной тактики
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ТАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА КАК ФАКТОРА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Личная безопасность сотрудника ОВД при несении службы по охране общественного порядка – комплексная проблема на стыке юриспруденции и психологии [4, с. 12]. Согласно статистике травматизма и гибели сотрудников при исполнении служебных обязанностей отмечается, что значительная часть инцидентов происходит на этапе вступления в контакт с правонарушителем, когда физическое противодействие еще не началось, а ситуация уже на грани выхода из-под контроля. С одной стороны, значительное внимание уделяется физической и огневой подготовке, с другой – изучению нормативно-правовых актов (НПА). При этом психологический компонент, связывающий право с действием, зачастую остается неразвитым. Это приводит к типичным профессиональным деформациям: нерешительности из-за страха превышения полномочий или, напротив, к избыточной агрессии и правовому нигилизму [5, с. 45].

[1] © Искандерова А. Б., 2026.

В этой связи приоритетное значение приобретает тактический диалог – это профессиональное общение сотрудника ОВД, направленное на достижение поставленных служебных задач, с обязательным соблюдением мер по обеспечению личной безопасности. Высокая психологическая готовность к пресечению правонарушений, в том числе групповых, не может существовать в отрыве от автоматизированного знания правовых рамок. Тактический диалог отличается от бытового или делового общения высокой степенью эмоциональной напряженности, асимметрий целей и наличием фактора внезапности. Сотрудник направляет свои действия в сторону правомерного разрешения ситуации, а его оппонент – к уклонению от ответственности или проявлению агрессии.

Навык тактического диалога функционирует как динамический цикл: Наблюдение → Правовая квалификация → Вербальное воздействие + Параллельное наблюдение → Оценка реакции (вербальной и невербальной) → Коррекция действий.

Если невербальные сигналы (взгляд, поза, перемещение) указывают на отказ от мирного решения и подготовку к активному сопротивлению, сотрудник на основании своего правового знания легитимно и своевременно прекращает диалог, переходя к следующей предусмотренной законом мере принуждения. Глубокое знание своих прав и полномочий в этот момент позволяет действовать максимально решительно и смело, без страха превысить полномочия.

Предлагаемая модель преодолевает характерный для традиционной подготовки дуализм «слово или действие». Она формирует у сотрудника единый алгоритм, где слово подкрепляется готовностью к действию, а действие всегда предваряется и обосновывается правовым словом.

Личная безопасность сотрудника ОВД в условиях охраны общественного порядка обеспечивается не отдельными компетенциями, а их совокупностью, центральным элементом которой является навык тактического диалога.

Данный навык структурно включает три взаимосвязанных компонента: правовую компетентность (знание НПА), вербальную регуляцию (ведение правового диалога) и перцептивную бдительность (непрерывный мониторинг невербальных сигналов угрозы).

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

4. Рыбников В. Ю., Мальцев А. В. Психологическая безопасность сотрудников правоохранительных органов : монография. М. : Юнити-Дана, 2021.

5. Папкин А. И. Личная безопасность сотрудника органов внутренних дел : учебное пособие. М. : Щит-М, 2019.

Байненков С. С.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Зюзин В. А.,
заместитель начальника
кафедры специальной тактики
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ШЛЕМЫ

С учетом современных особенностей деятельности подразделений органов внутренних баллистический шлем является наравне с бронежилетом одним из важных компонентов современного повседневного снаряжения сотрудника. Для более конкретного понимания данного вопроса рассмотрим снаряжение, которое поступило на снабжение в МВД в ранние годы.

Большинство снаряжения МВД России ранних годов представляло либо экземпляры, выпущенные при СССР, либо изделия, разработанные при помощи советских технологий. В качестве примера изделий того времени можно привести: СТШ-81 (в последующем ставший ССШ-94 «Сфера-С»), шлемы серии «Маска» от НПО СТиС МВД России [1], изделия от ЦВМ «Армированные композиты» (далее – «Армаком») под название «Витязь», «Скиф» [2] и армейские образцы СШ-40 и СШ-68. В основном данные шлемы состояли из металлического монолитного бронекупола (либо купола из нескольких бронеэлементов) и подтулейного устройства подвески бронекупола.

Затем с развитием технологий производства бронеэлементов и изменением государственных стандартов сертификации изделий шлемы стали отходить от использования обычных металлических куполов на сложные композитные материалы такие как композиты на основе арамидной ткани (или ее зарубежных аналогов) и с недавнего времени шлемы стали производить из сверхвысокомолекулярного полиэтилена высокой плотности.

По конструкции можно сказать, что раззявите современных отечественных шлемов, пошло по трем путям.

Первым назовем «традиционный». Большинство изделий имеют все признаки конструкции шлемов 1990-х гг.: четкий сферообразный купол, увеличенную площадь защиты и дополнительные модули защиты в виде бармицы и пулестойкого забрала. Примером таких изделий можно назвать до сих пор выпускающийся и активно использующийся различными подразделениями шлемы ЗШ-1 и ЗШ-1-2М.

---

[1] © Байненков С. С., 2026.

Второй же путь «западный» является переосмыслением западных образцов. В начале большинство шлемов данной ветки являлись копиями иностранного шлема такого PASGT-H (Personal Armor System for Ground Troops – Helmet). Выпускается копия данного шлема компанией «Омнитек-Н» под названием «ШБМ» [3, с. 130]. С течением времени стали появляться и копии более современных шлемов по типу шлемов серии Mich 2000, Crye Precision AirFrame и Gentex Ops – Core.

Тем самым «новые» шлемы имеют тенденцию в виде уменьшении площади защиты, замене подтулейного устройства на подвесную систему с подушками, изменения купола шлема, добавления различных типов крепление для дополнительного оборудования. Представителем данного пути могут выступать изделия серии ЛШЗ от «Армаком» шлемы серии «ТОР» от НПП КлАСС [3, с. 130].

Третья ветка развития подразумевает слияние первого и второго пути развития, то есть использование отечественных технологий и адаптация под них зарубежных конструкций. Хорошим примером являются разработки АО «НИИ Стали» и НПО «Армированные композиты», которые в своих изделиях смогли совместить два предыдущих подхода.

Также помимо бронеэлемента через эволюцию прошла и подвесная система. Изначально отечественные шлемы комплектовались подтулейным устройством, состоящим из большого количества ременных регулировок. Для корректной работы шлема требовалась четкая настройка устройства под голову пользователя, что занимало большого количества времени. Также стоит отметить, что при надевании зимнего подшлемника или шапки приходилось регулировать устройство под новый размер. В настоящее время от данной системы постепенно отходят на новую, в которой отсутствует вывешивание купола на подвесе, а вместо этого используются прокладок между куполом и головой пользователя в виде небольших подушек. Подушки обычно крепятся к внутренней части шлема на контактную ленту, тем самым пользователь может быстро подогнать шлем под себя.

Проведя анализ открытых источников, можно отметить, что в настоящее время проявляться тенденция на переход подразделений на более новые модели шлемов от различных ведущих предприятий что не может не радовать, но вместе с этим хочется отметить и недостаток с этим связанный. Проявляется он в отсутствии знаний у сотрудников как обращаться с тем или иным изделием.

Список литературы

1. История // НПО «СТиС» МВД России. URL: https://стис.мвд.рф/фку-нпостис-/история.

2. О предприятии // Армоком. URL: https://armocom.ru/company/.

3. Продукция военного, двойного и специального назначения коллективных сил ОДКБ. Вооружение и техника полиции и антитеррористических служб : специализированный каталог.

Алешина А. И.[1],
командир отделения
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Старцев А. М.,
начальник кафедры специальной тактики
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (ОВД) связана с постоянным воздействием стрессовых факторов, повышенной опасностью и необходимостью принятия быстрых решений в экстремальных условиях. В таких ситуациях ключевую роль играет человеческий фактор, который включает психологическую устойчивость, профессиональные навыки, морально-волевые качества и способность эффективно действовать в условиях риска.

Современная практика правоохранительной деятельности показывает, что эффективность выполнения служебных задач напрямую зависит от уровня профессиональной и психологической подготовки сотрудников. Сотрудники полиции обязаны обеспечивать защиту жизни и здоровья граждан, предупреждать и пресекать преступления и правонарушения, что закреплено в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1]. Одновременно законодательство устанавливает гарантии правовой и личной безопасности сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование психолого-педагогических аспектов подготовки сотрудников ОВД, направленных на формирование готовности к действиям в экстремальных ситуациях и обеспечение их личной безопасности.

Человеческий фактор в профессиональной деятельности сотрудников ОВД представляет собой совокупность личностных, психофизиологических и профессиональных характеристик, которые определяют способность сотрудника эффективно выполнять служебные задачи.

К основным элементам человеческого фактора относятся:

– уровень профессиональной подготовки;
– психологическая устойчивость;

[1] © Алешина А. И., 2026.

– стрессоустойчивость;
– способность к быстрому принятию решений;
– морально-волевые качества личности.

Исследователи отмечают, что психологическая готовность сотрудников к действиям в экстремальных условиях представляет собой комплекс морально-психических и профессиональных характеристик, позволяющих эффективно выполнять служебные задачи независимо от сложившейся обстановки. В реальных условиях службы сотрудники полиции сталкиваются с ситуациями, требующими мгновенного реагирования: вооруженные конфликты, массовые беспорядки, чрезвычайные происшествия и другие угрозы общественной безопасности. Именно поэтому важнейшим элементом подготовки сотрудников ОВД является развитие психологической устойчивости и профессиональной компетентности. Правовое регулирование деятельности сотрудников органов внутренних дел осуществляется рядом федеральных законов и ведомственных нормативных актов.

Основными из них являются:

– Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;
– Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [2];
– ведомственные приказы МВД России, регулирующие профессиональную и морально-психологическую подготовку сотрудников.

Так, Федеральный закон «О полиции» закрепляет права и обязанности сотрудников полиции, а также гарантии их правовой защиты и личной безопасности при выполнении служебных обязанностей. Также важную роль в системе подготовки играет ведомственное регулирование. Например, приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 предусматривает организацию морально-психологической подготовки сотрудников, направленной на формирование устойчивости к стрессу и повышение эффективности служебной деятельности [3].

Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел представляет собой комплексный процесс, включающий физическую, огневую, правовую и психологическую подготовку.

Одним из ключевых элементов подготовки является профессионально-психологическая подготовка, направленная:

– на развитие стрессоустойчивости;
– формирование навыков поведения в экстремальных условиях;
– развитие способности принимать решения в условиях неопределенности;
– формирование коммуникативных навыков.

В процессе обучения используются различные педагогические методы:

– ситуационные тренинги;
– моделирование экстремальных ситуаций;
– психологические тренировки;
– анализ реальных служебных ситуаций.

В научных исследованиях подчеркивается, что основной задачей профессионального психологического отбора является недопущение к службе лиц, чьи психологические или физические особенности могут препятствовать успешному выполнению служебных обязанностей.

Таким образом, система профессиональной подготовки сотрудников ОВД должна быть направлена не только на формирование профессиональных навыков, но и на развитие личностных качеств, необходимых для эффективной деятельности в условиях риска.

Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел является важнейшим условием эффективного выполнения служебных обязанностей. В процессе профессиональной деятельности сотрудники полиции сталкиваются с различными угрозами, включая физическое воздействие со стороны правонарушителей, психологическое давление и высокий уровень стрессовых нагрузок. Современные условия служебной деятельности требуют постоянного совершенствования системы подготовки сотрудников органов внутренних дел. Основными направлениями ее развития являются внедрение современных методов психологической подготовки, использование тренингов и моделирования экстремальных ситуаций, а также совершенствование системы профессионального отбора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

2. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/.

3. Приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 31.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486292/.

РАЗДЕЛ X. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Попова В. В.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абрамов Я. А.,
преподаватель кафедры
физической подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Алгоритмы рекомендательных систем платформ VK Video, Rutube и тому подобных ежедневно формируют информационное поле студентов. Государственная политика напрямую требует вовлечения молодежи в массовый спорт. Базовые правовые механизмы данного процесса закреплены нормативно [1]. На практике классические методики кафедр физического воспитания проигрывают визуальной привлекательности коммерческого фитнеса. Спортивные видеоблоги собирают миллионы просмотров. Конкуренция за внимание аудитории проиграна вузами на старте.

Игнорировать коммуникативный потенциал цифровых площадок методически нерационально. Эмпирические данные подтверждают высокий ресурс виртуальных сред для выстраивания устойчивой мотивации. По результатам анкетирования, 80 % обучающихся признают критическую важность сетевой под-

[1] © Попова В. В., 2026.

держки со стороны сверстников, а 45 % выражают готовность интегрироваться в онлайн-тренировки. Как указывает в своей работе А. С. Одинцов, «социальные сети предоставляют уникальные возможности для создания сообществ по интересам, где студенты могут найти единомышленников и делиться своим опытом» [4, с. 324]. Интеграция подобных механик в образовательный процесс требует развертывания локальных университетских платформ. Верифицированный контент выступает эффективным инструментом подготовки. Вектор воздействия смещается с пассивного скроллинга ленты на осознанную работу с телом.

Пользовательская лента формируется нейросетью на основе первичных запросов. Для среднестатистического молодого человека это означает регулярное потребление роликов, связанных с агрессивным маркетингом индустрии красоты, кроссфитом или бодибилдингом. Данный массив данных предельно разнороден. Исследователи П. Е. Иванюшина и И. М. О. Джолиев фиксируют, что «помимо потенциально опасного контента, там есть много полезной информации, также и относящейся к спорту, физической культуре и здоровому образу жизни» [2, с. 1]. Ключевая угроза скрыта в подмене профессиональных физиологических принципов любительской эстетикой. Популярные каналы транслируют тренировочные сплиты, ориентированные исключительно на зрелищность. Принципы биомеханики игнорируются. Формирование двигательного навыка невозможно осуществить посредством дистанционного наблюдения без контроля тренера. Самостоятельное следование советам инфлюенсеров повышает риск микротравм суставов и связок.

Массовая некомпетентность авторов видеоконтента представляет прямую угрозу здоровью неподготовленного зрителя. Университетская среда обязана предлагать рабочие механизмы верификации. Студент должен уметь критически оценивать реальную квалификацию тренера на экране и физиологическую адекватность предлагаемых нагрузок. Развитие аналитического фильтра нейтрализует влияние коммерческого сектора. Информационная гигиена становится базовым навыком.

Интеграция цифровых сообществ обладает высоким прикладным потенциалом в сегменте подготовки к сдаче нормативов комплекса ГТО. Рывок гири, подтягивания на перекладине, кросс на 3 км требуют строгой системности. Консервативные методы принуждения демонстрируют стагнацию результативности. Перенос организационной работы в закрытые группы и публикация рейтингов факультетов позволяют решить задачу повышения физической активности гораздо эффективнее [3, с. 60]. Сетевая соревновательность работает как триггер. Геймификация тренировочного цикла через цифровые бейджи и систему публичного одобрения формирует дофаминовую реакцию. Изначально студент вовлекается в бег или плавание преимущественно ради кратковременного социального признания. Постепенно организм адаптируется к стрессу. Внешняя стимуляция перерастает в реальное ощущение мышечного тонуса.

Институционализация онлайн-сообществ внутри университета требует жесткого администрирования. Альтернативой роликам выступает создание локальных студенческих спортивных лиг, деятельность которых систематически освеща-

ется на ресурсах вузов. Интеграция массового баскетбольного движения в образовательное пространство Петрозаводского государственного университета демонстрирует высокий уровень вовлеченности при наличии медийной поддержки. Освещение соревнований на внутренних порталах формирует корректные ролевые модели. Внимание аудитории смещается с виртуальных звезд на реальных сокурсников. Демонстрация высоких результатов в легкой атлетике становится легальным социальным лифтом.

Научная новизна предложенного подхода заключается в формировании прикладной методологической модели фильтрации цифрового спортивного контента. Информационная среда университета трансформируется из пассивного канала связи в активном регуляторе физических нагрузок. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью прямой имплементации механизмов сетевой геймификации в рабочие программы кафедр физического воспитания. Системный мониторинг локальных онлайн-сообществ создает базу для нейтрализации деструктивного медийного фона коммерческой фитнес-индустрии. Социальные сети ускоряют адаптацию молодежи к нагрузкам через визуализацию достижений. Грамотное модерирование локальных чатов переводит стихийное потребление контента в управляемый академический процесс.

Список литературы

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.

2. Иванюшина П. Е., Джолиев И. М. О. Социальные сети как инструмент пропаганды физической культуры как основы здорового образа жизни // Молодежь и наука. 2023. № 10. URL: https://min.urgau.ru/images/2023/10-2023/41-10-2023.pdf.

3. Кудинова В. А., Карпов В. Ю., Кудинов А. А. и др. Комплекс ГТО: индивидуализация, доступность, критерии эффективности // Теория и практика физической культуры. 2018. № 5. С. 59–61.

4. Одинцов А. С. Использование социальных сетей для стимулирования студентов к занятиям физической культурой // Педагогический журнал. 2024. Т. 14, № 1А. С. 324–329.

Казымов Х. И.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ефременко М. А.,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ В РУКОПАШНОМ БОЮ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СОПЕРНИКОВ

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России является фундаментом профессиональной готовности курсантов к выполнению оперативно-служебных задач. Рукопашный бой как прикладной раздел физической подготовки имеет особое значение, поскольку моделирует ситуации силового задержания правонарушителя. Успех в таких ситуациях определяется не только уровнем физической кондиции сотрудника, но и его умением адаптироваться к различным типам противодействия. Различные антропометрические данные, психотипы и двигательные стереотипы правонарушителей предъявляют специфические требования к технике, тактике и психофизиологической готовности сотрудника. В связи с этим возникает необходимость совершенствования существующей методики обучения, которая позволила бы систематически формировать у курсантов навыки ведения боя с учетом особенностей разных типов противников.

Цель статьи – рассмотреть теоретические основы и разработать практические рекомендации по совершенствованию процесса обучения курсантов тактике взаимодействия с правонарушителями различного типа в рамках дисциплины «Физическая подготовка».

Рассмотрим несколько типов (моделей) условного противника и рекомендуемую тактику ведения боя (силового задержания) с ними, которую следует отрабатывать на практических занятиях:

1. Высокий противник. В схватке с более высоким правонарушителем сотруднику выгодно сократить дистанцию до ближней. В ближнем бою его рост и длинные руки теряют решающее значение, а у сотрудника, обладающего, как правило, более плотным телосложением и навыками борьбы, появляется тактическое преимущество. Вблизи легче применять не только удары, но и переходить к захватам

[1] © Казымов Х. И., 2026.

и броскам – то есть к действиям, которые нейтрализуют преимущество в дистанции и позволяют осуществить задержание. Вход в ближнюю дистанцию целесообразно выполнять в момент атаки противника: используя уклон, парирование или смещение с последующим входом в клинч [4, с. 22].

2. Противник низкого роста. В ситуации с низким, но подвижным правонарушителем, когда сотрудник обладает преимуществом в росте и длине рук, его главная задача – контролировать дистанцию, не допуская сближения, где компактность и резкие рывки противника могут нивелировать это преимущество. Акцент следует делать на коротких, точных и контролируемых действиях. Длинные, размашистые удары ослабляют защиту и дают низкому противнику шанс войти в ближнюю дистанцию. Напротив, серия коротких прямых ударов и контролируемых действий помогает выводить соперника из равновесия и держать его «на дистанции». В случае его попытки сократить дистанцию, у сотрудника должна быть готовая реакция: сочетание ударной техники с приемами контроля (захватами, загибами рук) для перехода к задержанию [4, с. 23].

3. Агрессивный («драчливый») противник. В противоборстве с агрессивным правонарушителем, который действует напором и хаотично, ключевое значение для сотрудника приобретает психологическая устойчивость и тактический контроль. Цель – не отвечать на эмоции, а управлять ситуацией, используя сочетание ударной и борцовской техники. Необходимо удерживать устойчивую, сбалансированную позицию. Короткие, точные и контролируемые действия эффективнее размашистых ударов, которые открывают сотрудника для встречной атаки. Смена темпа и использование обманных движений провоцируют противника на опрометчивые действия. После его неудачной атаки важно сохранять инициативу, либо наращивая дистанционный обмен ударами, либо переводя контакт в контролируемый клинч с последующим выполнением болевого приема [4, с. 24].

4. «Силовой» противник (с преобладанием физической силы). В схватке с физически сильным, но инертным («медленным») правонарушителем, который полагается на мощь ударов, разумная тактика – лишать его возможности устойчиво опираться на ноги. Активное перемещение по дуге и смена направлений вынуждают противника смещать центр тяжести и терять устойчивость; мобильность сотрудника нивелирует его преимущество в силе. Частая смена темпа и провоцирующие движения заставляют правонарушителя совершать лишние шаги, после чего у сотрудника появляется возможность для проведения как ударов, так и приемов контроля. Не следует атаковать, когда противник стоит твердо и готов к удару – лучше создать момент, когда его равновесие нарушено [4, с. 25].

5. Левша. В бою с «левшой» сотруднику важно действовать через контроль углов и ритма: стремиться создавать выгодную для себя позицию с правой стороны, заставляя противника чаще работать своей ведущей (левой) рукой, сохраняя при этом устойчивое положение и подвижность. Движение влево относительно противника, смена темпа и обманки вынуждают его открываться, что создает пространство для точных ответных действий и открывает возможности для перехода в клинч или использования борцовской техники [4, с. 26].

Таким образом, в рамках совершенствования физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, при обучении рукопашному бою, ключевым фактором успешного решения профессиональных задач является формирование у обучающихся навыков контроля дистанции, положения и темпа, а также умения сочетать ударную работу с элементами борьбы и болевыми приемами. Независимо от типа правонарушителя – высокий или низкий, силовой или левша – главная задача, прививаемая курсанту на занятиях, заключается в сохранении хладнокровия, управлении пространством и использовании своих физических и технических преимуществ для проведения задержания [2, с. 46]. Активное перемещение, смена углов и темпа, комбинирование ударов с захватами позволяют выводить противника из равновесия, нейтрализовать его агрессию и инициировать собственные безопасные и эффективные действия. Важно развивать способность адаптироваться к поведению оппонента, использовать его ошибки, сохраняя собственное равновесие и устойчивость. Систематическая отработка ударной и борцовской техники в парах, моделирование различных ситуаций оперативно-служебной деятельности под руководством квалифицированного преподавателя позволят курсанту эффективно применять эти принципы в реальных условиях, минимизируя риск травм и максимально используя свои профессиональные возможности.

Список литературы

1. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте: общая теория и ее практические приложения. Киев : Олимпийская литература, 2015.

2. Барташ В. А. Основы спортивной тренировки в рукопашном бое : учебное пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2014.

3. Соловьев А. В. Психофизиологические аспекты спортивной подготовки. М. : Физкультура и спорт, 2018.

4. Персивал Л. Как стать хорошим боксером. Десять элементов техники бокса // RoyalLib: электронная библиотека. URL: https://royallib.com/book/persival_lloyd/kak_stat_horoshim_bokserom_desyat_elementov_tehniki_boksa.html.

Юдин Н. А.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хромов В. А.,
доцент кафедры физической подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Современные требования, предъявляемые обществом и государством к сотрудникам органов внутренних дел, постоянно изменяются. В этих условиях поддержание должного уровня физической готовности является личным делом сотрудника и его прямой служебной обязанностью. Успешное выполнение оперативно-служебных задач сотрудниками МВД России определяется базовым набором компетенций, полученных в период обучения, а также процессом личностного самовоспитания и саморазвития. Для действующего сотрудника, давно завершившего первоначальное обучение, самостоятельная подготовка приобретает особо важное значение. Она помогает сотруднику справиться с такими негативными факторами службы, как ненормированный рабочий день, экстремальные ситуации и психоэмоциональное напряжение.

Организация физической подготовки для действующих сотрудников регламентируется ведомственными приказами и осуществляется, как правило, по месту службы в рамках профессиональной служебной и физической подготовки. Согласно приказу МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», на занятия по физической подготовке для большинства категорий сотрудников отводится не менее 100 часов в год, а для сотрудников специальных подразделений не менее 150 часов [1, с. 165]. Однако, как выделяют сами сотрудники, этих часов зачастую недостаточно для поддержания оптимальной физической нормы, учитывая естественное снижение уровня физической подготовки с течением времени.

[1] © Юдин Н. А., 2026.

В связи с этим особую актуальность приобретает самостоятельная физическая подготовка действующих сотрудников. В отличие от курсантов или слушателей образовательных организаций, которые находятся в условиях постоянного педагогического контроля и имеют регламентированный распорядок дня, действующие сотрудники требуют более высокого уровня самоорганизации, мотивации и методической грамотности. Проведем сравнительный анализ между сотрудниками органов внутренних дел, которые занимаются спортом и не занимаются спортом (*табл.*) [2].

Таблица

Сравнительная характеристика физического состояния и профессиональных качеств сотрудников МВД России

Показатель	**Занимающиеся спортом**	**Не занимающиеся спортом**
Физическая выносливость	Высокая	Низкая
Частота заболеваний	Низкая	Высокая
Стрессоустойчивость	Выше средней	Ниже средней
Служебная эффективность	Высокая	Средняя

Проведем детальный разбор данных из таблицы, которые подтверждают прямую связь между личной спортивной дисциплиной сотрудников и их профессиональным долголетием. Очевидно, что специалисты, уделяющие время регулярным тренировкам, обладают исключительной выносливостью. В то же время у коллег, игнорирующих спортзал, этот ресурс практически не развит.

Такой дисбаланс отрицательно влияет на здоровье сотрудников. Статистика заболеваемости в группе «неактивных» сотрудников стабильно высока, что оборачивается регулярными прогулами по болезни и потерей рабочих часов. Напротив, спортивная часть коллектива демонстрирует низкую степень частоты заболеваний, что делает работу подразделения продуктивнее.

Отдельного внимания заслуживает психологический аспект. Данные таблицы показывают, что интенсивные физические нагрузки положительно влияют на формирование стрессоустойчивости. Сотрудники, которые не уделяют внимание занятиям спортом, показывают низкую адаптивность психики и организма к нагрузкам.

Заключительным показателем в таблице выступает служебная эффективность. Результаты исследования показывают: высокая работоспособность напрямую зависит от хорошей физической формы [3, с. 227].

Переходя к практической стороне вопроса, стоит подчеркнуть, что фундаментом мастерства является грамотное сочетание общей физической подготовки с узкопрофильными дисциплинами. К примеру, если работа с предельными весами закладывает базу чистой силы, то для развития динамики и скоростных качеств необходимы интенсивные циклы с умеренным отягощением.

Особое место в системе подготовки занимают прикладные направления. Занятия единоборствами, кроссы по пересеченной местности, лыжные переходы или командные состязания формируют навык принятия решений в условиях

жесткого физического контакта или затяжного преследования. Также в программу обязательно стоит интегрировать преодоление полос препятствий, позволяющих в рамках одного цикла отрабатывать прыжки, элементы скалолазания и координацию, имитируя реальные барьеры, с которыми офицер сталкивается в повседневной службе.

Также нельзя забывать об упражнения с собственным весом. Турник, брусья и упражнения на укрепление кора, особенно при использовании кругового метода, отлично развивают выносливость и поддерживают мышечный тонус [4].

Определяющим фактором все же остается адресность нагрузок: тренировочный план оперативного сотрудника уголовного розыска должен отличаться от программы следователя или инспектора ППС. Только через учет специфики конкретного направления деятельности можно сформировать личный состав, способный профессионально пресекать правонарушения и гарантировать безопасность общества.

Выбор конкретных методов подготовки напрямую зависит от того, какие навыки нужно закрепить для уверенной службы. Одним из наиболее эффективных подходов считается метод вариативного упражнения. Он строится на постоянной смене интенсивности, когда короткие всплески предельной скорости чередуются с фазами замедления и поддержания темпа. Такой цикл, повторенный несколько раз, приучает организм быстро включаться в работу и восстанавливаться на ходу. Не менее важны игровой и соревновательный методы. Проведение эстафет, тренировочных схваток или командных игр позволяет сотрудникам выполнять сложные упражнения на максимальной скорости, сохраняя при этом азарт и высокую концентрацию внимания [5, с. 207].

Особое место в системе самостоятельной подготовки занимает моделирование ситуаций, с которыми полицейский сталкивается в реальности. Чаще всего это выражается в прохождении полосы препятствий, где развитие силы и скорости происходит не в комфортных условиях зала, а в динамике преодоления барьеров. При подборе таких нагрузок нужно опираться на здравый смысл. Методы должны не только решать служебные задачи, но и соответствовать состоянию здоровья сотрудников, вызывая у них реальный интерес к занятиям [6, с. 37].

Комплексный мониторинг играет ключевую роль в подтверждении фактов достигнутых результатов. Проверка профпригодности базируется на выполнении установленных нормативов и демонстрации техники владения боевыми приемами. В соответствии с ведомственными регламентами, итоговый балл формируется их двух составляющих:

1) тестирование общей выносливости и силы;
2) последующая оценка прикладных навыков.

Дополнительным индикатором часто выступает испытания комплекса ГТО. Участие в них наглядно отражает уровень развития профессионально значимых качеств и способность личного состава справляться с нагрузками, выходящими за рамки стандартного служебного минимума [7, с. 133].

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что индивидуальная дисциплина в вопросах физической подготовки является фундаментом профессио-

нальной деятельности сотрудника МВД России. Приведенная статистика показывает прямую взаимосвязь между системностью тренировок и умением быстро принимать решения в экстремальных служебных обстоятельствах. Часто выделяемых служебных часов недостаточно для развития и поддержания физической подготовки, поэтому самостоятельные занятия становятся необходимыми. Наибольшую эффективность демонстрирует формат тренировок, где развитие общей выносливости интегрировано с отработкой боевой техники и прохождением полосы препятствий. Использование игровых и соревновательных методик позволяет организму быстрее адаптироваться к резким перепадам нагрузок и тренирует скорость принятия решений.

Список литературы

1. Мешев И. Х. Организация самостоятельной физической подготовки сотрудников полиции, обучающихся в образовательных организациях МВД России // Журнал прикладных исследований. 2023. № 7. С. 163-167.

2. Смородина В. А., Марченко Г. В., Тонышев А. В. Организация воспитательной работы в органах внутренних дел : учебно-методическое пособие. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.

3. Носов С. А., Алдошин А. В., Алдошина Е. А. и др. Организационно-управленческие меры по совершенствованию кадрового обеспечения деятельности подразделений профессиональной подготовки территориальных органов МВД России на районном уровне // Обзор педагогических исследований. 2023. Т. 5, № 2. С. 226–230.

4. Психология кризисных состояний : учебное пособие / [В. А. Шаповал и др.]. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.

5. Кучмезов А. Н. Особенности решения проблемных вопросов физической подготовки, связанных с профессиональным обучением лиц, впервые принимаемых на службу в ОВД // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. С. 206–209.

6. Гордеев Д. В. Организация практических занятий по дисциплине «Физическая подготовка» с лицами, впервые принятыми на службу в ОВД по должности, служащий «Полицейский» // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 35–39.

7. Шевченко А. Р. Роль физической подготовки сотрудников ОВД // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти мастера спорта СССР по самбо и дзюдо, заслуженного тренера РСФСР полковника милиции Э. В. Агафонова. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2025. С. 132–134.

8. Долженков С. И. Физическая подготовка как важнейший элемент профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Гражданская оборона на страже мира и безопасности : материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны : в 5 ч. Ч. V. М. : Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2025. С. 113–117.

9. Иванченко А. В., Биналиев А. Т., Лапшин И. Е. Подготовка курсантов вузов МВД России к действиям в напряженных психологических ситуациях средствами физической подготовки // Современное состояние и тенденции развития физической культуры и спорта : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 580–583.

РАЗДЕЛ XI. ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Саржан В. И.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сулейманов М. В.,
преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ТОРОИДАЛЬНЫЕ ПРОПЕЛЛЕРЫ КАК ФАКТОР АКУСТИЧЕСКОЙ СКРЫТНОСТИ БЕСПИЛОТНЫХ КОМПЛЕКСОВ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЛОТНОЙ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

Современная оперативная обстановка в мегаполисах предъявляет качественно новые требования к тактико-техническим характеристикам беспилотных авиационных систем. Если еще десятилетие назад основными критериями эффективности БВС являлись дальность и грузоподъемность, то сегодня на первый план выходит фактор скрытности, в частности – акустической. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, наблюдение за массовыми мероприятиями или антитеррористические операции в условиях плотной жилой застройки требуют от дрона способности оставаться незамеченным. Шум вращающихся винтов не только демаскирует позицию оператора и траекторию полета аппарата, но и вызывает психологический дискомфорт у гражданского населения, что может спровоцировать панику или противодействие. Исследования Массачусетского технологического института подтверждают: человеческое ухо обладает повышенной чувствительностью к частотному спектру 1–5 кГц, который генериру-

[1] © Саржан В. И., 2026.

ют классические пропеллеры. Таким образом, снижение шумности становится не просто техническим улучшением, а условием эффективного применения спецтехники МВД России в урбанизированной среде.

Чтобы понять революционность тороидальной схемы, необходимо разобраться в физике работы классического воздушного винта. Традиционный пропеллер функционирует за счет создания зоны пониженного давления перед лопастью и повышенного – позади нее. Воздух перетекает, с одной стороны, на другую, формируя так называемые концевые вихри. Именно эти вихревые структуры, срывающиеся с кончика лопастей, являются основным источником широкополосного шума и вибраций. С увеличением скорости вращения вихри интенсифицируются, создавая характерный свист, который легко идентифицируется слухом даже на значительном удалении. В контексте задач МВД России это означает, что классический дрон слышен задолго до того, как становится видимым. Помимо демаскировки, вихревые потери снижают аэродинамическую эффективность – часть энергии двигателя тратится не на создание тяги, а на бесполезное завихрение воздушной массы. Таким образом, традиционная геометрия лопасти сама по себе является аэродинамическим компромиссом, заложенным еще в начале авиационной эры. Попытки оптимизировать классическую форму (изменение стреловидности, скругление кончика лопасти) дают лишь незначительный прирост, не решая проблему кардинально.

Принципиальное отличие тороидального винта от классического заключается в геометрическом решении: лопасти замыкаются в кольцевую структуру, где окончание одной лопасти плавно переходит в противоположную. Такая архитектура внешне напоминает деформированный тор или перекрученное кольцо. За счет замкнутого контура удается радикально перераспределить аэродинамические нагрузки. Если у традиционного пропеллера концевой вихрь формируется неконтролируемо, срываясь с острой кромки, то в тороидальной схеме воздушный поток «стекает» по непрерывной поверхности, многократно меняя направление и теряя энергию до того, как покинуть конструкцию. Иными словами, винт работает как система гашения завихрений еще внутри собственной геометрии. Кроме того, замкнутая форма придает лопастям исключительную жесткость при кручении: при высоких оборотах исключается эффект «разгибания» лопастей, характерный для гибких пропеллеров мультироторных дронов. Это позволяет сохранять расчетный угол атаки по всей длине лопасти даже в турбулентных потоках. Визуально такая конструкция выглядит футуристично, но за необычной эстетикой скрывается глубокая инженерная логика, направленная на подавление главного источника шума – неконтролируемых вихревых структур.

Количественные исследования, проведенные в лабораториях Массачусетского технологического института, демонстрируют впечатляющие результаты: тороидальные пропеллеры позволяют снизить воспринимаемый уровень шума настолько, что дрон с такой силовой установкой может находиться вдвое ближе к наблюдателю, не вызывая дискомфорта по сравнению с аппаратом, оснащенным классическими винтами. Но важнее даже не абсолютное снижение громкости в децибелах, а качественное изменение спектральной картины. Традиционные

пропеллеры генерируют максимум акустической энергии в диапазоне 1–5 кГц – именно там, где человеческое ухо демонстрирует пиковую чувствительность (эволюционно мы настроены слышать именно эти частоты, поскольку они соответствуют шелесту травы и веток, но в городской среде превращаются в раздражающий фактор). Тороидальная геометрия смещает пик излучения в область низких частот (ниже 500 Гц), которые человеческий слух воспринимает как фоновый гул и не идентифицирует как непосредственную угрозу. Для оперативных подразделений МВД России это означает принципиально новый уровень скрытности: при работе в ночное время или в условиях ограниченной видимости дрон становится практически не обнаружимым на слух, что критически важно при проведении разведывательных мероприятий или наблюдении за объектами в плотной жилой застройке. Дополнительным преимуществом выступает снижение вибрационной нагрузки на платформу: меньше вихрей – меньше микроколебаний, транслируемых на корпус и полезную нагрузку, что положительно сказывается на качестве видеофиксации с бортовых оптических систем [4].

Параллельно с акустическими исследованиями проводились замеры аэродинамической эффективности. Данные MIT свидетельствуют, что при равной потребляемой мощности тороидальные винты демонстрируют тягу, сопоставимую с традиционными аналогами. Однако более показателен опыт компании Sharrow Marine, разрабатывающей аналогичные винты замкнутого типа для морского транспорта. По их данным, экономия топлива при переходе на тороидальную схему достигает 20 % за счет кардинального снижения индуктивных потерь. Прямая экстраполяция этих цифр на авиацию была бы некорректной из-за различий в плотности сред, однако сам принцип подтверждается: замкнутый контур лопастей действительно снижает паразитные вихревые потери. Для служебных БВС МВД России это означает либо увеличение продолжительности патрулирования при неизменной массе аккумуляторов, либо возможность нести более тяжелую целевую нагрузку (тепловизоры, газоанализаторы, средства РЭБ) без потери времени полета. В условиях оперативной работы каждый дополнительный час в воздухе или грамм полезной нагрузки может стать решающим фактором успеха мероприятия.

Помимо акустической скрытности, тороидальная схема демонстрирует ряд эксплуатационных преимуществ, напрямую влияющих на эффективность служебно-боевого применения. Замкнутая конструкция лопастей принципиально меняет характер взаимодействия винта с внешней средой при случайных контактах. В классической схеме лопасть работает как нож: при столкновении с веткой, проводом или элементами фасада здания высока вероятность как повреждения самого пропеллера, так и перерезания препятствия, что критично при работе в охранном периметре или вблизи линий электропередач. Тороидальный винт благодаря кольцевой форме склонен скорее отталкиваться от препятствия или деформироваться упруго, не нанося повреждений и сохраняя целостность. В условиях плотной городской застройки, где маршруты полета приходится прокладывать в стесненных пространствах (арки, колодцы дворов, мостовые конструкции), этот фактор существенно снижает аварийность.

Дополнительным преимуществом выступает повышенная жесткость конструкции при сохранении приемлемой массы. Замкнутый контур работает как ферма, равномерно распределяя центробежные и аэродинамические нагрузки по всему периметру лопасти. Это позволяет использовать более легкие материалы без потери прочностных характеристик либо, напротив, применять армированные композиты для работы в условиях высоких ударных нагрузок (например, при запуске с руки или посадке на неподготовленные площадки). Для подразделений МВД России, работающих в полевых условиях или в зоне чрезвычайных ситуаций, где отсутствует развитая инфраструктура, ремонтопригодность и живучесть платформы становятся приоритетом. Тороидальная геометрия снижает вероятность разрушения винта при попадании посторонних предметов, а в случае повреждения сохраняет остаточную тягу лучше, чем классический пропеллер с отломанной лопастью.

Также следует отметить снижение вибрационной нагрузки на корпус и полезную нагрузку. Отсутствие резких срывов потока с кончика лопасти минимизирует высокочастотную вибрацию, передающуюся через моторы на раму. Для оптико-электронных систем наблюдения, используемых МВД России, это означает возможность применения менее сложных и более легких подвесов без потери качества изображения. В режиме длительного патрулирования снижение вибраций также уменьшает утомляемость оператора, вынужденного анализировать видеопоток с борта. Учитывая, что рабочие смены оперативных групп могут длиться часами, эргономический фактор косвенно, но существенно влияет на результативность мероприятий.

Объективная оценка любой перспективной технологии была бы неполной без анализа существующих ограничений, и тороидальные пропеллеры не являются исключением. Главным сдерживающим фактором выступает сложность производства, обусловленная неевклидовой геометрией лопастей. Традиционные методы литья под давлением, оптимизированные для массового выпуска классических пропеллеров, оказываются малопригодными для изготовления замкнутых структур. Извлечение готового изделия из пресс-формы без разрушения последней становится нетривиальной инженерной задачей. Как следствие – высокая себестоимость единичного изделия. Показателен опыт судостроительной отрасли: тороидальные гребные винты Sharrow Marine реализуются по цене около пяти тысяч долларов за единицу, тогда как классический аналог сопоставимого размера стоит не более пятисот. Для авиационной промышленности, где требования к точности балансировки на порядок выше, ценовой разрыв может оказаться еще более существенным.

Вторым значимым ограничением выступает масса конструкции. Замкнутый контур объективно требует большего количества материала для сохранения жесткости по сравнению с открытой лопастью. В мире микро- и мини-БВС, где каждый грамм массы аккумуляторов конвертируется в минуты полетного времени, избыточный вес винта становится критическим параметром. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях турбулентности и порывистого ветра, типичных для городской застройки с ее аэродинамической «тенью» зданий. Тяжелый пропеллер обладает большей инерционностью, что снижает быстро-

действие системы стабилизации и может приводить к раскачке аппарата. Оптимизация геометрии под конкретные режимы полета (висение против скоростного перемещения) требует тонкой настройки профиля, которая пока находится на стадии экспериментальных исследований.

Не менее важна и проблема ремонтопригодности в полевых условиях. Если классический пропеллер при повреждении заменяется за считанные секунды, то тороидальный винт, особенно изготовленный методом 3D-печати, может потребовать возврата в базовый лагерь или даже в лабораторию для повторной печати. В условиях оперативной работы МВД России, когда дрон может потребоваться повторно через короткий промежуток времени, логистика запасных частей становится сложной задачей. Наконец, отсутствие устоявшихся методик расчета тороидальных структур создает определенный барьер для проектировщиков: классические уравнения, описывающие работу воздушного винта, требуют существенной корректировки, а эмпирические данные пока накапливаются преимущественно энтузиастами и отдельными исследовательскими группами, что порождает противоречивые результаты независимых испытаний.

Проведенный анализ позволяет рассматривать тороидальные пропеллеры как перспективный элемент силовых установок беспилотных авиационных систем специального назначения. Главное преимущество технологии – радикальное снижение акустической заметности за счет подавления концевых вихрей – напрямую коррелирует с требованиями к скрытности оперативно-розыскных мероприятий МВД в условиях плотной городской застройки. Смещение спектра шума в область низких частот, менее воспринимаемых человеческим ухом, дает оперативным подразделениям качественно новый уровень маскировки. Дополнительными факторами выступают повышенная жесткость конструкции, безопасность при контактах с препятствиями и снижение вибрационной нагрузки на целевое оборудование.

Существующие ограничения – сложность производства, увеличенная масса и необходимость тонкой оптимизации геометрии – не являются фатальными и имеют вполне конкретные пути решения. Аддитивные технологии снимают проблему литья сложных форм, развитие композитных материалов позволяет контролировать массу, а методы вычислительной гидродинамики ускоряют проектирование специализированных модификаций под конкретные тактические задачи. Таким образом, тороидальные пропеллеры находятся в стадии перехода от лабораторных экспериментов к практическому внедрению в ведомственную авиацию. Дальнейшее развитие аддитивного производства и накопление эмпирических данных по эксплуатации позволят раскрыть потенциал технологии в полном объеме, обеспечив подразделениям МВД России акустическую скрытность и тактическое превосходство в урбанизированной среде.

Список литературы

1. Wei W., Yuanqing M., Shiyi W. et al. Analysis and Evaluation of Aerodynamic Noise Characteristics of Toroidal Propeller // Drones. 2024, vol. 8, iss. 12. URL: https://www.mdpi.com/2504-446x/8/12/753.

2. Кокорев А. Разработка и исследование тороидального винта для беспилотника // Кафедра лазерных измерительных и навигационных систем СПбГЭТУ «ЛЭТИ». URL: https://telegra.ph/Razrabotka-i-issledovanie-toroidalnogo-vinta-dlya-bespilotnika-05-31.

3. Wu J., Wang Q., Deasy H. et al. A Study on the Effect of Toroidal Propeller Parameters on Efficiency and Thrust // Energies. 2024, vol. 17, iss. 23. URL: https://www.mdpi.com/1996-1073/17/23/5938.

4. Ученые из МТИ показали работу более мощных и менее шумных тороидальных винтов // Хабр. URL: https://habr.com/ru/news/713494/.

Лукашенко П. П.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шевченко Г. В.,
старший преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время, в период развития информационно-телекоммуникационных технологий, использование беспилотных воздушных судов (БВС) в повседневной деятельности граждан не является новшеством. Использование БВС также существенно расширяет возможности и правоохранительных органов Российской Федерации: их применяют для мониторинга местности, фиксации информации о следах преступления, поиска подозреваемых и пропавших лиц, а также документирования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Вместе с тем их использование сопряжено с рядом правовых, организационных и технических проблем.

В процессе профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации используются БВС взлетной массой от 250 г до 30 кг, которые в соответствии с Воздушным кодексом Российской Федерации подлежат обязательному государственному учету [4].

Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации позволяет прийти к выводу, что при использовании комплекса БВС правоохранительным органам не требуется получения предварительного разрешения на использование воздушного пространства на территории Российской Федерации, однако об использовании БВС необходимо незамедлительно уведомить соответствующий центр Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации [3; 4; 7].

В процессе расследования преступлений беспилотные летательные аппараты используются прежде всего как средство дистанционного наблюдения и фиксации обстановки, что дает возможность оперативно получить визуальную ин-

[1] © Лукашенко П. П., 2026.

формацию о месте происшествия, его границах, рельефе местности, наличии следов преступления, перемещении подозреваемых лиц и иных значимых обстоятельствах [1].

Аэрофотосъемка и видеозапись с использованием беспилотных летательных аппаратов позволяют зафиксировать обстановку в первоначальном виде, что имеет принципиальное значение для последующего анализа и реконструкции механизма преступления. Особенно востребованной данная технология является при расследовании преступлений, совершенных на открытых пространствах, в труднодоступной местности, в лесных массивах, горной или болотистой зоне, а также при дорожно-транспортных происшествиях с тяжкими последствиями. Так, в рамках проведения рейдов сотрудников полиции совместно с лесными инспекторами с использованием БВС удалось зафиксировать факты незаконной рубки лесных насаждений в Красноярском крае [5]. В Ростовской области результатом рейдов сотрудников УЭБиПК МВД России совместно с сотрудниками отдела рыбоохраны АЧТУ ФАР стало изъятие из акватории Таганрогского залива Азовского моря более 1 500 м рыболовных сетей и их фрагментов, тем самым выпустив в естественную среду обитания 120 кг частиковых рыб.

Отметим, что чаще всего БВС используется именно при осмотре места происшествия, поскольку при его использовании обеспечивается возможность обзора территории с различных высот и ракурсов, что, в свою очередь, недоступно при традиционных способах фиксации. Полученные в рамках такого следственного или оперативного действия материалы могут быть использованы для составления планов и схем, проведения различного рода экспертиз, а также для визуализации обстановки местности в ходе следственных действий и судебного разбирательства. При этом беспилотные летательные аппараты позволяют осуществлять фиксацию без вмешательства в обстановку, что снижает риск утраты или искажения следов преступления вследствие присутствия большого числа участников следственных действий. Данный факт прослеживается в ходе проведения наблюдения с использованием систем БВС, а именно сотрудники УТ МВД России Уральского федерального округа на протяжении двух дней используя системы видеофиксации на БВС, с целью отсутствия любого вида контакта с преступниками, фиксировали факты незаконного сбыта наркотических средств вблизи железнодорожных путей. Полученные видеоматериалы легли в основу обвинения преступников [8].

Беспилотные воздушные средства помимо прочего могут использоваться как вспомогательное средство в рамках деятельности сотрудников ОВД. Так, в 2023 г. сотрудникам отдела полиции № 1 УМВД России по г. Кирову удалось разыскать мужчину, пропавшего на территории, в глуби большого лесного массива. Согласно обращению начальника пресс-службы УМВД России по Кировской области мужчину удалось найти за несколько часов. Держа связь с потерявшимся мужчиной, сотрудники попросили развести костер, тем самым зафиксировав на видеоаппаратуре БВС дым и установив в максимально короткие сроки координаты потерявшегося [6].

Особую роль беспилотные летательные аппараты играют при расследовании преступлений в особых условиях, связанных с угрозой жизни и здоровью со-

трудников органов внутренних дел. В ситуациях вооруженного противостояния, розыска скрывающихся преступников, проведения контртеррористических мероприятий использование беспилотных летательных аппаратов позволяет вести наблюдение и разведку без непосредственного контакта с опасной зоной. Это обеспечивает повышение уровня личной безопасности сотрудников, позволяет заблаговременно выявлять угрозы, планировать тактические действия и минимизировать возможные потери. Кроме того, беспилотные летательные аппараты могут применяться для поиска взрывных устройств, оценки последствий взрывов и иных опасных происшествий. Так, например, изучив материалы уголовного дела в отношении военнослужащего войсковой части капитана Т., приходим к выводу об успешном применении БВС в рамках производства следственного эксперимента. Необходимость использования БВС обусловлена создающимися рисками для жизни и здоровья участников следственного действия. Известно, что в апреле 2018 г. на военном полигоне произошел инцидент, связанный с подрывом неразорвавшихся боеприпасов. Один из снарядов взорвался на расстоянии более 200 м от места подрыва, что привело к серьезным травмам военнослужащего. В ходе расследования, направленного на проверку соблюдения правил безопасности, выяснилось, что при правильной закладке взрывчатых веществ неразорвавшиеся боеприпасы можно полностью уничтожить, не допуская их разлета. Полученные фотографии и видеозаписи опровергли утверждения защиты о правомерности действий подозреваемого. В результате чего последний признал вину в нарушении правил проведения взрывных работ и дал соответствующие показания [2].

Таким образом, беспилотные воздушные суда становятся важным и востребованным инструментом в повседневной профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации. Их активное применение при производстве оперативно-розыскных, следственных и иных действиях демонстрирует их высокую практическую эффективность. Осуществление видео и фотофиксации при использовании БВС предоставляет ряд возможностей в условиях работы на открытой местности, в труднодоступных районах и в условиях угрожающих жизни и здоровью сотрудников полиции и граждан: фиксация обстановки в первоначальном виде, определение границ территории и рельефа местности, выявление следов преступления, отслеживание подозреваемых лиц и многое другое.

В целях улучшения эффективности практики применения БВС в ходе профессиональной деятельности сотрудников ОВД считается целесообразным создание и закрепление в ведомственных нормативно-правовых актах специализированного подразделения по работе с беспилотными воздушными судами, а также организовать внутриведомственное взаимодействие сотрудников данного подразделения со следственно-оперативными группами, патрульно-постовыми службами, дорожно-патрульными службами и иными подразделениями, в работе которых может возникнуть необходимость в использовании беспилотных воздушных судов.

Таким образом, внедрение БВС в деятельность правоохранительных органов является стратегически важным шагом в условиях технологизации преступной

среды. Следует отметить, что успех их применения зависит от комплексного подхода, включающего правовое регулирование, техническую стандартизацию и профессиональную подготовку кадров. При соблюдении этих условий БВС могут стать неотъемлемым элементом системы обеспечения национальной безопасности и общественного порядка [9].

Список литературы

1. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами беспилотных летальных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых : материалы XIV Международной научной конференции. Казань : Молодой ученый, 2020. С. 37–39.

2. Лисицын А. Г., Савенков Ю. Н. Перспективы использования беспилотных летательных аппаратов в раскрытии и расследовании преступлений // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 86–89.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98957/.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» (ред. от 02.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325695/.

5. Нарушителей в лесах Красноярского края специалистам помогают выявлять беспилотники и дистанционный мониторинг // Официальный сайт Лесхоза. URL: https://rosleshoz.gov.ru/news/sfo/narushiteley-v-lesakh-krasnoyarskogo-kraya-spetsialistam-pomogayut-vyyavlyat-bespilotniki-i-distantsionnyy-monitoring-sfo-6852/.

6. С помощью беспилотного летательного аппарата полицейские отыскали в Кировской области заблудившегося в лесу грибника // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/news/item/40626464.

7. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/.

8. «Мы видим большой потенциал»: в полиции Урала рассказали, как дроны ловят негодяев // Московский комсомолец. 2025. № 29661 (3 дек.). URL: https://www.mk.ru/incident/2025/12/02/my-vidim-bolshoy-potencial-v-policii-urala-rasskazali-kak-drony-lovyat-negodyaev.html.

9. Шевченко Г. В. Внедрение беспилотных летательных систем в деятельность правоохранительных органов // Подготовка обучающихся в образовательных организациях: основные тенденции и направления. Шуя : Полицентр, 2025. С. 227–231.

Игнатенкова А. Ю.[1],
командир отделения
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Смык Е. И.,
заместитель начальника кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫМИ ВОЗДУШНЫМИ СУДАМИ В ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы внедрение беспилотных воздушных судов, (далее – БВС или беспилотники) в практику деятельности правоохранительных структур приобрело характер объективной необходимости. В системе МВД России беспилотные авиационные системы (БАС) активно задействуются при выполнении различного оперативно-служебных задач, постепенно превращаясь в необходимый элемент обеспечения общественной безопасности. Их применение охватывает проведение оперативно-розыскных мероприятий, наблюдение за обстановкой в местах массового скопления людей, участие в поиске без вести пропавших, фиксацию обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, а также контроль территорий, доступ к которым затруднен традиционными средствами. Использование подобных технологий обеспечивает возможность быстрого получения информации, ведения наблюдения за большими пространствами и регистрации происходящих событий в режиме реального времени. Кроме того, внедрение беспилотных технологий способствует более рациональному распределению сил и ресурсов, задействованных в операциях, что подтверждается практическим опытом правоохранительных органов. В таких случаях их применение позволяет уменьшить численность привлекаемого личного состава и повысить эффективность поисковых мероприятий [1].

Существенные изменения в правовое регулирование были внесены Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ, которым дополнили положения Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», закрепив

[1] © Игнатенкова А. Ю., 2026.

за сотрудниками органов внутренних дел право применения беспилотных аппаратов, а также полномочия по пресечению их функционирования в интересах защиты жизни, здоровья и имущества граждан [2].

Авторы научных трудов справедливо отмечают, что результативность использования подобных технологий находится в прямой зависимости от уровня профессиональной подготовки сотрудников. В этой связи особую значимость приобретают вопросы формирования у личного состава компетенций, обеспечивающих квалифицированную эксплуатацию БВС различных категорий, способность к обработке и интерпретации поступающей информации, а также готовность действовать с учетом конкретной тактической обстановки. Не менее важным является и правовой аспект, связанный с допуском сотрудников к самостоятельному управлению указанными средствами [3].

Так, в 2025 г. нормативное закрепление получил и правовой статус сотрудников, наделенных полномочиями по использованию БВС и противодействию беспилотным аппаратам. Соответствующие изменения были внесены приказом МВД России от 29 мая 2025 г. № 335, уточнен круг должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных принимать решения о пресечении функционирования беспилотников. В соответствии с указанным правовым актом такие полномочия предоставлены, в частности, руководителям подразделений, отвечающих за обеспечение безопасности и антитеррористическую защищенность объектов системы МВД России. Таким образом законодатель акцентирует внимание на том, что эффективная реализация соответствующих задач требует не только высокой технической подготовки операторов БВС, но и развитых управленческих компетенций у руководящего состава профильных подразделений [4].

Одним из наиболее значимых направлений совершенствования системы подготовки специалистов следует признать включение в образовательный процесс передовых цифровых решений, охватывающих автоматизированные средства анализа информации, а также технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. Использование подобных инструментов существенно расширяет эксплуатационный потенциал беспилотных комплексов, обеспечивая повышение точности распознавания объектов, возможность автоматизированной обработки видеоданных и общее улучшение качества мониторинга оперативной обстановки. В этой связи подготовка сотрудников органов внутренних дел должна строиться с учетом указанных технологических тенденций, предусматривая формирование у них компетенций, связанных с применением интеллектуальных систем управления беспилотными аппаратами.

Обращаясь к вопросу организации обучения будущих операторов БАС, необходимо прежде всего подчеркнуть ключевую роль теоретической составляющей как фундаментального элемента профессиональной подготовки. Ее содержание охватывает изучение нормативно-правовых актов, основ авиационной метеорологии, аэродинамики, воздушной навигации и авиационной картографии, а также конструктивных особенностей технического обслуживания конкретных типов беспилотных аппаратов. При этом приоритетное значение придается вопросам обеспечения безопасности полетов, включая особенности их проведения в условиях повышенной сложности.

Значимым промежуточным звеном в системе подготовки является этап отработки базовых навыков пилотирования на тренажерах. Использование специализированных симуляторов позволяет исключить риск повреждения дорогостоящего оборудования и предотвратить возможную угрозу для окружающих, обеспечивая при этом полноценное освоение первоначальных умений управления беспилотными системами.

Дальнейшее развитие профессиональных компетенций осуществляется в процессе практической летной подготовки, предполагающей выполнение полетов в различных метеорологических условиях. Существенным организационным требованием при этом выступает ограничение численности учебных групп, которая, как правило, не должна превышать восьми человек, что способствует более эффективной индивидуальной отработке навыков. Неотъемлемой частью обучения является формирование умений планирования полетных заданий и последующего анализа информации, поступающей с беспилотных аппаратов. Особый акцент делается на соблюдении требований безопасности эксплуатации, изучении правовых основ применения беспилотных систем и специфике их использования в деятельности органов внутренних дел [5].

В современных условиях процесс подготовки сотрудников органов внутренних дел к управлению беспилотными воздушными судами сопряжен с рядом существенных трудностей организационного и материально-технического характера. К числу наиболее острых из них относится недостаточный уровень оснащенности образовательных организаций и профильных подразделений необходимыми техническими средствами. Значительная стоимость беспилотных комплексов, а также расходы на их эксплуатацию и обслуживание объективно сдерживают возможности полноценной практической подготовки, что зачастую вынуждает прибегать к использованию компьютерных симуляторов и специализированных программных тренажеров. Вместе с тем, несмотря на их очевидную полезность при формировании базовых навыков управления, подобные средства не способны в полной мере воспроизвести реальные условия эксплуатации, в которых оператору БВС приходится учитывать воздействие внешней среды, включая метеорологические факторы, возможные помехи в радиоканалах связи и специфику рельефа местности.

Наряду с указанными аспектами первостепенное значение приобретает обеспечение информационной безопасности и надежной защиты данных, формируемых в процессе эксплуатации беспилотных систем. Современные комплексы оснащаются высокотехнологичными средствами наблюдения, включая камеры с высоким разрешением, тепловизионные модули и иные сенсорные устройства, что обусловливает накопление значительных массивов информации. Подобная специфика требует выстраивания эффективных механизмов ее хранения и последующей обработки, исключающих риски несанкционированного доступа и использования. В этой связи к сотрудникам, осуществляющим управление беспилотными воздушными судами, предъявляются повышенные требования: наряду с компетенциями в области авиационной техники они должны обладать знаниями в сфере информационных технологий, что выступает необходимым условием допуска к управлению БВС

и формирования кадрового состава, отвечающего современным профессиональным стандартам.

В настоящее время данное направление подготовки кадров в системе МВД России характеризуется поступательным развитием и расширением практического применения. Так, начиная с марта 2025 г., в структуре транспортной полиции сформированы специализированные подразделения, ориентированные на использование и эксплуатацию робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов, а на их оснащении находится 75 таких аппаратов [6]. Существенный вклад в развитие данного направления вносит и научно-исследовательская деятельность ведомственных образовательных организаций: в феврале 2026 г. специалистами Волгоградской академии МВД России был получен патент на беспилотный патрульно-воздушный комплекс, предназначенный для контроля за проведением массовых мероприятий и способный оказывать превентивное воздействие на правонарушения посредством использования громкоговорящей связи и специальных средств, включая перцовые баллончики. В описании патента отмечается, что целью разработки является создание беспилотного средства, обеспечивающего патрулирование в ходе массовых мероприятий и позволяющего при выявлении несанкционированных собраний осуществлять предупреждение через систему громкой связи либо применять активные меры воздействия для пресечения противоправных действий [7]. В целом анализ сложившейся практики внедрения и использования беспилотных воздушных судов в деятельности органов внутренних дел позволяет констатировать устойчивую положительную динамику развития данного направления в системе МВД России.

Несмотря на очевидные достижения в развитии данного направления в системе МВД России, сохраняется необходимость дальнейшего разрешения ряда принципиальных вопросов. В частности, особого внимания требует совершенствование правового регулирования допуска сотрудников к управлению беспилотными воздушными судами. Представляется целесообразным нормативно закрепить и конкретизировать статус выпускника, прошедшего подготовку по соответствующему профилю в системе МВД России, с четким определением его прав и обязанностей. Кроме того, актуализируется задача установления регламентированного порядка периодической проверки уровня профессиональной подготовки, а также процедур продления допуска к выполнению служебных задач с применением беспилотных технологий.

Таким образом, формирование системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел к управлению беспилотными воздушными судами в России продолжает находиться в фазе активного развития. Уже накоплен значительный практический опыт, созданы учебные материалы и сформирована материально-техническая база в ведущих ведомственных образовательных учреждениях. Значимым этапом в этом процессе стало законодательное закрепление права сотрудников полиции на эксплуатацию беспилотников, а также определение категорий должностных лиц, наделенных полномочиями принимать решения об их использовании. На практике уже функционируют специализированные подразделения, персонал которых прошел соответствующую подготовку и получил допуск к самостоятельным полетам. Перспективное раз-

витие данного направления предполагает углубленное изучение тактико-специальной подготовки, адаптацию учебных программ под конкретные потребности служб и подразделений, совершенствование системы допуска и регулярной проверки навыков операторов, а также дальнейшее развитие нормативно-правовой базы, регулирующей использование БВС и правовой статус их операторов. Высокий уровень профессиональной подготовки и четко регламентированная процедура допуска выступают ключевыми факторами эффективного и безопасного применения беспилотных технологий в интересах поддержания правопорядка.

Список литературы

1. Горелов С. А., Сальников А. В. Профессиональное обучение организации и тактике использования беспилотных воздушных судов для решения оперативно-служебных задач органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.

2. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32. Ст. 6192.

3. Звонкович И. А., Богданов Д. Ю. Применение беспилотных летательных аппаратов и беспилотных авиационных комплексов в интересах материально-технического обеспечения войск (сил): опыт и перспективы // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 66-2. С. 9–14.

4. Приказ МВД России от 29 мая 2025 г. № 335 «О внесении изменения в приложение № 2 к приказу МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865» // ППТ. URL: https://pravo.ppt.ru/prikaz/mvd/n-335-315366.

5. Смык Е. И., Комаров В. В., Качурина И. Б. Некоторые особенности формирования у сотрудников органов внутренних дел навыков управления беспилотным воздушным судном при решении оперативно-служебных задач // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 259–262.

6. В структуре МВД создали подразделения по применению беспилотников // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/23302879.

7. В МВД разработали беспилотник-полицейский для предотвращения правонарушений // ТАСС. URL: https://tass.ru/nauka/26532591.

РАЗДЕЛ XII. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Матвеев А. К.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Егоров А. В.,
преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОГНОЗНАЯ АНАЛИТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ ОЦЕНКЕ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ И ПЛАНИРОВАНИИ СПЕЦМЕРОПРИЯТИЙ

Современный мир характеризуется беспрецедентной сложностью, динамичностью и взаимосвязанностью социальных, политических и технологических процессов. Оперативная обстановка, понимаемая как совокупность условий и факторов, влияющих на состояние общественной безопасности на определенной территории, эволюционировала в сложную адаптивную систему с нелинейностью, латентностью угроз и высокой скоростью изменений. Традиционные подходы к оценке такой обстановки, базирующиеся преимущественно на ретроспективном анализе статистики и экспертных оценках, все чаще демонстрируют свою недостаточность, не позволяя выявлять скрытые причинно-следственные связи и прогнозировать развитие кризисных ситуаций. Решающим инструментом

[1] © Матвеев А. К., 2026.

трансформации парадигмы управления безопасностью выступает конвергенция прогнозной (предиктивной) аналитики и искусственного интеллекта (ИИ), открывающая возможность принципиально повысить обоснованность и эффективность планирования специальных мероприятий.

Прогнозная аналитика представляет собой область статистики и анализа данных, нацеленную на прогнозирование будущих событий на основе исторических и текущих данных [1]. В отличие от описательной аналитики, она отвечает на вопрос «Что произойдет в будущем?», используя математические модели и алгоритмы машинного обучения, способные выявлять скрытые паттерны и корреляции. Ключевыми технологическими компонентами выступают машинное обучение (включая глубокое обучение), интеллектуальный анализ данных, обработка естественного языка и анализ временных рядов. Важно подчеркнуть, что прогнозная аналитика не претендует на стопроцентную точность – ее результат всегда представляет собой вероятность того или иного исхода, что в контексте оперативной обстановки может выражаться в вероятности возникновения массовых беспорядков, риске террористического акта или прогнозе маршрутов перемещения преступных групп. Эволюция этого направления неразрывно связана с развитием вычислительных мощностей: если изначально методы базировались на классической регрессии и анализе временных рядов, то сегодня доминируют алгоритмы машинного обучения – деревья решений, градиентный бустинг, нейронные сети, позволяющие эффективно работать с большими, зашумленными и неструктурированными данными.

Параллельно с технологическим развитием происходит становление правового поля, регулирующего применение ИИ в чувствительной сфере безопасности. Примером нормативно правовых актов, регулирующих внедрение искусственного интеллекта, являются: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ, который установил правовые основы для проведения эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта в Москве [2]; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, создавший правовую основу для проведения различных экспериментов в сфере цифровых технологий [3], а также постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 учредившее российский центр искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации [4]. Нормативная база закрепляет базовую терминологию в сфере ИИ, устанавливает принципы развития и использования соответствующих технологий, определяет правила проведения экспериментов, механизмы государственной поддержки и требования к безопасности при использовании систем ИИ.

Взаимосвязь прогнозной аналитики и искусственного интеллекта в контексте оперативного планирования носит синергетический характер: ИИ выступает как платформа и инструментарий для реализации сложных прогнозных моделей. Наиболее наглядно это проявляется в создании комплексных систем поддержки принятия решений (СППР) для органов безопасности, которые агрегируют данные из множества источников: стационарные и мобильные датчики, базы данных правоохранительных органов, открытые источники информации. На этапе сбора и первичной обработки данных ключевую роль играют алгоритмы компьютерного зрения, фильтрующие видеопоток и выделяющие зна-

чимые события, а также алгоритмы обработки естественного языка, анализирующие текстовый контент для выявления настроений и потенциальных угроз. После этапа очистки данных в действие вступают прогнозные аналитические модели, трансформирующие данные в сценарии развития событий. Так, в октябре 2025 г. глава Минпромторга России Денис Мантуров указывал, что «повышенное внимание к технологиям ИИ обосновано новыми реалиями ведения боя. Практика показывает, что зачастую для принятия решений отводятся уже не минуты, а секунды. Без передачи ряда функций от военнослужащих машине обеспечить такую оперативность попросту невозможно» [5].

Центральным сквозным элементом практической реализации этих технологий выступают беспилотные летательные аппараты (БПЛА), которые совершили революцию в сборе оперативной информации. Современные БПЛА несут многоспектральные камеры, тепловизоры, лидары и химические датчики, однако сырой поток данных с них имеет ограниченную ценность без обработки алгоритмами ИИ непосредственно на борту. Алгоритмы компьютерного зрения в реальном времени анализируют видеопоток, автоматически обнаруживая и классифицируя объекты: люди, транспортные средства, очаги возгорания. При патрулировании массовых мероприятий система способна отслеживать плотность скопления людей и динамику движения толпы, автоматически предупреждая оператора о начале нештатной ситуации – например, о формировании группы лиц, двигающейся против основного потока, или о резком увеличении плотности на входе, угрожающем образованием давки.

Однако стремительное внедрение столь мощных технологий сопряжено с серьезными проблемами. Фундаментальный вызов – алгоритмическая предвзятость: если исторические данные содержат системные ошибки или дискриминационные практики, алгоритм неизбежно унаследует и усилит эту предвзятость, создавая порочный круг дискриминации. Технологические проблемы включают потребность в колоссальных вычислительных мощностях для обработки видеопотоков, уязвимость систем к кибератакам и проблему интероперабельности – способности систем разных ведомств обмениваться данными. Несмотря на эти вызовы, перспективы развития представляются чрезвычайно широкими: развитие роевого интеллекта для координации больших групп беспилотников, углубление интеграции прескриптивной аналитики, автоматически генерирующей конкретные рекомендации, и создание общегосударственных платформ обмена данными между всеми силовыми ведомствами. Ключом к успешному и безопасному внедрению остается системный подход, при котором технологии не подменяют человека, а усиливают его, предоставляя инструменты для более быстрого и обоснованного принятия решений в критических ситуациях.

Список литературы

1. Прогнозная аналитика и аналитическое прогнозирование: что это, как работает и примеры // ЛПмотор. URL: https://lpmotor.ru/articles/prognoznaya-analitika-i-analiticheskoe-prognozirovanie-chto-eto-2601.

2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необ-

ходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/.

3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506090057.

5. Мальгин М. В ход спецоперации вмешался искусственный интеллект // Взгляд. URL: https://vz.ru/society/2024/6/25/1273777.html.

Павлов Н. Ю.[1],
командир отделения
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шевченко Г. В.,
старший преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Рассматривая историю развития нашего государства, мы можем увидеть, что на протяжении всей истории в нашем государстве проходило большое количество бунтов, восстаний, направленных, как правило, против государства. Эффективность деятельности правоохранительных органов, направленных на осуществление пресечения массовых беспорядков, во многом определяет результативность публичного управления, выполнения целей и задач правоохранительной деятельности, поставленных перед органами внутренних дел, а также оперативное и всестороннее изучение обстановки и обстоятельств массовых беспорядков [5, с. 298].

Выбор данной тематики исследования обусловлен необходимостью реализации подразделениями правоохранительных органов пресечения массовых беспорядков в условиях мегаполиса связан с рядом проблем существующих постоянно, а также возникающих из конкретной обстановки, причем эти проблемы затрагивают не только простых граждан и нарушают общественный порядок, но и касаются самих сотрудников ОВД.

Объектом исследования являются подразделения правоохранительных органов, осуществляющих пресечение массовых беспорядков, тогда как, предметом исследования выступают особенности проблем подразделений правоохранительных органов, осуществляющих пресечение массовых беспорядков в условиях мегаполиса. Анализируя правоприменительную практику и ряд научных исследований стоит выделить ряд задач исследования:

---

[1] © Павлов Н. Ю., 2026.

– рассмотреть и проанализировать историческую тенденцию возникновений и развития массовых беспорядков;

– провести классификацию массовых беспорядков в настоящее время;

– проанализировать применяемые сотрудниками ОВД специальные средства при пресечении массовых беспорядков;

– проанализировать проблемные вопросы практической реализации пресечения массовых беспорядков, тактика действий сотрудников правоохранительных органов при пресечении массовых беспорядков [1, с. 146];

– рассмотреть возможность улучшения тактики применения и введения новых специальных средств, для пресечения массовых беспорядков;

– предложить меры по совершенствованию деятельности правоохранительных органов при пресечении массовых беспорядков.

В истории нашего государства явление массовые беспорядки встречается в каждом столетие. Вызванные разными причинами и протекающие в различных формах массовые беспорядки на протяжении всей истории едины по определенным признакам. Массовые беспорядки динамичны и быстро меняют свою направленность и цели. Данный факт значительно осложняет противодействие массовых беспорядкам сотрудникам правоохранительных органов.

Анализируя массовые беспорядки, мы можем сделать вывод, что массовые беспорядки носят стихийный характер и меняют свою направленность крайне быстро, важным элементом также являются подготовка и уровень противодействия государственным органам [4, с. 70].

Массовые беспорядки по причинам возникновения подразделяются: политические, экономические, религиозные, экологические, субкультурные, антигосударственные, антиполицейские, этнические.

К массовым беспорядкам экономической направленности можно отнести беспорядки, вызванные такими факторами, как уровень безработицы, снижение зарплат, недовольство уровнем жизни, нехватка продовольствия, выраженное социальное неравенство между различными слоями населения и др. Примером экономических массовых беспорядков является забастовка дальнобойщиков против введения системы «Платон» 2015 г., которая охватила 40 регионов России.

Политические массовые беспорядки могут быть связанны с недовольством деятельностью органов власти, политическим кризисом, спорным результатом выборов и др. Ярким примером являются массовые протесты в поддержку Алексея Навального (внесен в перечень террористов и экстремистов в Российской Федерации) в 2017 г.

Этнические массовые беспорядки могут возникать на почве дискриминационного поведения, борьбы за ресурсы, исторического противоречия, нарушения национального и расового равноправия. Примером является убийство Егора Щербакова, мигрантом, которое собрало на улицах Бирюлево Западное несколько тысяч человек.

Религиозные массовые беспорядки связаны с различными религиозными течениями, также внутри их. Внутренние столкновения чаще возникают из-за различных реформаций, изменение традиций и инноваций. Религиозные волнения происходили в древности, средневековье, так и происходят в настоящее время.

Например, в 2016 г. в тюремной колонии Хакасии № 35 заключенные устроили массовые беспорядки, одним из их требований были поблажки мусульманам.

Акции, митинги в защиту окружающей среды часто перерастают в массовые беспорядки. Беспорядки возникают из-за недовольства деятельностью, приносящей вред окружающей среде, загрязнение окружающей среды, нарушением традиционного образа жизни. Примером является нападение в 2013 г. участников экологического митинга на буровой лагерь в Воронежской области с поджогами, погромом и мародерством.

Субкультурные массовые беспорядки чаще всего связаны с молодежными движениями. Причинами возникновения беспорядков, может быть, проявление деструктивной активности из-за неразрешенных противоречий. Факторами служат групповая динамика, социальное влияние, психологические факторы и др. Чаще всего субкультурные массовые беспорядки возникают бесцельно и стихийно. Одним из многочисленных примеров являются беспорядки на Манежной площади в 2002 г. после трансляции футбольного матча Россия – Япония.

Антигосударственные массовые беспорядки могут быть направлены против органов государственной власти, правоохранительных структур или других государственных лиц. Они могут быть спровоцированы различными факторами, такими как злоупотребление властью, нарушение демократических процессов, коррупция, попытки свержения действующей власти. Одним из множества примеров является первомайская демонстрация противников Президента Российской Федерации Бориса Ельцина 1 мая 1993 г., произошедшая в Москве.

Антиполицейские массовые беспорядки зачастую это противодействие полиции группой лиц. Действия такого характера возникают из-за применения чрезмерной силы полицией, безнаказанность должностных лиц за нарушение прав граждан, неправомерное поведение, расовое профилирование, коррупция. Так, например, в 2004 г. жители Благовещенска устроили пикет в Москве на Пушкинской площади против лояльности властей к произволу со стороны сотрудников милиции.

В рамках научно-исследовательской работы выделим два метода противодействия массовым беспорядкам: 1) контактный; 2) бесконтактный. Контактные действия подразумевают непосредственное воздействие сотрудниками правоохранительных органов на лиц, участвующих в массовых беспорядках.

В свою очередь бесконтактные действия не требуют непосредственного воздействия и являются более безопасными для сотрудников правоохранительных органов.

К бесконтактным действиям мы можем отнести применение средств звукоусиления [3, с. 39–40]. Данные действия позволяют воздействовать на участников массовых беспорядков на расстояние. С помощью данных средств сотрудники правоохранительных органов предпринимают попытки к стабилизации обстановки без применения иных действий и средств. Данные действия, хотя и являются наиболее гуманными, зачастую не приносят результата. Это обусловлено сложностью донесения информации до лиц в толпе и общей громкостью и скандированием определенных лозунгов и тезисов участниками массовых беспорядков.

Также на вооружение МВД России стоят ручные гранаты раздражающего действия, такие как «Черемуха-6», «Черемуха-6М» и др. Данные средства значительно увеличивают радиус поражения, а также возможность удаленного применения.

Важно указать, что применение любого вида специальных газовых средств, требует определенных умений и условий. Так, например, одним из главных условий является ветер. При неправильном использовании газовых средств встречный ветер способен нанести ущерб сотрудникам правоохранительных органов и привести к потере боеспособности целых подразделений.

Стоит отметить, что при спланированных массовых беспорядках участники зачастую предупреждаются о действие специальных газовых средств организаторами и инструктируются о возможных противодействиях данным специальным средствам. Одним из возможных способов является использование мокрой марли для предотвращения попадания частиц газа в дыхательные пути и использование очков для противодействия попадания на слизистую поверхность.

В указанном случае, по моему мнению, наиболее эффективным выходом является применение пенных и струйных газовых средств. Применение данных газовых средств расширяет возможность применения при ветреной погоде, а также позволяет воздействовать не только на слизистые поверхности, но и на кожные покровы лиц, участвующих в массовых беспорядках.

На вооружение МВД России стоят специальные автомобили «Шторм», «Лавина-Ураган». Данные автомобили обладают рядом различных функций, не только в виде водомета, но и применять газовые, дымовые, окрашивающие и маркирующие средства. В случае использования функции автомобиля в качестве водомета, то он при помощи струй воды, направленных под давлением, воздействует на лиц, создающих при попадании ощутимые удары и болезненные ощущения. Данное специальное средство запрещено использовать при отрицательных температурах по цельсию [3, с. 39–40].

Запрет обусловлен свойствам воды к замерзанию при отрицательных температурах, что может вызвать излишний вред здоровью, а также причинить вред самой технике применяемой при пресечение массовых беспорядков.

Одним из главных тактических действий по нейтрализации провокаторов является изъятие. Данное тактическое действие представляет, спланированное и быстрое проникновение в толпу с задержанием лиц, являющихся зачинщиками и провокаторами.

Данное действие требует подготовки и планирования. Это обусловлено тем, зачинщики и провокаторы почти никогда не вступают в открытое противодействие сотрудникам правоохранительных органов, а также находятся в глубине толпы.

При помощи наблюдения и контроля, за оперативной обстановкой сотрудники правоохранительных органов выявляют организаторов и провокаторов, передают сведения об их местонахождение и внешнем виде. Благодаря данной деятельности сотрудники, осуществляющие изъятие в составе небольшой группы, быстро вклиниваются по направлению к необходимому лицу, осуществляют его задержание и скрываются за линию блокирования.

Благодаря слаженности и своевременности действий сотрудников обеспечивается безопасность изъятия и успешность его выполнения. Стоит отметить, что в соответствие с федеральным законом об оперативно розыскной деятельности сотрудники оперативных подразделений могут осуществлять негласное наблюдение внутри массовых беспорядков и сообщать лицам, координирующим изъятие о наиболее активных участниках и их месте нахождения.

Рассмотрев вышеперечисленные тактические действия, мы можем сделать вывод, что ключевым в пресечение массовых беспорядков является деятельность по выявлению и отстранению организаторов и провокаторов из толпы. Эффективность данной деятельность может быть значительно повышена посредством внедрения в действия технических средств наблюдения, таких как, квадрокоптеры и камеры видеофиксации.

Внедрение и использование данных технологий позволит более четко и грамотно координировать действия сотрудников правоохранительных органов. Зачастую успешность действий зависит от скорости получения информации, что также значительно улучшится при ведении наблюдения с помощью технических средств.

В ходе пресечения массовых мероприятий сотрудникам правоохранительных органов зачастую противостоит толпа граждан, которые постоянно находятся в движение и попытках совершения нападения на сотрудников. Исходя из данного факта, велик шанс нанесения удара в запрещенную часть тела сотрудником правоохранительным органов в связи с изменением положения тела в пространстве после приготовления и осуществления удара.

Бронемашины и водометы также предусмотрены федеральным законом о полиции для пресечения массовых беспорядков. Данное специальное средство применяется зачастую в качестве оградительного средства. С помощью бронемашин укрепляется линии блокирования, а водометы служат для увеличения дистанции между сотрудниками правоохранительных органов и лиц участвующих в массовых беспорядках.

Главной проблемой при применении данных специальных средств является применение их к определенным категориям граждан, в отношении которых запрещается применение специальных средств.

При применении водометов и бронемашин сохраняется риск причинения случайной травмы лицам, участвующим в массовых беспорядках, но в отношении которых, не было целенаправленного применения специальных средств.

По моему мнению ряд ограничений и запретов нуждаются в доработке в связи со сложностью их соблюдения и реальностью при пресечении массовых беспорядков. В ходе массовых беспорядков обстановка изменяется динамично, большое количества лиц, находящихся на одной территории, усложняют наблюдение и контроль за обстановкой.

Подводя итоги и руководствуясь вышесказанным, наиболее эффективным является предусмотренный законодателем ряд отходов от ограничений и запретов при пресечении массовых беспорядков. Одним из наиболее эффективных решений является снятие ограничений с применения палки специальной и специальных газовых средств. При пресечении массовых беспорядков добиться

наибольшей эффективность возможно при допустимости нанесения ударов по всей площади тела и применения газовых средств вне ограничений и запретов в связи с неконтролируемостью радиуса их поражения.

Указанная мера, позволит оставить ряд ограничений, способствующих повышению гуманности деятельности сотрудников полиции, однако, позволит применять палку специальную в более частых ситуациях, связанных с динамическим перемещением тела в пространстве, и позволит применять специальные газовые средства в сложных условиях.

Таким образом, для эффективного проведения специальной операции по пресечению массовых беспорядков, сотрудникам правоохранительных органов необходимо четко реализовывать свою деятельность в соответствии с действующим законодательством, также необходимо опираться на теоретический опыт и анализ ранее прошедших массовых беспорядков [2, с. 11]. Исследование нормативно-правового регулирования показывает, что на сегодняшний день существует большое количество актов, регулирующих правовую основу деятельности правоохранительных органов при пресечении массовых беспорядков, в частности, это федеральные законы, устанавливающие правовой статус ОВД, ведомственные нормативно правовые акты, законы, регулирующие проведение различного рода собраний, шествий, противодействия экстремизму и др. Нуждающиеся в доработке в связи с сложностью и изменчивостью явления массовые беспорядки [6, с. 283].

Список литературы

1. Казинский Н. Е. Деятельность правоохранительных органов в особых условиях (кризисных ситуациях) : учебное пособие. М. : Кнорус, 2023.

2. Заречнев Д. О., Гричанов А. С., Тюкин В. Г. Индивидуальные и коллективные действия в составе служебных нарядов и групп боевого порядка при пресечении массовых беспорядков : учебно-методическое пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2013.

3. Колтунов В. В. Применение физической силы сотрудниками ОВД // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : сборник материалов Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2017. С. 223–224.

4. Скиба И. В., Томасов А. Н., Шевченко Г. В. Основные факторы возникновения массовых беспорядков // Совершенствование подготовки сотрудников правоохранительных органов к использованию специальных, технических и имитационных средств в условиях глобализации современных угроз. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 69–76.

5. Хмелевский Э. С. Некоторые аспекты деятельности подразделений МВД России по охране общественного порядка при пресечении массовых беспорядков с участием несовершеннолетних // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти мастера спорта СССР по самбо и дзюдо, заслуженного тренера РСФСР полковника ми-

лиции Э. В. Агафонова. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2025. С. 298–301.

6. Шориков А. Р., Шевченко Г. В. О некоторых особенностях деятельности сотрудников ОВД при участии в специальных мероприятиях по пресечению массовых беспорядков // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 280–283.

Труфанова Е. Н.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Засыпкин И. В.,
преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Актуальность статьи определяется цифровизацией социальных коммуникаций и ростом экстремистской активности, направленной на вовлечение молодежи, наиболее уязвимой к радикальным идеологиям в интернет-среде. В этих условиях особое значение приобретает экономический аспект предупреждения экстремизма, связанный с выявлением и пресечением финансовых источников экстремистской деятельности.

Цель статьи – проанализировать экономические механизмы предупреждения экстремизма в молодежной среде и оценить роль финансового мониторинга и правоприменительной практики в системе профилактики.

Задачи: 1) раскрыть правовые основы противодействия финансированию экстремизма; 2) проанализировать статистические показатели экстремистской преступности в динамике 2024–2025 гг.; 3) исследовать судебную практику по составам, связанным с финансированием и организацией экстремистской деятельности; 4) определить значение финансового мониторинга и межведомственного взаимодействия в системе экономической профилактики экстремизма.

Методология: включает анализ нормативных правовых актов Российской Федерации, статистический анализ данных МВД России, Совета Безопасности Российской Федерации и судебной практики по делам экстремистской направленности за 2024 г., а также оценку правоприменительной практики и финансового мониторинга в части противодействия финансированию экстремизма.

[1] © Труфанова Е. Н., 2026.

Правовые основы противодействия экстремизму в Российской Федерации закреплены Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и № 3-ФЗ «О полиции», а также нормами уголовного и административного законодательства. Стратегическое целеполагание и межведомственная координация определены Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, утвердившим Стратегию противодействия экстремизму, ориентированную на сочетание пресечения и профилактики, включая работу с молодежью.

Профилактическая деятельность МВД России осуществляется на основании ведомственных нормативных правовых актов, в том числе приказа МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России», и реализуется территориальными органами внутренних дел с участием подразделений по противодействию экстремизму (ЦПЭ), подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, подразделений уголовного розыска и иных служб. В рамках данной деятельности осуществляется выявление и пресечение противоправной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также анализ публичных сетевых ресурсов на предмет распространения экстремистских материалов.

В работах О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой указывается, что вовлечение молодежи в экстремистские сообщества нередко сопровождается последующим участием в сборе и переводе денежных средств, администрировании онлайн-платформ и иных действиях, обеспечивающих функционирование экстремистских структур, что придает проблеме выраженный финансовый характер. Авторами описаны типовые сценарии интернет-вербовки молодежи в экстремистские и террористические структуры [8].

Деятельность полиции по предупреждению экстремизма в молодежной среде носит комплексный характер и включает: правовое просвещение и профилактическую работу; мониторинг интернет-пространства и оперативно-розыскные мероприятия; индивидуальную профилактику лиц группы риска; межведомственное взаимодействие; информационное противодействие.

Эффективность профилактики зависит от рационального распределения ресурсов между массовыми мероприятиями и адресной работой с группами риска, что предполагает применение риск-ориентированного подхода с концентрацией усилий на радикализирующихся молодежных сообществах, публичной демонстрации экстремистской символики и финансовой активности, потенциально связанной с финансированием экстремизма.

Официальные данные МВД России фиксируют рост экстремистских преступлений: в 2024 г. зарегистрировано 1 719 таких деяний (+28,3 % к 2023 г.) а также увеличение террористических преступлений до 3 714 (+55,9 %), что указывает на связь радикализации с переходом к насильственным формам. По данным Совета Безопасности Российской Федерации, в 2024 г. к экстремизму были причастны 1 387 лиц, из которых более трети составила молодежь 14–29 лет, включая 97 несовершеннолетних; кроме того, выявлено 58 преступлений, связанных с финансированием экстремистской деятельности, что подчеркивает

значимость экономического направления профилактики. Отдельные показатели экстремистской преступности и молодежной вовлеченности за (2024 г.) [11] приведены в табл. 1.

Таблица 1

Отдельные показатели экстремистской преступности и молодежной вовлеченности, 2024 г. [11]

Показатель	Значение	Комментарий
Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности	1 719	Рост на 28,3 % к 2023 г.
Оценочно зарегистрировано в 2023 г. (расчет по темпу роста)	1 340	Округление по данным о росте
Лиц, причастных к экстремизму	1 387	По данным Совета Безопасности Российской Федерации
Молодежь 14–29 лет среди причастных	472	Более трети от 1 387
Несовершеннолетние 14–17 лет	97	Подгруппа молодежи
Выявлено преступлений, связанных с финансированием экстремизма	58	Экономический компонент

Судебная статистика позволяет конкретизировать, какие составы «дают» основную нагрузку на правоприменение и какие санкции преобладают. В табл. 2 представлены данные о назначенном наказании по ряду составов, часто используемых при квалификации экстремистской активности в сети и при организационном обеспечении экстремистских структур (включая финансирование).

Таблица 2

Судебная практика (осуждено и основные виды наказаний по отдельным составам УК РФ, 2024 г.) [12]

Состав УК РФ	Осуждено 2024 г.	Осуждено 2025 г. (9 мес)	Δ (±)	ЛС 2024 г.	ЛС 2025 г.	УСЛ 2024 г.	УСЛ 2025 г.
ч. 1 ст. 280	12	9	−3	6	4	3	3
ч. 2 ст. 280	203	156	−47	28	22	137	104
ч. 1 ст. 280.3	61	48	−13	11	9	12	10
ч. 1 ст. 282	13	10	−3	2	1	8	7
ч. 2 ст. 282	29	21	−8	16	11	8	7
ст. 282.1	23	18	−5	21	16	2	2
ст. 282.2 (всего)	274	201	−73	163	129	84	58
ч. 1 ст. 282.3	38	63	+25	17	28	8	12
ч. 1 ст. 282.4	127	94	−33	66	49	20	18

Примечание: ЛС – лишение свободы; УСЛ – условное лишение свободы.

Сопоставление показателей 2024 г. и девяти месяцев 2025 г. демонстрирует сохранение высокой доли наказаний в виде реального лишения свободы по составам, связанным с организацией экстремистской деятельности (ст. 282.2 УК РФ). При этом по ст. 282.3 УК РФ (финансирование экстремистской деятельности) зафиксирован рост числа осужденных, что свидетельствует об усилении внима-

ния к экономическому компоненту экстремизма. Данная тенденция подтверждает возрастающую роль финансовых механизмов в системе профилактики экстремистской деятельности [13].

В условиях цифровизации финансового оборота возрастает роль Росфинмониторинга и финансовых организаций в выявлении подозрительных операций: в перечень лиц и организаций, причастных к финансированию экстремизма и терроризма, включено более 16 тыс. физических лиц и свыше 800 организаций, заблокированы активы на сумму около 245 млн руб., что подчеркивает профилактический потенциал финансового мониторинга.

Источником финансирования экстремистской деятельности могут выступать и экономические преступления, совершаемые в этих целях, что обусловливает необходимость взаимодействия подразделений экономической безопасности и ЦПЭ, а также применения аналитических моделей выявления финансовых аномалий. Практический вывод для полиции состоит в необходимости тесной связки подразделений, работающих по линии экономической безопасности, с подразделениями по противодействию экстремизму, а также в использовании аналитических моделей выявления финансовых «аномалий» (сборы, регулярные переводы, цепочки транзакций).

Таким образом, анализ судебной практики за 2024 г. и девять месяцев 2025 г. показывает, что противодействие экстремизму в молодежной среде приобретает выраженный экономический характер. Сохраняется высокий удельный вес реального лишения свободы по организованным формам экстремистской деятельности, при этом наблюдается рост числа осужденных за финансирование экстремизма. Указанная динамика свидетельствует об усилении внимания к финансовым механизмам поддержки экстремистских структур и подтверждает необходимость интеграции инструментов финансового мониторинга и межведомственного взаимодействия в систему профилактики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

4. Приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431178/.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

6. Кудрявцев В. Н. Методология юридических исследований. М. : Норма, 2021.

7. Мартыненко В. Б. Профилактика экстремизма в молодежной среде : учебное пособие. М. : Юрайт, 2025.

8. Гурина О. Д., Ремеева А. Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 1–13.

9. Данные судебной статистики: сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей (в том числе показатели по статьям УК РФ) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=5.

10. Горшенков Г. Н. Криминологические аспекты молодежного экстремизма // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 112–117.

11. Состояние преступности в Российской Федерации за 2023 г. : статистический сборник. М. : Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2024.

12. Отчет о деятельности судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2023 г. М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2024.

13. Судебная практика и статистика по преступлениям экстремистской направленности, включая финансирование экстремистской деятельности : аналитический обзор. М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации, 2024.

РАЗДЕЛ XIII. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ И ВЫЗОВОВ

Ивлев К. А.[1],
командир отделения
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Данилкина В. М.,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Актуальность исследования обусловлена тем, что обеспечение безопасности дорожного движения остается одной из наиболее острых социальных проблем Российской Федерации. В 2025 г. в стране было зарегистрировано 132 037 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, в которых погибло 14 403 человека и получили ранения 164 754 участника дорожного движения. О важности изучения данной темы, также свидетельствует выступление на расширенном заседании коллегии МВД России Президента Российской Федерации В. В. Путина, и Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева. Так, Президент Российской Федерации упоминает о том, что в 2025 г. удалось хоть и незначительно, но улучшить ситуацию с безопасностью на дорогах и отмечает, что сотрудникам МВД России необходимо и дальше активно работать в данном направлении.

Следственный эксперимент, регламентированный ст. 181 УПК РФ, является одним из ключевых следственных действий, позволяющих проверить и уточ-

[1] © Ивлев К. А., 2026.

нить данные, имеющие значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При расследовании ДТП данное следственное действие приобретает особое значение, поскольку именно посредством него устанавливаются момент возникновения опасности для движения, дистанция видимости, фактическая скорость транспортного средства, длина тормозного пути и другие обстоятельства, определяющие наличие или отсутствие у водителя технической возможности предотвращения происшествия [1].

Действующая редакция ст. 181 УПК РФ не содержит конкретных указаний на виды применяемых технических средств, ограничиваясь общим дозволением фотографирования, кино- и видеосъемки, составления планов и схем. Подобный правовой пробел порождает неопределенность в вопросах допустимости результатов следственного эксперимента, проведенного с использованием современных цифровых технологий.

Существенное значение для рассматриваемой проблематики имеет норма ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, согласно которой если по решению следователя понятые в следственном эксперименте не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов данного следственного действия является обязательным. Таким образом, закон не только допускает, но в определенных случаях императивно предписывает использование технических средств, что создает нормативную предпосылку для внедрения современных информационных технологий в практику производства следственного эксперимента.

Применительно к делам о ДТП Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 разъяснил, что при решении вопроса о технической возможности предотвращения ДТП следует исходить из того, что момент возникновения опасности для движения определяется в каждом конкретном случае с учетом дорожной обстановки, предшествующей происшествию. Установление данного обстоятельства непосредственно связано с проведением следственного эксперимента, в ходе которого определяются конкретная и общая видимость, темп движения пешехода и иные параметры, необходимые для последующего автотехнического экспертного исследования [12].

С позиции криминалистической методики расследования дорожно-транспортных происшествий следственный эксперимент, обязан максимально воспроизводить реальные условия происшествия: дорожную обстановку, освещенность, погодные условия, расположение объектов и, принципиально важно, фактическую траекторию движения транспортных средств. Отступление от реальных траекторий приводит к искажению ключевых исходных данных в результате такой эксперимент теряет доказательственное значение.

Качественно новый уровень фиксации обстановки следственного эксперимента обеспечивают технологии трехмерного сканирования и фотограмметрии. Лазерное сканирование позволяет за короткое время собрать миллионы точек данных, формирующих «облако точек» – основу для высокоточной реконструкции сцены, что регламентируется соответствующим государственным стандартом: Р 71863–2024 «Фототопография. Лазерное сканирование. Общие положения» [13].

Фотограмметрия, в свою очередь, обеспечивает построение 3D-моделей на основе серии перекрывающихся фотографий, что представляется особенно перспективным при ограниченном бюджете или невозможности использования сложного оборудования.

Исследование, проведенное Экспертно-криминалистическим центром МВД России, выявило ряд существенных преимуществ 3D-сканирования перед традиционными методами фиксации следов: время изготовления 3D-модели значительно меньше времени изготовления гипсового слепка; в процессе сканирования след не разрушается и не загрязняется; обеспечивается единый для всех следов технический подход к фиксации доказательственной информации; результаты не зависят от погодных условий; модели хранятся в цифровом виде и обеспечивают достаточную детализацию признаков.

Интеграция программных комплексов компьютерного моделирования в процесс расследования ДТП представляет собой одно из наиболее значимых направлений цифровизации следственной деятельности. Специализированные программы – PC-Crash, Virtual Crash, Carat 3, HVE (Human Vehicle Environment) – позволяют создавать трехмерные модели ДТП, анализировать траектории и скорости движения транспортных средств, определять точки столкновения и тестировать альтернативные сценарии развития аварийной ситуации. Программный комплекс Virtual Crash используется в экспертных подразделениях МВД России и Следственного комитета Российской Федерации, что подтверждает его фактическое признание в профессиональном сообществе.

Значение данных технологий для следственного эксперимента состоит в том, что они позволяют верифицировать результаты опытных действий путем сопоставления экспериментальных данных с результатами компьютерного моделирования. Кроме того, цифровая реконструкция существенно упрощает коммуникацию между участниками процесса: судьи и присяжные получают возможность наглядно воспринять динамику аварийного события, что снижает риски неверной интерпретации фактов. Грамотно подготовленное видеоприложение с элементами 3D-моделирования способно развеять сомнения суда относительно правильности выводов, позволяя избежать назначения повторного исследования [7].

Применение беспилотных летательных аппаратов открывает принципиально новые возможности для фиксации обстановки как при осмотре места ДТП, так и при проведении следственного эксперимента. Применительно к следственному эксперименту БПЛА позволяют осуществлять аэрофотосъемку места проведения опытных действий, что обеспечивает объективную фиксацию обстановки с высотных ракурсов, недоступных для наземной съемки. Полученные данные могут быть интегрированы в 3D-модель местности, создавая основу для последующего компьютерного моделирования динамики ДТП [3].

Анализ судебной практики позволяет выделить ряд системных проблем, связанных с допустимостью результатов следственного эксперимента по делам о ДТП, которые усугубляются при использовании информационных технологий. Прежде всего, устоявшимся основанием для признания результатов следственного эксперимента недопустимым доказательством является несоблюдение

условий, максимально приближенных к тем, в которых произошло расследуемое событие. Применение информационных технологий способно как минимизировать подобные ошибки, так и породить новые процессуальные риски.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что информационные технологии обладают значительным потенциалом повышения объективности, точности и доказательственной ценности результатов следственного эксперимента при расследовании ДТП. Вместе с тем анализ нормативно-правовой базы и судебной практики позволяет выделить ряд конкретных проблем, препятствующих полноценному внедрению цифровых технологий.

Для преодоления указанных проблем представляется необходимым внесение целевых дополнений в ст. 189.1 УПК РФ, прямо предусматривающих возможность использования при производстве следственных действий, в том числе следственного эксперимента, средств цифровой фиксации и реконструкции (3D-сканирование, лазерное сканирование, фотограмметрия, специализированные программные комплексы моделирования). Закрепление на уровне закона перечня допустимых цифровых технологий и общих требований к их применению позволило бы придать получаемым результатам более устойчивый процессуальный статус, снизить вероятность их признания недопустимыми доказательствами и стимулировать планомерное оснащение следственных подразделений соответствующим оборудованием.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

2. Апелляционное постановление Ярославского областного суда (Ярославская область) от 28 августа 2025 г. по делу № 1–5/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PVrDeQT9rpoN/?page=1.

3. Беспилотники могут начать фиксировать ДТП из-за дефицита сотрудников ДПС // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/24/1141508-bespilotniki-mogut-nachat-fiksirovat-dtp-iz-za-defitsita-sotrudnikov-dps.

4. Валитова В. И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе // Шаг в науку. 2025. № 3. С. 90–96.

5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за девять месяцев 2025 г. : информационно-аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2025.

6. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 г. : информационно-аналитический обзор. М. : НЦ БДД МВД России, 2025.

7. Лазарев Д. А., Гринякин Р. В., Стрекалов Д. П. и др. Применение цифровых алгоритмов при оптимизации процесса расследования дорожно-транспортных происшествий // Воронежский научно-технический вестник. 2023. № 4. С. 107–119.

8. Методические рекомендации по проведению судебных автотехнических экспертиз и исследований колесных транспортных средств в целях определения

размера ущерба, стоимости восстановительного ремонта и оценки / [Е. П. Махнин и др.]. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2020 г. по делу № 77–417/2020 // Антонов и партнеры. URL: https://pravo163.ru/opredelenie-vtorogo-kassacionnogo-suda-obshhej-yurisdikcii-ot-28-05-2020-po-delu-77-417-2020-sud-ustanovil-chto-svedeniya-o-momente-vozniknoveniya-opasnosti-polucheny-ekspertami-iz-teksta-postanov/.

10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2023 г. № 31-АД23-11-К6. Суд оставил без изменения вынесенные ранее судебные решения, поскольку в действиях лица содержится состав административного правонарушения, выразившегося в осуществлении предпринимательской деятельности в области транспорта без соответствующей лицензии // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408304295/.

11. Решение Арбитражного суда Новосибирской области (АС Новосибирской области) от 9 июня 2025 г. по делу № А45-20612/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GKTjfUZsdeU8/.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (ред. от 25.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/.

13. ГОСТ Р 71863–2024. Фототопография. Лазерное сканирование. Общие положения : национальный стандарт Российской Федерации // Росстандарт. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational?portal:componentId=3503536e-2ac1-4753-8ed1-09a92fee02de…

Данг Т. К. Т.[1],
слушатель факультета
подготовки иностранных специалистов
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Архипова И. А.,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ РОССИИ И КИТАЯ

Актуальность настоящего исследования обусловлена качественными изменениями криминальной среды, вызванными внедрением технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект породил новые виды преступлений – дипфейки, персонализированный фишинг, автоматизированные ботнеты, – которые не могут быть эффективно расследованы традиционными криминалистическими методами. Классическое учение о следах, ориентированное преимущественно на материальные объекты, не в полной мере применимо к цифровой среде, где следы существуют в форме электромагнитных сигналов [2, с. 176]. Возникает объективная необходимость переосмысления механизма следообразования с учетом роли искусственного интеллекта как активного участника преступной деятельности. Россия и Китай представляют два различных подхода к решению данной проблемы – правово-процессуальный и технологическо-надзорный, что придает их сравнительному анализу существенное теоретическое и практическое значение. Целью исследования является построение единой модели механизма образования цифровых следов в преступлениях с использованием искусственного интеллекта, выявление особенностей российского и китайского подходов, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию обеих моделей.

Для решения поставленной задачи необходимо прежде всего определить содержание понятия «механизм образования цифровых следов» применительно к преступлениям, совершаемым с использованием искусственного интеллекта. В криминалистической литературе данный механизм может быть представлен в виде трехстадийной модели [2, с. 175; 5, с. 512]. Первая стадия – подготовка – включает сбор данных для обучения ИИ (изображения, голос, персональная

[1] © Данг Т. К. Т., 2026.

информация), обучение и настройку моделей, а также создание фейковых аккаунтов и подготовку анонимной инфраструктуры (VPN, прокси-серверы). На данной стадии образуются логи скачивания данных, история браузера, логи установки и конфигурации, данные регистрации. Вторая стадия – совершение преступления – охватывает генерацию преступного контента с помощью ИИ (дипфейки, фишинговые письма), автоматизированную рассылку или атаку, а также взаимодействие с жертвами. Следы на этой стадии представлены файлами-результатами генерации, логами выполнения скриптов, сетевым трафиком и логами аутентификации. Третья стадия – сокрытие – предполагает удаление улик и следов деятельности, использование криптовалют для вывода средств, применение специального программного обеспечения для противодействия криминалистическим методам. Образующиеся следы включают артефакты удаления, цепочки блокчейн-транзакций и аномальные финансовые операции [6, с. 3–5; 8, с. 6–8].

В рамках предлагаемой общей модели цифровые следы имеют двухкомпонентную структуру. Следы человека формируются в результате осознанных действий преступника, включают команды управления ИИ, выбор параметров и принятие решений, обладают ключевым значением для определения субъекта преступления и формы вины. Следы алгоритма, напротив, образуются в процессе автономной работы систем ИИ, включают внутренние процессы обучения, вывода и обновления модели, позволяют восстановить логику работы системы и выявить системные ошибки. Особое место среди них занимают системные журналы (логи), которые выступают единственным объективным источником информации о внутренних процессах функционирования ИИ, позволяют реконструировать последовательность событий и причинно-следственные связи [2, с. 177]. Отсутствие или искажение логов в высокорисковых системах может рассматриваться как процессуальная недобросовестность, а сами логи требуют надлежащего процессуального оформления для использования в качестве доказательств [5, с. 513].

Теоретическое осмысление данного механизма в разных правовых системах имеет существенные различия, что наглядно демонстрирует сравнительный анализ российского и китайского подходов. Российская криминалистическая теория базируется на классическом учении о следах, адаптированном к цифровой среде через криминалистическую кибернетику. В рамках данного подхода разработана четкая система понятий, включающая компьютерные следы как целостное явление и виртуальные следы как их составную часть. Признается, что механизм виртуального следообразования повторяет классическую модель «объект – объект», однако функционирует в специфической среде, где отсутствует непосредственный физический контакт между объектами. Изменения фиксируются на уровне электромагнитных сигналов, что требует специальной реконструкции состояния системы во времени, осуществляемой посредством «прокрутки назад» по логам. Цифровые следы в российской доктрине обладают двойственной природой, сочетая свойства материальных следов (фиксируются на носителях) и идеальных следов (легко копируются, модифицируются). Применительно к преступлениям с использованием ИИ российская теория расши-

ряет традиционную трехстадийную модель, добавляя стадию обучения и настройки модели. Выделяются три типичные ситуации с различным механизмом следообразования: преступления с физическим доступом, при которых сочетаются материальные и компьютерные следы; дистанционные преступления, характеризующиеся преобладанием виртуальных следов; преступления с использованием генеративных нейросетей, оставляющие специфические артефакты в виде промптов и результатов генерации [2, с. 178]. Результаты работы ИИ требуют обязательной экспертной интерпретации, необходима оценка прозрачности и надежности алгоритмов, а процедура сбора следов должна строго соответствовать процессуальным нормам.

Китайская криминалистическая теория, в отличие от российской, опирается на конкретную правовую и институциональную базу, направленную на регулирование цифровых данных в судебной системе. Ключевые законодательные акты – Закон о кибербезопасности (2017 г.), Закон о безопасности данных (2021 г.) и Закон о защите личной информации (2021 г.) – создают правовые рамки для управления и использования данных в целях расследования преступлений [3; 4]. В китайской доктрине ИИ рассматривается в четырех аспектах: как орудие преступления (создание дипфейков, автоматизация мошеннических схем, осуществление кибератак); как инструмент расследования (анализ больших данных, выявление аномалий, отслеживание подозрительных транзакций); как участник судопроизводства в вспомогательной роли (использование «ИИ-прокурора» и «ИИ-судьи» для поддержки анализа дел и принятия решений); как источник цифровых следов (системные журналы, алгоритмы и действия, совершаемые самими системами ИИ) [7; 8]. Механизм образования цифровых следов в китайской судебной практике формируется под влиянием конкретных технических особенностей электронных доказательств. Цифровой след не существует изолированно, а образуется в неразрывной связи с конкретным техническим средством: при использовании технологии блокчейн след представляет собой цепочку хеш-сумм, временные метки и распределенно хранимые данные; при использовании технологии краулеров след включает как собранные данные, так и журнал процесса сбора, включая логи доступа и алгоритмы обхода защиты [6, с. 3–4; 8, с. 7]. Технически безупречный цифровой след может утратить юридическую силу из-за процедурных ошибок при его изъятии, что порождает феномен «гибридного дефекта», при котором идеальный цифровой след теряет доказательственное значение из-за ошибок в обращении с материальным носителем. В этой связи цифровой след обладает доказательственной силой только при одновременном соблюдении двух критериев: технической легальности (соответствие технологии сбора обязательным стандартам) и процессуальной легальности (соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства). Кроме того, важное значение приобретает аутентичность источника: если не установлен источник происхождения следа (IP-адрес, путь доступа, точное время), цепочка множественных коррелирующих следов разрывается, что делает невозможным их использование в доказывании.

Проведенный сравнительный анализ двух криминалистических теорий позволяет выявить их принципиальные различия, которые имеют не только теоре-

тическое, но и практическое значение. Российская теория характеризуется правово-процессуальной философией, в центре внимания которой находится процедура собирания и оценки доказательств. Теоретический фокус направлен на развитие понятийного аппарата, классификацию следов и обеспечение законности. ИИ рассматривается преимущественно как объект исследования и источник следов, результаты его функционирования требуют экспертной интерпретации [1; 7]. Механизм следообразования строится по трехстадийной модели с разграничением следов человека и алгоритма, при этом следы понимаются как объективно существующие в результате деяния и подлежащие обнаружению и фиксации по установленным правилам. Центральной проблемой российской теории является построение единой теории цифровых следов в условиях развития технологий. Китайская теория, напротив, базируется на судебно-практической и технологической философии, где центр внимания смещен на решение правовых проблем, возникающих из технических особенностей электронных доказательств [7; 5, с. 510–515]. Теоретический фокус направлен на определение критериев оценки законности следов на основе судебной практики, включая технические, процедурные и аутентификационные аспекты. ИИ выступает одновременно инструментом расследования и источником следов, что актуализирует вопросы о технических стандартах и оценке доказательств. Механизм следообразования в китайской модели неразрывно связан с технологическим инструментарием, а юридическая сила следа определяется тремя факторами: техникой сбора, процедурой и аутентичностью источника [8, с. 6–8; 5, с. 513]. Следы рассматриваются как легко изменяемые и зависимые от носителя, в связи с чем процедура собирания играет ключевую роль в сохранении их доказательственной ценности. Центральной проблемой китайской теории выступает обеспечение законности электронных доказательств в условиях многообразия технологий и сложности процедур.

Выявленные различия позволяют сформулировать направления совершенствования каждой из рассмотренных моделей. Применительно к российской модели необходимо продолжить развитие понятийного аппарата цифровых следов, уделяя особое внимание следам, создаваемым ИИ, а также изучить возможность применения моделей оценки законности доказательств, основанных на анализе судебной практики. В области законодательства целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс и ведомственные нормативные акты требованиями к технической стороне собирания цифровых следов, включая обязательный расчет хеш-сумм, очистку устройств и ведение журналов, а также четко определить правовые последствия нарушений порядка собирания, разграничив устранимые и неустранимые нарушения [5, с. 514]. В практической сфере требуется разработка детальных методических рекомендаций по порядку собирания следов для каждого типа технологий (блокчейн, краулинг, дистанционный осмотр) и обеспечение углубленной подготовки следователей, прокуроров и судей в области технических особенностей электронных доказательств [2, с. 177–178].

В свою очередь, совершенствование китайской модели должно включать разработку единой теоретической системы, описывающей механизм образова-

ния цифровых следов, не ограничиваясь только оценкой их законности на основе судебной практики, а также проведение четкой классификации следов по источнику происхождения (следы, созданные человеком; следы, созданные алгоритмами; гибридные следы). В области законодательства требуется усовершенствовать положения, разграничивающие устранимые нарушения (например, отсутствие подписи понятого при наличии видеозаписи) и неустранимые нарушения, влекущие безусловную утрату доказательственной силы (например, несоблюдение сроков опечатывания носителя, повлекшее утрату целостности данных, или использование технологии, не соответствующей обязательным стандартам). Необходимо законодательно закрепить обязательные технические стандарты для каждого способа собирания цифровых следов, включая требования к оборудованию, программному обеспечению и процедурам. В практической сфере целесообразно усилить ведомственный контроль и прокурорский надзор за качеством процедур собирания цифровых следов, создать механизм независимой технической оценки цифровых доказательств в суде с привлечением независимых экспертов и специалистов, а также обеспечить баланс между эффективностью расследования и защитой прав граждан при собирании цифровых следов.

Таким образом, ни одна из рассмотренных моделей не является универсально применимой или абсолютно совершенной. Наиболее перспективным представляется синтез сильных сторон обеих теорий: использование фундаментальной теоретической базы и высоких процессуальных стандартов российской модели с технологическими возможностями и практической эффективностью китайской модели. Такой синтез должен осуществляться при безусловном соблюдении фундаментальных прав человека и принципов справедливого правосудия, что приобретает особое значение в эпоху, когда алгоритмы начинают играть все более значимую роль в уголовном процессе.

Список литературы

1. Распознать дипфейк и предсказать убийство: как искусственный интеллект учат бороться с преступностью // Научная Россия. URL: https://scientificrussia.ru/articles/raspoznat-dipfejk-i-predskazat-ubijstvo-kak-iskusstvennyj-intellekt-ucat-borotsa-s-prestupnostu.

2. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

3. China’s New Data Security and Personal Information Protection Laws: What They Mean for Multinational Companies // Skadden Insights. 2021. URL: https://www.skadden.com/insights/publications/2021/11/chinas-new-data-security-and-personal-information-protection-laws.

4. China Cybersecurity Law Amendment in Effect January 1, 2026 // China Briefing. 2025. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-cybersecurity-law-amendment/.

5. Electronic Evidence, Legislation Hierarchy, Legal Norm // Atlantis Press. 2016. URL: https://www.atlantis-press.com/article/25860707.pdf.

6. 使用区块链技术保存电子证据的中国第一案 // OBWB. 2018. URL: https://www.obwb.com/04D540/assets/files/News/Preservation-of-Electronic-Evidence-Using-Blockchain-Technology-SCN.pdf.

7. 刑事诉讼中人工智能证据的可采性困境与应对 // 山东省高级人民法院. 2026. URL: http://www.sdcourt.gov.cn/dyzy/372897/372899/44519055/index.html.

8. Blockchain Evidence in Court Proceedings in China – A Comparative Study of Admissible Evidence in the Digital Age // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. 2020. URL: https://stanford-jblp.pubpub.org/pub/blockchain-evidence-courts-china.

РАЗДЕЛ XIV. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Казачкина В. С.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бобошко Н. М.,
профессор кафедры экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, профессор

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ РЕГИОНОВ: РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИРМ-ОДНОДНЕВОК

Специальные налоговые режимы являются ключевым инструментом развития малого бизнеса, который, в свою очередь, выступает гарантом социальной стабильности и экономической безопасности государства. Однако функционирование фирм-однодневок и теневого сектора истощают бюджетную систему, создают условия для недобросовестной конкуренции, искажая рыночные механизмы. В этой связи стратегическое управление налоговой безопасностью через призму развития специальных режимов становится инструментом минимизации нелегального предпринимательства, повышения финансовой устойчивости, а также защитой экономической безопасности Российской Федерации.

[1] © Казачкина В. С., 2026.

Оптимизация механизмов экономического управления выступает ключевым компонентом проводимых в России реформ. Особую значимость данный аспект приобретает на уровне хозяйствующих субъектов. В современной науке налоговая безопасность определяется как базис финансовой независимости и стабильности публично-правовых образований. В трудах многих ученых представлены различные понятия налоговой безопасности. Например, В. Г. Пансков трактует ее как способность налоговой системы обеспечивать бюджет ресурсами, достаточными для исполнения социально-экономических функций государства при минимальных угрозах возникновения задолженностей и налоговых проступков [1].

В то же время важно подчеркнуть, что экономическая устойчивость субъекта Российской Федерации неразрывно связана с принципом фискальной достаточности, который можно рассмотреть через ст. 31 Бюджетного кодекса Российской Федерации [2]. Данная норма раскрывает самостоятельность бюджетов через призму собственных источников доходов. А гарантом предотвращения внутренних и внешних угроз, в связи с истощением исполнения социальных обязательств, выступает налоговая безопасность.

К структурным элементам налоговой безопасности субъектов Российской Федерации относятся:

– постоянный рост налогового потенциала региона;

– эффективное управление и противодействие схемам уклонения от уплаты налогов;

– рациональная налоговая нагрузка для всех участников налогообложения, которая будет побуждать инвестиционную деятельность.

Таким образом, можно сформулировать определение налоговой безопасности субъекта Российской Федерации – это состояние защищенности бюджета региона от угроз нехватки поступлений, достигаемый путем согласования интересов государства и налогоплательщиков, для обеспечения сбалансированности бюджета и дальнейшего роста экономики региона.

При регистрации в качестве индивидуального предпринимателя по умолчанию лицо считается пользователем общей системы налогообложения, однако для большей части предпринимателей подобное решение не является выгодным, ввиду сложности работы с налоговой отчетностью, а также высоких налоговых ставок. В связи с этим, государством предусмотрена возможность применения специальных налоговых режимов, которые можно использовать как относительно всей предпринимательской деятельности, так и совместно с другой системой. К специальным налоговым режимам, на сегодняшний день, относятся: патентная система, упрощенная система налогообложения (УСН), единый сельскохозяйственный налог для сельхозпроизводителей (ЕСХН), налог на профессиональный доход (НПД), система налогообложения для выполнения соглашений о разделе продукции, автоматизированная упрощенная система налогообложения [3]. При этом важно учитывать, что каждая система предъявляет к налогоплательщику определенные требования и ограничения, соблюдая которые данный режим может применяться.

Основным фактором, влияющим на выбор одного из вышеперечисленных налоговых режимов, является вид предпринимательской деятельности. Именно

он является «отправной точкой» для рассмотрения альтернатив общей системе налогообложения. Но какую же роль данные режимы играют для стимулирования предпринимательской активности. Данный вопрос следует рассмотреть подробнее.

Малое и среднее предпринимательство является ключевым фактором постоянно развивающейся экономики как региона, так и страны в целом. Основная цель введения специальных налоговых режимов заключается в создании благоприятных условий функционирования деятельности и снижения теневых условий.

Так, ключевым элементом стимулирования легальной предпринимательской активности в 2025 г. стала интеграция прогрессивных компонентов налогообложения. Компаниям больше не нужно создавать «фирмы – однодневки» ради снижения налогооблагаемой базы, так как лимиты по УСН выросли, но при этом установлена обязанность платить НДС тем, кто получает больше дохода. Вся система становится прозрачной и переходит в цифровые платформы, если компании ведут легальную деятельность, значит для них открыт полный доступ к государственным мерам поддержки и льготному кредитованию.

Рассматривая такие режимы, как автоматизированная упрощенная система налогообложения и налог на профессиональный доход, можно выделить, что в 2026 г. ожидается увеличение их применения. Данный прогноз можно обосновать тем, что приведенные специальные режимы помогают снижать нефискальные издержки, т. е. уменьшение времени и средств на ведение налогового учета и сдачи отчетности. Благодаря современным технологическим платформам налоговые органы самостоятельно регулируют деятельность фирм, а желания осуществлять скрытые схемы предприятиями значительно снижаются [4].

Нельзя не сказать об актуальности на современной этапе развития цифровых платформ и площадок для работы в налоговой сфере. Площадки приобретают статус налогового помощника, автоматически рассчитывая и передавая все данные за предпринимателей. Таким образом, вести легальный бизнес становится выгодным, чем уходить в тень, так как законопослушные налогоплательщики приобретают ряд преимуществ, таких как: доступ к развитым информационным платформам, государственные гранты, льготные кредиты и так далее.

Мониторинг эффективности применения специальных налоговых режимов – это систематический анализ их воздействия на легализацию деловой активности. В рамках вывода бизнеса из тени основными показателями выступают динамика регистрации индивидуальных предпринимателей (ИП) и субъектов малого и среднего предпринимательства, размеры налоговых поступлений в бюджет, а также уменьшение доли нерегулируемого сектора в ВВП регионов. Методика отслеживания основывается на сопоставительном анализе сведений Федеральной налоговой службы, Росстата и региональных структур власти.

Для количественной оценки вклада льготных налоговых режимов в легализацию бизнеса предлагается использовать специально разработанную формулу коэффициента эффективности:

$$E = \frac{(\Delta N * BecN) + (\Delta P * BecP - \Delta C)}{(B0 * \text{Кинфл}) * 100\%},$$

где: ΔN – прирост числа зарегистрированных налогоплательщиков;
ΔP – прирост налоговых поступлений;
ΔC – расходы на администрирование;
B0 – база периода (численность категории на начало периода);
BecN, BecP – весовые коэффициенты значимости прироста налогоплательщиков и налоговых поступлений (определяются экспертно);
Кинфл – коэффициент инфляции.

Данная формула позволяет численно оценить вклад специальный налоговых режимов в детеневизацию экономики. Чтобы подтвердить соразмерность предложенной формулы, применим ее к статистическим сведениям. Так как информация по показателям за 2025 г. только формируется, будем использовать прогнозные значения (*табл.*).

Таблица

Сравнительная оценка эффективности специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»

Регион РФ	ΔN, %	ΔP, %	ΔC, %	B0, млн	BecN	BecP	Кинфл	E, %
г. Москва	18	36	2	2	0,6	0,4	1,05	≈ 110,5
Краснодарский край	25	55	1,8	0,7	0,6	0,4	1,05	≈ 478,8
Тамбовская область	30,7	59,9	1,5	0,1	0,6	0,4	1,05	≈ 389,3

Выбор весовых показателей BecN = 0,6 и BecP = 0,4 объясняется приоритетом охвата (ΔN) над финансовым результатом (ΔP). Это сбалансированный вариант соотношения (6:4), учитывающий и стратегические, и тактические задачи.

Анализ данных показывает: высокое значение коэффициента E в Краснодарском крае (478,8 %) объясняется ростом числа самозанятых ввиду популярности данного режима. В Московской области эффективность находится на среднем уровне (110,5 %) ввиду диверсификации отраслей экономики.

Обобщая, можно сказать, что контроль результативности стимулирующих налоговых режимов должен базироваться на многосторонней методологии и оценки [5]. Нововведения, коснувшиеся упрощенной системы налогообложения, а именно создание автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АУСН), способствовали снижению операционных расходов для организаций. Отсутствие необходимости подачи налоговой отчетности и уплаты страховых взносов по фиксированной сумме исключает для управленческого звена занижение фактических доходов и сумм, выплачиваемых работникам в качестве заработной платы.

Начиная с 2025 г. на территории Российской Федерации начали действовать особый механизм помилования для тех представителей бизнеса, которые по собственному желанию переходят от искусственного деления предприятия к стандартной системе налогообложения. Подобная мера служит тем самым «пере-

ходным этапом», о котором упоминалось в рамках задач обеспечения экономической безопасности в регионах. Результативность данного инструмента в рамках текущего контроля измеряется посредством «индекса перемещения» налогоплательщиков, то есть – это процентное соотношение тех субъектов, которые приближаясь к лимитам дохода (например, 450 млн рублей для УСН) вместо формирования «фирм-однодневок» интегрируются в сегмент среднего предпринимательства.

Совершенствование региональной налоговой политики в части противодействия фиктивному предпринимательству требует комплексного подхода, сочетающего развитие налоговых стимулов легализации бизнеса и усиление контрольно-надзорных функций государства. Ключевым вектором совершенствования должно стать внедрения многоуровневого метода управления налоговой безопасностью через методологию сегментации налогоплательщиков. Предлагаемая концепция предполагает стратификацию налогоплательщиков по трем уровням, опирающиеся на заложенные в них характеристики рискованности:

1. Начальный эшелон составляют ответственные участники рынка, чья деятельность отличается открытостью и демонстрирует устойчивый рост прибыли. Именно для этой категории предусмотрены более существенные послабления в сфере налогообложения.

2. Второй эшелон составляют те, чьи метрики волатильны, и кто допускает ошибки в учете налоговых обязательств. Для этой категории критически важно предоставить доступ к консультационным услугам и сервисам поддержки, чтобы не допустить их ухода в незарегистрированную экономику.

3. Третий эшелон включает в себя нечестных участников рынка, у которых наблюдаются признаки скрытой экономической активности. Именно к этому сектору следует направить наиболее интенсивное надзорное воздействие со стороны правоохранительных органов.

Запуск системы оценки добросовестности налогоплательщиков, основанной на их надежности, мотивирует субъектов экономики к своевременному исполнению фискальных обязанностей и генерирует угрозы для репутации тех, кто прибегает к уклонению от уплаты налогов. Органы власти на местах имеют потенциал для создания авторских механизмов поощрения добропорядочных плательщиков, что может включать публичное признание их заслуг, предложение экспертной поддержки и упрощение разрешительных процедур.

Следовательно, фискальная устойчивость территориальных образований выступает в роли составной части стратегического менеджмента, катализирующей сохранение стабильности бюджетов и прогностические возможности для социально-экономического прогресса конкретного федерального субъекта. Концептуальные начала такой налоговой защиты зиждутся на гармонизации государственных фискальных потребностей и одновременной стимулировании предпринимательской активности экономических субъектов.

Список литературы

1. Пансков В. Г. Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17, № 1. С. 34–43.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.

4. Федеральный закон от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Автоматизированная упрощенная система налогообложения“» (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410240/.

5. Алексеева О. С. Налогообложение малого бизнеса как инструмент повышения его конкурентоспособности // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 11 (68). С. 107–112.

Михалов В. Р.[1],
командир отделения
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Коноваленко С. А.,
профессор кафедры
экономической безопасности
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В ходе выступления на итогах конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 11 декабря 2024 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил: «очевидно, что наличие собственных разработок нового поколения искусственного интеллекта – одно из ключевых условий научного, технологического и, что важно, мировоззренческого суверенитета нашей страны» [1]. Отсюда становится ясно, что потенциал искусственного интеллекта (ИИ) отмечается в том числе и высшими должностными лицами Российской Федерации, что подчеркивает важность и актуальность данной темы.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» развитие технологий ИИ является одним из ключевых направлений обеспечения национальных интересов. Именно поэтому действующая национальная стратегия развития ИИ до 2030 года предусматривает активное внедрение нейросетевых технологий в различные сферы общественной жизни, в том числе и в правоохранительную деятельность [2].

В настоящее время преступления экономической и коррупционной направленности отличаются высокой латентностью, сложностью документирования и непрерывной эволюцией способов совершения. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск новых инструментов повышения эффективности деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК).

---

[1] © Михалов В. Р., 2026.

Для наглядного рассмотрения текущей ситуации в части совершения экономических преступлений, проанализируем абсолютные и относительные показатели, приведенные в таблице.

Таблица

Фактические и расчетные данные по экономическим преступлениям [3]

Показатель	**Статистические данные и расчеты показателей прироста**					
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Количество преступлений	105 480	117 707	111 429	105 257	105 437	107 180
Цепной прирост, %	–	+11,59	−5,33	−5,54	+0,17	+1,65
Базисный прирост, %	–	+11,59	+5,64	−0,21	−0,04	+1,61
Из них: тяжких и особо тяжких	64 520	67 993	67 695	64 230	67 768	72 408
Доля тяжких и особо тяжких экономических преступлений, %	61,17	57,76	60,75	61,02	64,27	67,56

После скачка на 11,59 % в 2021 г. наблюдалось возвращение числа экономических преступлений к показателям 2020 г. Так, в 2025 г. количество преступлений возросло, но незначительно – прирост по отношению к 2024 г. составил 1,65 %, а по отношению к базисному 2020 г. 1,61 %. Однако при относительной стабильности абсолютных показателей наблюдается качественное изменение структуры преступности – удельный вес тяжких и особо тяжких экономических преступлений в 2025 г. составил 67,56 %.

Одновременно с увеличением доли тяжких и особо тяжких преступлений сохраняется проблема кадрового некомплекта в системе МВД России. По данным, озвученным Министром внутренних дел Владимиром Александровичем Колокольцевым при выступлении на расширенной коллегии МВД 4 марта 2026 г., количество вакансий превышает 212 тыс., из которых 186,5 тыс. – аттестованные сотрудники [4].

Указанные факторы создают критическую нагрузку на личный состав и обусловливают потребность во внедрении технологий, способных автоматизировать рутинные процессы, повысить скорость и качество обработки информации.

Базовым нормативным актом, регулирующим развитие ИИ в России, является ранее упомянутый Указ Президента Российской Федерации № 490. В частности, в нем закрепляется законодательное определение искусственного интеллекта. Так, ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [2].

Экспериментальное регулирование в сфере ИИ установлено Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ, предусматривающим особые правовые режимы для апробации инновационных решений в обществе. Практические аспекты систем ИИ регламентируются ГОСТ Р 24668–2022, определяющим терминологию и эталонные модели процессов ИИ. Данный документ может

выступить в дальнейшем в качестве базы для непосредственной разработки ИИ системы для подразделений ЭБиПК.

Отечественные исследователи выделяют следующие преимущества использования искусственного интеллекта [5, с. 40; 6, с. 99]:

1) высокая скорость обработки больших массивов данных;
2) круглосуточная доступность и отсутствие утомления;
3) способность к непрерывному обучению и адаптации;
4) масштабируемость решений.

Вместе с тем существуют объективные ограничения: отсутствие подлинной креативности, зависимость качества работы от исходных данных, высокие затраты на разработку и эксплуатацию, а также социальные риски, связанные с возможным вытеснением человеческого труда.

Принципиально важным остается требование обязательной проверки человеком результатов, полученных с помощью ИИ. Технологии машинного обучения не могут рассматриваться как единственно верный источник решений и требуют сохранения человеческого контроля.

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько ключевых проблем, сдерживающих интеграцию нейросетевых технологий в оперативно-розыскную деятельность:

1. Многие системы ИИ, особенно глубокие нейронные сети, функционируют по принципу, при котором невозможно проследить логику принятия конкретного решения. Это противоречит требованию ст. 88 УПК РФ об оценке доказательств с точки зрения достоверности, поскольку сотрудник должен иметь возможность критически проанализировать процесс получения информации.

2. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие использование результатов деятельности ИИ в доказывании. Не определены критерии допустимости, требования к системе, процессуальное значение материалов, полученных с ее помощью [7, с. 226].

3. Применение технологий ИИ создает потенциальную угрозу нарушения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Существует вероятность ошибочной компрометации лица, что может повлечь необоснованное ограничение его прав.

4. Анализ исследования отечественных деятелей [8, с. 524] также позволяет утверждать, что чрезмерная зависимость от рекомендаций ИИ способна снизить способность человека, следовательно, и сотрудника тоже, самостоятельно анализировать информацию и принимать решения. В психологии данный феномен описывается как «обратный эффект Даннинга – Крюгера». Его влияние проявляется в формировании у лица, хорошо владеющего ИИ-системами, ощущения высокой осведомленности и переоценки собственных способностей.

Несмотря на существующие проблемы, технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для повышения эффективности работы подразделений ЭБиПК. Представляется возможным выделить следующие направления использования:

1. Системы ИИ, использующие алгоритмы машинного обучения, способны анализировать исторические данные о совершенных преступлениях, выявлять

скрытые закономерности и генерировать прогнозы будущей преступной активности.

2. Автоматизированный анализ финансовых данных, посредством которого можно реализовать следующие ключевые вопросы:

1) выявление подозрительных финансовых операций, например, искусственное дробление платежей или транзакции вне обычной деятельности;

2) анализ финансовой отчетности, ее автоматическое сравнение с отраслевыми нормами, выявление нетипичных колебаний;

3) прогнозирование кредитных рисков и выявление признаков преднамеренного банкротства.

3. Также благодаря ИИ появляется возможность автоматизировать обработку огромных объемов данных из социальных медиа. В первую очередь это поможет выявлять скрытые связи между пользователями, отслеживать публикации, содержащие признаки незаконной деятельности, а также устанавливать местонахождение и образ жизни подозреваемых лиц.

Отдельно требуется отметить, что на новейшее технологическое решение можно делегировать рутинные задачи, например, сбор и систематизация информации, составление аналитических справок, заполнение стандартных форм документов, ведение учетов и статистики.

Также рассматриваемая технологическая категория может выступать в качестве системы поддержки принятия решений, то есть непосредственно помогать сотруднику ЭБиПК в планировании оперативно-розыскных мероприятий, оценке рисков и выборе оптимальных тактических вариантов.

Примечательно, что технологии ИИ уже находят свое применение в деятельности правоохранительных органов других стран. В частности, в Казахстане, действует проект – «AI-ассистент следователя» [9]. Впервые ИИ на территории республики был введен в рамках теста в деятельность Управления полиции района Есиль города Астаны 19 июня 2025 г. В рамках системы можно в автоматическом режиме переводить текст в речь, сравнивать показания разных людей, предлагать уточняющие вопросы и автоматически формировать процессуальные документы. Сама ИИ-система функционирует на основе четырех модулей:

1) планирование расследования;

2) обработка показаний;

3) подготовка документов;

4) аналитика и прогнозы.

Подобный международный опыт поможет России наблюдать за результатами и оценить потенциальные направления применения рассматриваемой системы в отечественной системе МВД, в том числе при работе по экономическим преступлениям.

Исходя из всего вышеперечисленного можно резюмировать, что искусственный интеллект открывает широкие перспективы для повышения эффективности деятельности подразделений ЭБиПК.

Вместе с тем внедрение ИИ требует решения комплекса правовых, организационных и технологических проблем. Необходимо устранение законодательных

пробелов, создание отечественной технологической инфраструктуры, подготовка квалифицированных специалистов. Принципиально важным остается сохранение баланса между технологическими возможностями и человеческим контролем над ключевыми решениями.

Список литературы

1. Путин В. В. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75830.

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://мвд.рф/.

4. Владимир Колокольцев принял участие в расширенном заседании коллегии МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. 2026. 4 марта. URL: https://мвд.рф/news/item/80290750.

5. Буравлев А. И., Ветошкин В. М. Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика. 2024. № 2 (68). С. 33–42.

6. Решняк О. А. Современные способы совершения преступлений с использованием IT-технологий и проблемы расследования // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 94–100.

7. Батоев В. Б. Использование технологии искусственного интеллекта в судебной деятельности: оперативно-розыскной аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 220–228.

8. Емельяненко В. Д. Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 519–527.

9. Цифровые решения и искусственный интеллект в правоохранительной деятельности // Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан : официальный сайт. URL: https://academy-gp.kz/?p=28033&lang=ru.

Добродомова Д. А.[1],
студент магистратуры
Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:
Костюк М. Ф.,
профессор кафедры
экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫЯВЛЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Цель исследования – анализ современных возможностей и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта в практику выявления коррупционных рисков, а также оценка связанных с этим вызовов и угроз. **Методология.** Исследование основано на системном подходе с использованием методов сравнительного анализа, обобщения зарубежного и отечественного опыта, а также анализа документов международных организаций. **Результаты.** В статье систематизированы основные направления применения искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности: выявление аномалий в государственных закупках, прогнозная аналитика коррупционных рисков, анализ неструктурированных данных и сетей влияния, автоматизация контроля конфликта интересов. Рассмотрены успешные примеры внедрения таких систем в зарубежных странах (Испания, Колумбия, Италия, Бразилия) и в российской практике Выявлены основные риски внедрения искусственного интеллекта: непрозрачность алгоритмов, предвзятость данных, угрозы кибератак, возможное снижение роли человеческого контроля. **Выводы.** Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность подразделений экономической безопасности способно существенно повысить эффективность выявления коррупционных рисков, однако требует разработки четких правовых и этических рамок, обеспечения прозрачности алгоритмов и сохранения решающей роли человека в принятии итоговых решений.

Введение

Противодействие коррупции на современном этапе развития российского государства остается одной из приоритетных задач обеспечения национальной

[1] © Добродомова Д. А., 2026.

безопасности. Несмотря на принимаемые меры, коррупционные проявления продолжают наносить существенный урон экономике, подрывать доверие граждан к государственным институтам и препятствовать социально-экономическому развитию. Традиционные методы выявления и пресечения коррупционных правонарушений, основанные на эпизодических проверках, анализе отчетности и оперативно-розыскной деятельности, не всегда позволяют своевременно обнаруживать сложные, замаскированные коррупционные схемы.

Параллельно с этим происходит стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни. Объемы данных, генерируемых государственными информационными системами, коммерческими структурами и гражданами, достигают таких масштабов, что их обработка традиционными методами становится невозможной. В этих условиях закономерно возникает вопрос о применении технологий искусственного интеллекта (ИИ) для целей выявления коррупционных рисков.

Как отмечается в документах международных организаций, технологии ИИ способны коренным образом изменить подходы к противодействию коррупции, превратив эпизодические выборочные проверки в комплексные системы мониторинга в режиме реального времени [1]. Уже сегодня в различных странах реализуются проекты по использованию алгоритмов машинного обучения для анализа государственных закупок, выявления подозрительных транзакций, прогнозирования коррупционных рисков и анализа сетей влияния.

1. Теоретические основы применения искусственного интеллекта в противодействии коррупции

Прежде чем перейти к анализу конкретных направлений применения ИИ, необходимо определить понятийный аппарат и рассмотреть теоретические предпосылки использования данных технологий в антикоррупционной деятельности.

Под искусственным интеллектом в контексте настоящего исследования понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. В сфере противодействия коррупции наиболее востребованными являются такие направления ИИ, как машинное обучение (включая глубокое обучение), обработка естественного языка, компьютерное зрение и прогнозная аналитика [2].

Ключевое преимущество технологий ИИ перед традиционными методами анализа заключается в способности обрабатывать огромные массивы данных (big data) в режиме реального времени, выявлять скрытые закономерности и аномалии, которые недоступны человеческому восприятию. Как справедливо отмечается в научной литературе, в формальном анализе с позиций скорости, точности, непротиворечивости и учета максимально возможного количества факторов ИИ-продукты превосходят человеческие возможности [3, с. 160].

Применительно к выявлению коррупционных рисков это означает, что алгоритмы могут анализировать не отдельные, выборочные данные, а практически

все доступные массивы информации: данные государственных закупок, налоговой отчетности, таможенных деклараций, сведения о доходах и расходах должностных лиц, информацию из открытых источников и социальных сетей. Такой тотальный анализ позволяет выявлять неочевидные связи, нестандартные паттерны поведения и иные признаки, указывающие на возможные коррупционные проявления.

2. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта для выявления коррупционных рисков

Анализ зарубежной практики показывает, что многие страны уже активно внедряют технологии ИИ в деятельность антикоррупционных органов и подразделений экономической безопасности. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

В Испании реализуется пилотный проект по использованию системы анализа данных и машинного обучения для выявления аномалий, связанных с коррупционными и мошенническими рисками. Система анализирует массивы данных из различных источников, выявляя нестандартные отклонения, которые могут свидетельствовать о коррупционных проявлениях [4].

Европейская счетная палата применяет алгоритмы машинного обучения для анализа реестра прозрачности ЕС и выявления подозрительных регистраций. Это позволяет более эффективно отслеживать лоббистскую деятельность и предотвращать конфликты интересов [4].

Особого внимания заслуживает опыт Эстонии, где создана комплексная система цифрового государственного управления, практически исключающая непосредственный контакт чиновников и граждан при оказании государственных услуг. Это минимизирует коррупционные риски, связанные с личным взаимодействием [5].

Представленные примеры демонстрируют широкий спектр возможностей применения ИИ – от точечных инструментов анализа конкретных сфер до комплексных систем, охватывающих все государственное управление.

3. Российский опыт и перспективы внедрения искусственного интеллекта в деятельность подразделений экономической безопасности

В Российской Федерации также накоплен определенный опыт применения технологий ИИ для целей обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции. Наиболее системно эта работа ведется в Росфинмониторинге.

Как отмечается в исследованиях, Росфинмониторинг активно внедряет технологии искусственного интеллекта и аналитики больших данных для автоматизации выявления незаконных сомнительных операций, обнаружения аномалий и потенциальных угроз экономической безопасности [6]. Ведомство использует алгоритмы машинного обучения для анализа финансовых потоков, выявления подозрительных транзакций и построения связей между участниками финансовых операций.

Применение ИИ позволяет Росфинмониторингу обрабатывать огромные массивы данных, поступающих от кредитных организаций, и выявлять среди мил-

лионов операций те, которые требуют дополнительной проверки. Это существенно повышает эффективность работы и позволяет сосредоточить усилия на наиболее опасных направлениях.

На региональном уровне также предпринимаются попытки внедрения ИИ-технологий в антикоррупционную деятельность. Так, в Свердловской области на базе Уральского государственного экономического университета разрабатываются проекты по использованию интеллектуальных чат-ботов для профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности [7]. Кроме того, обсуждаются AI-решения для автоматизации контроля конфликта интересов, позволяющие выявлять связи между должностными лицами и коммерческими структурами [7].

В корпоративном секторе также наблюдается рост интереса к технологиям ИИ для обеспечения экономической безопасности. Показательным примером является соглашение о стратегическом сотрудничестве между компанией «Фосагро» и «Лабораторией Касперского», направленное на использование искусственного интеллекта в сфере безопасности, включая нейронные сети для решения задач экономической безопасности и мониторинга производственных процессов [8].

Однако, несмотря на отдельные успехи, системное внедрение технологий ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности России пока находится на начальном этапе. Среди основных проблем можно выделить: фрагментарность ведомственных информационных систем, отсутствие единых стандартов обмена данными, недостаточную цифровую зрелость ряда органов власти, дефицит квалифицированных кадров.

4. Основные направления применения искусственного интеллекта для выявления коррупционных рисков

Обобщение зарубежного и отечественного опыта позволяет выделить несколько ключевых направлений применения ИИ в деятельности подразделений экономической безопасности.

Первое направление – анализ государственных закупок. Государственные закупки традиционно относятся к сферам с высокими коррупционными рисками. Применение алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать миллионы контрактов, выявляя признаки: необоснованного завышения цен; ограничения конкуренции дробления закупок для ухода от конкурентных процедур; аффилированности участников и заказчиков; картельных сговоров [5].

Второе направление – выявление конфликта интересов и проверка контрагентов. Алгоритмы способны анализировать связи между должностными лицами, их родственниками и коммерческими структурами, выявляя скрытые аффилированности, которые могут свидетельствовать о конфликте интересов или коррупционных схемах. Анализ открытых источников (социальные сети, реестры юридических лиц, базы судебных решений) позволяет строить графы связей и оценивать риски взаимодействия с теми или иными контрагентами.

5. Риски и ограничения применения искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности

Наряду с очевидными преимуществами, внедрение технологий ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности сопряжено с серьезными рисками и ограничениями, которые требуют тщательного анализа и учета.

Первый и наиболее значимый риск связан с непрозрачностью алгоритмов принятия решений. Многие модели машинного обучения, особенно основанные на глубоких нейронных сетях, работают таким образом, что даже разработчики не всегда могут объяснить, почему алгоритм принял то или иное решение. Это создает серьезные проблемы с точки зрения обоснованности выводов, возможности их проверки и оспаривания. Как отмечают эксперты, ИИ в значительной степени работает как «черный ящик», и цифровые системы, специализирующиеся на юридических вопросах, в 30 % случаев склонны ссылаться на несуществующие нормы [9].

Второй риск – предвзятость и искажение данных. Алгоритмы обучаются на исторических данных, которые могут содержать ошибки, неточности или отражать сложившиеся социальные предубеждения. Если исходные данные несовершенны, алгоритм будет воспроизводить и даже усиливать эти недостатки, что может приводить к дискриминации отдельных групп, необоснованному отнесению их к категории повышенного риска [2].

6. Направления совершенствования правового и организационного обеспечения внедрения искусственного интеллекта

Учитывая выявленные риски и ограничения, можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию правового и организационного обеспечения внедрения ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности.

Первое направление – разработка четкой правовой базы, регламентирующей применение ИИ в антикоррупционной деятельности. Необходимо законодательно определить: требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов (особенно тех, которые используются для принятия решений, затрагивающих права граждан); порядок верификации и валидации исходных данных; механизмы контроля за работой ИИ-систем; процедуры обжалования решений, принятых на основе рекомендаций ИИ.

Второе направление – обеспечение человеческого контроля за принятием итоговых решений. ИИ должен рассматриваться как инструмент поддержки принятия решений, а не как замена человеческому суждению. Окончательное решение о наличии признаков коррупционного правонарушения, возбуждении проверки, применении мер ответственности должно приниматься должностным лицом, несущим персональную ответственность за это решение.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности для выявления коррупционных рисков и повышения эффективности деятельности подразделений экономической безопасности. Способность обрабатывать

огромные массивы данных в режиме реального времени, выявлять скрытые закономерности, прогнозировать риски позволяет перейти от реактивной модели противодействия коррупции к проактивной, ориентированной на предупреждение нарушений.

Анализ зарубежного опыта демонстрирует широкий спектр успешных применений ИИ в данной сфере – от точечных инструментов анализа государственных закупок до комплексных систем мониторинга всех финансовых потоков. Российская практика, хотя и находится на начальном этапе, также показывает перспективные направления развития, включая деятельность Росфинмониторинга и отдельные региональные инициативы.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка методик оценки эффективности применения ИИ в антикоррупционной деятельности; анализ отраслевой специфики коррупционных рисков и возможностей их выявления с помощью ИИ; изучение возможностей применения новых типов алгоритмов (включая генеративный ИИ) для целей экономической безопасности; исследование зарубежного опыта правового регулирования применения ИИ в публичном управлении.

Только при условии комплексного, сбалансированного подхода, учитывающего как возможности, так и риски новых технологий, внедрение искусственного интеллекта сможет стать действенным инструментом повышения эффективности противодействия коррупции и укрепления экономической безопасности России.

Список литературы

1. Zinnbauer D. Artificial intelligence in anti-corruption – a timely update on AI technology // Anti-Corruption Resource Center. URL: https://cdn.sanity.io/files/1f1lcoov/production/e3eaad455bf62190302bd143fe56e1afa54f03d4.pdf.

2. Актуальные направления противодействия коррупции: использование информационных технологий и искусственного интеллекта / под ред. А. В. Куракина. М. : Юридическая литература, 2025.

3. Плотников В. А., Смирнов А. А., Юсуфова А. М. Экономическая безопасность: специфика обеспечения в контексте внедрения технологий искусственного интеллекта // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 7. С. 158–166.

4. Выжитович А. М., Каменева Я. О., Панагушина О. В. Методические и практические аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности Росфинмониторинга // Сибирская финансовая школа. 2025. № 3. С. 58–65.

5. Искусственный интеллект в профилактике коррупции: вызовы и возможности / Общественная палата Свердловской области. Екатеринбург, 2025.

6. Фосагро и «Лаборатория Касперского»: сотрудничество в области использования искусственного интеллекта для обеспечения безопасности / под ред. И. Н. Петрова. М. : Техносфера, 2025.

7. Дятлова А. Ф., Свирина М. В. Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 227–232.

8. Организация экономического сотрудничества и развития. Управление с помощью искусственного интеллекта: современное состояние и перспективы

развития в государственном управлении / пер. с англ. ; под ред. А. В. Климова. М. : Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2025.

9. Консультативный комитет по промышленности и предпринимательству ОЭСР. Использование искусственного интеллекта для обеспечения добросовестности: возможности, вызовы и перспективы // Антикоррупционный вестник. 2025. № 4. С. 42–58.

10. Савельев Д. А., Козлова Е. И. Зарубежный опыт применения технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: анализ и рекомендации для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 5. С. 892–908.

РАЗДЕЛ XV. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Балдина Е. В.[1],
слушатель Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Орлова Т. В.,
начальник кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДА ВЛАЖНОГО КОПИРОВАНИЯ В ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ

В технико-криминалистической экспертизе документов при решении круга задач диагностического характера применяются отдельные разрушающие методы исследования, как правило, метод копирования или удаления красящего материала. Традиционно, в специальной литературе раскрывается только основные требования применения метода копирования, но достаточно редко указываются параметры отдельных его этапов: условия размачивания адсорбента, время контакта с непосредственным участком исследования и т. п.

Сущность влажного копирования заключается в переносе вещества в результате адсорбции или диффузии на увлажненный растворителем носитель в процессе контакта с исследуемыми штрихами. Вследствие чего пигмент красящего материала либо смягчается, либо растворяется и, при последующем плотном контакте с копировальным слоем носителя, частично или в полном объеме переносится на него.

[1] © Балдина Е. В., 2026.

В зависимости от растворимости материала существуют две модификации данного способа: в первой – любой материал, обладающий высокой копирующей способностью, размачивается определенное время (экспериментально подобранное) в дистиллированной воде, затем после удаления лишней влаги приводится в контакт с поверхностью изучаемых штрихов. Если вещество штрихов не растворимо в воде, подложка увлажняется органическими растворителями (бензол, диметилформамид, ацетон, спирт и пр.), а дальше процесс повторяется.

Для эффективного проведения метода копирования в минимальные сроки эксперту в зависимости от ситуации (т. е. растворимости красящего вещества, свойств основы документа и т. п.) необходимо обладать обобщенными данными о возможных растворителях, подложке и времени размачивания относительно штрихов разных пишущих приборов, которых в настоящее время пока не существует.

В целях оперативного получения ориентирующей информации о необходимых условиях проведения метода копирования для наиболее распространенных пишущих приборов, а именно ручек с шариковым пишущим узлом было проведено экспериментальное исследование.

В проведенном эксперименте изучались наиболее распространенные подложки – фотобумага для печати на струйных принтерах и мембранные фильтры, а также растворы дистиллированной воды с 70 % пищевой уксусной кислотой, с ацетоном и с этиловым спиртом в соотношении пропорций 1/1, 1/2, 1/3, 3/1, 2/1 для каждого раствора, время устанавливалось экспериментальным методом.

Результатами такого исследования стала обобщенная таблица, с лучшими решениями использования временных характеристик, вида раствора с указанием соотношения компонентов для исследуемых видов пишущих приборов.

Таблица

Пишущий прибор	**Условия проведения метода**			
	Подложка для копирования	Раствор для размачивания подложки	Время размачивания подложки, с	Время контакта подложки с копируемым штрихом
Шариковая ручка	Бумага для печати на струйных принтерах	Дистиллированная вода и этиловый спирт в соотношении компонентов 3/1	40	60
Гелевая ручка	Бумага для фотопечати на струйных принтерах	Дистиллированная вода и 70 % пищевая уксусная кислота в соотношении компонентов 1/3	40	60
Роллерная ручка	Мембранные фильтры	Дистиллированная вода и ацетон в соотношении компонентов 1/2	30	60

Также в ходе проведения вышеописанного эксперимента возникла идея объединения принципов работы оборудования, необходимого для производства

метода, в единый механизм, которая нашла свою реализацию в адаптации автоматической оснастки для печатей под нужды метода.

Концепция данного устройства основана на работе поворотного механизма, встроенного в корпус оснастки и минимизации габаритов изделия путем расположения составных элементов в вертикальной плоскости (*рис.*).

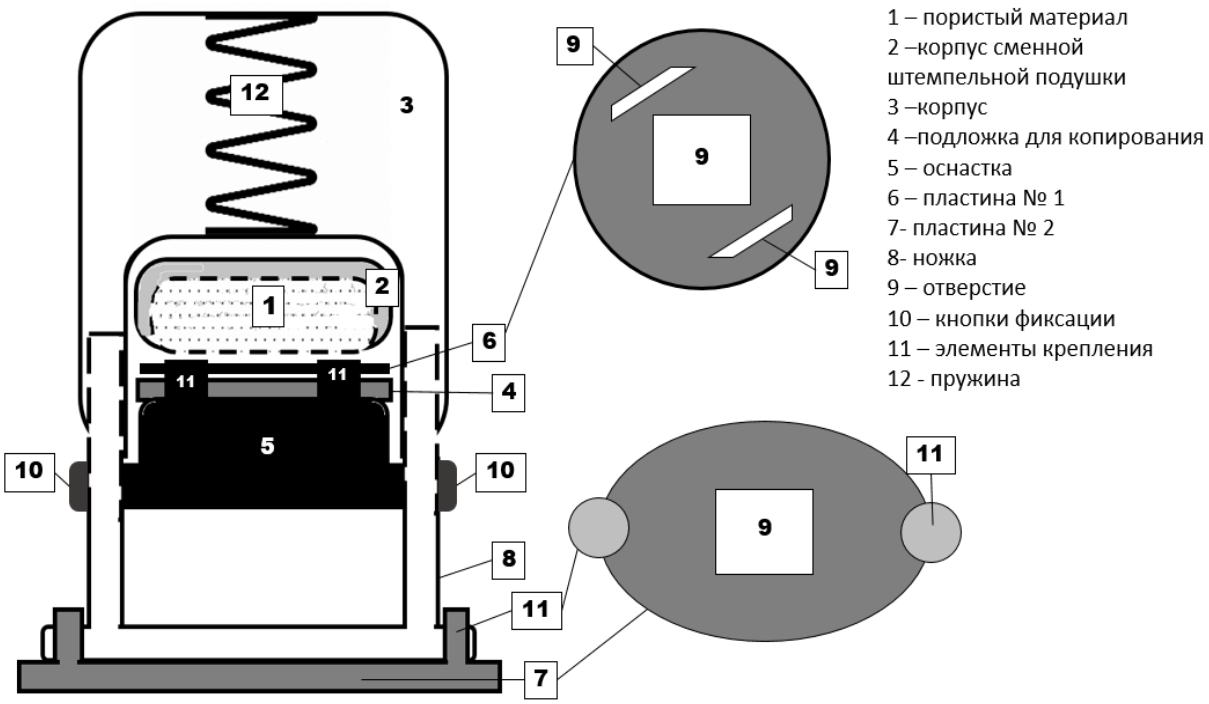

Рис. Схема устройства для копирования

Принцип работы данного механизма заключается в том, что пористый материал (отм. 1), расположенный в корпусе сменной штемпельной подушки (отм. 2) пропитывается раствором для увлажнения подложки и располагается в корпусе (отм. 3). Подложка для копирования (отм. 4) закрепляется на клеевом слое оснастки (отм. 5) при помощи пластины № 1 (отм. 6), далее при помощи поворотного механизма, обращается к пористому материалу, в ходе чего происходит увлажнение подложки. Пластина № 2 (отм. 7) закрепляется на ножке устройства (отм. 8). Отверстие в пластине № 2 (отм. 9) помогает более точно определить участок для копирования.

Далее при нажатии на верхнюю часть конструкции, механизм приходит в движение и переворачивает оснастку с закрепленной на ней подложкой в направлении штрихов, которые необходимо откопировать, при применении мускульной силы, оказывается давление на место копирования. После чего, необходимо зажать кнопки фиксации (отм. 10), расположенные на боковых поверхностях конструкции, перевернуть устройство и извлечь подложку с откопированными на нее штрихами.

Устройство было собрано и апробировано в реализации выполнения метода. Для этого нами были оставлены пересекающиеся штрихи тонера и исследуемых видов пишущих приборов, после чего проводился метод влажного копирования традиционным способом и при использовании устройства, результаты фиксировались и изучались при помощи микроскопа.

После анализа результатов установлено, что вышеописанное устройство применимо для осуществления метода влажного копирования, результаты, проведения метода сопоставимы и не уступают по качеству результатам при проведении метода традиционным способом. Также были выявлены следующие преимущества перед традиционным способом проведения метода:

1. Устройство исключает загрязнение раствора из окружающей среды и расширяет возможности применение метода в различных условиях.
2. Возможность использования более агрессивных растворов без повреждения используемых подложек.
3. Возможность точно регулировать площадь копирования, что позволяет проводить раздельное исследование близкорасположенных мест исследования (например, в рамках повторной экспертизы).
4. Одно устройство заменяет несколько видов необходимого оборудования.
5. Удобство эксплуатации (компактность) и хранения.

Таким образом, нам удалось не только установить наилучшие характеристики проведения метода влажного копирования, объединив их в таблице, но и адаптировать привычное для всех устройство под данный метод, что облегчает и ускоряет процесс проведения влажного копирования в технико-криминалистическом исследовании документов.

Иванова У. А.[1],
слушатель Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Коглина В. А.,
старший преподаватель
кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ

В современном мире с быстрым развитием технологий подделка подписей становится все более распространенной. Традиционные методы, такие как простая обрисовка карандашных штрихов, уступают место новым, высокотехнологичным способам. Сегодня для создания подделок используются факсимиле, плоттеры, копировально-множительные устройства, такие непривычные пишущие приборы как стилус или даже 3D-принтеры [1, с. 557].

При имитации подписей с помощью такого технического устройства как 3D-принтер с реализацией FDM-технологии необходимо понимать, что возможны два способа воспроизведения подписи:

1) создание объемной модели подписи (факсимиле), для последующей обработки данной подписи штемпельной краской и оставления оттисков, возможно, с последующей маскировкой признаков пишущими приборами с материалом письма на водной основе;

2) использование 3D-принтера по аналогии с графопостроителем, с помощью изготовления крепления для удержания пишущего прибора воспроизведение подписи.

При имитации подписи с помощью модели, изготовленной 3D-принтером, методом факсимильного копирования необходимы следующие этапы:

1. Подготовка файла. А точнее процесс получения с помощью компьютерной программы 3D-модели подписи по образу рукописного варианта (*рис. 1–2*).
2. Настройка параметров печати 3D-принтера.
3. Процесс печати. С помощью 3D-принтера, реализующего FDM-технологию, благодаря постепенному наложению слоев, получается объемный макет подписи (*рис. 3*).

[1] © Иванова У. А., 2026.

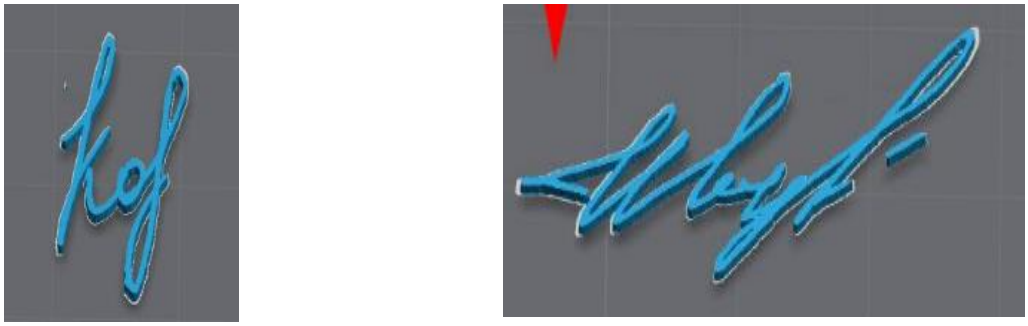

Рис. 1–2. 3D-модели подписей, изготовленные по образу рукописного варианта

Рис. 3. 3D-модели подписей, изготовленные с помощью 3D-принтера

4. Обработка поверхности модели штемпельной краской и последующее оставление оттиска подписи на поверхности документа.

В ходе микроскопического исследования такого объекта эксперту необходимо обратить внимание на следующие признаки (*рис. 4*):

– неравномерное распределение красящего вещества (отм. 1);
– наличие незапечатанных участков в штрихах (отм. 2);
– четкие, неровные края штрихов (отм. 3);
– проникновение красящего вещества в толщу бумаги.

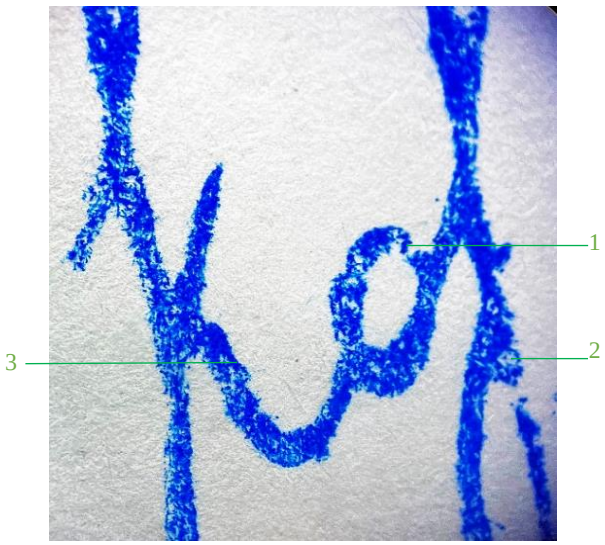

Рис. 4. Увеличенное изображение оттиска подписи, оставленного клише, изготовленным на 3D-принтере

При имитации подписи с помощью 3D-принтера, как графопостроителя, изначально необходимо провести подготовку. Во многом действия, описанные ниже, требуют специальной подготовки лица. Человек, не обладающий навыками печати на 3D-принтере, не сможет воспроизвести данные действия.

Нами были получены образцы подписей, выполненных шариковой и капиллярной ручками, изготовленные с использованием 3D-принтера, реализующего FDM-технологию.

При сравнении подписи, изготовленной при помощи 3D-принтера, как графопостроителя, и рукописного варианта подписи необходимо обратить внимание на следующие признаки (*рис. 5–6*):

– тупые начала и окончания штрихов (отм. 1);
– округлость угловатых элементов (отм. 2);
– отсутствие рефлекторных штрихов (отм. 3), в оригинальных же подписях они клиновидные с рефлекторными штрихами (отм. 4);
– необоснованные остановки пишущего прибора (отм. 5);
– наличие царапин от пишущего узла шариковой ручки (отм. 6);
– извилистость прямолинейных линий (отм. 7).

Рис. 5. Увеличенные изображения подписи № 1, выполненной свободным исполнением пастой шариковой ручки

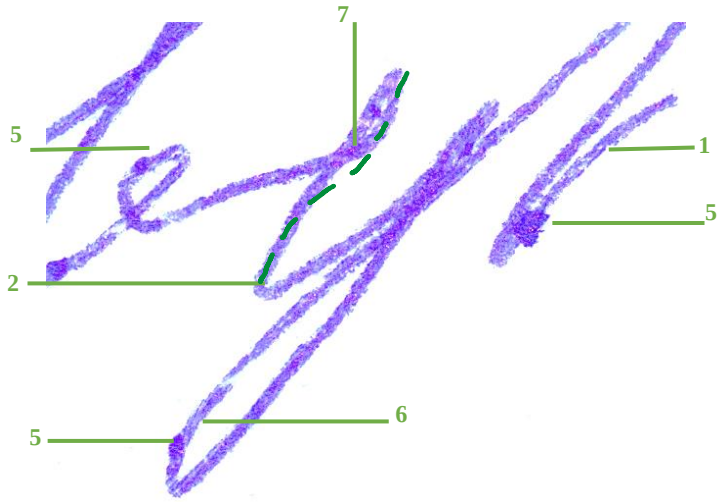

Рис. 6. Увеличенные изображения подписи № 2, изготовленной с помощью 3D-принтера пастой шариковой ручки

При имитации подписей при помощи такого устройства как 3D-принтер, признаки, перечисленные выше, аналогичны признакам подписей, образованных с помощью графопостроителя. При этом эти признаки не всегда соответствуют выполнению подписей с использованием программно-аппаратных средств или 3D-принтера, поскольку мы не обладаем навыками работы на таких средствах, то полученные подписи обладают диагностическими признаками снижения координации и замедленного темпа письма [2, с. 154].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имитация подписей с помощью 3D-принтера возможна двумя способами: путем создание объемного клише подписи (факсимиле), а также использования 3D-принтера в качестве графопостроителя. Данные способы технической подделки подписей может осуществлять только лицо, обладающее высокими навыками работы с 3D-принтером. При использовании 3D-принтера, как графопостроителя, признаки имитируемой подписи могут совпадать с признаками подписи, изготовленной с помощью такого технического устройства, как плоттер. В связи с этим, работа эксперта в области судебной почерковедческой экспертизы и технико-криминалистической экспертизы документов, осложняется не только за счет установления отсутствия признаков технической подделки подписи на первоначальном этапе, но и дифференциации технического устройства, с помощью которого производилась имитация.

Список литературы

1. Елистратова А. А., Коршакевич И. С., Тихоненко Д. В. Технологии 3D-печати: преимущества и недостатки // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 1, № 11. С. 557–559.

2. Коглина В. А. Современные возможности технико-криминалистического исследования подписей // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г.). Н. Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2024. С. 152–157.

Любаева Д. С.[1]*,*
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Степанова А. А.,
преподаватель кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ФОРМ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ НА 3D-ПРИНТЕРЕ ELEGOO

Трехмерные технологии стали неотъемлемой частью современного общества. В современных условиях индустриального развития аддитивное производство стало неотъемлемой частью практически всех промышленных отраслей. Внедрение 3D-принтеров и сопутствующих им технологий позволяет существенно оптимизировать производство и минимизировать расходы. Высокий спрос и интерес к рассматриваемым современным методам 3D-печати стимулирует их развитие, а именно: совершенствуются алгоритмы печати, модернизируется программное обеспечение и расширяется выбор расходных материалов. Доступность оборудования привела к тому, что 3D-принетры стали использоваться не только крупными предприятиями, но и частными пользователями для изготовления большого разнообразия изделий.

С юридической точки зрения, объекты, изготовленные с использованием аддитивных технологий, обладают дуалистической природой, и могут выступать как предметами преступного посягательства (например, несанкционированный доступ к опломбированным объектам), так и орудиями совершения преступлений (например, изготовление поддельных печатей и штампов) [1, с. 143]. Особое значение имеет тот факт, что, изначально созданная для серийного производства 3D-печать в настоящее время эффективно используется для изготовления единичных объектов, к которым также можно отнести клише удостоверительных печатных форм. Если ранее для создания качественного клише печати требовалось специальное оборудование, например, прессы для вулканизации резины, или лазерные граверы, то сейчас фотополимерный 3D-принтер в домашних условиях позволяет воспроизвести рельеф клише печатной формы с высокой точностью.

Для понимания природы образования следов необходимо ознакомиться подробнее с технологией 3D-печати. Изучая 3D-печать как одну из ведущих техно-

[1] © Любаева Д. С., 2026.

логий современности, стоит отметить, что свое начало она берет в 1986 г. [2, с. 88]. В условиях непрерывного развития аддитивного производства наблюдается расширение перечня технологий 3D-печати. На текущий момент классификация насчитывает не менее семи различных принципов реализации 3D-печати. В рамках данного исследования в приоритете остается технология стереолитографии (SLA), так как она наиболее приспособлена для изготовления эластичных клише удостоверительных печатных форм.

SLA-технология (стереолитография) представляет собой процесс послойной полимеризации жидкого фотополимера под воздействием ультрафиолетового излучения, траектория которого контролируется системой зеркал, что обеспечивает затвердевание смолы в строго заданных участках.

Внутри класса стереолитографии выделяют несколько разновидностей, среди которых наиболее распространены DLP-технология (цифровая обработка света) и LSD-технология (на основе жидкокристаллических матриц) (*рис. 1*).

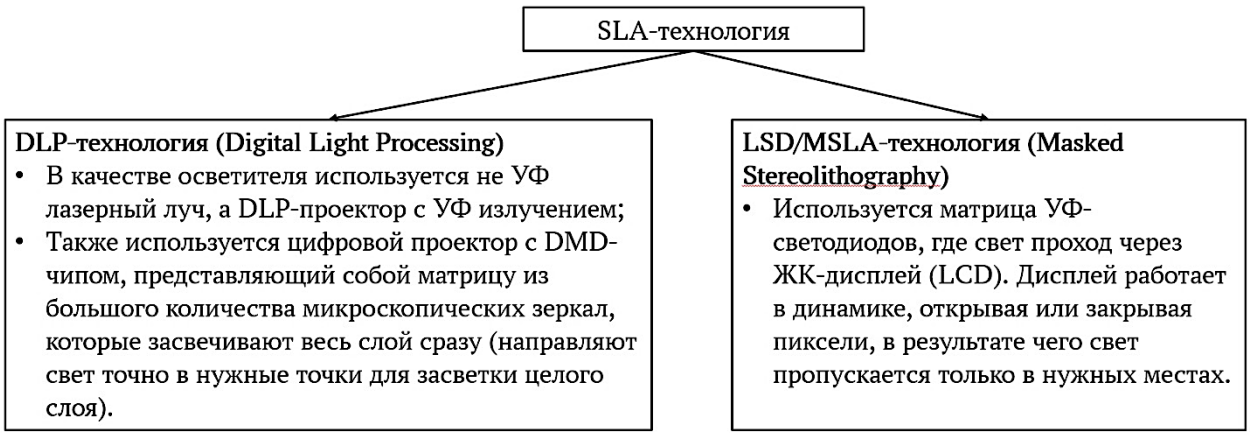

Рис. 1. Разновидности SLA-технологии

SLA-технология имеет существенное технологическое сходство традиционным способом производства удостоверительных печатных форм – фотополимерной технологией. Фундаментальное сходство данных процессов обусловлено использованием идентичного базового материала – жидких фотополимерных смол.

Жидкий фотополимер или фотополимерная смола представляет собой синтетический материал, затвердевание которого происходит под воздействием ультрафиолетового излучения, что приводит к изменению его физико-химических свойств в процессе полимеризации. В зависимости от химического состава используемой фотополимерной смолы изготавливаемые объекты могут иметь различные механические характеристики. Однако отличительной чертой этого материала является возможность изготовления не только твердых, но и эластичных изделий, например, клише удостоверительных печатных форм.

В контексте совершенствования методологии технико-криминалистической экспертизы документов является целесообразным привести к единому стандарту терминологию. Для оптимизации восприятия информации и классификации объектов исследования предлагается объединить технологии LSA, DLP и LSD под обобщающее понятие «фотополимерная 3D-технология».

Под фотополимерной 3D-технологией изготовления удостоверительных печатных форм с криминалистической точки зрения следует понимать процесс изготовления клише удостоверительной печатной формы при помощи фотополимерного 3D-принтера, в основе которого лежит послойная засветка фотополимерной смолы ультрафиолетовыми лучами и ее затвердевание [3].

С целью проверки гипотезы о возможности идентификации клише удостоверительных печатных форм, изготовленных по фотополимерной 3D-технологии, было изготовлено двадцать клише удостоверительных печатных форм на фотополимерном 3D-принтере Elegoo Saturn 3 Ultra 12K. Для ясности и понимания работы выбранного принтера ознакомимся с его основными характеристиками.

Фотополимерный 3D-принтер Elegoo Saturn 3 Ultra 12K имеет высокую точность и качество печати с разрешением 12K, что позволяет печатать детали с тонкими стенками и острыми гранями, а высокая степень детализации обеспечивается благодаря монохромной LCD-матрице диагональю 10,1 дюйма с разрешением 11 520 × 5 120 px. Толщина слоя составляет 0,01–0,2 мм. Также используемый принтер имеет достаточно большую рабочую зону, что позволяет печатать крупные детали за один цикл или размещать на рабочей платформе несколько небольших объектов одновременно. Максимальная скорость печати составляет 150 мм/ч, при этом скорость печати не оказывает никакого влияния на качество изделий, что позволяет получить максимально гладкие детали с незаметными переходами от слоя к слою.

Стоит отметить, что принципиальная возможность использования фотополимерной 3D-технологии для изготовления удостоверительных печатных форм обусловливается, в первую очередь, качеством печати и высокой детализацией изготавливаемых объектов, которую обеспечивают современные фотополимерные 3D-принтеры.

Изготовленные на фотополимерном 3D-принтере Elegoo Saturn 3 Ultra 12K клише крепились как на ручную, так и на автоматическую оснастку, после чего с использованием штемпельной краски различной степени вязкости на водной и водномасляной основе наносились экспериментальные образцы оттисков в различных условиях: с подложкой и без подложки, с большой, средней и малой силой нажима.

Далее в рамках эксперимента проводилось технико-криминалистическое исследование оттисков, оставленных одной удостоверительной печатной формой. Сравнение проводилось по общепринятому алгоритму. В ходе исследования были выявлены совпадения как по общим, так и по частным признакам (*рис. 2*).

В ходе неоднократного экспериментального исследования, осуществленного в рамках, всех изготовленных образцов клише удостоверительных печатных форм, можно сделать вывод о возможности идентификации удостоверительных печатных форм, изготовленных на фотополимерном 3D-принтере Elegoo Saturn 3 Ultra 12K.

Следует подчеркнуть, что комплекс обнаруженных признаков обусловлен преимущественно технологическими особенностями изготовления, поскольку исследуемые клише не подвергались интенсивной эксплуатации. При длительном использовании к выявленному комплексу признаков также могут добавиться признаки эксплуатационного характера.

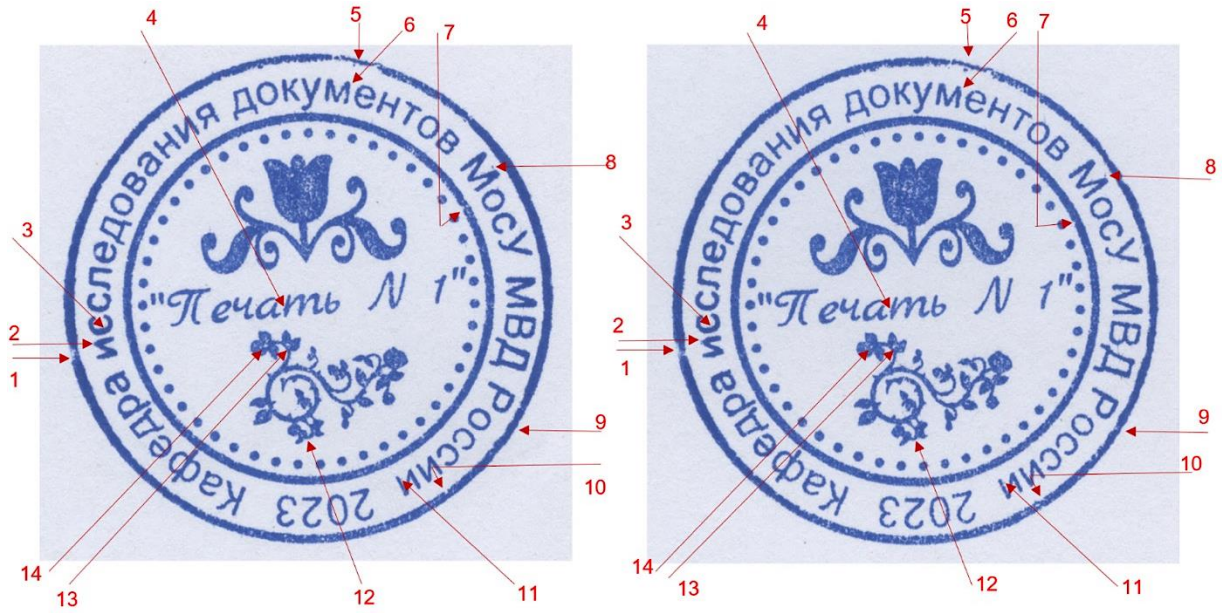

Рис. 2. Увеличенные изображения оттисков удостоверительной печатной формы, изготовленной по фотополимерной 3D-технологии с использованием фотополимерного 3D-принтера Elegoo Saturn 3 Ultra 12K

Таким образом, в рамках эксперимента была доказана возможность идентификации удостоверительных печатных форм, изготовленных с использованием фотополимерного 3D-принтера Elegoo Saturn 3 Ultra 12K.

Несмотря на то, что на современном этапе наиболее устоявшимися считаются четыре технологии изготовления клише удостоверительных печатных форм (вулканизация резины, лазерное гравирование, фотополимерная технология, флеш-технология), нельзя исключать возможность использования 3D-печати, так как в рамках проведенного эксперимента было доказано, что фотополимерные 3D-принтеры позволяют изготавливать достаточно качественные клише удостоверительных печатных форм, с которыми эксперты могут столкнуться на практике. Поэтому они должны обладать знаниями о данной технологии изготовления удостоверительных печатных форм.

Список литературы

1. Майлис Н. П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18–19 октября 2022 г.). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 143–146.

2. Мальцева О. В. Развитие мирового рынка 3D-принтеров // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 9. С. 88–97.

3. Степанова А. А. Информационное обеспечение криминалистического исследования оттисков удостоверительных печатных форм, изготовленных с использованием фотополимерного 3D-принтера // Закон и право. 2024. № 3. С. 300–306.

РАЗДЕЛ XVI. ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чеботарева О. А.[1],
студент 4-го курса
по специальности «Правовое обеспечение
национальной безопасности»
РТУ МИРЭА

Научный руководитель:
Боков А. А.,
доцент кафедры «Правовое обеспечение
национальной безопасности»
Института кибербезопасности
и цифровых технологий
РТУ МИРЭА,
кандидат юридических наук

ДИНАМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ВНЕШНОСТИ В ДИАГНОСТИКЕ СИНТЕТИЧЕСКОГО ВИДЕО: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖУРОВНЕВОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ВЫВОДОВ

Развитие генеративных технологий заметно изменило характер цифровых объектов, которые могут использоваться в доказывании. Если раньше криминалистика чаще сталкивалась с монтажом, ретушью и иными способами постобработки изображения, то в настоящее время серьезную проблему создают синтетические аудиовизуальные материалы, в которых внешность, мимика, артикуляция и голос человека воспроизводятся с помощью технологий глубокого обучения. В связи с этим вопрос о подлинности видеозаписи уже нельзя рассматривать только как технический, поскольку он имеет значение и для процесса доказывания [1, с. 461].

[1] © Чеботарева О. А., 2026.

Для уголовного судопроизводства эта тенденция имеет особое значение. Заключение эксперта относится к числу доказательств и подлежит оценке вместе с иными материалами дела [2, с. 186–194]. Поэтому криминалистика должна предложить не только способы выявления признаков синтетичности, но и понятную модель их объяснения, которую можно проверить процессуальными средствами.

Научная проблема исследования состоит в отсутствии криминалистически обоснованной системы динамических функциональных признаков внешности, пригодной для диагностики синтетического видео, а также в недостаточной разработанности критериев экспертного вывода о подлинности или искусственной природе видеозаписи. Цель работы заключается в том, чтобы предложить модель диагностики синтетического видео на основе анализа динамических функциональных признаков внешности и определить значение соответствующих выводов эксперта для процесса доказывания.

Методологическую основу исследования составили системно-структурный, формально-логический и сравнительно-научный методы, а также метод криминалистического моделирования. Комплексный подход позволил сопоставить положения криминалистики с данными психофизиологии и исследованиями в области искусственного интеллекта. При этом наиболее слабой стороной синтетического видео являются не столько статические анатомо-морфологические признаки лица, сколько динамические проявления поведения человека, которые отражаются в видеозаписи. Именно в сфере мимики, артикуляции, микродвижений и физиологических ритмов генеративные модели чаще обнаруживают не отдельные визуальные дефекты, а нарушения естественной согласованности поведения.

Современный синтез видео реализуется в нескольких основных формах: подмена лица, управление мимикой и артикуляцией существующего видеоряда, аудиоуправляемая анимация лица и генерация видеоряда без сохранения исходной пространственно-временной структуры [3, с. 214–215; 4, с. 76–77]. Для криминалистики важно не столько техническое разнообразие таких систем, сколько то, что объект исследования становится более сложным по своему составу: в нем могут сочетаться признаки генерации, постобработки, компрессии, масштабирования и повторного кодирования.

В IT-науке уже сложились основные подходы к выявлению deepfake-видео. Одни из них направлены на поиск артефактов отдельных кадров, другие анализируют видеоряд в динамике, третьи выявляют биологические и физиологические показатели, а четвертые сопоставляют аудиодорожку с артикуляцией и мимикой [3, с. 215–216; 4, с. 77–80]. Однако такие решения разрабатывались прежде всего для автоматической классификации и потому не могут прямо использоваться в судебно-экспертной деятельности.

Криминалистические ограничения этих подходов состоят в том, что многие модели обучаются на лабораторных наборах данных и теряют устойчивость при работе с деградированными копиями, фрагментами переписки и экранными записями [4, с. 79–80]. Кроме того, бинарный ответ о подлинности или синтетичности недостаточен для экспертного исследования, поскольку эксперту необходимо указать, какие именно признаки положены в основу вывода [5, с. 47].

Наконец, часть современных детекторов сохраняет непрозрачный механизм принятия решения, что затрудняет проверку результата [4, с. 80; 5, с. 47].

В этих условиях характер экспертных задач меняется. Если ранее диагностика была ориентирована главным образом на обнаружение явных дефектов монтажа и границ наложения, то сегодня основное внимание переносится на исследование динамики лица, артикуляции, микроэмоциональных реакций и физиологических ритмов. Именно в этой сфере генеративные системы чаще допускают не отдельные визуальные сбои, а системные нарушения согласованности разных уровней поведения человека.

Традиционная криминалистическая габитоскопия исходила преимущественно из значения анатомо-морфологических признаков внешности. Однако развитие видеофиксации показало, что внешность человека проявляется не только в статике, но и в движении [6, с. 120–121]. Применительно к синтетическому видео особое значение имеют динамические функциональные признаки внешности, то есть устойчиво воспроизводимые характеристики работы лицевой мускулатуры [7, с. 123–127] и связанных физиологических процессов, которые выявляются в последовательности кадров и имеют значение для диагностики подлинности видеозаписи.

С учетом характера проявления такие признаки можно разделить на четыре группы: мышечные, микроэмоциональные, кинематические и физиологические. Такая типология имеет практическое значение, поскольку позволяет перейти от общего тезиса о «неестественности» видеозаписи к конкретным группам диагностических проявлений, каждая из которых может быть исследована инструментально или при профессиональном визуальном анализе. На практике это выражается в нескольких типичных нарушениях: сглаженной или шаблонной мимике, выпадении кратких асимметричных реакций, неестественной траектории движений головы, а также в отсутствии ожидаемой связи между эмоционально насыщенной речью, дыхательным ритмом и иными физиологическими проявлениями.

Ключевое положение исследования состоит в том, что подлинное видео характеризуется не просто наличием отдельных динамических признаков, а согласованностью разных уровней поведения. Мимика, артикуляция, движения головы, эмоциональные реакции и физиологические ритмы в естественном поведении человека образуют единую систему, элементы которой соотносятся друг с другом по времени, интенсивности и функциональному смыслу. Генеративная модель может достаточно точно воспроизвести один из этих уровней, однако одновременное воспроизведение всей их совокупности пока остается значительно более сложной задачей.

Для синтетического видео, напротив, более характерны нарушения такой согласованности. Они могут выражаться в запаздывании или опережении артикуляции относительно аудиодорожки, в чрезмерно сглаженной мимике, в выпадении кратковременных асимметричных реакций, в рваной кинематике головы или в отсутствии ожидаемой связи между эмоционально насыщенной речью и физиологическими проявлениями. Поэтому диагностическое значение имеет не любой отдельно обнаруженный подозрительный признак, а устойчивая со-

вокупность взаимосвязанных нарушений, выявляемых на нескольких уровнях одновременно.

Наиболее показательными представляются три линии согласованности. Первая связана с соотношением мимики и физиологических реакций, поскольку эмоциональное напряжение в естественном поведении обычно сопровождается изменением дыхательного и иных ритмов. Вторая отражает связь эмоционального состояния с речевой артикуляцией, когда содержание высказывания, мимическая активность и пластика лица образуют единую поведенческую систему. Третья линия выражается во временной связи движений головы и ритма речи. Одновременное нарушение таких связей на нескольких уровнях существенно повышает значение выявленных признаков для диагностики.

Предлагаемая криминалистическая модель исходит из того, что объектами исследования могут выступать как оригинальные видеозаписи, так и синтетические либо предположительно синтетические материалы, а также деградированные копии. В каждом случае меняются объем доступной информации и степень определенности возможного вывода. Особую сложность на практике представляют деградированные копии, многократно пересланные через мессенджеры, повторно записанные с экрана либо неоднократно перекодированные [4, с. 79–80; 6, с. 118–120]. В таких случаях задача эксперта состоит не только в выявлении признаков возможной генерации, но и в разграничении признаков синтетического происхождения и технических искажений, вызванных компрессией, пересъемкой, масштабированием и иными видами деградации материала.

Экспертный анализ может включать четыре этапа. На первом этапе оцениваются качество записи, ее длительность, разрешение, частота кадров, степень компрессии, характер освещения, ракурс и наличие следов дополнительной обработки [6, с. 118–120]. На втором этапе выделяются информативные фрагменты и выявляются динамические функциональные признаки при помощи покадрового анализа, сопоставления аудиодорожки с артикуляцией и оценки микродвижений головы. В зависимости от качества и характера объекта при этом может использоваться и анализ физиологических параметров, отраженных в видеозаписи. На третьем этапе исследуется согласованность разных уровней поведения, причем эксперт должен исключить альтернативные объяснения, связанные с особенностями съемки, состоянием здоровья лица, стрессом либо усталостью. На четвертом этапе полученные данные формулируются в виде криминалистически значимого вывода.

В рамках диагностики синтетического видео перед экспертом возникают три основные задачи: установление синтетической природы видеозаписи полностью либо в определенной ее части; оценка пригодности материала для решения идентификационных и диагностических вопросов; диагностика предполагаемого способа фальсификации. Для более четкого формулирования выводов можно использовать трехуровневую шкалу: уровень А означает высокую вероятность синтетичности, уровень В – вероятностный вывод о синтетичности либо о наличии признаков искусственного вмешательства, уровень С – непригодность материала для решения поставленного вопроса.

Такая шкала важна не только как способ сделать экспертные выводы более единообразными, но и как средство корректного представления результата в процессе. Она позволяет избежать как необоснованной категоричности, так и слишком расплывчатого описания выводов. Указание уровня должно сопровождаться ссылкой на выявленные признаки, использованные методы и ограничения исследования.

Значение результатов диагностики синтетического видео для доказывания определяется не самим фактом использования программных средств, а тем, насколько проведенное исследование соответствует требованиям уголовно-процессуального закона и законодательства о судебно-экспертной деятельности. Вывод о синтетичности записи может учитываться по делу только при условии надлежащего получения и сохранения объекта, правильной постановки вопросов эксперту и разграничения специальных знаний и правовой оценки.

Отдельного внимания требует проблема вероятностных выводов. В сфере deepfake-диагностики полностью категоричный вывод возможен не всегда, поскольку значительная часть объектов поступает на исследование в деградированном виде. Однако вероятностный вывод может иметь процессуальное значение, если в заключении ясно указаны обнаруженные признаки, границы применения использованных методов и факторы, не позволившие прийти к более определенному выводу. При этом такой вывод должен оцениваться только в совокупности с иными доказательствами по делу.

Это показывает, что при исследовании синтетического видео решающее значение имеет не один подозрительный фрагмент, а совокупность взаимосвязанных признаков, которые оцениваются с учетом качества объекта, использованных методов и ограничений полученного результата.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что диагностика синтетического видео не может сводиться только к поиску единичных монтажных артефактов или анализу статических признаков лица. Более перспективным представляется исследование динамических функциональных признаков внешности, которые проявляются во временной структуре видеозаписи и образуют систему естественной согласованности. Практическая значимость предложенной модели состоит в возможности ее использования при назначении и производстве судебных экспертиз, а также при оценке цифровых доказательств. Вместе с тем данная модель нуждается в дальнейшем уточнении, поскольку развитие генеративных систем требует периодического обновления критериев deepfake-диагностики.

Список литературы

1. Исаева К. А., Калиев Т. Т. Фальсификация доказательств с использованием дипфейк-технологий // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 460–462.

2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов. М. : Юрайт : Право и закон, 2002.

3. Севостьянова С. О., Кравцов С. С. Технологии создания deepfake и методы их выявления // Юристъ-правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 212–217.

4. Батоев В. Б., Юможапов Р. С. Использование технологий искусственного интеллекта в обнаружении видеодипфейков // Вестник Краснодарского университета МВД России 2023. № 3 (61). С. 76–81.

5. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 28, № 4. С. 42–55.

6. Подволоцкий И. Н. Предварительное исследование видеоизображений человека в портретной экспертизе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 115–122.

7. Ростовцева В. В., Бутовская М. Л. Современные представления об эволюции эмоциональных выражений и роли анатомических лицевых структур в этом процессе // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2025. № 1. С. 121–132.

Мазкова Д. И.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Тумакова П. Б.,
преподаватель кафедры
исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОЗМОЖНОСТИ ГАБИТОСКОПИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ТАТУИРОВОК В ЦЕЛЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

С ростом популярности татуировок среди молодого поколения, использующего их в качестве средства самовыражения, отчетливо проявляется контраст поколений. Представители старшего возраста зачастую скрывают татуировки на своем теле, а в отдельных случаях сожалеют о ранее сделанном выборе нанести на свое тело постоянное изображение. Более юные представители предпочитают создавать визуальный ряд для отражения таких психологических характеристик, как, например, направленность личности, то есть мотивация и ценности, тем самым формируя для стороннего наблюдателя уникальный психологический портрет личности. Зачастую это осознанный процесс, но нередко нанесение на тело специфических рисунков путем местного изменения кожных покровов является подсознательным желанием донести конкретную информацию, связанную с их психоэмоциональной сферой, до психологически значимого человека или целой группы людей. При рассмотрении татуировки как элемента идентификации и диагностики личности становится очевидной недостаточная изученность этого информационно-визуального кода внешнего облика. Между тем данные о татуировках представляют значительный интерес для криминалистических исследований, что подчеркивает необходимость их углубленного изучения в целях раскрытия и расследования преступлений.

Татуировка – это изображение на теле человека, которое может быть как цветным, так и выполненным монохромно. Процесс ее создания заключается во введении специального красящего вещества непосредственно в дерму (средний слой кожи) путем многократного болезненного прокалывания кожного покрова острым предметом (например, иглой). В результате такого воздействия формируется стойкое, перманентное изображение. Его долговечность объясняется особенностями строения кожного покрова человека: дерма, в которую

[1] © Мазкова Д. И., 2026.

вводится пигмент (краска), обладает меньшей скоростью обновления по сравнению с наружным слоем – эпидермисом. Именно по этой причине татуировка сохраняется на теле в течение многих лет.

В габитоскопии татуировки относятся к особым приметам, которые входят в группу индивидуализирующих признаков внешности человека [1].

Под особыми приметами понимаются отличительные черты внешности человека, которые встречаются сравнительно редко и представляют собой отклонения от нормы – как врожденные, так и приобретенные в течение жизни [2]. К таким признакам относят, например, татуировки, шрамы, родинки, врожденные дефекты или утрату отдельных частей тела и другие подобные особенности, которые играют существенную роль в процессе идентификации и диагностики личности.

При описании татуировок указывают следующие признаки: местоположение, степень выраженности, форму, размер, цвет и в отдельных случаях – характер поверхности. Также подробно фиксируется их сюжет или смысловое значение (при возможности в случае, если татуировки выполнены в виде надписи или даты).

В ходе данного исследования автором было выделено два вида татуировок, встречающихся в современном мире: памятные и современные. Данные категории выделены на основании анализа мотивации нанесения и их ценности в рамках психологических характеристик личности.

Под памятными татуировками понимаются особые нательные изображения, смысл которых выражается через буквенные (от отдельных слов до предложений) или цифровые (даты значимых событий, числовые коды и т. д.) символы. Каждая такая татуировка уникальна и индивидуальна по своему эскизу. Такие татуировки служат личным напоминанием о каком-либо важном событии в жизни ее носителя. Указанный вид татуировок особенно распространен среди людей, чья профессиональная деятельность связана с военной службой или службой в государственных структурах. Памятные татуировки военнослужащих могут выполнять не только памятную, но и практическую функцию, фиксируя важные сведения о носителе, носящие диагностический характер. Такая информационная визуализация в своей совокупности призвана отразить эмоциональное отношение носителя татуировки к конкретной области жизнедеятельности, а также (а иногда – это и есть первостепенно) донести данную важную для них информацию в специфическом виде до других людей, где целью будет не получение новых сведений, а получение реакции, выраженной через эмоции, которые определяются психологическими характеристиками. В частности, такого рода татуировки могут содержать:

– информацию о длительности прохождения военной службы в конкретной части;

– медицинские сведения – например, резус-фактор крови (что может быть важно в экстренных ситуациях);

– идентификационные сведения – обозначение конкретной воинской части или указание на место ее дислокации;

– эмоционально-ценностные данные – символы или надписи, отражающие личное отношение человека к военной профессии: гордость, преданность долгу, верность традициям и т. д.

Кроме того, памятные татуировки привлекательны для того человека, который считает возможным увековечить свои чувства и транслировать информации визуальных образов, отображенных в виде нательных символов и изображений: любовь к родителям или детям, ключевые события в жизни, важные данные о себе либо о другом человеке (*рис. 1–2*).

Рис. 1. Две розы «dad, mom» – любовь к родителям

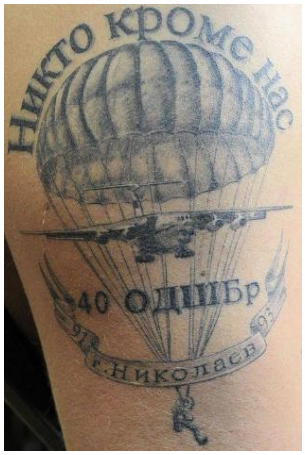

Рис. 2. Парашют с девизом «Никто, кроме нас!» у военнослужащего ВДВ

Вторым видом следует выделить непосредственно современные татуировки. В силу хаотичной структуры и отсутствия явной системы (в отличие от тюремных татуировок) в подобных изображениях фактически невозможно ответить на вопрос, каково значение отдельно взятой татуировки, при сравнении двух схожих рисунков у разных людей (*рис. 3–4*). Таким образом, можно сделать вывод, что современные татуировки, как правило, выполняют лишь визуальную функцию – символически воспроизводят изображение того или иного объекта, не неся при этом диагностического характера и конкретного смысла. Рассматривая такой вариант развития событий, при котором в ходе исследования были выявлены несколько лиц со схожими татуировками, не несущие тюремного или памятного значения, необходимым будет детально проанализировать следующие признаки каждой татуировки, представленной на исследование:

– толщина линий;
– яркость изображения;
– величина татуировки.

Несмотря на выполнение татуировок одним и тем же мастером, указанные параметры демонстрируют вариационность. Такое обстоятельство обусловливает возможность идентификации лица в ходе габитоскопического исследования. Но отмеченные признаки пригодны исключительно для тождества лица по его татуировки и не несут в себе диагностического характера для установления психологических характеристик этого лица. По самому изображению вероятнее будет утверждать о смысловом значении таких татуировок. Например, поклонник конкретной рок-группы или рок-музыки в целом выберет себе татуировку с изображением соответствующей символики музыкальной направленности, отражающей выбранную категорию (атрибутика рок-группы или рок-исполнителя).

Рис. 3. Змея (власть, мудрость)

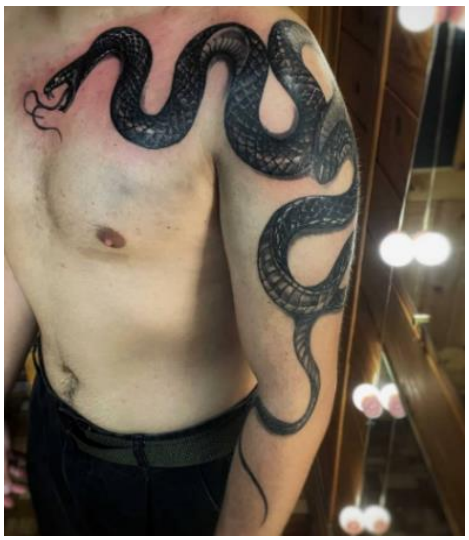

Рис. 4. Змея (коварство и спокойствие)

Хотя современные татуировки, как правило, не обладают конкретным смыслом, факт добровольного болезненного нанесения искусственной пигментации на свое тело позволяет предположить наличие у лица определенных мотивов этого действия [3].

Автором работы были выделены следующие основные мотивы нанесения на тело татуировок:

– врожденные или приобретенные психические отклонения, перенесенные в детском возрасте психологические травмы или ранее испытанные эмоциональные переживания, (включая детские страхи и ограничивающие установки, навязанные родителями);

– самовыражение в обществе, желание проявить свою индивидуальность (наиболее распространенный мотив нанесения татуировок);

– принадлежность к какой-либо субкультуре;

– косметологический мотив – связан с потребностью визуально скорректировать особенности внешности, например, скрыть или, наоборот, приукрасить свои недостатки (например, шрамы или родимые пятна могут «обыгрываться» изобразительным символом либо скрываться под пигментированным изображением).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что татуировка представляет собой значимую особую примету внешнего облика человека, выполняющую функцию своеобразного информационного кода. Такие сведения о татуировках, как разнообразная выраженность их визуальных признаков, находят применение в экспертной практике. Следовательно, необходимо развивать данное направление габитоскопических исследований, с целью использования их в оперативно-розыскной, следственной и экспертной деятельности для предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Морозова Н. В., Флоря Д. Ф. Криминалистическая габитоскопия : учебное пособие. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015.

2. Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия и портретная экспертиза : учебное пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2014.

3. Иванова Л. А., Владимирова Д. Д. Татуировка. Психологический анализ // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 2. С. 88–101.

4. Прокофьева Е. В., Порываева П. С. Татуировка в современном обществе и ее криминалистическое значение // Юристъ-правоведъ. 2020. № 4 (95). С. 107–113.

5. Иванова В. В., Ямщикова А. В. Татуирование: функциональные значения и роль в повседневных коммуникациях // Мир экономики и управления. 2023. Т. 23, № 3. С. 126–143.

Когай М. И.[1],
командир отделения
Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Захарова Л. Ю.,
начальник отдела выявления,
применения и распространения
положительного опыта
в оперативно-служебной деятельности
органов внутренних дел
управления организации научной
и редакционно-издательской деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ «АЛГОРИТМА КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ» ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Компьютерные алгоритмы все прочнее закрепляются в нашей повседневной жизни, глубоко проникая и в профессиональную деятельность. Портретные экспертизы – важный доказательственный источник, позволяющий идентифицировать личность, причастную к преступлению. Помимо всем известных традиционных методов проведения сравнительного исследования приобретают актуальность технологические методы, основанные на информационных технологиях и программировании.

Так, например, в Индии в ходе производства портретных экспертиз активно используется метод обнаружения ориентира на лице по 68 точкам DLBE. Обнаружение ориентира на лице лежит в основе программ распознавания лиц. Оно разработано на базе технологии Dlib.

Технология Dlib – универсальная современная библиотека, написанная на языке программирования C++, содержащая в себе алгоритмы машинного обучения, различные инструменты для обработки изображения и создания программного обеспечения. Данная технология поддерживает распознавание лиц и позволяет использовать множество обученных моделей извлечения черт лица.

На исследуемом изображении в области глаз, носа и рта с помощью запрограммированного алгоритма на лице исследуемого лица определяются 68 точек. Для обнаружения ориентира с использованием библиотеки Dlib необходимо следовать следующим шагам:

– загрузить изображение, которое будет обрабатываться;

[1] © Когай М. И., 2026.

– для определения лица использовать функцию библиотеки Dlib get_frontal_face_detector;

– с помощью функции detector выделить прямоугольник, обрамляющий лицо, и затем с помощью функции shape_predictor_68_face_landmarks выделить 68 точек;

– визуализировать обнаруженные точки на изображении.

Принцип работы данного метода заключается в следующем: 68 точек размечаются как ориентиры на лице, которые мы хотим распознать. Затем на изображениях двух лиц вычисляется расстояние между парой точек по координатной сетке в направлении X или Y. В качестве порога используют показатели, не превышающие пределы разницы между полученными измерениями в 0,6 мм, допустимой для пропорции одного и того же лица, изображенного на различных цифровых изображениях.

Для проверки объективности и достоверности метода, основанного на «алгоритме компьютерного зрения», нами было проведено исследование. Для сравнения были взяты изображения двух лиц женского пола, находящихся в одной возрастной группе (молодого возраста). Из цифровых изображений, представленных на исследование, изготавливались контрольные изображения, затем на них наносились 68 контрольных точек (*рис. 1–2*).

Рис. 1. Контрольное изображение объекта № 1 с разметкой точек-ориентиров на лице

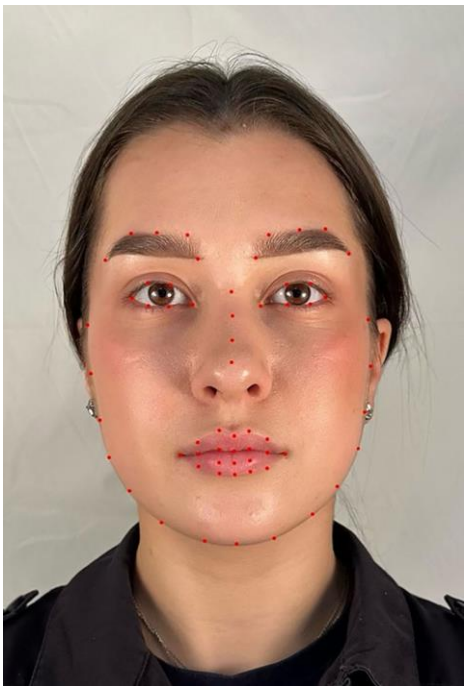

Рис. 2. Контрольное изображение объекта № 2 с разметкой точек-ориентиров на лице

Для сравнения использовались величины между точками 1–17, 18–22, 37–40, 49–55, 28–31, 18–1, 27–17, 52–58, 58–9 (*табл. 1*).

На основе проведенных измерений и полученных данных можно сделать вывод о том, что на исследование представлены цифровые изображения разных лиц.

Таблица 1

№ точек	Контрольное изображение № 1	Контрольное изображение № 2	Результат сравнения
1–17	37,7	39,3	1,6
18–22	12,3	12,9	0,6
37–40	7,8	8,6	0,8
49–55	14,7	15,3	0,6
28–31	10,9	10,2	0,7
18–1	5,6	9,3	3,7
27–17	6,0	9,5	3,5
52–58	5,1	5,8	0,7
58–9	7,3	9,8	2,5

Для того, чтобы проверить полноту, всесторонность и объективность данного метода, проводилось еще одно исследование, в ходе которого сравнивались изображения одного и того же лица, но в разных возрастных группах – молодой и детской (21 год и 7 лет). Из цифровых изображений, представленных на исследование, изготавливались контрольные изображения, затем на них наносились 68 контрольных точек (*рис. 3–6*).

Рис. 3. Изображение девушки в молодом возрасте

Рис. 4. Изображение девочки в детском возрасте

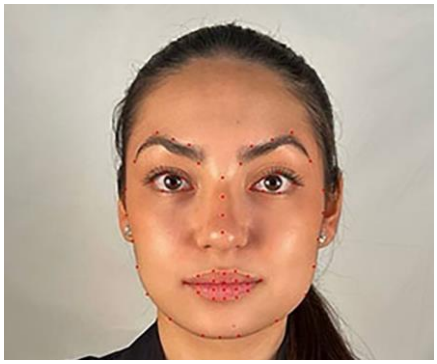

Рис. 5. Контрольное изображение девушки в молодом возрасте с разметкой точек-ориентиров на лице

Рис. 6. Контрольное изображение девочки в детском возрасте с разметкой точек-ориентиров на лице

Для сравнения использовались величины между точками 1–17, 18–22, 37–40, 49–55, 28–31, 18–1, 27–17, 52–58, 58–9 (*табл. 2*).

Таблица 2

№ точек	Контрольное изображение № 1	Контрольное изображение № 2	Результаты сравнения
1–17	37,9	41,1	3,2
18–22	12,2	11,7	0,5
37–40	8	7,8	0,2
49–55	14,6	15,8	1,2
28–31	10,7	8,8	1,9
18–1	5,2	6,8	1,6
27–17	6,0	5,6	0,4
52–58	5,6	4,3	1,3
58–9	7,4	9,3	1,9

По результатам исследования можно заметить, что часть измерений входит в диапазон от 0 до 0,6 мм, а часть выходит из него. По результатам проведенного исследования мы должны прийти к выводу, что на сравниваемых изображениях запечатлены разные лица, что не соответствует действительности, поскольку на сравниваемых изображениях зафиксировано одно и то же лицо.

Подводя итог, хочется отметить, что метод обнаружения ориентира на лице по 68 точкам DLBE может давать достоверный результат, если на исследуемых изображениях запечатлено одно лицо в одном возрасте или разные лица одного возраста. Но не все объекты, поступающие эксперту на исследование, будут соответствовать таким требованиям. Данный метод может быть использован как факультативный, вспомогательный метод сравнительного исследования при производстве портретных экспертиз.

Список литературы

1. Распознавание лиц с использованием библиотеки DLIB C++ // Recog.ru. URL: https://recog.ru/распознавание-лиц-с-использованием-б/.

2. Анализ лиц с домофона: как я победил несовместимости и собрал dlib+CUDA на Ubuntu – готовый скрипт // Хабр. URL: https://habr.com/ru/amp/publications/935098/.

РАЗДЕЛ XVII. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ишмуратова А. Р.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бобовкин С. М.,
доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОТОБРАЖЕНИЯ ИНФОРМАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА В РУКОПИСЯХ, ВЫПОЛНЕННЫХ НА ЭКРАНАХ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ

Модификация традиционного рукописного текста в современном мире привела к возникновению новых объектов почерковедческого исследования – рукописей, выполненных стилусом на сенсорных экранах мобильных устройств. Если несколько десятилетий назад люди использовали лишь бумагу, чернила и ручку для создания подписей, то на сегодняшний день миллионы пользователей перешли на цифровое письмо. В результате при выполнении данных рукописей происходит видоизменение объектов, в частности, появляется множество диагностических признаков, подвергаются трансформации либо нивелированию общие и частные идентификационные признаки [4].

Актуальность использования рассматриваемых почерковых объектов в документообороте обусловлена тем, что такие объекты нередко используются в курьерской службе, сфере бьюти-сфере и медицине. Например, многие курьеры просят выполнить свою подпись при помощи стилуса на планшете для подтверждения факта о получении товаров. Большое внедрение рукописи, выполняемые на экранах мобильных устройств, получают также в работе госучреждений,

[1] © Ишмуратова А. Р., 2026.

таких как МФЦ и медицинских организаций. Кроме того, сфера досуга и развлечений также не стоит на месте, например, прослеживается активное использование практики подписания на специализированных планшетах в спа-центрах. В данных организациях посетители обязаны заполнить анкету о состоянии здоровья и ознакомиться с Правилами посещения, выполнив свою подпись в карте гостя, либо же просто подписать договор об оказании услуг. С точки зрения правоприменения, наиболее значимым представляется использование почерковых реализаций на экранах мобильных устройств в банковской сфере. Например, «Т-Банк» полностью перешел на цифровое делопроизводство, что также связно с определенными юридическими рисками. Гостиничная сфера также не осталась в стороне. Так, нередко гости при заселении обязаны исполнить свою подпись на экране планшета, что формирует соответствующую базу данных посетителей.

Вместе с тем, процесс почерковедческого исследования таких объектов сопряжен с рядом трудностей, одними из которых выступают изменения информативных признаков. Для изучения закономерностей искажения признаков нами был проведен эксперимент. В рамках него сравнивались подписи от имени проверяемого лица – Когай на мобильных устройствах Apple и Samsung Galaxy аналогичного ценового сегмента. Результаты данного экспериментального исследования показали, что в объекте происходит увеличение количества диагностических признаков ввиду использования нетрадиционных орудий и материалов письма; также появляются существенные изменения общих идентификационных признаков (например, степень выработанности, размер и разгон); помимо этого, значительные изменения претерпевают частные признаки – видоизменяются форма, протяженность, относительное размещение точек начала и окончаний и т. д.

Экспериментальное исследование было начато с изучения диагностических признаков, отображающихся на экранах мобильных устройств производителей Apple и Samsung Galaxy. Анализ полученных рукописных объектов позволил прийти к выводу о том, что при использовании стилуса на экране планшета большинство прямых линий приобретают извилистость, а значительное количество овальных и круглых элементов становится угловатыми [2, с. 148–149]. Обозначенные изменения обусловлены незафиксированной подложкой и непривычным пишущим прибором. Это, в свою очередь, приводит к изменениям отображения информативных признаков рукописи, которых нужно отграничивать от проявления признаков, вызванных естественной вариационностью почерка индивида, действием иных сбивающих факторов (например, необычного психофизиологического состояния) либо особенностей технических устройств.

Следующая часть эксперимента была направлена на изучение общих идентификационных признаков. Так рассматривалась специфика отображения следующих общих идентификационных признаков: размер, разгон, расстановка, связность, степень выработанности, темп письма, степень нажима и ряд других [1, с. 24]. Были установлены следующие изменения: степень выработанности почерка – в особенности координации движения снизилась ввиду использования непривычного пишущего прибора и неудобной подложки, тогда как еще

один ее показатель – темп письма увеличился благодаря «скользкой» поверхности мобильного устройства. Степень нажима из-за дисплея определяется ограниченно (с помощью специальных алгоритмов), что усложняет соответствующую задачу эксперту при проведении экспертизы.

Заключительная часть эксперимента была направлена на изучение частных признаков. Так, в процессе сравнения их с проявлением признаков в традиционных рукописных объектах было установлено изменение всех восьми групп. Вместе с тем проведение эксперимента позволило установить проявление большей части аналогичных совпадающих частных признаков, характеризующих почерк проверяемого лица, что позволяет нам сделать вывод о возможности проведения идентификационных исследований по рукописям, выполненных на экранах мобильных устройств. Однако были установлены различия признаков, большинство из которых обусловлено процессом выполнения рукописей и действиями вышеуказанных сбивающих факторов, что в итоге не препятствует процессу исследования.

Кроме того, следует добавить, что в результате сравнения специфики видоизменения информативных признаков на экранах разных мобильных устройств, мы пришли к выводу о том, что на гаджетах Apple, ввиду возможной их специфики экрана, существеннее искажаются признаки, нежели на линейке Samsung Galaxy.

Результаты экспериментального исследования позволили определить перспективы развития указанного направления судебного почерковедения:

1. Установление закономерностей видоизменения информативных признаков почерка в рукописях, выполненных на мобильных устройствах (в частности, видоизменение общих признаков, характеризующих степень и сформированности письменно-двигательного навыка (ПДН), а также частных признаков (например, относительное размещение точки начала и окончания движений и т. д.).
2. Разработка отдельной частной методики почерковедческого исследования рукописей, выполненных на экранах мобильных устройств (учитывающей особенности рассматриваемых цифровых объектов).
3. Создание кибернетических методов для автоматизации отдельных этапов исследования, а также оформление заключения эксперта по таким объектам (программное установление нажимных характеристик, точное определение размерных характеристик и т. д.).
4. Формирование практических рекомендаций по сбору образцов для сравнительного исследования (в частности, для анализа специфических рукописей желательно, чтобы эксперт отбирал образцы, которые выполнены на аналогичном устройстве, поскольку рукопись на экране планшета и рукопись на бумаге лишь частично сопоставимы. Также, если имеется возможность, то эксперту следует получить метаданные файла для последующего анализа при экспертном исследовании).

Подводя итог проведенной работы, отметим, процесс почерковедческого исследования рукописей, выполненных стилусом и фалангой пальца руки на экране планшета, требуют незамедлительного реагирования и на сегодняшний день является актуальным направлением в области судебной экспертологии

и предполагают формирование соответствующей методической базы [3]. Результаты экспериментального исследования позволили установить, что в процессе почерковедческой экспертизы рассматриваемых объектов необходимо учитывать технические характеристики устройств, их программное обеспечение и алгоритмы, закономерности видоизменения признаков, а также индивидуальные психофизиологические особенности пишущего.

По нашему мнению, в целях эффективного исследования рукописей, выполненных стилусом на экранах разного рода гаджетов, требуется всесторонняя разработка теоретической, методической и организационной базы, а также ускоренное внедрение данных положений в судебно-экспертную практику. В дополнение к указанному предполагается, что отдельные результаты представленного в статье эксперимента могут быть использованы для дальнейших научных разработок в области почерковедческого исследования рукописных объектов на экранах мобильных устройств.

Список литературы

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина, В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

2. Серегин В. В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2014.

3. Яскина В. Э., Лакеев П. И., Круглов Л. М. О некоторых вопросах исследования почерковых объектов, представленных на экспертизу в электронном виде // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. № 2 (18). С. 54–61.

4. Подполухо М. М. Почерковедческое исследование цифровой рукописной биометрической подписи // Судебная экспертиза Беларуси. 2022. № 1 (14). С. 42–48.

Осколков И. П.[1],
слушатель Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Диденко О. А.,
заместитель начальника
кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях стремительного развития международных, экономических и культурных связей между Российской Федерацией и странами Восточной Азии, перед российскими судебно-экспертными учреждениями у представителей правоохранительной системы все чаще возникают принципиально новые задачи. Одной из которых является проведение судебно-почерковедческих экспертиз рукописных текстов и подписей, выполненных иероглифическим письмом. Если исследование документов на кириллической или латинской основе уже имеет устоявшуюся методологическую базу, то иероглифическое письмо до недавнего времени оставалось для экспертов «белым пятном» в науке, что нередко приводило к выводам о невозможности решения вопроса по существу [2]. Мы затронули ключевые проблемы, с которыми сталкиваются эксперты при исследовании иероглифического письма, а также проанализировали современные перспективы и разработки в этой области.

Чтобы понять сложности, возникающие при производстве экспертизы, необходимо разобраться в специфике объекта и уяснить фундаментальные отличия иероглифического письма, от привычного алфавитного. Основное – заключается в самой природе знака. Буква алфавита передает звук, в то время как иероглиф – лексическое значение, именно морфему или слово. Это означает, что количество знаков в иероглифике исчисляется десятками тысяч, тогда как алфавит содержит всего несколько десятков символов [4].

Кроме того, иероглиф обладает сложной структурой. Он состоит не из букв, а из черт – минимальных графических элементов, выполняемых без отрыва пишущего прибора. Специалисты выделяют до 31 вида таких черт, которые имеют строго определенную конфигурацию, направление и последовательность написания [7]. Индивидуальность почерка исполнителя проявляется именно в вариациях выполнения этих линий, их соединений и пространственной ориентации внутри иероглифа.

---

[1] © Осколков И. П., 2026.

Еще одной важнейшей особенностью является наличие в китайской письменности различных стилей. Основными из них являются: кайшу (нормативный устав) – близкий к печатному образцу; синшу (ходовое письмо) – упрощенный скорописный вариант, наиболее распространенный в бытовом письме цаошу (травяное письмо) – высокая скоропись, значительно изменяющая привычную конфигурацию знаков [8]. Незнание этих стилей экспертом может привести к ошибочной интерпретации скорописных упрощений как признаков умышленного искажения почерка.

Вышеизложенное позволило выделить очертания основных проблем производства таких экспертиз.

Отсутствие специализированной методики и языковой барьер. Долгое время главным вопросом являлась попытка прямой экстраполяции качественно-описательной методики, разработанной для русского скорописного письма, на иероглифические объекты. Как отмечают ведущие криминалисты, такой подход демонстрирует низкую эффективность. Эксперт, не владеющий китайским языком, способен анализировать только графику, но он лишен возможности оценить смысловую и фонетическую составляющую, что необходимо, например, для разграничения вариаций почерка одного лица от сознательного использования разных иероглиф [5]. Зарубежные исследователи (С. Миттал, В. Сехгал) подчеркивают, что экспертам, незнающим языка, следует избегать дачи заключения, поскольку сравнивать «подобное с подобным» в незнакомой письменности крайне сложно из-за многообразия индивидуальных навыков упрощения знаков [6].

Так как же в такой ситуации проводить идентификацию и реализовывать оценку признаков? Иероглифический текст часто бывает кратким (например, подпись или сумма в договоре), что затрудняет формирование достаточной совокупности частных признаков. Если для категорического положительного вывода в русском письме может хватить 10–15 устойчивых признаков, то для иероглифического письма Экспертно-криминалистический центр МВД России рекомендует обосновывать вывод совокупностью из 30–35 признаков, что при малом объеме исследуемого материала достижимо далеко не всегда. Также специфическую сложность представляет оценка признаков «связанности» и «темпа», которые в иероглифике тесно привязаны к используемому стилю письма.

Настоящим прорывом в данной области стала разработка коллективом авторов под редакцией профессора М. В. Бобовкина специализированной частной методики «Почерковедение и почерковедческая экспертиза: методика судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом» [1]. В этой работе впервые на теоретическом уровне были систематизированы принципы китайской письменности применительно к задачам криминалистики и предложен двухуровневый подход к исследованию: на уровне элементарных черт и на уровне целостного иероглифа.

Перспективным направлением признано использование комплексного подхода, предполагающего обязательное участие в исследовании двух специалистов: эксперта-почерковеда и эксперта-лингвиста (китаиста). Лингвист помогает

определить стиль письма, корректно идентифицировать иероглифы и их смысловую нагрузку, а почерковед на этой основе проводит идентификационный анализ письменно-двигательного навыка. Такой подход требует особого внимания к оформлению заключения, в частности, к созданию качественного иллюстрационного материала, где наглядно показаны совпадения или различия черт и их элементов, адаптированные для восприятия судом и следствием [3].

Таким образом, иероглифическое письмо, будучи одним из древнейших способов фиксации информации, представляет собой сложнейший объект для современной судебно-почерковедческой экспертизы. Однако потребности правоприменительной практики стимулируют бурное развитие этого направления. Основная проблема – отсутствие у эксперта языковых навыков и адаптированных методик – в настоящее время успешно преодолевается, благодаря разработке специализированных подходов и внедрению практики комплексных исследований.

Перспективы развития этой области связаны с дальнейшей автоматизацией процесса (создание баз данных иероглифических черт), углублением сотрудничества с лингвистами и востоковедами, а также с внедрением в экспертную практику валидированных методик, позволяющих давать обоснованные и объективные заключения. Дальнейшее развитие российско-китайских отношений неизбежно будет увеличивать спрос на такие экспертизы, что требует от научного сообщества и практических подразделений продолжения начатой работы по совершенствованию теоретической и методической базы судебного почерковедения.

Список литературы

1. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом : учебник для вузов / под ред. М. В. Бобовкина. М. : Юрайт, 2024.

2. Бобовкин С. М., Четверкин П. А. Методологические основы судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы китайских иероглифических рукописей: возможности реализации комплексного подхода // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 197–203.

3. Валидация методики криминалистического исследования рукописных реализации, выполненных китайским иероглифическим письмом // Легас. URL: https://legascom.ru/notes/7563-validatsiya-metodiki-kriminalisticheskogo-issledovaniya-rukopisnykh-realizatsij-vypolnennykh-kitajskim-ieroglificheskim-pismom.

4. Захарова И. Г., Бобовкин С. М. Особенности китайского иероглифического письма как объекта судебно-почерковедческого исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 16–20.

5. Лузгин А. Н. К вопросу о научных основах и методологических положениях идентификационной судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 4 (36). С. 128–137.

6. Четверкин П. А., Бобовкин С. М. Особенности составления заключения эксперта по результатам производства судебно-почерковедческой идентифика-

ционной экспертизы рукописей, выполненных китайскими иероглифами // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 219–222.

7. Кузнецов А. В., Мирошникова Н. И., Моисеев С. О. Особенности проведения почерковедческих экспертиз китайского иероглифического письма // Бюро экспертиз «Решение». URL: https://ekspertiza-reshenie.ru/research/osobennosti-provedeniya-pocherkovedcheskikh-ekspertiz-kitayskogo-ieroglificheskogo-pisma/.

8. Шестеперова Е. Л. Особенности криминалистического исследования китайского иероглифического письма в практике судебной экспертизы // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 2 (20). С. 44–48.

РАЗДЕЛ XVIII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ, ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ И БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Карпов А. Р.[1],
командир отделения
Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кудряшов Д. А.,
доцент кафедры
оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛЛИСТИЧЕСКОГО ВИЗИРОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ПОЛИСНАРЯДАМИ

В структуре преступлений против личности и общественной безопасности деяния, связанные с незаконным оборотом и применением огнестрельного оружия, продолжают занимать устойчивое место. Следственная практика последних лет фиксирует не только количественный рост подобных инцидентов, но и качественные изменения в используемом арсенале. Наряду с традиционными моноснарядами (пулями) все чаще применяются так называемые полиснаряды – снаряды, состоящие из множества поражающих элементов (картечь, дробь различных размеров и форм) [2, с. 56].

Это обстоятельство предъявляет особые требования к методикам осмотра места происшествия. Одним из ключевых, но при этом недостаточно освещенных

[1] © Карпов А. Р., 2026.

в специальной криминалистической литературе методов, является баллистическое визирование – способ установления вероятного местоположения, стрелявшего через моделирование траектории полета снаряда (моноснаряда или полиснаряда). Предварительное исследование, проводимое до назначения полноценной экспертизы, позволяет уже на стадии осмотра выдвинуть версии о дистанции, направлении выстрела и виде оружия.

Далее рассмотрим специфику применения данного метода при поражении различных преград дробовыми снарядами.

Прежде всего, следует разграничить механизм следообразования моноснаряда (пули) и полиснаряда (дроби, картечи). В классической судебной баллистике под полиснарядом понимается совокупность отдельных метаемых тел (дробин, картечин), которые после выстрела начинают двигаться как единый пучок, но по мере удаления от дульного среза рассеиваются [1, с. 15]. В отличие от пули, дробовой снаряд оказывает множественное поражающее действие, оставляя на преграде не один, а несколько каналов повреждений [3, с. 78].

Входное отверстие в таком случае имеет неровные края, а зона рассеивания дробинок позволяет с большой долей вероятности оценить дистанцию выстрела. При стрельбе в упор или с близкого расстояния повреждение от полиснаряда может напоминать одиночное рваное отверстие, в то время как с увеличением дистанции отдельные элементы снаряда формируют множественные повреждения с характерной «россыпью».

Баллистическое визирование в криминалистике применяется при условии прямолинейного или условно прямолинейного полета снаряда. Классическая методика предполагает использование подручных средств (трубки, нити или лазерного луча) для моделирования траектории через две сквозные пробоины [1, с. 55]. Однако при стрельбе полиснарядом у следователя или специалиста не всегда имеются два сквозных отверстия на одной прямой, образованные одним телом.

В связи с этим визирование осуществляется комплексно: для построения вероятного сектора направления стрельбы используются усредненные данные по пробоинам, расположенным на крайних границах «дробового снопа» [5, с. 69]. Специалист визирует не одну, а несколько точек: ориентиром служат как края общей зоны поражения, так и отдельные дробинки, застрявшие в преграде.

На практике рекомендуется использовать метод визирования с помощью лазерного целеуказателя или длинной иглы, вводимой в канал повреждения. В случаях, когда преградой служит биологическая ткань (одежда потерпевшего), лазерное визирование особенно удобно, так как позволяет минимизировать механическое воздействие на следы. Для обеспечения наглядности результатов предварительного исследования применяется масштабная фотосъемка, фиксирующая углы отклонения условных линий визирования [4, с. 89].

Предварительное исследование огнестрельных повреждений осуществляется непосредственно в ходе осмотра места происшествия до направления объектов на экспертную баллистическую экспертизу. Цель такого исследования – дать следователю оперативную информацию для розыска преступника и построения версий.

При обнаружении следов стрельбы дробью эксперту-криминалисту необходимо:

1. Произвести узловую и детальную фотосъемку зоны повреждений.
2. Изучить характер краевой баллистики (наличие или отсутствие пояска обтирания на дробинках) [3, с. 71].
3. На основе нескольких пробоин определить точку схождения траекторий (сужение сектора).

Если гладкоствольное оружие не обнаружено на месте происшествия, визирование становится единственным способом определить место нахождения стрелявшего. В ходе предварительного исследования решаются диагностические задачи: принадлежность оружия к огнестрельному, его вид и технические параметры, позволяющие произвести выстрел именно данным полиснарядом.

В отличие от предварительного исследования, которое носит ориентирующий характер, судебная баллистическая экспертиза, назначаемая в рамках уголовного дела, позволяет решать как диагностические, так и идентификационные задачи на качественно ином методическом уровне. Применительно к полиснарядам ее возможности значительно шире.

Во-первых, экспертное исследование позволяет не только подтвердить дистанцию выстрела, но и установить ее с точностью до нескольких сантиметров (например, дифференцировать выстрел в упор, с близкой или средней дистанции) по комплексу термических и механических признаков, включая зону отложения копоти и несгоревших порошинок [2, с. 50]. При использовании полиснарядов форма и плотность дробовой осыпи на мишени становятся диагностическими маркерами, позволяющими также судить о кучности боя конкретного ствола [1, с. 100].

Во-вторых, экспертиза решает идентификационную задачу: по следам на дробинках и на пыже-контейнере (если таковой применялся) возможно установление групповой принадлежности оружия – калибра, типа нарезки (для парадоксальных сверловок), а в отдельных случаях и конкретного экземпляра гладкоствольного ружья [4, с. 153]. В частности, микрорельеф канала ствола отображается на поверхности дробинок, хотя и менее выражено, чем на пуле. При этом для полиснарядов разработаны специальные методики сравнительного исследования следов на картечинах, застрявших в преграде.

В-третьих, экспертиза полиснарядов позволяет реконструировать механизм события: последовательность выстрелов, взаимное расположение стрелявшего и потерпевшего в пространстве, возможность поражения через преграды (стекло, дверь). В отличие от визирования, дающего лишь вероятный сектор, эксперт с помощью методов трасологического и ситуационного анализа может определить, находился ли стрелявший в движении, производился ли выстрел с руки или с упора.

Особого внимания заслуживает исследование дробовой осыпи на одежде и теле потерпевшего. Эксперт-баллист дифференцирует входные и выходные повреждения, определяет количество поражающих элементов, их форму, размеры и глубину внедрения. На основе этих данных возможно вычисление кинетической энергии каждого элемента снаряда на момент удара, что имеет значение для квалификации степени тяжести вреда здоровью.

Важно помнить, что визирование при стрельбе полиснарядом сопряжено с рядом ошибок. Дробь при движении подвержена влиянию бокового ветра и гравитации сильнее, чем тяжелая пуля. Кроме того, при прохождении через преграду (например, стекло или дерево) отдельные элементы полиснаряда могут менять первоначальное направление движения, вызывая так называемый эффект «рикошета дробинок». Поэтому линия визирования указывает не на точку нахождения оружия, а на зону вероятного местоположения стрелявшего (в пределах «конуса разлета»), и это обязательно должно быть отражено в справке по результатам предварительного исследования. В ходе полноценной экспертизы указанные ограничения преодолеваются за счет использования методов математического моделирования траекторий каждого поражающего элемента. Сравнение экспериментальных стрельб из оружия, изъятого у подозреваемого, позволяет эксперту вычислить поправки на рассеивание и выдать заключение о том, мог ли именно данный ствол с конкретным типом снаряжения произвести повреждения, обнаруженные на месте происшествия.

Важно подчеркнуть, что баллистическое визирование на стадии осмотра и судебная экспертиза не дублируют, а взаимно дополняют друг друга. Результаты визирования (схемы с нанесенными линиями траекторий, фототаблицы с лазерной индикацией) могут быть приобщены к материалам дела в качестве ориентирующей информации. При назначении экспертизы следователь ставит перед экспертом вопросы, уточненные на основании предварительного исследования: например, не одиночная ли пробоина от полиснаряда, образована ли она выстрелом с конкретного сектора, указанного визированием.

Практика показывает, что грамотно проведенное визирование сокращает время экспертного исследования и позволяет избежать назначения дополнительных экспертиз, так как эксперт уже имеет четкое представление о механизме следообразования. В сложных случаях (например, при множественных повреждениях от разных типов полиснарядов) данные визирования служат основой для построения экспертной версии о числе выстрелов и их очередности.

Криминалистическое баллистическое визирование в условиях применения полиснарядов является сложным, но высокоинформативным методом предварительного исследования. Его корректное применение позволяет уже на начальном этапе расследования установить дистанцию выстрела, сектор стрельбы и локализовать позицию стрелявшего. В то же время судебная баллистическая экспертиза предоставляет значительно более широкие диагностические и идентификационные возможности, включая установление конкретного экземпляра оружия, кинетических параметров поражающих элементов и полную реконструкцию механизма происшествия.

Комплексное использование предварительного визирования и последующей экспертизы является оптимальной стратегией при расследовании преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, снаряженного дробовыми зарядами. Учитывая рост преступлений с использованием гладкоствольного оружия, модернизация методик визирования и экспертного исследования полиснарядов представляется одним из приоритетных направлений развития криминалистической баллистики.

Список литературы

1. Зайцев В. В. Эмпирическое исследование морфологических признаков следов выстрела дробовым полиснарядом на тканых материалах // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 2. С. 231–235.

2. Малыхин И. В., Мамин С. Н. О возможности идентификации гладкоствольного оружия по следам на пыжах-контейнерах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 3. С. 32–36.

3. Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. М. В. Савельевой, А. Б. Смушкина. М. : Юрайт, 2009.

4. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М. : Спарк, 2001.

5. Ясинский В. Г. К вопросу установления исходного расположения стрелявшего и объекта посягательства в криминалистике // Взаимодействие правовых систем современности в целях устойчивого развития общества : сборник научных статей, посвященный 45-летию юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы : в 2 ч. Ч. 1. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. С. 492–496.

6. Злобин С. Г. Исторические аспекты развития ручного стрелкового огнестрельного оружия // Криминалистика – наука без границ: традиции и иновации : материалы Всероссийской научно-практической конфереции (Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 147–151.

Стулова В. Д.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Несмиянова И. О.,
доцент кафедры
оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛЕДАМ УШНЫХ РАКОВИН

Существует множество уникальных особенностей, которые делают каждого человека неповторимым. Одним из таких удивительных и в то же время универсальных элементов человеческого тела является ушная раковина. Индивидуальная форма и структура ушной раковины остаются практически без изменения на протяжении всей жизни человека, за исключением случаев хирургических вмешательств, механических повреждений или же ввиду заболеваний, что выделяет их важность и неповторимость в качестве анатомического элемента.

В контексте криминалистических исследований особое значение приобретают следы ушных раковин. Несмотря на их потенциальную ценность для следственной работы, в России данный аспект до сих пор не получил заслуженного внимания со стороны экспертов в области трасологии. Это приводит к тому, что использование следов ушных раковин в качестве доказательственной базы встречается крайне редко, как и проведение трасологической экспертизы по таким следам.

Следы ушной раковины служат самостоятельным и важным объектом трасологической экспертизы. Для их отображения необходимо, чтобы ухо было непосредственно прижато к поверхности, например, двери или окна, где следы могут быть оставлены в результате случайного контакта. Следы наслоения образуются за счет того, что кожа ушной раковины покрыта особой смесью, в состав которой входят сальные выделения, пот и молекулы ушной серы [2]. Когда ушная раковина контактирует со следовоспринимающей поверхностью, она переносит на нее данную липкую смесь, тем самым воспроизводит рельеф ушной раковины.

Таким образом, при идентификации личности стоит уделять особое внимание таким уникальным характеристикам, как следы ушных раковины, которые

[1] © Стулова В. Д., 2026.

на первый взгляд кажутся незначительными, а на самом деле являются отражением индивидуальных особенностей кожного покрова человека, а при их сравнении с оттисками подозреваемых можно установить тождество.

В настоящее время стоит отметить прогрессивный опыт, который демонстрируют криминалистические службы немецкого города Вупперталь. Они применяют в своей работе не только традиционные методы дактилоскопирования, но и используют следотеку, в которой зарегистрировано свыше пятисот уникальных следов ушных раковин. Стоит подчеркнуть, что данный метод идентификации личности используется также в работе служб других стран, таких как Англия, Нидерланды и Швейцария [1]. Это свидетельствует о международном интересе к данному методу и его перспективности к криминалистической практике.

Однако такие следы не полностью отображают форму и строение ушной раковины, а лишь ее выступающие элементы: завиток, часть противозавитка, козелок, противокозелок и мочку, которые имеют относительно небольшую по ширине контактную поверхность (*рис.*). Также проблема, с которой могут столкнуться эксперты – непостоянность получаемых данных при отображении следов. Это обусловлено тем фактом, что при формировании следов ушных раковин может наблюдаться вариативность в размерах и форме, связанная с неодинаковой силой давления при следообразовании. Отсутствие апробированной методики и количественного критерия отобразившихся признаков также усложняют производство экспертизы и не позволяют в категорической форме идентифицировать человека.

Рис. След ушной раковины человека

Таким образом, несмотря на то, что данные следы остаются на месте происшествия довольно редко и исследования данных следов проводятся также не часто, их значимость для идентификации имеет существенное значение. Индивидуальность ушной раковины у каждого человека позволяет использовать ее отображения для установления тождества при раскрытии и расследовании преступ-

лений. В связи с этим проводились исследования по следам ушных раковин человека с целью изучения возможности решения диагностических задач.

В основу исследования положено изучение особенностей строения ушных раковин и их отображение на следовоспринимающей поверхности у слушателей факультета подготовки иностранных специалистов и курсантов Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, принадлежащих к различным этническим группам таких стран, как Азербайджан, Вьетнам, Кыргызстан, Казахстан, Монголия, Узбекистан, Таджикистан и Россия.

Исследованием установлено, что наиболее часто у изучающих этнических групп встречаются овальные формы следа ушной раковины (88 % в Азербайджане, 63 % в Таджикистане, 60 % во Вьетнаме, 50 % в Узбекистане, 60 % в Кыргызстане и 56 % в России). Наиболее редко среди представителей всех групп встречается прямоугольная форма следа ушной раковины, которая не была выявлена вовсе у представителей Азербайджана, Вьетнама, Монголии и Кыргызстана, однако у представителей Казахстана она составляет 60 %. Круглая форма следа ушной раковины не была выявлена у представителей Азербайджана, Таджикистана и Казахстана, и не преобладает ни у одной этнической группы. Часто встречаемая форма следа ушной раковины у представителей Монголии – треугольная (64 %), которая не была выявлена только у представителей Кыргызстана.

Контур отображения противокозелка в половине стран прямолинейной конфигурации (60 % в Таджикистане, 58 % во Вьетнаме, 64 % в Монголии, 80 % в Узбекистане), у остальных – дугообразной конфигурации (66 % в Азербайджане, 80 % в Казахстане, 100 % в Кыргызстане и 74 % в России).

У представителей Монголии чаще всего встречается удлиненная форма отображения мочки (62 %), у представителей остальных групп – широкая (84 % в Азербайджане, 71 % в Таджикистане, 64 % во Вьетнаме, 78 % в Казахстане, 75 % в Узбекистане, 86 % в Кыргызстане и 58 % в России).

У представителей Казахстана (57 %) и Узбекистана (60 %) преобладающая величина отображения межкозелковой вырезки – широкая, которая не была выявлена только у представителей Азербайджана. Узкая величина отображения межкозелковой вырезки имеет наименьшую частоту встречаемости среди всех групп, а у представителей Казахстана она не была выявлена вовсе. Средняя же величина отображения межкозелковой вырезки носит самый распространенных характер (88 % в Азербайджане, 60 % в Таджикистане и во Вьетнаме, 66 % в Монголии, 42 % в Кыргызстане и 50 % в России).

Список литературы

1. Кокушев А. Б. Современные возможности идентификации личности по следам ушных раковин, изъятых с места совершения преступлений // Актуальные проблемы экспертно-криминалистической деятельности : сборник научных трудов Международной конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 219–222.

2. Ухо. Анатомия и морфология // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/ukho-8ed096.

Кузнецова М. В.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Демин К. Е.,
доцент кафедры
оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ХОЛОДНЫМ И МЕТАТЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ

В современном мире в криминалистической и судебно-медицинской практике исследование повреждений, нанесенных холодным оружием, сохраняет высокую актуальность. Несмотря на технологический прогресс и преобладания преступлений с огнестрельным оружием, именно холодное оружие – ножи, топоры, кинжалы, а также различного рода самодельные колюще-режущие и метательные предметы – остаются одним из наиболее частым инструментом при совершении преступлений.

Так, на наш взгляд, данное научное направление достаточно обширно с точки зрения криминалистики, криминологи, судебной экспертизы, в том числе криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий, экспертизы холодного и метательного оружия и трасологии и трасологической экспертизы в частности, так как их результаты во многом детерминированы результатами исследования повреждений на одежде. Следует отметить особую озабоченность в научных со стороны практиков и научных изысканий, нашедшие свое отражение во множественности работ. Этой теме посвящены монографические работы в рамках диссертационных исследованиях таких ученых как: Е. Е. Савватеева (2004) [1], Д. С. Коровкин (2007) [2], И. В. Киселевич (2007) [3], которые заложили основы экспертных исследований повреждений на одежде. А также отдельные аспекты данной темы отражены в учебно-методической литературе и учебной литературе учебниках «Трасология и трасологическая экспертиза» [4–6], а также в учебной литературе Х. М. Тахо-Годи (1971, 2006) [8; 9], учебном пособии Е. В. Китаева (2015) [11]. Однако в этих работах не в полном объеме отражены повреждения, нанесенные метательным и метаемым ору-

[1] © Кузнецова М. В., 2026.

жием, не обозначены микропризнаки указанных повреждений и их характеристики и идентификационные признаки [12].

В контексте обозначенной темы отметим, что в учебном пособии «Экспертиза холодного и метательного оружия» [13] приводится определение: «Холодное оружие – это предметы вооружения, представляющие собой контактные и метаемые устройства многократного действия, специально предназначенные для непосредственного поражения живой цели и приводимые в действие мускульной силой человека». По данному направлению проводится экспертиза холодного и метательного оружия. Это представляет собой сложный, многоплановый процесс, направленный на установление не только факта применения оружия, но и конкретные обстоятельства его использования: тип орудия, направление удара, вид повреждения и др.

В связи с этим, целью нашей работы является определение вида повреждение и его признаков, оставляемое метательным и метаемым орудием.

Перед началом следует пояснить что же такое метательное и метаемое оружие. Метательное оружие – это предметы вооружения, представляющие собой устройства многократного действия, предназначены для непосредственного поражения цели на расстоянии за счет использования мускульной силы человека. Метаемое оружие – холодное оружие, поражающее цель на расстоянии при метании вручную. Для достижения поставленной цели мы изготовили мешенную установку в виде поролонового валика с натянутой на него рубашкой (*рис. 1*).

Рис. 1. Мишенная установка

Далее в данную установку, согласно методике метательного оружия [14] с расстояния 3 м было произведено 15 бросков ножа. В результате были получены повреждения, однако для иллюстрации выбрано одно, которое было сфотографировано (*рис. 2*).

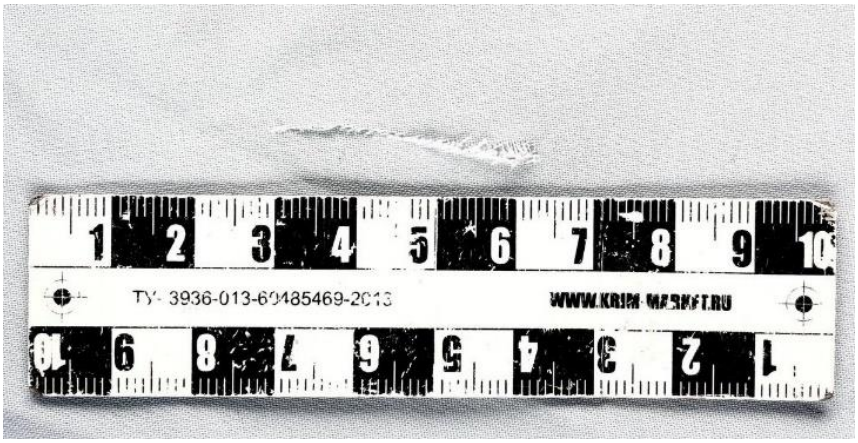

Рис. 2. Повреждение на рубашке

При исследовании фрагмента рубашки, с оставленным повреждением, на микроскопе МСП-1, мы установили следующее (*рис. 3–5*) [15]:

– форма повреждения – линейная;
– характер проникновения – сквозной;
– часть повреждения со стороны лезвия – острая (отм. 1);
– «обушковая» часть следа П-образной формы (отм. 2);
– нити в обушковой части пересечены на разном уровне, разволокнены, вытянуты (отм. 3);
– разделенные концы нитей ровные, находятся на одном уровне (отм. 4);
– окончания волокон находятся на одном уровне (отм. 5);
– «минус» ткани не наблюдается при сложении краев повреждения.

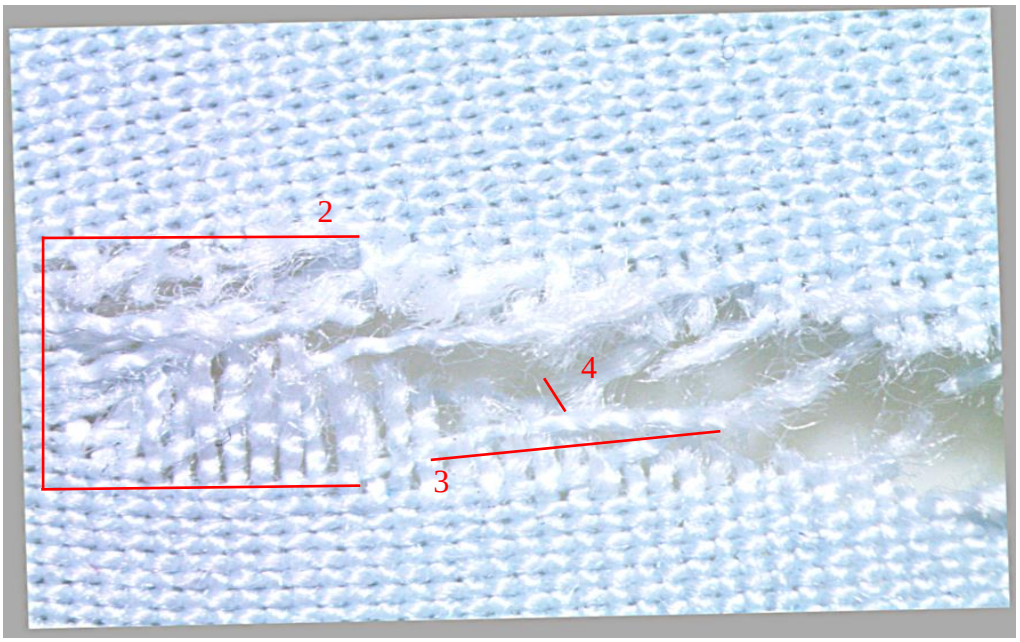

Рис. 3. Обушковая часть повреждения

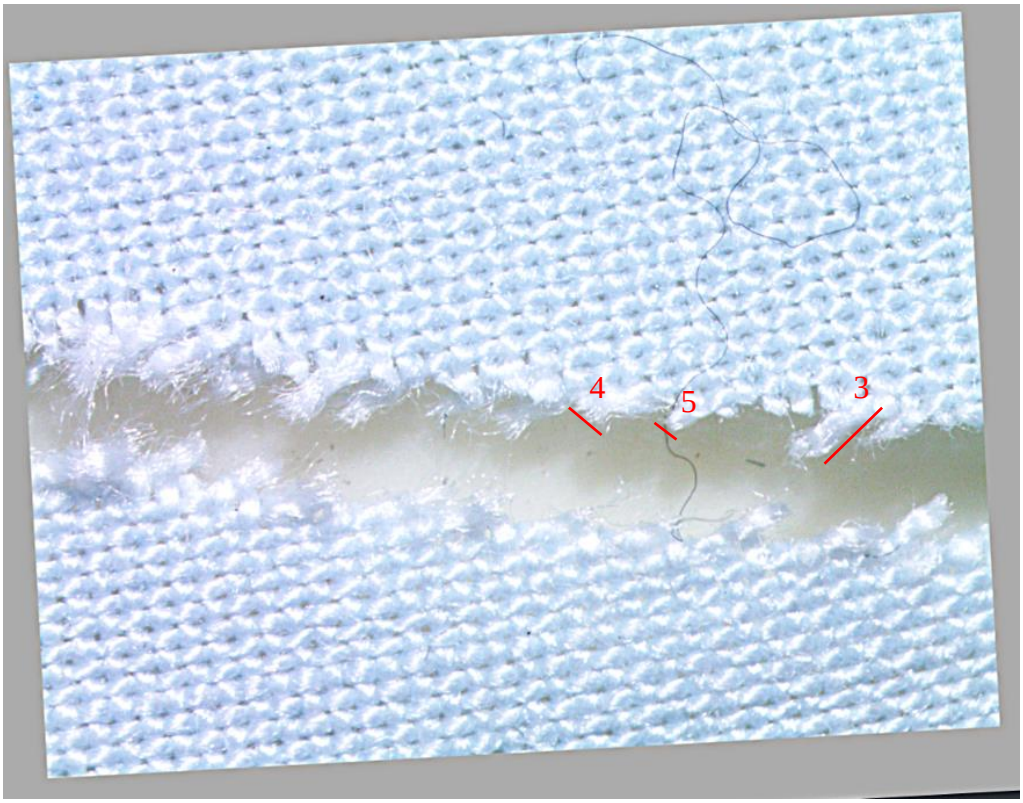

Рис. 4. Основная часть повреждения

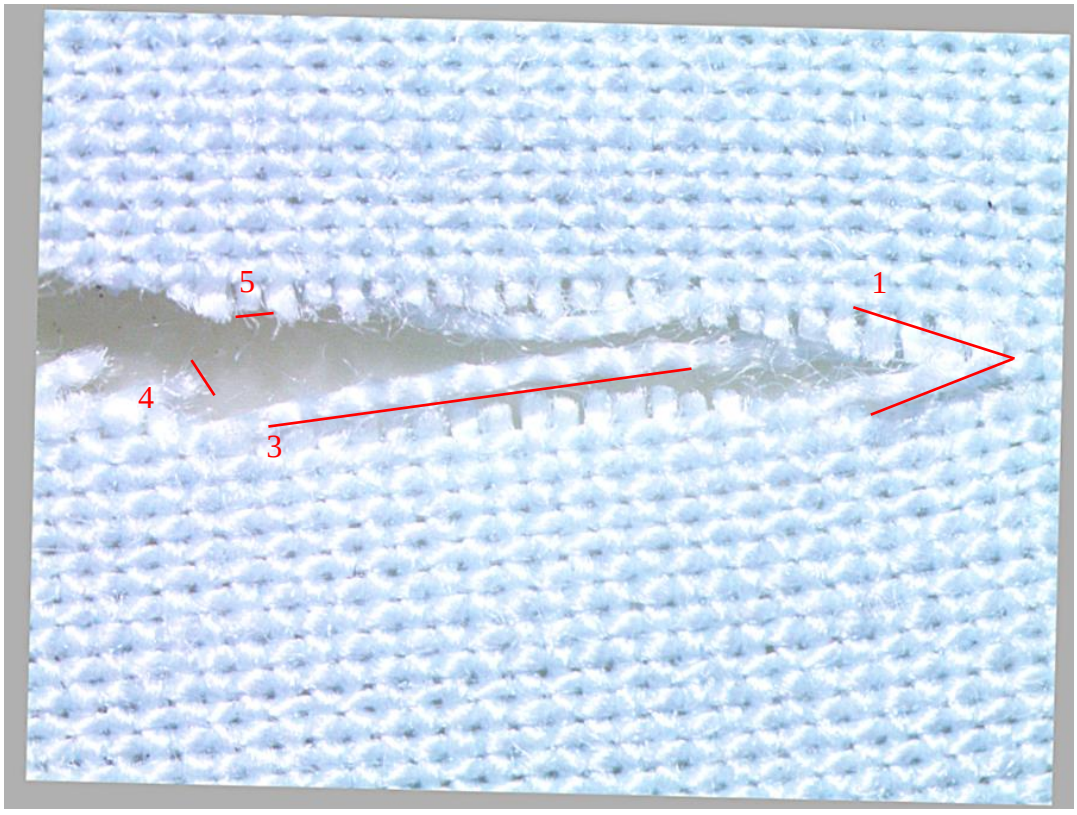

Рис. 5. Лезвийная часть повреждения

Проведенное исследование позволило выявить и описать характерные признаки повреждений, образованных метательным и метаемым холодным оружием. Совокупность этих признаков позволила отнести повреждение к колото-резанному виду, что соответствует механизму действия метательного оружия.

Таким образом, поставленная задача – идентификация вида повреждений и их признаков, образовавшихся при использовании метательного и метаемого оружия, – была выполнена.

Полученные данные расширяют существующие представления в области трасологии и трасологической экспертизы и экспертизы холодного и метательного оружия, дополняя недостаточно освещенный в литературе аспект – исследование повреждений, причиненных оружием, применяемым на расстоянии. Результаты работы могут быть использованы при проведении экспертных исследований для более точной реконструкции обстоятельств преступления, идентификации типа орудия и установления механизма нанесения повреждений.

Список литературы

1. Савватеева Е. Е. Экспертные исследования следов на одежде и следов одежды, изготовленной по современным технологиям : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2004.

2. Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 1999.

3. Киселевич И. В. Комплексные криминалистические исследования механических повреждений одежды и ее следов в расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2007.

4. Майлис Н. П., Одиночкина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология : учебник / под ред. Н. П. Майлис. М. : Щит-М, 2011.

5. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [А. Г. Сухарев и др.]. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2009.

6. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [И. В. Латышов и др.] ; под ред. И. В. Латышова. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2022.

7. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [Н. П. Майлис и др.]. 2-е изд., стер. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.

8. Тахо-Годи Х. М. Криминалистическое исследование одежды : пособие. М. : [б. и.], 1971.

9. Таахо-Годи Х. М. Труды по судебной экспертизе: криминалистическое исследование одежды. 2-е изд. М. : Наука, 2006.

10. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [отв. ред. И. В. Кантор]. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

11. Китаев Е. В. Криминалистическое исследование следов одежды : пособие. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2015.

12. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [Н. П. Майлис и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024.

13. Дьяконов П. А. Экспертиза холодного и метательного оружия : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014.

14. Кокин А. В., Загоровский С. В., Коровкин Д. С. Судебно-экспертная методика решения вопроса о принадлежности предмета к метательному стрелковому или метательному бросковому оружию. М. : ЭКЦ МВД России, 2024.

15. Демин К. Е., Беляев М. В., Коглина В. А. Трасологическая экспертиза механических повреждений одежды и ее следов : учебное пособие / под ред. К. Е. Демина. М. : Юридический институт МИИТ, 2021.

16. Злобин С. Г. Особенности цифровой фотофиксации объектов трасологической экспертизы при производстве следственных действий // Судебная экспертиза. 2025. № 1 (81). С. 54–65.

РАЗДЕЛ XIX. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Атаманова П. И.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шавленко В. Н.,
преподаватель кафедры
технико-криминалистического обеспечения
экспертных исследований
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОКУС-СТЕКИНГА В МАКРОСЪЕМКЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАКРООБЪЕКТОВ

Фокус-стекинг (англ. focus stacking, также встречается термин «послойное совмещение фокуса») – это используемый при фотографировании метод цифровой обработки изображения, позволяющий получить фотографию с увеличенной глубиной резкости всего изображения [1]. Для этого мы делаем серию фотографий, немного смещая точку фокуса. Далее полученные фотографии объединяем в единое изображение. Главное преимущество такого метода заключается в том, что, фокус-стекинг позволяет разделить параметры глубины резкости и оптической разрешающей способности системы. Чтобы понять, почему этот способ так прижился в макросъемке, давайте просто разберемся, как он работает с точки зрения физики. Необходимость применения фокус-стекинга в макросъемке связанна с ограничениями оптических систем. Следовательно, ограниченная глубина резкости в макрофотографии является следствием не дефектов аппаратуры или технических ограничений, а фундаментальных законов физической оптики. В макрорежиме (от 1:1) глубина фокуса падает до мини-

[1] © Атаманова П. И., 2026.

мума, снижаясь пропорционально квадрату масштаба съемки. Это означает, что при увеличении масштаба съемки глубина резкости падает очень быстро. Пытаясь решить эту проблему классическими методами, стакиваемся с другими физическими ограничения: традиционный способ увеличения глубины резкости является закрытие диафрагмы (до значений f/16–f/22). Этот метод имеет недостаток: при достижении определенного предела наступает дифракционное ограничение разрешения [2]. Из-за огибания краев вместо четкой точки света на матрице получается размытое пятно, которое имеет название диск Эйри. Дифракция света на краях диафрагмы приводит к снижению общей резкости изображения и потере микроструктурной информативности, что недопустимо при фиксации трасологических признаков.

Современным решением этой проблемы является метод фокус-стекинга. Он позволяет осуществлять съемку на «оптимальных» значениях диафрагмы (f/5.6–f/8), соответствующих пику разрешающей способности объектива, избегая дифракционные искажения. Данный метод требует соблюдение определенного алгоритма. Алгоритм реализации метода включает следующие этапы:

1. Фокус-брекетинг: последовательная съемка серии кадров (от 5 и более) с определенным шагом смещения фокуса. Шаг смещения выбирается таким образом, чтобы зоны резкости соседних кадров перекрывались на 35–50 %. Если он будет слишком большой: между зонами резкости соседних кадров останутся нерезкие зоны, которые программа не сможет восстановить. Если шаг будет слишком маленький: кадры будут дублировать друг друга [3].

2. Сборка изображения: на основе выявленных зон резкости выделенные фрагменты объединяются в единое растровое изображение с применением алгоритмов сглаживания переходов.

3. Анализ данных: после завершения съемки, специализированное программное обеспечение, встроенное в камеру или функционирующее на компьютере, начинает обрабатывать полученные кадры. Важно отметить, что при этом анализе программа работает со значениями яркости пикселей, а не с целым изображением. Важно учитывать, что эффективность данного алгоритма зависит от качества исходных данных, получаемых на этапе съемки. Среди физических параметров съемки важным является выбор освещения, это объясняет необходимость соблюдения определенных требований: стабильность светового потока на протяжении всей серии снимков [4]. Алгоритмы программного обеспечения (Helicon Focus, Zerene Stacker) определяют зоны резкости на основе анализа контрастных зон и градиентов яркости. Любые изменения в интенсивности света (фликер-эффект) или смещение светотеневого рисунка между кадрами могут быть ошибочно обработаны программой как изменение поверхности объекта. Это приведет к появлению «швов» на финальном изображении.

Мы выделили наиболее эффективные подходы к организации света при макросъемки объемных следовых объектов (*табл. 1–2*).

Таблица 1

Сравнительная характеристика методов фиксации макрообъектов

Параметр	**Традиционный метод (одиночный кадр)**	**Метод фокус-стекинга (с применением ПО) (Helicon Focus, Zerene Stacker, CombineZP)**	**Метод фокус-стекинга (с помощью фотоаппарата с встроенной функцией фокус-стекинга)**
Количество кадров	1	5 и более	5 и более
Глубина резкости	Частичная (зависит от диафрагмы)	Полная (по всему объекту)	Полная (по всему объекту)
Дифракционные искажения	Высокие (при диафрагме f/16–f/22)	Минимальные (диафрагма f/5.6–f/8)	Минимальные (диафрагма f/5.6–f/8)
Разрешение деталей	Снижено из-за дифракции	Максимальное по всей площади	Максимальное по всей площади
Время съемки	Секунды	Минуты/часы (зависит от серии)	Секунды
Постобработка	Не требуется (или минимальная)	Обязательна (специализированное ПО)	Не требуется
Возможность верификации	Ограничена (нет данных о внефокусных зонах)	Высокая (сохранение исходной серии RAW)	Высокая (сохранение исходной серии RAW)

Таблица 2

Количественные показатели качества изображения

Критерий оценки	**Традиционный метод**	**Фокус-стекинг (с ПО)**	**Фокус-стекинг (с помощью фотоаппарата с встроенной функцией фокус-стекинга)**
Резкость по всему объекту	40 % площади	100 % площади	100 % площади
Видимость микрорельефа	Частичная	Полная	Полная
Дифракционное размытие	Присутствует	Отсутствует	Отсутствует
Разрешение деталей (линий/мм)	45 (измерено по тест-таблице USAF 1951)	78 (измерено по тест-таблице USAF 1951)	78 (измерено по тест-таблице USAF 1951)
Время обработки	0 минут	20 минут	0 минут

Давайте разберем их подробнее: использование рассеивателей для смягчения теней. Так как жесткий свет создает глубокие тени, которые при смещении фокуса могут «перемещаться» по объекту, это приведет к нарушению работы алгоритма стекинга. Фиксация положения источников. Свет должен быть зафиксирован относительно объекта. Недопустимо использование handheld-вспышек или источников света на нестабильных стойках во время серийной съемки. Очень важным является использовать ручной режим настройки камеры. Это связано с тем, что камера может изменять мощность импульса или выдержку от кадра к кадру. Из-за этого программа не сможет объединить все кадры в один

резкий снимок. Виды освещения, применимые в трасологическом фокус-стекинге: Импульсное освещение (Студийные вспышки, Макровспышки). Постоянный свет (LED-панели, Макросвет). Кольцевая вспышка (Ring Flash). Двухголовочная система (Twin Flash).

С помощью метода фокус-стекинга мы легко преодолеваем физические ограничения оптики. Делая несколько снимков с разной фокусировкой и затем объединяя их, мы получаем изображение, где все идеально резко. Поскольку диафрагма остается открытой (f/5.6–f/8), это исключает явление дифракции, позволяет обеспечить максимальную детализацию по всей поверхности объекта. В противоположность традиционной съемке, где единственное полученное изображение не позволяет оценить полноту фиксации, фокус-стекинг обеспечивает сохранение всей серии исходных кадров. Эксперт может проанализировать как полученное изображение объединенных кадров, так и использовать каждую фотографию серии самостоятельному исследованию. Практическая применимость фокус-стекинг является предпочтительным методом для детального исследования объемных следов объектов в экспертной деятельности в лабораторных условиях, где очень важным является максимальная фиксации идентификационных признаков объемных следов. Так как метод позволяет устранить оптическое ограничение малой глубины резкости без потери качества изображения из-за дифракции. Однако для внедрения в практику судебного доказывания необходимо регламентировать процедуру съемки и обработки, включая обязательное сохранение исходных кадров для возможности независимой оценки. Следует обратить внимания на необходимость разграничения применения данного метода в лабораторных условиях и при выезде на место происшествия. При осмотре места происшествия его использование целесообразно при наличии устойчивого штатива и большого запаса времени. В остальных случаях рекомендуется использовать комбинированный подход: для съемки на месте происшествия использовать привычные методы съемки, при лабораторном изучении объекта использовать метод фокус-стекинга.

Завершая оценку технологии необходимо сказать, что помимо явных преимуществ перед традиционной съемкой метод имеет ряд ограничений: 1) артефакты наложения (Halo-эффект): на контрастных границах объектов при некорректной обработке могут возникать светлые ореолы [5]; 2) чувствительность к вибрациям: поскольку съемка серии кадров занимает время (от 30 секунд до нескольких минут), любая возникающая вибрация объекта или камеры приводит к смещению кадров и браку серии; 3) временные затраты: подготовка оборудования, съемка серии и постобработка требуют значительно больше времени, чем классическая съемка. Тем не менее, наличие технических ограничений не отменяет высокой экспертной ценности метода. Мы считаем внедрение данного метода необходимым шагом модернизации технико-криминалистического обеспечения. Это связано с тем, что метод позволяет: 1) устранить недостаточное количество информации, вызванный малой глубиной резкости; 2) избежать потери детализации из-за дифракции; 3) повысить доказательную ценность фотоматериалов за счет верифицируемости процесса.

Стоит рассмотреть применение данного метода с точки зрения Уголовно-процессуального кодекса. В нем четко сказано, что цифровая обработка не должна искажать содержание доказательств. Метод фокус-стекинга соответствует этому требованию. Он лишь визуализирует уже зафиксированную информацию без дорисовки деталей, отсутствующих в исходных кадрах. Данный способ допустим при условии приобщения к материалам дела исходных материалов (RAW-файлов серии) для возможности независимой проверки. Применение технологии в макросъемке представляет собой качественный этап в развитии технико-криминалистического обеспечения трасологических экспертиз. В отличие от традиционных методов, фокус-стекинг позволяет преодолеть фундаментальные ограничения физической оптики, при этом обеспечивая полную глубину резкости объемных объектов без потери разрешения из-за дифракции. Для полноценного внедрения фокус-стекинга в экспертную практику необходимо: 1) разработать и утвердить методические рекомендации, регламентирующие процедуру съемки, обработки данных и хранения исходных материалов; 2) обеспечить подготовку экспертов в области цифровой фотографии и постобработки; 3) внедрить требование обязательного сохранения исходной серии кадров вместе с итоговым стекированным изображением. Реализация этих мер позволит существенно повысить качество и обоснованность экспертных заключений, обеспечивая максимальную полноту фиксации идентификационных признаков макрообъектов.

Список литературы

1. Чечевица Л. Фокус-стекинг в фотографии: что это, зачем нужен и как его делать // Фотосклад.ру. URL: https://www.fotosklad.ru/expert/articles/fokus-steking-v-fotografii-cto-eto-zacem-nuzen-i-kak-ego-delat/.

2. Фокус-стекинг фотографий: что это и как пользоваться // Клуб DNS. URL: https://club.dns-shop.ru/blog/t-143-zerkalnyie-kameryi/91141-fokus-steking-fotografii-chto-eto-i-kak-polzovatsya/.

3. Топ-10 приемов focus stacking в стрит-портрете // Ru Design Shop. URL: https://rudesignshop.ru/blog/top-10-priyomov-focus-stacking-v-strit-portret/.

4. Топ-5 приемов focus stacking в предметной съемке // Ru Design Shop. URL: https://rudesignshop.ru/blog/top-5-priyomov-focus-stacking-v-predmetnaya-syomka/.

5. Фокус-стекинг в Photoshop: полное руководство для идеальной четкости // Gdefoto. URL: https://www.gdefoto.com/stati-o-obrabotke-fotografij/focus-stacking-v-photoshop/.

Исхакова Л. Р.[1],
курсант Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Горбулинская И. Н.,
заместитель начальника кафедры
технико-криминалистического обеспечения
экспертных исследований
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕСТ-ПОЛОСОК ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ «СТАРОЙ» КРОВИ

Как известно, следы крови в зависимости от степени давности их образования по прошествии времени подвергаются различным изменениям, связанным как изменениями в цветовом оттенке, так и его консистенции.

Цвет следа изменяется с ярко-алого или темно-красного на коричневый, кровь жидкой консистенции с течением времени свертывается, становится вязкой, в процессе высыхания образует твердые корочки, которые подвержены отслоению и растрескиванию [1].

Данные аспекты требуют применения специалистом современных химических методов как для обнаружения крови, так и для подтверждения что обнаруженный след вещества бурого цвета образован кровью. В качестве таких средств в практической криминалистике используются медицинские диагностические тест-полоски.

В отличие от традиционных методов определения наличия гемоглобина в объекте предварительного исследования (использование УФ-излучения, люминола, перекиси водорода), тест-системы минимизируют любое возможное воздействие на биологический материал, риск повреждения ДНК, содержащейся в следах [2], что позволяет в дальнейшем успешно провести ДНК-исследование.

Традиционно, для обнаружения следов крови используются тест-полоски Hemophan, производителем которых является Евросоюз, Чехия. Данные тест-системы предназначены для обнаружения крови в моче в медицинских целях и обладают высокой чувствительностью к гемоглобину крови [3]. Вместе с тем, они хорошо себя зарекомендовали и при работе как со «свежей», так и со «старой» кровью на вещественных доказательствах в ходе раскрытия и расследования преступлений.

---

[1] © Исхакова Л. Р., 2026.

В настоящее время на российском рынке криминалистической техники появляются новые тест-системы, эффективность которых в выявлении скрытых следов крови еще не установлена. В связи с этим не теряет актуальности проведение эксперимента, направленного на выявление следов «старой» крови, с применением новейших современных видов тест-систем. Для этого нами были закуплены тест-системы отечественных и зарубежных производителей следующих видов: Hemophan, Hexaphan, «Гемоскан», «Биоскан Пента», «Биоспенсор АН» и Dirui; подготовлены следующие объекты: фрагменты марли и хлопчатобумажной ткани с образцами крови, взятой из вены (*рис. 1–2*). Эксперименты на установление эффективности срабатывания тест-полосок на следы крови проводились через следующие промежутки времени: неделю, месяц, полгода.

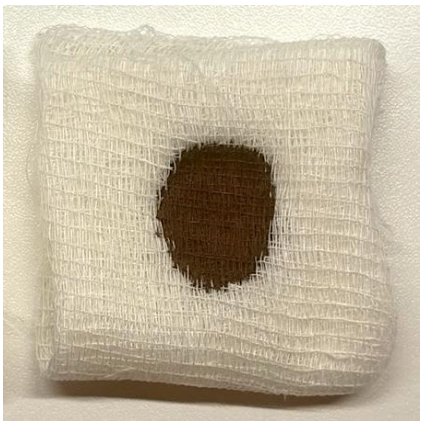

Рис. 1. Фрагмент марлевого бинта со следом крови

Рис. 2. Фрагмент хлопчатобумажной ткани со следом крови

В процессе исследования тест-полоски каждого вида прикладывались на 1–2 секунды к образцам крови по истечении вышеуказанных временных интервалов. По истечении 60 секунд, указанных производителями в качестве промежутка времени, достаточного для проведения достоверного исследования, индикаторные поля тест-полосок, содержащие особые реагенты, изменили свой первоначальный цвет на синий или бирюзовый (*рис. 3–4*).

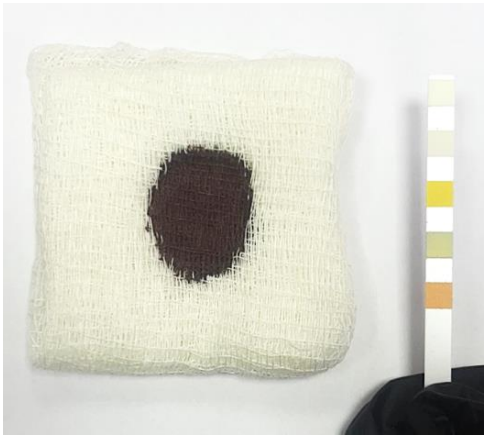

Рис. 3. Образец со следом крови месячной давности и тест-полоска до начала проведения эксперимента

Рис. 4. Результат проведения эксперимента

Данный факт указывает на наличие реакции реагента тест-систем с гемоглобином крови. Таким образом, в результате проведенного эксперимента нами было установлено, что реагенты всех тест-полосок вступили в реакцию с гемоглобином крови, содержащимся в исследуемых следах крови недельной, месячной и полугодовой давности (*рис. 5*).

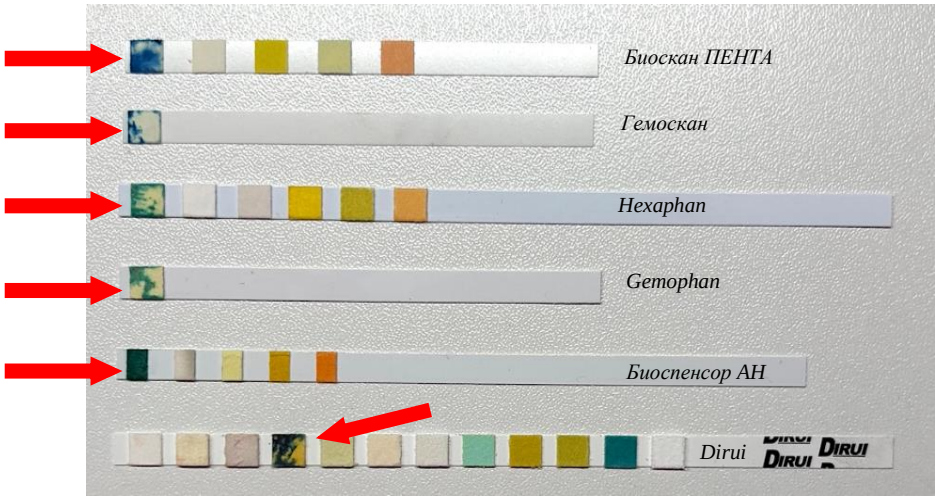

Рис. 5. Измененные цвета индикаторных полей тест-полосок в ходе проведения эксперимента

В ходе эксперимента индикаторные поля тест-полосок окрасились интенсивно даже при вступлении в реакцию со следами крови полугодовой давности; у тест-полосок Dirui индикаторное поле, реагирующее на кровь, расположено в середине, что затрудняет предварительное исследование, так как приходится сгибать тест-полоску ее для удобства ее применения.

Исходя из вышеперечисленного нами были сделаны следующие выводы:

– степень давности следа крови не влияет на интенсивность окрашивания индикаторных полей тест-полосок в результате проведения предварительного исследования, результат визуально заметен и нагляден;

– повышает удобство применение тест-полосок, у которых индикаторное поле, реагирующее на гемоглобин крови, расположено на краю полоски;

– продолжительный временной промежуток после контакта тест-полоски со следом крови не приводит к ложно-положительному результату.

Помимо этого, при проведении данного эксперимента было установлено, что реагенты индикаторных полей всех тест-полосок окрашивают следовоспринимающую поверхность со следом крови (*рис. 6*), что нарушает требования по сохранению следов специалистом в их первоначальном состоянии. Исходя из этого, мы предлагаем использовать ватную палочку, предварительно смоченную водой. В таком виде ее следует приложить к следу вещества бурого цвета с целью переноса на кончик ватной палочки форменных элементов крови, которые могут содержаться в следе (*рис. 7*).

Стоит уточнить, что медицинские анализы с применением тест-полосок направлены на точность устанавливаемого количества гемоглобина, миоглобина, контактных эритроцитов в моче, в связи с чем интенсивность измененного цвета, степень окраски тест-полосок (однотонная или пятнистая) напрямую указывает

на содержание определенного количества форменных элементов крови. Однако определение точного количества гемоглобина и миоглобина крови в следе не имеет существенного значения в экспертно-криминалистической деятельности, так как для специалиста важен лишь факт установления наличия в следе данных элементов, что дает возможность для дальнейшего их анализа, в том числе использования для ДНК-профилирования.

Рис. 6. Изменение цвета следа крови в месте контакта с индикаторными полями тест-полосок различных производителей

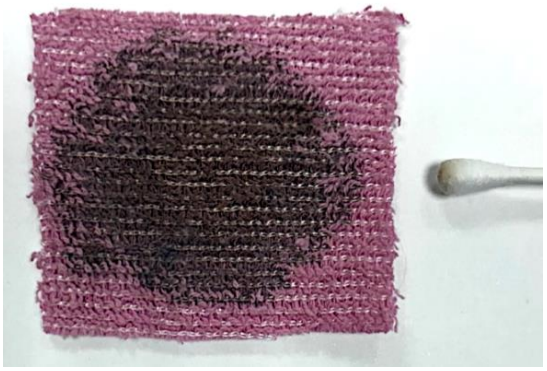

Рис. 7. Использование ватной палочки при предварительном исследовании следов крови

Подводя итоги вышесказанному, необходимо сделать вывод о том, что:

– диагностические тест-полоски различных производителей (Hemophan, Hexaphan, «Гемоскан», «Биоскан Пента», «Биоспенсор АН», Dirui) вступают в реакцию с гемоглобином, миоглобином, содержащимися в следах крови разной степени давности (максимальное время, прошедшее с момента образования пятна, составляет шесть месяцев);

– позволяют получать наглядный, быстрый и достоверный результат, на который не влияют продолжительные временные интервалы с момента образования следов крови.

Таким образом применение исследуемых средств в качестве современных технико-криминалистических имеет основополагающее значение в выявлении следов «старой» крови, которые впоследствии будут изъяты и направлены в качестве объектов экспертизы на ДНК-исследование.

Список литературы

1. Леонова Е. Н. Власюк И. В. Нагорнов М. Н. Изменение следа капли крови в первые сутки после образования // Дальневосточный медицинский журнал. 2016. № 2. С. 80–83.

2. Гутникова О. И. Современные способы обнаружения следов крови // Закон и право. 2021. № 2. С. 140–141.

3. Тест-полоски Гемофан (Hemophan) № 50 – эритроциты и гемоглобин // Диа-Пульс. URL: https://diapuls.ru/product/test-poloski-gemofan-hemophan-50/.

Штапурина М. В.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Полянская Е. П.,
старший преподаватель
кафедры информационной безопасности
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АНТИФРОД И ПРИЧИНЫ УСПЕШНОГО ОБХОДА МНОГОФАКТОРНОЙ АУТЕНТИФИКАЦИИ

В условиях быстрого и постоянного совершенствования методов борьбы с кибермошенничеством, нечестными транзакциями, а также своевременного устранения угроз идентификационной безопасности не только частные компании, но и государственные органы сталкиваются с новыми видами мошенничества, включающие в себя фишинг, кардинг, фейковые установки и другие различные методы, направленные на кражу денег или данных. Для противостояния указанным преступлениям и обеспечения информационной безопасности МВД России, Минцифры и ФСБ России совместно с такими федеральными органами, как Генпрокуратура и Следственный комитет Российской Федерации разрабатывают новые способы, направленные на ужесточение мер в отношении лиц, совершающих противоправные действия, связанные с получением незаконной выгоды, а также создание и усиление систем, обеспечивающих безопасность государственной инфраструктуры и частных предприятий.

Одними из самых популярных преступных действий в сфере информационных технологий, с которым ведется борьба не только в банковской сфере, но и интернет-маркетинге, является фрод. Данный вид мошенничества направлен на кражу денег или данных с помощью разных схем, несанкционированных

[1] © Штапурина М. В., 2026.

действий, неправомерного пользования предоставленными ресурсами, а также ввода, удаления или других различных модификаций информации, работы средств обработки или передачи сведений. Стоит отметить, что в отдельных сферах фрод может иметь более конкретное определение.

Например, в маркетинге – это поддельный трафик, то есть количество посетителей на интернет-ресурсе, который генерируют недобросовестные подрядчики с целью обмануть заказчика, в роли которого выступает владелец сайта или интернет-магазина. В e-commerce, электронной коммерции, фрод подразумевает действия, направленные на кражу средств у покупателя, интернет-магазина или у обоих сразу. Более того, совершение подобных IT-преступлений является довольно распространенным – по данным Juniper Research, одной из самых крупных аналитических компаний, только в 2025 г. показатель потерь денежных средств в результате интернет-мошенничества вырос на 162 % по сравнению с базовым уровнем, который, в свою очередь, оценивается в 10,4 млрд долларов [1].

В сфере деятельности государственных органов и организаций, обеспечивающих не только общественную безопасность, но и благоприятную жизнедеятельность людей, также присутствует фрод, направленный, в данном случае, на сбор личной информации, конфиденциальных данных и получение какой-либо незаконной выгоды путем использования уязвимостей федеральных систем. Масштабы ущерба от такого информационного мошенничества могут оцениваться не только денежными средствами, но и угрозой утечки информации, представляющей особую важность для государства, раскрытие и распространение которой в худшем случае может привести не только к сбою работы информационных комплексов, но и к использованию украденных данных против правительства и общества в целом, что, в свою очередь, приводит к угрозе государственной безопасности.

В целях недопущения такой опасности, а также для минимизации и устранения ущерба от мошенничества, различные компании создают и разрабатывают специальные системы, методы и действия, помогающие обнаружить фрод. Более того, применение данных технологий во многом обеспечивает безопасность и интернет-сайтов различных магазинов, и сохранность данных на платформах государственных структур. Такие системы и методы имеют название «антифрод», которое можно интерпретировать как собирательное наименование любых действий, направленных на выявление и обнаружение, а также предотвращение интернет-мошенничества, то есть фрода [2].

Российское государство в настоящее время во многом заинтересованно в защите и обеспечении собственной безопасности. Одним из начальных этапов достижения поставленной цели является принятие Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В первой статье документа указано, что для оперативного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и правонарушений, осуществляемых в цифровой среде и с использо-

ванием информационных и коммуникационных технологий создается единая государственная информационная система противодействия данным незаконным действиям, а также указываются государственные органы, которые будут иметь доступ к сведениям и являться пользователями платформы [3]. Кроме того, в декабре 2025 г. по итогам стратегической сессии «О борьбе с кибермошенничеством» Председатель Правительства России М. В. Мишустин дал поручение о разработке и представлении проекта документа стратегического планирования по противодействию правонарушением, совершаемым с использованием информационных технологий, который, кроме того, подразумевает создание государственной системы ГИС «Антифрод», предназначенной для сбора и анализа данных, содержащих сведения о совершении мошеннических действий на платформе, сайте или другом интернет-ресурсе. Над подготовкой данной программы уже работают такие государственные органы, как МВД России, Минцифры, ФСБ России. Более того, принимают участие в разработке Банк России, Генпрокуратура и Следственный Комитет совместно с другими заинтересованными органами [4]. Стоит отметить, что сроком, обозначенным для оформления единой платформы «Антифрод» и формирования федерального оперативного штаба по противодействию интернет-мошенникам, является 2 марта 2026 г. – к этому времени цифровые комплексы смогут применять новую систему в целях защиты от противоправных действий.

Следует подчеркнуть, что преступлений, совершаемых с использованием информационных и коммуникационных систем с каждым годом становится все больше, поэтому создание качественного алгоритма защиты и обнаружения фрода на платформах подразумевает изучение и анализ проблем, связанных с успешностью обхода уже разработанных методов по выявлению действий, вызывающих подозрение.

В настоящее время типовая архитектура антифрод-защиты состоит из трех ключевых компонентов. Во-первых, она включает в себя систему обнаружения мошенничества, которая анализирует входящие данные и присваивает каждой операции на платформе определенный уровень риска. Во-вторых, система предотвращения мошенничества, на основе составленных оценок, принимает одно из решений, к примеру, заблокировать пользователя, провести дополнительную проверку, разрешить доступ к данным или позволить совершить операцию. Заключительной является система анализа, которая накапливает данные о подтвержденных случаях мошенничества и передает их обратно в систему, благодаря чему впоследствии происходит обучение моделей и корректировка правил [5]. После обработки информации начинается процесс принятия решения, которое зависит от полученного результата. Например, если операция, совершаемая на платформе, типична для обычного пользователя, она не вызывает подозрений и одобряется. В случае, когда программой обнаружена активность, не соответствующая стандартному сценарию развития событий, выполняется дополнительная проверка: звонок от банка, запрос подтверждения или всеми известные картинки, с которых необходимо написать определенные символы, ввод дополнительного пароля или шифрованных фраз. Если же ситуация полностью отличается от типичного поведения конкретного пользователя на плат-

форме, и возникает большая вероятность мошенничества, то антифрод-защита полностью блокирует подозрительное действие, а дальнейшие события происходят в рамках выяснения обстоятельств. Один из примеров предотвращения возможной опасности – запрет транзакции, если была попытка снять крупную сумму денег в регионе, где клиент никогда не был.

Более того, в условиях постоянного развития информационных технологий антифрод-разработчики своевременно обучают и обновляют созданную систему. В своей работе комплекс использует комбинацию различных способов и современных решений в области искусственного интеллекта, которые при правильном применении обеспечивают многоуровневую защиту тех или иных интернет-платформ. Основами, позволяющими быстро реагировать на уже известные угрозы по четким алгоритмам, являются классические методы: метод правил (rule-based) и балльный метод (score-based) [2]. Первый подразумевает использование уже заранее прописанных в программе действий на ту или иную операцию или схем мошенничества, к примеру ограничение на максимальную сумму одного перевода, блокировку операций с подозрительного IP-адреса, для которых, более того, может быть прописан отдельный «черный список», а также производить запрет на использование большого количества карт с одного аккаунта. Второй, бальный метод, подразумевает присвоение каждому критерию, такому как устройство, с которого совершались подозрительные действия, местоположение, сумма транзакции, своего «балла» – чем он выше, тем больше вероятность мошенничества.

Более того, с развитием искусственного интеллекта используются методы машинного обучения и анализа данных. Разработка и обновление систем с использованием указанных технологий позволяет антифроду выявлять заранее неизвестные схемы мошенничества и адаптироваться к непривычным угрозам. Кроме этого, система применяет в своей работе поведенческий анализ пользователя и выявление аномалий, в данном случае действий, нетипичных для определенного клиента. Система идентифицирует устройство, с которого происходит вход, поскольку мошеннические действия в большинстве случаев совершаются с новых девайсов или с таких, которые ранее не использовались конкретным человеком, а также определяет геолокацию – резкая смена страны при переводах или других операциях может свидетельствовать о наличии фрода. Более того, происходит и анализ сумм транзакций – крупные переводы и необычные траты пользователя указывают на большую вероятность мошенничества. Стоит отметить, что система проверяет и цепочку операций, совершенную пользователем, поскольку частая смена валют является одним из признаков фрода [6]. Таким образом, для выявления и предотвращения мошеннических действий на интернет-платформах различных компаний, организаций и государственных структур антифрод-разработчики применяют методы, которые не только позволяют по заранее заданным алгоритмам выявить мошенничество, но и обеспечивать безопасность, даже если ситуация не является стандартной.

Обнаружить фрод и не допустить предоставление доступа злоумышленникам к данным помогает многоуровневая защита, одной из которых является многофакторная аутентификация (MFA). МФА включает несколько уровней проверки

безопасности и представляет собой метод защиты учетной записи, который требует от пользователя подтвердить свою личность с помощью двух или более способов перед тем, как предоставить возможность использовать необходимую клиенту информацию. Стандартный вариант подобной проверки предлагает кроме основного пароля и логина ввести код из СМС-сообщения или звонка, секретное слово, а также дополнительный ключ [7]. Кроме этого, система при производстве подобной аутентификации «следит» за поступками пользователя: какие действия он предпринимает, являются ли они подозрительными или, наоборот, стандартными, чтобы в случае обнаружения опасности сразу заблокировать доступ к данным. Даже в случае успешного прохождения дополнительных проверок антифрод может передать информацию об аномалии в центр обеспечения безопасности организации, на платформе которого были зафиксированы данные действия, чтобы обеспечить контроль за дальнейшими операциями пользователя.

К примеру, если цель мошенника – купить товары в интернете и воспользоваться при этом украденными банковскими картами, он создает нужное количество аккаунтов и, соответственно, оплачивает покупки, в результате чего ущерб может быть нанесен и настоящим обладателям денежных средств, и руководителям организации. При совершении подобных действий включаются алгоритмы антифрода, направленные на то, чтобы помешать преступнику совершить задуманные операции, главным образом через многофакторную аутентификацию.

Для начала система проводит первичную проверку, которая включает в себя анализ суммы перевода и платежа, местоположение устройства, количество карт, с которых один человек совершает покупки за определенное время [2]. Соответственно, если какой-то из критериев вызывает у системы подозрение, она направляет пользователя на дополнительную проверку: кроме основного пароля ввести дополнительный или принять СМС-сообщение с кодом подтверждения. Более того, современная многофакторная аутентификация включает в себя и такие технологии, как считыватели отпечатков пальцев, обработки голосовой связи и распознавания сетчатки глаза или лиц [8]. Таким образом, МФА является одним из методов антифрод-защиты и применяется в большинстве случаев для обеспечения безопасности входа и получения доступа к данным, а также предотвращения возможных преступлений.

Следует отметить, что несмотря на новые средства защиты количество правонарушений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, довольно высокое. Это свидетельствует о том, что одновременно с совершенствованием систем обеспечения безопасности информации прогрессируют и способы обхода заданных алгоритмов. Более того, поскольку многофакторная аутентификация в системах антифрод – это один из основных способов защиты данных, то успешность ее обхода является причиной медленного снижения преступлений в информационной сфере. Для того чтобы предотвратить инциденты, необходим анализ и исследование факторов допущения подобных ошибок.

С момента создания многофакторной аутентификации кибермошенники постоянно разрабатывают новые методы ее обхода. Один из вариантов атаки – ис-

пользование промежуточного посредника (Adversary in the Middle, или AiTM). Данный метод используется не только для обхода многофакторной аутентификации, но и других продвинутых мер защиты, таких как TLS/SSL шифрование [9]. Базовый принцип работы атаки следующий: злоумышленники отправляют пользователю фишинговое сообщение со ссылкой, содержащей в себе интерфейс и информацию официальной страницы какого-либо сайта. Далее, когда клиент переходит на вредоносную страницу, срабатывает такой же сценарий поверки, как на легитимном сервере: ввод первичного пароля и логина. Данные с поддельной страницы отправляются официальной платформе, где после получения верной информации происходит дополнительная проверка – СМС-уведомление с кодом, звонок или шифрованное слово. Копия запроса направляется на вредоносный сервер, где пользователь, в свою очередь, вводит новые верные данные, которые, аналогично прошлой информации, направляются на легитимный сайт, вследствие чего происходит успешный допуск кибермошенника к личным материалам клиента [10]. Стоит отметить, что современные AiTM-атаки используют готовые шаблоны веб-страниц и различные сценарии для кражи кодов. Таким образом, одной из причин обхода многофакторной аутентификации является использование системами защиты технологии резервного копирования данных, а также способов входа, которые включают в себя применение старых и неэффективных методов проверки, чем, в свою очередь, пользуются злоумышленники [10].

Другим популярным средством получения доступа мошенниками считается атака понижения аутентификации (Downgrade) или, по-другому, версии протокола. Она представляет собой вмешательство злоумышленника в соединение между двумя узлами сети Wi-Fi, к примеру, в систему «браузер – веб-страница», которое вынуждает использовать незащищенное соединение, в результате клиент переводится на менее безопасный метод аутентификации [11]. То есть, мошенник создает поддельную точку доступа, к которой подключается пользователь, и предлагает ему методы аутентификации в обратном порядке. Причинами успешности проведения подобных схем является использование устаревших алгоритмов шифрования. Например, метод Downgrade WPA3-Transition Mode (переход в режим пониженной защиты WPA3) представляет собой захват точек доступа в режиме совместимости WPA3 и WPA2 (протоколы безопасности, обеспечивающие защиту и беспроводное шифрование), что позволяет уменьшить защищенность сети в результате перехода с более современного решения на менее, использование которого облегчает получение доступа к данным и позволяет обойти многофакторную аутентификацию [12].

Таким образом, успешность проведения атак мошенниками, несмотря на систему защиты, может происходить вследствие понижения версии протокола, поскольку менее надежные решения позволяют перехватывать данные и использовать их в противоправных целях.

Кроме того, для обхода МФА злоумышленники могут использовать такие программные обеспечения, как кейлоггер, к примеру, при взломе аппаратных токенов – физических устройств, хранящих криптографические ключи, используемые для аутентификации [13]. Подобный перехват вводимых данных обес-

печивает временный доступ к информации, а также дает возможность предугадывать значения паролей для прохождения подтверждения. В результате кейлоггинга происходит запись каждого нажатия клавиши на компьютере, что позволяет злоумышленникам собирать личные данные, а также коды от различных аккаунтов, паспортные данные или сведения банковских счетов. Стоит отметить, что вредоносная программа, производящая описанный мониторинг на ноутбуке или ПК, может быть скачана со сторонних ресурсов или фишинговых страниц, которые посещал пользователь или устанавливал на них какие-либо файлы.

Один из вариантов взлома аппаратных токенов с помощью кейлоггинга происходит следующим образом: человек подключает устройство к своему рабочему девайсу, начинает процесс входа в учетную запись, осуществляет ввод пароля, который, в свою очередь, фиксирует вредоносная программа и передает сведения злоумышленнику. Более того, часто производится и перехват одноразового кода при его генерации токеном, который пользователь вводит на клавиатуре. В результате описанных событий мошенник имеет возможность входа в систему, поскольку обладает всеми необходимыми данными. Таким образом, обход многофакторной аутентификации происходит и благодаря таким вредоносным программам, как кейлоггеры, которые довольно часто используют злоумышленники для перехвата не только вводимых PIN-кодов, но и записи одноразовых паролей, которые, в теории, должны обеспечивать надежную защиту информации.

Исходя из выше приведенных примеров обхода многофакторной аутентификации, являющейся основным методом защиты личных данных пользователей, используемым в антифрод-системах, а также причин успешности проведения подобных схем, следует отметить, что при разработке алгоритмов качественного обеспечения информационной безопасности необходимо учитывать современные подходы к производству кражи данных и паролей, а также факторы удачного прохождения многоуровневой защиты мошенниками. Например, в ГИС «Антифрод», разработанной при участии МВД России и других государственных органов, для защиты конфиденциальной информации и предотвращения несанкционированного доступа к сведениям в добровольном порядке используется единая биометрическая система, а идентификация продавцов происходит через Госуслуги [8]. Такие меры позволяют предотвратить возможные киберпреступления и обеспечить безопасность доступа к сервисам. Более того, информационная система в своей работе уже использует ИИ-алгоритмы для быстрого анализа операций и распознавания фрода.

Таким образом, в сфере защиты данных и предотвращения киберпреступлений, одним из которых является мошенничество с использованием информационных систем и коммуникационных технологий, органами внутренних дел разрабатываются не только новые методы раскрытия подобных правонарушений, но и принимаются решения в области создания технологий и программ, отвечающих современным требованиям по предотвращению противоправных действий. Так, ГИС «Антифрод», разработанная по поручению правительства и во многом удовлетворяющая актуальным стандартам по обеспечению безопасности, может гарантировать качественное взаимодействие государственных орга-

нов и структур, а также повлиять на успешность совершения всех видов фрода, включая обход многофакторной аутентификации.

Список литературы

1. Digital Goods Fraud to Cost eCommerce Merchants $27 Billion Globally by 2030 as AI Tools Accelerate Attacks // Juniper Research. URL: https://www.juniperresearch.com/research/fintechpayments/fraudsecurity/ecommerce-fraud-prevention-research-report/.

2. Антифрод-системы (Anti-fraud) // Энциклопедия: проект «Лаборатории Касперского». URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/antifraud/.

3. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/.

4. Новые меры для защиты от кибермошенников : информация Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413678858/.

5. Сенников А. Что такое антифрод-система и как она работает // Frank Media. URL: https://frankmedia.ru/208475.

6. Легранд И. А. itmo_sherlock-fraud // GitHub. URL: https://github.com/INLAE/itmo_sherlock-fraud.

7. Что такое многофакторная аутентификация? // Лаборатория Касперского. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/multi-factor-authentication.

8. Джат Ю. ГИС «Антифрод»: как будет работать программа для борьбы с кибермошенничеством // Ростелеком. URL: https://blog.rt.ru/b2c/gis-antifrod-kak-budet-rabotat-programma-dlya-borby-s-kibermoshennichestvom.htm.

9. Talevski N. Understanding the Adversary-in-the-Middle Attack – How It Works and How to Defend Against It // Security Awareness, Security information. 2023. URL: https://www.hornetsecurity.com/en/blog/adversary-in-the-middle-attack/.

10. Каминский С. Как техника Adversary-in-the-Middle применяется в целевых фишинговых атаках // Лаборатория Касперского. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/what-is-aitm-in-spearphishing-attacks/37996/.

11. Технологии, которые держат мир на связи. Как атакуют современный Wi-Fi // Positive Technologies : канал на сайте «Хабр». URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/961066/.

12. Downgrade-атака (атака с понижением версии протокола) // Энциклопедия: проект «Лаборатории Касперского». URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/downgrade-attack/.

13. Аппаратные токены безопасности: полное руководство по выбору и использованию // SecurityLab. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/561537.php.

РАЗДЕЛ XXI. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Зимина Е. И.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Меняйло Д. В.,
профессор кафедры
специальных информационных технологий
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В условиях стремительной цифровизации общества информационное пространство становится ключевой ареной геополитического и социального противостояния. Глобальная сеть Интернет, изначально задуманная как инструмент свободного обмена знаниями, к сожалению, трансформировалась и в мощную платформу для распространения деструктивных идеологий. Популярные мессенджеры и соцсети превратились в площадки по осуществлению экстремистской деятельности [5]. Деструктивные организации демонстрируют высокую адаптивность к цифровым реалиям, эффективно эксплуатируя возможности социальных сетей и мессенджеров для вербовки сторонников, финансового обеспечения и координации действий, используя при этом анонимность, трансграничный характер и высокую проникающую способность киберпространства.

Анализ правоприменительной статистики свидетельствует о значительном росте числа преступлений экстремистской направленности. Так, по ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) количество

[1] © Зимина Е. И., 2026.

зарегистрированных преступлений увеличилось с 367 в 2023 г. до 532 в 2024 г., что составляет рост на 45 %. По ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства) зафиксировано двукратное увеличение: с 71 случая в 2023 г. до 144 в 2024 г. (рост на 103 %) [9]. За первые 11 месяцев 2025 г. суды рассмотрели 989 уголовных дел об экстремизме, вынеся приговоры в отношении 1 251 лица [3]. Количество преступлений экстремистского характера повысилось на 20 % по сравнению с 2024 г. [5]. Данная динамика указывает на активизацию противоправной активности в информационно-коммуникационной сфере и подтверждает актуальность совершенствования механизмов раннего выявления и профилактики экстремистских проявлений в цифровой среде.

Под экстремизмом понимают деятельность, направленную на дестабилизацию государства и общества, включающую в себя насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности, оправдание терроризма, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности и неполноценности человека. К данной деятельности также относятся нарушение прав граждан по дискриминационным признакам, воспрепятствование законной деятельности государственных органов с применением насилия, использование нацистской или экстремистской символики, публичные призывы к указанным действиям и распространение экстремистских материалов, включая организацию, подготовку и финансирование этих деяний [11]. Понятие «экстремизм» можно трактовать как идеологию, пропагандирующую принципы нетерпимости, обоснование насилия к инакомыслящим, легитимацией насилия ради различных целей, ключевым признаком которой является «система идей, взглядов являющимися крайне радикальными» [4].

В теории политических учений выделяют следующие формы экстремистской деятельности: политическая, экономическая, религиозная, этнополитическая, экологическая, информационная и др. [8]. Таким образом, можно сказать, что экстремизм представляет собой многомерный социально-политический феномен, способный проявляться в различных сферах общественной жизни. Информационная форма экстремизма приобретает наибольшую актуальность в условиях цифровизации, поскольку служит универсальным инструментом трансляции радикальных идей во всех остальных сферах. Это обусловливает необходимость применения специализированных технологических решений для нейтрализации деструктивного контента независимо от его идеологической направленности.

Современная архитектура противодействия распространению экстремистских материалов в цифровом пространстве базируется на четырех взаимодополняющих направлениях: законодательном, организационном, техническом и информационно-просветительском. Законодательные меры включают в себя ответственность за участие в экстремистской деятельности и обязательства платформ по удалению противоправного контента. Организационное направление предполагает создание специализированных подразделений в правоохранительных органах и отделов модерации в IT-компаниях. Технические меры охватывают блокировку сайтов и аккаунтов, удаление экстремистского контента и внедрение систем автоматического обнаружения запрещенных материалов. Информаци-

онно-просветительские меры направлены на повышение осведомленности об угрозах экстремизма и развитие медиаграмотности и критического мышления у пользователей [2, с. 117].

Эффективность реализации технического направления противодействия экстремизму в сети Интернет предопределяет необходимость предварительной классификации объектов анализа. Цифровой информационный поток характеризуется высокой гетерогенностью, что требует дифференцированного подхода к методам детекции и верификации контента. В рамках выявления признаков экстремистской деятельности в цифровой среде необходимо определить четыре базовых типа анализируемых данных, а именно текстовый, графический, аудиальный и видеоинформацию. Каждых из представленных типов имеет свои семантические и структурные особенности. Например, при анализе текстовой информации применяются технологии, основанные на методах обработки естественного языка. При обработке визуальной информации применяется технология компьютерного зрения. При работе с аудиальной и видеоинформацией необходимо производить как конвертацию звукового ряда, так и деление видеоряда на кадры для проведения анализа по описанным выше технологиям. Архитектура инструментов для идентификации экстремистских материалов, основанных на технологии искусственного интеллекта, базируется на двух методологических подходах, таких как сопоставление и классификация. Первый метод использует технику хеширования, преобразующую элементы контента в уникальные цифровые отпечатки, затем происходит сравнение с базой ранее верифицированных материалов. Второй подход опирается на машинное обучение и обработку естественного языка, где система обучается на заранее заготовленных материалах для предсказания принадлежности нового контента к категориям нарушений [2, с. 115].

В Российской Федерации активно развивается сегмент систем поиска информации. На рынке присутствуют специализированные программные комплексы, такие как СЕУС, «Крибрум» и «Демон Лапласа», каждый из которых обладает уникальным функционалом. Функционал рассмотренных систем можно резюмировать следующим образом:

1. СЕУС фокусируется на прогнозировании рисков для государственной инфраструктуры, построении графов сетевых взаимосвязей и создании детализированных цифровых профилей на основе мультимодальных данных.

2. АО «Крибрум» разработало экосистему специализированных инструментов для автоматизированного выявления экстремизма в цифровой среде. Комплекс состоит из четырех модулей, решающих разноплановые задачи мониторинга.

3. Платформа «Крибрум.ПРО» осуществляет глобальный скаутинг медиапространства, анализируя тональность дискуссий и картографируя каналы распространения запрещенных материалов.

4. Инструмент «Крибрум.Зеркало» специализируется на сетевой аналитике, он реконструирует цифровые профили и визуализирует скрытые связи внутри деструктивных сообществ для выявления организаторов и вербовщиков.

5. «Крибрум.Поиск» обеспечивает навигацию по неструктурированным данным, отслеживая первоисточники контента и фиксируя мультимедийные угрозы.

6. Модуль «Крибрум.Пушкин М» фокусируется на предиктивной аналитике, оценивая психоэмоциональный фон общества и моделируя сценарии социальной дестабилизации [2, с. 116].

7. «Демон Лапласа» (модуль «Инсайдер») предназначен для глубокого анализа мессенджеров: деанонимизации профилей, семантического поиска в закрытых чатах, построения социограмм и мониторинга критических событий в онлайн-режиме [7].

Параллельно с коммерческими решениями государственные ведомства реализуют проекты по созданию специализированных ИИ-комплексов. Роскомнадзор внедрил систему «Окулус», ориентированную на распознавание визуального контента с применением технологий компьютерного зрения, и систему «Вепрь», анализирующую текстовые данные для прогнозирования информационных угроз. Производительность «Окулус» позволяет обрабатывать свыше 200 тыс. изображений ежесуточно. МВД России развивает системы «Клон» для детекции синтезированных видеоизображений и «Конъюнктура» для моделирования сценариев реагирования на чрезвычайные ситуации. Данные разработки функционируют в связке, обеспечивая комплексный мониторинг текстовой и визуальной информации [2, с. 117].

Несмотря на высокую точность гибридных моделей, автоматизированные системы детекции сталкиваются с рядом ограничений, например, происходят ложные срабатывания при анализе цитирования или сатирического контента, существуют уязвимость к адверсарным атакам (намеренное искажение текста для обхода фильтров). Следовательно, необходимо выявить характерные признаки описанных выше ограничений и постараться устранить их. Актуальным остается осуществление проверочных мероприятий человеком.

Одним из элементов профилактики экстремизма выступает институт кибердружин. Киберждружины представляют собой добровольческие объединения, участники которого выявляют и фиксируют противоправный контент в социальных сетях, далее передают информацию в правоохранительные органы. География движения охватывает множество регионов России. Профессиональную подготовку кадров ведут профильные вузы, включая университеты МВД России в Белгороде и Краснодаре, а также государственные университеты Волгограда и Ростова-на-Дону [6, с. 240].

Стоит отметить, что актуальным остается вопрос законности использования технологий для осуществления поиска экстремистской информации. В июле 2025 г. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях внесена статья, по которой граждане могут быть привлечены к ответственности за умышленное осуществление поиска в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» заведомо экстремистских материалов, в том числе использование программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен [10, ст. 13.54]. Статья устанавливает ответственность за сам факт поиска «заведомо экстремистских материалов», не дифференцируя цели и не требуя наступления противоправных последствий. Учитывая объем федерального списка экстремистских материалов (5 000+ позиций) и несовершенство поисковых алго-

ритмов, даже нейтральные запросы (например, «азбука») могут привести к выдаче ссылок на запрещенный контент, что создает риски привлечения к ответственности за действия, совершенные без умысла и общественно опасного результата [1]. В таком случае остается актуальным вопрос доказывания умысла и определение субъекта нормы права.

Таким образом, информационные технологии являются необходимым инструментом противодействия экстремизму в условиях роста цифровой преступности. Однако эффективность систем мониторинга бывает ограничена техническими уязвимостями и правовым регулированием. Для обеспечения национальной безопасности требуется синергия совершенствования алгоритмов детекции и сбалансированного законодательства, гарантирующего защиту прав граждан.

Список литературы

1. Адвокаты проанализировали поправки об ответственности за поиск экстремистских материалов // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-proanalizirovali-popravki-ob-otvetstvennosti-za-poisk-ekstremistskikh-materialov/.

2. Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128.

3. В России в 2025 году более 1,2 тыс. человек осудили за экстремизм // ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26084415.

4. Гаужаева В. А. Понятие идеологии экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 2. С. 53–55.

5. МВД: популярные мессенджеры и соцсети стали площадками для продажи наркотиков // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/26596105.

6. Меняйло Д. В., Лебедева К. К., Тарасенко А. А. и др. Противодействие противоправному контенту в сфере обеспечения безопасности объектов транспортной инфраструктуры // Аграрное и земельное право. 2025. № 11. С. 239–243.

7. Меняйло Д. В., Назаренко И. С. Об особенностях отечественных автоматизированных систем по выявлению деструктивного контента в открытом сегменте сети Интернет // Охрана, безопасность, связь. 2026. № 11-1. С. 180–185.

8. Кабанов Р. М. Основные проявления экстремизма в России (теоретико-правовые аспекты) // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 43–48.

9. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел // Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

11. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

Посашков А. С.[1],
заместитель командира взвода
факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
Новикова Е. А.,
начальник кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

По статистике за 2025 г. количество преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано приблизительно на 12 % меньше, чем в 2024 г., тяжких и особо тяжких – приблизительно на 5 %. Количество краж в данной сфере снизилось на 24 %, мошенничеств – на 9 %, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 42 % [1].

Но ущерб от IT-преступлений за первые семь месяцев 2025 года увеличился на 16 % (достиг 119,6 млрд рублей). Таким образом, согласно статистике, количество преступлений в информационной среде за последние три года выросло более сфере чем источник на треть. Существенно возросли такие преступления: мошенничество, кража и преступления в сфере компьютерной информации [2].

Современная модель построения цифрового общества неразрывно связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как в рабочей среде людей, так и в процессе их иной жизнедеятельности. Данное явление продемонстрировало ряд негативных моментов, связанных со злоупотреблением ими со стороны преступников. В целях предотвращения причин и условий, способствующих совершению преступлений данной категории, перед субъектами профилактической деятельности поставлены задачи по выработке системы мер специального характера.

Предупреждение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, специфично и имеет явные отличия от иных преступлений как в системе применяемых мер предупредительного воздействия, так и непосредственно в субъектах профилактики. Наиболее распространенные специальные меры предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, задей-

[1] © Посашков А. С., 2026.

ствованы в системе «Антифрод», представляющей собой программные комплексы, главная цель которых состоит в предупреждении мошеннических операций [1].

По статистике за 2025 г. количество преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано на 12 % меньше, чем в 2024 г., тяжких и особо тяжких – на 5 %. Количество краж в данной сфере снизилось на 24 %, мошенничеств – на 9 %, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 42 % [2].

Но ущерб от IT-преступлений за первые семь месяцев 2025 г. увеличился на 16 % (достиг 119,6 млрд рублей). Таким образом, согласно статистике, количество преступлений в информационной среде за последние три года выросло более чем на треть. Существенно возросло количество таких преступлений как мошенничество, кража и преступления в сфере компьютерной информации [3].

Наибольшая активность совершения данных видов преступлений произошла в III квартале 2024 г. На сегодняшний день наблюдается позитивная динамика снижения числа преступлений в сфере компьютерной информации. Вышеизложенная статистика заставляет совершенствовать инструменты защиты.

Колебания, происходящие в статистике, подтверждают, что преступники быстро адаптируются к введенным мерам, и для борьбы с ними требуются меры нового поколения. Главным инструментом борьбы с киберпреступлениями должен стать пакет инициатив «Антифрод 2.0». Рассмотрим основные положения предложенной инициативы:

1. Самозапрет на входящие вызовы с зарубежных номеров. Преимущества заключаются в защите от международного телефонного спама и мошенничества, а также снижают нагрузку на «Антифрод» за счет сокращения трафика. Недостатки заключаются в необходимости настройки данной услуги пользователем, имеющим за границей родственников или знакомых. Данная эффективная превентивная мера носит добровольный характер. Она полезна для тех лиц, кто не ждет звонков из-за рубежа. Основной недостаток заключается в трудностях информирования населения о такой возможности.

2. Маркировка операторами связи международных звонков. Позволяет абоненту сразу идентифицировать место и источник вызова, создает трудности для преступников, использующих социальную инженерию. Главный недостаток – в адаптации преступников и убеждении жертвы, что маркировка является техническим сбоем или проверкой связи.

3. Ведение детских сим-карт. Основная функция данного нововведения заключается в ограничении функционала стандартной сим-карты. Ее нельзя будет использовать для привязки кредитных карт, возможной регистрации на различных сайтах, оформления микрозаймов.

4. Запрет на размещение за рубежом виртуальных телефонных станций. Обязательное использование Единой системы идентификации и аутентификации абонентов.

5. Использование РКН информационной системы данных о страновой принадлежности IP-адресов. Данный пункт направлен на получение данных Роскомнадзором о том, в каких координатах расположены IP-сети. Необходимо

расширить список сведений, которые операторы связи, владельцы сетей, организаторы распространения информации в интернете, а также владельцы ряда компьютерных устройств обязаны передавать в ведомство. В дополнение к прежним требованиям также необходимо предоставлять сведения об используемых сетевых адресах (в том числе, если пользователь использует VPN-сервис).

На основе вышеизложенных данных будет создана и регулярно актуализироваться официальная база геолокации IP-адресов на территории Российской Федерации. Операторы и владельцы интернет-ресурсов будут вправе также применять ее для автоматической генерации списка блокировок и ограничений. Внедрение данной базы способствует синхронизации цифровой границы государства с реальными территориями Российской Федерации.

6. Внесудебная блокировка фишинговых сайтов и мошеннических порталов. Главное преимущество заключается в скорости принятия решения: «срок жизни» фишинговых и мошеннических кампаний сокращается с недель до считанных часов. Основной недостаток – риски ошибочных блокировок легитимных ресурсов по жалобам конкурентов или из-за взлома. Необходимо установление и закрепление эффективной процедуры восстановления доступа для добросовестных пользователей.

7. Отказ от восстановления доступа к «Госуслугам» по СМС. Инструмент позволяет ликвидировать самый уязвимый канал – перехват СМС или социальную инженерию. Биометрия и приложения банков способны многократно повысить безопасность восстановления доступа. Основной недостаток – сложность обучения пожилых людей и жителей удаленных районов.

8. Ограничение банковских карт (до 20 на человека). Это усложняет жизнь дропперам и лицам, осуществляющим незаконную легализацию денежных средств. Размещение крупных сумм преступного происхождения по множеству банковских счетов обуславливает необходимость привлечения значительного числа фиктивных лиц, что существенно затрудняет совершение имущественных преступлений при минимальных ограничениях в обыденной деятельности легальных субъектов.

Современная статистика четко демонстрирует: преступность не только вошла в цифровую реальность, но и плотно в ней укоренилась: рост IT-преступности за три года увеличился кратно, факты совершения мошенничество удвоились, а пропаганда националистической и террористической направленности в интернете выросла вдвое. Тем не менее динамика позволяет говорить о переломном моменте в третьем квартале 2024 г., когда после пика началось системное снижение количества таких преступлений как следствие перехода к системной государственной защите.

За счет комплексного внедрения системы «Антифрод 2.0» реализована многоуровневая защита: от технических ограничений на перерегистрацию номеров и обязательной верификации пользователей через госреестры до жесткого контроля оборота сим-карт и лимитов на операции. Разумеется, риски при этом сохраняются – от возможной дискриминации честного бизнеса до технических барьеров для пожилого слоя населения. Но в эпоху цифровизации и внешнеполитических факторов подобные меры становятся не просто желательными,

а необходимыми. Дальнейшее развитие направления безопасности предполагает глубокую интеграцию механизмов защиты с элементами ИИ – тогда обеспеченность прав и интересов человека в автоматическом режиме будет максимальной, а негативные последствия сведены к минимуму.

Список литературы

1. Аксенов В. А. Роль и значение программного комплекса «Антифрод» как меры специально-криминологического характера в предупреждении мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 16–20.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

3. В России за январь – июль 2025 года ущерб от IT-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд рублей // Ассоциация юристов России. URL: https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/ (дата обращения: 07.03.2025).

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

6. Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» (ред. от 13.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3058.

7. Безенков И. А. Международный опыт противодействия коррупционным правонарушениям, совершаемым с использованием цифровой валюты // Законность. 2024. № 4. С. 42–46.

8. Волков А. Г. Роль искусственного интеллекта в противодействии киберпреступлениям // Информационное право. 2022. № 1. С. 33–38.

9. Иванов С. В., Петрова Н. П. Правовые механизмы противодействия кибермошенничеству в условиях цифровизации // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 18–24.

10. Смирнова Е. Л. Современные тенденции развития киберпреступности и методы ее профилактики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 89–94.

11. Цыплакова А. Д., Шестак В. А. Участие местных органов публичной власти в совершенствовании мер профилактики кибератак в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 25–30.

Славко В. А.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Меняйло Д. В.,
профессор кафедры
специальных информационных технологий
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА (НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЫ)

В современных условиях развития Российской Федерации уделяется особое внимание внедрению технологий искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека. Применение искусственного интеллекта в повседневной жизни встречается все чаще, что значительно упрощает выполнение поставленных задач. В связи с этим законодательство Российской Федерации претерпело изменения с появлением технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Это определение используется в п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1].

Целью нашего исследования является анализ информационного суверенитета Российской Федерации и определение приоритетного направления для обеспечения правопорядка применительно к сфере миграции.

Рассмотрим определение информационного суверенитета. Д. С. Артамонов представил в своей работе довольно точное определение «информационного

[1] © Славко В. А., 2026.

суверенитета»: информационный суверенитет представляет собой комплекс мер, направленных на гарантирование безопасности государства и гражданского общества, а также на эффективное противодействие террористическим угрозам и деструктивному информационному влиянию [2, с. 19–20]. В числе ключевых задач информационного суверенитета – формирование легитимного образа власти в медиапространстве, налаживание эффективных механизмов обратной связи с населением и консолидация общества для защиты суверенитета государства в его традиционном понимании.

Применяя анализ нормативно-правовых актов и государственной политики к информационному суверенитету Российской Федерации, можно сделать вывод, что искусственный интеллект, выступая в роли инструмента, значительно повысит безопасность и ускорит работу подразделений по вопросам миграции. С другой стороны, проблема цифрового неравенства сохраняется. К примеру, в своей работе С. Х. Хусенов, А. А. Ашурзода, А. С. Ваторопин [3] утверждают, что цифровое неравенство – разный уровень доступа к IT-технологиям и навыков их использования – становится существенным фактором стратификации мигрантов. Мигранты, хорошо владеющие цифровыми инструментами, легче находят информацию, работу и доступ к услугам, быстрее интегрируются. В то же время уязвимые группы (например, выходцы из сельских регионов) могут оказаться «цифровыми аутсайдерами», не имеющими достаточного доступа к интернету или навыков для пользования онлайн-сервисами.

Использование зарубежного программного обеспечения не обеспечивает полноценную защиту информационного суверенитета. Тенденция перехода правоохранительных органов на отечественное программного обеспечения прослеживается уже давно. Использование зарубежного программного обеспечения ставит под угрозу безопасность информационного суверенитета. Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность сотрудников органов внутренних дел позволит усовершенствовать защиту информационного суверенитета Российской Федерации.

В контексте обеспечения правопорядка информационный суверенитет обеспечивает защиту баз данных правоохранительных органов от внешнего вмешательства и независимость принятия решений на основе достоверных данных. Информационный суверенитет включает в себя: контроль над КИИ (критической информационной инфраструктурой), защиту от внешнего информационного давления.

Нарастающий объем миграционных процессов в Российской Федерации создает вызовы, требующие инновационных решений. В частности, технологии искусственного интеллекта могут значительно повысить эффективность работы оперативных подразделений при взаимодействии с гражданами РФ, лицами без гражданства и иностранными гражданами, не имеющими при себе документов, удостоверяющих личность, использование ИИ для идентификации (установления личности) в базах данных будет занимать значительно меньше времени. Способность искусственного интеллекта к обучению значительно увеличит эффективность его применения. На данный момент уже происходит внедрение технологий искусственного интеллекта в государственные информационные системы (ГИС). Проведя анализ системы видеоаналитики «Сфера» используе-

мой в городском транспорте г. Москвы начиная с 2020 г. можно сделать вывод, что контроль над обеспечением правопорядка усиливается и способствует предотвращению преступлений. «Сфера» использует более 9 тыс. камер, обеспечивая контроль общественного правопорядка. Система видеоаналитики «Сфера» используется не только в г. Москве, но и в ряде других городов, внедривших ее в рамках системы «Безопасный город».

Также рассмотрим СПО «Паутина» – единую информационно-аналитическую система МВД России, запущенную для автоматизированного поиска угнанных автомобилей, машин, скрывшихся с ДТП, и водителей-нарушителей. Она объединяет данные с дорожных камер, ЦАФАП (центр автоматизированной фиксации административных правонарушений) и комплексов фотовидеофиксации по всей России в единую базу, позволяя отслеживать маршрут машин в реальном времени. В июле 2023 г. УМВД России по Белгородской области оснащено программным комплексом видеоидентификации «Визирь», при использовании возможностей которого более 60 преступлений, задержаны 5 лиц, находившихся в розыске, установлено местонахождение 12 без вести пропавших лиц [4]. Мобильное приложение «Амина», использующееся для учета трудовых мигрантов в Москве и Московской области. Данная система была внедрена в качестве эксперимента с 1 сентября 2025 г. «Амина» использует автоматический сбор геоданных: приложение отслеживает местоположение пользователя. Если данные не обновляются более трех рабочих дней, мигрант получает уведомление о необходимости подтвердить адрес проживания или сообщить о его изменении.

Представленные системы используют технологии искусственного интеллекта и внедряются по всей России.

Таким образом, миграционная сфера выступает в роли полигона для внедрения технологий искусственного интеллекта. Нарастающие миграционные потоки демонстрируют, что обработка больших объемов информации в кратчайшие сроки способна лишь благодаря искусственному интеллекту.

Ряд исследователей, например А. Н. Жеребцов, Е. А. Малышев [5], уверяют, что внедрение цифровых технологий в процесс публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации требует поэтапного решения комплекса законодательных мер, направленных на административно-правовую регламентацию: цифрового профиля человека (гражданина Российской Федерации и ИГ или лица без гражданства (мигранта); документа, удостоверяющего личность, с электронным носителем информации; регистрационного и миграционного учета мигрантов; мониторинга миграционных процессов; идентификации и аутентификации мигрантов при осуществлении федерального государственного миграционного надзора. Благодаря использованию цифрового профиля, включающего в себя биометрию граждан Российской Федерации, лиц без гражданства и гражданами других государств, находящихся на территории государства, станет возможных оперативно реагировать на случаи нарушения правопорядка.

Как утверждает ряд исследователей [6, с. 105–107], рассматриваемые направления обработки персональных и биометрических данных, идентификации личности, прогнозирования миграционных процессов и выявления потенциальных

преступлений при использовании технологий искусственного интеллекта в миграционной сфере. Работа искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента позволит расширить возможности контроля миграционной сферы со стороны государства. Разработка собственных технологий значительно снизит зависимость от внешних поставщиков и позволит эффективно контролировать данные.

Следовательно, использование искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента для укрепления информационного суверенитета существенно облегчит и ускорит работу государственных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом в контексте обеспечения правопорядка и укрепления информационного суверенитета. Учитывая, что одним из приоритетных направлений выступает миграционная сфера. Создание и внедрение технологий искусственного интеллекта отечественного производства будет выступать ключевым фактором для укрепления информационного суверенитета Российской Федерации. Особенно важным является акцент на долгосрочное и безопасное функционирование.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

2. Артамонов Д. С. Информационный суверенитет: теоретический аспект // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : материалы VIII Международного конституционного форума, посвященного 80-летию Саратовской области (Саратов, 16 декабря 2016 г.). Часть I. Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 16–20.

3. Хусенов С. Х., Ашурзода А. А. Влияние информационных технологий на миграционные процессы и социально-демографические изменения в условиях глобального информационного общества // Информационные технологии в экономике : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием (Луганск, 26–27 марта 2025 г.). М. : Перо, 2025. С. 690–695.

4. Назаренко И. С., Меняйло Д. В., Федосеев А. Э. Использование возможностей программно-аппаратных комплексов фото- и видеоидентификации в профилактике и раскрытии преступлений, связанных с распространением наркотических средств // Противодействие незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации общества : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Белгород, 16 ноября 2023 г.). Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 116–120.

5. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Применение цифровых технологий в процессе публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 101–112.

6. Формирование и использование информационных ресурсов МВД России в сфере миграции : учебное пособие / [О. В. Катаева и др.]. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024.

7. Назаренко И. С., Меняйло Д. В., Федосеев А. Э. и др. Угрозы безопасности в киберпространстве и способы защиты от них // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 461–465.

8. Финансовый мониторинг : учебник (бакалавриат) / [В. И. Глотов и др.]. М. : Кнорус, 2022.

РАЗДЕЛ XXII. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Сорокин К. А.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Широкова А. А.,
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Актуальность обращения к историческому опыту социалистического права обусловлена не только интересом к уникальному правовому эксперименту XX в., но и необходимостью сопоставления различных моделей правового регулирования, основанных на различных представлениях о соотношении личности, общества и государства. На постсоветском пространстве сохраняется значительный массив нормативных актов, принятых в советский период, а также институциональное наследие, влияющее на правоприменение, правосознание и восприятие роли права в обществе. В научной литературе отмечается, что многие черты советской социалистической законности – приоритет публичного интереса, высокое значение дискреции органов власти, инструментальный подход к праву – в модифицированном виде воспроизводятся и в современных правопорядках, формируя особый «постсоциалистический» пласт правовой реальности [1, с. 33–35].

Теоретические истоки социалистического правопонимания традиционно связываются с марксистской концепцией права как надстройки над экономическим базисом и инструмента классового господства, что предопределяет функцио-

[1] © Сорокин К. А., 2026.

нально-инструментальный характер социалистического права и его подчиненность политическим целям правящей партии. В рамках данной парадигмы право рассматривается не как автономная ценностная система, а как средство обеспечения диктатуры пролетариата и последующего перехода к бесклассовому обществу, в котором право и государство должны отмереть, уступив место формам общественного самоуправления. Важной особенностью является признание необходимости сохранения права на переходной стадии социализма, обусловленной необходимостью регулирования распределения материальных благ по труду и поддержания минимальной социальной упорядоченности в условиях разрушения прежних буржуазных институтов.

Советская юридическая мысль на раннем этапе продемонстрировала внутреннее напряжение между революционной целесообразностью и необходимостью правовой определенности, что обусловило колебания в оценке роли закона и правосознания. В первые послереволюционные годы правотворческая и правоприменительная практика формировались под сильным влиянием идеи социалистического правосознания как непосредственного источника права, позволяющего судам и органам власти отступать от формальных норм, если этого требует классовый интерес и политическая линия партии. В научной литературе последних лет отмечается, что такая модель создавала специфическую разновидность нормативности, в которой текст закона и идеологические установки образовывали подвижный конструкт, допускающий широкую дискрецию правоприменителя и усиливавший зависимость правовой системы от политической конъюнктуры [2, с. 49].

Формирование и эволюция советского права на протяжении 1917–1930-х гг. демонстрируют переход от отрицания дореволюционного законодательства к созданию кодифицированной системы, формально сближающейся с романо-германской семьей, но сохраняющей идеологическую специфику.

Современные исследования подчеркивают, что именно в этот период право окончательно превратилось в инструмент тотальной мобилизации общества и экономики, обеспечивающий не столько баланс интересов, сколько реализацию директивно установленных целей партийно-государственного руководства, при этом формальная кодификация и разветвленная система нормативных актов маскировали сохранение высокой степени политической обусловленности правоприменения.

Теоретическое осмысление сущностных черт советского права позволяет выявить ряд параметров, отличающих его от классических моделей континентальной правовой семьи. Прежде всего это доминирование государственной собственности на средства производства и ресурсов, что предопределяло подчинение гражданско-правового оборота публичным интересам и отрицание традиционного разделения права на публичное и частное. В научной литературе подчеркивается, что в социалистическом праве категория частного права утрачивает самостоятельное значение, поскольку хозяйственные отношения рассматриваются как элемент единой системы планового управления, а субъективные права граждан и организаций производны от целей и задач государства. Такая модель порождает выраженный этатизм, закрепляющий приоритет государства в распределении благ, определении статуса субъектов и контроле за экономическими и социальными процессами [3, с. 125].

Второй сущностной чертой является институционализированная руководящая роль правящей партии, которая де-факто выступает высшим источником политики и определяет содержание законодательства и практики его применения. Формально оставаясь вне структуры органов государственной власти, партия через свои решения, постановления и кадровую политику обеспечивала подчинение судебной, следственной и административной систем политическим целям, что создавало многоуровневую иерархию нормативности, в рамках которой юридические нормы интерпретировались через призму идеологических установок. Современные авторы отмечают, что такая конструкция подрывала принцип разделения властей и автономность права, превращая правосудие в один из каналов реализации партийной политики, при этом сохранялась риторика законности и формального равенства граждан перед законом.

Третья черта связана с концепцией отмирания права, которая, с одной стороны, служила теоретическим обоснованием временного характера социалистической правовой надстройки, а с другой – использовалась для легитимации ограничений прав и свобод под предлогом переходного характера исторического этапа.

На примере институтов товарищеских судов и других форм общественного контроля показывается, что социалистическая правовая система создавала пространства, в которых право использовалось для артикуляции и разрешения конфликтов между работниками и администрацией, хотя предельные рамки такой активности определялись партийной линией и интересами государства. Подобная гибкость, опирающаяся на сочетание формализованных норм и неформальных практик, способствует выводу о том, что социалистическое право представляет собой особый тип правового регулирования, в котором соотношение закона, правосознания и политической воли существенно отличается от классических моделей правового государства.

Китайская модель социалистической правовой системы с национальной спецификой демонстрирует иную траекторию эволюции, в которой социалистическая идеология сочетается с курсом на построение социалистического правового государства и развитие рыночной экономики. После периода «культурной революции», ознаменовавшегося фактическим свертыванием правовых институтов, начиная с конца 1970-х гг. в КНР реализуется масштабная программа правовой модернизации, включающая кодификацию гражданского, хозяйственного и иных отраслей права, укрепление судебной системы и формирование многоуровневой иерархии нормативных актов. В марте 2011 г. руководство КНР официально объявило о завершении формирования социалистической правовой системы с китайской спецификой, охватывающей все основные сферы общественной жизни и опирающейся на конституцию как на высший источник права, что стало важной вехой в институциональном оформлении китайской модели [4].

Специфика китайской социалистической правовой системы проявляется в сочетании принципа верховенства права с сохранением руководящей роли Коммунистической партии Китая, которая, в отличие от советской практики, стремится институционализировать свое влияние через конституционные и законодательные механизмы.

Сравнительный анализ советской и китайской моделей показывает, что при общей социалистической идеологической основе и доминировании государства в правовой сфере они демонстрируют различные ответы на вызовы модернизации и глобализации. Советская система эволюционировала от революционной целесообразности к жесткой тоталитарной законности и в итоге не смогла адаптироваться к требованиям рыночной экономики и плюралистического общества, что способствовало ее краху. Китайская модель, напротив, использовала право, как инструмент управляемых реформ, сочетая плановые элементы с рыночными механизмами и постепенно расширяя сферу нормативного регулирования и судебной защиты, не отказываясь при этом от однопартийного политического строя. Это позволяет говорить о китайской социалистической правовой системе как о современном этапе эволюции социалистического права, в рамках которого право перестает пониматься исключительно как орудие классовой борьбы и превращается в многофункциональный механизм управления сложным обществом и экономикой.

Дискуссия о статусе социалистического права в системе правовых семей в последние годы получила новое развитие, что связано как с переоценкой советского опыта, так и с вниманием к динамике правовой системы КНР. Ряд авторов утверждает, что социалистическое право следует рассматривать как самостоятельную правовую семью, обладающую собственным генезисом, структурой источников, методологией и целевыми установками, отличными от классических континентальных моделей. В поддержку этого подхода приводятся аргументы о качественной новизне социалистического права, базирующегося на антииндивидуалистских и этатистских основаниях, а также о специфике его нормативной и институциональной организации, ориентированной на коллективные интересы и политические приоритеты партии [5, с. 400].

Альтернативная точка зрения настаивает на том, что социалистическое право представляет собой идеологизированный вариант романо-германской семьи, в рамках которого используются те же базовые юридико-технические инструменты: кодификация, иерархия источников, преобладание писаного закона, развитый аппарат систематизации и толкования. В этой перспективе различия сводятся преимущественно к содержанию норм и их политической обусловленности, тогда как формально-юридические характеристики остаются во многом сходными, особенно на поздних стадиях развития советской и китайской систем. Современные исследования стремятся подчеркнуть, что социалистическое право сочетает в себе элементы континентальной традиции с уникальными идеологическими и институциональными особенностями, давая возможность говорить о нем как о «гибридной» или «идеологизированной» правовой семье.

Подводя итоги всего анализа, можно сказать о том, что социалистическое право представляет собой уникальный исторический эксперимент, возникший на основе марксистско-ленинской теории и реализованный в различных национальных моделях, наиболее яркими представителями, которых являются советская и китайская.

Советский опыт отражает способность эффективной мобилизации ресурсов социалистического права, позволяя реализовать различные государственные

задачи, однако имея постоянную проблему соблюдения прав человека, неопределенностью в правовом поле и шаткость правовых процедур, что со временем способствовало подрыву ее легитимности. Китайская модель, напротив, демонстрирует, как социалистическое право может приспосабливаться в условиях реализации рыночной глобализации права, сохраняя при этом главенствующие идеологические идеи и ведущую роль партии, образуя гибридную социально-правовую и экономическую систему, где черты правового государства переплетаются с государственным контролем.

В ходе всего исследования, были выявлены несколько проблем, которые напрямую влияют на актуальное, а также будущее состояние социалистических правопорядков – напряжение между объявленным принципом законности и реальной зависимости судей от политической и идеологической воли, мешают формировать стабильные правовые ожидания и подрывает доверие к суду; власть государства и партии над нормами закона ограничивает независимость системы, затрудняя защиту индивидуальных свобод при росте социального расслоения общества и сложности экономических связей; идеологическая привязанность права создает ряд трудностей во время встраивания в глобальные нормы защиты и реализации прав человека, заставляя постоянно балансировать внутренние и внешние требования государства.

Именно поэтому всегда стоит учитывать исторический опыт социалистического права – его теоретическую осмысленность и практическую реализацию. Именно этот опыт сохраняет не только научную, но и практическую значимость в развитии правовых систем будущего.

Список литературы

1. Шатковская Т. В. Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917–1928 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 2. С. 25–40.

2. Мхитарян Л. Ю. Социалистическая правовая семья: компаративистский анализ // Пермский юридический альманах. 2023. Вып. 6. С. 48–53.

3. Трощинский П. В. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой // Право и политика. 2012. № 7. С. 120–132.

4. Кузнецова Е. В. Правовые системы стран тоталитарного социализма: особенности правогенеза и тенденции развития // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 3–9.

5. Суд и правосудие в СССР : учебник для вузов по специальности «Правоведение» : допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР / под общ. ред. А. Т. Бажанова, В. П. Малкова. Казань : Казанский университет, 1980.

Ушаков К. С.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ СТРУКТУР НКВД СССР В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Несмотря на то, что исследователи в области истории ОВД ежегодно вносят вклад в развитие историко-правовой науки, некоторые темы остаются нераскрытыми или даже игнорируются. Одним из малоизученных направлений является история преступности. Определенные аспекты данной проблемы проявляется на уровне диссертаций, учебников и других научных работ, но далеко не так емко, как тема того заслуживает. В связи с чем, к примеру, пропадает причинно-следственная связь между реорганизацией правоохранительной структуры и криминогенным фоном в стране в определенный исторический период.

Таким историческим пробелом можно назвать проблему совершения преступлений специальными субъектами в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), а именно лицами, которые были наделены самой важной функцией – властью над остальными людьми, ресурсами, и обременены серьезной задачей – организацией жизни и труда граждан, защитой своей страны от внешних и внутренних угроз. В особо значимой степени, такими субъектами являлись военнослужащие и сотрудники структур НКВД.

Прежде всего, это категория управленцев была наделена значительными полномочиями, допускалась ко многим, недоступным для других представителей органов власти, сведениям, проходила повышенно строгий отбор. Соответственно, когда нарушения закона допускали командиры и руководители из вооруженных сил, либо руководящий состав НКВД, милиции, то эти нарушения подпадали под усиленную меру ответственности. Данный вид должностной и воинской преступности представлял особую опасность в сложившейся обстановке – в связи с ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей, либо целенаправленными нарушениями, негативным последствиям подвергалось

[1] © Ушаков К. С., 2026.

множество военнослужащих, рядовых граждан, а также это могло оказать сильное отрицательное влияние на качество охраны общественного порядка, обстановку на фронте.

Рассмотрим представленную проблему на примере должностных лиц, служащих блокадного Ленинграда. Так один из исследователей ленинградской трагедии С. В. Яров объясняет данное явление нравственными изменениями личности, вызванными тяжелой обстановкой [1, с. 48]. Но в нашей публикации необходимо сделать акцент на освещении фактов преступности с участием конкретных субъектов, представление соответствующих случаев в разных источниках, а не только на моральной составляющей.

Несомненно, одним из основных источников информации о блокаде можно считать дневники очевидцев тех событий, но, к сожалению, таких сведений недостаточно для полного и объективного анализа проблемы. Избегая риска некорректной квалификации некоторых неоднозначных действий сотрудников НКВД описанных в воспоминаниях блокадников, обратимся к дневнику красноармейца С. И. Кузнецова. Этот автор повседневных записей упоминает множество случаев хищения у него вещей и продовольствия. В контексте нашей статьи значимо, что все перечисленные деяния совершены именно сослуживцами военнослужащего: «6-го остался без завтрака – съели командиры. Голод… рвет как собака»; «23… обворовали меня свои товарищи, взяли бритву, мыло, соль, и даже деревянную ложку»; «…Обед получил хороший, но тоже обворовал свой товарищ: выпил пиво и съел 2 свеклины и унес коробку папирос…» [2, с. 479–480]. Из-за подобных ситуаций складывается мнение, что забрать у своего товарища паек – это что-то ставшее обыденным, при этом противоречащее как закону, морали, так и сути присяги Красной армии и подпадающее лишь под ее часть, посвященную «суровой каре советского закона» [3].

Возможность работы с документацией по данной теме в полном объеме в нынешнее время сильно ограничена, в связи с тем, что многие материалы остаются засекреченными. По этой причине любая такая информация становится «алмазом» для исследователя – она имеет особую ценность. Так, один из сравнительно популярных оцифрованных документов ЦГАИПД СПб. дает понимание того, насколько служащие оказывались замешаны в преступлениях, связанных с одной из наиболее жутких блокадных реалий, а именно, поеданием человеческого мяса [4]. В классификации «по роду занятий» они составляли лишь 4,5 % (40 человек) от общего числа лиц, доведенных до готовности употребить человеческое мясо в пищу, меньшее вмешательство было только среди представителей крестьянства.

Стоит отметь, что проживание данного типа людей не было характерно для городской местности. Также необходимо обратить внимание, что под «служащими» могут подразумеваться не только бойцы Рабоче-крестьянской Красной армии и сотрудники органов НКВД СССР, но и деятели других государственных, а также общественных, хозяйственных структур. Из чего следует, что даже примерно нам не представляется возможным предположить какая структура была в этом плане более специфична. Без учета означенных нюансов сама по себе фиксация факта преступности такого специального субъекта недопустима, по-

сколько ставит под угрозу общественное доверие к тем лицам и органам, задачей которых является защита общественных отношений в разных сферах.

Но основной массив информации содержится в не самом популярном для исследователей источнике – ленинградских газетах. Из анализа последних следует констатировать, что основными проявлениями альтернативной (нетипичной) деятельности служащих являлись дезертирство и хищения. Информация о случаях дезертирства публиковалась каждый месяц на последних страницах ленинградских выпусков СМИ в качестве примера ненадлежащего поведения военнослужащих под заголовками: «В военном трибунале Ленинградского гарнизона» [5, с. 4], «Дезертир расстрелян» [6, с. 2], «За что расстрелян бывший красноармеец Шевердин» [7, с. 4] и т. п. Несомненно, целью публикации подобного рода статей была демонстрация гражданам негативных примеров противопоставления личных корыстных целей интересам советского общества.

Факты хищения в крупных размерах публиковались значительно реже. В качестве примера можно привести статью батальонного комиссара В. Кочкурова под заголовком «Хищники (из зала суда)», в которой описывается хищение со склада 283 банок с мясом и 30 банок рыбных консервов постовыми красноармейцами Лях и Новиковым. Воспитательная функция подобных статей обычно заключалась в финальных словах: «…И Лях и Новиков – чуждые советскому народу люди, выродки, которым нет места в советской среде» [8, с. 2]. Таким образом пресса отграничивала таких лиц от идеологически правильных общественных отношений.

Сложнее выделить степень распространения должностной преступности среди сотрудников НКВД. В разных источниках содержится информация о спекулятивных действиях, о преступлениях, связанных с поеданием человеческого мяса (под чем понимаются не только случаи каннибализма, но и, к примеру, торговли, якобы, кониной, свининой и др.), а также о мошенничестве (в современном понимании). Рассмотрим один из примеров с характерными признаками последнего вида противоправного деяния: «Профессор Ленинградского университета О. Цехновицер с первых дней войны ушел добровольцем в ряды Красной Армии. В борьбе с германским фашизмом он погиб. Семья временно выехала из Ленинграда. А. Студенцова – управхоз дома № 10 по набережной Рошаля, где проживал покойный, сообщила *начальнику 35-го отделения милиции* (курсив мой. – К. У.) И. Батанову, что в доме освободилась квартира. Батанов решил завладеть этой квартирой. Он подал заявление в исполком Октябрьского райсовета… Ордера он не получил, но при содействии Студенцовой занял квартиру. …Военный трибунал приговорил Батанова к восьми годам, а Студенцову к пяти года лишения свободы» [9, с. 2]. Еще раз следует акцентировать внимание, что подобные случаи создавали угрозу законности и интересам советского общества, но каждый из них является уникальным за счет нехарактерного субъекта для криминальной сферы. Именно в приведенной ситуации вполне рационально предположить, что совершение уголовно наказуемого деяния сотрудником правоохранительного органа могло быть спровоцировано управхозом, поскольку, исходя из общего анализа должностной преступности в годы блокады именно лица, замещающие должности в коммунальной сфере, чаще оказались готовыми пойти против закона.

Таким образом, исследованные факты подтверждают, во-первых, что именно через криминальную составляющую раскрывается важность соблюдения правопорядка в обществе, во-вторых, что даже в среде, заведомо не предполагающей наличие криминогенного фона все равно будут находиться лица, ставящие свои личные мотивы в противовес общественному благополучию. Но в данный период истории советского государства такое явление как преступность являлось скрытым союзником финно-германских оккупантов, которое подрывало существование не только государственности на территории СССР, но и ставило под угрозу жизнь и законные интересы граждан нашей страны. И именно череда стратегических успехов нашей страны в последние годы войны подтвердила высокое качество решения, возникающих перед основной массой военнослужащих и сотрудников НКВД, задач.

Список литературы

1. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941–1942 гг. 4-е изд., испр. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петерубрге, 2021.
2. Блокадные дневники и документы, 1941–1944 гг.: из архива Управления Федеральной службы безопасности России по городу Санкт-Петербургу из Ленинградской области / [авт.-сост. С. К. Бернев]. 2-е изд., доп. М. : Яуза-пресс, 2024.
3. Военная присяга Красной армии / Издание отдела пропаганды и агитации Вологодского Обкома ВКП(б). Вологда, 1941.
4. Из докладной записки военного прокурора города А. И. Панфиленко А. А. Кузнецову о случаях людоедства, 21 февраля 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-б. Д. 1319. Л. 38–46. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357597.
5. В военном трибунале Ленинградского гарнизона // На страже Родины. 1941. 9 окт.
6. Дезертир расстрелян // Ленинградская правда. 1941. 18 сент.
7. За что расстрелян бывший красноармеец Шевердин // На страже Родины. 1941. 8 сент.
8. Хищники (Из зала суда) // На страже Родины. 1942. 1 февр.
9. В военном трибунале // Ленинградская правда. 1941. 20 дек.

Карнаухова А. И.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Репина Е. Н.[2],
курсант факультета
подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научный руководитель:
Скобелина Л. А.,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I СОЗЫВА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ IX СОЗЫВА

Зарождение российского парламентаризма в начале XX в. ознаменовало радикальный поворот в политико-правовой истории Российской империи. Государственная Дума, созванная 27 апреля 1906 г., стала первым в истории России общенациональным представительным органом с законодательными функциями. Ее правовой статус определялся Манифестом 17 октября 1905 г. и обновленными Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. [1]. Конституционно-правовая природа Первой Думы характеризовалась существенными ограничениями. Император сохранял статус неограниченного самодержца в формулировке «верховная самодержавная власть», хотя и был обязан согласовывать законодательные инициативы с Думой и Государственным советом. Система сдержек и противовесов выглядела асимметричной: законодательная инициатива делилась между монархом, Думой и Государственным советом; император обладал правом абсолютного вето; глава государства мог распустить Думу и назначить новые выборы в любой момент; обширная сфера «чрезвычайного законодательства» (ст. 87 Основных законов) позволяла монарху издавать указы с силой закона в период между сессиями Думы. В отличие от этого, современная Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума), функционирующая на основании Конституции Российской Федерации 1993 г., представляет собой качественно иную институ-

[1] © Карнаухова А. И., 2026.
[2] © Репина Е. Н., 2026.

циональную конструкцию [2]. Дума является нижней палатой Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, обладающего полноценной законодательной властью в рамках разделения властей. Сравнительный анализ выявляет фундаментальные различия. Если Дума 1906 г. существовала в условиях дуалистической монархии с доминированием императорской власти, то современная Дума – элемент республиканской формы правления. Исследователь конституционного права М. С. Матейкович отмечает, что «эволюция статуса Государственной думы отражает общемировую тенденцию трансформации парламентаризма от сословно-представительных учреждений к институтам народного суверенитета» [4]. Действительно, избирательная система претерпела кардинальные изменения: от куриальной системы с цензовыми ограничениями 1906 г. до всеобщего равного прямого избирательного права в современной России. Ключевое различие заключается в самой концепции народного представительства. Дума I созыва воспринималась самодержавием как совещательный орган при монархе, тогда как современная Конституция прямо устанавливает народ источником власти.

Функциональный анализ полномочий Государственной думы разных эпох демонстрирует существенное расширение компетенции представительного органа. Дума 1906 г. обладала ограниченными законодательными прерогативами. Ее компетенция не распространялась на основные государственные законы (конституционную сферу), военное законодательство и вопросы обороны, внешнеполитические договоры, структуру и состав императорского двора, а также значительную часть бюджетных ассигнований. Современная Государственная Дума обладает несравнимо более широкими полномочиями, закрепленными Конституцией Российской Федерации. Компетенция современной Государственной Думы существенно расширена по сравнению с ее историческим аналогом 1906 г. В ее исключительное ведение входит принятие федеральных законов по всем вопросам, не входящим в сферу компетенции субъектов Федерации, с особым акцентом на бюджетные полномочия. Принципиальным нововведением является участие Думы в формировании исполнительной власти, что представляет собой отход от монархической модели 1906 г., где министры назначались и были подотчетны исключительно монарху. Контрольные функции также претерпели качественную эволюцию: от формальных запросов к министрам в Думе I созыва до современного развитого арсенала инструментов, включая парламентские расследования и депутатские запросы. Законодательный процесс был модернизирован, заменив трехступенчатую систему 1906 г. на современную процедуру, включающую три чтения в Думе, одобрение Советом Федерации и подписание Президентом, с предусмотренным механизмом преодоления президентского вето. Продолжая анализ эволюции парламентских институтов, необходимо обратиться к перспективам развития Государственной Думы IX созыва, формирование которой ожидается в 2026 г.

Прогнозирование статуса, полномочий и функций будущего созыва требует учета как устоявшихся конституционных основ, заложенных реформой 2020 г., так и динамики политико-правовых процессов, наблюдаемых в последние годы. Можно с уверенностью констатировать, что к 2026 г. нижняя палата парламента вступит в новый этап своего институционального развития, существенно отли-

чающийся от правовых реалий как образца 1906 г., так и периода становления парламентаризма в 1990–2000-х гг.

Статус Государственной Думы к 2026 г. сохранит свою республиканскую природу и место в системе разделения властей, однако усилится его интеграция в механизм принятия государственных решений. Сравнительно-правовой анализ позволяет заключить: контраст между совещательной природой Думы 1906 г. и статусом Думы 2026 г. представляется принципиальным. Последняя, функционируя на конституционной основе обновленной главы 5 [5], приобретает черты устоявшегося института с четко легитимированной компетенцией. Поправки 2020 г., как отмечает А. А. Клишас, уже заложили фундамент для усиления роли парламента в кадровой политике [6], и к 2026 г. эта практика станет неотъемлемой частью политического процесса. Закрепленная в обновленном конституционном регулировании процедура консультаций Государственной Думы при назначении руководителей силовых ведомств, даже при условии сохранения решающего слова за Президентом, обретает значение полноценного этапа кадрового обеспечения исполнительной власти, что влечет за собой усиление парламентского вектора ответственности Правительства.

Полномочия Государственной Думы IX созыва, судя по всему, претерпят дальнейшую эволюцию, но не столько в сторону количественного расширения, сколько в направлении качественного углубления уже имеющихся функций. Законодательные полномочия останутся ядром компетенции Думы. Однако можно прогнозировать повышение роли палаты в сфере стратегического планирования. Если Дума 1906 г. была отлучена от утверждения основных законов, то современный парламент активно участвует в формировании правовой базы национального развития. К 2026 г. следует ожидать усиления экспертной функции Думы при рассмотрении законопроектов, определяющих долгосрочные приоритеты социально-экономической политики. Произойдет углубление специализации комитетов, что позволит более качественно прорабатывать сложные межотраслевые законопроекты. Бюджетные полномочия получат дополнительное измерение в виде усиления контроля за достижением целевых показателей государственных программ. В этом контексте особое значение приобретает реализация современной концепции социального государства, которая требует от парламента не просто перераспределения бюджетных средств, а создания эффективных правовых механизмов, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

М. С. Матейкович в своих работах подчеркивает, что эволюция парламентаризма неизбежно ведет к усилению его контрольной функции [7], и Дума IX созыва станет ярким подтверждением этого тезиса.

Контрольные функции Государственной Думы IX созыва претерпят наиболее заметную трансформацию. Если для Думы 1906 г. контроль был эпизодическим и бессистемным (депутатские запросы часто оставались без действенной реакции министров), то к 2026 г. сформируется полноценная система парламентского контроля, пронизывающая все ветви власти. Опираясь на конституционные новеллы, Дума получит возможность не только заслушивать, но и влиять на кадровый состав контролирующих органов [8].

Расширение практики парламентских расследований, которые станут более институционализированными и менее зависимыми от политической конъюнктуры, позволит палате выступать в роли эффективного института, выявляющего системные проблемы в правоприменении. Механизм «правительственного часа» трансформируется в формат публичных слушаний с обязательной публикацией стенограмм и последующим мониторингом исполнения рекомендаций Думы. Институт Уполномоченного по правам человека, тесно взаимодействующий с Думой, будет интегрирован в процесс подготовки заключений на законопроекты, затрагивающие права граждан. Н. В. Витрук указывал на важность согласованного функционирования правозащитных механизмов [9], и к 2026 г. это взаимодействие выйдет на новый уровень, став обязательной стадией законодательного процесса по социально значимым вопросам.

Функциональная модель Государственной думы 2026 г. будет характеризоваться также изменением характера взаимодействия с верхней палатой и исполнительной властью. В отличие от модели 1906 г., где двухпалатная структура (Государственная дума и Государственный совет) была основана на конфликте ветвей и функциях верхней палаты как «фильтра» неугодных монарху инициатив, к 2026 г. предполагается формирование целостного и непротиворечивого законотворческого механизма. Роль согласительных процедур возрастет, что позволит минимизировать конфликты между палатами. Во взаимоотношениях с Правительством Российской Федерации Дума IX созыва будет выступать не столько в роли оппозиционной структуры, сколько в качестве партнера по реализации национальных целей развития. Подобная модель не исключает, а, напротив, предполагает жесткий профессиональный контроль за результативностью деятельности министров. Конституционная реформа 2020 г., расширившая парламентские процедуры согласования членов Правительства, трансформировала Государственную Думу в постоянно действующий институт предварительного отбора, осуществляющий оценку профессиональных компетенций кандидатов на ключевые посты в исполнительной вертикали власти. Исследование А. А. Клишаса особо акцентирует, что данное расширение полномочий – не разовая мера, а долгосрочный тренд на «парламентаризацию» президентской системы. В указанном контексте Государственная Дума 2026 г. демонстрирует кардинальное институциональное отличие от своего исторического прообраза 1906 г., который был полностью лишен рычагов влияния на процесс формирования правительства. Важно отметить, что, несмотря на сохранение сильной президентской власти, Дума IX созыва будет обладать беспрецедентным для всей истории российского парламентаризма объемом реальных рычагов воздействия на внутреннюю политику, что является закономерным итогом вековой эволюции.

В заключение следует отметить, что более чем столетний период развития российского парламентаризма от Государственной Думы от I созыва 1906 г. к IX созыву 2026 г. демонстрирует путь от органа с совещательными функциями в условиях дуалистической монархии к полноправному элементу системы разделения властей в республиканском государстве. Дума I созыва, при всей ее исторической значимости, как прорыва к народному представительству, была

ограничена жесткими правовыми рамками самодержавной власти, лишена реального влияния на правительство и контроля над ключевыми сферами государственной жизни. Ее статус был зыбким, а полномочия – урезанными. Современная же Дума, и особенно ее IX созыв, функционирует на прочном фундаменте Конституции Российской Федерации, обладает широкими законодательными, бюджетными и контрольными полномочиями, участвует в формировании высших органов исполнительной власти и является институционализированным выразителем народного суверенитета.

Ключевые вехи этой эволюции – конституционная реформа 2020 г., закрепившая тенденцию к усилению парламентского контроля и влияния на кадровые назначения, а также общемировая трансформация парламентов от сословно-представительных учреждений к институтам народного суверенитета, что также отмечает М. С. Матейкович [4].

Перспективы развития Государственной думы IX созыва связаны не столько с дальнейшим расширением ее формальных полномочий, сколько с углублением их содержательного наполнения: повышением качества законодательной экспертизы, эффективности контрольных механизмов и профессионализма во взаимодействии с исполнительной властью. Российский парламентаризм, пройдя сложный путь от представительства при монархе до реального инструмента народовластия, продолжает развиваться, адаптируясь к вызовам современности и сохраняя преемственность с теми историческими формами, которые были заложены Манифестом 17 октября 1905 г.

Список литературы

1. Пожигайло П. А. Первая Государственная дума Российской империи: опыт конституционной модернизации. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2023.

2. Медушевский А. Н. Основные законы 1906 года: конституционная модель и политическая практика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 2. С. 12–28.

3. Колюшин Е. И. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 22–29.

4. Матейкович М. С. Трансформация института парламентаризма в современной России: конституционно-правовое измерение // Государство и право. 2024. № 7. С. 33–47.

5. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

6. Клишас А. А. Конституционная реформа 2020 года: новый этап развития парламентаризма в России. М. : Норма, 2021.

7. Матейкович М. С. Эволюция парламентаризма в России: от народного представительства к институтам народного суверенитета // Государство и право. 2022. № 4. С. 45–58.

8. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

9. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности : избранные труды. М. : Юристъ, 2019.

РАЗДЕЛ XXIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Максименко Е. С.[1],
слушатель Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации потерпевшему обеспечивается компенсация причиненного ущерба [1]. Данному положению отвечает и само назначение уголовного судопроизводства, заключающееся в защите нарушенных прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В соответствии со ст.ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ, уголовное дело в отношении лица может быть прекращено, если он примирился с потерпевшим и загладил причиненный вред [2]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указывает, что вред может быть возмещен путем его заглаживания, то есть предоставлением имущественной или денежной компенсации, оказанием помощи, принесением извинений [3]. Заглаживание применяется при причинении лицу морального вреда, заключается именно в компенсации и направлено

[1] © Максименко Е. С., 2026.

на исправление и устранение негативных обстоятельств, произошедших ввиду совершения преступления.

Таким образом, мы можем сформулировать определение заглаживания вреда, под которым понимаются реальные действия виновного лица, заключающиеся в компенсировании причиненного морального вреда в имущественном или в денежном эквиваленте, а также иных способов, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов.

М. Г. Решняк отмечает, что примирение – это не просто условие, обязательное для прекращения уголовного дела в отношении лица, это та цель, для достижения которой существуют нормы, регулирующие порядок возмещения вреда [4, с. 127].

Инициатором действий, направленных на восстановление прав пострадавшего, является подозреваемый или обвиняемый, однако они невозможны без согласия потерпевшего. А. А. Кузнецова, изучая данную тему, пишет о том, что согласие – ключевой шаг как к возмещению вреда, так и к разрешению социального конфликта, возникшего в связи с совершением преступления [5, с. 16].

В настоящее время форма согласия потерпевшего на примирение с подозреваемым, обвиняемым законодательно не определена. Статья 25 УПК РФ предусматривает в качестве основания именно заявление потерпевшего, которое и выражает согласие. Заявление оформляется письменно в свободной форме. По общему правилу, в нем указываются данные потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), номер уголовного дела, а также делается отметка о том, что потерпевший отказывается от обвинения, подозреваемый (обвиняемый) загладил или возместил причиненный вред, стороны примирились и претензий друг к другу не имеют, а также само ходатайство о прекращении уголовного дела.

На практике также имеет место получение подозреваемым (обвиняемым) или его защитником расписки от потерпевшего, в которой отражается получение им имущества, денежных средств, полное удовлетворение требований и отсутствие претензий к стороне защиты. Данная расписка приобщается к ходатайству и направляется вместе с ним должностному лицу.

Имеется проблема, связанная с тем, что в рамках досудебного производства объем необходимой компенсации и извинений определяет сам потерпевший, именно он устанавливает, какая совокупность действий виновного лица будет достаточной для того, чтобы примириться с ним. Потерпевший имеет право требовать любую сумму компенсации или объем действий лица, даже если он несоразмерен причиненному вреду.

При этом может возникнуть ситуация, когда уже после дачи согласия на примирение потерпевший осознает, что уже полученных извинений ему недостаточно. В рамках прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отзыв уже предоставленного согласия невозможен. Если потерпевший подписал заявление о прекращении уголовного дела, в котором указано отсутствие претензий к подозреваемому (обвиняемому) и отмечено полное заглаживание причиненного вреда, то последующая отмена данного согласия возможна только через процедуру обжалования решения должностного лица о прекращении уголовного дела.

Дача лицом согласия сопровождается имеющейся проблемой, связанной с отсутствием установленной формы документа и требований к нему. В настоящее время законодательно не регламентированы обстоятельства, которые должны учитываться при рассмотрении должностным лицом ходатайства.

Отсутствие в ходатайстве о прекращении уголовного дела конкретных действий, совершенных подозреваемым (обвиняемым), может повлечь за собой злоупотребление потерпевшим своим правом. Так, например, если виновное лицо устно извинилось перед потерпевшим, раскаялось и компенсировало причиненный вред, однако это не указано в ходатайстве, у потерпевшего появляется возможность оспорить совершение виновным лицом каких-либо действий и обжаловать решение о прекращении уголовного дела ввиду отсутствия доказательств заглаживания вреда.

По нашему мнению, для устранения пробелов в правовом регулировании, повышении эффективности работы правоохранительных органов, а также устранения конфликтных ситуаций, связанных с примирением сторон, предлагается внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», а именно, в последний абзац, добавив в него указание на необходимость в отражении в заявлении потерпевшего тех действий, которые совершил подозреваемый (обвиняемый) для того, чтобы загладить причиненный вред. Данной позиции придерживается и Р. Р. Емлиханов, который отмечает необходимость не только указания конкретных действий лица, но и подробное их изучение со стороны государственных органов, рассматривающих ходатайство [6, с. 4].

Хочется обратить внимание на проблему, которая может возникнуть при рассмотрении ходатайства потерпевшего о примирении с подозреваемым, обвиняемым, когда совершенное преступление посягает на несколько объектов уголовно-правовой охраны.

Так, например, в соответствии с приговором Вичугского городского суда Ивановской области, N подала в территориальный орган МВД России заведомо ложное сообщение о преступлении в отношении своего мужа. Муж, признанный потерпевшим, заявил ходатайство о примирении с N, на что суд отказал ввиду следующих обстоятельств: «N принесла извинения потерпевшему – своему супругу, купила ему в качестве компенсации мотоцикл, однако каких-либо данных о заглаживании ею вреда, причиненного интересам правосудия, т. е. вреда, состоящего в отвлечении сил и средств правоохранительных органов на работу по ее ложному заявлению, суду не представлено. Суд приходит к выводу о том, что прекращение настоящего дела за примирением сторон противоречило бы принципу справедливости, а также назначению уголовного судопроизводства, ввиду чего в удовлетворении соответствующего заявления потерпевшего отказывает и назначает подсудимой уголовное наказание» [7].

При этом, в аналогичной ситуации Ворошиловский районный суд г. Волгограда своим постановлением удовлетворил ходатайство потерпевшего о примирении сторон, так как подсудимый возместил причиненный материальный

ущерб, выплатив сумму его стоимости, суд признал вред возмещенным в полном объеме [8].

Обратимся к позиции Верховного Суда Российской Федерации. Так, К. совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, а именно: нарушила правила дорожного движения, в результате чего совершила наезд на пешехода М., причинив последней тяжкий вред здоровью. Данное преступление посягает на общественные отношения, связанные с безопасностью дорожного движения – что является основным объектом, а также на общественные отношения, связанные с правом на жизнь и здоровье человека – дополнительный объект. В ходе предварительного расследования К. в полном объеме возместила вред, причиненный М., принесла свои извинения, потерпевшая М. не имеет претензий к К. Однако суд первой инстанции отказал в удовлетворении ходатайства и вынес обвинительный приговор, который апелляционная инстанция оставила без изменений, так как заглаживание вреда потерпевшей не отменяет вреда, причиненного основному объекту. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая кассационную жалобу К. и ее защитника установил, что уголовный закон не содержит запрета на прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон, если преступление посягает на несколько объектов. Суд также установил, что хоть удовлетворение ходатайства является правом, а не обязанностью, отказ в удовлетворении также должен быть законодательно обоснован, однако в данной ситуации такого обоснования нет. После чего Верховный Суд Российской Федерации своим определением прекратил производство по уголовному делу за примирением с потерпевшим и отменил обвинительный приговор в отношении К. [9].

Данное постановление Верховный Суд Российской Федерации вынес 12 февраля 2026 г., однако практика нижестоящих судов не изменилась.

Так, 26 февраля 2026 г. Наро-Фоминский городской суд Московской области вынес обвинительный приговор в отношении Д., рассмотрев материалы уголовного дела по факту совершения самоуправства с применением насилия, отказав в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Свою позицию Суд объяснил тем, что своими действиями Д. не может возместить вред, причиненный основному объекту преступного посягательства – установленному порядку осуществления прав и исполнения обязанностей [10].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время имеется двойственная позиция судов, рассматривающих данные ходатайства. По нашему мнению, судам следует обращать внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации, который разрешил возникшую проблему. Однако, необходимо также учитывать неприменение норм уголовно-процессуального законодательства по аналогии и требование индивидуального подхода к анализу каждого уголовного дела.

Также, важно помнить, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – это право должностных лиц, а не их обязанность. Должностные лица исходят из большого объема факторов при принятии решения, и примирение

с потерпевшим – не единственный. При этом, отказ в удовлетворении ходатайства потерпевшего должен быть в равной степени законным и обоснованным, как и удовлетворение.

Описанные нами проблемы возникают из-за пробелов законодательной регламентации порядка заявления ходатайств, их содержания, обстоятельств, анализ которых необходим для принятия законного решения. Освобождение лица от уголовной ответственности – это важный правовой институт, напрямую затрагивающий права и законные интересы как потерпевшего, так и подозреваемого (обвиняемого). Его нормативное регулирование или официальное более подробное толкование – необходимость, которая способствует достижению назначения уголовного судопроизводства, помогает избежать как злоупотребления правами со стороны потерпевшего, так и нарушений со стороны властных участников уголовного процесса. Исходя из данных положений нами предлагается внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые более подробно опишут порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон для унификации деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/.

4. Решняк М. Г. К вопросу о некоторых аспектах примирения с потерпевшим как основания для освобождения от уголовной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2. С. 126–131.

5. Кузнецова А. А. Понятие и признаки примирения сторон уголовно-правового конфликта // StudNet. 2022. № 1. С. 15–21.

6. Емлиханов Р. Р. Заглаживание лицом вреда, причиненного потерпевшему, как условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Огарев-Online. 2022. № 1 (170). С. 2–5.

7. Вичугский городской суд Ивановской области. Приговор № 1-102/2025 от 29 июля 2025 г. по делу № 1-66/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zmZIyGPRSfw/.

8. Ворошиловский районный суд г. Волгограда. Постановление № 1-199/2025 от 29 июля 2025 г. по делу № 1-199/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PMocitMLYnQX/.

9. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Кассационное определение от 11 февраля 2026 г. № 25-УД25-14-К4 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0FDrRmjB6RNw/.

10. Суд отказал потерпевшему в примирении // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/26/02/2026/69a03f8f9a79472c9328485b.

Головинова А. В.[1],
студент 3-го курса
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Крючкова В. В.[2],
студент 3-го курса
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Рытиков Т. А.,
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
имени Н.В. Радутной
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации только суд вправе осуществлять полномочия, которые составляют его компетенцию, ни один другой орган государственной власти таким правом не обладает [1]. Продолжая данную мысль, необходимо указать, что по ходатайству обвиняемого уголовные дела, указанные в п.п. 2 и 2.1 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, уголовно-процессуальный закон) могут быть рассмотрены в том числе судом с участием присяжных заседателей (далее – суд присяжных, присяжные заседатели, присяжные). В последние годы рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей стали менее востребованы, но так или иначе этот институт остается формой правосудия, на которую надеются подсудимые. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации доля оправдательных приговоров вынесенных судом присяжных составляет около 25 %, то есть каждый четвертый подсудимый, в то время как доля оправдательных приговоров в обычных уголовных процессах – всего лишь 0,15 % [2, с. 5]. Однако оправдания достаточно часто отменяются вышестоящими судами.

Кроме того, следует справедливо отметить, острую проблему относительно того, что присяжных заседателей сильно ограничивает процедура реализации их полномочий, например, знакомство с материалами уголовного дела. Вполне очевидно, что для того, чтобы понимать ход судебного заседания необходимо ознакомиться с материалами, но такое право реализуется только посредством

[1] © Головинова А. В., 2026.
[2] © Крючкова В. В., 2026.

подачи ходатайства, что затрудняет уголовное судопроизводство и значительно затягивает его. Таким образом в этой статье мы подробнее разберем полномочия суда присяжных, особенности и трудности в их реализации.

На сегодняшний день в России понятие присяжного заседателя введено на законодательной основе. В соответствии с уголовно-процессуальным законом, это «лицо, привлеченное в установленном УПК РФ порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта» [3, с. 11]. Научное сообщество также предлагает свои определения для суда присяжных, например, суд присяжных – это форма реализация прав граждан на осуществление правосудия [4, с. 343]. Коллегия присяжных заседателей, в своем вердикте разрешает вопросы факта, а профессиональный судья, на основе вердикта присяжных выносит приговор, в котором разрешает вопросы права. Таким образом, присяжные заседатели – это «судьи факта», но на практике возникает много вопросов относительно реализации их прав, некоторые из них раскроет данная статья.

В уголовном судопроизводстве присяжные заседатели наделены правом участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела в ходе судебного следствия. Их внутреннее убеждение и оценка происходящего формируются на основе восприятия выступлений участников процесса, а также в ходе допросов и осмотра вещественных доказательств и документов, которые могут фиксироваться ими в качестве значимых фактов в личные записи.

Одни представители научного сообщества считают, что таким образом достигается беспристрастность. Ведь как судьи «факта» присяжные оценивают поступок подсудимого на основании представлений о справедливости, опыта и здравого смысла. Такой порядок позволяет обеспечить отделенность и независимость в осуществлении судейских функций. Таким образом, можно сделать вывод, что у присяжных заседателей нет потребности в ознакомлении с материалами уголовного дела до судебного заседания, потому что цель их деятельности – это оценка факта преступления и ответ на конкретные вопросы, которые закреплены в ст. 339 УПК РФ.

Однако, множество сторонников противоположного мнения, например Т. А. Владыкина, считают, что одной из препятствующих причин понимания и восприятия происходящего на судебном заседании является нехватка информации, в том числе и первоначальной [5, с. 81]. Некоторые говорят о том, что присяжные заседатели, не имея профессиональной юридической подготовки и опыта участия в судебных разбирательствах, вынуждены воспринимать все происходящее на слух, что затрудняет получение ими правильного объективного представления об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела [6, с. 31].

Помимо этого, у присяжных есть право задавать вопросы допрашиваемым лицам по ст. 333 УПК РФ, но в соответствии с ч. 4 ст. 335 УПК РФ присяжные заседатели имеют право задавать вопросы только через председательствующего. С одной стороны, такое ограничение является обоснованным, присяжные, как лица, которые не обладают специальными познаниями в области юриспруденции и тем более не имеющих процессуальных навыков, необходимых для постановки вопросов, могут задавать наводящие вопросы, что противоречит законодательству [7, с. 327]. Но, с другой стороны, чрезмерным, поскольку в уго-

ловно-процессуальном законодательстве имеются способы сдерживания, которые не позволят отвечать на некорректные вопросы.

Поддерживают такой порядок подачи А. О. Машовец и А. Д. Прошляков, которые считают, что необходимо сохранение в неизменном виде принципиальной речекоммуникативой модели обмена информацией и выработкой решения. Авторы придерживаются характера центрального отношения председательствующего и присяжных [8, с. 19].

Как отмечают современные авторы, коллегии присяжных следует предоставить право напрямую, без промежуточных инстанций, обращаться с вопросами в ходе процесса, если у них возникает такая потребность. При этом председательствующий наделен полномочием открыто, в устной форме отводить те вопросы, которые выходят за рамки предъявленного подсудимому обвинения. Если говорить о документальном оформлении, то следует отметить, что даже вопросы, прозвучавшие в ходе судебного заседания, могут не фиксироваться в протоколе заседания. Действующее законодательство также не предусматривает механизма для приобщения подобных вопросов к материалам уголовного дела [9].

Также на этапе судебного следствия исследуются доказательства в том числе по вопросу их допустимости и недопустимости. Согласно ч. 5 ст. 335 УПК РФ, судья имеет полномочия исключать доказательства из уголовного дела, если в ходе судебного разбирательства будет выявлено, что эти доказательства являются недопустимыми. То есть инициировать данную проверку может судья как самостоятельно, так и по просьбе, участвующих в деле сторон. Однако данная процедура осуществляется в отсутствии присяжных заседателей, что противоречит закрепленному в ч. 1 ст. 333 УПК РФ праву присяжных на исследование доказательств.

В научной среде данное ограничение вызывает неоднозначную реакцию, разделяя исследователей на сторонников и противников такого подхода. В. М. Быкова и Е. Н. Митрофанова оценивают сложившуюся ситуацию как существенное ущемление прав присяжных, что негативно отражается на полноте и всесторонности изучения доказательств в уголовном судопроизводстве [6, с. 32]. В свою очередь, С. В. Фискевич высказывает предложение о необходимости закрепить норму, согласно которой председательствующий судья будет решать вопрос о присутствии присяжных при проверке допустимости доказательств, но с обязательным учетом позиции сторон [10, с. 201]. Подобный механизм, по мнению автора, позволит присяжным оценить обоснованность судейского решения и составить собственное представление по данному вопросу.

Вместе с тем существует и иная точка зрения, акцентирующая оправданность существующего запрета. Так, А. О. Машовец обращает внимание, что рассмотрение формально-юридических вопросов в присутствии коллегии присяжных неизбежно сопровождается оглашением сведений из доказательств, которые будут восприняты ими до разрешения вопроса об их исключении как недопустимых [11, с. 406].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 разъясняется, что в присутствии присяжных заседателей исследуются исключительно фактические обстоятельства дела, подлежащие оцен-

ке присяжными в рамках предоставленных им полномочий [12]. Данная позиция разделяется большинством ученых, которые полагают, что присяжные не должны вводиться в юридические тонкости и процессуальные нюансы.

Обобщая вышесказанное, можно сформулировать ряд предложений по оптимизации законодательства в контексте расширения полномочий присяжных:

1. Ключевой минус действующей модели – сужение возможности ознакомления с материалами уголовного дела. По сути, информация поступает к присяжным только в ходе судебного следствия через выступления участников процесса, что объективно затрудняет формирование у них целостной картины произошедшего. Подобная практика вступает в противоречие с идеей справедливого разбирательства, поскольку для вынесения объективного вердикта необходимо глубокое погружение в обстоятельства, в том числе в детали предъявленного обвинения. В связи с этим видится обоснованным разрешить присяжным знакомиться с теми документами, которые позволяют уяснить суть рассматриваемого дела.

2. Еще одна серьезная проблема – строго формализованная процедура направления вопросов допрашиваемым. Обязанность задавать их исключительно через председательствующего судью нередко ведет к потере важных нюансов, которые присяжные могли бы прояснить при прямой коммуникации. Это особенно критично с учетом того, что основной поток информации они получают через слуховое восприятие, что и без того осложняет понимание всего хода разбирательства. В связи с этим мы считаем обоснованным реформировать централизованный порядок постановки вопросов допрашиваемым и расширить полномочия присяжных заседателей в данном аспекте.

3. Процедура работы с доказательствами также требует серьезной доработки. Удаление доказательств из процесса в отсутствие коллегии присяжных фактически умаляет их возможность всесторонне оценить обстоятельства дела и выработать личное мнение относительно законности получения этих сведений. Такое ограничение едва ли можно назвать полностью оправданным. Безусловно, предоставление присяжным права решающего голоса по вопросам допустимости доказательств было бы излишним. Они, как правило, не имеют профильных знаний и не посвящены в тонкости уголовного судопроизводства. Однако удаление их из зала судебного заседания в подобных ситуациях выглядит чрезмерно строгой мерой, лишенной разумных оснований. Исходя из этого, предлагается наделить председательствующего судью полномочиями самостоятельно решать вопрос о возможности присутствия присяжных при проверке допустимости доказательств.

Список литературы

1. Рытиков Т. А. Судебная защита прав личности в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Российское правосудие. 2025. № 1. С. 82–94.

2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

4. Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавриата и специалитета / [П. С. Бадяева и др.]. М. : Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 2025.

5. Владыкина Т. А. Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных // Журнал российского права. 2012. № 8 (188). С. 81–91.

6. Быков В. М., Митрофанова Е. Н. О расширении прав присяжных заседателей // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 30–34.

7. Стойко Н. Г., Баянов А. И., Назаров А. Д. и др. Процессуальные последствия наводящих вопросов в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 2. С. 323–340.

8. Машовец А. О., Прошляков А. Д. Постановка вопросов присяжными заседателями в ходе судебного следствия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 3. С. 18–22.

9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2019 г. № 93-АПУ19-1СП.

10. Фискевич С. В. Оценка допустимости доказательств при производстве в суде присяжных заседателей // Общество и право. 2012. № 1. С. 199–203.

11. Машовец А. О. К вопросу о допустимости исследования доказательств в ходе судебного следствия перед присяжными заседателями // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск : Университетская книга, 2017. С. 404–408.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 28.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/.

РАЗДЕЛ XXIV. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Чайникова А. О.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научный руководитель:
Цветков Ю. А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

«ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КАКОЙ ОПЫТ РОССИЯ МОЖЕТ ПЕРЕНЯТЬ У КАЗАХСТАНА И КИТАЯ?

Современный этап развития правосудия характеризуется активным внедрением цифровых технологий, призванных повысить его доступность, оперативность и эффективность. Российская Федерация, следуя общемировым тенденциям, провозгласила курс на модернизацию всех сфер государственного управления, включая судебную систему. Материальная основа уголовного дела остается бумажной, тогда как коммуникации в современном обществе строятся преимущественно на электронных каналах передачи информации. Преодоление этого разрыва видится в переходе от традиционного бумажного уголовного дела к его электронному формату, теоретические основы которого активно разрабатываются отечественной наукой. Так, Ю. А. Цветков и О. В. Качалова предложили модель электронного уголовного дела как информационного портала, где участники процесса получают персонализированный доступ к материалам, размещенным в формате, исключающем их дальнейшее исправление [1, с. 96]. Развивая эти идеи, С. В. Зуев и Н. А. Моругина представили более детальную теоретическую конструкцию, включающую пять функциональных подмодулей:

[1] © Чайникова А. О., 2026.

сбор электронной информации о происшествии, накопление и систематизация электронных доказательств, электронный суд, исполнение приговора и обжалование решений [2, с. 78].

Попыткой практической реализации этих теоретических моделей стали ведомственные эксперименты по внедрению «электронных уголовных карточек». Однако на практике они обернулись созданием для следователя ситуации «двойной работы»: помимо ведения классического бумажного дела, он был вынужден ежедневно сканировать каждую страницу и загружать ее в систему. По сути, это не электронное уголовное дело, а его оцифрованная копия, которая не упрощает, а лишь усугубляет нагрузку. Причина такой ситуации кроется в системных ограничениях, на которые справедливо указывают авторы фундаментальной монографии под редакцией А. И. Бастрыкина и А. Н. Савенкова: отсутствие сертификации для работы с конфиденциальной информацией и невозможность использования электронной подписи для процессуальных документов, составляющих тайну следствия [3, с. 182]. Анализ правоприменительной практики показывает, что в регионах сохраняется дефицит современной компьютерной техники, а значительная часть сотрудников не обладает навыками, необходимыми для полноценной работы в цифровой среде. Это позволяет говорить о том, что успех реформы зависит не столько от разработки программного обеспечения, сколько от готовности самой системы к масштабным организационным преобразованиям, включая решение вопросов информационной безопасности – предотвращение несанкционированного доступа и фальсификации документов.

Прежде чем говорить об имплементации передового опыта, необходимо понять, что представляет собой электронное, а не «бумажное» электронное дело. В этом плане показателен пример Республики Казахстан. С 2017 г. в Казахстане внедрена модель, где электронное уголовное дело – обособленное производство, ведущееся в электронном формате посредством модуля е-УД. Следователь работает в цифровой среде, используя электронные шаблоны документов, которые автоматически формируются системой. Взаимодействие с прокурором, судом и экспертами происходит по электронным каналам связи через соответствующие порты. Лица, имеющие право знакомиться с материалами, получают доступ через личный кабинет именно к тем документам, которые им разрешены законом. Принципиально важный момент: формирование материалов электронного уголовного дела осуществляется в режиме реального времени, что исключает возможности их последующей фальсификации [3, с. 174].

В поисках технологических решений, способных вывести систему на новый уровень, логично обратиться к опыту стран, добившихся наибольших успехов в цифровизации правосудия. Китайская Народная Республика реализует с 2016 г. масштабный проект по созданию системы «Умный суд» (кит. 智慧法院, англ. Smart Court). Данная система представляет собой институционально-технологический симбиоз, где политические стратегии, нормы права и алгоритмические платформы взаимно конструируют друг друга для достижения процессуальной эффективности и управляемости. Толчком к ее созданию стала колоссальная нагрузка на судей: к 2016 г. централизованная платформа управления судебными

данными аккумулировала информацию по более чем 94,25 млн дел, а ежегодно автоматически формировала свыше 100 млн единиц аналитической информации [4].

Правовую основу китайской модели составляют «Правила онлайн-операций народных судов» (2022 г.), которые закрепляют архитектуру единой информационной системы из четырех взаимосвязанных подсистем: «Умное обслуживание» (ст. 5) выступает как единая платформа взаимодействия государства и гражданина, консолидирующая все публичные онлайн-сервисы от подачи иска до получения документов; «Умное судопроизводство» (ст. 6) регламентирует цифровой рабочий процесс судьи, внедряя инструменты интеллектуального помощника, осуществляющие анализ дела, подбор прецедентов и норм, а также генерацию проектов процессуальных решений. На практике это означает, что при вводе фабулы дела и имеющихся доказательств система предлагает судье перечень потенциально применимых статей, ссылки на схожие приговоры по аналогичным делам и даже проект описательно-мотивировочной части решения; «Умное исполнение» (ст. 7) обеспечивает автоматизированное принудительное исполнение через интеграцию с базами данных государственных органов; «Умное управление» (ст. 8) является институтом административного контроля, обеспечивая мониторинг нагрузки, процессуальных сроков и качества работы судей в реальном времени; «Судебный центр данных и Мозг умного суда» (ст. 10), аккумулирующий все данные и предоставляющий подсистемам сервисы искусственного интеллекта [5].

Примечательно, что на официальном уровне в Китае последовательно отстаивается принцип вспомогательной роли искусственного интеллекта. Как заявил в 2025 г. представитель Верховного народного суда КНР Дэн Сюмин, «китайские суды твердо привержены принципу, согласно которому ИИ может играть лишь вспомогательную роль в судебной работе, и обеспечивают, чтобы все окончательные решения и ответственность оставались за судьями-людьми» [6]. Вместе с тем в литературе отмечаются и системные вызовы, связанные с алгоритмическим мониторингом, который может побуждать судей ориентироваться на «усредненные» решения [7, с. 351], что требует осмысления при имплементации подобных технологий.

Проведенный анализ опыта Республики Казахстан и Китайской Народной Республики позволяет выделить два ключевых направления, значимых для разработки российской модели электронного уголовного дела.

Во-первых, нормативно-процедурное направление (урок Казахстана). Успех цифровизации в Казахстане обеспечен не столько технологиями, сколько детальной регламентацией на подзаконном уровне. Инструкция 2018 г. закрепила обязательность ведения дела в электронном формате с момента регистрации сообщения о преступлении (модуль е-УД), исчерпывающий перечень шаблонов процессуальных документов, порядок использования электронной цифровой подписи и планшета, а также механизм удаленного доступа участников через «публичный сектор» [8]. Для России это означает необходимость разработки и принятия аналогичного межведомственного нормативного акта, который унифицирует процедуры для всех органов уголовного преследования.

Во-вторых, архитектурно-технологическое направление (урок Китая). Китайская модель «Умного суда» демонстрирует принцип построения единой цифровой экосистемы, объединяющей досудебное производство, судебное рассмотрение, исполнение приговоров и управленческий контроль. Для российских реалий это означает необходимость интеграции существующих разрозненных ведомственных систем (ИСОД МВД, АИК «Надзор» СК России, ГАС «Правосудие») в единую платформу, обеспечивающую сквозной документооборот. Особого внимания заслуживает китайский подход к внедрению искусственного интеллекта: интеллектуальные помощники используются для подбора норм, анализа судебной практики и генерации проектов документов, однако окончательное решение всегда остается за человеком. Данный подход позволяет снять рутинную нагрузку с правоприменителя, не вторгаясь в сферу его процессуального усмотрения.

Таким образом, значение рассмотренных зарубежных моделей для Российской Федерации заключается в возможности синтеза двух подходов: казахстанская модель предоставляет отработанную процедурную матрицу для организации досудебного производства, тогда как китайская – предлагает архитектурный образец для построения межведомственной цифровой среды. Опираясь на теоретические разработки отечественной науки (Цветков, Качалова, Зуев, Моругина) и адаптируя позитивный зарубежный опыт, Россия способна сформировать собственную модель электронного уголовного дела, в которой цифровые инструменты облегчают работу следователя и судьи, сохраняя за ними ключевую роль в принятии юридически значимых решений.

Список литературы

1. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.

2. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83–94.

3. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере : монография / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Н. Савенкова. М. : Юнити-Дана, 2023.

4. Promoting Informatization of Courts. Court Reform in China // The Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://english.court.gov.cn/2017-03/14/c_761593_12.htm.

5. Online Operation Rules of the People's Courts // The Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/201/2212.html.

6. Officials seek limited use of AI in judiciary // The Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://english.court.gov.cn/2025-04/24/c_1088664.htm.

7. Ван Н., Тянь М. Ю. «Интеллектуальное правосудие»: ориентированные на человека соображения при правовой трансформации искусственного интеллекта в Китае // AI and Ethics. 2022. Т. 3. С. 349–354.

8. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» : зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 января 2018 г. № 16268 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268.

Грицкевич С. С.[1],
студент юридического факультета
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии

Научный руководитель:
Александрова Н. С.,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ОБВИНЯЕМОГО

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что в ходе расследования уголовного дела нередко возникают препятствия, не зависящие от действий сторон, участвующих в уголовном процессе. Одним из таких значимых обстоятельств является внезапная смерть участника уголовного судопроизводства. Такое событие может произойти на любом этапе процесса, создавая серьезные затруднения для субъектов правоохранительной деятельности.

Гибель подозреваемого (обвиняемого) на стадии досудебного либо судебного производства обусловливает специфику уголовно-процессуальных отношений и юридических последствий. В различных правовых системах последствия этого факта регламентируются по-разному, от прекращения преследования, до продолжения разбирательства в отношении соучастников либо иных участников дела. Целью данного исследования является сравнительно-правовой анализ российского и белорусского уголовно-процессуальных законодательств, регламентирующих особый порядок судопроизводства, обусловленный смертью лица, привлеченного к уголовной ответственности, а также результатов правоприменительной практики по делам такого рода.

В российской и белорусской системах правосудия допускается уголовное преследование исключительно в отношении физического лица. Перенос бремени несения уголовной ответственности на наследников скончавшегося не предусмотрен. Вместе с тем гражданско-правовые вопросы компенсации вреда, причиненного преступным деянием, регулируются гражданским законодательством. Потерпевший может предъявить соответствующий иск к наследникам, если это предусмотрено национальным гражданско-процессуальным либо процессуальным правом (например, заявить гражданский иск в уголовном судопроизводстве).

---

[1] © Грицкевич С. С., 2026.

В России гражданский иск о возмещении ущерба может быть предъявлен к обвиняемому в ходе уголовного разбирательства. В случае его смерти иск сохраняет силу, однако фактическое взыскание с наследников возможно лишь при наличии соответствующих оснований и соблюдении гражданско-правовых процедур. В Республике Беларусь соблюдается аналогичный регламент. Претензии о возмещении убытков заявляются в рамках уголовного судопроизводства или гражданского процесса. Учитывая это, ответственность наследников ограничивается стоимостью полученного наследства и регулируется гражданским законодательством.

Согласно отечественному законодательству, производство по уголовному делу прекращается по основаниям, исключающим уголовное преследование. В соответствии со ст. 47 УПК РФ производство приостанавливается в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, что исключает возможность дальнейшего преследования и требует соблюдения установленной процедуры оформления и оценки правовых последствий. Прекращение уголовного дела возможно на любой стадии уголовного процесса – как на этапе предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства. Соответствующее постановление обычно выносится следователем или прокурором, судебный орган прекращает производство по ходатайству сторон либо по собственной инициативе при установленной смерти лица. Следственные мероприятия, связанные с установлением обстоятельств дела, проверкой причастности других лиц, возмещением ущерба и конфискацией имущества, могут осуществляться в рамках отдельного производства либо в отношении иных участников уголовного процесса.

В судебном разбирательстве допускается прекращение преследования в отношении умершего обвиняемого с принятием постановления и публичным оглашением решения. При наличии соучастников уголовное преследование продолжается по фактам их участия. УПК Республики Беларусь закрепляет аналогичные правила. После смерти подозреваемого или обвиняемого преследование прекращается в отношении умершего, тогда как необходимые действия по установлению обстоятельств и проверке участия других лиц не прерываются.

Дефицит специализированных правил порождает множество различных мнений в работе следственных органов, что ведет к применению по аналогии УПК РФ. Правоохранительные органы вынужденно конструируют собственные процедуры. На практике применяется п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ для отказа в возбуждении либо прекращении уголовного дела, что может затрагивать конституционные права человека и гражданина.

В Российском законодательстве отсутствует самостоятельный раздел, регламентирующий порядок судопроизводства при смерти обвиняемого, что исключает закрепление специальных норм. Федеральный законопроект № 180771-6 (посвященный уточнению порядка уголовного судопроизводства в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, разработанный Правительством Российской Федерации во исполнение gостановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П) принят не был. Для сравнения, в УПК Республики Беларусь закреплен специальный институт – глава 49.2 «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваe-

мого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого».

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого является одним из наиболее сложных в уголовном процессе обеих стран. Это обусловлено необходимостью балансирования между фискальными интересами государства (прекращение «бесперспективного» дела) и защитой прав личности, в частности – права на реабилитацию и доброе имя.

В Российской Федерации согласно п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, смерть подозреваемого или обвиняемого является основанием для прекращения уголовного дела, за исключением случаев, когда производство необходимо для реабилитации умершего. Аналогичная норма содержится в п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь.

Несмотря на текстуальное сходство, процессуальные механизмы реализации данных норм имеют существенные отличия. В российском праве ключевым вектором развития здесь стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П. До этого момента дело прекращалось практически автоматически. Сейчас же в Российской Федерации установлен императив: при возражении близких родственников против прекращения дела по нереабилитирующему основанию (смерть), органы следствия и суд обязаны продолжить производство.

В УПК Республики Беларусь процедура также предполагает учет мнения близких родственников, однако акцент смещен на возможность проведения процесса в целях реабилитации в рамках уже существующих стадий без детальной регламентации статуса «представителя умершего», которая в российском праве проработана более детально в силу требований Конституционного Суда Российской Федерации.

Свои особенности имеют также процессуальный статус законных представителей и родственников.

Сравнительный анализ показывает, что основной процессуальный аспект заключается в наделении родственников умершего правами обвиняемого.

В Российской Федерации близкие родственники (или иные заинтересованные лица) вовлекаются в процесс в качестве законных представителей. Если они настаивают на продолжении дела, производство ведется в общем порядке, но с учетом невозможности личного участия обвиняемого. Особенностью является то, что при доказанности вины умершего суд выносит приговор без назначения наказания, а при недоказанности – оправдательный приговор.

Белорусский законодатель также признает право родственников на возражение против прекращения дела. Однако в УПК РБ менее четко прописан механизм принудительного назначения представителя в случае, если родственники установлены, но не желают участвовать в процессе, что иногда создает «процессуальный тупик».

Важным аспектом является момент наступления смерти.

На стадии предварительного расследования в обеих странах следователь выносит постановление о прекращении дела. Однако в Российской Федерации

процедура уведомления родственников и получения их согласия строго формализована. В Беларуси практика идет по пути уведомления, но процессуальные сроки и формы реагирования родственников на досудебной стадии имеют менее жесткую регламентацию, чем в Российской Федерации.

В российском праве, если обвиняемый умирает в ходе судебного разбирательства, суд не вправе просто прекратить дело при наличии возражений защиты. Суд обязан довести разбирательство до конца. В белорусском процессе существует аналогичный подход, однако в Беларуси чаще обсуждается вопрос об «институте заочного производства» (специальное производство), который в последние годы получил активное развитие, хотя его применение к умершим лицам остается дискуссионным вопросом доктрины.

Также следует отметить наличие проблем в доказывании и реализации прав на защиту.

Процессуальный аспект доказывания в случае смерти обвиняемого осложняется отсутствием «живого» источника доказательств со стороны защиты.

Российская практика выработала подход, согласно которому адвокат умершего продолжает выполнять свои функции, даже если родственники не вступили в дело активно (что подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации).

В Республике Беларусь акцент делается на полноте объективного исследования обстоятельств дела следствием (ст. 18 УПК РБ). При этом роль защитника в процессе по «делу умершего» в Беларуси рассматривается через призму обязательного участия адвоката в случаях, когда обвиняемый не может защищать свои интересы самостоятельно.

Помимо прочего обращают на себя внимание особенности оформления итоговых решений.

Существенным различием является форма итогового акта.

В Российской Федерации, если дело дошло до суда и вина доказана, выносится приговор (п. 1 ст. 254 УПК РФ указывает на прекращение дела в судебном заседании, но с учетом постановления № 16-П, если родственники настаивают на оправдании, а вина подтверждается – выносится приговор без наказания).

В Республике Беларусь судебная практика чаще склоняется к вынесению определения (постановления) о прекращении производства по делу, что иногда критикуется учеными как ущемление права на полную судебную реабилитацию, поскольку определение о прекращении по нереабилитирующим основаниям психологически воспринимается обществом как констатация виновности без формального приговора.

Таким образом, процессуальные аспекты в законодательстве России и Беларуси имеют общую генетическую связь (советская школа уголовного процесса), однако в Российской Федерации наблюдается большая детализация прав родственников, вызванная актами конституционного правосудия. В Республике Беларусь сохраняется более консервативная модель, ориентированная на экономию процессуальных средств, при сохранении базовых гарантий реабилитации. Основным направлением сближения законодательств может стать унификация статуса «представителя интересов умершего обвиняемого» и четкое определение

видов судебных решений, принимаемых в случае продолжения разбирательства после смерти субъекта ответственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295.

4. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / [В. П. Божьев и др.] ; под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002.

5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2020.

Кеслер П. В.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Маламагамедова А. Р.,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ

Современная система уголовного судопроизводства Российской Федерации основана на ряде фундаментальных принципов, среди которых особое значение имеют законность, равенство участников процесса и гарантированность права на защиту. Вместе с тем реальное осуществление данных прав невозможно без активного участия адвоката в процессе установления и исследования доказательств. Поскольку именно в ходе доказательственной деятельности формируются фактические основания, на которых впоследствии принимаются ключевые процессуальные решения.

В связи с этим особую роль играет деятельность следователя, в производстве которого находится уголовное дело. На стадии предварительного расследования данное должностное лицо наделено значительным объемом процессуальных полномочий и во многом определяет условия, в которых сторона защиты реализует предоставленные ей права.

Данная ситуация порождает явное несоответствие между законодательно установленным принципом состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и фактическим балансом их процессуальных полномочий.

Проблема участия защитника в процессе доказывания занимает заметное место в современной отечественной уголовно-процессуальной науке и является предметом активных научных дискуссий. Одним из ключевых направлений научного анализа выступает изучение роли защитника в формировании доказательственной базы по уголовному делу, а также определение пределов его участия в собирании и представлении сведений, имеющих значение для установления фактических обстоятельств дела.

Так, в научной статье «Участие защитника в процессе доказывания» А. С. Грачевой и О. Г. Тихомировой упоминается, что «в отдельную группу прав, со-

[1] © Кеслер П. В., 2026.

гласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, отнесено право защитника собирать доказательства. На основании данного положения, возможно, полагать, что информация, полученная в установленном законом порядке, «по определению» должна являться доказательством» [3, с. 93]. Данное положение отражает одну из точек зрения, встречающихся в научной литературе, согласно которой закрепление соответствующего права в уголовно-процессуальном законодательстве может восприниматься как основание для признания результатов деятельности защитника доказательствами.

Однако подобная трактовка представляется недостаточно обоснованной и требует более внимательного анализа с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства. Прежде всего, необходимо учитывать системное содержание положений статьи 86 УПК РФ [6]. Так, законодатель предоставляет защитнику право осуществлять определенные действия, направленные на получение сведений, способных иметь значение для уголовного дела (получение предметов, документов и иных сведений, опрос лиц с их согласия, а также направление запросов в различные организации и учреждения). Тем не менее, для того чтобы полученные сведения приобрели процессуальный статус доказательств, требуется их надлежащая проверка и последующая оценка уполномоченными участниками уголовного судопроизводства.

Следовательно, деятельность защитника, направленная на получение и представление информации, имеет вспомогательное значение по отношению к доказыванию в его строгом процессуально-правовом понимании.

Действующее правовое регулирование отражает специфику положения защитника в доказательственной деятельности. С одной стороны, законодатель стремится обеспечить стороне защиты реальную возможность участвовать в формировании доказательственной базы, наделяя адвоката рядом процессуальных средств и полномочий. С другой стороны, окончательное решение о признании полученных сведений доказательствами остается в компетенции органов предварительного расследования, что обусловлено особенностями построения уголовного процесса и распределением функций между его участниками.

В связи с этим в научной среде и профессиональном юридическом сообществе продолжается обсуждение направлений совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики, направленных на усиление гарантий права на защиту. В частности, в высказываниях А. С. Грачевой и О. Г. Тихомировой по поводу составляющих доказательственной деятельности – собирания, проверки и оценки доказательств – усматривается, следующее. Они «видятся не как совокупность, а как последовательность действий, нарушение которой недопустимо» [3, с. 95]. Логическим продолжением данного умозаключения может быть то, что одной из ключевых проблем, препятствующих полноценному участию защитника в процессе доказывания, является нормативная неопределенность механизма реализации его процессуальных полномочий. Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит детально регламентированного порядка осуществления защитником процессуальных действий, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ, то отсутствие четко закрепленной процедуры существенно затрудняет практическую реализацию данных полно-

мочий и снижает эффективность участия стороны защиты в формировании доказательственной базы.

Еще одним существенным препятствием в данной позиции является отсутствие в действующем законодательстве эффективного механизма, гарантирующего беспрепятственное приобщение к материалам уголовного дела сведений и документов, полученных защитником. Вследствие этого такие материалы на практике нередко оказываются зависимыми от усмотрения органов предварительного расследования, что объективно сужает возможности стороны защиты по представлению доказательственной информации.

Интересную точку зрения по данному вопросу высказывает А. А. Матвиенко, который отмечает, что «уголовное судопроизводство в любой демократической стране может быть только конфликтным, поскольку стороны обвинения и защиты всегда преследуют диаметрально противоположные цели: адвокат стремится убедить суд в невиновности своего подзащитного, а государственный обвинитель всегда настаивает на обратном» [2, с. 265].

Приведенное утверждение обоснованно акцентирует внимание на необходимости активной и инициативной позиции защитника в уголовном процессе. Вместе с тем представляется, что данная точка зрения нуждается в определенном уточнении.

В ходе настоящего исследования был проведен опрос действующих адвокатов, результат которого свидетельствует о наличии устойчивых проблем в правоприменительной практике, связанных с реализацией полномочий защитника в процессе доказывания. По сути, адвокаты в ряде случаев лишаются своей ключевой функции «защищать», поскольку их процессуальные возможности фактически ограничиваются: следственные органы игнорируют или формально рассматривают ходатайства, должностные лица предоставляют сведения выборочно либо уклоняются от их предоставления, а значимая для дела информация нередко не находит отражения в материалах уголовного дела.

В сложившейся ситуации становится очевидным, что для достижения реального результата необходимо обратиться к процессуальному фундаменту уголовного судопроизводства – его базовым принципам. Именно через их переосмысление и практическое наполнение возможно устранение существующего дисбаланса между стороной обвинения и стороной защиты.

В этой связи представляется обоснованным предложение о закреплении обязанности включения в обвинительное заключение всех сведений, представленных защитником, в случае заявления им ходатайства о приобщении данных сведений в качестве доказательств к материалам уголовного дела. Это подтверждается тем, что в действующей модели именно следователь фактически определяет, какие сведения станут доказательствами, а какие будут исключены из процесса доказывания еще на досудебной стадии. Так, суд, как независимый и беспристрастный орган, будет оценивать представленные защитой материалы в условиях состязательности, что обеспечит более объективное формирование доказательственной базы. Тем самым будет восстановлен баланс процессуальных возможностей сторон и исключена практика «фильтрации» доказательств обвинением.

Не менее важным направлением совершенствования является развитие института опроса лиц защитником, предусмотренного ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Из вышесказанного целесообразно рассмотреть возможность введения процедуры обязательной дачи показаний определенными категориями лиц, обладающих сведениями, имеющими значение для уголовного дела. Речь может идти о свидетелях, очевидцах событий, должностных лицах организаций, а также иных лицах, располагающих информацией, относящейся к предмету доказывания.

Реализация описанного механизма должна осуществляться с неукоснительным соблюдением конституционных гарантий, прежде всего закрепленных в ст. 51 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует право не свидетельствовать против себя и близких родственников. Одновременно необходимо учитывать нормы ст. 56 УПК РФ, определяющей статус свидетеля и порядок получения показаний, а также правила, запрещающие принуждение к их даче. Следовательно, речь не идет о введении безусловной обязанности давать показания; цель состоит в формировании такой процессуальной модели, при которой отказ от сотрудничества с защитником возможен лишь на законных основаниях. Это позволит повысить эффективность сбора информации стороной защиты и приблизит ее возможности к тем, которыми располагает сторона обвинения.

Проблема взаимодействия защитника с должностными лицами при получении документов, характеристик и других сведений, имеющих значение для уголовного процесса, требует также отдельного рассмотрения. Хотя п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ прямо предусматривает обязанность соответствующих органов предоставлять необходимую информацию по запросу адвоката, на практике же последние зачастую либо получают формальные ответы и сталкиваются с предоставлением лишь части запрошенных сведений либо вовсе не получают ответа на направленные обращения. Подобная практика существенно осложняет осуществление права на защиту и препятствует всестороннему рассмотрению уголовного дела по существу.

Целесообразно закрепить на законодательном уровне ответственность государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений и организаций за необоснованный отказ в предоставлении информации по запросу защитника либо за ее частичное предоставление. Однако такая мера должна применяться только тогда, когда запрашиваемые сведения непосредственно связаны с предметом доказывания и их раскрытие не ограничено законом. Реализация данного механизма позволит повысить эффективность взаимодействия стороны защиты с государственными структурами и обеспечить практическое исполнение норм уголовно-процессуального законодательства.

В заключение хотелось бы отметить, что участие защитника в процессе доказывания, обеспечиваемое следователем, выступает важной гарантией реализации принципа состязательности и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Практика показывает, что формального закрепления процессуальных прав недостаточно для их полноценного осуществления. Поэтому необходим комплексный подход, включающий совершенствование правового регулирования, усиление судебного контроля и формирование правоприменени-

тельной практики, направленной на реальное равноправие сторон. Лишь при таких условиях защитник сможет эффективно выполнять свою основную функцию – обеспечивать защиту прав и законных интересов доверителя.

Список литературы

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2024 г. по делу № 22-830/2024.

2. Виноградова О. Б., Портянкина С. П. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 2. С. 264–268.

3. Грачева А. С., Тихомирова О. Г. Участие защитника в процессе доказывания // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 93–97.

4. Методические разъяснения Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга адвокатам-защитникам относительно действий адвоката при исследовании доказательств в суде, обеспечении или отсутствии аудиопротоколирования заседаний судов первой и апелляционной инстанций, а также времени заявления защитником ходатайств // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/documents/papers-of-the-regional-ap/methodological-guidelines-of-the-bar-council-of-st-petersburg-/.

5. Зарбябян М. Практические проблемы участия защитника в исследовании доказательств // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/prakticheskie-problemy-uchastiya-zashchitnika-v-issledovanii-dokazatelstv/.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

РАЗДЕЛ XXV. ЦИФРОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ногойбаев А. Б.[1],
слушатель факультета
подготовки иностранных специалистов
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Потапенкова И. В.,
заместитель начальника кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМЫ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ («БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД») В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ. ОПЫТ КЫРГЫЗСТАНА И РОССИИ

Цифровизация государственного управления постепенно изменила традиционные механизмы охраны общественного порядка. Если ранее видеонаблюдение рассматривалось как вспомогательное техническое средство, то сегодня оно стало частью более широких информационных комплексов, соединяющих камеры, базы данных, ситуационные центры, алгоритмы анализа и механизмы межведомственного обмена сведениями. В таком качестве система видеонаблюдения выступает не только инструментом фиксации событий, но и средством предупреждения правонарушений, розыска лиц, реагирования на угрозы и сбора доказательственной информации.

Наиболее показательным для стран постсоветского региона является опыт России и Кыргызстана. Несмотря на то, что в обоих государствах системы «Безопасный город» развивались в рамках цифровизации госуправления, модели их реализации имели существенные различия. В России комплекс изначально строился как федеральная межведомственная структура, тогда как в Кыргыз-

[1] © Ногойбаев А. Б., 2026.

стане он начинался с автоматического контроля нарушений правил дорожного движения и лишь впоследствии трансформировался в общенациональную платформу общественной безопасности.

Система «Безопасный город» в Кыргызстане на практике была ориентирована главным образом на обеспечение безопасности дорожного движения. Ее ключевая задача состояла в автоматической фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения, вынесении электронных постановлений и передаче материалов в базу данных уполномоченного органа без оформления традиционного протокола на месте. Это подтверждается положениями Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях, где прямо установлен порядок вынесения электронных постановлений по нарушениям, выявленным с помощью сертифицированных технических средств фото- и видеофиксации. Кроме того, практика реализации проекта показывает, что в общественном восприятии он долгое время связывался прежде всего со штрафами за нарушения ПДД, а не с более широкой системой обеспечения общественной безопасности.

С 18 сентября 2024 г., после подписания Президентом Кыргызской Республики Садыром Нургожоевичем Жапаровым Указа № 265 «О вопросах реализации компонента „Безопасный город“ проекта „Умный город“» стартовал новый этап внедрения кыргызской модели. Согласно документу, координация реализации данного направления возложена на Министерство внутренних дел, которому также передана автоматизированная информационная система «Безопасный город» от Министерства цифрового развития. Кроме того, Генеральной прокуратуре поручено передать в ведение МВД архивы и базу данных о правонарушениях, сформированные с использованием соответствующего аппаратно-программного комплекса [1].

Эта мера имеет значительные правовые аспекты. Во-первых, она устранила разрыв между техническим управлением системой и полномочиями органа, непосредственно ответственного за поддержание общественного порядка. Во-вторых, она создала предпосылки для интеграции видеонаблюдения не только в автоматизированную систему штрафов, но и в оперативную деятельность Министерства внутренних дел. В-третьих, передача архива записей о нарушениях укрепила непрерывность данных и заложила основу для дальнейшего аналитического использования накопленной информации.

В 2025 году кыргызская модель получила новое развитие в рамках проекта «Безопасная страна». На коллегии МВД, состоявшейся 25 апреля 2025 г., было прямо отмечено, что расширение проекта «Безопасный город» до уровня общенациональной инициативы «Безопасная страна» открывает возможность для формирования более масштабной системы общественной безопасности [2]. МВД акцентировало внимание на необходимости поэтапного внедрения видеонаблюдения по всей территории республики, включая улицы, парки, рынки, торговые центры, туристические зоны, а также участки, расположенные рядом со школами и дошкольными учреждениями. Вместе с тем особо подчеркивалось, что реализация данного проекта должна осуществляться при строгом соблюдении законности и сопровождаться внесением соответствующих изменений в нормативно-правовые акты.

Из открытых источников следует отметить, что к февралю 2025 г. сеть видеонаблюдения в Кыргызстане, интегрированная с базой МВД, выросла до 25 тыс. камер, что более чем вдвое превышает изначальные показатели проекта «Безопасный город» (12 тыс.) [4]. Развитие системы характеризуется внедрением технологий распознавания лиц и привлечением к сети камер, установленных различными организациями при условии соблюдения единых технических стандартов. Эти изменения свидетельствуют о трансформации проекта: он эволюционирует от узкоспециализированной системы дорожной фотофиксации к масштабной распределенной модели, объединяющей техническую инфраструктуру разных владельцев под общим управлением.

Еще одним значимым нововведением стало постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 2 сентября 2025 г. № 550 «О вопросах дальнейшего развития компонента „Безопасный город“ проекта „Умный город“» [3]. Согласно сообщениям об этом нормативном акте, был утвержден порядок формирования и использования средств, поступающих в виде штрафов за правонарушения, зафиксированные АИС «Единый реестр правонарушений», в том числе с применением аппаратно-программных комплексов фото- и видеофиксации. Помимо этого, в Правила дорожного движения официально было введено понятие аппаратно-программного комплекса фиксации нарушений, а к числу исполнителей проекта отнесены государственное учреждение «Кызмат», «Технический центр» ГУОБДД МВД КР и ОАО «Кыргызтелеком».

С юридической точки зрения, последнее развитие событий в Кыргызстане можно оценить положительно по нескольким причинам. Во-первых, проект становится все более систематизированным. Появляется более четкая модель, в которой ответственные органы берут на себя управление, заменяя ранее разрозненные технические операции. Во-вторых, расширяются возможности юридического распознавания цифровых записей нарушений. В-третьих, этот проект выходит за рамки дорожного наблюдения и охватывает общественные места, учебные заведения и туристические объекты, фактически становясь платформой для обеспечения повседневной безопасности.

Вместе с тем кыргызская модель демонстрирует и ряд правовых рисков. По мере расширения сети камер и ее более тесной интеграции с базами данных МВД все более актуальными становятся вопросы законности доступа к информации, сроков хранения видеозаписей, круга уполномоченных пользователей системы, порядка обжалования решений, принятых на основе автоматической фиксации, а также правомерности использования технологий распознавания лиц. Примечательно, что само МВД в апреле 2025 г. увязало общественную поддержку проекта с необходимостью не допускать нарушений прав граждан и совершенствовать нормативную базу.

Российская модель развивалась по иной логике. Уже постановлением Правительства Российской Федерации от 20 января 2014 г. № 39 была образована Межведомственная комиссия по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город» [5]. Вскоре распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р была утверждена Концепция построения и разви-

тия АПК «Безопасный город», в которой целевой установкой комплекса прямо названо повышение общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации служб, ответственных за решение этих задач [6].

В отличие от Кыргызстана, где данный проект на протяжении долгого времени воспринимался главным образом как система дорожной видеофиксации, российский АПК «Безопасный город» с самого начала разрабатывался как комплексная система управления рисками. В его структуру входят не только камеры наблюдения, но и инструменты мониторинга, прогнозирования, оповещения, а также координации действий экстренных и правоохранительных служб. Следовательно, видеонаблюдение в российской модели выступает важной составной частью, но не исчерпывает всего содержания этого комплекса.

Развитие модели «Безопасный город» в России продолжается активными темпами. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 2619-р был утвержден обновленный состав межведомственной комиссии, курирующей внедрение комплекса [7]. Параллельно, по данным МЧС и открытых источников, в 2024–2025 гг. велась работа над новой концепцией системы и проектом специального федерального закона. Эти шаги указывают на стратегический курс по переходу от ведомственного регулирования и концептуальных разработок к полноценному законодательному оформлению статуса АПК «Безопасный город».

Наиболее наглядным примером опыта России в области обеспечения правопорядка являются региональный и муниципальный уровни. Так, в документах Московской городской думы от марта 2025 г. упоминается использование камер видеонаблюдения и систем распознавания лиц, в том числе установленных в метро, как один из факторов, способствующих улучшению ситуации с безопасностью в столице. Одновременно в 2025 г. совет столицы внес законодательное предложение, направленное на создание правовой базы для более широкого использования технических и программных средств дистанционного наблюдения при выявлении административных правонарушений [8].

Российская модель системы «Безопасный город» выделяется высоким уровнем масштабирования и глубокой технологической интеграцией, объединяя федеральную концепцию, межведомственную координацию, региональные сегменты и передовые аналитические инструменты. Однако именно эта сложность и широта охвата обостряют проблему вмешательства в частную жизнь граждан. Чем более совершенными становятся технологии анализа видеопотока и активнее применяется биометрия, тем строже должны быть требования к законодательному обоснованию, целевому использованию данных, информационной безопасности и механизмам внешнего контроля.

Сходство двух стран проявляется прежде всего в признании видеонаблюдения неотъемлемой частью современной системы правопорядка. И Кыргызстан, и Россия исходят из того, что камеры и автоматизированные комплексы повышают раскрываемость правонарушений, усиливают профилактику, облегчают розыск и создают объективную цифровую фиксацию событий. В обеих странах системы постепенно связываются с базами государственных органов

и переходят от локальной фотофиксации к платформенному управлению безопасностью.

Фундаментальные различия между подходами двух стран очевидны. Россия реализует «Безопасный город» как федеральный межведомственный комплекс, где видеонаблюдение является интегрированным элементом общей системы предупреждения и ликвидации угроз. В свою очередь, Кыргызстан трансформирует свою модель: переходя от узкой задачи автоматической фиксации нарушений к масштабному национальному проекту «Безопасная страна», республика фактически проходит этап концептуального становления, который в России был заложен еще в 2014 г.

Имеются также различия в стадиях правового зрелости. Российская модель обладает более развитой концептуальной и нормативной базой, однако требует дальнейших специальных законодательных мер, учитывающих новые аналитические технологии и биометрические технологии. Напротив, кыргызская модель демонстрирует быстрый организационный рост, но ее нормативная база еще не полностью адаптирована к расширяющимся масштабам видеонаблюдения. Это создает риск того, что технологическое развитие может опередить правовые гарантии.

Опыт Кыргызстана и России показывает, что системы видеонаблюдения действительно играют важную роль в обеспечении правопорядка. Их значение проявляется в профилактике правонарушений, объективной фиксации событий, укреплении доказательственной базы, повышении оперативности реагирования правоохранительных органов, а также в улучшении управляемости городской и региональной безопасности.

Таким образом, системы «Безопасный город» и их современные модификации могут быть эффективным инструментом обеспечения общественного порядка и безопасности только при соблюдении трех основных условий: четкого нормативного определения компетенции государственных органов, процессуально корректного обращения с цифровыми данными и наличия действенных правовых механизмов контроля за их использованием. Именно в этом состоит главный юридический вывод сравнительного анализа опыта Кыргызстана и России.

Список литературы

1. Указ Президента Кыргызской Республики от 18 сентября 2024 г. УП № 265 «О вопросах реализации компонента „Безопасный город“ проекта „Умный город“» // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/5-10701/edition/16824/ru?utm.

2. Проект „Безопасная страна“: ключевые направления и задачи // МВД Кыргызской Республики. URL: https://mvd.gov.kg/rus/news/4233.

3. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 2 сентября 2025 г. № 550 «О вопросах дальнейшего развития компонента “Безопасный город” проекта „Умный город“» // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/7-44089/edition/36626/.

4. В Кыргызстане установлено около 25 тысяч видеокамер, их подключают к базе МВД // 24.KG. URL: https://24.kg/obschestvo/319363_vkyirgyizstane_ustanovleno_okolo_25tyisyach_videokamer_ihpodklyuchayut_kbaze_mvd/.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 января 2014 г. № 39 О Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств „Безопасный город“» (ред. от 18.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158130/.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса „Безопасный город“» (ред. от 05.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172077/.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 2619-р (ред. от 12.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=607485874#I0.

8. Столичная полиция сохраняет стабильную оперативную обстановку в городе и обеспечивает высокий уровень безопасности москвичей // Московская городская дума. URL: https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/stolichnaya-politsiya-sohranyaet-stabilnuyu-operativnuyu-obstanovku-v-gorode-i-obespechivaet-vyisokiy-uroven-bezopasnosti-moskvichey?utm.

Меркулов Д. М.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Карпушкина М. О.,
преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЖУРНЫХ ЧАСТЕЙ МВД РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Введение

В современных условиях цифровая трансформация государственного управления все чаще рассматривается как необходимый фактор повышения эффективности публичной административной деятельности. Одним из наиболее значимых технологических направлений здесь выступает внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ), обеспечивающих автоматизацию обработки больших массивов данных, обнаружение устойчивых связей и зависимостей в неоднородной информации, а также формирование аналитической основы для принятия управленческих решений. Для органов внутренних дел подобные технологии приобретают повышенную актуальность в силу специфики их функций, объективно связанных с необходимостью анализировать значительные объемы сведений о правонарушениях и оперативно, нередко в экстренном порядке, реагировать на происшествия.

Дежурные части органов внутренних дел занимают ключевое место в системе оперативного управления подразделениями полиции, фактически выполняя функции централизованного диспетчерского и координационного узла. Именно через них организован непрерывный (круглосуточный) прием заявлений и сообщений граждан о преступлениях и происшествиях, осуществляется расстановка и управление нарядами полиции, налажено межведомственное взаимодействие (в частности, с бригадами скорой медицинской помощи, подразделениями МЧС России и Росгвардии), а также обеспечивается оперативное информирование руководства об изменениях в оперативной обстановке.

---

[1] © Меркулов Д. М., 2026.

Увеличение числа обращений граждан (достаточно указать, что в 2024 г. по системе «112» в Российской Федерации принято свыше 60 млн вызовов, причем порядка 15 % из них требуют участия полиции), широкое распространение систем видеонаблюдения (только в общедоступной части Москвы их насчитывается более 200 тыс. камер) и рост объемов электронного документооборота формируют существенную дополнительную нагрузку на сотрудников дежурных частей МВД России. Вследствие этого возрастает объективный риск ошибок, совершаемых при ручной обработке поступающей информации.

При таких обстоятельствах внедрение интеллектуальных технологий оценивается не как далекая перспектива, а как один из приоритетных и экономически оправданных способов модернизации административных процессов в органах внутренних дел.

Применение искусственного интеллекта в деятельности дежурных частей

Применение алгоритмов искусственного интеллекта в повседневной работе органов внутренних дел охватывает несколько самостоятельных направлений, каждое из которых обладает собственной юридической и тактической характеристикой. Одно из них связано с автоматизированной обработкой сведений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, поступающих по телефонным линиям, через электронные сервисы (в частности, портал «Госуслуги», мобильное приложение «112», чат-боты в мессенджерах) или иные информационные системы. Используемые в настоящее время алгоритмы обработки естественного языка обеспечивают анализ текстовой и речевой информации в режиме реального времени, позволяют выделять из нее значимые элементы (время, место, характер события, приметы подозреваемых, сведения о пострадавших) и автоматически относить сообщение к определенной категории в зависимости от вида события и его правового значения (например, преступное посягательство против личности, административное правонарушение, заведомо ложный вызов). В результате ускоряется процедура регистрации обращений, сокращается число ошибок при первичной обработке данных, а информация оперативно направляется в соответствующие профильные подразделения.

Другое направление представляет собой использование интеллектуальных систем для анализа текущей оперативной обстановки. Методы анализа больших объемов данных и машинного обучения позволяют обнаруживать скрытые закономерности в массивах статистики преступности – например, сезонные колебания отдельных видов преступлений, пространственно-временные скопления противоправных деяний (места и временные интервалы, где фиксируется наибольшее число краж или уличных грабежей), а также прогнозировать динамику криминогенной ситуации на конкретной территории. Полученные результаты служат основой для научно обоснованных рекомендаций по размещению патрульных нарядов. Для дежурных частей такие технологии выполняют функции систем поддержки принятия решений, помогая сотрудникам своевременно реагировать на изменения обстановки и выбирать юридически и тактически верные варианты действий, в том числе корректировать маршруты патрулирования или направлять дополнительные силы в наиболее проблемные точки.

Значительный потенциал заложен также в применении технологий компьютерного зрения и автоматического анализа видеоданных. Системы видеонаблюдения повсеместно развернуты в общественных местах, на объектах транспортной инфраструктуры и в городской среде (например, в Москве такая система интегрирована в аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», а в Санкт-Петербурге действует сеть из приблизительно 90 тыс. камер). Интеллектуальные алгоритмы позволяют обрабатывать видеопотоки без участия человека: они способны распознавать подозрительные действия (драки, падения, бесхозные предметы, агрессивное поведение толпы), фиксировать административные правонарушения (в частности, остановку или стоянку в запрещенном месте, переход проезжей части в неположенном месте) и в автоматическом режиме направлять соответствующую информацию вместе с видеозаписью в дежурные подразделения полиции. Это не только повышает оперативность реагирования, но и формирует дополнительный массив доказательств по выявленным фактам.

Нормативно-правовые проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта

При всех достоинствах внедрения систем искусственного интеллекта в практику правоохранительных органов их реальное использование в работе дежурных частей сталкивается с целым рядом нормативных препятствий, требующих безотлагательного законодательного урегулирования.

Действующее российское законодательство регулирует вопросы применения интеллектуальных систем в государственном управлении лишь отрывочно, не образуя целостного правового механизма. На уровне стратегического планирования утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490), реализуются различные программы цифровизации, в том числе ведомственная программа МВД России. Однако специализированных нормативных правовых актов, которые бы детально и системно регламентировали использование ИИ именно в деятельности органов внутренних дел, до настоящего времени не принято.

Одной из центральных правовых проблем остается определение субъекта, несущего юридическую ответственность за решения, выработанные на основе алгоритмов ИИ. Если автоматизированная система анализа данных ошибается при классификации события (к примеру, квалифицирует ложный вызов как реальное преступление либо, напротив, пропускает сообщение о готовящемся нападении) либо дает неверную рекомендацию о расстановке сил, то возникает принципиальный вопрос: кто отвечает за возможные последствия – создатель программного обеспечения, не контролирующий его эксплуатацию; оператор системы (сотрудник дежурной части, воспринимающий результат как рекомендательный); или должностное лицо, утвердившее решение на основании такой рекомендации? Отсутствие четкого правового регулирования – в том числе отсутствие соответствующих изменений в Федеральный закон «О полиции» [1] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – порождает серьезные риски при практическом внедрении, включая вероятность судебных исков и дисциплинарных взысканий.

Не менее значимым является соблюдение требований законодательства о персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]). Функционирование интеллектуальных систем неизбежно влечет обработку крупных массивов информации, в том числе биометрических персональных данных (изображения лиц, походка, голос), видеозаписей с камер наблюдения, а также иных сведений о гражданах, включая специальные категории, касающиеся привлечения к ответственности. В связи с этим требуется обеспечить надежную организационно-техническую защиту такой информации от несанкционированного доступа, утечек и злоупотреблений.

Кроме того, остро стоит вопрос о прозрачности (объяснимости) алгоритмов ИИ. Многие современные системы машинного обучения, особенно глубокие нейронные сети с многомиллионными параметрами, функционируют по принципу «черного ящика», что объективно затрудняет понимание логики принятого ими решения. Это напрямую влияет на возможность судебного обжалования и реализацию конституционного права на справедливое разбирательство: лицо, привлеченное к ответственности на основании данных, обработанных непрозрачным алгоритмом, не способно эффективно оспорить такое решение, не имея представления о его фактических основаниях.

Перспективы цифровой трансформации административных процессов Министерства внутренних дел Российской Федерации

Дальнейшее совершенствование технологических решений в области искусственного интеллекта открывает существенные возможности для кардинального обновления административных процедур в системе органов внутренних дел, позволяя вывести их на принципиально иной организационно-функциональный уровень. В среднесрочной перспективе речь идет о создании единой интеллектуально-управляемой информационной платформы, которая объединит разнородные источники данных: системы видеонаблюдения (как муниципальные, так и ведомственные), учетно-криминалистические базы правоохранительных органов (дактилоскопические массивы, ДНК-регистрация, учеты похищенного имущества), а также информационные ресурсы иных государственных структур (Федеральной налоговой службы, Росгвардии, МЧС России и в перспективе – единой биометрической системы). Функционирование такой платформы позволит в автоматическом режиме анализировать поступающие сведения в реальном времени, выявлять межведомственные корреляции (например, совпадение данных о транспортном средстве подозреваемого с фиксацией дорожных камер) и вырабатывать юридически и тактически обоснованные рекомендации для сотрудников дежурных подразделений, включая автоматизированное формирование процессуальных документов (рапортов, протоколов) на основе типовых шаблонов.

Значимым направлением развития выступает проектирование интеллектуальных систем поддержки принятия решений, способных в режиме реального времени оценивать складывающуюся оперативную обстановку и предлагать оптимальные варианты реагирования при различных сценариях происшествий. Практическое внедрение подобных технологий позволит повысить эффективность распределения наличных сил и средств полиции (в частности, автомати-

чески предлагать ближайший свободный экипаж к месту вызова с учетом дорожной ситуации), сократить время реагирования на сообщения о правонарушениях (с нынешних 10–15 минут до 3–5 минут в условиях города, что имеет решающее значение для задержания по горячим следам) и в конечном счете повысить общий уровень безопасности граждан.

Вместе с тем внедрение таких систем должно сопровождаться разработкой четких ведомственных нормативных регламентов (приказов МВД России, инструкций для дежурных смен), которые бы определяли порядок использования алгоритмов ИИ, пределы их рекомендательной силы (окончательное решение всегда остается за человеком) и процедуры последующего контроля со стороны прокуратуры, судебных органов и уполномоченных по правам человека.

Заключение

Подводя итоги отметим, что внедрение технологий искусственного интеллекта в повседневную работу дежурных подразделений МВД России следует рассматривать не только как техническое нововведение, но и как полноценное правовое и организационное направление реформирования правоохранительной сферы в условиях становления цифрового государственного управления. Применение интеллектуальных алгоритмов дает возможность автоматизировать значительную часть типовых административных операций – прием и регистрацию сообщений, их первичную классификацию, мониторинг видеопотоков, – повысить качество обработки сведений и ускорить подготовку управленческих решений, что в итоге работает на защиту прав и законных интересов граждан.

Вместе с тем полноценная реализация указанных возможностей требует системного обновления нормативно-правовой базы. Необходимо внесение изменений в ряд федеральных законов – в частности, в Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О персональных данных», Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях. Помимо этого, предстоит принять подзаконные акты, которые детально урегулируют порядок использования ИИ в конкретных правоприменительных процедурах.

Выработка четких правовых институтов – включая распределение ответственности за принимаемые на основе алгоритмов решения, требования к объяснимости (прозрачности) работы систем ИИ, гарантии защиты обрабатываемых данных – позволит достичь разумного равновесия между технологическим развитием и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Достижение такого баланса выступает необходимым условием устойчивого функционирования современной системы общественной безопасности в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_110165/.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

3. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

4. Агеев В. Н. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 182–196.

5. Куликов С. Б. Правовые стимулы и ограничения в механизме регулирования искусственного интеллекта в контексте реализации правоохранительной функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 40–44.

6. Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омельянюк Г. Г. и др. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60–77.

Куцебо Д. А.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Вовк В. А.,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ГРАЖДАНИНА КАК ИНСТРУМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: РИСКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАЩИТА ПРИВАТНОСТИ

Введение

Цифровизация государственного управления в России за последние десятилетие приобрела стремительный характер. Единый портал государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»), Единая биометрическая система (ЕБС), Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) – эти инструменты кардинально изменили взаимодействие гражданина с государственными органами. В сфере правоохранительной деятельности цифровые инструменты также занимают все более значимое место: системы распознавания лиц в публичных пространствах, интегрированные базы данных, позволяющие в режиме реального времени получать сведения о личности, история административных взаимодействий гражданина с органами власти – все это формирует то, что можно назвать «цифровым профилем» гражданина.

Цифровой профиль как совокупность данных о личности, аккумулированных государством в цифровой форме, представляет собой принципиально новый феномен для административного права. С одной стороны, он существенно упрощает и ускоряет идентификацию личности при осуществлении полицией административной деятельности, открывает возможности для более точного и оперативного контроля. С другой – концентрация столь значительного массива персональных данных в руках государственных органов порождает серьезные риски, прежде всего в сфере защиты права на приватность.

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, законодательство о цифровых профилях и биометрических данных в России активно развивается: в 2024–2025 гг. принят ряд существенных изменений в Федеральный

[1] © Куцебо Д. А., 2026.

закон «О персональных данных» и законодательство о ЕБС. Во-вторых, практика применения биометрических технологий в правоохранительной деятельности значительно опережает ее правовое регулирование. В-третьих, в научном сообществе отсутствует сложившийся консенсус о допустимых границах использования цифровых данных граждан в административной деятельности полиции.

1. Понятие цифрового профиля гражданина в административно-правовом измерении

Понятие «цифровой профиль гражданина» в российском законодательстве закреплено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта» [4]. Цифровой профиль – это совокупность сведений о гражданине или юридическом лице, содержащихся в государственных информационных системах и доступных третьим лицам посредством инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие. Данное определение, однако, было введено применительно к конкретному эксперименту и не приобрело общего нормативного значения, что само по себе является свидетельством пробела в правовом регулировании.

С административно-правовой точки зрения цифровой профиль представляет собой юридически значимую совокупность данных, характеризующих физическое лицо в его взаимодействиях с органами публичной власти. В структуру такого профиля входят: идентификационные данные (Ф. И. О., дата рождения, СНИЛС, ИНН, номер паспорта); биометрические данные (фотоизображение, слепок голоса), хранящиеся в ЕБС; история государственных услуг в ЕСИА/Госуслугах; сведения о транспортных средствах, объектах собственности; данные о привлечении к административной и уголовной ответственности; иные сведения, содержащиеся в государственных информационных системах.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что цифровой профиль как инструмент идентификации личности в административной деятельности полиции функционирует иначе, чем традиционные документы, удостоверяющие личность. Паспорт подтверждает личность в конкретный момент при конкретном взаимодействии. Цифровой профиль же создает возможность не только для разовой идентификации, но и для отслеживания всей истории взаимодействий гражданина с государственными органами. Именно это делает его инструментом административной деятельности качественно нового порядка.

В зарубежной науке административного права данный феномен получил название «профилирование» (profiling) и давно является предметом серьезных правовых дискуссий. В европейском праве его регулирование осуществляется в рамках Общего регламента о защите данных (GDPR), содержащего специальные нормы об автоматизированном принятии решений и профилировании (ст. 22) [6]. В российском праве аналогичного комплексного регулирования пока не создано, что порождает значительную правовую неопределенность.

2. Использование биометрии и платформы «Госуслуги» в административной деятельности полиции: возможности и практика

Системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц стали одним из наиболее заметных инструментов использования биометрических данных в правоохранительной деятельности. Москва располагает одной из крупнейших в мире сетей камер с функцией распознавания лиц – по различным оценкам, их число превышает 100 тыс. единиц. В период пандемии и введения режима ограничений в 2020 г. данные системы применялись для контроля за соблюдением режима самоизоляции, что вызвало широкую общественную дискуссию о пределах допустимого использования биометрических технологий в административных целях.

Полиция использует данные ЕБС и системы распознавания лиц прежде всего в следующих целях: розыск лиц, находящихся в федеральном и региональном розыске; идентификация лиц без документов и лиц без определенного места жительства; контроль за соблюдением ограничительных мер (административного надзора, запрета посещения массовых мероприятий и т. д.); обеспечение безопасности на массовых мероприятиях; выявление лиц с поддельными документами.

Платформа «Госуслуги», созданная изначально как инструмент оказания государственных услуг в электронном виде, но превратилась в крупнейшую базу данных о гражданах Российской Федерации. По данным на 2026 г., на портале зарегистрировано свыше 120 млн пользователей. В административной деятельности полиции возможности портала используются для: проверки личности при административных задержаниях и разбирательствах; проверки статуса документов (водительского удостоверения, регистрации транспортного средства и т. д.); направления уведомлений о привлечении к административной ответственности; взаимодействия с гражданами в рамках административных процедур.

Положительные стороны использования цифровых профилей в административной деятельности полиции очевидны. Существенно ускоряется и упрощается процедура идентификации личности, что важно при административном задержании или проверке документов. Снижается нагрузка на сотрудников и уменьшается количество ошибок, связанных с человеческим фактором при проверке документов. Расширяются возможности выявления лиц с поддельными документами. Повышается оперативность взаимодействия между различными ведомствами и подразделениями полиции при наведении справок о личности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что алгоритмы распознавания лиц, применяемые в российских системах видеонаблюдения, неоднократно демонстрировали ошибки идентификации. Имеется ряд задокументированных случаев, когда граждане были задержаны или привлечены к ответственности на основании ошибочного срабатывания системы распознавания. Это ставит принципиальный вопрос: насколько использование подобных технологий совместимо с презумпцией невиновности и принципом законности при осуществлении административной деятельности?

3. Риски тотального контроля: правовое измерение

Концепция тотального контроля, применительно к сфере цифровых технологий восходящая к работам М. Фуко о «паноптикуме» и более поздним исследо-

ваниям З. Баумана о «надзорном обществе» [7], в контексте государственного управления означает ситуацию, при которой государство располагает возможностью в режиме реального времени отслеживать и анализировать поведение граждан. Цифровой профиль в совокупности с системами видеонаблюдения, данными о геолокации мобильных устройств, историей финансовых операций создает технологическую основу для такого контроля.

С правовой точки зрения риски, связанные с тотальным контролем посредством цифровых профилей, могут быть систематизированы следующим образом. Первый риск – нарушение права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации). Постоянное отслеживание местонахождения гражданина, фиксация всех его взаимодействий с государственными органами и публичными пространствами создает возможность для проникновения в сферу его частной жизни без каких-либо предусмотренных законом оснований. Второй риск – нарушение принципа соразмерности ограничения прав. Сбор и обработка данных в объеме, необходимом для формирования полноценного цифрового профиля, несоразмерен большинству задач административной деятельности полиции. Третий риск – возможность злоупотреблений. Доступ к детализированному цифровому профилю гражданина создает предпосылки для его использования не в законных правоохранительных целях, а для давления на неугодных лиц, слежки за оппонентами, сбора компромата.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема дискриминационного применения систем распознавания лиц. В международной практике хорошо задокументировано, что алгоритмы распознавания лиц демонстрируют более высокий процент ошибок применительно к отдельным демографическим группам – в первую очередь к лицам с темным цветом кожи, пожилым людям, людям в нестандартных условиях освещения. Использование технологий с систематическими ошибками в правоохранительной деятельности ведет к непропорциональному ограничению прав отдельных категорий граждан.

Принципиально важна проблема «функционального смещения» – использования данных, собранных для одних целей, в иных целях. Данные, изначально собранные в рамках системы «Госуслуги» для оказания государственных услуг гражданам, могут быть использованы в оперативно-разыскной деятельности или в иных правоохранительных целях. При этом гражданин, предоставляя свои данные для получения государственных услуг, не давал согласия на их использование в правоохранительных целях. Российское законодательство о персональных данных содержит принцип «ограничения цели» (ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]), однако применение данного принципа к деятельности государственных органов существенно ограничено рядом исключений.

В научной литературе существует позиция, согласно которой существование системы тотального контроля оказывает воздействие, которое сдерживает реализацию конституционных прав граждан, а именно:

– гарантия прав свободы мысли и слов (ст. 29 Конституции Российской Федерации);

– право собираться мирно, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 31 Конституции Российской Федерации);

– право участвовать в управлении делами государства (ст. 32 Конституции Российской Федерации) [1].

Предположение гражданина о систематической фиксации его поведения в публичных и медиа пространствах может привести к самоцензуре, которая выражается в отказе совершения действий, которые он предпочитает не раскрывать перед государством, что оказывает негативное воздействие на демократические процессы и гражданское общество.

4. Механизмы правовой защиты приватности в условиях цифрового профилирования

Действующее российское законодательство содержит механизмы защиты персональных данных, но применение этих нормативных актов достаточно ограничено в деятельности правоохранительных органов. Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает требования к обработке данных, которые действуют под принципом законности, но вместе с тем ст. 14 данного закона предусматривает возможность ограничения прав субъекта персональных данных, если обработка осуществляется в целях обеспечения безопасности государства. Данное ограничение приводит к тому, что существенная доля деятельности правоохранительных органов оказывается вне рамок общего регламента по защите персональных данных.

В сфере биометрических данных ключевое значение имеет Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» [3]. Данный закон централизовал обращение с биометрическими данными граждан, создал Государственную единую биометрическую систему и установил ряд гарантий – в частности, добровольность сдачи биометрии для большинства целей. Тем не менее в правоохранительной деятельности биометрические данные могут использоваться и без согласия гражданина – в частности, в рамках оперативно-разыскных мероприятий или при идентификации лиц, задержанных в административном порядке.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на необходимость соблюдения принципа соразмерности при ограничении права на неприкосновенность частной жизни в рамках правоохранительной деятельности. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П, посвященном конституционности норм об административном надзоре, Суд подчеркнул, что ограничительные меры должны быть необходимы и соразмерны конституционно значимым целям, а также применяться с учетом индивидуальных обстоятельств [5]. Данная правовая позиция может и должна применяться к использованию цифровых профилей в административной деятельности полиции.

Важнейшим механизмом защиты приватности является судебный контроль за использованием персональных данных граждан в правоохранительной деятельности. Однако на практике данный механизм во многих случаях недоста-

точно эффективен: гражданин зачастую не знает о том, что его данные были использованы в тех или иных целях, не имеет возможности оспорить решения, принятые на основе автоматизированной обработки данных, а судебный контроль за деятельностью спецслужб и правоохранительных органов в сфере работы с данными существенно ограничен по сравнению с судебным контролем в иных сферах.

5. Предложения по совершенствованию правового регулирования

Анализ существующих проблем позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Первое – принятие специального нормативного акта, регулирующего использование систем автоматического распознавания лиц и иных средств биометрической идентификации в административной деятельности полиции. Такой акт должен устанавливать четкий перечень оснований и процедур использования данных технологий, порядок верификации результатов идентификации (с обязательным участием человека при принятии решений, непосредственно затрагивающих права граждан), а также механизм обжалования решений, принятых на основе автоматизированных систем.

Второе предложение касается введения принципа «минимизации данных» применительно к цифровым профилям, используемым в административной деятельности полиции: объем данных, доступных сотрудникам полиции при проверке личности гражданина, должен быть строго ограничен задачами конкретного административного действия. Сотрудник, осуществляющий плановую проверку документов, не должен иметь автоматического доступа ко всей истории административных взаимодействий гражданина с государственными органами.

Третье – введение обязательной ведомственной экспертизы и публичного отчета об использовании биометрических технологий в правоохранительной деятельности, включающих оценку погрешности применяемых алгоритмов, статистику ошибочных идентификаций и их последствий для граждан, а также независимый аудит систем хранения и защиты биометрических данных.

Наконец, необходима законодательная фиксация права граждан на получение информации о факте использования их данных из цифрового профиля в рамках административной деятельности полиции (за исключением случаев, когда такое уведомление может нанести ущерб проводимым оперативно-разыскным мероприятиям), а также права на оспаривание решений, принятых на основе автоматизированной идентификации.

Заключение

Цифровой профиль гражданина является качественно новым инструментом административной деятельности полиции, несущим в себе значительный потенциал для повышения эффективности правоохранительной деятельности. Возможности биометрической идентификации, оперативного доступа к государственным базам данных и автоматизированного анализа информации о личности позволяют существенно ускорить административные процедуры, повысить их точность и снизить нагрузку на сотрудников.

Использование цифровых профилей в деятельности правоохранительных органов связано с рисками нарушения конституционных прав – в первую очередь право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции Российской Федерации). Масштабное накопление персональных данных, обеспечение постоянного мониторинга и изучение поведения граждан, а также потенциальные угрозы неверной идентификации – все это обусловливает необходимость разработки строгих законодательных рамок и эффективных механизмов надзора.

Обеспечение правильного соотношения между эффективностью правоохранительных органов и защитой конституционных прав граждан – приоритет для законодательства и правоприменения. Эта проблема требует специального нормативного акта, который мог бы регулировать использование цифровых профилей в правоохранительной деятельности, что обеспечит возможность для граждан защищать свои права на приватность в условиях цифрового общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ст. 7.

4. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (GDPR) // Official Journal of the European Union. 2016. L. 119.

7. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

РАЗДЕЛ XXVI. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ярцева А. И.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ярмонова Е. Н.,
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЫЯВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЕСТРУКТИВНЫХ СООБЩЕСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В современных условиях трансформации общественных отношений, цифровизации социальной среды и расширения коммуникационных возможностей сети Интернет проблема вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества приобретает особую актуальность [1, с. 213]. Подобные объединения могут иметь различную направленность: экстремистскую, криминальную, суицидальную, идеологическую или антисоциальную.

Деятельность деструктивных сообществ представляет собой системный феномен, оказывающий комплексное воздействие на несовершеннолетних: у них формируются устойчивые девиантные установки, и они вовлекаются в противоправную деятельность. Как справедливо отмечается в Федеральном законе

[1] © Ярцева А. И., 2026.

«О полиции», одной из основных задач органов внутренних дел является «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений», что в полной мере относится и к работе с несовершеннолетними. В связи с этим особую роль приобретает деятельность органов внутренних дел, направленная на своевременное выявление таких сообществ и совершенствование административно-правовых механизмов противодействия их распространению. На практике это означает, что полиция сегодня вынуждена постоянно адаптировать свои методы, чтобы успевать за изменениями цифровой среды, которая все чаще становится инструментом вовлечения подростков в преступления.

Актуальность проблемы подтверждается статистикой. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2025 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, достигло 25,9 тыс., увеличившись на 10,9 % по сравнению с предыдущим периодом, причем около 70 % из них составляют посягательства против собственности [2]. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, характеризуя динамику, подчеркнул: «ситуация в сфере подростковой преступности вызывает серьезную обеспокоенность», обратив внимание, что только в первом квартале 2025 г. зафиксировано 5 904 преступления несовершеннолетних, что на 27,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. Эти цифры свидетельствуют о сохранении негативных тенденций в подростковой среде и подтверждают необходимость усиления профилактической работы, в том числе по выявлению деструктивных интернет-сообществ, влияющих на формирование противоправного поведения.

На государственном уровне также подчеркивается значимость этой задачи. В ходе заседания коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации было отмечено, что «вопросы профилактики подростковой преступности и выявления деструктивных интернет-сообществ требуют усиленного внимания со стороны правоохранительных органов». В докладе коллегии констатируется: «значительная часть противоправных проявлений среди несовершеннолетних сегодня связана именно с влиянием интернет-среды и деятельностью закрытых цифровых сообществ» [4]. Резонансные случаи последних лет наглядно демонстрируют, как работает эта схема.

В 2024–2025 гг. правоохранительные органы выявили ряд фактов вербовки несовершеннолетних через мессенджеры и социальные сети для совершения противоправных действий на объектах транспортной инфраструктуры – поджогов железнодорожного оборудования и средств связи. По данным Следственного комитета, злоумышленники используют «закрытые интернет-каналы для поиска подростков, находящихся в социально уязвимом положении», предлагая им денежное вознаграждение за выполнение противоправных заданий. Председатель СК России А. И. Бастрыкин неоднократно подчеркивал: «преступные структуры активно используют цифровую среду для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, что существенно осложняет профилактику подобных преступлений и требует совершенствования механизмов выявления и предупреждения» [5]. Указанные обстоятельства подтверждают, что деструктивные интернет-сообщества способны формировать у несовершеннолетних антиобщественные установки и побуждать их к совершению право-

нарушений, а противодействие этому явлению требует объединенных усилий на всех уровнях – от правового регулирования до непосредственной профилактической работы с подростками в цифровой среде.

Деструктивные сообщества несовершеннолетних представляют собой, как отмечается в научной литературе, «неформальные или организованные группы, деятельность которых направлена на распространение антиобщественных ценностей, вовлечение подростков в противоправную деятельность, пропаганду насилия, экстремизма либо иных форм девиантного поведения». Современные формы таких объединений во многом связаны с цифровыми платформами и социальными сетями, что значительно усложняет процесс их обнаружения и пресечения. Использование интернет-ресурсов позволяет организаторам подобных сообществ формировать закрытые коммуникационные сети, распространять деструктивный контент и осуществлять идеологическое влияние на несовершеннолетних, находящихся в состоянии социальной и психологической уязвимости. В научной литературе подчеркивается, что вовлечение подростков в подобные объединения «обусловлено совокупностью социальных, психологических и информационных факторов, формирующих девиантные модели поведения несовершеннолетних» [6].

Органы внутренних дел занимают центральное место в системе субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних. Как указано в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», деятельность этих органов «осуществляется в рамках комплексной государственной политики, включающей взаимодействие с образовательными организациями, органами социальной защиты, комиссиями по делам несовершеннолетних и иными субъектами профилактики» [7]. Основными направлениями работы органов внутренних дел в этой сфере, согласно ведомственным документам, являются «выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность, мониторинг социальных сетей и интернет-ресурсов, проведение профилактических мероприятий, а также пресечение деятельности групп антиобщественной и экстремистской направленности». В ряде региональных программ профилактики, например в Стратегии комплексной безопасности детей в городе Москве на 2023–2025 годы, предусмотрено «проведение мониторинга сети Интернет с целью выявления деструктивных материалов и последующей блокировки соответствующих ресурсов, а также организация мероприятий по выявлению и разобщению антиобщественных групп подростков».

В последние годы государственная политика в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних ориентирована на усиление профилактики подростковой преступности и создание безопасной информационной среды. Особое внимание уделяется предупреждению вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность через интернет-сообщества и иные формы деструктивных объединений. Как подчеркивается в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», одним из приоритетов является «формирование безопасной информационной среды и нейтрализация

факторов, способствующих вовлечению подростков в противоправную деятельность». Кроме того, в документах, определяющих стратегию государственной политики в области защиты детства, «профилактика общественно опасных деяний несовершеннолетних рассматривается как одно из приоритетных направлений, включающее комплекс мер по защите детей от криминогенных и информационных угроз» [8].

Особую значимость приобретает деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Как отмечается в Наставлении по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, инспекторы ПДН «осуществляют профилактическую работу с несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете, выявляют неблагополучные семьи, а также принимают участие в межведомственных профилактических мероприятиях». Важным элементом данной деятельности является ранняя диагностика девиантного поведения подростков и выявление признаков их вовлечения в деструктивные сообщества.

Такая работа, по мнению исследователей, «требует не только правовых, но и социально-психологических инструментов, направленных на предупреждение дальнейшей криминализации несовершеннолетних».

Одним из наиболее сложных аспектов противодействия деструктивным сообществам является их скрытый характер и использование современных цифровых технологий. Многие такие объединения функционируют в закрытых интернет-сообществах, используют анонимные каналы коммуникации и криптографические средства защиты информации. В связи с этим органы внутренних дел, как подчеркивается в ведомственных методических рекомендациях, «активно применяют методы мониторинга информационного пространства, анализ социальных сетей и цифровых следов пользователей». При этом «мониторинг интернет-ресурсов позволяет выявлять деструктивный контент, экстремистские материалы и сообщества, оказывающие негативное влияние на несовершеннолетних» [9].

Административно-правовые механизмы противодействия деятельности деструктивных сообществ включают применение мер административной ответственности, профилактических мер воздействия и организационных механизмов координации субъектов профилактики. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «в системе мер противодействия деструктивным сообществам несовершеннолетних особое место занимает административная ответственность», которая применяется за такие деяния, как вовлечение несовершеннолетних в потребление алкогольной и табачной продукции, а также иных психоактивных веществ; распространение информации, запрещенной к обороту; участие в деятельности экстремистских организаций. Важное значение в данном контексте приобретает реализация комплекса мер индивидуальной профилактики, включающего «вынесение официальных предостережений, постановку на профилактический учет и проведение профилактических бесед».

Совершенствование административно-правовых механизмов противодействия рассматриваемому явлению предполагает развитие по ряду ключевых направлений. Во-первых, необходима дальнейшая проработка нормативной правовой базы, регламентирующей отношения в цифровой среде и обеспечивающей опе-

ративную идентификацию и блокировку деструктивного контента. Во-вторых, требуется интенсификация межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, системой образования и учреждениями социальной защиты населения. В-третьих, актуальной представляется имплементация современных информационно-аналитических систем, позволяющих, как указывается в экспертных заключениях, «диагностировать признаки формирования деструктивных сообществ на латентных стадиях их развития».

Существенным фактором противодействия является разработка и внедрение профилактических программ, направленных на формирование у подростков когнитивной устойчивости к деструктивному информационно-психологическому воздействию. Проведение образовательно-воспитательных мероприятий, ориентированных на повышение уровня правовой культуры, формирование гражданской ответственности и развитие критического мышления, способствует минимизации рисков вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Реализация указанных мер позволяет не только превентивно воздействовать на процесс формирования деструктивных сообществ, но и создает условия для успешной социализации подрастающего поколения. В научной литературе подчеркивается необходимость комплексного подхода к профилактике подростковой преступности, включающего правовые, социальные и информационные меры воздействия.

Таким образом, анализ позволяет заключить, что деятельность органов внутренних дел по выявлению деструктивных сообществ несовершеннолетних сталкивается с объективной сложностью объекта правового воздействия, что актуализирует проблему совершенствования административно-правовых механизмов. Современный этап развития общества, характеризующийся высоким уровнем цифровизации, требует трансформации подходов к противодействию новым формам деструктивной активности подростков. В связи с этим, перспективными направлениями повышения эффективности такой деятельности являются: укрепление системы межведомственного взаимодействия, разработка и внедрение инновационных профилактических программ, а также широкое применение технологий мониторинга информационной среды для раннего обнаружения противоправного контента и деструктивных групп.

Список литературы

1. Шестаков Д. А. Криминология : учебник. М. : Норма, 2021.
2. Данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности за 2025 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_92/activity/statistics/office/result/.
3. Выступление Председателя СК России А. И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии СК России (февраль 2025 г.) // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/press/events/item/2066918/.
4. Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408.

5. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина информационному агентству «Интерфакс» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/?print=1.

6. Зайцев А. А., Коваленко О. И. Деструктивные сообщества несовершеннолетних: криминологический анализ и меры противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3. С. 45–52.

7. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.

8. Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «Об утверждении Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320/.

9. Приказ Роскомнадзора от 18 июня 2024 г. № 77 «О порядке осуществления мониторинга информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ в целях выявления деструктивного контента».

Акимова Н. П.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Светлова А. П.,
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Современный этап развития российского общества характеризуется глубокой цифровой трансформацией, затрагивающей все сферы социальных взаимодействий. Происходит интенсивное смещение социальной активности, особенно среди молодежи, в виртуальное пространство, где формируются новые модели коммуникации, ценностные ориентации и поведенческие паттерны. Несовершеннолетние, как наиболее активные пользователи сети Интернет, оказываются в эпицентре этих изменений, что порождает не только новые возможности для развития, но и существенные риски, требующие адекватного ответа со стороны государственных и общественных институтов.

Основу государственной политики в сфере предупреждения девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних составляет система профилактики, правовые, принципиальные и организационные рамки которой определены Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии со ст. 1 данного закона, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определяется как «система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних». Данное определение подчеркивает комплексный, межведомственный характер деятельности, которая не сводится исключительно к карательным или ограничительным

[1] © Акимова Н. П., 2026.

мерам, а предполагает системную работу по социальной реабилитации и созданию условий для успешной социализации подростков.

Одним из важнейших направлений является использование электронных баз данных и автоматизированных информационных систем. В практической деятельности инспектора ПДН большое значение имеет способность оперативно получить сведения о ранее выявленных фактах правонарушений, постановке подростка на профилактический учет, семейном положении, результатах предыдущей профилактической работы, наличии административных материалов в отношении родителей, сведениях об уходах из дома, бродяжничестве, потреблении психоактивных веществ и иных обстоятельствах, характеризующих степень риска. Цифровые системы позволяют объединять разрозненные сведения в единую информационную картину, исключая фрагментарность оценки личности несовершеннолетнего.

Современная практика профилактической работы с несовершеннолетними обогащается за счет внедрения инновационных технологий, которые можно условно разделить на две большие группы. Первая группа включает информационно-аналитические технологии, направленные на сбор, обработку и анализ данных с целью раннего выявления рисков девиантного поведения. Вторая группа объединяет социально-реабилитационные технологии, ориентированные на оказание комплексной помощи и поддержки подросткам, уже находящимся в конфликте с законом или в трудной жизненной ситуации. Эффективность системы профилактики в целом во многом зависит от грамотного сочетания этих двух подходов [1, с. 448].

Информационно-аналитические технологии в последние годы активно развиваются в направлении мониторинга и анализа данных из открытых источников, прежде всего социальных сетей. Осознавая, что страницы подростков в социальных сетях являются источником ценной информации об их интересах, круге общения, психологическом состоянии и потенциальных угрозах, правоохранительные органы и иные субъекты профилактики внедряют в свою деятельность методы автоматизированного анализа контента. Специализированные программные комплексы, использующие элементы искусственного интеллекта и машинного обучения, способны в автоматическом режиме анализировать большие массивы данных (Big Data) и выявлять в публикациях, подписках и комментариях несовершеннолетних маркеры риска. К таким маркерам могут относиться употребление специфической лексики, связанной с наркотиками или экстремизмом, подписка на деструктивные сообщества, проявление агрессии или, наоборот, депрессивных состояний. Полученная информация позволяет специалистам (инспекторам ПДН, школьным психологам) сфокусировать свое внимание на тех подростках, которые нуждаются в помощи, и своевременно принять превентивные меры. Однако, как уже отмечалось, применение таких систем сопряжено с этическими рисками гипердиагностики и требует четкой правовой регламентации.

Сущность информационных технологий в контексте профилактической работы с несовершеннолетними заключается в использовании цифровых инструментов, платформ и методов для повышения эффективности профилактики девиантного

поведения, правонарушений и социальной дезадаптации среди подростков. Информационные технологии (ИТ) становятся ключевым элементом современной профилактической работы, так как они позволяют решать задачи более гибко, оперативно и с учетом особенностей цифрового поколения. Профилактика девиантного поведения среди подростков является важной задачей для общества, так как именно в этом возрасте формируются основы социального поведения, ценностные ориентации и личностные установки.

Канал в MAX «Безопасное детство» для сотрудников ПДН может стать важной профилактической платформой, где будут регулярно публиковаться материалы, направленные на формирование позитивных социальных ориентиров среди несовершеннолетних. Основное направление деятельности такого канала – просветительское. Контент должен включать публикации о здоровом образе жизни, разъяснения последствий и юридической ответственности за противоправные действия, рекомендации по безопасному поведению в интернете, профилактике различных форм зависимостей, насилия и деструктивного поведения.

Для эффективной работы канала сотрудники ПДН должны систематически наполнять его качественным контентом и активно вовлекать в сотрудничество образовательные учреждения, психологов, врачей и других специалистов. Такой подход сделает канал в MAX не просто инновационным технологическим инструментом, но и полноценной площадкой социального взаимодействия, где подростки могут получать необходимую помощь, знания и навыки для предотвращения возможных негативных ситуаций [6, с. 524, 530].

Таким образом, интеграция канала MAX в профилактическую деятельность сотрудников ПДН представляет собой эффективный инновационный метод работы, позволяющий оперативно информировать и просвещать несовершеннолетних, повышать уровень их социальной ответственности и предупреждать возможные правонарушения и риски, связанные с деструктивным поведением.

Для реализации эффективной профилактической работы сотрудника к условиям цифровых и инновационных технологий, курсантами института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя при рекомендациях преподавательского состава кафедры административной деятельности органов внутренних дел и сотрудничестве с образовательными организациями был создан канал в MAX «Безопасное детство». Он был полностью апробирован для несовершеннолетних. Определено, что профилактическая деятельность сотрудников ПДН представляет собой комплексную систему социальных, правовых и педагогических мер, направленных на предупреждение и устранение причин и условий, способствующих антиобщественным действиям среди несовершеннолетних. Ее ключевыми особенностями являются комплексность, индивидуальный подход, партнерское взаимодействие с другими субъектами профилактики, активное использование информационных технологий и ориентация на социальную реабилитацию подростков, а не на наказание.

Предложено интегрировать канал в MAX как средство профилактики следующим образом: сотрудники ПДН создают и ведут специализированный канал, в котором регулярно размещаются материалы, направленные на просвещение

подростков по вопросам здорового образа жизни, безопасного поведения в интернете, предупреждения правонарушений и различных форм деструктивного поведения. Такой подход позволит эффективно вовлечь молодежь в профилактическую деятельность, предоставляя оперативную и доступную информацию и возможность обратной связи с инспекторами, психологами и другими специалистами.

Для того чтобы инновационные технологии действительно усиливали деятельность сотрудника ПДН, а не усложняли ее формально, необходима системная модернизация по нескольким направлениям.

Во-первых, требуется укрепление технической и программной базы подразделений. Доступ к защищенным информационным системам, стабильные каналы связи, современные средства аналитики и учета должны стать обязательным элементом профессиональной инфраструктуры ПДН.

Во-вторых, необходимо развивать цифровые компетенции сотрудников на постоянной основе. Речь идет не о разовых курсах по компьютерной грамотности, а о регулярном обучении по направлениям: цифровая профилактика, интернет-риски несовершеннолетних, анализ онлайн-коммуникаций, безопасная работа с персональными данными, использование информационно-аналитических систем в индивидуальной профилактике.

В-третьих, важна методическая регламентация цифровой профилактической работы. Сотрудник ПДН должен иметь понятные алгоритмы, когда и как использовать цифровые инструменты, в каких случаях дистанционное взаимодействие допустимо, как документировать интернет-риски, каким образом соотносить онлайн-наблюдение с гарантиями прав несовершеннолетнего.

В-четвертых, необходимо сохранять баланс между цифровыми и традиционными методами профилактики. Технологии должны помогать сотруднику быстрее ориентироваться в ситуации, но не заменять личный контакт, выезд в семью, беседу со школьным коллективом, взаимодействие с педагогом и психологом. Наиболее эффективной является гибридная модель, при которой цифровая среда используется для мониторинга и координации, а личное профессиональное общение – для коррекции поведения и восстановления социальных связей.

Важно отметить, что внедрение инновационных технологий в деятельность сотрудника ПДН представляет собой важнейший ресурс повышения эффективности профилактики правонарушений несовершеннолетних. Их потенциал проявляется в раннем выявлении групп риска, индивидуализации профилактического воздействия, ускорении межведомственного взаимодействия, расширении профилактического присутствия в цифровой среде и повышении управляемости профилактических процессов.

Таким образом, инновационные технологии в современных условиях выступают не дополнительным, а необходимым инструментом повышения эффективности профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних. Их внедрение позволяет повысить оперативность выявления социального неблагополучия, усилить адресность профилактических мер, обеспечить аналитическую обоснованность принимаемых решений, улучшить межведом-

ственное взаимодействие и адаптировать профилактическое воздействие к цифровой среде, в которой живет современный подросток.

Вместе с тем технологизация профилактики должна строиться на прочной правовой основе и сопровождаться сохранением гуманистической направленности работы с несовершеннолетними. Эффективная профилактика невозможна без сочетания цифровых решений, межведомственной координации, профессиональной подготовки сотрудников ПДН и индивидуального подхода к ребенку и его семье. Следовательно, инновационные технологии следует рассматривать не как самоцель, а как средство повышения качества государственной профилактической деятельности, направленной на защиту прав несовершеннолетних.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Криминология : избранные лекции. М. : Логос, 2004.
2. Баева Л. В., Гредновская Е. В. Этические риски цифровизации в системе образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, № 2. С. 222–234.
3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191.
4. Евсеева И. Г., Голышкина Е. Р. Особенности социально-педагогической работы инспектора ПДН по профилактике аддиктивного поведения у детей // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних : сборник научных трудов Всероссийской конференции, 28 мая 2020 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 113–118.
5. Ергашева Е. Р. Развитие законодательства в сфере деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 8А. С. 60–67.
6. Карпова Д. Н. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 524–534.

Кучерова Е. Е.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Корнева Ю. Ю.,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Полиция, как орган, наделенный исключительными полномочиями по принуждению, находится на переднем крае взаимодействия государства и гражданина. Административные процедуры – составление протоколов, задержание, доставление, досмотр, проверка документов – представляют собой те точки непосредственного контакта, где абстрактные правовые принципы подвергаются суровой практической проверке. Каждое такое взаимодействие является микроситуацией, в которой либо укрепляется, либо разрушается доверие к власти и убежденность в справедливости правопорядка.

Актуальность глубокого научного и практического осмысления этой проблемы многократно возрастает в эпоху цифровой трансформации. С одной стороны, цифровизация создает новые риски, связанные с тотальным контролем и «цифровым правовым нигилизмом», когда виртуальное пространство воспринимается как территория безграничной свободы и безответственности [1, с. 112]. С другой – она же предлагает беспрецедентные инструменты для обеспечения прозрачности, фиксации и контроля, способные стать мощным антидотом против произвола. Правосознание современного человека, в особенности лиц, относящихся к возрастной категории молодежи, в настоящее время складывается в условиях гибридной реальности, в которой непосредственный контакт с сотрудниками органов внутренних дел в публичном пространстве практически незамедлительно транслируется в цифровую среду, где обрастает множеством интерпретаций, оценочных суждений и тем самым участвует в выработке коллективных правовых установок. Теоретически сложившаяся система способна формировать действенные ограничительные механизмы публичной власти.

[1] © Кучерова Е. Е., 2026.

Вместе с тем реальное содержание правовой нормы раскрывается не столько в формальном тексте закона, сколько в правоприменительной практике, что порождает первое фундаментальное противоречие: между нормативно закрепленной процедурной регламентацией и дискреционными полномочиями сотрудника, реализуемыми непосредственно на месте происшествия. Оценка таких обстоятельств, как «наличие достаточных оснований» для применения задержания, «необходимая оборона» либо «неповиновение законному распоряжению», нередко носит субъективный характер и обусловливается профессиональным и жизненным опытом конкретного должностного лица, его психоэмоциональным состоянием, а также возможными личными предубеждениями.

Второе противоречие относится к этической сфере и выражается в конфликте между функциональной ролью «охранителя правопорядка», которая требует решительности и поддержания властного авторитета, и ролью «слуги общества», предполагающей проявление эмпатии, терпения и уважения к человеческому достоинству даже в отношении лица, лишь подозреваемого в совершении правонарушения.

Именно в этих точках напряжения рождаются типичные нарушения: от технических процессуальных ошибок (неполное разъяснение прав, неверное оформление документов) до более серьезных – избыточного применения силы, психологического давления, унижающего обращения. Такие действия не всегда являются следствием злого умысла; чаще они – симптом системных сбоев в подготовке, управлении и правовой социализации самих сотрудников. Гражданин же в этой асимметричной ситуации, особенно если он не обладает юридическими знаниями, чувствует себя уязвимым, что может провоцировать как пассивное подчинение, так и агрессивное сопротивление, еще более накаляя обстановку.

Цифровизация оказывает существенное влияние на условия, в которых реализуются административные процедуры. Современное поколение активно использует цифровые технологии и мобильные устройства, а социальные сети становятся пространством оперативного распространения информации и общественного обсуждения. В подобных условиях практически любое взаимодействие граждан с сотрудниками полиции может быть зафиксировано с помощью видеосъемки и опубликовано в сети Интернет, где оно быстро приобретает широкий общественный резонанс. В результате формируется определенный информационный нарратив, который зачастую развивается независимо от официальной позиции государственных органов. Подобная ситуация создает для правоохранительных органов новое обстоятельство – фактор постоянной публичности их деятельности.

В научных работах обращается внимание на то, что в пространстве цифровых коммуникаций способен проявляться феномен правового нигилизма, суть которого сводится к пренебрежению ролью закона и юридических предписаний в качестве регулятора общественных отношений. В рамках виртуального общения подобные настроения могут наблюдаться как у обычных граждан, так и у лиц, облеченных властными полномочиями. Граждане нередко апеллируют к своему праву осуществлять видеозапись и распространять сведения, при этом оставляя без внимания правомерные требования сотрудников полиции. С другой сторо-

ны, сами работники правоохранительных органов подчас расценивают такие действия как провокационные или как свидетельство недоверия, что способно лишь обострять конфликтный характер взаимодействия [1, с. 115].

Цифровые технологии сегодня, как представляются, несут не столько вред, сколько пользу. В частности, они становятся реальным инструментом, который повышает открытость полиции и эффективность ее работы. Исследователи цифровой трансформации правоохранительной сферы прямо указывают: внедрение современных информационных систем и техники улучшает государственное управление и делает правоприменение более результативным.

Самый массовый пример – нательные видеорегистраторы у сотрудников. Постоянная запись всего происходящего позволяет объективно зафиксировать действия каждой стороны. Само наличие видеокадров снижает накал конфликтов и дисциплинирует всех: и граждан, и полицейских – ведь их поведение потом можно проверить. Плюс электронные протоколы и автоматизированный сбор данных сводят к минимуму технические ошибки в документах и уменьшают возможности для злоупотреблений. Не менее важна и цифровизация общественного контроля. Сейчас через интернет-площадки граждане могут подавать электронные жалобы и обращения, а главное – отслеживать, на какой стадии их рассматривают. Когда статистика нарушений и итоги проверок публикуются в открытом доступе, государственные структуры становятся прозрачнее. В перспективе рассматриваются и новые технологии – вроде распределенных реестров (блокчейн) – для надежного хранения данных о служебных действиях полицейских [3, с. 67].

Так что цифровая среда всерьез меняет отношения между обществом и правоохранителями. При разумном законодательном регулировании и грамотном внедрении технологии реально повышают прозрачность работы полиции и укрепляют доверие людей к государству. Но ключевое звено любой такой реформы – глубокая перестройка системы профессиональной подготовки и воспитания самих сотрудников. Исключительно правовая подготовка и освоение приемов физического воздействия не могут рассматриваться в качестве достаточного условия эффективной служебной деятельности. Возникает необходимость интеграции в учебные программы гуманитарных модулей, направленных на формирование эмоционального интеллекта, овладение техниками бесконфликтной коммуникации, медиативными процедурами, а также развитие межкультурной компетентности. Фундаментальную основу такой подготовки призван составить курс, посвященный правам человека и профессиональной этике, в рамках которого на конкретных ситуационных задачах (в том числе в условиях, приближенных к реальному несению службы, моделирующих экстремальные ситуации) отрабатывались бы алгоритмы принятия решений в стрессовых условиях с акцентом на принципы пропорциональности и уважения личного достоинства. Правосознание сотрудника полиции должно формироваться исходя из идеи служения Закону как воплощению справедливости, а не из представления о силе как самоценной характеристике власти.

Наряду с этим необходимо создать действенную контрольную систему, объединяющую внутренние и внешние механизмы надзора. Функционирование

подразделений собственной безопасности требует максимальной открытости для взаимодействия с общественными советами при МВД России, а также с правозащитными организациями. Практика обязательного публичного рассмотрения инцидентов, получивших общественный резонанс, с привлечением независимых экспертов способна выполнять важную воспитательную функцию как в отношении самой правоохранительной системы, так и в отношении гражданского общества. Одновременно государству следует последовательно инвестировать средства в правовое просвещение населения, используя современные цифровые платформы для понятного разъяснения не только прав граждан при их взаимодействии с полицией, но и законных оснований действий самих сотрудников. Такой подход позволит сформировать реалистичные и взаимно признаваемые ожидания у всех участников правоотношений.

Список литературы

1. Грачев Н. И. Цифровая реальность и трансформация правового сознания // Государство и право. 2023. № 5. С. 110–118.

2. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М. : Норма, 2021.

6. Цифровизация правоохранительной деятельности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Малько. М. : Норма, 2022.

РАЗДЕЛ XXVII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Головкина А. И.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ярмонова Е. Н.,
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Обеспечение безопасности дорожного движения исторически базировалось на двух аспектах: превентивной работе (информирование, образование, проектирование безопасной инфраструктуры) и контрольно-надзорной деятельности (патрулирование, стационарные посты, средства фиксации нарушений). Рост плотности транспортных потоков, увеличение протяженности дорожной сети усложняют задачи, стоящие перед органами внутренних дел.

Традиционные методы, такие как работа экипажа Госавтоинспекции на патрульном автомобиле, обладают рядом ограничений: привязанность к маршруту, ограниченный угол обзора, временные затраты на перемещение и потенциальная опасность для самих сотрудников на проезжей части. А стационарные камеры

[1] © Головкина А. И., 2026.

фото- и видеофиксации лишены мобильности и гибкости. В связи с этим в работу подразделений Госавтоинспекции активно начали внедряться современные технологии, среди которых важное место занимает использование беспилотных воздушных судов (далее – БВС, дрон).

Беспилотное воздушное судно – летательный аппарат, который предназначен выполнять полет без экипажа на борту. Управление беспилотным воздушным судном ведет оператор, находящийся вне борта. БВС может работать как посредством дистанционного управления, так и в автономном режиме (с помощью собственной управляющей программы). Активная разработка и внедрение БПЛА ведутся во всех подразделениях Госавтоинспекции, а также в авиационных центрах МВД России. По мнению экспертов, в ближайшее время беспилотные воздушные судна будут применяться во всех сфера человеческой деятельности [2].

Для повышения эффективности службы подразделения Госавтоинспекции оснащаются современными комплексами БВС («Зала», «Орлан» и др.), способными с воздуха идентифицировать госномера и оперативно передавать данные в реальном времени, что способствует оперативному обнаружению транспортных средств, включая угнанные. Среди ключевых задач БВС в области обеспечения безопасности дорожного движения – следующие:

1. Осмотр и документирование дорожно-транспортных происшествий. Дрон по заранее заданному алгоритму совершает облет территории места происшествия, производя съемку с разных ракурсов и высот. За 10–15 минут собирается массив данных, достаточный для построения детальной цифровой модели происшедшего.

2. Контроль за соблюдением Правил дорожного движения и пресечение нарушений законодательства. Там, где стационарные камеры малоэффективны и их монтаж затруднен, дрон, находящийся режиме зависания, получает уникальную возможность фиксировать такие нарушения, как выезд на полосу встреченного движения, нарушение привал проезда перекрестка, движение по обочине, опасное вождение.

3. Поисково-спасательные операции и розыск. Оперативный запуск дрона с тепловизором позволяет оперативно обследовать придорожную полосу или поле для поиска скрывшихся с места ДТП. Также при поступлении сигнала дроны могут быть направлены в район последнего местонахождения автомобиля для его визуального обнаружения и отслеживания маршрута или на поиски пропавших лиц.

4. Повышение безопасности сотрудников Госавтоинспекции на месте дорожно-транспортного происшествия. Дроны позволяют проводить предварительную разведку места дорожно-транспортного происшествия, оценивать обстановку на месте задержания нарушителя на трассе, минимизируя время нахождения сотрудников на проезжей части.

Использование БВС в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является, особенно вертолетного типа с функцией зависания, позволяет сотрудникам Госавтоинспекцией вести непрерывное наблюдение за нарушителем, фиксировать факт нарушения, распознавать госномера и оперативно передавать информацию на ближайший пост для пресечения противоправных действий.

В периоды повышенной нагрузки на дороге, особенно в летнее время года, применение БВС, наряду с другими техническими средствами фиксации, становится особо

важным. Наличие воздушного наблюдения оказывает дисциплинирующее психологическое воздействие на водителей, заставляя их не нарушать законодательство.

Полеты БВС регулируются Воздушным кодексом Российской Федерации [3], Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» [4] и постановлением Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмм до 30 килограмм, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» [5]. Для выполнения полетов требуется получение разрешения в оперативных органах Единой системы организации воздушного движения. Однако, на беспилотные воздушные судна спецслужб ограничения полетов не действуют.

Однако применение БВС связано с рядом проблем. Например, существенная зависимость от метеоусловий (ветер, дождь, снег или туман), при которых полеты невозможны или опасны; сложность управления в условиях плотной городской застройки; высокая стоимость самих комплексов, их обслуживания и ремонта, что сдерживает массовое оснащение подразделений; отсутствие радаров, определяющих скорость транспортных средств для выявления нарушений скоростного режима; отсутствие единой системы видеофиксации БВС и АПК «Безопасный город», а также дефицит квалифицированных специалистов для работы с данной техникой, требующей организации системного обучения.

В России использование БВС в целях обеспечения безопасности дорожного движения находится на стадии активного внедрения. Так, региональные управления МВД России (Москва, Московская область, Республика Татарстан, Краснодарский край и др.) используют БВС для фиксации выезда на встречную полосу, движения по обочине, для осмотра мест дорожно-транспортных происшествий. В этой связи многие специалисты в области использования беспилотных воздушных судов считают, что пришло время формировать нормативную базу для нового формата автоматической фиксации нарушений.

В настоящее время МВД России на основе зарубежного опыта рассматривает вопрос о внедрении автоматических станций с беспилотными воздушными судами (дрон-боксы) для решения задач, возложенных на дорожно-патрульную службу. Такие дрон-боксы будут способны обрабатывать данные, передавать информацию в реальном времени и выдавать полетные задания, заряжать аккумуляторы воздушного судна, осуществлять его посадку на платформу при помощи системы технического зрения. Представители Госавтоинспекции отмечают, что на фоне имеющегося некомплекта в рядах полицейских, ведомство прорабатывает возможность документирования факта ДТП с помощью БВС «без непосредственно присутствия сотрудников дорожно-патрульной службы».

Таким образом, в целях обеспечения безопасности дорожного движения необходимо внедрять беспилотные воздушны судна с установкой радаров,

определяющих скорость транспортных средств, в том числе дрон-боксов в местах с наиболее сложной оперативной обстановкой, а также интегрировать их в АПК «Безопасный город». Кроме того, следует разработать нормативные правовые акты, регулирующие использование беспилотных воздушных судов с учетом требований соблюдения прав, свобод и интересов граждан: обеспечивать конфиденциальность информации, использовать полученные данные только для реализации функций полиции, не вмешиваться в частную жизнь граждан. Требуется развитие инфраструктуры, обеспечивающей безопасность полетов в населенных пунктах: необходимо сформировать технические условия для полетов, минимизировать риски повреждения имущества граждан, создать систему информирования граждан о полетах БВС и отличительные знаки для опознавания дронов полиции от гражданских беспилотников. Целесообразно привлекать инструкторов по подготовке операторов БВС, которые будут обучать сотрудников Госавтоинспекции. В процессе обучения сотрудники должны будут изучать основы нормативно-правового регулирования применения беспилотных воздушных суден, конструктивные особенности, правила эксплуатации и пилотирования, а также в программу обучения должны войти: расчет маршрутов и программирование полетов, работа с типографическими картами, освоение базовых знаний в области навигации и метеорологии, освоение методов фото- и видеосъемки с компьютерной обработкой полученного материала.

Список литературы

1. Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (17). С. 40–43.

2. Малов Ю. В., Фокин С. А. Возможности применения БПЛА при решении оперативных задач ОВД России // Деятельность оперативных подразделений: теория и практика : материалы межвузовской научно-практической конференции / сост. А. Г. Гришин. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 102–106.

3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98957/.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» (ред. от 02.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325695/.

Нестерова А. Н.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Вовк В. А.,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Участковые уполномоченные полиции – ключевое звено системы профилактики правонарушений на уровне жилых микрорайонов. В их компетенцию входит непосредственное взаимодействие с населением, мониторинг криминогенной обстановки, оценка поведения лиц, склонных к правонарушениям, а также применение индивидуальных мер превентивного воздействия. От качества исполнения этими сотрудниками своих обязанностей во многом зависит результативность всей профилактической деятельности органов внутренних дел.

В современном законодательстве термин «быт» охватывает несколько значимых компонентов. Одним из таких компонентов является понятие «семейно-бытовых отношений». Тем не менее, существует проблема, заключающаяся в том, что данные понятия четко не закреплены в отдельном нормативном правовом акте, что приводит к сложностям в квалификации отдельных составов правонарушений.

В наиболее общем смысле «быт представляет собой совокупность непроизводственных отношений семейно-бытового, коммунально-бытового, досугово-бытового, производственно-бытового характера, возникающих по поводу удовлетворения материальных и духовных потребностей человека» [9, с. 5; 10, с. 22].

Несмотря на наличие нормативно закрепленной системы профилактических мер, практика показывает, что эффективность воздействия на лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, остается неоднозначной. Это связано как с правовыми и организационными сложностями, так и с недостаточным уровнем межведомственного взаимодействия и методического обеспечения деятельности участковых уполномоченных.

---

[1] © Нестерова А. Н., 2026.

«Защита семьи является непосредственной обязанностью государства и относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации (ст.ст. 7, 38, п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)» [1].

Но, несмотря на это, в деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в семейно-бытовой сфере сохраняется комплекс системных проблем, усложняющих реализацию этой нормы права и снижающих эффективность профилактической работы. К числу ключевых ограничений относится высокая нагрузка на одного участкового, обусловленная значительным административным документооборотом и необходимостью обслуживания обширного административного участка, что сокращает время для индивидуальной профилактики и межведомственного взаимодействия.

Существенной проблемой остается латентность семейно-бытовых правонарушений, связанная с нежеланием потерпевших обращаться в правоохранительные органы, зависимым положением жертв и недостаточной информированностью о механизмах защиты. Также отмечаются сложности в реализации мер административного воздействия, включая ограниченность правовых инструментов превентивного характера, недостаточную эффективность профилактических учетов и формальный характер некоторых профилактических мероприятий. Дефицит специализированной подготовки по вопросам психологии конфликтных ситуаций и кризисного вмешательства, а также слабая связь с органами социальной защиты, комиссиями по делам несовершеннолетних и медицинскими учреждениями, создают дополнительные трудности.

Отдельного внимания заслуживает проблема повторности таких правонарушений в сфере семейно-бытового насилия. На практике профилактические беседы и вынесение предупреждений не всегда приводят к исправлению лица, склонного к агрессии, и его правомерному поведению, что обусловлено отсутствием комплексной работы с правонарушителями по их реабилитации (включая программы коррекции агрессивного поведения, психологическую и социальную помощь). Кроме того, участковые уполномоченные полиции сталкиваются с трудностями доказывания фактов правонарушений при отсутствии очевидцев, следов и при отказе пострадавших, что затрудняет привлечение виновных лиц к установленной ответственности. В сельской местности усложняющим фактором является территориальная удаленность населенных пунктов и ограниченный доступ к социальным службам и центрам помощи.

Для повышения результативности деятельности участковых уполномоченных полиции представляется необходимым совершенствование механизма административно-правовой профилактики. Например, целесообразно нормативно закрепить расширенный перечень мер индивидуального воздействия, направленных на предотвращение совершения данных правонарушений, обеспечить возможность оперативного вынесения предписаний с эффективным контролем их исполнения, а также ввести модели учета семейных конфликтов с выделением групп повышенной опасности. Важным направлением является цифровизация профилактической деятельности, а также создание единой межведомственной информационной системы, обеспечивающей обмен сведениями между ор-

ганами государственной власти (в том числе полицией), органами социальной защиты, образовательными организациями и медицинскими учреждениями.

Значимым условием выступает повышение уровня профессиональной подготовки участковых уполномоченных по вопросам противодействия семейно-бытовому насилию, коммуникации с уязвимыми категориями населения. Эффективной мерой может быть введение специализированных разделов в систему служебной подготовки, а также проведение совместных межведомственных учений. Также требуется снижение избыточной отчетной нагрузки за счет оптимизации внутренних регламентов и распределения некоторых функций. Комплексная реализация указанных мер позволит повысить превентивный потенциал административной деятельности полиции и обеспечить более действенную защиту прав и законных интересов граждан в семейно-бытовой сфере.

Немаловажным фактором является перевод нормативно закрепленных составов преступлений и административных правонарушений, являющихся бытовым насилием, из группы частного в публичное право, что предоставит возможность возбуждения таких дел при сообщении или выявлении признаков совершения преступления или административного правонарушения, независимо от волеизъявления пострадавших и наличия заявления.

Таким образом, анализ основных проблем и ограничений в деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в семейно-бытовой сфере свидетельствует о наличии взаимосвязанных организационных, правовых и социально-психологических факторов, снижающих эффективность профилактической работы. Высокая служебная нагрузка, латентный характер семейно-бытовых конфликтов, недостаточность превентивных правовых механизмов, сложности доказывания и слабая межведомственная координация объективно ограничивают возможности участковых в реализации возложенных на них полномочий. Вместе с тем выявленные проблемы носят преодолимый характер при условии комплексного подхода к их решению.

Совершенствование нормативной базы, расширение инструментов индивидуальной профилактики, внедрение цифровых технологий, укрепление межведомственного взаимодействия, а также повышение профессиональной подготовки сотрудников способны существенно усилить превентивный потенциал административной деятельности полиции. Реализация данных направлений позволит повысить результативность предупреждения правонарушений в семейно-бытовой сфере и обеспечить более эффективную защиту прав и законных интересов граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 9. Ст. 1252.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16 ; 2021. № 27. Ст. 5138.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

6. Гайдуков А. А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в семейно-бытовой сфере : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Омск, 2018.

7. Катаева О. В., Никулин А. И. Современные проблемы профилактики семейно-бытовых конфликтов участковыми уполномоченными полиции // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 84–87.

8. Репьев А. Г. Правовое регулирование деятельности по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: федеральный и региональный аспекты // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 47–51.

9. Ким Е. П., Романов Г. А. Профилактика бытовых преступлений органами внутренних дел : лекция. М., 1989.

10. Ким Е. П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение: проблемы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2002.

РАЗДЕЛ XXVIII. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Ананьев А. А.[1],
слушатель факультета
подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Венидиктов М. И.,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий совершенствование методов расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов обусловлено сложностью ручной аналитики информации в связи с распределенной преступной структурой, в которой коммуникация, реклама, верификация участников, расчеты, сокрытие происхождения средств, координация логистики и последующая легализация доходов образуют единый, но частично наблюдаемый процесс.

Одними из главных недостатков некоторых подходов к расследованию преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий являются

[1] © Ананьев А. А., 2026.

допущения о прямой наблюдаемости преступной цепочки действий. В современной цифровой среде данные подходы почти всегда нарушаются. Коммуникация может происходить через распределенные каналы с быстрым исчезновением контента, расчеты – через цифровую валюту, не совпадающую с классическими банковскими платежами, слой финансовой маскировки – через сервисы дробления транзакций, промежуточные адресные каскады и дроп-сегмент, а физическое исполнение – через географически разнесенную логистику, где непосредственный исполнитель и организатор сбыта находятся далеко друг от друга.

В рамках оперативно-розыскной деятельности это означает, что классический центрический подход, полезный на первоначальном этапе, далее становится несостоятельным: он может позволить увидеть отдельные цифровые следы, но не способен устойчиво реконструировать методы совершения преступления как целое. Поэтому совершенствование методики должно заключаться в переходе от модели «один объект – один вывод» к модели «множество разнородных объектов – единая реконструируемая модель», где каждый цифровой элемент рассматривается не как самодостаточный, а лишь как часть некоторой информационно-аналитической системы. Качество представления и построения такой информационно-аналитической системы будет напрямую влиять на развитие и совершенствование оперативно-розыскной деятельности [1].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что первичным объектом автоматизированного анализа должен стать не готовый вывод и не абстрактная «сущность», а некоторая единица информации. Под такой единицей следует понимать структурированную запись о наблюдении, содержащую идентификатор, вид источника, временную метку, способ извлечения, контроль целостности, краткую предметную интерпретацию и привязку к последующим аналитическим утверждениям. В рамках оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в рамках борьбы с наркопреступлениями, к такой информации могут относиться: архивная страница витрины, выгрузка постов и сообщений, скриншот интерфейса площадки, фрагмент on-chain-графа, сведения о временном окне входящих и исходящих переводов, PGP-артефакт, никнейм, резервный контакт, логистическое событие, координата таймлайна, сервисная метка, указание на повторяемый паттерн дробления сумм, а также сведения, полученные в рамках финансового мониторинга и оперативно-розыскного документирования. На техническом уровне такое представление критично по двум причинам. Во-первых, оно делает цифровой след воспроизводимым: можно установить, откуда он получен, когда именно, каким способом, подвергался ли он преобразованию и как связан с иными элементами. Во-вторых, оно позволяет отделить собственно наблюдение от его аналитической интерпретации, что для уголовно-процессуальной направленности является принципиальным: в противном случае система смешивает сведения, гипотезу и вывод, а затем утрачивает способность показать происхождение последнего.

Поверх слоя «единиц информации» должна быть построена вторая, более сложная сущность – вторичное структурированное утверждение. Оно формализует промежуточный результат аналитической работы: например, что определенный никнейм устойчиво связан с конкретной витриной; что несколько адре-

сов образуют некоторый паттерн; что после серии поступлений наблюдается поведение, совместимое с обфускацией происхождения средств; что определенный адресный кластер вероятнее всего исполняет роль распределительного слоя, а не конечного пользователя. Поэтому ядром предлагаемого подхода является не «поиск совпадений» и не «распознавание преступника», а управляемая динамика статусов утверждений.

В техническом отношении такая система должна иметь несколько контуров, каждый из которых связан с конкретной следственной и оперативно-розыскной задачей. Первый контур – постановка и нормализация задачи. На вход он получает естественно-языковой запрос оперативного сотрудника, следователя или аналитика, а также минимальные индикаторы: никнейм, адрес, скриншот, факт контрольной закупки, фрагмент переписки, логистическое окно или массив транзакций. Выходом этого контура является не «ответ», а формализованная задача: какой именно тип работы требуется. Здесь допустимо применение малой языковой нейросетевой модели, но строго в инструментальной роли: нормализация задачи, извлечение именованных сущностей, формирование предварительного чек-листа и структурирование уже известных данных. Ей не должно принадлежать право санкционировать знание. Второй контур – сбор и атомизация цифровых следов. Он объединяет поиск по открытым и архивным источникам, извлечение on-chain-событий, фиксацию скриншотов, разметку сообщений, дедупликацию, связывание с хронологией оперативных мероприятий и формирование унифицированного хранилища информации. Третий контур – порождение структурированных утверждений: сущностных, временных, отношений, событийных, ролевых. Четвертый контур – пространство конфликтующих версий, в котором система обязана удерживать параллельные объяснения до тех пор, пока не появится достаточное основание их развести. Пятый – контур распределенного специализированного рассуждения, то есть ролевой рой малых вычислительных модулей. Шестой – контур планирования и оркестрации. Седьмой – память расследования. Восьмой – фильтр допустимого коммита. Девятый – аудит и калибровка. Именно эта многоуровневая организация и возвращает техническую основу в оперативно-розыскную деятельность: не один алгоритм и не одна «умная модель», а целая архитектура обращения с цифровыми следами.

Особого внимания заслуживает роевая архитектура. Ее смысл не в декларативной «многонейронности», а в разделении труда на специализированные роли. Одна группа модулей отвечает за извлечение артефактов и сущностей [2], другая – за верификацию их происхождения и непротиворечивости, третья – за связывание объектов в граф, четвертая – за временную реконструкцию, пятая – за кластерный анализ и поиск скрытых узлов концентрации, шестая – за аудит слишком сильных выводов, седьмая – за согласование конкурирующих версий, восьмая – за сборку отчетного текста только из устойчивых утверждений. В такой архитектуре каждая вычислительная ячейка не «размышляет обо всем», а выполняет строго ограниченный цикл: наблюдает, выдвигает локальное предположение, проверяет его, записывает результат в допустимый слой памяти, оценивает свой вклад и передает сигнал безопасности. Это позволяет системе

решать именно ту задачу, которая характерна для оперативно-розыскной деятельности.

С инженерной точки зрения здесь возникает важное преимущество: система может сама определять глубину проработки задачи. Простая задача с относительно линейным цифровым следом [3] не требует работы тяжелого роя, однако задача, где наблюдается смесь криптовалютной обфускации, ложных совпадений и нескольких слоев логистики, напротив, должна запускать расширенный режим, когда возрастает число активных ролей, усиливается контур аудита, дольше удерживаются конфликтующие версии и строже работает фильтр допуска вывода. По существу, система должна непрерывно отвечать на вопрос: какой именно пробел в собранном материале сейчас является определяющим и каким способом его можно закрыть.

Таким образом, техническое совершенствование методов расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, должно пониматься как построение распределенной, доказательно-ориентированной и юридически дисциплинированной системы, которая работает одновременно в трех измерениях: оперативно-розыскном, следственном и вычислительно-аналитическом. Ее назначение состоит не в том, чтобы заменить ручной анализ, а в том, чтобы сделать его более структурированным, воспроизводимым и устойчивым к цифровому шуму. Такая система должна усиливать способность правоохранительных органов выявлять сложные формы цифрового наркосбыта, реконструировать способ совершения преступления, видеть организационную финансовую и логистическую инфраструктуру, отделять случайные совпадения от значимых следов.

Именно в таком виде техническая основа не вытесняется правом, а подчиняется ему, а право, в свою очередь, перестает быть внешним ограничителем и становится внутренним принципом проектирования современной методики расследования.

Список литературы

1. Яковец Е. Н. Меры по совершенствованию информационно-аналитического обеспечения деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Эпомен. 2020. № 47. С. 267–284.

2. Yannikos Y., Heeger J., Steinebach M. Data Acquisition on a Large Darknet Marketplace // Proceedings of the 17th International Conference on Availability, Reliability and Security. URL: https://dl.acm.org/doi/epdf/10.1145/3538969.3544472.

3. Rawat R., Oki A. O., Sankaran S. Techniques for predicting dark web events focused on the delivery of illicit products and ordered crime // International Journal of Electrical and Computer Engineering. 2023. Vol. 13, no. 5, pp. 5354–5365. URL: https://ijece.iaescore.com/index.php/IJECE/article/download/29866/16834.

Огурцов М. А.[1],
слушатель факультета
подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кизилов А. П.,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СИСТЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ, НЕЗАКОННО РЕАЛИЗУЮЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ, ПСИХОТРОПНЫЕ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА, И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Незаконное распространение наркотических средств представляет собой одну из наиболее острых глобальных проблем современности. Цифровая трансформация социально-экономических процессов привела к глубокой интеграции наркобизнеса в интернет-пространство, что впоследствии способствовало перехода в форму бесконтактного сбыта через специализированные онлайн-платформы. В настоящее время значительная часть наркорынка Российской Федерации контролируется специализированными онлайн-платформами – наркомаркетплейсами, которые воспроизводят бизнес-модели легальных торговых площадок (Wildberries, Ozon), адаптируя их к криминальным целям [3].

Цифровизация затрагивает все сферы жизни, включая преступную деятельность: организованные группировки активно используют онлайн-площадки для сбыта запрещенных веществ, что существенно осложняет работу правоохранительных органов. Чтобы эффективнее противостоять этой угрозе, необходимо детально разобрать, как устроены современные наркомаркетплейсы (далее – площадки), рассмотрев в качестве кейсов наиболее популярные из них.

К числу наиболее масштабных и устойчивых площадок относятся, в порядке условного ранжирования: Kraken (рассматриваемый как вероятная реорганизация ранее действовавшей платформы Hydra), Mega (функционировавшая с 2015 г., но до прекращения деятельности монополиста остававшаяся в тени), Blacksprut и OMG!OMG! Концептуально устройство такой площадки воспроизводит логику легальных маркетплейсов, включая пятизвездочную систему отзывов, однако ключевым отличием является замещение карточек товаров карточками магазинов («шопов»). Ранжирование магазинов на главной странице определяется

[1] © Огурцов М. А., 2026.

результатами ежемесячных аукционов, совокупный доход топовой площадки от которых может достигать 100 млн руб. за один аукцион (наиболее дорогие позиции – топ-10). После перехода в карточку конкретного шопа пользователю становится доступен каталог предлагаемых веществ.

В ходе конкурентной борьбы за доминирование на рынке цифровых площадок сформировалась четкая иерархия из четырех крупнейших действующих платформ, занимающих лидирующие позиции в данной сфере:

1. Kraken (предположительно – преемник платформы Hydra).
2. Mega (цифровая платформа, функционирующая с 2015 г. Находилась в параллельном развитии с Hydra, однако ввиду доминирующего положения последней не получала широкого общественного и медийного внимания).
3. Blacksprut (площадка, появившаяся на рынке после прекращения деятельности доминирующего игрока (Hydra).
4. OMG!OMG!

Концепция рассматриваемой онлайн-площадки в ряде аспектов сопоставима с моделью современных маркетплейсов (Wildberries или Ozon), в частности – наличием пятизвездочной системы оценки и отзывов пользователей. Однако она имеет ряд существенных отличий. В частности, на главной странице платформы отсутствуют карточки отдельных товаров: их функцию выполняют карточки магазинов (далее – «шопы»). Кроме того, на площадке принципиально не представлены товары категории «наркотики».

Для определения позиции магазина на странице торговой площадки, ежемесячно проводится аукцион. Совокупный объем финансовых поступлений от проведения одного аукциона на ведущей площадке достигает 100 млн рублей. Наибольшую стоимость демонстрируют позиции в топ-10 рейтинга размещения.

После перехода в интерфейс магазина пользователь получает доступ к каталогу доступных товаров. Дополнительно реализован специализированный поисковый модуль, позволяющий осуществлять фильтрацию по следующим параметрам: тип вещества, фасовка, географическое расположение (город, район), а также характеристики размещения (тип закладки и местность).

В основе функционирования каждой из рассматриваемых площадок лежит группа из 3–5 лиц, обладающих статусом совладельцев. Указанные лица на начальном этапе осуществляли поиск источников финансирования, разрабатывали концептуальные основы деятельности и формировали первоначальный состав команды. В связи с потенциальной угрозой привлечения к уголовной ответственности данные лица в настоящее время не пребывают на территории Российской Федерации, а также в государствах, с которыми Российская Федерация осуществляет взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности. Совладельцы занимают высшее положение в структуре соответствующей преступной иерархии.

Непосредственно после участников в иерархии платформы располагаются управляющие различных функциональных направлений. На каждой площадке сформированы специализированные отделы; ниже представлен обобщенный перечень таковых с указанием их ключевых функций:

1. Технический (ИТ-отдел), который специализируется на осуществлении разработки программного обеспечения, а также на создании требуемого уровня

анонимности и информационной безопасности, который необходим для бесперебойного функционирования платформы.

2. Служба безопасности (СБ), деятельность которой направлена на осуществление контроля соответствия деятельности магазинов (шопов) установленным правилам платформы. В ее компетенции входит: мониторинг операций и выявление нарушений; идентификация «красных» шопов (скомпрометированных, нарушающих правила) и «фейковых» шопов (реализующих заведомо недействительные услуги, например, «клады-пустышки»); применение мер по временному приостановлению деятельности шопа до устранения нарушений, наложение штрафных санкций, полное удаление шопа с платформы в случае грубых или систематических нарушений и пр.

3. PR-отдел, он же рекламный. Отвечает за продвижение платформы и формирование ее статуса. В качестве примеров активных маркетинговых кампаний можно привести деятельность брендов Kraken и Mega: использование социальных медиа (в том числе TikTok) для охвата целевой аудитории; привлечение инфлюенсеров (например, персоны «Мориарти» на видеохостингах) для косвенной рекламы. Следует также отметить, что подобные рекламные активности нередко подвергаются пресечению со стороны правоохранительных органов, что приводит к быстрому пресечению указанной деятельности исполнителей рекламных кампаний.

4. Отдел по разбору споров (диспутов). Обеспечивает урегулирование конфликтных ситуаций между покупателями и продавцами. Типичные случаи диспутов связаны с невозможностью получения оплаченного товара (пропажа «закладки» по различным причинам). Процедура разрешения спора включает: участие представителя магазина, специально обученного для ведения переговоров; назначение независимого модератора от платформы, который принимает решение на основе анализа представленных доказательств и с учетом установленных критериев.

5. Отдел взаимодействия с клиентами. Предоставляет поддержку пользователям платформы по вопросам, связанным с ее функционированием и отдельными процессами. Взаимодействие осуществляется через систему тикетов, в рамках которой осуществляется взаимодействие пользователя с площадкой: пользователь оформляет запрос (открывает тикет), который преобразуется в чат с представителем отдела. Все запросы обрабатываются в порядке очереди с соблюдением установленных сроков.

6. Аналогичный отдел для продавцов. Занимается разрешением недопониманий, созданием шопов, приемом оплаты.

Следующую ступень в преступной иерархии занимают обменники криптовалюты. Как правило, они являются отдельно существующими сервисами, но для удобства и увеличения скорости оплаты с некоторыми из них заключаются соглашения, в рамках которых подразумевается интеграция обменника на саму площадку.

Перейдем к рассмотрению центрального элемента структуры площадки – «шопов», выступающих в качестве основной движущей силы ее функционирования. Анализ показывает, что «шоп» по своей сути является обособленной пре-

ступной группировкой, действующей в рамках более масштабной криминальной структуры.

Проиллюстрируем типовую организационную модель среднего «шопа» на ведущей площадке.

При всей сложности внутренней структуры «шоп» характеризуется наличием единственного владельца – лица, осуществившего первоначальные финансовые инвестиции в его создание. Зачастую деятельность стартует в индивидуальном порядке, а по мере развития происходит расширение штата сотрудников. Данное лицо выполняет роль лидера преступной группировки: оно осуществляет общее руководство всеми процессами и обладает исключительным правом принятия окончательных решений.

В организационной структуре данной площадки предусмотрено наличие одного либо двух управляющих заместителей, осуществляющих координацию деятельности по отдельным направлениям либо в целом по организации.

В функциональные обязанности управляющих заместителей входит выполнение рутинных задач с последующей передачей владельцу только самую необходимую информацию. При установленном высоком уровне доверия управляющие заместители наделяются полномочиями по принятию отдельных управленческих решений и выполняют лидирующие функции в рамках закрепленных за ними направлений.

Отдельной штатной единицей является должность бухгалтера, в зону ответственности которого входит управление финансовой составляющей деятельности магазина. Основная часть идет на зарплаты сотрудникам и обслуживание магазина, закупку и производство товара.

На следующей ступени преступной иерархии находится сразу две должности – оператор и куратор. Оператор отвечает за взаимодействие с клиентами, разъяснение внутренних правил шопа, соблюдение условий акций при их проведении, участвует в диспутах. Куратор – лицо, которое напрямую контактирует и отвечает за штат наркокурьеров (закладчиков). Он доводит правила площадки, внутренние правила шопа, оказывает моральную поддержку, является проводником между руководством и курьером, проверяет перед загрузкой закладки на соответствие предъявляемым требованиям. В шопах, чьи размеры не позволяют нанимать много людей, обе должности совмещает в себе один человек.

Химик – специалист, осуществляющий синтез наркотических средств с использованием предоставленных прекурсоров. Наличие лаборатории характерно не для каждого наркошопа, отдельные лаборатории могут функционировать на промышленном уровне.

Перевозчик – лицо, которое занимается перевозкой большого количества веществ, как правило, из одного региона в другой.

Склад/складмен – лицо, которое занимается хранением огромного количества запрещенных веществ, оставляет большие закладки для перевозчика, оптового покупателя, курьера

Курьер/закладчик/кладмен – лицо, которое занимается распространением, непосредственно используя для этого тайники – закладки, самое слабое и часто выявляемое звено наркоцепи [2].

Стоит отметить, что наркомаркетплейсы не пересекаются с наркомагазинами в организационной структуре, имеют разные функции и персонал.

В настоящее время доступ к интернет-площадкам, осуществляющим противоправную деятельность, может быть получен посредством комбинации веб-браузера и виртуальной частной сети (VPN).

При рассмотрении вопросов выявления и пресечения деятельности организованных преступных группировок следует учитывать, что на современном этапе развития правоохранительной системы эффективное противодействие руководящим звеньям таких площадок и торговых платформ способны обеспечить исключительно структурные подразделения высшего уровня, а именно: главные управления, центральный аппарат Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральная служба безопасности Российской Федерации. При этом реализация соответствующих мероприятий зачастую требует международного взаимодействия, которое в условиях текущей геополитической обстановки сопряжено со значительными организационными и правовыми сложностями [4].

В целом же, довольно решаемой задачей сейчас является выявление курьеров, складов, перевозчиков и химиков.

Люди, находящиеся на этих должностях, напрямую контактируют с запрещенными веществами и имеют свойство ошибаться, так называемый человеческий фактор.

В то же время выявление лиц, выполняющих вспомогательные функции (курьеров, перевозчиков, сотрудников складских подразделений, а также лиц, занимающихся изготовлением запрещенных веществ), представляет собой более реализуемую задачу. Это обусловлено непосредственным контактом указанных лиц с объектами противоправного оборота и повышенной вероятностью совершения ими ошибок, обусловленных так называемым человеческим фактором.

Именно на этом и необходимо осуществлять противодействие таким группировкам. Сотрудники оперативных подразделений должны взаимодействовать между собой (НОН – УгРо – БЭП), а также с другими службами (Росфинмониторинг, Роскадастр).

Одним из главных аспектов противодействия им все также остается агентурная работа, которая подразумевает наличие осведомителей в соответствующих обществах.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время наркобизнес почти полностью перешел в сеть Интернет, используя бесконтактную систему сбыта, что на данный момент сильно усложняет противодействие, но при этом, правоохранительные органы все-таки могут осуществлять выявление и пресечение таких преступлений во взаимодействии с другими подразделениями и службами.

Список литературы

1. Земцова С. И. Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 69–75.

2. Карпенко О. А., Шмырин Д. Ф. Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет»// Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 93–96.

3. Пекарева В. В., Бондаренко И. В. Распространение наркотических средств, психотропных веществ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: сущность и проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 448–450.

4. Хасанова З. И. Криминологическая характеристика наркопреступлений в сфере информационно-телекоммуникационных сетей // Право и управление. 2024. № 8. С. 213–217.

РАЗДЕЛ XXIX. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Чмыхало А. В.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Милославская М. М.,
заместитель начальника кафедры
экономики и бухгалтерского учета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

РОЛЬ АНАЛИЗА ОТЛОЖЕННЫХ НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Проблема настоящего исследования обусловлена тем, что отложенные налоговые обязательства выступают не только объектом бухгалтерского учета, но и потенциальным индикатором совершения корпоративного мошенничества. Это связано с тем, что ОНО возникают вследствие временных расхождений между бухгалтерским и налоговым учетом, что в перспективе приводит к увеличению налоговой нагрузки на предприятие.

При этом неправильное отражение указанных разниц может повлечь за собой нарушение корреспонденции счетов, искажение показателей финансовой отчетности и возникновение ошибок. Каждое из таких отклонений формирует существенные налоговые риски и искажает реальную финансовую картину дея-

[1] © Чмыхало А. В., 2026.

тельности организации. В целях регулирования данных разниц применяется ПБУ 18/02 «Учет расходов по налогу на прибыль», утвержденное приказом Минфина России № 114н от 19 ноября 2002 г., при этом учет возникающих разниц является обязательным для всех организаций [1].

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современных условиях классические схемы хищений постепенно утрачивают распространенность. На смену им приходят более сложные формы корпоративного мошенничества, при которых экономические преступления маскируются в сложных участках учета.

Возникновение отложенных налоговых обязательств обусловлено рядом объективных причин. К ним относятся различия в методах начисления амортизации в бухгалтерском и налоговом учете, различия в признании расходов (в частности, применение кассового метода и метода начисления), несовпадения в учете процентных выплат по кредитам и займам, а также наличие отсрочек или рассрочек по уплате налога на прибыль. В результате указанных факторов формируются временные разницы, которые в последующих отчетных периодах постепенно погашаются. Однако отсутствие их анализа может привести к возникновению правонарушений.

В системе внутреннего контроля анализ ОНО осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, реализуется формальный уровень, направленный на подтверждение корректности расчетов и соблюдение требований ПБУ 18/02. С другой стороны, ключевое значение имеет сущностный уровень, предполагающий установление того, что за выявленными разницами стоят реальные экономические факты, а не фиктивные операции или схемы налоговой оптимизации.

Следует отметить, что любое появление ОНО свидетельствует о применении различных правил учета для целей налогообложения и финансовой отчетности. В рамках внутреннего контроля ключевой задачей становится выявление причин, по которым возникают расхождения между бухгалтерским и налоговым учетом. Отложенные налоговые обязательства формируются именно в результате применения различных правил признания доходов и расходов в целях финансовой отчетности и налогообложения.

Основная причина возникновения ОНО – временная разница между этими системами, когда доход или расход появляются в разное время. В результате возникает разница между бухгалтерской прибылью и налогооблагаемой прибылью [2].

Некоторые причины возникновения ОНО:

– разные способы учета амортизации при исчислении налога на прибыль и в бухгалтерском учете;

– признание выручки и процентных доходов для налогообложения по кассовому методу, а в бухучете – по временной определенности фактов;

– различающийся учет процентов по кредитам и займам;

– прочие аналогичные различия в учете.

Их появление связано с ситуациями, когда одни и те же хозяйственные операции отражаются в разных отчетных периодах: например, в бухгалтерском учете доход или расход уже признан, тогда как в налоговом – будет учтен позд-

нее. В подобных случаях возникает отложенный эффект, приводящий к увеличению налога на прибыль в будущих периодах.

Повышенного внимания требуют операции, выполненные в ручном режиме, а также нетипичные проводки, связанные с начислением ОНО. Практика показывает: даже продуманные схемы финансовых нарушений оставляют следы. Оформить фиктивные документы возможно, но добиться полной увязки показателей бухгалтерского и налогового учета удается редко. В результате возникают несостыковки, которые легко фиксируются при проверке.

Показатель отложенных налоговых обязательств позволяет такие расхождения выявлять на конкретных примерах. Типичная ситуация – попытка сократить налоговую нагрузку за счет ускоренной амортизации в налоговом учете при сохранении обычного порядка начисления в бухгалтерском. Это приводит к разрыву между учетными данными и формирует индикаторы, на которые невозможно не обратить внимание.

В результате налоговая база уменьшается, тогда как бухгалтерская прибыль остается более высокой, что приводит к образованию значительного объема ОНО. Проверка подобных расхождений нередко выявляет отсутствие фактически приобретенных активов либо завышение их стоимости.

Другим примером является искажение финансовой отчетности. В этом случае текущие затраты, в том числе на ремонт или научные разработки, могут отражаться как капитальные вложения, что позволяет искусственно увеличить прибыль. При этом в налоговом учете такие расходы признаются сразу, что формирует заметное расхождение показателей и, как следствие, увеличение отложенных налоговых обязательств.

Отдельную категорию рисков составляют операции, связанные с использованием фиктивных организаций. Вывод средств через подобные структуры, как правило, сопровождается искажением учета и формированием несоответствий, которые также находят отражение в динамике ОНО.

В подобных ситуациях фиктивные услуги могут отражаться в бухгалтерском учете на счетах незавершенного производства или расходов будущих периодов, тогда как в налоговом учете признаются ускоренно. Такая асимметрия приводит к искажениям по счету отложенных налоговых обязательств. Резкие и экономически необоснованные изменения ОНО при отсутствии реального роста деятельности свидетельствуют о взаимодействии с недобросовестными контрагентами.

В целях выявления экономических преступлений применяется поэтапная методика анализа ОНО. На первом этапе проводится сопоставление показателей в динамике и по структуре, что позволяет быстро выявить нетипичные отклонения. Если отложенные налоговые обязательства растут заметно быстрее остальных показателей, это уже повод насторожиться. Подобный перекос обычно указывает на сбои в системе контроля или на искажение данных.

Риск оценивается не по одному показателю, а через их взаимосвязь. Сигналы появляются именно в разрывах между ними. При этом используются так называемые опережающие признаки – они фиксируют проблему до того, как она проявится в отчетности. Например:

– рост объема операций при одновременном увеличении числа ошибок ввода;

– увеличение текучести персонала вместе с ростом количества учетных сбоев.

Если динамика отложенных налоговых обязательств выходит за рамки общей логики развития компании, это нельзя игнорировать. Причины могут быть разными: от внутренних просчетов – неэффективного распределения ресурсов, нарушений в процессах – до внешнего давления, влияющего на финансовый результат. В любом случае такие расхождения требуют предметной проверки, а не формального объяснения.

Дальнейший анализ строится поэтапно. Сначала разбираются временные разницы: каждая часть отложенных обязательств привязывается к конкретным активам или обязательствам. Это позволяет понять, какие именно операции дали искажение [3].

Затем проверка опускается на уровень первичных документов. Договоры, акты и прочие подтверждающие документы оцениваются не по формальным признакам, а по сути, отраженных операций. На этом уровне обычно и проявляются фиктивные сделки, а также случаи искусственного завышения стоимости активов.

Завершающий этап – разбор последствий. Отложенные налоговые обязательства – это не абстрактные величины, а будущие платежи. Ключевой вопрос – за счет каких источников они будут исполнены. Если обязательства растут, а реальные финансовые возможности их покрыть отсутствуют, речь уже идет не о простой диспропорции, а о возможных признаках преднамеренного банкротства.

Практика подтверждает: даже сложные схемы финансовых нарушений не удается полностью скрыть в учете. Документы могут выглядеть корректно, но согласовать между собой данные бухгалтерского и налогового учета без расхождений удается редко. Именно эти разрывы и позволяют выявлять скрытые механизмы искажения отчетности. В связи с этим представляется обоснованным рассмотрение типовых ситуаций, при которых анализ отложенных налоговых обязательств позволяет обнаружить существенные нарушения.

Один из наиболее распространенных вариантов связан со стремлением снизить налоговую нагрузку. В таких случаях организация применяет ускоренные методы амортизации в налоговом учете, сохраняя при этом стандартный порядок в бухгалтерском. Например, при приобретении дорогостоящего оборудования налоговые расходы значительно возрастают, что приводит к уменьшению налога на прибыль, тогда как бухгалтерские показатели изменяются незначительно. Итогом подобного расхождения становится формирование значительного объема отложенных налоговых обязательств.

С позиции внутреннего контроля подобная ситуация требует дополнительной проверки. Резкий рост ОНО по статье, связанной с основными средствами, должен стать основанием для анализа фактического наличия активов. Рост строки «Основные средства», с одной стороны, может говорить о том, что организация наращивает производственные мощности. С другой стороны, без знания показателя фондоотдачи нельзя сделать вывод об эффективности использования активов. Практика показывает, что в ряде случаев выявляются факты искусственного завышения стоимости оборудования, использования посреднических структур или отражения модернизации исключительно на бумаге.

Второй сценарий касается манипуляций с финансовой отчетностью: руководство может искусственно завышать показатели прибыльности. Этого добиваются, например, через капитализацию текущих расходов: затраты на ремонт или исследования оформляют как модернизацию либо создание нематериальных активов. В итоге эти суммы не снижают прибыль за отчетный период. При этом в налоговом учете такие расходы списывают сразу – это уменьшает налогооблагаемую базу. Из-за разницы в учете возникает расхождение между бухгалтерской и налоговой прибылью, что ведет к увеличению отложенных налоговых обязательств. Отсутствие своевременного контроля в данном случае не только искажает отчетность, но и формирует дополнительную налоговую нагрузку в будущем, что может негативно сказаться на финансовом положении организации.

Третий сценарий связан с выводом средств через фиктивные организации. Использование так называемых фирм-однодневок сопровождается оформлением фиктивных услуг, например, консультационных или маркетинговых. В целях сокрытия таких операций в бухгалтерском учете они могут отражаться на счетах незавершенного производства или расходов будущих периодов. В то же время в налоговом учете данные суммы, как правило, признаются ускоренно для получения налоговых выгод.

Подобная асимметрия в признании расходов приводит к искажениям показателей отложенных налоговых обязательств. Характерным признаком является резкое и экономически необоснованное изменение ОНО при отсутствии реального роста производственной деятельности. Это свидетельствует о возможном взаимодействии организации с недобросовестными контрагентами.

В результате последовательного применения указанной методики система внутреннего контроля получает возможность трансформировать бухгалтерские разницы в доказательственную базу для выявления экономических преступлений.

Подводя итог, следует отметить, что глубокий анализ временных разниц позволяет выявлять манипуляции финансовой отчетностью, признаки фиктивных сделок и скрытый вывод активов. В этой связи системный и риск-ориентированный подход к контролю формирования ОНО, а также строгий надзор за ручными корректировками превращают данный участок учета в эффективный инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия.

Практическая реализация данных подходов предполагает максимальную автоматизацию процессов расчета отложенных налогов с использованием ERP-систем, таких как 1С или SAP. При этом любые ручные корректировки должны рассматриваться системой внутреннего контроля как критический индикатор риска мошенничества.

Следовательно, только комплексный анализ временных разниц и их контроль в рамках внутренней системы управления позволяют не только повысить достоверность отчетности, но и обеспечить защиту экономических интересов организации.

Список литературы

1. Приказ Минфина России от 19 ноября 2002 г. № 114н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету „Учет расчетов по налогу на прибыль

организаций“ ПБУ 18/02» (ред. от 20.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40313/.

2. Волохова М. Отложенные налоговые активы (отложенные налоговые обязательства) // Audit. URL: https://www.audit-it.ru/articles/account/tax/a36/983513.html.

3. Финансово-экономические риски : учебное пособие / [Е. Г. Князева и др.]. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015.

4. Богданова М. М., Стрельников Д. В. Отложенные налоги в экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 1. С. 5–10.

5. Аксентьев А. А. Сущность и классификация отложенных налогов // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16, № 4. С. 421–448.

Боева Е. П.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Чернецова Ю. А.,
доцент кафедры
экономики и бухгалтерского учета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук

МЕТАДАННЫЕ БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ НАРУШЕНИЙ

Условия цифровой экономики в современной реальности диктуют новые требования к предотвращению правонарушений. Одним из направлений модернизации в системе выявления правонарушений является анализ электронных учетных регистров организации, так как они содержат в себе большой массив данных о характере деятельности хозяйствующего субъекта. Работа с электронным документооборотом предполагает анализ метаданных, который в результате становится одним из основных элементов в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений в экономической среде.

Понятие «метаданные» регулируется различными стандартами и законами российской правовой системы. Определение можно трактовать как структурированную информацию, которая описывает контекст, содержание документа, а также процессы управления им на протяжении всего жизненного цикла. Процесс использования предполагает наслаивание, что создает историю использования, изменения, перемещения документа от момента его создания и до процесса удаления. Структура метаданных формируется автоматически, в последующем обрабатывается, о чем обладатель файла чаще всего не уведомляется. Каждая произведенная в документе операция обязательно отразится в метаданных и сможет в дальнейшем указать на противозаконную деятельность. Кроме этого, изменение метаданных либо их удаление в большинстве случае – сложный процесс, требующий специальных знаний и особого режима в документе [2]. Это усложняет попытки сокрытия доказательств для правонарушителей и делает метаданные надежным источником получения информации о деятельности правонарушителей.

[1] © Боева Е. П., 2026.

Классификация метаданных включает три основных вида: описательные, структурные и процессные. Схематично классификация представлена на рисунке.

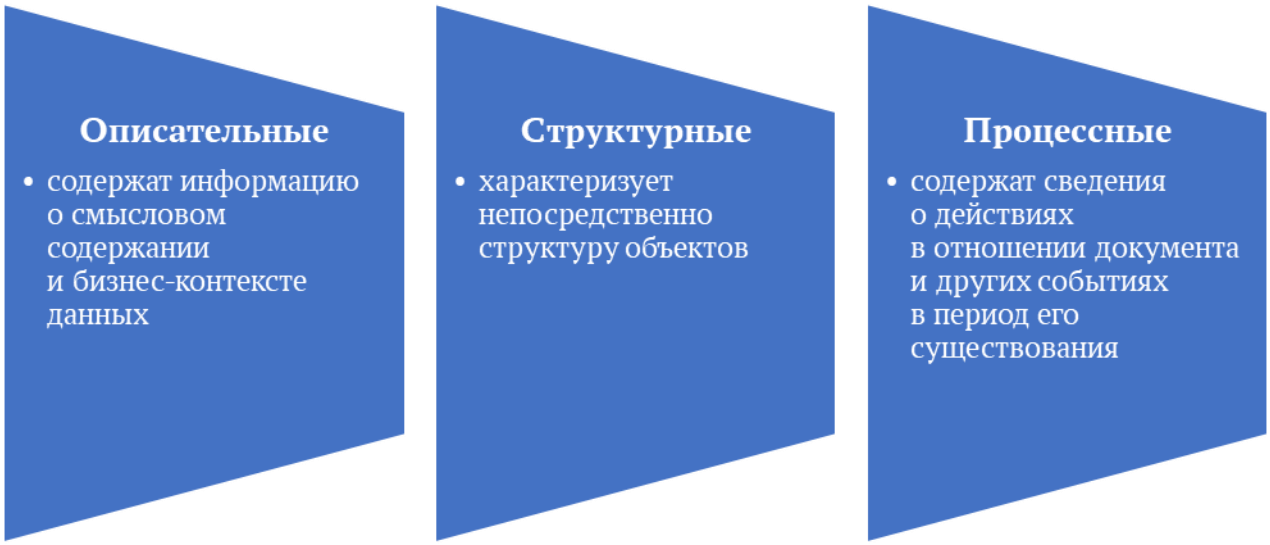

Рис. Классификация метаданных

Рассмотрим каждый из видов в отдельности.

Описательные метаданные характеризуют документ с точки зрения применимости данных в экономической среде, их суть и назначение. Примером описательных метаданных могут являться описания показателей, используемых в документе, алгоритм их расчета и допустимые значения.

Структурные метаданные имеют большое значение для работы аналитиков, поскольку содержат информацию о содержащихся таблицах, отчетах. Такой вид метаданных характеризует документ в трех основных аспектах: физическую структуру, описывая организацию файла в целом; логическую структуру, то есть связь между элементами, которые составляют документ; техническую характеристику, описывая программу, с помощью которой файл был создан.

Процессные метаданные позволяют отслеживать историю жизни документа, например, изменение прав доступа, перемещение в рамках одного устройства или же между устройствами.

Различные категории метаданных становятся значимым источником информации при формировании доказательной базы. И хотя на сегодняшний день применение такого рода анализа документов находится лишь в начале своего развития, перспектива его применения в дальнейшем неоспорима.

Прежде всего, внедрение анализа метаданных позволит выявлять нарушения не раз в год при обязательной проверке финансовой отчетности организации, оставляя возможность злоумышленникам время на организацию незаконной деятельности, а непосредственно в момент совершения нарушения. Впоследствии интеграция с технологиями искусственного интеллекта в системах внутреннего контроля организаций обеспечит анализ поведения пользователей. Так, в случае подозрительной транзакции, сделанной вне рабочего времени из другой страны посредством технологий шифрования и туннелирования система автоматически заблокирует платеж.

Еще одним перспективным направлением использования метаданных при расследовании экономических преступлений является выявление аффилированности и так называемых цифровых двойников. Это возможно благодаря тому, что в метаданные документа содержат сведения об авторе, в том числе ID устройства, на котором он был создан, внесены изменения и т. п. Выявление одного и того же автора у группы поставщиков в рамках одной хозяйственной цепочки является сигналом возможного существования сети фирм-однодневок либо же сговора. В дальнейшем благодаря использованию этих данных будет возможно быстрое установление связей между тысячами контрагентами.

Несмотря на то, что существует множество направлений использования метаданных как источника формирования доказательной базы при расследовании финансовых преступлений, на сегодняшний день они имеют статус лишь косвенных доказательств, поскольку связь между ними и обстоятельствами дела опосредованная. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствуют нормативные акты, регулирующие механизм использования метаданных в судебном разбирательстве, хотя практика применения все-таки присутствует. Так, в одном из разбирательств истцу удалось доказать принадлежность фотографий именно посредством метаданных, содержащихся в цифровых файлах фото [1]. Это в очередной раз доказывает перспективность использования такого способа анализа при расследовании преступлений в условиях цифровой экономики.

Каким бы труднодоступным ни было изменение метаданных файла на сегодняшний день, их по-прежнему можно подделать или стереть при наличии определенных прав доступа. Чтобы в будущем применение метаданных в качестве доказательств на законодательном уровне было возможным, важно рассмотреть внедрение соответствующих реестров в документооборот. За каждым изменением документа будет следовать формирование нового блока метаданных, удаление которого будет невозможно.

В заключении хотелось бы отметить, что метаданные в какой-то степени становятся цифровым следом, анализ которого позволяет выявить наиболее значимые сведения о документе и, как следствие, о совершенном нарушении. Формирование нормативного механизма, регулирующего полноценное применение метаданных в судебной практике, внедрение в системы внутреннего и внешнего контроля хозяйствующих субъектов инструмента анализа такого рода данных, а также подготовка квалифицированных специалистов, умеющих работать в данном направлении, позволит повысить прозрачность финансовой деятельности организаций и снизить риски экономических преступлений.

Список литературы

1. Дубровина А. А. Практика применения метаданных как электронных доказательств в отечественном и зарубежном цивилистическом процессе // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9А. С. 213–221. DOI: 10.34670/AR.2022.38.99.068.

2. Кильдеев Р. Р. Понятие метаданных и их конституционная защита // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3 (59). С. 29–40. DOI 10.21685/2072-3016-2021-3-3. EDN YGPANQ.

3. Павликова А. С. Трансформация бухгалтерского учета в условиях внедрения цифровых технологий // Финансовый контроль и аудит: глобальные тренды, новые риски и приоритеты развития : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Москва, 28 апреля 2023 г.). М. : Русайнс, 2023. С. 205–212. EDN EVOAZE.

Симонова В. Д.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Свирина М. В.,
доцент кафедры
экономики и бухгалтерского учета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ ИНФОБИЗНЕС КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Развитие цифровых технологий и массовое распространение дистанционных форм обучения привели к формированию обширного рынка образовательных услуг в сети Интернет. Онлайн-курсы, вебинары и различные программы наставничества стали доступным инструментом повышения квалификации и получения новых компетенций. Одновременно с этим возникла и обратная сторона данного процесса – распространение недобросовестных практик, когда под видом образовательных программ потребителям предлагаются информационные продукты сомнительного качества либо откровенно мошеннические схемы.

Количество преступлений в сфере IT остается достаточно высоким – за 2025 г. было выявлено 675 тыс. преступлений по данным Генпрокуратуры России [6]. Факты кибермошенничества составляют 350 тыс. случаев, что составляет более половины от всех IT-преступлений. Данная динамика киберпреступлений говорит о том, что факты кибермошенничества до сих пор остаются многочисленными. Мошенничество в сфере образовательных услуг также добавляет случаи в данную статистику. В России фиксируется рост мошеннических схем, в которых злоумышленники выдают себя за менеджеров образовательных программ и онлайн-курсов. По итогам первого квартала 2026 г. Число таких инцидентов увеличилось на 38 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а общий ущерб для граждан и компаний вырос почти на 52 % [4]. Специалисты отмечают, что рост таких преступлений происходит на фоне снижения массовых фишинговых рассылок. Вместо этого злоумышленники переходят к более точечным и персонализированным схемам.

[1] © Симонова В. Д., 2026.

Социологи считают, что недобросовестный инфобизнес не сбавляет темпы популярности по следующим причинам:

1. Проблема безработицы и бедности. В отчаянии люди ищут быстрые способы для решения своих проблем, а тьюторы эксплуатируют данную потребность.
2. Обольщение красивыми историями успеха.
3. Социальное давление. В настоящее время обучение и саморазвитие являются ценностными ориентирами молодежи.
4. Низкий уровень финансовой грамотности. Многие люди не в состоянии оценить риски и проверить подлинность оказываемых услуг.

Рост популярности дистанционного обучения в последние годы только усилил проблему. По оценкам экспертов, рынок онлайн-образования в России демонстрировал устойчивый подъем, увеличившись примерно на 20 % за последние 5 лет, однако параллельно с этим активизировались недобросовестные игроки, использующие социальные сети и таргетированную рекламу для продвижения бесполезного контента [5].

В судебной практике уже накопилось достаточно примеров, иллюстрирующих масштаб ущерба. Самыми популярными продуктами недобросовестного инфобизнеса в социальных сетях стали «Марафон желаний» Елены Блиновской, «Денежный марафон» Валерии Чекалиной, «Стратегии на миллион» Оксаны Самойловой, «Мышление миллионера» Гусейна Гасанова и «Я выбираю тебя» Надин Серовской. Такие дела показывают, как под видом «обучения» можно собирать миллиарды, уклоняясь при этом от налогов. В ходе расследований выявлялись многочисленные эпизоды мошенничества, применялись меры по аресту активов на сотни миллионов рублей, а судебные решения нередко предусматривали реальные сроки лишения свободы.

Проблема кроется не только в больших суммах и громких делах, но и в пострадавших. Основную массу пострадавших составляют люди среднего уровня дохода, которые доверяют обещаниям быстрого карьерного роста или достижения финансовой независимости. Недостаточное регулирование в сфере качества инфопродуктов дает возможность продавцам скрывать недостаток реальной компетенции. Сам курс может быть пустым и бесполезным в плане содержания, нередко собранный по другим источникам, находящимся в открытом доступе. Самое главное, что блогер, пользуясь своей популярностью, активно его продвигает.

Анализ статистики преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий показывает несколько тенденций:

1. Развитие цифровой экономики существенно расширяет возможности для мошеннических схем.
2. Рост онлайн-образования способствует появлению новых форм злоупотреблений, а покупатели не могут объективно оценить качество предлагаемых курсов.
3. Высокая латентность этих правонарушений затрудняет отслеживание динамики (пострадавшие часто не обращаются в полицию).

Несмотря на наличие в российском праве механизмов лицензирования и аккредитации образовательной деятельности, большинство предлагаемых потребителям курсов формально не попадают под соответствующее регулирование. Они подаются как консультационные услуги или мотивационные программы.

Вследствие этого доказать наличие мошеннических действий представляется затруднительным. Так, потребитель приобретает информационный продукт, а оценка его качества носит субъективный характер.

Кроме того, трансграничный характер цифровых платформ создает дополнительные трудности для выявления фактов мошенничества. Организаторы подобных проектов могут действовать из разных стран, использовать зарубежные платежные системы и анонимные каналы связи.

Для противодействия мошенничеству в сфере образовательных услуг необходимо выработать комплексные пути решения. Необходимо совершенствовать законодательство в сфере онлайн-образования. Некоторые определения требуют нормативного закрепления, например информационный продукт, консультационные услуги, образовательные услуги.

Также создание общедоступных реестров образовательных онлайн-площадок, внедрение независимых систем оценок и запуск механизмов добровольной сертификации способны существенно повысить прозрачность рынка и снизить риски для потребителей. В числе перспективных мер – формирование единого федерального реестра добросовестных продавцов онлайн-курсов под наблюдением Рособрнадзора и Роспотребнадзора.

Необходимо также постоянное взаимодействие с населением. Рост финансовой и цифровой грамотности выступает важным фактором сдерживания распространения мошенничества в сфере образовательных услуг.

Таким образом, феномен недобросовестного инфобизнеса является отражением цифровых трансформаций экономики. Расширение рынка онлайн-образования несет в себе огромный потенциал для развития, однако сопряжено с появлением множества недобросовестных субъектов, реализующих мошеннические схемы. Эффективная борьба с этими схемами возможна только на основе комплексного подхода, сочетающего совершенствование нормативной базы, обеспечение прозрачности платформ и систематическую работу по просвещению населения.

Список литературы

1. Кузнецов В. И. Интернет-мошенничество: криминологические и правовые аспекты. М. : Юстицинформ, 2019.

2. Курдакова М. В. Социальный феномен «инфоцыганства»: новые риски в эпоху «цифры» // Вестник Государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2024. № 4. С. 30–38.

3. Лебедев К. А. Киберпреступность в современной России: тенденции и противодействие // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 10–18.

4. Мошенники маскируются под менеджеров онлайн-курсов: число атак выросло на 38 % // Умная страна. URL: https://umstrana.ru/1990/moshenniki-maskiruyutsya-pod-menedzherov-onlayn-kursov-chislo-atak-vyroslo-na-38/.

5. Рост онлайн-образования в России: ключевые показатели и тренды // Университетская книга. URL: https://www.unkniga.ru/news/rost-onlain-obrazovaniia-v-rossii-kliuchevye-pokazateli-i-trendy.html.

6. Число IT-преступлений в России уменьшилось на 12 % за 2025 год // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8419685.

РАЗДЕЛ XXX. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Виноградова А. М.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Уханова Н. В.,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТАТЬ ПОМОЩНИКОМ СЛЕДОВАТЕЛЯ?

Цифровая трансформация общественных отношений, происходящая в России и во всем мире, ставит перед органами следствия принципиально новые вызовы. На современном этапе речь идет уже не просто об автоматизации отдельных рабочих мест или внедрении электронного документооборота, а о системной интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в правоохранительную деятельность. Однако, открывая данную тему, необходимо сразу определить границы дискуссии. Вопреки некоторым прогнозам, распространенным в публичном пространстве, ИИ в России на сегодняшний день не внедряется в правосудие и правоохранительную деятельность в качестве замены человека-правоприменителя. Вынесение процессуальных решений искусственным интеллектом не предусмотрено действующим законодательством и не может быть реализовано

[1] © Виноградова А. М., 2026.

без нарушения фундаментальных принципов судопроизводства, таких как самостоятельность судебной власти и процессуальная независимость следователя.

Как справедливо отмечается в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, создание так называемого сильного ИИ, способного превзойти интеллектуальные возможности человека, сопряжено с существенными рисками, требующими предварительного осмысления и законодательного регулирования [1]. В уголовном судопроизводстве, где цена ошибки особенно высока – речь идет о судьбах людей, их праве на свободу и справедливое правосудие, – на данном предостережении должно заостряться внимание законодателя и правоприменителя.

Цель настоящей работы – определить оптимальную модель интеграции ИИ в деятельность следователя на этапе предварительного расследования, разграничив функции, которые могут быть делегированы автоматизированным системам, и те, которые остаются исключительной прерогативой следователя, а также выявить правовые и этические риски, сопровождающие данный процесс.

Прежде чем перейти к анализу возможных направлений применения ИИ в деятельности следователя, необходимо обратиться к определению данной технологии, которое содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1, с. 9]. Согласно п. «а» ст. 5 указанной стратегии, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1, с. 9]. Стратегия различает два вида ИИ: обычный (слабый) ИИ, ориентированный на решение узких, строго определенных задач, и сильный ИИ, который в перспективе может превзойти интеллектуальные возможности человека. Применительно к деятельности следователя, учитывая современный уровень технологического развития и требования уголовно-процессуального законодательства, мы можем говорить только о слабом ИИ как об инструменте-помощнике, не подменяющем процессуальную самостоятельность следователя.

В контексте рассматриваемой проблемы важно также определить место технологий ИИ в системе специальных знаний, традиционно используемых в уголовном судопроизводстве. В криминалистической науке под специальными знаниями понимаются знания сведущего лица – эксперта или специалиста, привлекаемого к участию в следственных действиях. Однако, как отмечает И. П. Чекотов в своих исследованиях, посвященных цифровизации предварительного расследования, в условиях активного внедрения цифровых технологий возникает объективная необходимость переосмысления этого подхода [2, с. 24]. ИИ может выступать в качестве инструмента применения специальных знаний, выполняя вспомогательные функции по обработке больших массивов информации, но исключительно при условии соблюдения процессуальных гарантий прав участников судопроизводства и сохранения за человеком функций итогового контроля и принятия решений.

Переходя непосредственно к анализу практического потенциала ИИ в деятельности следователя, следует отметить, что в научной литературе и в материалах ведомственных разработок выделяется несколько направлений возможного применения таких технологий. При этом принципиально важным является разграничение операций, имеющих творческий, оценочный характер, требующих применения правосознания и профессионального опыта, и операций алгоритмических, рутинных, которые могут быть делегированы техническим средствам без ущерба для качества расследования и законности принимаемых решений.

Первое направление – компьютерное зрение и распознавание образов. Данное направление активно развивается в рамках городских систем видеонаблюдения. В частности, в системе видеонаблюдения города Москвы успешно функционируют алгоритмы распознавания лиц, позволяющие в автоматическом режиме идентифицировать лиц, находящихся в розыске, и информировать об этом правоохранительные органы [3, с. 12]. Следователь может использовать подобные технологии для анализа больших массивов видеозаписей с камер наружного наблюдения, с частных видеорегистраторов и иных источников с целью обнаружения значимых для уголовного дела событий, лиц или предметов (при осмотре предметов). Применение компьютерного зрения позволяет сократить время на просмотр видеоматериалов с нескольких дней до нескольких минут, что особенно актуально при расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности.

Второе направление – анализ текста. Современные большие языковые модели (large language models) способны осуществлять семантический анализ значительных объемов текстовой информации – переписки в мессенджерах, электронной почты, документов. Такие технологии позволяют выделять ключевые факты, выявлять связи между участниками коммуникации, определять временные маркеры, что сегодня отнимает у следователя часы и дни рутинной работы. Особую ценность данное направление представляет при расследовании преступлений, совершенных организованными группами, где объем изымаемой цифровой информации может составлять терабайты данных.

Третье направление – составление проектов процессуальных документов. На основе введенных следователем структурированных данных (фабула, квалификация преступления, данные об участниках, результаты следственных действий) ИИ может генерировать проекты постановлений, поручений, запросов. Такая технология не только сокращает временные затраты, но и способствует унификации следственной практики, снижая риск технических ошибок и стилистических неточностей в документах.

Четвертое направление – подборка нормативных правовых актов, содержание которых относится к определенной сфере деятельности, в которой имели место преступные злоупотребления (например, мошенничество в сфере государственных поставок). В настоящее время массив нормативных правовых актов значительно увеличился в объеме. Экономическая, цифровая и другие сферы деятельности регулируются не только федеральными законам, но и многими подзаконными нормативными правовыми актами, которые издаются различными

ведомствами. Кроме того, нормативные правовые акты часто сменяются другими, в них вносятся изменения. Сами тексты нормативных правовых актов стали более сложными и объемными. Поэтому, наряду с актуальной и постоянно обновляемой правовой базой данных, следователь нуждается в своеобразном «путеводителе» по текстам нормативных правовых актов. Это особенно для расследования преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьями Уголовного кодекса Российской Федерации с бланкетными диспозициями.

Приведенные направления свидетельствуют о значительном потенциале ИИ в оптимизации работы следователя. Однако для понимания границ возможного необходимо обратиться к анализу зарубежного опыта нормативного регулирования данной сферы, который может быть полезен для формирования российской модели правового регулирования применения ИИ.

Зарубежный опыт демонстрирует активное формирование нормативной базы в сфере ИИ. В 2023 г. в Китайской Народной Республике был опубликован Модельный закон об искусственном интеллекте, подготовленный Академией общественных наук Китая. Среди его ключевых принципов – прозрачность и объяснимость принимаемых системой решений (ст. 6), а также принцип подотчетности (ст. 7), согласно которому лица, использующие ИИ, несут индивидуальную юридическую ответственность за результаты его применения [4, с. 5, 15–17].

Еще раньше, в 2019 г., ведущие исследовательские центры Китая (Пекинская академия искусственного интеллекта, университеты Цинхуа и Пекина, компании Baidu, Alibaba и Tencent) приняли «Пекинские принципы в области искусственного интеллекта». Данный документ объединил четыре группы требований: разработка технологий с учетом потенциальных рисков; наличие у пользователя необходимых цифровых компетенций; прозрачность процессов управления системами ИИ; учет возможных последствий для общества [5].

В Российской Федерации нормативная база в сфере ИИ также активно формируется, причем акцент сделан на этическом регулировании. Ключевым документом стал Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, одобренный на заседании Наблюдательного совета АНО «Цифровая экономика» 26 октября 2021 г. (протокол № 6). К 2025 г. данный Кодекс подписали более 900 организаций, включая федеральные и региональные органы власти, что свидетельствует о признании его положений на самом высоком уровне [6]. Указанный Кодекс базируется на принципах человекоцентричности (приоритет прав и свобод человека), прозрачности (объяснимость принимаемых системой решений) и ответственности (закрепление ответственности за лицом, использующим ИИ). Важной особенностью российской модели является институт уполномоченных по этике в сфере ИИ, призванных осуществлять мониторинг соблюдения этических норм при внедрении таких систем. В 2024 г. была издана «Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта», содержащая практические кейсы решения этических вызовов, возникающих при использовании ИИ в различных сферах, включая правоохранительную [7, с. 45–47].

В научном дискурсе, посвященном проблематике внедрения ИИ в уголовное судопроизводство, на сегодняшний день сформировались две основные позиции. Сторонники внедрения, среди которых можно выделить А. Г. Себякина,

указывают на безусловное повышение эффективности обработки информации, снижение временных и трудозатрат, освобождение следователя от рутинной работы и возможность сосредоточиться на творческих, аналитических аспектах расследования [8, с. 80]. Противники же, обращают внимание на критические проблемы, связанные с ограниченностью технологий ИИ. У ИИ отсутствует внутреннее убеждение, в соответствии с которым, исходя из ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь оценивает доказательства [9], руководствуясь при этом законом и совестью. Совести у ИИ, конечно же, быть не может ни при каких условиях. Непрозрачность алгоритмов (так называемый черный ящик) не позволяет проверить, на основании каких именно параметров был сделан тот или иной вывод. Кроме того, существует риск алгоритмической предвзятости, заложенной в обучающей выборке, которая может содержать искаженные данные или отражать существующие социальные стереотипы.

Исходя из проведенного анализа теоретических положений и практических разработок, принципиальное значение имеет определение границ применения ИИ в деятельности следователя. Анализ правовой природы предварительного расследования, а также содержания действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить функции, которые ИИ выполнять не должен:

1. Оценка достаточности доказательств. Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь оценивает доказательства, по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Внутреннее убеждение – категория, принципиально не поддающаяся алгоритмизации; оно формируется на основе правосознания, морально-нравственных установок личности, профессионального опыта и интуиции. ИИ, оперирующий исключительно статистическими закономерностями и заложенными в обучающую в способен к такому синтезу, поскольку любая оценка, произведенная алгоритмом, будет носить формализованный, а не оценочный характер. Передача данной функции ИИ противоречила бы требованию всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, закрепленному в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

2. Определение тактики допроса. Тактические приемы допроса требуют учета психоэмоционального состояния допрашиваемого, его индивидуально-психологических особенностей, динамики коммуникативной ситуации, умения распознавать ложь по невербальным проявлениям. ИИ, лишенный способности к эмпатии и оперативной адаптации к изменяющимся условиям речевого взаимодействия, не может эффективно реализовывать тактические приемы. Кроме того, тактические решения основываются на интуитивной оценке следователем достоверности показаний, что невозможно формализовать в алгоритм, не снизив эффективность следственного действия.

3. Принятие процессуальных решений. Любое процессуальное решение – о возбуждении уголовного дела, об избрании меры пресечения, о прекращении уголовного преследования, о направлении дела в суд – носит властно-распорядительный характер, предполагает персональную юридическую ответственность

следователя и основывается на совокупности доказательств, оцененных по внутреннему убеждению. Передача таких полномочий ИИ противоречила бы принципу законности, закрепленному в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и создавала бы неопределенность в вопросе юридической ответственности за принимаемые решения. Принцип персональной ответственности должностного лица, закрепленный в ведомственных нормативных актах, не допускает делегирования властных полномочий искусственному интеллекту.

В отличие от указанных функций, которые должны оставаться исключительной компетенцией следователя, существует определенный круг алгоритмических операций, которые могут быть делегированы ИИ без ущерба для законности и качества расследования. Именно в этом заключается оптимальная модель интеграции ИИ в деятельность следователя.

Таким образом, ИИ может стать помощником следователя, но исключительно в роли инструмента, выполняющего алгоритмические операции. На него можно возложить операции, носящие алгоритмический, рутинный характер, не требующие творческого подхода и оценочных суждений:

1) систематизация материалов уголовного дела по видам документов и датам;
2) составление проектов типовых процессуальных документов;
3) подборка нормативных правовых актов по статьям с бланкетными диспозициями (экономические, экологические составы, дорожно-транспортные происшествия);
4) контроль процессуальных сроков с функцией напоминания;
5) оглашение прав участников следственных действий (с последующим разъяснением следователем).

Предложенный перечень алгоритмических операций не является исчерпывающим, но отражает основные направления, в которых ИИ может принести наибольшую пользу, не вторгаясь в сферу исключительной компетенции следователя.

Резюмируя изложенное, следует констатировать: ИИ может стать эффективным помощником следователя при соблюдении ряда принципиальных условий.

Во-первых, необходимо нормативное закрепление принципа ответственности следователя за результаты использования ИИ, что позволит сохранить персональную ответственность за принимаемые решения.

Во-вторых, следователь должен обладать правом, а не обязанностью использования ИИ-инструментов, поскольку в каждом конкретном случае применение технологий должно быть добровольным и учитывать специфику расследуемого преступления.

В-третьих, требуется четкое законодательное разграничение алгоритмических операций, которые могут делегироваться ИИ, и функций, остающихся исключительной компетенцией человека. Дальнейшее развитие данного института предполагает внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части регламентации использования автоматизированных систем как вспомогательного средства, не подменяющего процесс доказывания. Только при соблюдении указанных условий можно говорить о безопасном

и эффективном внедрении технологий искусственного интеллекта в деятельность следователя, где они будут служить не заменой, а усилением человеческого потенциала.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

2. Чекотов И. П. Цифровизация предварительного расследования: трансформация института специальных знаний // Российский следователь. 2022. № 4. С. 22–26.

3. Отчет о внедрении технологий распознавания лиц в г. Москве / Департамент информационных технологий г. Москвы. М., 2024.

4. Модельный закон об искусственном интеллекте / Академия общественных наук Китая. Пекин : Издательство Академии общественных наук Китая, 2023.

5. Пекинские принципы в области искусственного интеллекта // Пекинская академия искусственного интеллекта. 2019. URL: https://www.baai.ac.cn.

6. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта : одобрен на заседании Наблюдательного совета АНО «Цифровая экономика» 26 октября 2021 г., протокол № 6. М., 2021.

7. Белая книга этики в сфере ИИ / под ред. А. В. Незнамова. М. : Цифровая экономика, 2024.

8. Себякин А. Г. Искусственный интеллект в деятельности следователя: направления внедрения и перспективы развития // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2 (32). С. 78–83.

Огурцова К. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Степырева А. М.,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВЫХ ПРОФИЛЕЙ МИГРАНТОВ

В эпоху тотальной цифровизации, когда информационные технологии пронизывают все сферы общественной жизни, становясь фактором, детерминирующим новые формы криминальной активности, расследование преступлений уже невозможно представить вне контекста анализа огромных массивов электронных данных. Особую актуальность данный тезис приобретает применительно к миграционной сфере. Востребованность такого анализа подтверждается количественными показателями, отражающими масштаб миграционных процессов в ключевых российских агломерациях: так, за 2025 г. в Россию прибыло более 15 млн мигрантов, что составляет около 10 % всего населения. Данные показатели формируют новый вызов: увеличение числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами.

В рамках оперативного совещания по вопросам миграционной преступности, председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин отметил, что за пять месяцев 2025 г. количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 10 % и составило 18 873 деяния, что свидетельствует о необходимости модернизации систем контроля за деятельностью мигрантов на территории России [1].

В этой связи особую актуальность приобретает практическая реализация Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [2] и Указа Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“» [3].

Стоит отметить, что на момент марта 2026 г. «цифровой профиль иностранного гражданина» еще не введен в полномасштабную промышленную эксплуа-

[1] © Огурцова К. А., 2026.

тацию, однако базовые компоненты данного инструмента (биометрический контроль, миграционный учет и др.) уже вовсю функционируют как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Еще одной особенностью рассмотрения темы реализации миграционной политики, является отсутствие в законодательстве Российской Федерации официального закрепления термина «цифровой профиль иностранного гражданина». В свою очередь, в научной литературе существует множество его интерпретаций. Согласно мнению М. Н. Рязанцевой, под «цифровым профилем мигранта» понимается электронная база данных, содержащая сведения о личных данных иностранного гражданина (Ф. И. О., гражданство, дата рождения), разрешениях на работу, сроках пребывания, местах проживания, а также о прохождении медицинских осмотров и результатах прохождения образовательных тестов [4, с. 152]. Вся информация интегрирована в единое цифровое пространство, что позволяет государственным органам в режиме реального времени получать актуальные данные о правовом статусе мигранта и его месте пребывания. Например, с 1 сентября 2025 г. на территории г. Москвы и Московской области введен экспериментальный правовой режим миграционного учета. Указанный эксперимент предполагает реализацию комплекса дополнительных мер контроля за иностранными гражданами, прибывшими в Российскую Федерацию в безвизовом режиме. Ключевым элементом данного нововведения является обязанность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в Московском регионе, использовать специализированное мобильное приложение «Амина» [5, с. 58], позволяющее фиксировать фактическое местонахождение иностранного гражданина с привязкой к конкретным адресным объектам, тем самым осуществляя контроль за их поведением, в том числе в части предотвращения совершения им противоправных действий.

Ярким примером, необходимости реализации данного цифрового инструмента в части, касающейся качественной проверки личности, аккумулирования данных о ней, является дело по совершенному в Крокус Сити Холле 22 марта 2024 г. террористическому акту, где иностранные граждане, прибывшие на территорию нашей страны для осуществления трудовой деятельности, злоупотребили данным правом, совершив уголовно-наказуемое деяние – а именно особо тяжкое преступление. Помимо этого, один из террористов, Рачабализода Саидакрам, при задержании, как выяснилось позже, предоставил сотрудникам полиции ложные персональные данные о себе – в спецслужбах Таджикистана он числился под другим именем [6, с. 471], что затруднило его идентификацию и оперативное определение причастности к совершению данного деяния.

Случаи незаконной деятельности иностранных граждан на территории России, к сожалению, не единичны. Например, в Ульяновске сотрудники отдела по вопросам миграции раскрыли схему оформления подложных документов для постановки на учет граждан Туркменистана. Ключевым элементом, приведшим к раскрытию преступной схемы, стал анализ общих черт, присущих участникам данной противоправной деятельности – схожее оформление профилей в социальной сети «ВКонтакте», единые шаблонные языковые конструкции, а также географическая привязка к одной стране происхождения. Злоумышлен-

ники, находившиеся в России по студенческим визам, размещали в закрытых группах объявления о «помощи» в регистрации, получали от клиентов определенный пакет документов, направляли их для изготовления подделок в другой федеральный округ, а готовые подложные документы рассылали «заказчикам» в формате PDF через мессенджеры. В результате расследования было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ и по ч. 3 ст. 327 УК РФ. Примечательно, что все участники схемы были выявлены именно благодаря системному анализу их цифровой активности [7].

В Санкт-Петербурге в 2023 г. была пресечена деятельность организованной группы, специализировавшейся на оказании нелегальных миграционных услуг с применением методов социальной инженерии и несанкционированного доступа к государственным информационным системам. Установлено, что шесть фигурантов дела использовали взломанные на Едином портале государственных услуг аккаунты граждан для осуществления фиктивной постановки на миграционный учет иностранных граждан. За 2,5 года злоумышленники создали 350 телеграм-каналов, с помощью которых в преступную деятельность было вовлечено более 5 000 мигрантов (скомпрометировано около 100 учетных записей). Суммарно преступная группа получила доход на сумму 20 млн рублей [8].

Анализ судебной практики показывает, что цифровые данные, включенные в структуру профиля мигранта, все чаще становятся предметом судебного рассмотрения не только в уголовных, но и в административных делах. В решении Михайловского районного суда Рязанской области от 17 января 2025 г. по делу № 2А-1224/2024 [9], принятом по иску прокурора, установлено бездействие муниципального дошкольного образовательного учреждения, не разместившего на своем официальном сайте информацию о численности обучающихся, являющихся иностранными гражданами. Хотя данное дело напрямую не связано с уголовным преследованием, оно демонстрирует тенденцию к расширению правового поля, в котором цифровые данные о мигрантах становятся обязательным элементом публичной отчетности и контроля. Суд обязал образовательное учреждение устранить нарушение в трехмесячный срок, подтвердив, что информация о присутствии иностранных граждан в социальных институтах (в данном случае – в детском саду) не может быть скрыта и подлежит обязательному раскрытию в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Этот прецедент указывает на то, что цифровой профиль мигранта формируется не только правоохранительными органами, но и всеми организациями, взаимодействующими с иностранными гражданами, создавая тем самым распределенную систему учета, доступную для надзорных органов и общественности.

Особое внимание стоит обратить на методологический инструментарий, используемый при криминалистическом анализе цифровых профилей мигрантов. В современных научно-методических рекомендациях акцентируется необходимость комплексного применения криминальной разведки, OSINT и SOCINT для документирования преступлений, связанных с торговлей людьми и организацией нелегальной миграции. Системы сетевого анализа с элементами искусственного интеллекта позволяют выявить не только отдельных нарушителей, но и целые организованные группы, действующие в «цифровой тени». Особую ценность

представляет анализ нишевых мессенджеров (например, IMO), где общение между пользователями ведется на национальных языках, что требует от следователя не только технических навыков, но и привлечения специалистов-лингвистов и экспертов в области этнической психологии. В криминалистической характеристике преступной деятельности мигрантов вводится понятие «кибермигрантов» – категории субъектов, для которых государственная принадлежность вторична по отношению к IT-квалификации, а их способы совершения преступлений и цифровая следовая картина требуют использования специфических методов расследования, включающих анализ транзакций с криптовалютами и взаимодействие с зарубежными криптобиржами. Данный факт подчеркивает, что цифровой профиль современного мигранта, вовлеченного в противоправную деятельность, не ограничивается территорией принимающего государства, а имеет ярко выраженное транснациональное измерение [10].

Рассматривая международный опыт внедрения информационных технологий в правоохранительную деятельность, стоит упомянуть опыт иммиграционной полиции США, которая в своей деятельности активно использует мобильное приложение для мгновенной биометрической идентификации людей прямо на улицах города. Сотруднику достаточно сфотографировать лицо человека, и приложение за несколько секунд соотнесет полученный снимок с базой данных из 200 млн изображений. После первоначальной обработки сведений цифровой программой, сотрудник полиции получит данные касаемо имени, даты рождения, гражданства, а также причастности проверяемого лица к преступной деятельности.

Нельзя не обратить внимание на техническую модернизацию процессов миграционной политики и в Российской Федерации. Так, в 2025 г. в Санкт-Петербурге введен эксперимент по внедрение в уличные системы видеонаблюдения элементов искусственного интеллекта: в восьми районах города начали действовать камеры, которые не только распознают лицо, но и могут проанализировать его этническую принадлежность, позволяя выявить концентрацию лиц определенной национальности в конкретных участках города. Благодаря данной инновации, в декабре 2025 г. в одном из районов Санкт-Петербурга была выявлена и задержана преступная группа, состоящая из граждан Таджикистана, которая на протяжении нескольких месяц осуществляла насильственные действия в отношении молодых девушек с последующим их удержанием в одной из снятых для реализации преступного замысла квартир.

С 1 декабря 2024 г. в ряде российских аэропортов (Шереметьево, Внуково, Домодедово и др.) введен эксперимент по сбору биометрических данных иностранных граждан при их въезде на территорию Российской Федерации. Данные их генома поступают в базы ФСБ России и МВД России, питая систему распознавания лиц «Безопасный город» [11].

Параллельно обсуждается вопрос создания комплексного цифрового профиля, включающего не только идентификационные данные о лице, но и сведения о месте работы, регионе пребывания, что позволит выявлять мигрантов, уклоняющихся от трудовой деятельности или нарушающих территориальные ограничения, установленные патентом. Однако с расширением объема собираемых данных и углублением аналитических возможностей возникают и новые правовые

вызовы, связанные с защитой персональных данных, обеспечением их сохранности и предотвращением злоупотреблений. В этом контексте важно не допустить нарушение конституционных прав иностранных граждан на личную неприкосновенность, что возможно благодаря четкой правовой регламентации порядка формирования, хранения и использования цифровых профилей данной категории лиц.

Как отмечает Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев, благодаря созданию и использованию базовых компонентов «цифрового профиля мигранта», массив собранных данных о лицах, совершающих на территории Российской Федерации преступные деяния, пополнился 2 млн образцов, использование которых на базе современных ресурсов позволило раскрыть практически 2 500 преступлений» [12].

Подводя итог, стоит отметить, что переход к системному использованию цифровых профилей и технологий автоматизированного поиска сведений об иностранных гражданах рассматривается как стратегическое направление повышения эффективности правоохранительной деятельности. В долгосрочной перспективе это позволит не только оперативно раскрывать уже совершенные преступления, но и прогнозировать противоправное поведение, своевременно выявляя лиц, находящихся в группе риска, в целях проведения в отношения них профилактических мероприятий. В свою очередь, дальнейшее использование функциональных возможностей «цифрового профиля» при расследовании преступлений требует решение трех ключевых задач:

– нормативного закрепления рассматриваемого понятия, а также регламентации правил межведомственного обмена относительно данной темы;

– разработки тактических рекомендаций для следователей и дознавателей по порядку получения и использования «цифровой» информации;

– создания «правовых барьеров», исключающих дискриминацию лиц, в отношении которых применятся данный инструмент.

Список литературы

1. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений в сфере миграции // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/news/item/1999074/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516670/.

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52130.

4. Рязанцева М. Н. Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 150–154.

5. Ефимов А. А. Современное состояние и перспективы совершенствования миграционного законодательства в условиях глобальных вызовов // Российский судья. 2026. № 2. С. 56–60.

6. Ильина О. В., Фролов Д. В. Криминологические и организационно-правовые аспекты противодействия миграционной преступности в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2025. № 9 (208). С. 471–473.

7. Цифровой след нелегалов // Репортер 73. URL: https://reporter73.tv/2025/10/09/цифровой-след-нелегалов.

8. Маринец Р. 6 петербуржцев легализовали 5 тысяч мигрантов, взламывая аккаунты «Госуслуг» // Комсомольская правда. URL: https://www.spb.kp.ru/online/news/6513981/.

9. Решение Михайловского районного суда Рязанской области от 27 ноября 2025 г. по делу № 2-947/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rFmPrKjMJGVb/.

10. Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. Кибермиграция в объективе миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1 (185). С. 284–301.

11. Корягина С. А. Правовые механизмы противодействия незаконной миграции в России: современное состояние и пути совершенствования // Уголовная политика современной России: теория, концепция, стратегия (к 75-летию доктора юридических наук, профессора Босхолова Сергея Семеновича) : материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках IV Байкальского юридического форума (Иркутск, 9–10 октября 2025 г.). Иркутск : Байкальский государственный университет, 2025. С. 105–111.

12. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/news/item/48711678.

Гальцова С. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Горач Н. Н.,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ И ПРИМЕНЕНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ ПРОГРАММ

Современный этап развития информационно-телекоммуникационных технологий характеризуется высоким ростом киберугроз, среди которых особое место занимают преступления, связанные с созданием и применением вредоносных программ. Согласно данным Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий МВД России, во второй половине 2025 г. наиболее распространенными видами вредоносного программного обеспечения стали: NFCGate (52,4 % от общего числа выявленных инцидентов), Mamont (38,7 %), SpyNote (4,4 %) lunaSpy (1,8 %) [1]. Приведенные показатели свидетельствуют не только о количественном росте кибератак, но и об усовершенствованном орудии преступления, что объективно усложняет деятельность следователей по раскрытию и расследованию преступлений данной категории преступлений.

Центральной нормой, регламентирующей ответственность за данные деяния, является ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» [4]. Согласно которой под вредоносной программой понимается программа, которая заведомо предназначена для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Следователю необходимо уметь разбираться в типах вредоносных программ, так как они имеют разные способы распространения и последствия. К видам вредоносного программного обеспечения относятся: вирусы, черви, троянские программы, шпионское программное обеспечение, программы-вымогатели, бесфайловое программное обеспечение, ботнеты, DDoS и др.

---

[1] © Гальцова С. А., 2026.

Для возбуждения уголовного дела необходимы материалы, которые будут подтверждать факт, создания, использования или распространения вредоносных программ. Это могут быть результаты лабораторных исследований, протоколы изъятия носителей информации, объяснения очевидцев и другие документы. Однако их сбор и анализ требует тщательной подготовки и должного внимания, так как особенностью являются следы, которые будут цифровыми.

При расследовании преступлений особое внимание уделяется следственному осмотру. Это основополагающее действие, которое может включать осмотр места происшествия и осмотром предметов (изъятой техники и носителей информации). Местом происшествия в основном выступает помещение, в котором расположена компьютерная техника, использованная для совершения преступления.

Объектами осмотра могут быть:

1) компьютеры и периферийные устройства;
2) накопители информации;
3) сетевые коммуникации и оборудование;
4) документы (журналы учета рабочего времени, доступа к технике, регистрации пользователей, лицензионные соглашения).

Для полноценного осмотра требуется привлечение специалистов в области компьютерной техники. Что связано с тем, что следы преступления преимущественно оставленными в электронном виде, поэтому их обнаружение, фиксация и изъятия требует специальных знаний.

При изъятии и упаковки следователь должен учитывать то, что техника изымается в выключенном состоянии, а при отсоединении устройств в протоколах и схемах обязательно указывается порядок соединения, кабели по необходимости маркируются. Если имеются каналы связи, то фиксируется его тип, номер, используемая аппаратура и рабочая частота. В завершении системные блоки опечатываются для исключения возможности изменения или удаления информации.

Назначение и производство компьютерно-технической экспертизы является обязательным элементом расследования преступлений рассматриваемой категории. Как отмечается в исследовании, проведенном Центром судебных экспертиз, «главная опасность своевременного шпионского программного обеспечения заключается в его дуалистической природе», что предъявляет повышенные требования к квалификации эксперта [2].

Также ряд особенностей имеет допрос потерпевшего. Они связаны с техническими знаниями, цифровыми следами, низким уровнем цифровой грамотности потерпевших и необходимостью детального выяснения обстоятельств инцидента. К особенностям относятся:

1. Необходимость уточнения технических деталей. Потерпевший должен описать действия, которые он совершил перед и во время преступления.
2. Вопросы о средствах защиты (наличие антивирусного программного обеспечение, использование защищенных соединений, паролях).
3. Обстоятельства обнаружения преступления. К такой информации относится: дата и время, когда потерпевший обнаружил несанкционированные действия и как именно было обнаружено нарушение.
4. Информация о материальном ущербе.

5. Действия после обнаружения преступления. Следователю необходимо получить информацию о действиях после обнаружения нарушения (например, пытался ли связаться с преступником, восстанавливал ли данные самостоятельно).

При расследовании преступлений, связанных с созданием и использованием вредоносного программного обеспечения, может использоваться искусственный интеллект. В 2025 г. российскими учеными из Санкт-Петербургского федерального центра РАН разработан подход, позволяющий при помощи нейросетей обнаруживать программы, записывающие последовательность нажатия клавиш (кейлоггеры) [3].

Внедрение нейросетей при расследовании преступлений поможет повысить эффективность выявления ранее неизвестных модификаций вредоносного программного обеспечения, а также установление скрытых закономерностей в сетевом трафике, указывающих на вредоносную активность.

Одной из наиболее сложных проблем расследования преступлений, связанных с созданием и применением вредоносного программного обеспечения, является трансграничный характер. Злоумышленники используют серверы, расположенные на территории иностранных государств, используют технологии анонимизации, осуществляют расчеты в криптовалюте.

Важнейшим событием в 2025 г. стало подписание в Ханое Конвенции ООН о противодействии киберпреступности. Как отмечается на официальном сообщении Генеральной прокуратуры Российской Федерации, конвенция разработана по инициативе российского надзорного ведомства при координирующей роли МИД России. Данный документ, подписанный 72 государствами, представляет собой первый универсальный международный договор в сфере противодействия киберпреступности.

В завершении следует отметить, что успешное расследование преступлениям, связанных с созданием и применением вредоносных программ и дальнейшее их предупреждение происходит при комплексном подходе, в котором необходимо внедрение передовых технологий, совершенствование законодательства и активное развитие международного сотрудничества.

Список литературы

1. Соколов М. Какие вирусы рассылают мошенники: МВД раскрыло их названия // Комсомольская правда. 2025. 27 ноября. URL: https://www.kp.ru/online/news/6692269/.

2. Развитие информационных угроз в третьем квартале 2025 года. Статистика по ПК // Securelist. 2025. 19 ноября. URL: https://securelist.ru/malware-report-q3-2025-pc-iot-statistics/114024/.

3. Поиск шпионского программного обеспечения на мобильных и стационарных вычислительных платформах // Центр судебных экспертиз. 2025. 14 дек. URL: https://centrexp.ru/poisk-shpionskogo-programmnogo-obespecheniya-na-mobilnyh-i-staczionarnyh-vychislitelnyh-platformah/.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

РАЗДЕЛ XXXI. ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Егоров Н. Д.[1],
курсант факультета
подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Джафарова Н. Т.,
старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПОДАЧЕ ЗАЯВЛЕНИЯ О БАНКРОТСТВЕ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Институт несостоятельности физических лиц в Российской Федерации сформировался как самостоятельный правовой механизм с принятием Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, которым Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» был дополнен положениями, регламентирующими процедуры банкротства физических лиц. Указанные изменения существенно трансформировали правовое регулирование, усложнив систему юридической ответственности участников правоотношений. Только за 2025 г. арбитражными судами признаны банкротами 568 тыс. граждан, что на 31,5 % превышает показатель предыдущего года, а с учетом внесудебных процедур общее количество физических лиц – банкротов достигло 629,3 тыс. [12]. Статья посвящена анализу административной ответственности физических лиц в рамках дел о несостоятельности, исследуются актуальные проблемы правоприменения.

[1] © Егоров Н. Д., 2026.

Административная ответственность в процедурах банкротства физических лиц стала специфическим правовым инструментом, позволяющим обеспечить баланс интересов между освобождением должника от долгового бремени и необходимости защиты коллективных прав кредиторов. Если изначально правоприменительная практика и доктрина была направлена на гражданско-правовые последствия несостоятельности (списание долгов физического лица, реализация имущества), то с увеличением количества дел о банкротстве граждан и ростом злоупотребления со стороны должников, эффективность данных средств воздействия выявила пробелы.

На сегодняшний день административная ответственность служит не столько карательным инструментом, сколько превентивным, предотвращая злоупотребление со стороны недобросовестных должников и регулируя поведение должника в процедуре несостоятельности. Как справедливо отметил Ю. А. Тихомиров, подчеркнув публично-правовую природу механизма правоприменения к физическому лицу, административная ответственность служит важнейшим инструментом охраны правопорядка, где наказание неразрывно связано с предупреждением правонарушений и защитой интересов общества в целом [10] в процедурах несостоятельности данное умозаключение означает, что наказание за недобросовестное поведение должника защищает не просто интересы отдельного кредитора, а правовую целостность всего института банкротства, отсюда специфика административной ответственности в данной сфере заключается в том, что она наступает не за факт неплатежеспособности со стороны лица, а за противоправные деяния в рамках процедуры.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) классифицирует ответственность в зависимости от характера деяния, степени причиненного вреда и этапа, на котором находится правонарушение:

1. Правонарушения, связанные с инициированием физическим лицом процедуры банкротства: неисполнение обязанности по подаче заявления (ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ). Гражданин или индивидуальный предприниматель (ИП) обязан подать в установленном порядке заявление о признании себя банкротом, при ситуации, когда удовлетворение долговых требований одного кредитора приводит к невозможности исполнения требований остальных, или если стоимость активов должника признается в рамках конкурсного производства ниже суммы долга. Неисполнение этой обязанности влечет за собой административное наказание в виде предупреждения или штрафа, в размере от 1 000 до 3 000 рублей, диспозиция ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ предполагает повторное нарушение и устанавливает штраф в размере от 3 000 до 5 000 рублей.

2. Правонарушения в ходе процедуры банкротства: непредоставление сведений (ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ). Данное правонарушение может выражаться в сокрытии имущества, его незаконной передачи аффилированным лицам, уничтожении или фальсификации документов, а также их непредоставлении финансовому управляющему.

3. Правонарушения, связанные с фиктивным или преднамеренным банкротством (ст. 14.12 КоАП РФ). Они включают в себя заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности физического лица с целью введения в заблуж-

дение кредиторов (ч. 1 ст. 14.12) или совершение действий, заведомо влекущих неспособность удовлетворить требования кредиторов (ч. 2 ст. 14.12).

Так же в российском законе существует дифференциация ответственности в зависимости от причиненного ущерба: если данным виновным деянием причинен крупный ущерб (свыше 2 250 000 рублей), наступает уголовная ответственность по ст.ст. 196, 197 УК РФ.

Однако, в нынешней правоприменительной практике основным специальным составом, применяемым к физическим лицам, является ст. 14.13 КоАП РФ, что приводит к возникновению совокупности противоречий и пробелов в праве. Центральной проблемой при применении ст. 14.13, в частности чч. 5 и 5.1 КоАП РФ остается отсутствие четко закрепленного процесса, целью которого является установление момента, обязывающего подать заявление о банкротстве. На основании и порядке, предусмотренном ст. 9 Закона о банкротстве, физическое лицо обязано обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании своей несостоятельности, при ситуации, когда законные требования кредиторов приводят к невозможности исполнения денежных обязательств, либо при конкурсном производстве стоимость имущества должника признается недостаточной для удовлетворения требований кредиторов, следовательно, возникает проблема определения времени возникновения обязанностей по подаче заявления о несостоятельности. Правоприменительная практика по данному составу различается.

С одной стороны, суды основываются на прямом толковании Закона о банкротстве: п. 1 ст. 9 обязывает кредитора подать заявление, если должник отвечает признакам неплатежеспособности в соответствии:

1) со ст. 213.3 ФЗ № 127 – условия для принятия заявления судом (долг физического лица более 500 000 рублей и просрочка более трех месяцев).

2) ст. 213.4 ФЗ № 127 – условия для обязанности гражданина подать заявление о банкротстве, в случае если лицо осознает свою неплатежеспособность,

или недостаточности имущества в рамках механизма конкурсного производства. Косвенным разъяснением этого послужил п. 5 постановления ВАС РФ от 15 декабря 2004 г. № 29, применяющейся обвинительными органами по аналогии, указывая, что для возбуждения дела суд проверяет формальные условия. Однако, налоговые органы и кредиторы часто некорректно применяют данный подход на определение момента возникновения обязанности у физического лица, выражающееся в смешивании условий для возбуждения дела о банкротстве, закрепленных в ст. 213.3 ФЗ «О банкротстве» и момента возникновения обязанности у банкрота. Позиция правотворческих органов заключается в использовании формального подхода, в сравнении с позицией ВАС РФ, указывающая на ключевое обстоятельство, подлежащее доказыванию – умысла должника (ст. 2.2 КоАП РФ). Как отметил Ю. П. Соловей, что привлечение к административной ответственности невозможно без установления виновности лица в совершении конкретного противоправного деяния, следовательно, вменение только за сам факт нарушения при отсутствии вины, не допускается [11]. Таким образом, недостаточно установить в рамках производства по делу об административном правонарушении факт задолженности, необходимо доказать, что гражданин сознательно уклонялся от исполнения

обязанности по подаче заявления о банкротстве, осознавая неспособность удовлетворить требования кредиторов.

С другой стороны, Верховный Суд Российской Федерации сформировал уникальный подход, направленный на защиту физических лиц от привлечения к административной ответственности только за сам факт наличия задолженностей. Ключевым разъяснением послужил Обзор судебной практики ВС РФ № 3, утвержденный Президиумом ВС РФ от 10 ноября 2021 г., указывающий на недопустимость рассмотрения наличия кредиторской задолженности, превышающей стоимость активов как безусловного доказательства возникновения у физического лица обязанности обратиться в суд с заявлением о несостоятельности в установленный законом период. В частности, п. 9 постановления ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» определяет состояние, при котором должник признается неспособным в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, а также уплатить обязательные платежи вследствие превышения обстоятельств над стоимостью его активов в рамках конкурсного производства. Важно, что Верховный Суд добавил установку этого состояния на дату, когда гражданин узнал или должен был узнать о фактической несостоятельности и об объективном банкротстве. Именно эти правовые позиции, первоначально разработанные для юридических лиц, были распространены ВС РФ на физических лиц, что обеспечило однообразие правоприменительной практики.

Анализируя два отличных подхода решения одного вопроса, стоит обратить внимание на их противоречия. Противоречие заключается в базисной проблеме доказывания и установления бремени доказывания в производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.13 КоАП РФ. Подход прямого толкования законодательства устанавливает наступление объективной обязанности в момент истечения трехмесячного срока с даты последнего неисполненного физическим лицом обязательства, установленного п. 1 ст. 213.4 ФЗ «О банкротстве», если общая сумма задолженности превышает 500 000 рублей. Практика же Верховного Суда, отличная от строгого толкования правовых норм, закрепляет субъективную обязанность в момент, когда физическое лицо поняло, что активов не хватит, чтобы расплатиться со всеми кредиторами. Дата исчисления, установленная в три месяца – играет роль одного из признаков, но не является основным критерием. Как верно отмечает теоретик права С. С. Алексеев, правовое регулирование достигает своих целей только тогда, когда оно определено и стабильно, исключающее произвольное правоприменение. Данной определенности и четкого закрепления недостает в вопросах возникновения обязанностей по подаче заявления о банкротстве физического лица.

Для решения образовавшегося пробела в правоприменении, автором предлагается усилить процесс доказывания в рамках производства по делу об административном правонарушении, связанное с банкротством физических лиц. Конкретное предложение заключается в дополнении КоАП РФ, в частности в ч. 5 ст. 14.13 положениями, предоставляющих возможность возбуждения дела в отношении гражданина только при наличии соответствующего заключения и оценки компетентного должностного лица (финансового управляющего либо всту-

пившего в законную силу судебного акта арбитражного суда, в котором определен момент наступления объективного банкротства гражданина), в котором определяется, что объективное банкротство физического лица наступило ранее даты, фактической подачи заявления о банкротстве в суд. Передача полномочий рассмотрения возникновения обязанности гражданина от должностного лица налогового органа к профессиональному участнику дела о несостоятельности резко повысит качество и объективность процесса доказывания и исключит правовую неопределенность в правоприменении административно-деликтных норм. Данное предложение соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Практика привлечения к административной ответственности по ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ только на основании наличия у физического лица задолженности, превышающий установленную законом суммы и истечении срока является объективным вменением, недопустимость которого неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации. Так же Конституционный Суд неоднократно указывал на необходимость наличия состава правонарушения, который включает в себя виновность. В закреплении вышеизложенному, необходимо закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации правило, которое возложит бремя доказывания умысла лица на правоприменительные органы. Данное предложение находит подтверждение в общих цивилистических и административных нормах.

Таким образом, подводя краткий итог изложенному, хочется резюмировать, что существует наличие существенного пробела в механизме правового регулирования административной ответственности физического лица в процедуре несостоятельности, в частности, по подаче заявления о банкротстве. Сущность пробела заключается в отсутствии четкого законодательного алгоритма определения момента возникновения данного обязательства, что порождает противоречивые подходы в правоприменении. Необходимо отметить, что главной задачей правоприменительных органов – обеспечение верховенства права и защита законных интересов граждан. Правоприменение не может основываться на формальных признаках, оно призвано устанавливать все юридически значимые обстоятельства дела, включая наличие вины лица, совершившего противоправное деяние и обеспечить баланс интересов кредиторов и обычных граждан. Рассмотренные в статье коллизии и пробелы в праве играют важную роль в практике. Решение данных проблем позволит исключить привлечение физических лиц к административной ответственности без установления вины. Предложенные автором дополнение в законодательство Российской Федерации оказывают превентивное воздействие на правовой механизм банкротства. Предложения соответствуют конституционным принципам и правовым позициям Верховного Суда и Конституции. Реализация предложенных мер позволит устранить правовую неопределенность и обеспечить однообразие судебной практики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.

5. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

6. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» (ред. от 29.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172973/.

7. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (ред. от 17.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51206/.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (ред. от 23.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 октября 2025 г. 2025. № 3.

10. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции : монография. М. : Юстицинформ, 2001.

11. Соловей Ю. П. О недопустимости объективного вменения в административно-деликтном праве // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 12–18.

12. Должники // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. URL: https://bankrot.fedresurs.ru/bankrupts.

Костина Е. А.[1],
курсант факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Курбатова О. В.,
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

НЕВМЕНЯЕМОСТЬ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Данная статья посвящена анализу процессуальных норм, регламентирующих установление невменяемости, по административно-деликтному законодательству России, Республик Беларусь и Казахстан.

Итак, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (КоАП РФ) определены обстоятельства освобождения от административной ответственности. Одним из таких обстоятельств является невменяемость, под которой понимается такое состояние физического лица, когда оно во время совершения противоправного деяния не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ст. 2.8 КоАП РФ).

Анализ нормативно закрепленного термина показывает, что одним из ключевых моментов является временной признак, а именно момент совершения правонарушения. Состояние невменяемости должно быть непосредственно связано с моментом совершения правонарушения.

Кроме того, установление невменяемости требует одновременно присутствия двух критериев: медицинского (биологического) и юридического.

В первом случае необходимо учитывать как перечисленные в ст. 2.8 КоАП РФ болезни психики (хроническое или временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики), так и новые болезни, вызванные различными пандемиями (с учетом классификации психических расстройств (МКБ-11) в целях отграничения от хронических расстройств с другими состояниями, которые не подпадают под основания признания лица невменяемым.

Во втором случае, говоря о юридическом критерии, должны быть интеллектуальный или волевой моменты (закон не предусматривает их совокупности).

---

[1] © Костина Е. А., 2026.

Так, лицо, привлекаемое к ответственности, может быть неспособным как осознавать фактический характер и противоправность своего деяния и наступивших последствий, так и руководить своими действиями (т. е. контролировать их, «подавлять в себе импульсы к необдуманным действиям» [9]).

Отметим, что важно учитывать пограничное состояние психики человека, когда лицо частично осознает свои действия и также частично сохраняет волевой момент. Хотя в этом случае закон не предусматривает такую категорию, как «частичная вменяемость».

Обозначенные критерии взаимосвязаны, так как психическое расстройство (медицинский критерий) должен быть причиной способности лица осознавать и (или) руководить своими действиями (юридический критерий). Связующим звеном данных критериев является причинно-следственная связь.

Эти критерии устанавливаются в процессе судебно-психиатрической экспертизы и требуют тщательного анализа заболевания, обстоятельств совершения противоправных деяний и т. д. Эксперт в заключении формулирует вывод о влиянии психического расстройства на способность лица или осознавать фактический характер своего деяния и (или) руководить своими действиями в момент совершения деликта.

Проведенный анализ административно-деликтного законодательства республик Беларусь [4] (КРБоАП) и Казахстан [6] (КРКоАП) показал, что само определение невменяемости, указанное в ст. 4.3 КРБоАП и ст. 29 КРКоАП, а также наличие и содержание ее критериев, полностью совпадают со ст. 2.8 КоАП РФ.

Теперь рассмотрим сам процесс установления невменяемости.

Так, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [5] (ПИКоАП) также включает невменяемость в перечень обстоятельств, исключающих административный процесс (п. 6 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП). Для ее установления должностное лицо органа, ведущего административный процесс, выносит постановление о ее назначении (ст. 11.13 ПИКоАП).

В Республике Беларусь законодательство о судебно-экспертной деятельности [7] содержит перечень лиц, уполномоченных назначать судебную экспертизу (ст. 1): следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд (судья), должностное лицо органа, ведущего административный процесс, вынесшие постановление (определение) о назначении экспертизы. Таким образом, четко определено, кто осуществляет административный процесс, тот и может назначить судебную экспертизу. В этом же законе (ст. 31) указано основание проведения судебной экспертизы – постановление (определение) о ее назначении, что также соотносится с положениями процессуального законодательства об административных правонарушениях. При этом предусмотрена возможность приостановления рассмотрения дела об административном правонарушении при назначении экспертизы – на срок проведения экспертизы (п. 1 ч. 3 ст. 12.2 ПИКоАП). Эта законодательная норма «облегчает» производство по делу об административном правонарушении.

В Республике Казахстан административно-деликтный закон (ст. 741 КРКоАП) предусматривает обстоятельства, исключающие производство по делу об адми-

нистративном правонарушении. Однако в данной статье не указан критерий невменяемости, но в п. 2 ч. 1 написан критерий – отсутствие состава административного правонарушения. Для нас имеет значение отсутствие субъекта правонарушения.

Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» [8] устанавливает основания производства судебной экспертизы (ст. 30), ссылаясь в том числе на КРКоАП. Согласно ч. 1 ст. 772 КРКоАП экспертиза назначается судьей, органом (должностным лицом), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, когда обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть получены в результате исследования материалов дела, проводимого экспертом на основе специальных научных знаний. Также в ч. 3 этой статьи закреплено, что указанные субъекты административной юрисдикции могут назначить экспертизу по ходатайству сторон или собственной инициативе.

Сравним процесс установления невменяемости по административно-деликтному законодательству Российской Федерации с вышеизложенными положениями указанных стран – участников СНГ.

Для начала обратимся к п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ, где указан один из поводов возбуждения дела об административном правонарушении: это непосредственное обнаружение деликта должностными лицами, уполномоченными возбуждать дело. В административно-деликтном процессе установление невменяемости начинается тогда, когда субъект административной юрисдикции имеет основания сомневаться в психическом здоровье нарушителя (манера поведения человека в момент совершения правонарушения: бессвязная речь, неадекватное реагирование, странные действия; предоставленные документы (медицинские справки, записи о прохождении психиатрического лечения); сведения, полученные от свидетелей и других участников процесса) либо по запросу привлекаемого к ответственности лица (либо его законного представителя). В таком случае субъект административной юрисдикции должен вынести определение о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Процедура проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз установлена Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], а также приказом Минздрава России «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» [3]. Основаниями производства судебно-психиатрической экспертизы являются определение суда; постановление судьи; лица, производящего дознание, следователя. Но в административно-деликтном производстве следователь и дознаватель участие не принимают и из вышеперечисленных субъектов остается только суд. Однако КоАП РФ не содержит норму, предоставляющую право должностным лицам, уполномоченным проводить административное расследование, обращаться в суд для назначения рассматриваемой экспертизы. Хотя в КоАП РФ также нет нормы, которая запрещала бы уполномоченным должностным лицам обращаться в суд по такому вопросу. Прямо предусмотрено только право должностного лица, возбудившего дело, обжаловать решение суда по такому делу (ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ). Однако можем констатировать запрет, который

следует из совокупности норм КоАП РФ, определяющих компетенцию субъектов административной юрисдикции, а также принципов административно-деликтного производства. Рассмотрение дела об административном правонарушении завершается вынесением судом итогового документа – постановления о привлечении виновного к ответственности или же об освобождении от нее.

Таким образом, по российскому законодательству усматривается пробел в нормативном установлении должностных лиц, имеющих право процессуально инициировать проведение такой экспертизы. Так, закон наделяет должностное лицо «правом» (фактически «обязанностью»), но ведомственный акт Минздрава содержит исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на назначение экспертизы (фактически только сотрудников, занимающихся уголовными делами). Это обстоятельство по факту лишает механизма реализации полномочий субъекта административной юрисдикции, осуществляющего производство по административно-юрисдикционному делу. Налицо несогласованность законодательных и подзаконных норм.

Подводя итог, в целях совершенствования отечественного административно-деликтного законодательства по вопросу установления невменяемости, предлагаем позаимствовать опыт дружественных стран в части приостановления срока административного расследования или его продления на фактическое время проведения судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, по опыту обозначенных стран-участников СНГ, следует синхронизировать текст отечественных законодательного и подзаконного акта в части установления перечня субъектов, которые вправе назначать подобную экспертизу.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

3. Приказ Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 263н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020028.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38043824.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32621478.

6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V // ИС «Параграф». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31577399.

7. Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-ФЗ «О судебно-экспертной деятельности» // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36997444.

8. Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 г. № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37215312.

9. Толковый словарь Ожегова // Gufo. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/.

Галактионова К. Д.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кивич Ю. В.,
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальность исследования административно-правовых механизмов миграционной политики определяется кардинальными изменениями законодательства, произошедшими в 2024–2025 гг., а также утверждением новой концептуальной основы государственного регулирования миграционных процессов. Миграционная политика в современных условиях приобрела выраженное значение инструмента обеспечения национальной безопасности, перестав рассматриваться исключительно как сфера оказания государственных услуг. Данная трансформация предопределила вектор законодательных изменений и обусловила необходимость их комплексного административно-правового осмысления.

Цель настоящей статьи – системный анализ административно-правовых средств формирования и реализации миграционной политики России, выявление их функционального назначения, эффективности и проблемных аспектов применения в контексте новых законодательных подходов. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: анализ концептуальных основ современной миграционной политики; исследование институциональных и процедурных механизмов ее реализации; выявление проблем административно-правового регулирования и направлений его совершенствования.

15 октября 2025 г. Указом Президента Российской Федерации № 738 утверждена Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, определяющая стратегические ориентиры миграционного регулирования с учетом современных вызовов. Документ закрепляет понимание миграции не как сферы оказания государственных услуг, а как инструмента обеспечения национальной безопасности государства [3].

---

[1] © Галактионова К. Д., 2026.

Концепция формировалась под воздействием ряда ключевых факторов: трансформации структуры миграционных потоков в постпандемийный период при сохранении тенденции роста трудовой миграции, изменения геополитической ситуации и использования миграционных процессов как инструмента внешнего давления, ориентации на привлечение иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности, а также необходимости удовлетворения потребностей отечественной экономики в квалифицированных иностранных работниках [3].

В оценке предшествующего периода (2019–2025 гг.) отмечается, что был реализован комплекс мер по упрощению получения разрешительных документов отдельными категориями лиц, расширен перечень категорий, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации и медицинскому освидетельствованию, введены дополнительные требования к подтверждению владения русским языком. Тем самым была подготовлена нормативная база для реализации более жесткого административно-правового регулирования миграционных отношений.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ введен принципиально новый правовой институт – миграционный режим высылки, применяемый в отношении иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания в Российской Федерации. Правовая природа данного режима заключается во временном ограничении прав и свобод иностранного гражданина, сопровождающемся включением в реестр контролируемых лиц и применением расширенных мер государственного контроля. Информация о нахождении лица в реестре размещается на официальном сайте МВД России, а лицо считается уведомленным с момента такого размещения [8].

Режим высылки предполагает систему существенных административно-правовых ограничений. В частности, контролируемым лицам запрещается изменять место жительства без разрешения органа внутренних дел, выезжать за пределы субъекта Российской Федерации, приобретать недвижимость и транспортные средства, вступать в брак, осуществлять предпринимательскую деятельность, а также открывать банковские счета и совершать финансовые операции на сумму свыше 30 тысяч рублей в месяц. Данный перечень ограничений по своему объему не имеет аналогов в отечественном административном праве.

Существенной новеллой административно-правового регулирования стало расширение круга субъектов, уполномоченных назначать административное выдворение. Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ должностные лица органов внутренних дел наделены полномочиями по принятию решений о выдворении иностранных граждан, что ранее являлось исключительной компетенцией судей и пограничных органов [4]. Данное изменение обусловлено необходимостью ускорения процедур реагирования на нарушения миграционного законодательства.

Одновременно установлено право должностных лиц органов внутренних дел, органов безопасности и пограничных органов помещать иностранных граждан в специальные учреждения на срок до 48 часов с возможностью последующего продления по решению судьи. Усилена административная ответственность

за правонарушения в сфере миграции: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 402-ФЗ ввел повышенную ответственность юридических лиц за подделку документов в целях организации незаконной миграции.

Современный этап характеризуется масштабным внедрением цифровых технологий в систему миграционного контроля. Проводится эксперимент по сбору биометрических персональных данных при пересечении государственной границы; установлена обязанность органов внутренних дел предоставлять в электронной форме сведения о лицах, принятых в гражданство Российской Федерации, для их постановки на воинский учет. Закреплена возможность установления местонахождения контролируемого лица с применением данных мобильных устройств, систем геолокации, платежных систем и средств распознавания лиц [1].

Цифровизация процессов миграционного учета призвана обеспечить соблюдение правил учета иностранных граждан по месту пребывания и создать единую информационную среду для взаимодействия субъектов административной юрисдикции в миграционной сфере. Вместе с тем данный процесс порождает вопросы о гарантиях защиты персональных данных иностранных граждан и пределах допустимого государственного контроля.

Проведенный анализ позволяет выявить ряд проблем современного административно-правового регулирования миграционной сферы. Во-первых, введение режима высылки с существенными ограничениями прав иностранных граждан при отсутствии обязательного судебного решения на их применение вызывает вопросы о соответствии конституционным гарантиям. В научной литературе отмечается, что подобная модель формирует зависимое и уязвимое положение трудовых мигрантов, рассматривая их как объект системных ограничений, а не носителей субъективных прав [2].

Во-вторых, обнаруживается противоречие между декларируемыми целями адаптации и интеграции мигрантов и фактическими ограничениями доступа к социальным услугам, образованию, здравоохранению. Эффективность административных механизмов должна оцениваться не только по критерию реализации контрольной функции, но и по способности обеспечивать включение законопослушных иностранных граждан в социальную ткань российского общества [5].

В-третьих, в ходе парламентских слушаний отмечалась необходимость совершенствования информационного обмена между государственными органами и работодателями, расширения форм взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, законодательными органами и деловыми объединениями в целях формирования системы национально-ориентированных миграционных законов [7].

Перспективы совершенствования административно-правовых механизмов в данной сфере связаны с поиском оптимального баланса между обеспечением безопасности государства и созданием условий для легальной миграции, развитием дифференцированных административных процедур для различных категорий иностранных граждан, а также гармонизацией российского законодательства с общепризнанными международными стандартами.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Современная миграционная политика России переориентирована с сервисной

модели на правоохранительную, где доминирующим фактором выступает обеспечение национальной безопасности, что получило нормативное закрепление в Концепции на 2026–2030 годы. Введенный режим высылки представляет собой принципиально новый административно-правовой институт, существенно расширяющий инструментарий воздействия на иностранных граждан. Произошло перераспределение юрисдикционных полномочий в пользу органов внутренних дел, ускоряющее процедуры, однако ставящее вопросы о гарантиях прав подконтрольных лиц.

Активное внедрение цифровых механизмов контроля формирует качественно иную среду миграционного учета, одновременно порождая новые правовые проблемы в сфере защиты персональных данных. Сохраняется системное противоречие между усилением административно-правового принуждения и необходимостью обеспечения интеграции мигрантов и соблюдения их прав. Разрешение данного противоречия является ключевой задачей дальнейшего совершенствования административного законодательства в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Изменения законодательства в сфере миграции // Администрация сельского поселения Половинка. URL: https://polovinka-r86.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_267.html.

2. Khonkhodzhaev F. T. Russia's Migration Policy: Barriers and Prohibitions for Labor Migrant Workers // Actual Problems of International Relations. 2025. No. 165, vol. 1, pp. 156–164.

3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516670/.

4. Изменения законодательства в сфере миграции // Официальный сайт Администрации городского округа «Город Калининград». URL: https://www.klgd.ru/useful/prokuratura/detail.php?ID=71673878.

5. Иванова Е. А. Графшонкина А. А., Степанов С. А. Современные миграционные процессы в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 5. С. 88-94.

6. Управление по вопросам миграции напоминает об изменениях, внесенных в миграционное законодательство // Официальный сайт Администрации Ершовского муниципального района. URL: https://adminemr.ru/mvd/?ELEMENT_ID=9697.

7. Законодательное обеспечение государственной миграционной политики Российской Федерации в 2025 г.: состояние и перспективы : материалы круглого стола // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/168346/.

8. Изменение законодательства в сфере миграции в области контрольно-надзорной деятельности за пребыванием (проживанием) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Администрация Наро-Фоминского городского округа. URL: https://nfreg.ru/documents/izmenenie-zakonodatelstva-v-sfere-migratsii-v-oblasti-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-za-prebyvaniem-prozhivaniem-v-rossijskoj-federatsii-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva/.

РАЗДЕЛ XXXII. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цхай А. А.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бельский В. Ю.,
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ

Миграционные процессы оказывают огромное влияние на экономическую, социальную и политическую сферы жизни государства, на примерах стран Европы мы можем наблюдать, к чему может привести отсутствие миграционной политики, коренное население со временем замещается приезжими кадрами, бремя обслуживания которых ложится на плечи народа, веками проживавшего на данной территории. Отсюда можно сделать вывод, что миграция должна строго контролироваться государством, для этого оно должно разрабатывать соответствующие нормативно-правовые документы, создавать органы государственной власти, которые будут обеспечивать выполнение данных правовых актов. Миграция в современной России занимает одно из ведущих направлений в сфере регулирования ее государством, доказательством того является принятие новой Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы [8].

В ней говорится, что рост трудовых мигрантов сохранится и признает, что Россия нуждается в квалифицированной рабочей силе, но данная потребность

[1] © Цхай А. А., 2026.

должна реализовываться со строгим соблюдением закона, так же концепция настаивает на привлечение иностранцев разделяющих традиционные российские духовные ценности, немаловажным является то, что она устанавливает ответственность работодателей, привлекающий к себе на производство иностранную рабочую силу, предписывает использование методов информационных технологий, например биометрической информации о мигрантах. Исходя из нее можно понять, что миграционные процессы тесно связаны с взаимодействием личности и государства, затрагивается вопрос свободы и национальной безопасности. В целях ее реализации, а также в целях совершенствования миграционной политики Российской Федерации в 2025 г. была создана служба в составе Министерства внутренних дел по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, заменившая собой Главное управление по вопросам миграции.

Свою деятельность она осуществляет на основании Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международных договоров Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами МВД России и настоящим Положением.

Рассматривая подробнее Конституцию, мы можем выделать следующие принципы, в соответствии с которыми служба ведет свою деятельность, а именно: правого государства, равенство прав и свобод человека, свободу передвижения и выбора места жительства. Если рассматривать теорию общественного договора, то народ частично поделился своими суверенными правами в пользу государства, которое обязалось в случае чего обеспечить его безопасность и права. Суверенитет здесь является ключевым философско-правовым ориентиром, под которым я понимаю способность государства формировать и реализовывать свою миграционную политику, но это не только власть данное народом государству, но и его ответственность перед ним и международным сообществом. Отражение данной философской идеи можно найти опять же в Конституции Российской Федерации, например в ст. 2, где государство обязуется защищать права, свободу человека [1]. Исходя из вышесказанного контроль миграционных потоков является инструментом защиты общественного порядка и обеспечением общественной безопасности государством, которое реализует в части своих полномочий служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России.

Развитие данной идеи находит свое отражение в федеральных законах, в соответствии с которыми она также ведет свою работу, а именно: «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который регулирует отношение между иностранными гражданами с одной стороны и органами государственной власти с другой [3]; Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», гарантирующий конституционное право каждого, кто законно пребывает на территории России, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации [4]; Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации

и въезда в Российскую Федерацию» [5] и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [6], устанавливающий основания для получения иностранными гражданами гражданства Российской Федерации. Здесь закономерно возникает другой вопрос: федеральный закон, как и Конституция подтверждает фундаментальное право личности – на свободу передвижения, признанное государственными и международными правовым актами, например Всеобщей декларацией прав человека (ст. 13), но в ней лишь говорится о безусловном праве каждого свободно покинуть любую страну или же возвращаться в свою, но не о праве свободно въезжать в любое государство [2]. Ведь решать кто может въехать или нет это суверенное право Государства, и никто не праве диктовать его из вне. Данную привилегию оно делегировало Министерству внутренних дел, в лице вышеупомянутой службы. Но исходя из Конституции и международных соглашение, Государство в лице МВД не может свести все к тотальному контролю, оно должно опираться на принцип гуманизма, учитывать достоинство личности, свобод и социальных прав мигрантов. Но и сами иностранные граждане, пребывая у нас в стране, должны помнить об ответственности за нарушения законодательства, в соответствии с конституцией они несут ее на общих основаниях с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, когда в отношение них принята мера о выдворение их за пределы государства.

В процессе деятельности службы могут возникать некие противоречия, например соразмерно ли собирать биометрические данные о лицах, въезжающих на территорию государства, можно ли расширять административные полномочия и давать разрешения на выдворение за территорию без санкции суда, ставить на строгий учет мигрантов ограничивая их в пределах передвижениях, как это коррелирует с международными нормами права и государственными нормативно-правовыми документами. Все вышеперечисленное является неотъемлемой частью обеспечение безопасности государства и закреплено на законодательной уровне.

Так был принят Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан», который и предполагает собой сбор и дальнейшую обработку в информационных системах информации о лицах, въезжающих на территорию Российской Федерации [7]. Мигранта не принуждают давать согласие на обработку персональных данных, но если он откажется, его деятельность будет сильно ограничена, что касается его свободного передвижения, то оно не ограничивается, единственное что, он обязан вести трудовую деятельность на территорию того субъекта, где ему был выдан патент, за исключением случаев предусмотренных настоящим законодательством. За соблюдением вышеизложенного также следит Министерство внутренних дел. Но деятельность данной службы нельзя рассматривать в рамках только административного механизма учета и контроля, она укоренена в категориях правового государства, справедливости, соразмерности ответственности и баланса интересов личности и общества. Ограничение прав и свобод возможны лишь на законных основаниях, это предполагает принцип правого государства.

При осуществлении деятельности по контролю за миграцией МВД России должно исходить из того, что вмешательство в частную жизнь мигранта должно быть соразмерно, то есть сбор биометрических материал должен быть осуществлен в той части, которая нужна государству для обеспечения его легитимной цели – охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Философское отражение этого вопроса является конфликт свободы и безопасности. Человек с рождения имеет право на свободу передвижения и на выбор своего местожительство, но, с другой стороны, у нас есть государство, взявшие на себя обязательство по обеспечению безопасности проживающих на его территорию граждан, обеспечение стабильности. Здесь находит свое отражение либеральный и консервативный диалектические подходы. Освобождение личности от ограничений путем преодоления возникающих противоречий невозможно, ввиду того что они перетекут во враждебные государству элементы, а консервативный же ставит приоритет общественных интересов и культурной идентичности выше интересов конкретного индивида. Без данного подхода невозможно функционирования миграционной службы МВД России.

Внимание заслуживает и расширение административных полномочий службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан. Опыт показывает, что усиление исполнительной власти должно сопровождаться эффективным контролем со стороны надзорных органов, как внутренних, так и внешних. В противном же случае возникает риск превышения должностными лицами своих полномочий или злоупотреблением отдельными органами государства в данной сфере, что неминуемо приведет к печальным последствиям.

Подводя итог рассуждений, можно сделать вывод, что философско-правовые основания деятельности миграционной службы МВД России базируется на следующих ключевых категориях: принципе правого государства и верховенства закона, суверенитета государство над своей миграционной политике и обеспечения в данной области безопасности, гуманизма и уважения человеческого достоинства соразмерности и законности ограничительных мер. В заключение стоит подчеркнуть, что миграционная политика, является отражением ценностной ориентации государства, а в частности и МВД России. Эффективная деятельность данной службы начинается с ее организационно-правовых аспектов, базирующихся на базовых философских идеях и принципах, складывающихся уже на протяжении многих лет существования человечества, способности обеспечить баланс между правами человека и интересами государства, сохраняя при этом принцип конституционализма и законности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 04.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

4. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/.

5. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/.

6. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/.

7. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/.

8. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516670/.

Хомич Г. М.[1],
командир отделения
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Митин А. В.,
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Закрепление традиционных ценностей в органах внутренних дел имеет многовековую историческую преемственность. Петровская эпоха не просто создала полицию, а придала ей высокое нравственное значение. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности», – фраза, которую произнес Петр I. Полиция принимала самое широкое значение как институт «добрых порядков» и должна была следить за нравами, домостроительством, санитарией – всем тем, что сегодня мы бы назвали общественным благом. В екатерининский век учреждается «Устав благочиния или полицейский», где на полицию возлагалась обязанность охранять не только правопорядок, но и добронравие. Устав предписывал руководствоваться особыми морально-нравственно правилами: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не можешь», «В добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю не имеющему» [1, с. 19–22]. Данные правила отражали православную этику в полицейской службе, где защита нравственности приравнена к охране закона.

Советская власть отказалась от религиозной этики, но сохранила нравственный образ и усилила воспитательно-патриотическую функцию. Милиция рассматривалась как интеллектуальный локомотив для формирования нового человека, где ставка делалась на всестороннее развитие личности сотрудника милиции как атрибута государственной власти. Посредством кинематографа, искусства, литературы и музыки транслировался положительный образ милиционера как героя и интеллигента, создавая высокую профессиональную культуру. Крайне показательна здесь эволюция текста присяги.

Присяга милиционера 1962 г. года была проникнута идеей интернационализма и классовой борьбы: «Я… поступая на работу в советскую милицию, принимаю

[1] © Хомич Г. М., 2026.

Присягу и торжественно клянусь… быть мужественным, бдительным и дисциплинированным работником, хранить государственную и служебную тайну, беспрекословно выполнять уставы, приказы и распоряжения…» В советской присяге 1972 г. было прописано, что в случае необходимости милиционер будет готов пожертвовать «самой жизнью» при охране советского общественного и государственного строя.

Здесь же содержалось указание на последствия нарушения данного обещания: «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет наказание по всей строгости советских законов». В содержании присяги сотрудника милиции явно прослеживается идеалистический и эмоциональный окрас. Современная Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации делает акцент на иных ценностях: «Клянусь… свято соблюдать Конституцию и федеральные законы, уважать и соблюдать права и человека и гражданина… мужественно и честно, не щадить своих сил в борьбе с преступностью, достойно исполнять свой служебный долг, служить России и закону». Сравнивая эти тексты, мы видим движение от клятвы «работника» к клятве «служения» – служения Закону, народу и государству в его исторической преемственности, что возвращает нас к идее Петра I о «душе гражданства».

Сегодня эта преемственность обрела четкую нормативную форму. Задача по защите духовных ценностей стала частью служебной деятельности. Ключевым документом здесь является Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Этот указ стал мировоззренческой матрицей для всех ведомств. В системе МВД он был внедрен через ведомственные приказы. Прежде всего, это приказ МВД России № 500 от 27 августа 2024 г., утверждающий Положение о морально-психологическом обеспечении. В п. 2.5 этого Положения принцип «опоры на традиционные российские духовно-нравственные ценности» закреплен как основополагающий. Целями морально-психологического обеспечения названы «закрепление в сознании сотрудников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, общероссийской гражданской идентичности». Третьим звеном этой нормативной триады выступает приказ МВД России № 460 (Кодекс этики и служебного поведения), который предписывает сотруднику учитывать национальные обычаи и традиции, строить взаимоотношения на принципах товарищеской взаимопомощи.

Обратимся к уникальному опыту суворовских военных училищ и кадетского корпуса МВД России. Это та среда, где формирование будущего офицера начинается с подросткового возраста. Современные педагогические исследования показывают, что ключевая задача на начальном этапе обучения в суворовском училище – это социализация, понимаемая как «двуединый процесс адаптации подростков к субординационной среде и их самореализации в будущей профессии полицейского» [2, с. 156].

Воспитатели ставят целью сформировать у суворовцев «культуросообразное осмысление полицейской службы как профессии служения». Это достигается через погружение в традиции училища, формирование «суворовского братства» –

аналога войскового товарищества, а также через деятельное участие в сохранении исторической памяти. Важно, что эти традиции не просто транслируются, а переживаются подростками, становясь частью их идентичности.

Этические фразеологизмы как «жизнь – Отечеству, чести – никому» или «нет уз святее товарищества» становятся внутренним стержнем для последующей службы в органах внутренних дел. Именно суворовцы и кадеты демонстрируют заметные результаты при поступлении в высшие учебные заведения МВД России, показывая высокую социальную активность, лидерские качества и дисциплину.

В высших учебных заведениях МВД России работа по сплочению и ценностному воспитанию выходит на новый уровень [3, с. 257–258]. В условиях, когда «культ индивидуальности» активно распространяется через социальные сети, перед вузами стоит задача сформировать здоровый, сплоченный коллектив. Опыт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя показывает, что воспитательная работа строится через слаженное взаимодействие кафедр, отдела по воспитательной работе и кураторов. Цель – сформировать у курсантов такие ценности, как коллективизм, взаимопомощь, высокие нравственные идеалы. Интересен и инновационный подход: современные исследователи предлагают использовать цифровые инструменты посредством специальных информационно-технических средств, для формирования духовно-нравственных ценностей, чтобы говорить с молодым поколением на понятном ему языке, наполняя цифровую среду традиционным содержанием. Также активно используется потенциал ветеранов. Выездные заседания Совета ветеранов, встречи с участниками боевых действий, уход за мемориалами – все это формирует у курсантов «связь времен» и личную ответственность за судьбу Отечества.

В результате в эпоху информационно-психологического давления сотрудник, лишенный ценностного фундамента, уязвим. Формирование мировоззрения, основанного на традиционных ценностях, – это прежде всего профилактика деструктивного поведения, коррупции и профессиональной деформации сотрудника полиции. Сплоченный коллектив, где силен корпоративный дух и взаимовыручка, способен эффективнее решать оперативно-служебные задачи в любых и даже в самых сложных условиях. И наконец, это восстановление исторической справедливости и преемственности: современный полицейский, следующий кодексу этики и понимающий свою миссию, является прямым наследником и петровского «подпора безопасности», и екатерининского стража «добронравия», и советского милиционера-героя.

Список литературы

1. Чашников В. А. Создание регулярной полиции в России в первой половине XVIII в. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 19–23.

2. Иванов Е. Ю. Социализация воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения как двуединый процесс их адаптации и профессионального самоопределения // Концепт. 2024. № 7. С. 153–166.

3. Мелентьев А. В. Воспитательный процесс в образовательных учреждениях МВД России // Образование и право. 2022. № 10. С. 248–261.

Бочкарева А. Е.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ковальчук В. А.,
старший преподаватель
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук

ЦИФРОВОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПОЛИЦИИ: КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ОТНОШЕНИЯ С ГРАЖДАНАМИ

В современном мире мы наблюдаем, как цифровизация становится неотъемлемой частью работы полиции. С одной стороны, это открывает новые возможности для более быстрого реагирования на правонарушения и повышения прозрачности деятельности. С другой стороны, возникает закономерный вопрос: не приведет ли чрезмерное увлечение технологиями к снижению человеческого фактора и, как следствие, к подрыву доверия со стороны общества? Ведь именно доверие является фундаментом эффективного взаимодействия полиции и граждан. Вопрос доверия граждан к полиции не раз становился предметом научных исследований. Кроме того, в эпоху цифровых технологий остро встает вопрос о балансе между необходимостью обеспечения безопасности и защитой прав и свобод каждого человека.

Что же такое цифровизация? Это не просто установка компьютеров или создание баз данных. Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, это комплексный процесс перехода к новому типу общества, основанному на использовании цифровых технологий во всех сферах жизни [4]. Важно понимать, что цифровизация – это не то же самое, что автоматизация или информатизация.

Информатизация – это, по сути, оснащение информацией, создание информационных систем, собирая данные и систематизируя их. Автоматизация – это передача рутинных операций машинам. Цифровизация же предполагает не просто перевод информации в цифровой формат или автоматизацию отдельных процессов, а глубокую трансформацию всех аспектов деятельности.

Рассмотрим цели цифровизации в государстве, они амбициозны: это и повышение эффективности управления, и улучшение качества государственных услуг, и усиление прозрачности, и, в конечном итоге, построение более спра-

[1] © Бочкарева А. Е., 2026.

ведливого и эффективного общества. В контексте органов внутренних дел (ОВД) цифровизация приобретает особое значение [5]. Ее цели здесь многогранны и направлены на создание более современного, оперативного ведомства:

1. Повышение эффективности работы: что означает сокращение времени на выполнение базовых задач, как например, быстрое и удобное составление протоколов, освидетельствований и рапортов. В современном мире используется бланкировка документов, для уменьшения времени, затраченного на их создание и оформление.

2. Ускорение обмена информацией: в критических ситуациях, когда требуется помощь как сотруднику, так и гражданам, каждая секунда на счету. Цифровые каналы связи и единые информационные системы позволяют мгновенно обмениваться данными между сотрудниками.

3. Усиление прозрачности и подотчетности: Цифровые следы оставляют меньше места для злоупотреблений и превышений полномочиями, позволяют отслеживать ход дел и повышают доверие общества к правоохранительным органам.

Практическая реализация цифровизации в ОВД не менее важна. Она охватывает широкий спектр направлений: Электронный документооборот (СЭД), он не только экономит время и ресурсы, но и обеспечивает надежное хранение и быстрый доступ к информации с помощью одной базы данных. Системы биометрической идентификации, распознавание лиц, отпечатков пальцев – это мощные инструменты для идентификации подозреваемых, обвиняемых и поиска пропавших людей. Сбор данной информации с помощью современных технологий становится проще, быстрее, а хранение данных надежнее.

Ведь, например, отпечатки, снятые с помощью дактилоскопических порошков, стираются, приходя тем самым в негодность для использования в расследовании правонарушений. Продуктивная аналитика и прогнозирование преступлений. Использование алгоритмов для анализа криминальной статистики, социальных факторов, политических условий позволяет предсказывать потенциальные очаги преступности. Тем самым направляя внимание сотрудников полиции на определенные слои общества и людей, которые могут совершить те или иные правонарушения, позволяя их предотвратить. Онлайн-сервисы для взаимодействия с гражданами: Порталы для подачи заявлений, онлайн-помощь и порталы для более быстрого оповещение о том, кому требуется помощь и где совершается правонарушение прямо сейчас, а также направление данных заявлений к более свободным на данный момент сотрудникам. Это увеличит шансы на поимку правонарушителя по горячим следам, таким порталом в будущем может стать «Госуслуги».

Цифровой мир открывает перед нами невиданные возможности, но путь к нему сложен и несет за собой трудности. Прежде всего, мы сталкиваемся с техническими и инфраструктурными вызовами. Многие ведомства до сих пор не обладают достаточным техническим оснащением, а сотрудники зачастую не обладают необходимыми цифровыми навыками. Внедрение технологий происходит хаотично, без должной интеграции, что приводит к проблемам совместимости различных систем. Не менее серьезны правовые и нормативные риски. Отсутствие единой терминологии в цифровой сфере порождает неопределенность,

особенно в вопросах использования искусственного интеллекта для доказывания, а также доказательства, полученные с помощью искусственного интеллекта (восстановление старого или почти уничтоженного фото) на данный момент почти не учитываются судом. Важно найти тонкий баланс между обеспечением безопасности и защитой прав граждан. На пути цифровой трансформации стоят и организационные барьеры. Сопротивление сотрудников новым реалиям, недостаточное финансирование цифровых проектов и дефицит квалифицированных IT-специалистов и экспертов по кибербезопасности – все это замедляет прогресс и уменьшает раскрываемость преступлений в данной специфике. Особую тревогу вызывают киберугрозы и риски утечки данных. С каждым днем системы становятся все более уязвимыми к кибератакам и появляются все более новые киберпреступления, что требует постоянного усиления мер безопасности для защиты как персональных данных граждан, так и служебной информации.

Поэтому в данный момент в основе любых отношений, в том числе и между гражданами и правоохранительными органами, лежит доверие. И даже в век высоких технологий, его фундаментом остаются те же, проверенные временем, принципы: Неукоснительное соблюдение закона, когда сотрудники полиции действуют в рамках правового поля, граждане чувствуют себя защищенными и уверенными в справедливости. Справедливость и беспристрастность, ожидание того, что закон будет применяться ко всем одинаково, независимо от социального статуса или личных связей, является краеугольным камнем доверия.

Уважение к правам и свободам, осознание того, что твои личные границы и права не будут нарушены, а твоя свобода будет уважаться, формирует чувство безопасности у граждан. Когда они видят, что полиция оперативно и результативно приходит на помощь в трудных ситуациях, это укрепляет их веру в правоохранительную систему. Получение справок, подача заявлений, консультации – многие из этих процессов благодаря цифровизации теперь доступны в несколько «кликов», экономя время и силы граждан. Современные системы связи и аналитики позволяют быстрее получать информацию о происшествиях и оперативно направлять на место сотрудников. Понимание того, как принимаются решения и как действуют сотрудники, снижает подозрительность и способствует открытости. Онлайн-сервисы, открытые данные, возможность отслеживать ход рассмотрения заявлений – все это делает работу правоохранителей более понятной для граждан.

Однако, наряду с этими позитивными аспектами, цифровизация несет и определенные риски, которые могут подорвать доверие. Утечка данных, хранение большого объема персональной информации в цифровом виде создает угрозу ее несанкционированного доступа и использования. Страх тотального контроля, постоянное наблюдение, сбор данных, использование систем распознавания лиц – все это может порождать у граждан ощущение постоянного надзора и ограничения личной свободы. Поэтому в условиях цифровой трансформации роль информационной политики органов правопорядка становится как никогда важной. Это не просто пиар, а целенаправленная работа по формированию адекватного восприятия деятельности полиции:

1. Формирование позитивного имиджа. Через СМИ и цифровые каналы необходимо рассказывать о реальных достижениях, о работе сотрудников, о том, как полиция защищает граждан. Важно показывать не только громкие дела, но и повседневную, кропотливую работу каждого из сотрудников.

2. Борьба с дезинформацией. В эпоху интернета фейковые новости и слухи распространяются молниеносно. Органы правопорядка должны активно противодействовать дезинформации, предоставляя достоверную информацию и опровергая ложные сведения.

3. Публичное обсуждение этических и правовых аспектов. Важно открыто говорить о том, как используются новые технологии, какие этические дилеммы возникают, и как они решаются. Это поможет снять напряжение и избежать необоснованных страхов и обвинений со стороны граждан.

4. Вовлечение в диалог. Безопасность и приватность – это общая ответственность. Необходимо создавать площадки для диалога, где граждане могли бы высказать свои опасения, задать вопросы и внести предложения по улучшению работы полиции.

В конечном итоге, стремление к сохранению доверия и повышению эффективности в цифровом мире – это не просто техническая задача, а глубокий вызов. Мы стоим на пороге новой эры, где грань между человеком и машиной становится все тоньше. Наша задача – не просто внедрять новые технологии, а осмысливать их влияние на человеческую природу, на наши ценности и на само понятие общества. Доверие – это хрупкий цветок, который требует бережного ухода. Оно рождается из понимания, справедливости и предсказуемости. Когда мы говорим о законах, регулирующих ИИ, мы говорим о попытке придать этой новой силе этические рамки, чтобы она служила человеку, а не наоборот. Когда мы говорим о подготовке кадров, мы говорим о том, что человек должен оставаться активным субъектом, а не пассивным потребителем технологий.

Эффективность же, в свою очередь, не должна измеряться только скоростью и количеством. Истинная эффективность – это та, которая приносит реальную пользу людям, решает их проблемы и улучшает качество жизни. Если цифровые решения делают нас более разобщенными, более уязвимыми или менее свободными, то их эффективность под большим вопросом.

Поэтому, выстраивая наше цифровое будущее, мы должны помнить, что технологии – это лишь инструменты. Главное – это люди, их потребности, их права и их благополучие.

Список литературы

1. Адилов С. А. Цифровизация правоохранительной деятельности: реализация Концепции продвижения идеологии Закона и Порядка // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 18–24.

2. Напольских И. М. Феномен доверия к полиции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 143–146.

3. Десятова О. В. Условия формирования общественного доверия к полиции в контексте совершенствования правоохранительной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 4. С. 42–54.

4. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: https://kremlin.ru/acts/bank/41919.

5. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф.

6. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. URL: https://мосу.мвд.рф/.

РАЗДЕЛ XXXIII. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кисткин М. Н.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Жеребченко А. В.,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА И КРИТЕРИИ ПО РАЗГРАНИЧЕНИЮ СО СМЕЖНЫМИ ДЕЯНИЯМИ

В наши дни Российская Федерация занимает принципиальную позицию в вопросах защиты общечеловеческих ценностей и выступает ведущим гарантом в отстаивании идей мира, дружбы, добрососедства как на межгосударственном, так и внутриполитическом уровнях. Однако, в современных условиях политика стран коллективного Запада все больше направлена на дезорганизацию национальной гармонии в Российской Федерации, что наиболее явно проявляется в условиях информатизации общества. Россия является правопреемницей СССР, народ которого одержал трудовую победу над нацистской Германией. В этой связи предпринимаются попытки опорочить данный факт, вычеркнуть его из всемирной истории.

При помощи деструктивной информации, распространяемой десятками лет на территории стран бывшего СССР, получилось изменить мировоззрение молодого поколения людей, которые в наши дни отрицают героизм советского народа во время Великой Отечественной войны и оправдывают преступления нацистов. Для противодействия такому положению дел возникла необходимость

[1] © Кисткин М. Н., 2026.

обеспечения сохранности исторической памяти в Российской Федерации. Относительной законодательной новеллой в текущих условиях стала криминализация реабилитации нацизма в 2014 г.

Согласно сведениям, опубликованным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в первом полугодии 2025 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, было осуждено 42 человека [1]. При этом важно отметить, что по ч. 1 данной статьи было осуждено 2 лица, в то время, как по ч. 2 – 11 человек, ч. 3 – 10 человек, а ч. 4 – 19 человек. Однако за 2023 и 2024 гг. виновными в совершении данного преступления были признаны всего 52 человека [2]. Приведенные статистические показатели отражают факт увеличения количества обвинительных приговоров, вынесенных за совершение данного общественно опасного деяния.

В настоящее время в УК РФ уголовная ответственность за реабилитацию нацизма установлена в ст. 354.1 гл. 34 – Преступления против мира и безопасности человечества раздела XII с аналогичным названием.

В чч. 1 и 3 ст. 354.1 УК РФ закреплены разные уголовно-правовые нормы, первая из которых устанавливает уголовную ответственность:

1) за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала (МВТ) для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергский трибунал);

2) одобрение преступлений, установленных указанным приговором;

3) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично.

В приведенном случае непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие достоверность исторических фактов Второй мировой войны.

По ч. 3 рассматриваемой статьи уголовная ответственность наступает:

1) за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

2) осквернение символов воинской славы России;

3) оскорбление памяти защитников Отечества;

4) унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Однако, непосредственным объектом здесь, по нашему мнению, уже выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану символов воинской славы Российской Федерации, памятных дат и дней воинской славы, чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, а также защитников Отечества.

Важно для теории и практики уголовного права выявить критерии разграничения реабилитации нацизма со смежными общественно опасными деяниями.

Так, по объективным и субъективным признакам состава преступления следует разграничивать в качестве смежных деяний, предусмотренные ст. 282 УК РФ и ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Несмотря на наличие схожих черт объективной стороны

данных составов, при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, нарушается иной объект. Также разграничение проходит по объективной стороне, что выражается в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти, то есть публичном высказывании, обосновывающем и (или) утверждающих необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц, принадлежащих к какой-либо социальной группе [3]. Субъективная сторона данных уголовно-наказуемых действий, предполагает разную цель, выражающуюся в случае применения ст. 282 УК РФ, в намерении возбудить в других лицах ненависть либо вражду к определенным социальным группам, в то время, как лицо, совершая преступление, предусмотренное чч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, выражает свое одобрение, например, преступлений нацистов, то есть высказывает свое собственное мнение без попытки вызвать у других лиц такого же отношения.

Вопросы отграничения соответствующих преступлений можно проиллюстрировать приговором ВС Республики Крым № 1-18/2017 от 2 августа 2017 г. Гражданин А. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 354.1 УК РФ [4]. Конкретные действия лица заключались в размещении на личной странице социальной сети «ВКонтакте» с публичным доступом для неопределенного круга лиц текстов песен, которые явно выражали ненависть к определенной группе по признаку национальности и призывали к враждебным действиям в отношении к данной группе. Одновременно с этим виновный разместил текст, в котором содержались лингвистические и психологические признаки отрицания фактов, установленных МВТ, он выражал отрицание планов Гитлера по уничтожению и порабощению славян (План «Ост»). Исходя из вынесенного судебного решения, каждое отдельное действие, совершенное лицом, должны рассматриваться индивидуально, а каждый материал должен быть подвергнуть экспертному исследованию, из чего можно сделать вывод о том, что лицо может одновременно совершить деяния, предусмотренные ст. 282 и чч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, состоящие только лишь в двух графических изображениях с относительно небольшой разницей в их смысле.

По объективным и субъективным признакам состава преступления следует разграничивать смежные нормы, предусмотренные ст. 243.4 УК РФ и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Деяния, содержащиеся в приведенных статьях, разграничиваются по объекту. В ст. 243.4 УК РФ непосредственным объектом выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу уважительного отношения к памяти погибших защитников Отечества и историко-культурному значению объектов, увековечивающих их память.

Кроме того, целесообразно разграничивать данные составы по предмету преступного посягательства. Так, при совершении преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, лицо совершает осквернение символов воинской славы России, которые предусмотрены различными нормативными правовыми актами, например, Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в то время как при совершении преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, лицо оскверняет мемориальные сооружения (памятники, обе-

лиски, стелы и т. д.), посвященные дням воинской славы России, либо лицам, защищавшим Отечество или его интересы. Важным критерием по разграничению является признак субъективной стороны в виде цели. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 243.4 УК РФ, имеет цель, выражающуюся в причинении ущерба историко-культурному значению соответствующих объектов. В продолжение можно привести обвинительный приговор суда в 2025 г. четверым гражданам Российской Федерации из Республики Дагестан по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ за осквернение ими символов воинской славы в виде осуществления народного танца (лезгинки) у мемориала «Вечная слава» в г. Невинномысск Ставропольского края [5].

Далее необходимо разграничивать смежные преступления, предусмотренные ст. 282.4 УК РФ и ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Основанием для разграничения является объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Здесь представляет интерес тот факт, что если лицо выложило в ИТС «Интернет» изображение нацистского символа на личной странице сайта «ВКонтакте», предполагающей доступ к ознакомлению с информацией неограниченного круга лиц, и при этом оно не будет высказывать положительного мнения о данном символе, то в соответствии со сложившейся судебной практикой, такое поведение надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Однако, в случае, когда лицо, совершит аналогичные действия, при этом выразит свое мнение о нем, в котором будут установлены психологические и лингвистические признаки положительного отношения к данному символу, то данные действия влекут ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ. При этом лицо подлежит уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ в случае, если в отношении него было ранее вынесено административное наказание за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ.

Так, ВС Республики Крым был осужден гр. Х. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, вследствие размещения им в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» публикации, которая была размещена на его личной странице, открытой к просмотру для неопределенного круга лиц, представляющей собой фотографию с текстом, на которой была изображена эмблема подразделения «СС» и нацистской свастики с надписью, в которой имеются психологические и лингвистические признаки, указывающие на одобрение преступлений данного нацистского подразделения в годы Великой Отечественной войны [6].

Стоит еще обратиться к Решению Московского городского суда, который вынес постановление о назначении административного наказания гр. О. за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ, вследствие публичной демонстрации фотографии нацистской свастики в сообществе социальной сети «ВКонтакте», при этом в его действиях отсутствовал какой-либо текст, сопровождающий данную фотографию [7].

Хотелось бы отметить, что нормы, предусматривающие уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, имеют неоднозначный характер, потому что в правоприменительной практике возникают проблемы с ее разграничением

от некоторых других вследствие отсутствия судебного толкования. Дальнейшая исследовательская деятельность должна способствовать совершенствованию уголовного законодательства в части ответственности за реабилитации нацизма и формированию единой правоприменительной практики.

Список литературы

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г. и 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/.

4. Приговор Верховного Суда Республики Крым № 1-18/2017 от 1 августа 2017 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1o8cksIY8d1l/.

5. На Ставрополье за лезгинку у Вечного огня осудили четверых местных жителей // 26.ру. URL: https://26.ru/text/incidents/2025/06/02/75536690/.

6. Приговор Верховного Суда Республики Крым от 30 октября 2015 г. по делу № 1-25/2015 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/138573802/.

7. Решение Московского городского суда от 30 сентября 2020 г. по делу № 7-11519/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1318699#TxLmLEVl2OHZdBZA.

Еремина А. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Приходько Н. Ю.,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Глобальная цифровизация общественных отношений обусловила закономерную эволюцию способов совершения преступлений, охватив в том числе и сферу незаконной миграции. В соответствии с информацией, указанной на сайте Следственного комитета Российской Федерации, замечен рост преступности в сфере незаконной миграции, а именно – в 2025 г. преступность стала на 7 % выше, по сравнению с 2024 г., что является причиной пересмотра миграционной политики в Российской Федерации [9]. Незаконная миграция представляет собой перемещение людей с нарушением законодательства и подразумевает незаконный въезд мигрантами с помощью любых доступных им методов и средств и осуществление ими трудовой деятельности в стране пребывания в обход действующих законодательных норм. Термин «организация» упоминается в заголовке соответствующей статьи Уголовного кодекса, но в самой норме он не поясняется, что открывает простор для трактовки субъектами расследования. Популярна позиция исследователей, полагающих, что организацию незаконной миграции следует рассматривать как комплекс мероприятий, направленных на систематизацию экономических, технических, социальных, психологических и правовых аспектов жизнедеятельности незаконных мигрантов и содействующих им лиц. Этот процесс включает: формирование преступного намерения, подбор участников противоправной деятельности и объединение их в организованную группу, координацию действий членов такой группы, привлечение потенциальных мигрантов, создание благоприятных условий и ресурсов для успешной реализации преступного плана. На настоящий момент времени совершение преступлений, связанных с миграцией, осуществляется при помощи информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что является

[1] © Еремина А. А., 2026.

сложным для выявления правоохранительными органами явлением. Для того, чтобы наиболее точно давать квалификацию вышеуказанным преступлениям, необходимо тщательно рассмотреть состав данного преступления, а именно объективную и субъективному стороны данного общественно опасного деяния.

Уголовно-правовые характеристики преступления начинаются с описания совершаемых действий. Рассматривая объективную сторону данного преступления, то необходимо отметить, что в структуру общественно опасного деяния входит такие действия как: размещение публикаций, создание интернет-сайтов, создание информационных каналов в социальных мессенджерах и другие способы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что является одним из признаков для квалификации данного преступного деяния. Наиболее опасным действием представляется именно организация незаконного въезда указанных лиц в Российскую Федерацию с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Согласно следственной практике, большинство случаев организации незаконного пребывания в России реализуется следующим образом: предоставление иностранцам или лицам без гражданства, уклоняющимся от выезда после окончания разрешенного срока пребывания или проживания, жилого помещения либо другого места для сна и отдыха, зачастую одновременно сопровождающегося трудоустройством, а также выдачей таким лицам поддельных или недействительных документов, подтверждающих личность или дающих право временного или постоянного проживания в Российской Федерации, включая возможность транзита через территорию страны. В ходе исследования, проанализировано несколько приговоров, устанавливающих обстоятельства совершения миграционных преступлений с использованием сети «Интернет».

В большинстве случаев цифровая среда выступила в качестве площадки для активного оказания нелегитимных услуг, инициаторами размещения объявлений на общедоступных платформах, в частности «Авито» и аналогичных ресурсах, выступают как непосредственные собственники, так и посредники. В результате изучения большинства приговоров, касающихся вышеуказанного преступления, установлено, что в описательно-мотивировочной части отсутствуют указания на конкретные интернет-ресурсы, использованные при совершении преступлений, однако идентификация данных площадок была возможна. Данная тенденция свидетельствует о недостаточном внимании следственных и судебных органов к фиксации цифровых следов и инфраструктуры, способствующей совершению миграционных преступлений, что затрудняет выработку правоприменительной практики по данному составу преступления.

Субъективная сторона организации нелегальной миграции выражается в форме прямого умысла. Человек, организуя незаконную миграцию, ясно осознает ее потенциальную угрозу обществу и нарушение установленных норм относительно въезда иностранных граждан и апатридов в Россию, условий их проживания внутри страны и транзитного проезда через российскую территорию. Помимо осознания последствий, лицо целенаправленно стремится совершить указанные противоправные действия. Понимание лицом общественной опасности своего поступка является необходимым элементом интеллектуального ас-

пекта прямого умысла. Под осознанием подразумевается не только знание конкретных обстоятельств (характеристик) совершенного преступления, но и способность глубоко их воспринять и осознать смысл происходящего. Определение субъективной стороны деяний, предусмотренных ст. 332.1 УК РФ, вызывает определенные затруднения, особенно тогда, когда обвиняемый отрицает намеренность организации незаконной миграции и преследование целей совершения преступления на территории Российской Федерации.

Цель представляет собой желаемый итог, которого добивается субъект преступления, осуществляя противоправное деяние. Выявление субъективной стороны деяния, предусмотренного ст. 332.1 УК РФ, по мнению ученого М. А. Макарова, вызывает значительные затруднения тогда, когда обвиняемый утверждает отсутствие намерения организовать незаконную миграцию и преследовать криминальные цели на территории Российской Федерации [8, с. 176].

Рассматривая постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», необходимо обратить внимание, что в нем не упоминаются основные признаки, указанные по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, являющееся довольно большой проблемой из-за того, что с момента появления данного вида преступления прошло не так мало времени, однако Верховный суд так и не внес дополнения относительно преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [4]. Также необходимо добавить, что до сих пор многие следователи не квалифицируют данное преступление, в котором использовались информационные технологии по п. «д» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, оставляя квалификацию, связанную с подделкой или уничтожением документов а также совершения данного преступления группой, что является не рациональным по отношению к созданным нормам и создает ряд проблем при квалификации.

Примером осуществления незаконной миграции в сети «Интернет» является уголовное дело № **********, возбужденное в следственной части Главного следственного управления Московской области, в котором субъекты преступления, а именно ФИО1 и ФИО2 в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» создали специализированный сайт для мигрантов, желающих обрести гражданство, которые распространяли данный сайт через популярные социальные сети [10]. В результате обращения к субъектам преступления через указанный сайт создавались поддельные документы, позволяющие незаконно пересечь границу Российской Федерации, в результате чего злоумышленниками было совершено около трех эпизодов данного общественно опасного деяния, после чего данные лица были задержаны, а сам сайт и публикации в социальных сетях – заблокированы. Таким образом, в настоящее время информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» часто применяется для совершения преступлений, связанных с незаконной миграцией в различных ее проявлениях.

Таким образом, организация незаконной миграции в сети «Интернет», представляет собой актуальную проблему, которая полностью влияет на развитие общественных отношений и работу множества организаций, связанных с неза-

конной миграцией. Для осуществления противодействия данному общественно опасному деянию, в данный момент времени государством ужесточаются миграционное законодательство с целью пресечения данных преступлений. Относительно информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» необходимо добавить, что сфера квалификации данных видов преступлений до сих пор требует развития как от законодателя, так и практики от судов в виду того, что в настоящий момент времени квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 322.1 маловероятна, однако все современные преступления связанные с незаконной миграцией совершаются с помощью сети «Интернет», что показывает на необходимость дополнительной квалификации вышеуказанного преступления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357060.

5. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/.

6. Кадников Н. Г. Уголовное право России : учебник. Т. 1. Общая часть. М. : Юриспруденция, 2018.

7. Схимникова К. М. Особенности объективных признаков организации незаконной миграции // Вестник науки творчества. 2016. № 1 (1). С. 114–121.

8. Макаров М. А. Предмет организации незаконной миграции // Молодой ученый. 2020. № 14 (304). С. 174–178.

9. Бастрыкин сообщил о росте на 7 % совершенных мигрантами преступлений // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/03/2026/69a6af7e9a794756cbdb6b17.

10. Полицейскими в г. о. Истра возбуждено уголовное дело в отношении мужчины, организовавшего нелегальную миграцию // Главное управление МВД России по Московской области. URL: https://50.мвд.рф/news/item/50631323/.

Субботина З. С.[1],
командир отделения
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Боровикова В. В.,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО» И «ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

Проблема борьбы с организованной преступностью является актуальной для всех стран мира, в том числе и Российской Федерации. Организованная преступность представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности и стабильности государства. Ее деятельность характеризуется иерархичностью, наличием коррумпированных связей в органах власти и управления, а также использованием насилия и угроз для достижения своих целей. Борьба с организованной преступностью является одним из приоритетных направлений уголовной политики Российской Федерации. Казалось бы, проблема давняя и уже хорошо изучена, но на протяжении многих лет в нашей стране она так и не получила должного решения.

В УК РФ (УК) отечественным законодателем предусмотрена ст. 210, устанавливающая ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) [2]. Не секрет, что данная статья УК, напрямую связана с деятельностью организованной преступности в нашей стране.

Официальные статистические данные МВД России за 2025 г. свидетельствуют о том, что преступными сообществами (преступными организациями) было совершено 13,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, доля которых в общем числе преступлений данных категорий составила 5,1 %.

Преступные сообщества (преступные организации) представляют на сегодняшний день сложность для правоприменителя. Так, сотрудникам правоохранительных органов необходимо изучить значительный объем информации по уголовным делам, связанным с деятельностью преступных сообществ (преступных организаций), чтобы дать правильную юридическую оценку действиям участников преступного сообщества (преступной организации), а также приложить усилия, чтобы разобраться в терминологии ст. 210 УК, которая содержит оценочные понятия.

---

[1] © Субботина З. С., 2026.

Основная причина такого положения – нет четкого определения терминов «преступное сообщество» и «преступная организация».

Дело в том, что используемые в борьбе с организованной преступностью термины и понятия порою не отвечают реальным интересам противодействия этому негативному явлению. Законодатель по непонятным причинам объединил в ст. 35 УК, где раскрываются формы соучастия в преступлении, сходные, но не идентичные проявления организованного преступного поведения, что привело к путанице в теории и практике уголовного права.

Оба понятия подразумевают сплочение лиц с четкой организацией для совершения противоправных деяний, однако между ними прослеживаются существенные различия.

Так, определение преступного сообщества (преступной организации) закреплено в ч. 4 ст. 35 УК, где указано, что преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

По мнению отечественного законодателя, преступное сообщество и преступная организация, по сути, – это одно и то же. Все было бы спокойно в теории уголовного права, если законодатель проявлял бы последовательность в решении этой проблемы, разграничивая данные понятия. Но этого не произошло.

Так, в УК есть специальные статьи, согласно которым существует ответственность за организацию преступных форм поведения:

1) террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК);

2) деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК);

3) организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3 УК);

4) организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК);

5) организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (ст. 282.2 УК).

И что же получается? Сам законодатель в одних случаях не проводит разграничение между преступным сообществом и преступной организацией (см. ч. 4 ст. 35 УК, ст. 210 УК (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Но одновременно при характеристике различных проявлений организованного преступного поведения признает самостоятельность, в одних случаях, наличие преступного сообщества, а в других – только преступной организации. Это мешает практике применения норм об ответственности за организованные формы преступной деятельности.

Необходимо отметить, что международное законодательство обогатило российское уголовное право новыми подходами к рассматриваемому вопросу. Согласно ст. 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе

трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду [3]. При этом группа не была случайно образована для немедленного совершения преступления, в ней не обязательно формально определены роли членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура.

Что же делать?

Надо ввести в ст. 35 УК раздельное понятие как «преступного сообщества», так и «преступной организации». Тем более, что, в частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» проводит такие разъяснения.

Пункт 2 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью.

Кроме того, обращается внимание на то обстоятельство, что преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. При этом закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация».

Так, структурированной организованной группой считается группа лиц, которая заранее объединилась для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящая из подгрупп, звеньев и т. п., характеризующаяся стабильностью состава участников на протяжении длительного времени и согласованностью своих действий. Структурированная организованная группа взаимодействует со всеми своими подразделениями в целях осуществления преступных намерений, есть распределение между ними функций, наличествуют специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации) кроме единого руководства.

Итак, подведем краткие итоги. Ни действующий УК, ни соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященное ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) не раскрывают в полной мере понятие ни преступного сообщества, ни преступной организации.

Вместе с тем, действующее уголовное законодательство в отдельных статьях проводит различие между этими терминами (см. ст. 205.4 УК, где организация террористического сообщества трактуется как разновидность фактически орга-

низованной группы, а в ст. 282.1 УК уголовный закон организацию экстремистского сообщества трактует как организованную группу лиц для подготовки ими совершения ими преступлений экстремистской направленности). Получается, что есть различия между этими формами организованной преступной деятельности. Поэтому, считаем, что принципиально надо закрепить в ст. 35 УК следующие положения:

Преступное сообщество – это объединение нескольких организованных групп, действующих при наличии общего руководства.

Преступная организация – это одна организованная группа, но обладающая дополнительными признаками (структурированностью, сплоченностью, количеством ее членов, в ней могут существовать «должности», связанные с выполнением функций телохранителя, ответственных за легализацию преступных доходов, установление связей с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов).

Естественно, этот недостаток необходимо устранить. Должны быть нормы в уголовном законе за совершение общественно опасных деяний в составе преступного сообщества и преступной организации.

Это, на наш взгляд, позволит более четко разбираться в содержании организованных форм преступного поведения, лучше разбираться в тех доказательствах, которые нужно представить по конкретному уголовному делу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. ; с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2022. № 13. Ст. 1952.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/docments/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

4. Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. Б. Боровикова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.

5. Ильичев Д. А., Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Преступное сообщество (преступная организация): теория и практика применения статьи 210 Уголовного кодекса РФ // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 69–77.

6. Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности преступного сообщества (преступной организации) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 87–92.

7. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебник для вузов / [А. В. Наумов и др.] ; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М. : Юрайт, 2024.

8. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть : учебник для вузов / [Н. Е. Крылова и др.] ; отв. ред. Н. Е. Крылова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.

РАЗДЕЛ XXXIV. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Герасимова В. С.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА УВАЖЕНИЕ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Цифровая трансформация общественных отношений поставила перед международным правом в области прав человека ряд фундаментальных вызовов. Цифровизация трансформирует не только публичное пространство, но и частную сферу, порождая новые проблемы для защиты прав. Право на уважение частной и семейной жизни, закрепленное в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [1] (МПГПП) и ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [3] (далее – ЕКПЧ, Конвенция), все чаще становится причиной жалоб в межгосударственные органы по правам человека в условиях активного внедрения цифровых технологий и цифровизации всех сфер общественной жизни. Масштабный рост объема цифровых данных, развитие компьютерного и сетевого наблюдения, коммерциализация персональной информации и усиление государственного

[1] © Герасимова В. С., 2026.

контроля над коммуникациями требуют переосмысления традиционных доктрин и поиска новых подходов к защите приватности.

Актуальность исследования обусловлена не только технологическими изменениями, но и активной нормотворческой и правоприменительной деятельностью международных органов. Комитет ООН по правам человека (КПЧ) и Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) в последние годы сформировали значительный массив правовых позиций, непосредственно касающихся защиты цифровых прав.

Изначально толкование права на уважение частной жизни как КПЧ, так и ЕСПЧ было ориентировано на защиту физических лиц, жилища и корреспонденции. Однако развитие информационных технологий потребовало расширительного подхода. Ключевым моментом стало признание того факта, что сбор, хранение, использование и распространение персональных данных, независимо от их формы и носителя, подпадает под сферу действия права на частную жизнь [6, с. 34].

Представляется важным начать анализ с положений Замечания общего порядка № 16, в котором КПЧ, несмотря на «доцифровую» эпоху акта, заложил важнейшие принципы по вопросам настоящего исследования. В п. 10 прямо указывается: «законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе. Государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку и использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями Пакта» [2]. Это положение стало фундаментом для последующей защиты цифровой приватности на универсальном уровне. КПЧ также подчеркнул право каждого человека на доступ информации о том, какие данные о нем хранятся и с какой целью.

В свою очередь, ЕСПЧ более детализировал данные положения, пойдя по схожему пути. Так, в постановлении по делу «Аманн против Швейцарии» [8] Судом было установлено, что понятие «частная жизнь» невозможно интерпретировать в ограниченном значении. ЕСПЧ отмечает, что исследуемое право «включает в себя право на установление и развитие отношений с другими людьми; более того, нет причин для обоснования исключающих занятий профессионального или делового характера в рамках понятия». Таким образом, ЕСПЧ установил, что сбор, хранение и использование (или без последующего использования) данных представляет собой вмешательство в частную жизнь.

В постановлении по делу «Мэйлоун против Великобритании» [9] Судом было признано, что метаданные аналогично защищаются ст. 8 ЕКПЧ. ЕСПЧ разъяснил, что запись телефонных разговоров затрагивает частную жизнь, так как это способствует составлению подробного профиля личности, а прослушивание таковых является вмешательством в реализацию права на уважение частной жизни и тайны корреспонденции. Аналогичные правовые позиции были даны ЕСПЧ в постановлении по делу «Big Brother Watch и другие против Соединенного Королевства» [10], где Суд разъяснил, что перехват данных массовых коммуникаций и интернет-трафика представляет серьезное нарушение прав человека.

Отметим, что важнейшим принципом при оценке допустимости вмешательства государства в частную жизнь является законность. Данное требование способствовало выработке доктрины «качества закона», согласно которой национальное законодательство обязано должным образом предусматривать эффективные меры и гарантии против злоупотребления правом, в особенности если речь идет о тайных методах сбора информации [5].

Наиболее ярким примером применения этой доктрины является дело «Подчасов против России» [11], которое касалось российского законодательства, обязывающего организаторов распространения информации (мессенджеры, социальные сети) хранить все сообщения пользователей и предоставлять ключи для их дешифрования органам безопасности. Суд, рассмотрев жалобу пользователя мессенджера Telegram Антона Подчасова, пришел к выводу о нарушении ст. 8 ЕКПЧ и обратил внимание на отсутствие в законодательстве адекватных и достаточных гарантий против злоупотребления правами. ЕСПЧ обратил внимание на следующие ключевые аспекты:

1. Закон имеет чрезвычайно широкую сферу действия, так как требует хранение и возможность дешифрования данных всех пользователей без связанной с ними какой-либо противоправной деятельности, отсюда Суд назвал подобное вмешательство «исключительно широким и серьезным».

2. В системе отсутствует независимый предварительный контроль, так как она позволяет органам безопасности получать прямой технический доступ к данным без предъявления судебного решения провайдеру, что Суд назвал «созданием особенно высокого риска злоупотреблений».

3. Создается угроза существу права, так как создание «бэкдоров», предоставляющих ключи для дешифрования, ослабляет защиту для всех пользователей, включая и тех, кто не предоставляет никаких угроз. Суд подчеркнул, что требование дешифрования защищенных сквозным шифрованием сообщений «не может считаться необходимым в демократическом обществе», так как подрывает «саму суть права на уважение частной жизни».

Суд также учел мнение экспертов и международных органов, которые подчеркнули важность шифрования как техническую гарантию приватности и свободы выражения мнения. Отсюда демонстрируется новый уровень понимания Судом технологических аспектов: если техническая мера (шифрование) является необходимой для защиты исследуемого права, то государство не может требовать ее ослабления без веских оснований и при отсутствии надежных гарантий.

Данный подход позволяет сделать вывод о том, что закон, регулирующий сетевое наблюдение, должен являться не просто формальным актом, а содержать в себе четкие и детальные правила относительно: круга лиц, в отношении которых допускается наблюдение, оснований для выдачи разрешения, максимальных сроков, процедур использования, хранения и уничтожения полученных данных, механизмов независимого контроля, права на уведомление и эффективное обжалование. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов может сделать закон «недостаточно качественным».

Понятие «семейная жизнь» в практике КПЧ и ЕСПЧ традиционно ассоциировалось с вопросами воссоединения семей, спорами о родительских правах,

опеке и усыновлении и иными делами. Однако цифровая трансформация привнесла в это понятие новое «виртуальное» измерение. Семейные связи все чаще поддерживаются, а иногда и разрушаются посредством цифровых инструментов. Если ранняя практика Суда по делам о домашнем насилии фокусировалась почти исключительно на реагировании уголовно-процессуальными средствами, то теперь она эволюционировала и охватывает иные аспекты государственного реагирования, включая цифровое насилие. Суд все чаще сталкивается с ситуациями, когда главным нарушителем выступает не государство, а частное лицо (бывший супруг, партнер, родственник), использующее цифровые инструменты для причинения вреда. В таких случаях государство признается нарушителем Конвенции ввиду того, что не создало эффективных правовых механизмов для предотвращения такого вреда или наказания за него [4, с. 18].

Примером данного подхода служит дело «Бутуругэ против Румынии» [12]. Заявительница жаловалась на действия бывшего мужа, который незаконно перехватывал ее электронные сообщения, а национальные судебные органы отказались рассматривать эту жалобу по существу, обосновав это тем, что данные, опубликованные в социальных сетях, являются публичными. ЕСПЧ в рамках постановления по данному делу отметил, что кибербуллинг является одной из форм насилия в отношении женщин и может принимать различные формы, включая нарушение тайны переписки и несанкционированный доступ к данным.

В деле «Володина против России (№ 2)» [13] заявительница на протяжении нескольких лет подвергалась преследованию со стороны бывшего супруга, который взламывал ее аккаунты, публиковал интимные фотографии и создавал фейковые страницы от ее имени. Российские власти более полутора лет отказывались возбуждать уголовное дело, а когда оно все же было возбуждено, расследование велось неэффективно, и в конечном итоге было прекращено за истечением сроков давности. ЕСПЧ констатировал нарушение ст. 8 Конвенции, выделив следующие ключевые аспекты: во-первых, Суд признал, что неконсенсуальное распространение фотографий подрывает достоинство личности и является серьезным посягательством на психологическую целостность; во-вторых, Суд выделил пять характеристик кибернасилия: анонимность, дистанционность, автоматизацию, доступность и длящийся характер. Последняя в свою очередь отличает цифровое насилие от физического: однажды опубликованное в сети изображение может быть скопировано и распространено бесконечное количество раз, причиняя тем самым вред годами; в-третьих, Суд указал, что одно лишь в наличие в законодательстве составов преступлений недостаточно. Государство обязано обеспечить их эффективное применение, оперативный сбор доказательств (включая цифровые) и реальную возможность привлечения виновного к ответственности.

Семейная жизнь не ограничивается настоящим, она включает в себя и память о прошлом. В эпоху цифровизации остро встал вопрос о судьбе цифровых аккаунтов после смерти человека – его аккаунтов в социальных сетях, облачных хранилищ с фотографиями, переписки. Практика ЕСПЧ по данному вопросу только формируется, но уже сейчас можно говорить о тенденции к признанию за близкими родственниками права на доступ к цифровому наследию. С одной

стороны, переписка и фотографии в мессенджерах являются частью частной жизни умершего, тайна которой охраняется и после смерти. С другой стороны, доступ к цифровому профилю может быть единственным способом сохранить память, получить важную информацию. Поиск баланса между обозначенными интересами и правом на частную жизнь – новая задача для национальных судов, которая вероятно дойдет и до межгосударственного уровня. Представляется, что необходимо будет учитывать принцип пропорциональности и принимать во внимание предполагаемую волю умершего.

Тем не менее, остается ряд нерешенных вопросов. Во-первых, это проблема использования искусственного интеллекта для анализа персональных данных [7, с. 228]. Межгосударственные органы пока не сформулировали четкой позиции по вопросу о том, является ли автоматизированное принятие решений на основе данных вмешательством в частную жизнь и какие гарантии в данном случае необходимы. Во-вторых, остается открытым вопрос о компенсации за нарушение цифровых прав. В-третьих, это проблема цифрового неравенства и доступа к правосудию. Далеко не каждый человек, чьи права нарушены в цифровой среде, может эффективно защитить их, например, если речь идет о сложных технических аспектах доказывания.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на различия в юрисдикции и процедурах, правовые позиции КПЧ и ЕСПЧ представляются аналогичными и схожими, и рассматриваемые межгосударственные органы формируют единые стандарты защиты цифровой приватности. Сравнительный анализ правовых позиций КПЧ и ЕСПЧ по данной проблематике позволяет выделить следующие ключевые сходства:

1. Признание экстерриториальности защиты: оба органа признают, что обязанность защищать право на неприкосновенность и уважение частной жизни распространяется на действия, совершаемые за его пределами того или иного государства, в особенности, когда речь идет о трансграничном наблюдении.
2. Защита от массового сетевого наблюдения: в данном случае и КПЧ, и ЕСПЧ исходят из того, что программы массового наблюдения, не отвечающие критериям пропорциональности и не содержащие надежных гарантий, нарушают права человека.
3. Значимость технических аспектов: оба органа все чаще учитывают в своих решениях технические характеристики различных информационных технологий, как, например, работу сквозного шифрования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что межгосударственные органы по правам человека грамотно толкуют право на уважение частной и семейной жизни через призму достижений научно-технического прогресса и успешно адаптируют классические международные стандарты по защите исследуемого права к вызовам цифровой эпохи.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.

2. Замечание общего порядка № 16 «Статья 17 (право на личную жизнь)» к Международному пакту о гражданских и политических правах : принято Комитетом ООН по правам человека на его 32-й сессии (1988 год) // Официальный сайт ООН. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FGEC%2F6624&Lang=en.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0.

4. Коннов В. А. Концептуальные основы влияния практики межгосударственных органов по правам человека на национальное законодательство государств // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 3. С. 16–20.

5. Куликпаева М. Ж. Международно-правовые основы обеспечения права на частную жизнь в контексте развития цифровых технологий // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2017. № 3 (48). С. 101–108.

6. Парадигма международного частного права в условиях глобальных вызовов / [Л. А. Берг и др.]. М. : Инфотропик Медиа, 2025.

7. Соловьева А. С. Искусственный интеллект и цифровые технологии в судебном процессе: проблемы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : V Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : сборник научных трудов (Москва, 16 июня 2022 г.) / [сост. Р. Б. Осокин]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 227–230.

8. Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2000 г. по делу «Аманн (Amann) против Швейцарии» (жалоба № 27798/95) // Е-Досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/dkWSkUziaDoGS5srnI-Gq.

9. Постановление ЕСПЧ от 2 августа 1984 г. по делу «Мейлоун (Malone) против Великобритании» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/67315/.

10. Постановление ЕСПЧ от 13 сентября 2018 г. по делу «Big Brother Watch и другие против Соединенного Королевства» (жалоба № 58170/13) // Columbia Global Freedom of Expression. URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/big-brother-watch-v-united-kingdom/.

11. Постановление ЕСПЧ от 13 февраля 2024 г. по делу «Подчасов против России» (жалоба № 33696/19) // Privacy International. URL: https://privacyinternational.org/legal-action/podchasov-v-russia.

12. Постановление ЕСПЧ от 11 февраля 2020 г. по делу «Бутуругэ (Buturuga) против Румынии» (жалоба № 56867/15) // Судебная практика по АПК РФ. URL: https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-postanovlenii-espch-ot-11022020-po-delu-buturuge-buturuga-protiv-rumynii-zhaloba-n-5686715/.

13. Постановление ЕСПЧ от 14 сентября 2021 г. по делу «Володина против России (№ 2)» (жалоба № 40419/19) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/406237497/.

Седов В. Д.[1],
слушатель международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хаминский Я. М.,
доцент кафедры
конституционного и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ НЕЙРОСЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ВЫЗОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Стремительная цифровая трансформация государственного управления обусловила переход от концепции классической защиты сетевого периметра к необходимости обеспечения безопасности и суверенного существования отечественных больших языковых моделей. Так, современные системы искусственного интеллекта и автономные агентские нейросети по своей архитектуре носят ярко выраженный экстерриториальный характер. Их разработка, ресурсоемкое обучение на транснациональных массивах данных и последующее функционирование стирают устоявшиеся юрисдикционные границы, и данная специфика вступает в объективное противоречие с фундаментальным принципом территориального верховенства. В условиях глобальной цифровизации проблема трансграничной передачи информации приобрела характер экзистенциальной угрозы для государственного суверенитета. Бесконтрольный трансграничный парсинг национальных массивов данных, осуществляемый зарубежными системами искусственного интеллекта, а также интеграция подобных программных комплексов в военно-промышленный контур трансатлантического альянса актуализируют острую потребность в глубоком догматическом переосмыслении сложившихся механизмов правового регулирования.

В отечественной правовой доктрине справедливо подчеркивается, что цифровой суверенитет предполагает право государства самостоятельно определять национальную информационную политику, управлять своей информационной инфраструктурой и обеспечивать безопасность данных граждан от внешнего несанкционированного вмешательства. Глобальная фрагментация телекоммуникационного пространства и концептуальный тупик универсальных переговорных площадок диктуют необходимость выработки принципиально новых конвенционных механизмов под эгидой Организации Объединенных Наций.

---

[1] © Седов В. Д., 2026.

Развитие архитектуры коллективной безопасности объективно парализуется агрессивным продвижением западной доктрины превентивных кибердударов и навязыванием корпоративных стандартов мультистейкхолдеризма, де-факто легитимизирующих монополизацию мирового рынка данных. Транснациональные технологические монополии активно лоббируют негосударственные инициативы, стремясь уравнять в процессуальных правах суверенные государства и частные коммерческие компании. Правовое обеспечение когнитивного суверенитета предполагает жесткую монополию государственного аппарата на формирование источников права, исключающую возможность подмены легальных международных договоров корпоративными пользовательскими соглашениями экстерриториальных цифровых платформ.

Описанная угроза утраты контроля над информационными потоками многократно усугубляется стремительной эволюцией самих алгоритмов машинного обучения и переходом к сложным архитектурам глубокого обучения. Современный этап характеризуется появлением автономных агентских нейросетей, которые, в отличие от классических программ, обладают способностью к самостоятельной декомпозиции глобальных задач, постановке промежуточных целей и планированию многоэтапных операций в динамически изменяющейся цифровой среде. Делегирование наступательных и разведывательных функций программному коду фундаментально трансформирует ландшафт транснационального кибершпионажа и гибридного противоборства. Автономные системы способны проводить скрытую рекогносцировку защищенных государственных сетей, выявлять критические уязвимости нулевого дня и осуществлять эксфильтрацию служебных данных без прямой ежесекундной санкции со стороны оператора-человека. Главным вызовом становится проблема юридической атрибуции кибератак, выражающаяся в процессуальной невозможности классического установления субъекта преступления и степени его вины в ситуациях, когда самообучающийся алгоритм самостоятельно принимает решение о несанкционированном доступе к информационным массивам или о нанесении превентивного удара по критической информационной инфраструктуре другого государства. Агентский искусственный интеллект бросает вызов фундаментальным правовым концепциям, таким как полномочия, умысел и ответственность, обязывая организации при вступлении автономной программы в транзакцию четко определять субъекта, несущего юридическую ответственность. Разграничение различных видов компьютерных инцидентов требует выработки комплексных критериев оценки, учитывающих не только характер нанесенного ущерба, но и степень скрытой вовлеченности государственного аппарата в организацию нападения.

Современный международно-правовой ландшафт регулирования автономных систем характеризуется выраженной фрагментацией и столкновением диаметрально противоположных доктринальных подходов к обеспечению безопасности. В то время как институты Европейского союза внедряют жесткую риск-ориентированную модель, направленную на категоризацию уровней опасности алгоритмов и защиту прав конечных пользователей через механизмы «AI Act» [1], Российская Федерация и страны евразийского региона последовательно отстаивают концепцию технологического суверенитета и недопустимости внешнего

вмешательства в национальную цифровую инфраструктуру. Цель настоящего этапа исследования заключается в деконструкции существующих региональных и универсальных механизмов, обеспечивающих баланс между инновационным развитием и императивными требованиями государственной безопасности в условиях глобальной неопределенности.

Ключевым вектором деятельности Организации Объединенных Наций в рассматриваемой сфере остается работа Рабочей группы открытого состава (РГОС) по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ 2021–2025, выступающей единственным легитимным и инклюзивным форумом для выработки обязывающих норм ответственного поведения государств. Агентские нейросети активно развиваются, но нормативное регулирование не поспевает за ними. В августе 2024 г. была принята Ханойская конвенция против киберпреступности, являющаяся по своей сути аналогом Будапештской конвенции 2001 г., которую большое количество стран, включая Россию, не подписало. Несмотря на то, что принятие ее ознаменовало качественный переход международно-правового регулирования преступлений в ИТТ. Это сформировало основу для регулирования наиболее распространенных преступлений, таких как кибермошенничество, фишинг и т. д. С другой стороны, именно региональное сотрудничество может взять на себя реализацию наиболее перспективных, прорывных методов международной защиты в той степени, которую сами организации определят. Так, сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) активно работают над совершенствованием суверенитета государств в цифровой среде и заботятся о технической независимости от шпионажа и информационной разведки транснациональных корпораций, зачастую находящихся вне блока стран данных объединений.

Так, например, Декларация БРИКС по вопросам управления данными акцентирует внимание на необходимости создания справедливой системы глобального управления искусственным интеллектом, исключающей технологическую монополизацию и дискриминационные ограничения в доступе к критически важным разработкам [4]. Внедрение национальных стандартов верификации функциональных характеристик нейросетей, включая методики ситуационной видеоаналитики [3], способствует формированию в рамках союзных государств доверенной среды, защищенной от несанкционированного сбора данных. Этико-правовые основы применения подобных технологий должны базироваться на строгом соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела, что предполагает наличие у государства исключительных полномочий по аудиту и сертификации любого иностранного программного обеспечения, претендующего на обработку национальных массивов информации [5]. Правовые аспекты регулирования в данном контексте выступают не только катализатором устойчивого развития общества, но и гарантией сохранения культурно-цифрового кода нации от манипулятивных воздействий со стороны экстерриториальных агентских систем [6]. Цифровой суверенитет в практике современных международных отношений трансформируется из теоретической категории в прикладной инструмент обеспечения национальной безопасности, требующий постоянной актуализации в соответствии с новыми вызовами 2026 г. [8].

Особую сложность в контексте обеспечения международной безопасности представляет юридическая квалификация деструктивных действий, инициируемых автономными агентскими нейросетями, чья способность к самостоятельному принятию решений размывает классические представления о субъекте правонарушения. В доктрине международного права правомерность применения ст. 51 Устава ООН, закрепляющей неотъемлемое право на самооборону, традиционно связывается с фактом вооруженного нападения, что в условиях киберпространства требует установления четких критериев эквивалентности последствий цифрового воздействия кинетическому удару. Агентские системы, способные осуществлять многоэтапные операции по дестабилизации критической информационной инфраструктуры, создают ситуацию перманентной неопределенности, при которой разграничение между общеуголовной преступностью, актами кибертерроризма и вооруженной агрессией государства становится затруднительным в силу отсутствия прямой доказательной связи между программным кодом и волей суверена. Юридическая атрибуция подобных инцидентов осложняется применением технологий анонимизации и распределенного реестра, что позволяет инициаторам атак избегать международно-правовой ответственности, апеллируя к автономному характеру алгоритма, якобы вышедшего из-под контроля разработчика [5].

Необходимость выработки единых подходов к квалификации компьютерных инцидентов диктует потребность в создании международной системы верификации и аудита алгоритмических решений. Следует констатировать, что существующие национальные механизмы, включая требования ГОСТ в сфере ситуационной видеоаналитики и защиты данных [3], могут служить технической базой для будущих международных протоколов проверки ИИ-систем на наличие скрытых вредоносных функций. Правовое регулирование трансграничной передачи данных должно рассматриваться не только через призму защиты частной жизни [2], но и как элемент обеспечения национальной обороны, исключающий возможность накопления стратегически значимой информации в руках потенциального противника. Справедливо утверждение, что отсутствие четких юридических рамок провоцирует гонку вооружений в сфере военного искусственного интеллекта, где каждая сторона стремится наделить свои системы максимальной степенью автономности для достижения тактического превосходства в киберпространстве [8].

Формирование универсального международно-правового режима под эгидой ООН видится безальтернативным путем предотвращения глобального цифрового конфликта. Настоящее исследование позволяет сделать вывод о том, что такой режим должен базироваться на принципах обязательной государственной регистрации наступательных кибертехнологий и признании строгой ответственности государств за деятельность любых программных агентов, функционирующих в их национальной юрисдикции или созданных на их территории. Правовые аспекты регулирования ИИ как фактора устойчивого развития общества предполагают отказ от концепций технологического доминирования в пользу коллективной ответственности и транспарентности [6]. Только через инклюзивный диалог, учитывающий позиции всех участников международных отношений

и закрепляющий приоритет государственного суверенитета над интересами транснациональных корпораций, возможно создание устойчивой системы глобального управления, способной эффективно противодействовать вызовам 2026 г. и последующих периодов [7]. Перспективы легитимизации универсальной конвенции напрямую зависят от готовности мирового сообщества признать агентские нейросети объектом жесткого международного контроля, исключающим их использование для подрыва политической и экономической стабильности суверенных государств.

Список литературы

1. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1).

3. ГОСТ Р 72563–2026. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Методология определения значений функциональных характеристик. Введ. 2026-03-01. М. : Стандартинформ, 2026.

4. Декларация БРИКС по вопросам управления данными и доступа к технологиям (BRICS Declaration on Market Regulation, Data Governance). 2025.

5. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. М. : Проспект, 2025.

6. Козлов И. Н. Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта как фактор устойчивого развития общества и технологического прогресса // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 209–222.

7. Зиновьева Е. С., Шитьков С. В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38–51.

8. AI Legal Issues in 2026: Navigating the New Landscape // Harrison Pensa. URL: https://www.harrisonpensa.com/ai-legal-issues-2026/.

Митрохин С. Н.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ронин В. С.,
заместитель начальника кафедры
конституционного и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ДОГОВОР ООН: УТОПИЯ ИЛИ ДОРОЖНАЯ КАРТА ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА?

Генеральная Ассамблея ООН 22 сентября 2024 г. приняла резолюцию 79/1 «Пакт во имя будущего», приложением I к которой стал Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact, далее – ГЦД) [1]. Указанный документ закрепил цель формирования инклюзивного, открытого, устойчивого, справедливого, безопасного и надежного цифрового будущего для всех, а также определил задачи, принципы, обязательства и действия в сфере международного цифрового сотрудничества. Саммит будущего, одним из ключевых итогов которого стало принятие данного акта, состоялся в Нью-Йорке 22–23 сентября 2024 г. [2]. Особое значение имеет то, что в Глобальном цифровом договоре выделена самостоятельная задача усиления международного регулирования искусственного интеллекта на благо человечества. При этом в документе прямо указано, что международное сотрудничество необходимо для координации и обеспечения совместимости формирующихся систем управления ИИ. В связи с этим возникает вопрос: следует ли рассматривать Глобальный цифровой договор как преимущественно декларативный политический акт либо как программную основу дальнейшего международно-правового регулирования искусственного интеллекта?

Идея его подготовки была выдвинута Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем в докладе «Наша общая повестка дня» 2021 г. [3]. В окончательном виде ГЦД был принят не в форме международного договора, а в качестве приложения I к резолюции Генеральной Ассамблеи 79/1 «Пакт во имя будущего» от 22 сентября 2024 г.; следовательно, по своей юридической форме он представляет собой не международный договор в собственном смысле, а политико-программный акт, закрепляющий согласованные задачи, принципы, обязательства и действия в цифровой сфере. Целью ГЦД определено формирование инклюзивного, открытого, устойчивого, справедливого, безопасного и надежного цифрового будущего для всех [1]. К числу его ключевых ориентиров относятся

[1] © Митрохин С. Н., 2026.

устранение цифровых разрывов, обеспечение всем людям подключения к Интернету, уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод как в Интернете, так и в обычной жизни, укрепление доверия и безопасности в цифровой среде, противодействие ложной информации и дезинформации, развитие ответственных подходов к управлению данными при соблюдении требований конфиденциальности и защиты персональных данных, а также усиление международного регулирования искусственного интеллекта на благо человечества. Применительно к искусственному интеллекту в документе закреплено, что такое регулирование должно строиться на гибком, междисциплинарном и адаптируемом подходе с участием многих заинтересованных сторон, а также на подотчетности и надзоре со стороны человека.

Особое внимание в ГЦД уделено проблематике ИИ. Закреплена необходимость международно-согласованных подходов к управлению ИИ, основанных на балансе рисков и возможностей и на широком участии всех государств. Провозглашено, что развитие ИИ должно вестись на благо человечества, а его регулирование – осуществляться ответственно и с учетом мнения международного научного сообщества [4]. В тексте ГЦД отражена договоренность о создании новых институтов под эгидой ООН, призванных придать конкретику этим принципам. В частности, планируется учреждение независимой международной научно-экспертной группы по ИИ, а также запуск глобального многостороннего диалога по вопросам управления ИИ на площадке ООН с участием правительств, частного сектора, научных кругов и других заинтересованных сторон. Предусмотрено, что именно на разработанной экспертами «дорожной карте» и многосторонних обсуждениях будет базироваться дальнейшее регулирование развития ИИ. По сути, ГЦД наметил архитектуру будущего глобального управления ИИ, заложив основы для формулирования общих правил и механизмов контроля в этой области.

Дальнейшее развитие обозначенных в ГЦД идей произошло уже в 2025 г., что позволяет рассматривать договор не просто как утопичную декларацию, но и как этапный план, начинающий реализовываться на практике. 26 августа 2025 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию A/RES/79/325, известную как «резолюция по модальностям ИИ» [5]. Данной резолюцией созданы два новых механизма глобального управления ИИ – Независимая международная научная группа по ИИ и Глобальный диалог по управлению ИИ. В документе определены мандат и порядок работы этих институтов. Научная группа формируется из 40 экспертов, назначаемых на трехлетний срок с учетом географического баланса, и будет ежегодно представлять научно-аналитические обзоры по проблемам ИИ, содержащие оценку текущих рисков, возможностей и последствий развития ИИ.

Вместе с тем, указанные обзоры носят рекомендательный характер и не содержат прямых политических предписаний, однако обеспечивают государствам актуальную научную базу. Глобальный диалог по ИИ, в свою очередь, стал многосторонней платформой для политических дискуссий и выработки консенсуса в сфере регулирования ИИ с участием государств, технологических компаний, гражданского общества и других акторов. Первый такой диалог состоял-

ся в сентябре 2025 г. на полях 80-й сессии ГА ООН, последующие запланированы ежегодно, в том числе в рамках специализированных форумов (например, в 2026 г. – на саммите МСЭ «AI for Good»). Фактически, резолюция 79/325 заложила институциональное ядро будущей системы глобального регулирования ИИ и ознаменовала переход от одних лишь декларативных принципов к формированию единой архитектуры международного управления цифровыми технологиями. Одновременно международное сообщество достигло понимания, что обсуждение наиболее чувствительных вопросов, связанных с военным использованием ИИ, следует вести отдельно – в рамках существующих механизмов по вопросам разоружения, чтобы не блокировать прогресс по «гражданскому» треку регулирования ИИ [6]. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о зарождении комплексной «дорожной карты» глобального управления ИИ.

Критике подвергся и процесс выработки Глобального цифрового договора. Некоторые участники отмечают недостаток прозрачности и инклюзивности переговоров при его согласовании [7]. Существенные предложения ряда стран, в том числе Российской Федерации, не были учтены в итоговом тексте, поскольку работа над проектом велась в основном под эгидой группы координаторов и без проведения полноформатных пленарных раундов с участием всех государств. Министр иностранных дел России С. В. Лавров выразил по этому поводу обеспокоенность, заявив, что «надо договариваться по-честному, с участием всех членов ООН, а не так, как готовился Пакт во имя будущего – без единого пленарного раунда переговоров, на котором присутствовали бы все страны» [8]. В официальных комментариях российской стороны также подчеркивалось, что проект ГЦД «в текущем виде не отвечает интересам развивающихся стран», поскольку фактически делает ставку на саморегулирование глобальных цифровых платформ и корпораций [9].

Действительно, ГЦД носит политико-рекомендательный характер и прямо не предусматривает механизмов принуждения транснациональных ИТ-гигантов к соблюдению установленных принципов. В этом отношении новый договор продолжает логику прежних глобальных договоров ООН, основанных на добровольном присоединении: как показывают исследования, аналогичный Глобальный договор ООН 1999 г. в области корпоративной ответственности не обеспечил надлежащего контроля за деятельностью компаний, превратившись во многом в декларацию о намерениях и инструмент репутационного маркетинга для бизнеса. Критики опасаются, что и ГЦД постигнет схожая участь – его прогрессивные принципы рискуют остаться на бумаге без действенных способов международного контроля и санкций за нарушения. Кроме того, отмечается, что активное продвижение темы глобального цифрового договора отвлекает внимание от альтернативных инициатив в смежной сфере [7]. В частности, Россия с конца 1990-х гг. продвигает в ООН тему международной информационной безопасности (МИБ) и добивается интернационализации управления Интернетом, включая передачу функций ICANN под эгиду межправительственных структур [10, с. 330]. С российской точки зрения, ГЦД в нынешнем виде не акцентирует проблематику суверенитета в киберпространстве и тем самым не способствует продвижению повестки МИБ, а скорее «смещает фокус» обсуждения

в удобное для западных стран русло. Несмотря на эти разногласия, большинство государств Глобального Юга в итоге поддержали принятие Пакта во имя будущего и присоединились к ГЦД, рассчитывая на участие в формировании будущих правил и не желая политизировать диалог на старте процесса. Россия же дистанцировалась от консенсуса и официально не поддержала договор, хотя и заявляет о готовности участвовать в дальнейших тематических дискуссиях на площадке ООН. Таким образом, уже на этапе принятия ГЦД обозначились серьезные противоречия, а именно: с одной стороны, мировое сообщество признает необходимость совместно выработать основы регулирования ИИ и цифровой среды, с другой – существуют расхождения в видении того, каким принципам должны следовать эти нормы и как именно должны соотноситься глобальные правила с суверенными правами государств.

Подводя итог, следует признать, что Глобальный цифровой договор ООН сочетает в себе признаки как политико-декларативного документа, так и исходной программной основы для международного регулирования искусственного интеллекта. С одной стороны, в нем сформулирован широкий круг амбициозных целей, изложенных на высоком уровне обобщения, при отсутствии юридически обязательных механизмов их реализации. Именно этим обусловлено то, что в научной и политической дискуссии ГЦД нередко оценивается как акт, в значительной степени ориентированный на идеализированную модель глобального цифрового управления, а отдельные его положения рассматриваются как отражающие прежде всего подходы и интересы экономически развитых государств. Указанные обстоятельства затрудняют восприятие договора в качестве полноценного и завершенного международно-правового регулятора.

С другой стороны, принятие ГЦД можно назвать важным этапом в развитии международного диалога по вопросам цифрового развития и искусственного интеллекта. Документ закрепил согласованные принципы, обозначил круг наиболее острых проблем и предусмотрел институциональные формы их последующего обсуждения и согласования. В связи с этим ГЦД целесообразно рассматривать не как завершенную модель глобального регулирования, а как исходный этап становления международно-правовых подходов в данной сфере. Следовательно, оценка ГЦД исключительно как утопии либо, напротив, как готового универсального решения представляется упрощенной. Более обоснованным является вывод о том, что данный документ выступает первоначальной нормативно-политической рамкой, дальнейшая эффективность которой будет зависеть от последующей конкретизации провозглашенных принципов, выработки обязательных правил поведения государств и иных участников цифрового взаимодействия, а также от согласования новых международных механизмов с национальными и региональными моделями регулирования. Несмотря на имеющиеся ограничения, ГЦД обозначил начало формирования общей международной рамки ответственного развития искусственного интеллекта. В этом смысле он может рассматриваться как дорожная карта в ее первоначальном виде, содержание которой подлежит дальнейшему наполнению посредством согласования интересов государств и перевода декларативных положений в плоскость действующих международно-правовых норм.

Список литературы

1. Пакт во имя будущего : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 22 сентября 2024 г., A/RES/79/1 // Официальный сайт ООН. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf.

2. Саммит будущего // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/summit-of-the-future.

3. Наша общая повестка дня = Our Common Agenda : доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, A/75/982 // United Nations Digital Library System. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3939258/files/A_75_982-EN.pdf.

4. Зиновьева Е. Что не так с Глобальным цифровым договором // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/.

5. ООН одобрила резолюцию по глобальному управлению искусственным интеллектом // iXBT.com. 2025. 21 сент. URL: https://www.ixbt.com/news/2025/09/21/oon-odobrila-rezoljuciju-po-globalnomu-upravleniju-iskusstvennym-intellektom.html.

6. Мартиросян А. Глобальное управление искусственным интеллектом: рождение новой архитектуры или фрагментация «цифровой повестки»? // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-iskusstvennym-intellektom-rozhdenienovoy-arkhitektury-ili-fragmentatsiya-tsif/.

7. Зиновьева Е., Исаева Т. Глобальный цифровой договор ООН: возможна ли прикладная реализация? // Международная жизнь. URL: https://interaffairs.ru/news/show/37601.

8. Лавров С. В. ООН: вновь быть центром для согласования действий наций // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1974049/.

9. МИД РФ: глобальный цифровой договор Гутерриша не отвечает интересам развивающихся стран // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/20493507.

10. Бульва В. И. Международная информационная безопасность: от классической к сетевой дипломатии России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17, № 3. С. 325–341.

РАЗДЕЛ XXXV. ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Чайникова Р. В.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кочнев В. А.,
доцент кафедры психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук

ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Актуальность представляемой темы определяется рядом факторов. Во-первых, в системе морально-психологического обеспечения образовательных учреждений МВД России формирование эмоционального интеллекта (ЭИ) у будущих сотрудников полиции рассматривается как профессионально значимая задача, поскольку уровень развития ЭИ оказывает существенное влияние на эффективность служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел и выполнение ими служебных задач в особых условиях [1, с. 22–25]. Во-вторых, анализ размещенных в открытом доступе научных работ, посвященных исследованию ЭИ у курсантов образовательных учреждений силовых структур, позволяет сделать вывод о том, что до настоящего времени недостаточно изучены психологические механизмы взаимосвязи компонентов ЭИ указанной категории с се-

[1] © Чайникова Р. В., 2026.

мейными моделями для подражания (моделями воспитания – в рамках позитивного психодинамического подхода) и особенностями реагирования в стрессовых ситуациях [2, с. 78–80]. В-третьих, недооценкой психологами-исследователями возможностей логико-математического моделирования, позволяющего рассчитывать факторные модели психологических процессов и явлений, как способа описания их структуры, латентных взаимосвязей структурных компонентов, что имеет высокую значимость для психологической практики [3].

Объект исследования: эмоциональный интеллект и модели для подражания курсантов образовательного учреждения МВД России. Предмет исследования: взаимосвязь компонентов ЭИ, семейных моделей для подражания и стрессовых реакций у курсантов с высоким уровнем ЭИ. Цель исследования: разработка логико-математической (факторной) модели, позволяющей изучить взаимосвязи компонентов ЭИ, семейных моделей для подражания и стрессовых реакций у курсантов с высоким уровнем ЭИ.

Методика

В соответствии с замыслом исследования независимой переменной выступили модели для подражания, диагностируемые с помощью «Дифференциально-аналитического опросника» (WIPPF; Н. Пезешкиан, А. Ремерс) [8, с. 112–115]. Зависимую переменную составили: компоненты ЭИ, которые определялись с помощью теста «Эмоциональный интеллект» (ЭмИн; Д. В. Люсин) [7, с. 23–27]; модели реакций в стрессовых ситуациях в четырех сферах жизни и деятельности индивида (телесной, деятельностной, контактной и экзистенциальной), определяемые с помощью «Дифференциально-аналитического опросника» (см. выше) [8, с. 116–118].

Эмпирическое исследование проведено на базе Института психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В нем приняли участие 40 курсантов 3-го и 4-го курсов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Для обеспечения корректности применения параметрических методов кластерного и факторного анализа объем выборки был увеличен до 200 человек с использованием процедуры кратного расширения, допустимой в пилотажных исследованиях [2, с. 435].

Математическая обработка данных включала: кластерный анализ (метод k-средних) для разделения респондентов по уровню эмоционального интеллекта; U-критерий Манна – Уитни для оценки значимости межгрупповых различий; факторный анализ (метод главных компонент с вращением Варимакс и нормализацией Кайзера) – для построения логико-математической (факторной) модели. Все расчеты выполнены с использованием статистического пакета SPSS-21, критический уровень значимости принят $p \leqslant 0{,}05$ [2, с. 89–91].

Результаты и их обсуждение

С помощью кластерного анализа все респонденты были разделены на две группы: курсанты с низким уровнем эмоционального интеллекта (группа-1; 125 чел.) и курсанты с высоким уровнем (группа-2; 75 чел.). Межгрупповые различия по всем компонентам ЭИ статистически значимы ($p \leqslant 0{,}001$). Для группы-2

рассчитана 5-факторная модель, включающая 18 переменных: шкалы теста ЭмИн (понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии, понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, общее понимание эмоций, общее управление эмоциями), модели для подражания по WIPPF («Я-Мать», «Я-Отец», «Ты», «Мы», «Пра-Мы») и модели стрессового реагирования («тело/ощущения», «деятельность», «контакты», «смысл»). Кумулятивный процент объясненной дисперсии составил 81,0 %, что свидетельствует о высокой информативности полученной структуры [4, с. 340].

Ниже представлена логико-математическая модель с подробным описанием каждого из пяти факторов.

Фактор 1 – «Внутриличностная регуляция как основа адаптивного стресс-преодоления» (27,9 % дисперсии). В состав этого фактора вошли следующие переменные (в скобках указаны факторные нагрузки): понимание своих эмоций (0,939), внутриличностный эмоциональный интеллект (0,863), поведенческие реакции в стрессе (0,751), телесные проявления стресса (0,705), общее понимание эмоций (0,704), экзистенциальные переживания в стрессе (0,641). *Интерпретация*. Центральное положение в данном факторе занимает способность к осознанию собственных эмоций. Высокие нагрузки внутриличностного эмоционального интеллекта и общего понимания эмоций свидетельствуют о том, что курсанты с высоким уровнем развития исследуемого качества обладают развитой рефлексией собственных переживаний, умеют их дифференцировать и вербализовать [7, с. 26]. Эти способности тесно связаны с конструктивными стратегиями совладания со стрессом: они проявляются в активной деятельности (поведенческие реакции), направленной на разрешение трудной ситуации, а также в способности придавать смысл происходящему (экзистенциальные переживания). Важно отметить, что в данном факторе присутствует и телесный компонент стресс-реагирования, однако его связь с пониманием эмоций носит регуляторный характер: осознание чувств позволяет удерживать психосоматические проявления под контролем, не допуская их гипертрофированного развития [8, с. 114–115]. Таким образом, для курсантов данной группы характерна интегрированная система саморегуляции, где когнитивное понимание собственных эмоций служит основой для выбора адаптивных поведенческих и смысловых стратегий в стрессовых условиях.

Фактор 2 – «Значимость гармоничных семейных моделей» (19,6 % дисперсии) объединил такие открытые переменные, как: модель «Я-Мать» (0,918), модель «Пра-Мы» (0,739), модель «Мы» (0,692). *Интерпретация*. Наибольшая факторная нагрузка приходится на модель «Я-Мать», что отражает ключевую роль материнского отношения в формировании ЭИ. Как отмечается в исследованиях по психологии развития, именно в диаде с матерью ребенок осваивает первичные способы распознавания, выражения и регуляции эмоций [6, с. 55–57]. Высокая нагрузка модели «Пра-Мы» указывает на значимость системы духовно-нравственных ценностей, транслируемых в семье: они задают ориентиры для оценки ситуаций, формируют этические основания эмоциональных реакций и способствуют развитию рефлексии высшего уровня [8, с. 116]. Модель

«Мы», отражающая стиль взаимодействия родителей с социальным окружением, также вносит весомый вклад. Открытость семьи, наличие у родителей устойчивых социальных связей, умение строить кооперативные отношения служат для ребенка образцом для подражания в сфере межличностных контактов [4, с. 210–212]. Важно подчеркнуть, что в данный фактор не вошли модели «Я-Отец» и «Ты». Это не означает их второстепенности; вероятно, их влияние опосредуется через другие структурные звенья и проявляется в специфических ситуациях (например, в регуляции эмоций в стрессе, что отражено в факторе 5). В целом, совокупность моделей, включенных в фактор 2, создает благоприятный фундамент для развития способности понимать и управлять эмоциями.

Фактор 3 – «Целостность межличностного эмоционального интеллекта» (14,8 % дисперсии) представлен тремя переменными: межличностный эмоциональный интеллект (0,945), понимание чужих эмоций (0,760), управление чужими эмоциями (0,698). *Интерпретация*. Данный фактор демонстрирует высокую степень интеграции двух ключевых компонентов межличностного эмоционального интеллекта – понимания и регуляции эмоций других людей. Их объединение в единый фактор свидетельствует о том, что у курсантов с высоким уровнем ЭИ эти способности не являются изолированными, а функционируют как согласованная система [1, с. 34]. При этом важно, что в иерархии модели фактор 3 следует за фактором 1 (внутриличностным). Такое расположение подтверждает теоретические представления о том, что полноценное понимание и влияние на эмоциональные состояния окружающих возможно лишь на основе развитой рефлексии собственных переживаний [7, с. 29]. В отличие от группы с низким уровнем эмоционального интеллекта (где межличностный компонент часто приобретает манипулятивный оттенок и доминирует над внутриличностным), здесь наблюдается сбалансированное развитие: умение распознавать чужие эмоции не используется для деструктивного воздействия, а служит основой для эмпатийного и конструктивного взаимодействия.

Фактор 4 – «Связь контроля экспрессии с партнерской моделью родителей» (9,95 % дисперсии) включает две открытые переменные: контроль экспрессии (0,790) и модель «Ты» (0,567). *Интерпретация*. Несмотря на относительно небольшой вклад в общую дисперсию, этот фактор выявляет важную закономерность. Контроль экспрессии – способность сдерживать нежелательные внешние проявления эмоций – оказывается связанным с усвоенной в детстве моделью отношений между родителями (модель «Ты») [8, с. 114]. Можно предположить, что наблюдение за тем, как отец и мать выстраивают взаимодействие, разрешают конфликты, проявляют уважение друг к другу, формирует у ребенка внутренние эталоны эмоциональной сдержанности и такта. У курсантов с высоким уровнем ЭИ этот навык не превращается в эмоциональную закрытость или подавление чувств, а выступает как гибкий инструмент, позволяющий соразмерять выражение эмоций с контекстом ситуации и интересами партнера [6, с. 60].

Фактор 5 – «Управление эмоциями в стрессе с опорой на отцовскую модель» (8,7 % дисперсии) объединяет: реакции в сфере контактов (0,821), общее управление эмоциями (0,634), модель «Я-Отец» (0,578), управление своими

эмоциями (0,554). *Интерпретация*. Данный фактор раскрывает специфику эмоциональной регуляции в напряженных ситуациях. Высокая нагрузка реакций в сфере контактов (МРКнт) указывает на то, что в стрессе курсанты с высоким уровнем эмоционального интеллекта активно используют межличностное взаимодействие: они ищут поддержки, открыто выражают переживания, сохраняют эмоциональную связь с окружающими [9, с. 208–209]. Эта способность базируется на общем умении управлять эмоциями (УЭ) и конкретном навыке управления собственными чувствами (ВЛУСЭ). Особый интерес представляет связь данного фактора с моделью «Я-Отец». Положительная корреляция позволяет предположить, что отец выступает для курсантов образцом конструктивного поведения в стрессовых ситуациях. Если отец демонстрировал сдержанность, но не холодность; умение решать проблемы, не избегая эмоционального контакта, – эти паттерны интериоризируются и впоследствии проявляются в зрелых стратегиях совладания [5, с. 98].

Выводы

1. Разработанная логико-математическая (факторная) модель объясняет 81 % дисперсии исходных данных, что подтверждает ее высокую репрезентативность и обоснованность для описания структуры эмоционального интеллекта у курсантов с высоким уровнем его развития [4, с. 342].

2. У курсантов с высоким уровнем развития ЭИ данный психологический конструкт представляет собой стройную, иерархически организованную систему. Внутриличностные компоненты (понимание своих эмоций, саморегуляция) выступают фундаментальными, обеспечивающими основу для развития межличностных способностей. Гармоничные семейные модели для подражания, в первую очередь отношения с матерью и ценностно-смысловая сфера семьи, создают благоприятные условия для становления эмоциональной компетентности.

3. Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов образовательных учреждений МВД России. Выделенные факторы позволяют конкретизировать мишени психоразвивающих и психокоррекционных воздействий: развитие внутриличностной рефлексии, гармонизация семейных моделей (в индивидуальной консультативной работе), формирование навыков управления эмоциями в стрессовых ситуациях с опорой на позитивные образцы [3, с. 70–71].

4. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение динамики факторной структуры эмоционального интеллекта на разных этапах профессионального становления курсантов, а также сравнительный анализ логико-математических моделей ЭИ у курсантов с различной специализацией подготовки.

Список литературы

1. Андреева И. Н. Азбука эмоционального интеллекта. СПб. : БХВ-Петербург, 2012.

2. Ермолаев-Томин О. Ю. Математические методы в психологии : учебник. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2014.

3. Ершова Р. В., Кочнев В. А. Возможности применения факторных моделей для психокоррекции дезадаптивных типов полоролевого поведения в методе позитивной психотерапии // Человеческий капитал. 2017. № 3 (99). С. 68–71.

4. Кириллов И. О. Позитивная психотерапия : базовый курс. М. : Академический проект, 2019.

5. Кочнев В. А. Практикум по психодиагностике сексуальности : учебное пособие. М. : ИИУ МГОУ, 2014.

6. Краснов А. В. Эмоциональный интеллект и стиль воспитания девочек старшего подросткового возраста // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 4. С. 55–66.

7. Люсин Д. В. Опросник ЭмИн: методика измерения эмоционального интеллекта // Практикум по психодиагностике. М. : Смысл, 2004. С. 23–27.

8. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия. М. : Медицина, 1996.

9. Пезешкиан Н. Тренинг разрешения конфликтов. Психотерапия повседневной жизни. 2-е изд. М. : Институт позитивной психотерапии, 2006.

Царева А. Н.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ерохина Е. И.,
старший преподаватель
кафедры психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

В современных условиях деятельность сотрудников оперативных подразделений МВД России протекает в сложной, динамично меняющейся обстановке, сопряженной с высоким уровнем стресса, риском и необходимостью оперативного принятия решений. В этой связи на первый план выходит не только профессионально-правовая, но и психологическая подготовка кадров. Психологическая грамотность выступает важнейшим фактором, определяющим успешность оперативно-служебной деятельности, поскольку она обеспечивает адекватное понимание мотивов поведения граждан, эффективную коммуникацию и способность к саморегуляции [1, с. 14].

Психологическую грамотность сотрудника полиции можно рассматривать как систему, включающую теоретические знания о психике человека, коммуникативные навыки (речевая компетентность) и развитое образное мышление (умение интерпретировать скрытые смыслы, невербальные сигналы и метафоры). Как отмечает ряд исследователей, именно синтез этих компонентов позволяет оперуполномоченному успешно выстраивать доверительные отношения с источниками информации и эффективно противодействовать преступности [2, с. 112; 3, с. 45–47].

С целью оценки уровня психологической грамотности нами было проведено эмпирическое исследование среди сотрудников и кандидатов на службу в оперативные подразделения (выборка включала представителей различных региональных и структурных групп. Оценка проводилась по трем критериям (частям):

[1] © Царева А. Н., 2026.

1 часть – теоретические знания определений и основ психологии;

2 часть – речевые навыки, способность давать развернутые ответы;

3 часть – образное мышление (понимание метафор и пословиц).

Уровни оценивались как: В (высокий), С (средний), Н (низкий), ОН (очень низкий). Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица

Результаты оценки психологической грамотности

Место	**Испытуемый / Группа**	**Общий балл (%)**	**Уровень**	**Краткое описание**
1	№ 45	57,5 (85,2 %)	Высокий	Отличные результаты по всем трем направлениям (теория, речь, образное мышление)
2	Волгоград	55 (81,5%)	Высокий	Сильная теория и понимание метафор, средние навыки формулирования ответов
3	№ 528	54 (80,0%)	Высокий	Отличные знания и речь, но слабое образное мышление
4	№ 175	50,5 (74,8%)	Средний	Высокие теоретические и речевые навыки, но очень слабое понимание метафор
5	Адыгея	49,5 (73,3%)	Средний	Высокий уровень образного мышления при средних теоретических и речевых навыках
6	№ 50	43,5 (64,4%)	Средний	Слабое знание теории, но хорошо развитые речь и понимание образных выражений
7	Уссурийск	39,5 (58,5%)	Низкий	Основная проблема – низкий уровень развернутых ответов при средних знаниях теории
8	№ 20	37,5 (55,6%)	Низкий	Слабая теоретическая база и трудности с речью, однако хорошее понимание метафор

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о значительной неоднородности уровня психологической грамотности. Наилучшие результаты продемонстрировали участники № 45 (85,2 %) и Волгоград (81,5 %), что свидетельствует о гармоничном развитии как теоретической базы, так и практических навыков (включая образное мышление).

В то же время выявляются типичные дефициты. Так, участники № 175 и № 528 имеют превосходную теоретическую подготовку и умеют грамотно формулировать свои мысли, однако испытывают серьезные трудности с пониманием скрытых смыслов (метафор, образных выражений). Для оперативного сотрудника это критический недостаток, так как в оперативной работе фигуранты часто используют сленг, иносказания и скрытые посылы [4, с. 88]. С другой стороны, участник № 20 обладает отличным образным мышлением, но не может опереться на теоретическую базу и испытывает сложности с формулированием мыслей.

Таким образом, психологическая грамотность является сложным многокомпонентным образованием. Ее повышение напрямую связано с ростом эффективности оперативно-служебной деятельности. Для оптимизации процесса профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений МВД России необходимо внедрение комплексных тренингов. Акцент следует делать не только на заучивании теоретических дефиниций, но и на развитии коммуникативной гибкости, умении развернуто аргументировать свою позицию, а также на тренировке образного мышления и эмпатии для точной интерпретации информации, получаемой в ходе оперативной работы [5, с. 201].

Список литературы

1. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021.

2. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология. М. : ЮнитиДана, 2018.

3. Романов В. В. Психологическая оценка при отборе кадров для органов внутренних дел // Вестник МВД России. 2020. № 4. С. 45–50.

4. Цветков В. Л. Психология оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. М. : Щит-М, 2019.

5. Смирнов В. Н. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений МВД России. М. : ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 2022.

Чан Х. К.[1],
слушатель факультета
подготовки иностранных специалистов
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Охотников Ю. М.,
доцент кафедры психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ У КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Исследование мотивации достижения у обучающихся в образовательных учреждениях Министерства общественной безопасности обусловлено ее ключевой ролью в эффективности усвоения знаний, формировании профессиональных компетенций и успешности практической деятельности. Специфика образовательной среды с жесткой регламентацией и высокими дисциплинарными требованиями создает противоречие: строгая дисциплина, способствуя развитию ответственности, одновременно несет риск подавления внутренней мотивации, автономии и личностного роста, что в долгосрочной перспективе негативно влияет на профессиональную эффективность и удовлетворенность.

Цель работы – выявление психологических особенностей развития мотивации достижения у обучающихся в образовательных учреждениях Министерства общественной безопасности Республики Вьетнам на различных этапах обучения для разработки научно обоснованных практических рекомендаций.

Теоретическую основу исследования составляют теории мотивации достижения, самодетерминации и целей достижения. Теория мотивации достижения (Д. Макклелланд, Дж. Аткинсон, Х. Хекхаузен) объясняет поведение, ориентированное на результат. Макклелланд выделил потребность в достижении (nAch) как устойчивое личностное образование; взаимодействие трех потребностей (в достижении, аффилиации и власти) обусловливает различия в побуждении и источниках мотивации [5].

В этой связи Н. В. Виноградова отмечает, что «…те студенты, которые действительно обладают высокой мотивацией, готовы взять на себя ответственность. Они понимают, что от них зависит результат, что их деятельность важна,

[1] © Чан Х. К., 2026.

вплоть до того, что плоды труда могут стать весомым вкладом в жизнь общества» [1, с. 152].

Дж. Аткинсон разработал модель конфликта между стремлением к успеху и избеганием неудачи, позволяющую дифференцировать достижительное поведение по интенсивности и валентности [3].

Теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан) рассматривает континуум самоопределения, включающий внутреннюю мотивацию, внешнюю мотивацию и амотивацию.

Теория целей достижения (AGT) фокусируется на целях как когнитивных репрезентациях, направляющих поведение в отношении компетентности (Э. Эллиот и др.) [4]. В рамках данной модели выделяются цели мастерства и результативности с учетом валентности «стремление – избегание», что позволяет описать четыре типа целей с их специфическими психологическими профилями.

Эмпирические исследования во Вьетнаме свидетельствуют о влиянии коллективистской культуры, основанной на конфуцианских ценностях, на структуру мотивации, где личный успех рассматривается через призму выполнения социальных обязательств и семейных ожиданий.

В иерархической образовательной среде с жесткой дисциплиной, характерной для академий Министерства общественной безопасности, мотивационная структура курсантов формируется под воздействием внутренних (личные амбиции, патриотизм, чувство долга, стремление к профессионализму) и внешних (поощрения, карьерные перспективы, дисциплинарные требования) факторов. При этом дисциплина, являясь основой подготовки в правоохранительных органах, при избыточном акценте способна подавлять автономию, что согласно теории самодетерминации выступает необходимым условием поддержания устойчивой внутренней мотивации.

Для изучения динамики мотивации достижения у обучающихся мы разработали эмпирическое исследование с участием 45 курсантов мужского пола из одного из университетов системы Министерства общественной безопасности, разделенных на три группы по курсу обучения (первый, третий и пятый). Такое деление позволило сравнить три ключевых этапа профессионального становления. В рамках исследования мы использовали Шкалу внешней и внутренней мотивации к работе (WEIMS) и Пересмотренный опросник целей достижения (AGQ-R), а также произвели полуструктурированные интервью с тремя обучающимися из каждой из групп.

Результаты исследования по шкале WEIMS указали на то, что у первокурсников наиболее высокие баллы наблюдаются по внешней регуляции (M = 5,2) и амотивации (M = 3,0), что можно интерпретировать как сильное влияние внешних факторов – правил, распорядка дня, стремления избежать наказания. На третьем курсе по шкале WEIMS внешний регулятор у обучаемых снижается (M = 4,5), в то время как идентифицированная (M = 4,8) и внутренняя (M = 4,2) мотивация заметно увеличиваются, что указывает на более высокую степень осознания обучающимися значимости учебы для будущей профессии. На пятом курсе внутренняя мотивация (M = 5,3) и интегрированная регуляция (M = 5,1) становятся наивысшими, что свидетельствует о успешной интернализации

профессиональных ценностей и формировании устойчивой, автономной мотивации.

Результаты опросника AGQ-R отразили очень высокий уровень ориентации на «результативность – избегание» у первокурсников (M = 4,3) и самый низкий у пятикурсников (M = 2,8); наоборот, ориентация на «мастерство – стремление» оказалась самой высокой у пятикурсников (M = 4,7) и средней у первокурсников (M = 3,5). Данное изменение свидетельствует о том, что у обучающихся наблюдается тенденция перехода от цели избегания неудачи к стремлению овладеть знаниями и навыками на старших курсах.

Дисперсионный анализ ANOVA и апостериорный критерий Тьюки подтвердили наличие статистически значимых различий между курсами по большинству шкал, при этом фактор «курс» оказывает значительное влияние на данные переменные. Студенты пятого курса демонстрируют более высокие показатели внутренней мотивации и направленности на мастерство-стремление по сравнению с первокурсниками. Напротив, у первокурсников показатели внешней регуляции, амотивации и направленности на результат-избегание выше, чем у пятикурсников.

Результаты корреляционного анализа (*табл.*) показывают сильную положительную корреляцию между внутренней мотивацией и целями мастерство-стремление (r = 0,62), сильную положительную корреляцию между внешней регуляцией и целями результативность-избегание (r = 0,54), а также отрицательную корреляцию между амотивацией и целями мастерство-стремление (r = −0,48).

Таблица

Корреляционная матрица между субшкалами WEIMS и AGQ-R

Показатель	**Мастерство – стремление**	**Результативность – избегание**
Внутренняя мотивация	0,62*	−0,31
Внешняя регуляция	−0,28	0,54*
Внешняя регуляция	−0,48	0,41

Примечание: * p < 0,01

Результаты интервью позволяют выделить причины направленных изменений мотивации достижения у обучающихся. В частности, первокурсники пассивно следуют установленным правилам, испытывая страх перед дисциплинарными взысканиями; студенты третьего курса сосредоточены на профессиональной значимости и примере старших коллег; студенты выпускного курса связывают свою мотивацию со стремлением служить людям и достижением высокого уровня профессиональных навыков.

Таким образом результаты эмпирического исследования подтвердили эти гипотезы: доминирование целей избегания на начальном этапе обучения; переход от внешней мотивации к внутренней, и статистически значимые различия между курсами.

Кроме того, нами предлагается трехуровневая модель, получившая название «От адаптации к автономии», направленная на оптимизацию мотивации достижения целей у обучающихся:

Этап 1 (1-й курс): адаптационная подготовка. На данном этапе необходимо сосредоточиться на снижении влияния внешней мотивации и амотивации, а также страха неудачи, посредством разъяснения роли дисциплины, обучения методам стрессоустойчивости и организации наставничества со стороны старшекурсников.

Этап 2 (2–3-й курсы): идентификация и вовлечение. Поддержка формирования профессиональной идентичности осуществляется через привлечение к преподаванию опытных практикующих офицеров и кейс-методы.

Этап 3 (4–5-й курсы): поддержка автономии и мастерства. Когда основа профессиональной идентичности сформирована, необходимо предоставлять разумную степень свободы, создавать безопасную экспериментальную среду (например, симуляторы и тренажеры) и обеспечивать конструктивную обратную связь, что позволяет развивать внутреннюю мотивацию и ориентацию на мастерство.

На основе результатов исследования предлагаются следующие практические рекомендации для преподавателей, начальников и руководителей:

– обеспечивать информативную, поддерживающую обратную связь, фокусирующуюся на возможностях для улучшения, а не на личности обучающегося, избегать публичной критики;

– акцентировать внимание при освоении теоретических знаний на связи с практической деятельностью, решением служебных задач, давать обучающимся возможность выбора способов выполнения этих задач;

– формировать организационную культуру, основанную не только на строгой дисциплине и подчинении, но и на взаимном уважении, поддержке и приверженности общим целям.

Список литературы

1. Виноградова Н. В. Мотивация достижения в учебной деятельности // Молодой ученый. 2021. № 42 (384). С. 151–153.

2. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35–45.

3. Atkinson J. W., Feather N. T. A theory of achievement motivation. Huntington, NY : John Wiley and Sons, 1966.

4. Elliot A. J., McGregor H. A. A 2 × 2 achievement goal framework // Journal of Personality and Social Psychology. 2001, vol. 80, no. 3, pp. 501–519.

5. McClelland D. C. The Achievement Motive in Economic Growth // The Gap between Rich and Poor: Contending Perspectives on the Political Economy of Development / ed. M. A. Seligson. Boulder : Westview Press, 2019, pp. 53–69.

РАЗДЕЛ XXXVI. СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Саенко Е. А.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Свинарева О. В.,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ПОКОЛЕНИЕ Z: ФОРМУЛА ЭФФЕКТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ

Современный этап социально-культурного развития характеризуется стремительной трансформацией, определенной процессами цифровизации и глобализации. Эти изменения оказывают значительное влияние на институт семьи и системы образования, где появляются новые вызовы для агентов социализации. На стыке этих изменений формируется новое поколение современных детей и подростков, обозначаемая как поколение Z (зумеры). В связи с этим, традиционные педагогические парадигмы и модели воспитания, эффективные для предыдущих поколений, зачастую оказываются малоэффективными.

Американские исследователи Н. Хоув и В. Штраус впервые заговорили о поколении Z. Согласно их мнению, зумеры – поколение, следующее за поколением миллениалов, родившиеся в период с 2001 по 2020 г. Самые старшие уже окончили вузы и строят карьеру и семью, а младшие еще учатся в школе [1, с. 94]. А американский психолог, профессор Джин Мария Твенге писала, что зумеры – поколение, родившееся в период 1995–2012 гг. Она описывает их как поколение,

[1] © Саенко Е. А., 2026.

которое медленнее взрослеет, погружено в виртуальность и меньше общается в реальной жизни [2, с. 85].

Быстрое развитие сетевых технологий привело к массовому переходу к онлайн-обучению, особенно во время пандемии. Благодаря Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ стало возможно право на использование дистанционных технологий и электронного обучения [3]. Это позволяет удобно, быстро и подробно доносить информацию до обучающихся, делает информацию доступной и в большом количестве. Но не стоит забывать, что такой подход в обучении имеет не только плюсы, но и свои минусы в глазах современного поколения.

Исследование, проведенное в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, показало, что обучающиеся положительно относятся к использованию технологий в учебе. Главными причинами являются удобство и польза, выражающиеся в помощи самообразования. Помимо пользы, были выявлены и серьезные риски, выраженные цифровой зависимостью, проблемами с живым общением, информационным ненужным потоком и дезинформацией, простотой копирования чужих работ, подрывающих честность и культуру обучения, а также кибербуллинг [4, с. 213].

Поколение Z активно проектирует свою жизнь, стремясь к независимости, гармоничной реализации и новым формам общения. Зумеры – поколение, выросшее в интернете и в условиях глобализации. Оно представляет новый тип личности с цифровой идентичностью, для которого онлайн-среда – естественное пространство жизни и социализации. Их ценности основаны на самостоятельности, свободе и стремлении к самореализации. Они скептически относятся к традиционным авторитетам, но при этом толерантны и осознают свою национальную принадлежность. Привыкли к многозадачности и короткому формату информации, ценят практическую пользу.

Ценностно-поведенческий профиль бросает вызов традиционной педагогике, требуя пересмотра подходов к обучению и воспитанию. Эффективная работа с поколением Z возможна лишь в адаптивной образовательной среде, где воспитание – это сопровождение в формировании осознанной жизненной позиции с учетом психологии и ценностей нового поколения.

При составлении анкет, было обращено внимание на вопросы, характеризующие приоритеты жизни и карьерного роста поколения зумеров.

Анкета «Факторы счастья и профессиональные предпочтения» включают в себя следующие вопросы:

1. Что для Вас является основой для счастливой жизни?
2. На что Вы в первую очередь обращаете внимание при выборе будущей профессии или работы?
3. Что, по-Вашему, в наибольшей степени способствует личностному росту?

Цель анкетирования – выявить и проанализировать субъективные ценностно-мотивационные структуры опрашиваемых в личностном благополучии и профессиональном самоопределении.

Данная анкета служит для выявления и анализа ценностно-мотивационной структурой опрашиваемых в личностном благополучии и профессиональном

самоопределении. Целью является исследование ценностно-мотивационной структуры личности в контексте современных социально-экономических и культурных условий. Полученные данные позволят выявить возможные взаимосвязи между различными элементами системы ориентаций (жизненные цели, профессиональные предпочтения, установки на развитие).

Исследование проводилось на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в декабре 2025 г. В нем приняли участие 33 курсанта в возрасте от 18 до 20 лет – курсанты 2-го курса (30 девушек и 3 юношей).

Для участия в исследовании подросткам необходимо было пройти анкетирование «Факторы счастья и профессиональные предпочтения».

Таким образом, в ходе исследования, были выявлены следующие результаты:

1. Анализ компонентов счастливой жизни. При ответе на вопрос об основах счастья респондентам предлагалось выбрать не более двух вариантов, что позволило выделить наиболее значимые для них ценности.

Наиболее важным фактором для абсолютного большинства опрошенных является «Внутренняя гармония и психическое благополучие» – этот вариант выбрали 25 человек (75,8 %). Чуть менее значимой, но также приоритетной оказалась категория «Прочные и надежные отношения с близкими», которую отметил 21 респондент (63,6 %).

Остальные факторы распределились следующим образом: «Стабильность и уверенность в завтрашнем дне» важна для 13 опрошенных (39,4 %), «Постоянное развитие и личностный рост» выбрали 12 человек (36,4 %), а «Свобода выбора и независимости в решениях» оказалась приоритетом для 10 респондентов (30,3 %).

2. Приоритеты при выборе профессии. При ранжировании факторов выбора работы от 1 (самое важное) до 5 (наименее важное) наблюдаются следующие тенденции. Наибольший приоритет респонденты отдают «Интересу к самому процессу работы» и «Уровню дохода» (эти факторы чаще всего получали первые места). «Гибкий график» и «Корпоративная культура» в среднем заняли промежуточные позиции, что говорит об их важности, но не первостепенности по сравнению с содержанием труда и оплатой.

3. Факторы, способствующие личностному росту. На счет движущих сил развития мнения опрашиваемых разделились. Чаще всего указывали на значимость внешних и внутренних стимулов. Большую роль играют «Преодоление трудностей» и «Постоянное обучение», а также «Саморефлексия». Такие факторы, как «Общение с людьми» и «Путешествия», набрали меньше голосов, что дает понять о их меньшей значимости для данной группы.

На основе проведенного анкетирования можно сделать целостный портрет ценностных ориентаций поколения зумеров. Полученные данные позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Для большинства опрашиваемых фундаментом качества жизни является психологический комфорт и наличие устойчивых социальных связей (семья и близкие). Внешние атрибуты, такие как абсолютная свобода или социальный статус, воспринимаются как вторичные.

2. В профессиональной сфере опрашиваемые стремятся к балансу между содержательной наполненностью работы и материальным вознаграждением.

Это свидетельствует о том, что работа воспринимается одновременно как способ самореализации и как инструмент обеспечения стабильности.

3. Личностный рост понимается группой как результат глубокой внутренней работы – саморефлексии, преодоления трудностей и непрерывного обучения.

Система ценностей опрашиваемых характеризуется стремлением к внутренней гармонии, осознанности и практической надежности. Группа ориентирована на внутренние ресурсы и качественные показатели жизни, отдавая предпочтения глубине перед внешними социальными эффектами.

Анкетирование дает четкое понимание внутреннего мира поколения зумеров. Это люди с конкретным запросом, они ищут психологический комфорт, глубокие связи и осмысленную деятельность, а не просто формальные знания.

Опираясь на результаты анкетирования и мнения экспертов, можно предложить следующие рекомендации по модернизации воспитательного процесса:

1. Работа с внутренней гармонией. Исследование показало, что 75,8 % опрашиваемых считают «внутреннюю гармонию» главным фактором счастья. Это сигнал о высокой значимости психоэмоционального состояния. Однако, как отмечает детский психиатр Анна Якушина, зумеры часто сталкиваются с трудностями в межличностной коммуникации и высоким уровнем тревожности [5].

Рекомендации: необходимо сместить фокус на воспитание устойчивости. Внедрять в регулярную практику не просто классные часы, а тренинги эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости.

Это следует сделать, используя техники саморегуляции и позитивного мышления, о которых говорится в программах Центра «Семья». Например, упражнения на понимание своих эмоций и личных границ помогают обрести внутреннюю гармонию и уверенность в себе [6, с. 20–21].

2. Ценность отношений и горизонтальные связи. 63,6 % опрошенных ставят «прочные отношения с близкими» в приоритет. Это опровергает миф о полном погружении зумеров в виртуальный мир. Им нужно живое, доверительное общение. Психотерапевт Анна Хоботова подчеркивает, что именно в семье и школе формируется база для здоровых отношений: умение отстаивать личные границы, выстраивать диалог без агрессии [7].

Рекомендации: Воспитательный процесс должен строиться на горизонтальных связях (ученик – ученик, учитель – ученик как партнеры), а не на вертикали «начальник – подчиненный».

Как это сделать:

1) создание «безопасных пространств» для общения: клубы дискуссий, где подростки могут обсуждать реальные жизненные ситуации, а не только произведения из литературы;

2) активное использование метода наставничества: как показало исследование Высшей школы экономики, режим «наставничества и доверия» гораздо эффективнее для социализации подростков поколения Z, чем режим формального контроля и опеки [8].

3. Пересмотр профессиональной ориентации. Данные анкетирования фиксируют, что зумерам важен интерес к процессу работы и дохода. Это поколение, по словам психолога Анны Полосиной (МГППУ), не готово терпеть скуч-

ную работу ради абстрактного будущего. Им нужно понимать, зачем они это делают, и получать быструю обратную связь [9].

Рекомендации: больше уделять времени на погружение в реальный контекст профессий.

Как это сделать:

1) использовать образовательный туризм и экскурсии на предприятия. Важно связать увиденное со школьной формулой или задачей, чтобы ребенок понял практическую ценность знаний [10];

2) как отмечают эксперты по поколению альфа, самым ценным становится умение создавать реальный проект, который объединяет интерес с полезным навыком [11].

4. Личностный рост через вызов, а не развлечение. Опрашиваемые указали, что их развитие толкают вперед «преодоление трудностей» и «постоянное обучение». Это говорит о высоком уровне осознанности.

Рекомендации: давать подросткам сложные, но выполнимые задачи. Необходимо создавать ситуации успеха через преодоление.

Чтобы это осуществить, необходимо использовать геймификацию, то есть применять игровые принципы в неигровых контекстах для повышения вовлеченности, мотивации и продуктивности. Игровые механики позволяют создавать безопасную среду для ошибки, где, даже проиграв, подросток не боится попробовать снова без осуждения. Педагоги-практики отмечают, что такой подход резко повышает мотивацию и сплачивает коллектив.

Проведенное исследование было посвящено поиску эффективных способов воспитания поколения Z. В ходе работы подтвердилось, что мир изменился: цифровые технологии и глобализация сформировали новую реальность, в которой взрослеют сегодняшние дети и подростки. Это поколение, которое называют «зумеры», мыслит, чувствует и воспринимает информацию иначе, чем их родители.

Главный вывод, который можно сделать, заключается в том, что старые методы воспитания, основанные на безоговорочном авторитете старших, принуждении и передаче готовых истин, в работе в зумерами перестают работать. Такое у них вызывает отторжение. Поколение Z – первое цифровое поколение. Они выросли в мире, где любая информация доступна в один клик, где можно общаться с кем угодно, где бы ни находился, и где доверие нужно заслужить.

Список литературы

1. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.

2. Поплавская А. А. Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психолога // Экономическая социология. 2020. № 3. С. 84–97.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745.

4. Свинарева О. В., Ананьин О. Ю. Влияние информационно-коммуникативных технологий на качество учебной деятельности обучающихся в образова-

тельных организациях высшего образования МВД России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 210–218.

5. Как воспитывать поколение Z и стоит ли это делать // Вести Тула. URL: https://vestitula.ru/lenta/241356/amp.

6. Бусова А. Н., Михайлова С. М. Дополнительная общеобразовательная программа социально-гуманитарной направленности «Pro семью» // Центр развития семейных форм устройства, социального сиротства «Семья» (Г(О)БУ Центр «СемьЯ»). Липецк, 2023.

7. Ионова Л., Бровкина М. Как помочь школьнику найти общий язык со сверстниками // Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/09/04/reg-ufo/kak-pomoch-shkolniku-najti-obshchij-iazyk-so-sverstnikami.html.

8. Соболевская О. В. Путевка в жизнь // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. 2022. 22 апр. URL: https://spb.hse.ru/news/557722658.html.

9. Психолог Полосина: зумеров нужно постоянно хвалить из-за соцсетей и воспитания // Москва 24. 2025. 12 нояб. URL: https://www.m24.ru/amp/news/obshchestvo/12112025/846252.

10. «Новые люди» в Госдуме обсудили, как сделать воспитание не формальной обязанностью, а живым процессом // Партия «Новые люди». 2025. URL: https://newpeople.ru/News/novye-lyudi-v-gosdume-obsudili-kak-sdelat-vospitanie-ne-formalnoj-obyazannostyu-a-zhivym-processom.

11. Семенов С. Цифровой абориген высшей пробы: Кто такие дети поколения «альфа» и как родителям их понять // Российская газета. 2026. 25 янв. URL: https://rg.ru/2026/01/25/vse-cifrovoe-detiam.html.

Серова Е. А.[1],
командир отделения
Института психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Зуйкова А. А.,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Современное общество характеризуется высокой степенью социальной динамики, трансформацией традиционных ценностных ориентиров и усложнением механизмов социального взаимодействия. В данных условиях особую значимость приобретает проблема социализации детей и подростков как многоаспектного и непрерывного процесса включения личности в систему социальных связей, норм, ролей и ценностей. Именно в детском и подростковом возрасте закладываются основы гражданской идентичности, нравственных установок, поведенческих стратегий и отношения к социальным институтам, что в дальнейшем определяет характер социальной активности личности и ее интеграцию в общество [4].

Военно-патриотические объединения функционируют на стыке нескольких социальных институтов – образования, воспитания, молодежной политики и гражданского общества [6]. Их деятельность носит комплексный характер и включает элементы военно-спортивной подготовки, историко-культурного просвещения, нравственного и физического воспитания, а также социально значимой практики. Участие детей и подростков в таких объединениях способствует усвоению социальных ролей, развитию навыков социального взаимодействия, формированию ответственности за собственные действия и осознанию своей причастности к общественно значимым процессам.

Военно-патриотические объединения выступают специфическим социально-педагогическим институтом, сочетающим в себе функции воспитания, образования и социальной профилактики. Их деятельность ориентирована: на формирование социально значимых ценностей и норм поведения; развитие гражданственности и патриотизма; воспитание дисциплины, ответственности

[1] © Серова Е. А., 2026.

и коллективизма; организацию социально полезной и общественно значимой деятельности.

Психологический механизм социализации в ВПО основывается на сочетании идентификации с группой, подражания значимым взрослым и сверстникам, а также осознания собственной социальной роли. Важным фактором является наличие четкой структуры, символики, традиций и ритуалов, которые усиливают эмоциональное включение подростков и способствуют формированию устойчивой социальной идентичности.

Военно-патриотические объединения и организации (ВПО) формируют специфическую социально-воспитательную среду, отличающуюся четкой структурой, нормативностью, иерархией ролей и высокой степенью коллективной ответственности [2]. В отличие от спонтанных подростковых групп, деятельность ВПО регламентирована, целенаправленна и ориентирована на социально одобряемые ценности: патриотизм, гражданственность, уважение к истории и традициям, дисциплину, взаимопомощь и готовность к служению обществу.

Для подростка включение в ВПО означает вхождение в устойчивое сообщество, где ему предлагается понятная система правил, требований и ожиданий, а также возможность поэтапного освоения социальных ролей (участник, командир отделения, помощник инструктора, организатор мероприятий). Такая структурированная среда способствует снижению социальной неопределенности, формированию чувства принадлежности и социальной значимости, что особенно важно в период кризиса идентичности, характерного для подросткового возраста.

В рамках ВПО происходит: формирование уважительного отношения к государственным символам, исторической памяти и культурному наследию; развитие правосознания и понимания социальной значимости законопослушного поведения; закрепление норм дисциплины, ответственности и подчинения общим правилам; освоение ценностей коллективизма, взаимовыручки и товарищества.

Особую роль ВПО играют в подростковом возрасте, когда возрастает потребность в признании, принадлежности к группе и самоутверждении [2]. Военно-патриотическое объединение в данном контексте выступает в качестве социально одобряемой референтной среды, предоставляющей подростку возможности для самореализации и получения позитивного социального опыта.

В деятельности военно-патриотических объединений механизмы социализации приобретают целенаправленный, управляемый и нормативно заданный характер, что имеет принципиальное значение с точки зрения профилактики девиантного поведения и формирования правосознания. В контексте профиля МВД России данные механизмы следует рассматривать как ресурс раннего формирования законопослушных моделей поведения, устойчивости к криминогенным влияниям и уважения к институтам государственной власти.

Военно-патриотические объединения формируют позитивную референтную среду, с которой подросток может себя идентифицировать. Принадлежность к ВПО способствует формированию устойчивого чувства социальной включенности; развитию позитивной Я-концепции; осознанию своей значимости в рамках общественно полезной деятельности; закреплению идентичности, связанной с законопослушным и социально ответственным поведением [6].

Для системы МВД России важно, что военно-патриотические объединения выполняют функцию ранней профилактики, позволяя выявлять и корректировать дезадаптивные формы поведения до момента их трансформации в противоправные действия. В этом контексте они выступают как ресурс социально-психологической реабилитации несовершеннолетних группы риска [5].

Профилактическое влияние военно-патриотических объединений реализуется через ряд взаимосвязанных психологических механизмов, значимых для практики правоохранительной деятельности.

Во-первых, механизм формирования самодисциплины и произвольной регуляции поведения. Военно-прикладные элементы деятельности способствуют развитию навыков подчинения правилам, контролю эмоций и действий, что особенно важно для подростков с признаками импульсивности и агрессивности.

Во-вторых, механизм замещения девиантной активности социально одобряемыми формами поведения. Регулярная занятость, физическая и тактическая подготовка, участие в мероприятиях снижают уровень свободного, неструктурированного времени, традиционно связанного с риском правонарушений.

В-третьих, механизм позитивной идентификации. Подросток усваивает социально одобряемую модель поведения через идентификацию с наставником, руководителем объединения или коллективом в целом.

В-четвертых, механизм коррекции агрессивных и фрустрационных реакций. Физическая подготовка и командные формы деятельности выполняют функцию психологической разрядки, снижая уровень внутреннего напряжения и агрессии, что имеет прямое профилактическое значение для предупреждения насильственных форм девиаций.

В контексте профилактической работы МВД России военно-патриотические объединения могут рассматриваться как партнерский ресурс, дополняющий деятельность подразделений по делам несовершеннолетних, психологической службы и образовательных организаций. Их потенциал заключается в возможности длительного и системного воздействия на личность подростка вне формального контекста правоохранительного контроля.

Включение подростков группы риска в деятельность военно-патриотических объединений способствует снижению уровня повторных правонарушений, формированию законопослушного поведения и развитию социальной ответственности. Практика показывает, что участие в подобных объединениях положительно отражается на уровне дисциплины, эмоциональной устойчивости и коммуникативной компетентности несовершеннолетних [1].

Следует отметить, что военно-патриотические организации оказывают положительное влияние на формирование гражданской идентичности детей и подростков. Через изучение истории Отечества, традиций военной службы, примеров героизма и самоотверженности формируется уважительное отношение к государству, закону и общественным институтам. При этом патриотизм в рамках данных объединений рассматривается не как абстрактное чувство, а как совокупность конкретных нравственных и гражданских качеств, проявляющихся в поступках и социально одобряемом поведении.

Список литературы

1. Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А. Состояние и перспективы патриотического воспитания молодежи в современной России // Концепт. 2014. № 12. С. 136–140.

2. Демин Д. Э. Актуальные форматы военно-патриотического воспитания старшеклассников // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 5 (86). С. 771–781.

3. Киреев Д. Г., Сухина Ю. В. Особенности военно-патриотического воспитания молодежи в Российской Федерации // Теория и практика современной науки. 2022. № 6 (84). С. 136–145.

4. Кириленко Н. П. Формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения: значение, структура, возрастные особенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 4. С. 471–476.

5. Козлова В. В., Никитская Е. А. Воспитание патриотизма подрастающего поколения в современных социокультурных реалиях // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы VIII Международной научной конференции (Москва, 19–20 апреля 2024 г.). М. : Московский художественно-промышленный институт, 2024. С. 436–438.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» (ред. от 24.12.2014) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/182358/.

7. Хлусьянов О. В. Воспитательный потенциал военно-патриотического спортивного клуба как фактор развития социальной позиции подростков // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 47.

Меньшакова С. А.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ерофеева М. А.,
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЭКСТРЕМИСТА КАК ОСНОВА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Современные тенденции развития экстремистской преступности свидетельствуют о ее «омоложении»: все больше несовершеннолетних вовлекается в деятельность деструктивных организаций. По данным Росфинмониторинга, к 2025 г. в перечне террористов и экстремистов выявлен 251 несовершеннолетний в возрасте от 14 до 17 лет. Эта статистика отражает лишь официально зарегистрированные случаи, тогда как реальные масштабы вовлечения подростков в экстремистскую среду остаются скрытыми. Основной ареной вербовки выступает цифровое пространство – мессенджеры, социальные сети, закрытые чаты и анонимные платформы, что существенно усложняет задачу выявления и профилактики данного явления [1, с. 74–75].

В этой области особую значимость приобретает деятельность инспектора по делам несовершеннолетних, который находится на передовом плане профилактической работы. Однако, как справедливо отмечает профессор М. А. Ерофеева, «эффективная профилактика невозможна без глубокого понимания личности потенциального экстремиста, механизмов его вовлечения и факторов, способствующих радикализации». Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста становится методологической основой для выстраивания адресной, индивидуализированной профилактической работы [2, с. 87].

Социально-демографический портрет несовершеннолетнего экстремиста

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России позволяет выделить ключевые социально-демографические характеристики подростков, вовлекаемых

[1] © Меньшакова С. А., 2026.

в экстремистскую деятельность. Пик активности приходится на возрастную группу 16–17 лет (339 человек), что объясняется кризисом идентичности, характерным для данного возраста, а также поиском смыслов и социального признания [3, с. 135]. Одновременно наблюдается тревожная тенденция «омоложения»: количество выявленных 14–15-летних подростков, вовлеченных в экстремистскую деятельность, составляет 59 человек, причем их правосознание и критическое мышление находятся на стадии формирования, что делает их особенно уязвимыми для радикальной пропаганды [1, с. 75].

Гендерный аспект вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность

Традиционно экстремизм рассматривался преимущественно как «мужской» феномен, однако современные исследования свидетельствуют о существенной трансформации гендерного портрета лиц, вовлекаемых в деструктивную деятельность. Как отмечает профессор Д. З. Зиядова, «женский молодежный экстремизм растет более быстрыми темпами, то есть экстремизм „молодеет“». При этом девушки в экстремистских структурах выполняют не только вспомогательные функции, но и активно вовлекаются в совершение преступлений, выступая в роли вербовщиц, пособниц или идейных участниц [4, с. 582].

Анализ позволяет выделить несколько типологических групп девушек, значимых для профилактической работы инспектора ПДН. Вербовщицы активно вовлекают сверстниц в деструктивные сообщества, используя социальные сети и доверительные личные контакты, недоступные для мужчин-вербовщиков. «Жены и невесты» боевиков вовлекаются через романтические отношения и институт религиозного брака: вербовщики целенаправленно используют чувство влюбленности как основной инструмент. Идейные участницы сознательно разделяют экстремистскую идеологию; исследования показывают, что девушки с более высоким уровнем эмпатии демонстрируют большую склонность к экстремистским установкам, что требует учета данной особенности в профилактике. Группы поддержки оказывают содействие экстремистским структурам (сбор средств, распространение материалов, предоставление жилья), зачастую не привлекая к себе особого внимания.

Факторы вовлечения девушек включают: использование вербовщиками «романтической» мотивации; эксплуатацию социально-психологической уязвимости (одиночество, непонимание в семье, травля); применение специфических манипулятивных технологий в цифровой среде; влияние патриархальных установок и культурных стереотипов [4, с. 583–584].

Значение гендерного аспекта для организации профилактической работы инспектора ПДН состоит в необходимости внедрения гендерно-чувствительных методик выявления подростков «группы риска», учета специфических маркеров радикализации девушек (резкая смена имиджа, появление религиозной атрибутики, романтизация образа «борца», замкнутость), а также включения в профилактическую работу специалистов-женщин, способных установить доверительный контакт. Контрпропагандистская работа должна включать развенчивание романтизированных образов, создаваемых вербовщиками, и демонстрацию реальных

судеб девушек, оказавшихся в экстремистских структурах. Игнорирование гендерной специфики существенно снижает эффективность профилактической деятельности инспектора ПДН, оставляя без внимания значимый сегмент подростковой аудитории, подверженной радикализации.

Психологический портрет и факторы уязвимости

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста невозможна без анализа психологических особенностей, делающих подростка восприимчивым к радикальной идеологии. Исследователи выделяют следующие психологические маркеры: повышенная тревожность и ощущение враждебности окружающего мира; эмоциональная холодность и снижение эмпатии; склонность к депрессивным состояниям; неустойчивая самооценка; кризис идентичности (непонимание «кто я?»); поиск простых ответов на сложные вопросы. Современные исследования также подтверждают, что риск подверженности экстремистским идеям выше у лиц с более низким, чем оптимальный, уровнем идентичности, использующих агрессию для достижения целей и неадаптивные способы выражения недовольства, воспринимающих внешний мир как угрожающий [3, с. 135–136].

Поведенческие маркеры как основа раннего выявления

Для инспектора ПДН критически важно уметь распознавать поведенческие маркеры, свидетельствующие о возможной радикализации подростка. К ним относятся: резкая смена лексики, появление специфического сленга и экстремистских лозунгов в речи; допустимость агрессии как нормы поведения, жестокость по отношению к животным или сверстникам; конфликтность в школе и семье, буллинг (как в роли жертвы, так и агрессора); резкий отказ от старых друзей и смена круга общения; использование деструктивной символики, изменение имиджа [1, с. 76].

В условиях цифровизации всех сфер жизни особое значение приобретает мониторинг «цифрового следа» подростка. К. О. Галин и В. Е. Петров отмечают, что «формирование идентичности и социальных связей у подростков в цифровой среде требует научного осмысления и педагогического сопровождения, особенно в контексте „цифровизации“ преступлений экстремистской направленности». Современный «киберэкстремист» характеризуется высоким уровнем цифровой грамотности, владением инструментами анонимизации (VPN, TOR), навыками создания и распространения контента (мемы, видео), знанием конспирологических теорий и умением манипулировать фактами в дискуссиях. Основной площадкой распространения экстремистской идеологии выступают телеграм-каналы и закрытые чаты.

Мотивационная сфера несовершеннолетнего экстремиста

Понимание мотивов вступления подростка в экстремистскую группу является ключевым условием для выстраивания эффективной профилактической работы. Криминологи и психологи выделяют следующие основные мотивы [1, с. 75; 3, с. 136]:

1. Поиск идентичности – обретение новой роли («герой», «борец за справедливость»), что особенно актуально для подростков, переживающих кризис самоопределения.

2. Аффилиация (потребность в принадлежности) – чувство «братства», принятия, которого подросток не находит в семье или школе.

3. Снятие ответственности – жесткая идеология дает четкие инструкции, избавляя от необходимости самостоятельного выбора и моральной рефлексии.

4. Материальная выгода – обещание легких денег за выполнение противоправных действий (поджоги, «закладки», распространение материалов).

5. Месть – личные обиды, перерастающие в ненависть к целым социальным группам.

Роль семьи и ближайшего окружения

Семейная среда выступает одним из ключевых факторов, определяющих уязвимость подростка к экстремистской идеологии. Дисфункциональная семья (конфликты, насилие, развод, отсутствие эмоциональной привязанности) создает благоприятную почву для поиска подростком альтернативных форм социальной реализации. Деструктивные стили воспитания – как авторитарный (порождающий протест и уход в «подполье»), так и попустительский (ведущий к безнадзорности и отдаче «на откуп» интернет-пространству) – повышают риск радикализации [2, с. 89–90]. Исследования также демонстрируют, что уровень созависимости у подростков значительно варьируется в зависимости от пола, уровня образования родителей, экономического статуса и ожидаемого уровня отношений между семьей и друзьями.

Школьная среда также играет важную роль: буллинг (травля) выступает мощнейшим катализатором радикализации, формируя у подростка чувство отверженности и желание восстановить справедливость любыми, в том числе насильственными, способами [3, с. 136].

Значение криминологической характеристики для организации профилактической работы ПДН

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста выступает основой для выстраивания трехэтапной системы профилактической работы инспектора ПДН.

Первый этап – выявление. Инспектор ПДН, взаимодействуя с образовательными организациями и психологами, должен использовать инструменты социально-психологического тестирования для выявления подростков «группы риска»: с высокой тревожностью, низкой эмпатией, переживающих травлю или семейный кризис. Важным направлением становится мониторинг открытых страниц социальных сетей подростков, состоящих на профилактическом учете, а также их цифрового окружения. Как отмечается в исследовании К. Э. Демьяновой и К. В. Корсакова, «первым этапом формирования единой и универсальной системы борьбы с вовлечением молодежи в экстремистские структуры должно стать устранение пробелов и лакун в национальном законодательстве, а последующими – разработка комплексных криминологических программ в области молодежной политики» [6, с. 339].

Второй этап – индивидуальная профилактическая работа. На основе диагностики мотивов подростка (что именно он ищет: признание, защиту, деньги?) инспектор совместно с психологом и социальным педагогом предлагает легальную альтернативу: вовлечение в спортивные секции, патриотические клубы, волонтерские организации, где подросток может получить признание и чувство принадлежности. Критически важным является восстановление диалога с семьей: инспектору необходимо помочь родителям наладить конструктивное общение с ребенком, разъяснить опасность авторитарного давления [2, с. 90].

Третий этап – контрпропаганда. Как подчеркивает С. В. Борисов, «при организации профилактической работы с несовершеннолетними, подвергшимися воздействию экстремистской идеологии, важно избегать прямой критики их убеждений, которая вызывает защитную реакцию и протест». Вместо этого инспектору следует апеллировать к критическому мышлению подростка («А кто автор этого канала? Какую цель он преследует?»), предлагать позитивные примеры для подражания, показывать сложность мира, уходя от «черно-белого» мышления, которое лежит в основе экстремистской идеологии [1, с. 76].

В заключение хочу сказать, что криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего экстремиста является необходимым условием эффективной профилактической работы инспектора ПДН. Понимание социально-демографических, психологических, поведенческих и мотивационных особенностей подростков, вовлекаемых в экстремистскую деятельность, позволяет выстраивать адресную профилактику, учитывающую индивидуальные факторы уязвимости каждого ребенка. Особого внимания требует цифровая среда социализации современных подростков, требующая от сотрудников полиции новых компетенций в области мониторинга и контрпропаганды. Комплексный подход, объединяющий усилия инспектора ПДН, психологов, педагогов и семьи, является залогом успешного предупреждения экстремистских проявлений в молодежной среде.

Список литературы

1. Борисов С. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений экстремистской направленности в молодежной среде // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 74–78.

2. Ерофеева М. А. Образовательная среда кластерного типа вуза как фактор антиэкстремистского воспитания // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2015 г.). М. : РУДН, 2016. С. 86–92.

3. Кузнецов А. И. Особенности личности несовершеннолетнего, совершившего преступление экстремистской направленности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. С. 134–137.

4. Зиядова Д. З., Крючков В. Г. Криминологические особенности превращения женщины в экстремистку // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 579–584.

5. Тупикова В. А., Гудкова Я. А., Овчинников-Лысенко Е. Г. Students' empathy in the context of extremist risks // RUDN Journal of Sociology. 2023. Т. 23, № 3. С. 579–589.

6. Демьянова К. Э., Корсаков К. В. Российская молодежь как группа риска вовлечения в экстремистские и террористические структуры: пути снижения виктимности // Виктимология. 2025. Т. 12, № 3. С. 330–342.

РАЗДЕЛ XXXVII. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Табакова С. Е.[1],
курсант Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Цветков В. Л.,
начальник кафедры юридической психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

ФАКТОРЫ ВЫБОРА: АНАЛИЗ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРИЧИН УЧАСТИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Введение

Актуальность: понимание мотивации сотрудников правоохранительных органов, участвующих в СВО, имеет ключевое значение для разработки эффективных мер психологической поддержки и кадровой политики. Это позволяет не только оптимизировать систему стимулирования, но и снизить риски психологических проблем у сотрудников и их семей.

Цель статьи: выявить доминирующие мотивы (материальные vs. ценностные) участия сотрудников полиции в СВО и определить их связь с уровнем готовности к выполнению задач в экстремальных условиях.

---

[1] © Табакова С. Е., 2026.

Задачи исследования:

1. Выявить ведущие побудительные стимулы и ценностные ориентации сотрудников полиции.
2. Сравнить мотивацию молодых сотрудников (до 5 лет службы) и более опытных (5–15 и более 15 лет).
3. Определить связь между мотивацией и готовностью к выполнению задач в экстремальных условиях.
4. Разработать рекомендации по совершенствованию системы поддержки участников СВО.

Новизна исследования: впервые проводится комплексный анализ мотивации сотрудников ОВД с учетом их возраста, стажа, семейного положения и опыта участия в СВО. Используется сочетание методик (М. Рокича, Ш. Ричи и П. Мартина, авторская анкета), что позволяет получить многоаспектную картину.

Мотивация представляет собой совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих человека к деятельности и определяющих ее направленность, интенсивность и устойчивость. В контексте участия сотрудников правоохранительных органов в специальной военной операции можно выделить несколько взаимосвязанных групп мотивов, каждая из которых играет значимую роль в принятии решения о вовлечении в СВО.

В первую очередь, следует говорить о том, что стоит учитывать особенности ценностной ориентации каждой отдельно взятой личности, которые обусловлены большим количеством факторов. В силовом деле сюда относится патриотизм, готовность к самопожертвованию, дух боевого братства и другие ценности, определяющие развитие личности. Такие мотивы формируются внутри личности и становятся основой воинского долга и достижения цель при выполнении боевых задач [3].

Нельзя отрицать и материальные мотивы, которые влияют на выбор определенной профессии. Сюда относится как денежное премирование, так и комплекс льгот и гарантий, которые даются государством для человека, приносящего присягу и выполняющего службу по контракту. Не меньшее значение имеет и пенсия, наступающая существенно раньше, чем у основной массы людей. Выделенные стимулы могут относится к внешним, но становятся для большого количества сотрудника не менее значимыми, чем внутренние в принятии решения о заключении контракта на СВО, особенно, если стоит вопрос об обеспечении семьи.

К третьей группе относятся мотивы профессионального развития, которые позволяют развиваться в военной сфере. Сюда относится карьерный и профессиональный рост, возможность заниматься интересным делом и реализация лидерских и специальных навыков за счет укрепления профессиональной компетентности в сфере. В этом случае участие в боевых действиях становится основой для проявления себя и повышения собственного статуса внутри профессионального сообщества [2].

Нельзя отрицать и социальные мотивы, которые становятся основой для самоощущения и положения в обществе. Сюда относится, в первую очередь, поддержка семьи и стремление к общественному признанию и уважению посред-

ством укрепления профессиональной репутации и чувство принадлежности к элитному профессиональному сообществу. Готовность семьи к принятию решения военным, их поддержка становится не менее значима, чем личностная готовность человека.

Очевидно, что именно внутренняя мотивация играет большую роль в осуществлении профессиональной деятельности, что приводит к большей вовлеченности и устойчивости мотивов, так как становится тем стержнем, который активно развивает стремление к военному профессиональному росту, чем внешняя мотивация, которая опирается только на материальные стимулы.

Эмпирическое исследование структуры мотивов участия сотрудников полиции в СВО

Для получения информации по проблеме исследования были использованы следующие методики:

1. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.
2. Тест «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина.
3. Авторская анкета «Факторы выбора».
4. Метод ранжирования 5 ключевых факторов.

Объем выборки: 30 человек (15 молодых сотрудников со стажем до 5 лет и 15 возрастных сотрудников со стажем 5–15 лет и более).

Этапы проведения работы:

1. Подготовительный: анкетирование сотрудников в анонимной форме.
2. Аналитический: сравнительный анализ ответов с использованием методов математической статистики (t-критерий Стьюдента, коэффициент корреляции Спирмена).
3. Интерпретация: описание полученных данных, формулировка выводов и рекомендаций.

В ходе исследования были проанализированы данные по двум возрастным группам сотрудников правоохранительных органов: молодым (со стажем до 5 лет) и возрастным (со стажем 5–15 лет и более).

У молодых сотрудников наиболее значимыми мотивами выступают материальные стимулы: денежное довольствие оценивается в среднем на 4,2 балла из 5, а социальные льготы для семьи – на 3,8 балла. Карьерный рост также играет существенную роль (4,0 балла), особенно среди холостых и бездетных респондентов. Патриотические мотивы присутствуют, но не доминируют – их средний балл составляет 3,5. При этом поддержка семьи зачастую выступает сдерживающим фактором: 60 % опрошенных отметили тревожность близких в связи с возможным участием в СВО. Примечательно, что 40 % молодых сотрудников ответили «Скорее нет» или «Однозначно нет» на вопрос о том, отказались бы они от участия при сохранении обычного оклада – это свидетельствует о наличии ценностных мотивов наряду с материальными.

Возрастные сотрудники обнаруживают несколько другие показатели. Так, патриотизм имеет высокие показатели, достигая 4,8 балла, солидарность же с товарищами занимает 4,5 балла. Профессиональный рост играет меньшую роль, достигая 3,5 баллов. Что касается материального стимула, то для данной

группы он достигает лишь 3,2 балла. Очень важным фактором становится то, что поддержку для участия в СВО выразили больше 70 % семей данных респондентов, что поддерживает ощущение правильности принятого решения. В то же время вопрос участия в боевых действиях при обычном окладе для 80 % дает отрицательный ответ, что говорит о сохранении большой роли материальных мотивов.

Проведенный корреляционный анализ также отражает преобладание внутренних мотивов, что говорит, в частности, о патриотизме ($r = 0,65$, $p < 0,05$), то есть, чем выше стаж работы, тем значимее становится чувство патриотизма.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что существует различие между мотивацией молодых и возрастных сотрудников ОВД при участи в СВО. Молодые стремятся удовлетворить материальные и карьерные мотивы, а возрастные стремятся удовлетворить потребность братства и профессионализма. Полученные данные могут стать основой для совершенствования кадровой политики и системы психологической поддержки сотрудников СВО.

Список литературы

1. Деси Э., Райан Р. Теория самоопределения: основные идеи и применение в образовании. М. : Смысл, 2010.
2. Рокич М. Природа человеческих ценностей. Нью-Йорк : Свободная пресса, 1973.
3. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией. М. : Юнити, 2004.
4. Столяренко Л. Д. Юридическая психология. СПб. : Питер, 2020.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011.
6. Практическая психодиагностика: методики и тесты / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара : Бахрах-М, 2001.
7. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

Кистин Е. О.[1],
слушатель Института
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шарафутдинова Н. В.,
доцент кафедры
юридической психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА НА МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В настоящее время в современном мире одной из актуальных проблем является эффективное руководство коллективом, где стиль руководства играет одну из ключевых ролей в успехе выполнения поставленных задач перед коллективом. Создавая благоприятный социально-психологический климат внутри групп, а также осуществляя мероприятия по профилактике межличностных конфликтов сотрудников полиции, руководители могут в более короткое время добиваться больших успехов. Исследование особенностей влияния стиля руководства на межличностные конфликты сотрудников полиции позволит определить ключевые детерминанты успешного руководства, понять, какие способности следует развить и улучшить, а также выявить специфические особенности, свойственные для разных стилей руководства. Результаты научного исследования могут способствовать реализации программ развития действующего и в подготовке нового поколения руководителей, готовых успешно управлять служебными коллективами, разрешать межличностные конфликты.

В научной литературе обнаружена проблема трактования терминов «руководство» и «лидерство». Ясности нет и в понимании возможных стилей руководства, в их применении и влиянии на социальные конфликты в органах внутренних дел. В материалах статьи и научной работы более четко разграничили основные понятия и раскрыли существующие объяснения в использовании различных стилей руководства.

Для уточнения взглядов ученых на проблему, и с целью дальнейшего анализа научных подходов и концепций стилей руководства, проведен сравнительный анализ трактовок понятий «руководство» и «лидерство».

---

[1] © Кистин Е. О., 2026.

Проиллюстрируем лишь отдельные примеры для уточнения полученных результатов. Е. П. Ильин понятие «руководство» раскрывает как «деятельность по определению и достижению основных целей социальных групп, а также методов и средств их достижения, стратегии развития» [4, с. 299–312]. В. Н. Дружинин «лидерство» обозначает как «феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов» [3, с. 625].

В итоге проведенной работы, сравнив и проанализировав различные трактовки научных понятий «руководство» и «лидерство», отметили сходство в том, что оба понятия обозначают воздействие на группу, включающее определение и достижение основных целей коллективом в целом или отдельными его членами, а также определение методов и средств для выполнения поставленных задач. В некоторых источниках данные понятия описываются идентично. Различием является обладание формально регламентированными правами и обязанностями в деятельности руководства.

В исследовании стилей руководства анализировались следующие методологические подходы, концепции и модели: поведенческий ситуационный, персоналистический функционально-ролевой, мотивационный, деятельностный, атрибутивный, социально-когнитивный, ценностный и современный.

С. И. Филиппченкова [5] в своей работе раскрывает типологию стилей руководства, разработанную Р. Блейком и Дж. Моутон. Отмечает, что в числе основных пяти стилей руководства выделяются: 1) командное руководство (эффективный подход в управлении организацией, раскрывается в приоритетах на целях производства); 2) социальное руководство, (акцент на психологической атмосфере коллектива, не пренебрегая индивидуально-психологическими характеристиками отдельного члена организации); 3) производственно-социальное руководство (баланс между уровнем заботы о нуждах подчиненных и достижением поставленных целей); 4) авторитарное руководство (руководитель главным определяет эффективность производства, совсем не уделяя внимания поддержанию благоприятного климата и условий труда); 5) примитивное руководство (минимальное участие руководителя как в построении эффективной модели производства, так и в создании и поддержании благоприятного климата среди сотрудников).

Для теоретического анализа проблемы межличностных конфликтов использовались труды Н. В. Гришиной, А. Я. Анцупова, А. И. Шипилова, В. Л. Цветкова и др.

И. Р. Алтунина и Р. С. Немов в своем труде отмечают: «Конфликт – это ситуация или случай, когда возникшее противоречие препятствует людям нормально жить и развиваться, то, что задерживает их продвижение на пути к желаемым целям, мешает достижению нужных результатов, создает и поддерживает неблагоприятные физические и психологические состояния у людей, порождает у них негативные эмоциональные переживания, делает их поведение не соответствующим сложившейся ситуации или дезадаптивным» [1, с. 9].

По мнению Н. В. Гришиной, «межличностный конфликт, может быть определен как ситуация противостояния участников, воспринимаемого и пережива-

емого ими (или по крайней мере одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон» [2, с. 107].

С. В. Щербаков в своем труде выделяет следующие подходы к пониманию межличностных конфликтов: «…1) универсальное явление, сопутствующее всей деятельности человека; 2) открытые расхождения и разногласия, проявляющиеся в поведении и относительно независимые от эмоциональных проявлений; 3) враждебный эпизод и эпизодические разногласия» [6, с. 75].

При осуществлении анализа полученных результатов изучения корреляционной связи стиля руководства, форм агрессии, способов регулирования конфликтов и доминирующей направленности личности, была обнаружена связь между «Попустительским стилем руководства» и «Раздражение». Это означает, что более высоким значениям одного показателя будут соответствовать более высокие значения другого показателя. Данная связь может указывать на то, что руководители при минимальной вовлеченности в процесс управления и отсутствия требовательности, могут испытывать повышенную склонность к вспыльчивости и раздражительности.

Также была выявлена умеренная корреляция между «Директивным стилем руководства» и «Чувством вины». Отмеченная связь может характеризоваться тем, что, используя директивный стиль руководства, как основной, руководители могут испытывать ощущение, что их действия несут нехороший оттенок из-за чрезмерного контроля, высокой требовательности и отсутствием возможности создания более тесных контактов с подчиненными, вследствие формального подхода к выполнению своих служебных обязанностей.

Помимо этого, была обнаружена тесная связь между стратегиями «Приспособление» и «Избегание». Следует предположить, что респонденты, стремящиеся уйти от конфликта, не стремятся к сотрудничеству и поиску решений, способствующих удовлетворить интересы оппонента и свои собственные. При этом, такие люди, не стараются отстаивать свои интересы, могут характеризоваться неуверенностью в себе, недостатком сил и времени на противоборство в конфликте, или стратегическим подходом для более детального анализа сложившейся ситуации.

Вместе с этим была выявлена средняя корреляционная связь между показателями «Чувство вины» и «Физическая агрессия». Респонденты, которые склонны применять физическую силу, зачастую могут испытывать ощущение, что они поступают бессовестно и являются плохими людьми.

Необходимо отметить, что в процессе корреляционного анализа, была обнаружена отрицательная связь между «Попустительским стилем руководства» и «Компромиссом». Это означает, что более высоким значениям показателя «Компромисс» будут соответствовать более низкие значения показателя «Попустительский стиль руководства» и наоборот. Попустительский стиль руководства описывается слабой включенностью руководителя в процесс управления, отстранением от ответственности, требовательности и контроля за деятельностью подчиненностью, тогда как стратегия поведения в конфликте компромисс,

напротив, обозначает готовность к диалогу и поиску взаимоприемлемых решений, характеризуется частичными уступками при сохранении своих интересов, что подразумевает включенность, направленность на анализ ситуации и наличие определенных коммуникативных качеств. Руководитель с попустительским стилем руководства скорее отстранится от решения проблемы, чем будет использовать компромисс. Руководитель, который склонен к компромиссу, с меньшей вероятностью будет применять попустительский стиль руководства.

Таким образом, были выявлены значимые связи влияния стиля руководства на определенны показатели, формы агрессии и способы регулирования межличностных конфликтов. Влияние стиля руководства на межличностные конфликты представляет собой многофакторный процесс, который требует от руководителя высокого профессионализма, определенных знаний и умений в управлении коллективом, а также личностной проработки своих знаний, умений и выборов стратегий. В контексте выбора различных форм работы с руководящем составом, рекомендовано проводить как лекции, практические занятия, так и комплексные тренинги с элементами дискуссии и включением деловых, ролевых игр. В связи с этим была разработана программа социально-психологического тренинга по развитию навыков эффективного руководства для улучшения и оптимизации процесса управления.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой адресных программ, направленных на улучшение процесса руководства, учитывающих различные обстоятельства управления группой и требований к руководителю, создание технологий психологического сопровождения профессионального становления, основанных на принципах системности, индивидуализации и развития личностных ресурсов, способствующих успешному руководству коллективом. Только комплексный подход, интегрирующий достижения различных научных школ и направлений, позволит создать эффективную систему подготовки эффективного руководителя подразделений системы органов внутренних дел.

Список литературы

1. Алтунина И. Р., Немов Р. С. Культурно-исторический подход к внутриличностным и межличностным конфликтам // Мир образования – образование в мире. 2021. № 2 (82). С. 7–22.

2. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008.

3. Дружинин В. Н. Психология : учебник для гуманитарных вузов / под общ. ред. В. Н. Дружинина. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009.

4. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009.

5. Филиппченкова С. И., Похилюк Ф. В. Стиль руководства как концепт организационной психологии: общая характеристика и типология // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2022. № 4 (31). С. 46–51.

6. Щербаков С. В. Фреймы и последовательности аргументации в межличностных конфликтах // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 8. С. 74–79.

Сукрут К. А.[1],
студент филологического факультета
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Яковлева Е. Г.[2],
студент филологического факультета
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Научный руководитель:
Сунгурова Н. Л.,
доцент кафедры
психологии и педагогики
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат психологических наук, доцент

СЕТЕВАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ПРОКРАСТИНАЦИИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

В условиях цифровизации общества сетевая активность становится неотъемлемой частью жизни студенческой молодежи. С одной стороны, интернет предоставляет безграничные возможности для обучения, общения и самореализации. С другой стороны, исследователи все чаще фиксируют негативные психологические последствия чрезмерной вовлеченности в цифровую среду. Среди наиболее острых проблем современного студенчества выделяют академическую прокрастинацию и субъективное переживание одиночества [1; 2].

Прокрастинация, определяемая как добровольное откладывание запланированных действий, характерна для более чем 70% студентов [1, с. 8]. Параллельно с этим парадоксальным образом растет уровень одиночества: имея доступ к бесконечному числу онлайн-контактов, молодые люди испытывают дефицит глубоких эмоциональных связей. Это позволяет говорить о феноменах «цифрового одиночества».

Теоретической основой работы выступают исследования зарубежных (П. Стил, Р. Баумайстер, Д. Тайс, Р. Вейс, И. Ялом) и отечественных авторов (Е. Н. Маковецкая, С. Е. Паньшина, Н. Л. Сунгурова, Д. А. Леонтьев), рассматривающих саморегуляцию, мотивационные аспекты поведения в сети. Цель данной работы – интеграция результатов двух эмпирических исследований для выявления общих закономерностей и специфики влияния сетевой активности на прокрастинацию и переживание одиночества у студентов.

---

[1] © Сукрут К. А., 2026.
[2] © Яковлева Е. Г., 2026.

Исследование проводилось на базе РУДН, МГУ и РГСУ. В первой части работы (изучение прокрастинации) приняли участие 31 юноша и 31 девушка. Во второй части (изучение одиночества) выборка составила 82 человека (30 юношей и 52 девушки) в возрасте от 18 до 35 лет. В ходе исследований использовались следующие методики: «Шкала общей прокрастинации». О. С. Виндекер и М. В. Останиной), «Общая шкала проблемного использования интернета» (адаптация А. А. Герасимовой и А. Б. Холмогоровой), дифференциальный опросник переживания одиночества (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин), методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий [3], диагностика киберкоммуникативной зависимости [4].

Статистическая обработка материалов была выполнена с применением U-критерия Манна Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Сравнение не показало статистически значимых различий между юношами и девушками по уровню общей прокрастинации ($U = 471$, $p = 0{,}899$). Средний показатель по выборке соответствует умеренной выраженности данного признака ($Me = 61$). Также не было выявлено различий по общему показателю проблемного использования интернета и по остальным его субшкалам. На основе этого вывода можно предположить, что склонность откладывать дела и включенность в цифровую среду являются общими характеристиками современных студентов независимо от пола. Анализ вовлеченности в ИКТ показал, что девушки чаще используют смартфоны ($U = 419$, $p = 0{,}042$), а также больше ориентированы на коммуникативную сторону сетевого взаимодействия, предпочитая онлайн-общение ($U = 555$, $p = 0{,}029$). Кроме того, установлено, что девушки чаще воспринимают уединение как ресурсное состояние («Позитивное одиночество»: $U = 523$, $p = 0{,}013$), что можно связывать с их большей склонностью к рефлексии.

Корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена выявил половые различия во взаимосвязях между прокрастинацией и параметрами сетевой активности. У юношей обнаружена значимая положительная корреляция между прокрастинацией и когнитивной поглощенностью интернетом ($r = 0{,}426$, $p \leqslant 0{,}05$). Это означает, что чем больше юноши склонны к «застреванию» в сети, тем выше уровень прокрастинации. Также прослеживается тенденция к связи с регуляцией настроения через интернет ($r = 0{,}318$), что указывает на использование цифровой среды как способа справиться с негативными эмоциями. У девушек наиболее выраженная связь наблюдалась между прокрастинацией и негативными последствиями использования интернета ($r = 0{,}298$, $p \leqslant 0{,}05$). Это может свидетельствовать о том, что девушки критичнее оценивают вред, наносимый учебе, однако это осознание не снижает уровень самой прокрастинации.

В контексте переживания одиночества было обнаружено следующее: у девушек шкала «Общее одиночество» отрицательно коррелирует со шкалой «Разнообразие сфер использования ИКТ» ($r = -0{,}515$; $p \leqslant 0{,}05$). Чем сильнее девушка чувствует себя одинокой, тем уже становится круг сфер, в которых она использует цифровые технологии. Возможно, переживание изоляции снижает общий интерес к деятельности. У юношей «Общее одиночество» положительно коррелирует с «Разнообразием сфер использования ИКТ» ($r = 0{,}246$; $p \leqslant 0{,}05$) и «Коммуникацией в соцсетях» ($r = 0{,}245$; $p \leqslant 0{,}05$). Это указывает на компенсаторный

характер использования цифровой среды для восполнения дефицита социальных контактов. Юноши пытаются «заменить» недостаток живого общения виртуальным, расширяя свое присутствие в сети.

Таким образом, электронная коммуникация выполняет двоякую роль. С одной стороны, она может частично восполнять дефицит живого общения, особенно у юношей, с другой – при проблемном использовании становится фактором, усиливающим чувство одиночества.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии как общих, так и специфических особенностей взаимосвязи сетевой активности с прокрастинацией и одиночеством у студентов. Уровень прокрастинации не различается по полу, что указывает на формирование единого цифрового профиля студенческой молодежи. Вместе с тем психологические механизмы этих связей различаются. Юноши чаще демонстрируют компенсаторное поведение в ответ на одиночество, тогда как девушки более склонны к рефлексии, критичнее оценивают последствия, но при этом оказываются более уязвимыми к снижению активности в условиях изоляции.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке программ психолого-педагогического сопровождения студентов. Профилактическую работу целесообразно ориентировать на развитие навыков саморегуляции и осознанного использования информационных технологий, что поможет снизить риски психоэмоциональной нестабильности.

Список литературы

1. Маковецкая Е. Н. Феномен академической прокрастинации в студенческой среде // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 4 (45). С. 7–14.

2. Сирота Н. А., Московченко Д. В., Ялтонский В. М. и др. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. 2018. № 3. С. 33–55.

3. Татарко А. Н., Макласова Е. В., Лепшокова З. Х. и др. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 1. С. 159–179.

4. Тончева А. В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Вестник евразийской науки. 2012. № 4 (13). URL: https://cyberpsy.ru/tests/diagnostika-kiberkommunikativnoj-zavisimosti/.

5. Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. 2007, vol. 133, no. 1, pp. 65–94.

6. Tice D. M., Baumeister R. F. Longitudinal Study of Procrastination, Performance, Stress, and Health: The Costs and Benefits of Dawdling // Psychological Science. 1997, vol. 8, pp. 454–458.

РАЗДЕЛ XXXVIII. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Калабина П. Е.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Антонова Э. А.,
старший преподаватель
кафедры юридической психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Проблема формирования профессиональной мотивации у курсантов образовательных учреждений системы МВД России в современных условиях приобретает не только педагогическое и психологическое, но и отчетливо выраженное государственно-правовое значение. Это связано с тем, что будущий сотрудник органов внутренних дел осваивает не просто профессию в обычном гражданском понимании, а вид служебной деятельности, предполагающий высокую правовую ответственность, применение властных полномочий, способность действовать в конфликтных и экстремальных ситуациях, а также устойчивость к моральному давлению, социальным рискам и профессиональным деформациям. Российское законодательство закрепляет понимание образования как единого процесса обучения и воспитания, включающего формирование ценностных

[1] © Калабина П. Е., 2026.

установок, а деятельность полиции связывает с принципами законности, уважения прав и свобод человека, беспристрастности, общественного доверия и сотрудничества с гражданами. В свою очередь, поступление на службу в органы внутренних дел предполагает не только соответствие квалификационным требованиям, но и наличие необходимых личных и деловых качеств, достаточной физической подготовки и состояния здоровья [1]. Следовательно, профессиональная мотивация курсанта не может быть сведена лишь к интересу к будущей работе, карьерным ожиданиям или материальным перспективам. Она должна иметь ценностное основание, обеспечивающее внутреннее принятие смысла службы, правовых ограничений и нравственных стандартов профессионального поведения.

Теоретическое осмысление данной проблемы целесообразно вести через категорию ценностей как устойчивых смыслообразующих оснований личности. В классической концепции М. Рокича ценность понимается как устойчивая убежденность в предпочтительности определенного способа поведения или конечного состояния существования по сравнению с противоположным, а сама система ценностей рассматривается как иерархически организованная структура убеждений, относительно желаемых целей и способов их достижения. Именно поэтому методика М. Рокича сохраняет высокую исследовательскую значимость при изучении профессионального становления курсантов: терминальные ценности отражают представления личности о значимых жизненных целях, тогда как инструментальные фиксируют предпочитаемые способы действия, общения и морального выбора. В специальной литературе профессиональная мотивация курсантов рассматривается как системное образование, связанное с развитием компетенций, познавательной активности и личностной направленности на профессию. Следовательно, ценностные ориентации образуют внутренний каркас профессиональной мотивации: они определяют, почему курсант принимает профессию, ради чего выдерживает ограничения служебно-учебного режима и каким образом соотносит личные интересы с требованиями долга.

Проблематика исследования заключается в том, что формально положительная мотивация к поступлению в ведомственное учебное заведение еще не гарантирует формирования зрелой профессиональной направленности. На этапе выбора профессии абитуриент и курсант младших курсов нередко ориентируются на престиж статуса, стабильность трудоустройства, социальные гарантии, материальную обеспеченность, желание доказать собственную состоятельность, романтизированное представление о службе и ожидание общественного признания. Однако реальная профессиональная среда органов внутренних дел предъявляет иные требования: эмоциональную выдержку, подчинение закону даже при личностном несогласии, способность к самоограничению, готовность действовать в интересах государства и общества, а не исходя из ситуативной выгоды. Между исходными мотивами поступления и содержанием будущей службы возникает внутреннее противоречие, которое и делает вопрос о ценностных ориентациях центральным. Если мотивация не проходит через стадию ценностной переработки, она остается внешней, ситуативной и легко разрушается под воздействием учебных перегрузок, дисциплинарных требований,

столкновения с реальными служебными рисками и рутинными сторонами профессии [3].

Особую остроту проблеме придает специфика самой ведомственной образовательной среды. Курсанты системы МВД России одновременно выступают субъектами обучения, воспитания и служебной социализации, а потому усвоение ценностей происходит у них в условиях жесткой регламентации времени, подчиненности, коллективной жизни, повышенного контроля и постоянной оценки со стороны командиров и преподавателей. Такая среда эффективно формирует дисциплину, исполнительность и нормативность поведения, но не всегда автоматически порождает внутреннее принятие профессионального смысла службы. В результате возможно расхождение между внешне правильным поведением и внутренней системой мотивов: курсант способен демонстрировать организованность и академическую успешность, однако при этом оставаться ориентированным преимущественно на личную выгоду, формальное достижение результата или избегание санкций. Именно здесь обнаруживается одна из ключевых педагогических проблем: как перевести внешне регулируемое поведение в режим внутренне принятой профессиональной позиции.

Не менее существенной является проблема так называемого мотивационно-ценностного разрыва середины обучения. На младших курсах обычно еще сохраняется ресурс новизны, интерес к новой социальной роли, стремление оправдать ожидания семьи, руководства и собственной самооценки. На старших курсах возрастает конкретизация профессиональных планов, появляется опыт практик, усиливается ощущение приближения реальной службы. Между этими этапами нередко располагается кризисный период, когда первоначальный романтизм уже утрачен, а устойчивая профессиональная идентичность еще не сформирована. В исследованиях курсантов вузов МВД России отмечено статистически значимое снижение познавательной мотивации, мотивации достижения и ряда других компонентов учебно-профессиональной направленности на промежуточных этапах обучения. Для системы МВД России это особенно опасно, поскольку именно в этот период курсант может перейти от осмысленного отношения к профессии к формальному выполнению требований, а ценностный «вакуум» начинает компенсироваться такими ориентирами как: престижем должности, материальным обеспечением, внешним статусом или стремлением «дотянуть до выпуска».

Отдельной проблемой выступает взаимосвязь ценностной сферы с рисками профессиональной деформации. Для будущего сотрудника полиции ценности – это не абстрактная мировоззренческая надстройка, а механизм регуляции решений в ситуации выбора. Когда в структуре личности слабо выражены такие инструментальные ценности, как честность, терпимость, чуткость, ответственность и способность к нравственно оправданному самоограничению, возрастает вероятность формализма, агрессивного реагирования, коммуникативной жесткости и утраты гуманистического содержания правоохранительной деятельности. Исследования показывают, что иерархическая структура ценностей курсантов связана с особенностями межличностных отношений и может выступать фактором, предупреждающим деструктивные проявления в курсантской среде

и в будущей профессиональной деятельности. Поэтому разговор о профессиональной мотивации без анализа ценностных оснований оказывается методологически неполным: мотивация отвечает на вопрос, что побуждает действовать, а ценности – почему именно этот способ действия признается внутренне допустимым и значимым.

В ходе работы проводилось тестирование курсантов 1-го, 3-го и 5-го курсов по тесту М. Рокича. Результаты позволяют увидеть достаточно выразительную динамику формирования ценностных приоритетов в процессе обучения и тем самым конкретизировать обсуждаемую проблематику.

По блоку инструментальных ценностей у курсантов 1-го курса наиболее выражены образованность и исполнительность, достигающие максимальных значений, а также жизнерадостность и чуткость. Уже этот профиль показывает двойственную направленность начального этапа профессионализации: с одной стороны, первокурсник ориентирован на учебный успех, освоение знаний и корректное выполнение предписаний, с другой – сохраняет установку на эмоциональную открытость и межличностную чувствительность. У курсантов 3-го курса заметно возрастают смелость в отстаивании собственного мнения, терпимость, высокие запросы, при сохранении достаточно высокой исполнительности и чуткости. Это свидетельствует о переходе от адаптационной модели поведения к более самостоятельному и внутренне напряженному самоутверждению. У курсантов 5-го курса максимальных значений достигают высокие запросы, смелость в отстаивании собственной позиции и терпимость; при этом снижаются показатели образованности, исполнительности и честности по сравнению с первокурсниками. Такая конфигурация не должна интерпретироваться примитивно как «ухудшение» личности; скорее она указывает на смещение акцента с учебно-нормативной и познавательной составляющей к субъектной, мировоззренчески оформленной и социально-коммуникативной позиции. Одновременно именно здесь выявляется важная проблема: к окончанию обучения внутренне укрепляются ценности самостоятельности и самоутверждения, но часть сугубо нормативных и учебно-дисциплинарных ориентиров оказывается менее выраженной, чем на старте.

С точки зрения формирования профессиональной мотивации эти результаты имеют принципиальное значение. Профиль 1-го курса можно определить как познавательно-нормативный: курсант принимает правила, учится соответствовать ожиданиям, связывает профессиональное продвижение с образованностью и добросовестностью. Профиль 3-го курса выглядит как переходный и отчасти кризисный: здесь уже выражено стремление к самоутверждению, но еще нет окончательно оформленной ценностной целостности, поэтому усиливаются высокие запросы, возрастает потребность в отстаивании собственной позиции, а сама система ценностей становится менее однородной. Профиль 5-го курса демонстрирует более зрелую ориентацию на субъектность и взаимодействие с людьми, что особенно заметно по росту терпимости и устойчивости ценности чуткости, однако вместе с тем поднимает вопрос о необходимости целенаправленно поддерживать значимость честности, исполнительности и образованности не как «учебных» качеств, а как элементов профессиональной культуры

сотрудника полиции. В противном случае самостоятельность может развиваться быстрее, чем внутренняя нормативность, а высокая субъектность – быстрее, чем профессионально-нравственная саморегуляция.

Не менее показателен блок терминальных ценностей. У курсантов 1-го курса лидируют интересная работа, познание и материально обеспеченная жизнь; высоки также развитие, активная деятельная жизнь и общественное признание. Такой набор целей вполне логичен для начального периода: будущий сотрудник стремится к содержательно привлекательной профессии, ориентирован на знания, ожидает профессионального и социального роста и одновременно связывает выбор службы с достаточно прагматичным представлением о стабильном жизненном устройстве. У курсантов 3-го курса наиболее заметными становятся материально обеспеченная жизнь, здоровье, интересная работа, продуктивная жизнь и уверенность в себе, при общем снижении интенсивности ряда терминальных ценностей по сравнению с 1-м и 5-м курсами. У курсантов 5-го курса максимально выражены здоровье, активная деятельная жизнь, материально обеспеченная жизнь, развитие, уверенность в себе и продуктивная жизнь, тогда как познание и интересная работа занимают менее доминирующее положение, чем на первом этапе. В результате вырисовывается вполне определенная динамика: от романтизированно-познавательного вхождения в профессию – через фазу ценностной перестройки – к более реалистичной установке на жизнеспособность, эффективность, устойчивость и деятельностную включенность.

Именно в терминальном блоке наиболее отчетливо проявляется центральная проблематика исследования. Для первокурсников профессия в значительной степени мыслится как пространство интереса, познания и достижения; для третьекурсников – как сфера испытания личной устойчивости, самооценки и жизненной стабильности; для выпускников – как форма активной и продуктивной жизни, требующая здоровья, самоконтроля, уверенности в себе и готовности нести долгосрочную служебную нагрузку. При этом ценность материально обеспеченной жизни остается стабильно высокой на всех этапах обучения, что не может оцениваться однозначно негативно, поскольку отражает социальную рациональность выбора профессии. Однако проблема начинается там, где прагматическая цель перестает быть сопутствующей и начинает подменять собой профессиональный смысл службы. Тогда профессиональная мотивация редуцируется до внешних выгод, а само служебное поведение становится зависимым от вознаграждения, статуса и карьерной перспективы. Напротив, соединение развития, продуктивной жизни, здоровья, терпимости, чуткости, честности и активной жизненной позиции создает основу для внутренне устойчивой профессиональной мотивации, в которой личностная самореализация не противостоит служению, а осуществляется через него.

Таким образом, проведенное тестирование позволяет сделать вывод о том, что формирование профессиональной мотивации у курсантов системы МВД России имеет ярко выраженную ценностно-динамическую природу. На младших курсах мотивация опирается преимущественно на интерес к профессии, учебные и статусные ожидания; в середине обучения в структуре мотивации усиливается

напряжение между внутренними и внешними ориентирами; к выпуску происходит перераспределение приоритетов в сторону жизненной устойчивости, активности, развития и социальной зрелости. Наиболее проблемным в этой динамике представляется именно промежуточный этап, поскольку он сопровождается относительным снижением ряда содержательно значимых терминальных ценностей и усилением прагматических акцентов. В педагогическом плане это означает, что работа по формированию профессиональной мотивации должна быть особенно интенсивной не только на этапе адаптации первокурсников, но и в период 3-го курса, когда внешнее соблюдение требований уже не обеспечивает автоматически внутреннее принятие профессионального смысла.

Для образовательного учреждения системы МВД России из этого вытекает несколько принципиальных следствий. Во-первых, воспитательная и учебная работа должна строиться не как параллельные процессы, а как единая система смыслового сопровождения профессионализации, что полностью согласуется с пониманием образования как единства обучения и воспитания. Во-вторых, профессиональная мотивация должна формироваться не только через дисциплину, регламент и контроль, но и через создание ситуаций нравственного выбора, обсуждение профессиональных дилемм, рефлексивное осмысление служебных ценностей, анализ конкретных случаев правоприменения, наставничество и включение курсантов в такие формы деятельности, где законность, уважение к личности, честность и терпимость выступают не декларацией, а практическим условием успешного действия. В-третьих, систему жизненных ценностей курсантов необходимо рассматривать как один из центральных педагогических ориентиров воспитательной работы, поскольку именно через нее становится возможным переход от внешней лояльности к внутренней профессиональной убежденности.

Ценностные ориентации выступают не фоном, а внутренним основанием профессиональной мотивации курсанта системы МВД России. Пока профессия воспринимается лишь как источник статуса, дохода или формальной самореализации, мотивация остается внешней и уязвимой; когда же она опирается на иерархию целей и способов поведения, включающую развитие, законность, честность, активную жизненную позицию, терпимость и готовность к служению, профессиональная мотивация приобретает устойчивый, личностно принятый и социально значимый характер.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745.

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

4. Буслаева Е. Л., Власова Н. В. Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения // Психология и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 2–13.

5. Цветков В. Л., Балашова В. А. Профессиональная мотивация курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 4 (83). С. 395–401.

Колесникова Е. А.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пашенцева К. Д.,
преподаватель кафедры
юридической психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ НА ОЦЕНКУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Проблема воздействия когнитивных искажений на процесс оценки доказательств в деятельности следователя выступает одним из ключевых исследовательских направлений современной юридической психологии. Истоки осмысления ограниченности человеческого мышления прослеживаются еще в философском наследии античности: Платон в аллегории «пещеры» подчеркивал ограниченность чувственного восприятия реальности, а Аристотель в труде «Аналитики» анализировал логические ошибки как препятствия на пути к достоверному знанию [1, с. 45]. В эпоху Нового времени Фрэнсис Бэкон в концепции «идолов разума» систематизировал типичные искажения мышления, фактически заложив фундамент для последующих исследований когнитивных феноменов [2, с. 112]. В XX в. эти идеи получили развитие в работах психологов Даниэля Канемана и Амоса Тверски, которые создали теорию перспектив и детально описали основные виды когнитивных искажений, влияющих на принятие решений [3, с. 205].

В следственной практике проявления когнитивных искажений приобретают особую остроту из-за специфики профессиональной деятельности: дефицита исходной информации, жестких временных рамок и высокой эмоциональной нагрузки. Важно подчеркнуть, что когнитивные искажения не стоит трактовать исключительно как дефекты мышления, они представляют собой следствие работы адаптивных психических механизмов, сформировавшихся в ходе эволюции. Для экономии когнитивных ресурсов мозг задействует упрощенные алгоритмы обработки информации (эвристики), что в повседневных ситуациях повышает скорость принятия решений. Однако в юридической сфере подобные механизмы способны провоцировать систематические ошибки при анализе доказательств и формировании выводов [4, с. 78].

[1] © Колесникова Е. А., 2026.

Причины возникновения когнитивных искажений у сотрудников правоохранительных органов носят комплексный характер и связаны как с физиологическим состоянием субъекта, так и с особенностями профессиональной среды. Переутомление выступает одним из ведущих факторов: длительная рабочая нагрузка и ненормированный график снижают избирательное внимание, ухудшают концентрацию и сокращают объем оперативной памяти. В результате следователь может не заметить значимые детали на месте происшествия, упустить логические связи между уликами или исказить показания свидетелей, причем такие ошибки часто происходят неосознанно, на уровне автоматизированных когнитивных процессов. Стресс и эмоциональное напряжение также играют существенную роль: хроническая стрессовая нагрузка активирует симпатоадреналовую систему, перенаправляя ресурсы организма на обеспечение быстрой реакции «борьба или бегство» в ущерб сложным аналитическим операциям.

Это приводит к когнитивным искажениям: снижению гибкости мышления, формированию склонности к стереотипному мышлению, притуплению навыков критической оценки информации. Наибольшую угрозу это создает в обстоятельствах, которые требуют взвешенных решений: под действием стресса специалист склонен преувеличивать значимость одних улик, упуская другие. К числу значимых факторов также относится профессиональная деформация, возникающая в ходе многолетней практики в силу укоренения устойчивых стереотипов восприятия и алгоритмизацией профессионального поведения. Таким образом, переутомление, стресс и профессиональная деформация образуют взаимосвязанную систему факторов, усиливающих вероятность искаженного восприятия реальности и снижающих качество правоприменительной практики.

Среди наиболее распространенных когнитивных искажений в следственной деятельности можно выделить следующие: подтверждающее искажение (стремление интерпретировать информацию так, чтобы подтвердить уже сформированную гипотезу), эффект якоря (чрезмерная опора на первоначальные данные при принятии решений), эвристика доступности (переоценка вероятности событий, легко вспоминаемых из памяти), иллюзия контроля (завышенная оценка собственной способности влиять на случайные события) и ретроспективное искажение (убежденность в том, что исход события был предсказуем после того, как он стал известен) [6, с. 92].

Вопрос возможности контроля когнитивных искажений остается дискуссионным. С одной стороны, исследования показывают, что осознание механизмов искажений и специальное обучение могут снизить их влияние на 20–30 % [7, с. 156]. С другой стороны, глубоко укоренившиеся ментальные шаблоны и автоматизмы мышления сложно поддаются коррекции, особенно в стрессовых условиях следственной работы.

В целях изучения проявления когнитивных искажений у следователей в зависимости от стажа службы было проведено исследование, в которое вошли 205 сотрудников. Анализ данных позволил выявить следующие особенности: начинающие специалисты (стаж службы до 3 лет) чаще сталкиваются с базовыми искажениями вследствие дефицита опыта, при этом демонстрируя большую готовность к рефлексии и применению структурированных методов работы (при

$p \leqslant 0{,}05$). Следователи со средним стажем (от 3–10 лет службы), демонстрируют наиболее продуктивную стратегию: сочетание аналитических компетенций с критической рефлексией. При этом, опытные следователи (от 10 лет и более) несмотря на сильную интуицию и профессиональный опыт сильнее подвержены когнитивным искажениям, которые связаны с автоматизмом профессиональных действий и профессиональной деформацией. Комплексный подход позволит снизить когнитивные риски и повысить объективность оценки доказательств в юридической практике.

Иллюстрацией влияния когнитивных искажений служит статистика оправдательных приговоров в Российской Федерации. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2025 г. доля оправдательных приговоров составила лишь 0,36 % от общего числа рассмотренных уголовных дел [8, с. 5]. Такой низкий показатель может указывать на системное подтверждающее искажение на всех этапах уголовного процесса, от предварительного следствия до судебного разбирательства. Следователи и прокуроры, изначально убежденные в виновности подозреваемого, могут недооценивать или игнорировать доказательства его невиновности, что формирует обвинительный уклон в правосудии. Еще один пример связан с действием эвристики доступности: в период роста числа квартирных краж следователи могут автоматически квалифицировать каждое проникновение в жилище как кражу, игнорируя иные версии (например, незаконное проникновение без цели хищения). Это ведет к неправильной квалификации действий и, как следствие, к судебным ошибкам.

Проблематика когнитивных искажений в следственной деятельности затрагивает несколько аспектов. Методологический аспект связан с отсутствием единых методик выявления и коррекции искажений в работе следователя. Организационный аспект проявляется в нехватке программ повышения квалификации, направленных на развитие критического мышления у сотрудников правоохранительных органов. Психологический аспект обусловлен сопротивлением изменениям со стороны опытных следователей, уверенных в эффективности традиционных методов работы. Нормативный аспект заключается в отсутствии в уголовно-процессуальном законодательстве механизмов, минимизирующих влияние субъективных факторов на оценку доказательств [9, с. 210].

Для снижения влияния когнитивных искажений целесообразно реализовать ряд мер: внедрить психологические тренинги, направленные на профилактику искажений в профессиональной деятельности; использовать структурированные протоколы оценки доказательств для минимизации субъективности; ввести практику «второго мнения», обязательное рецензирование сложных дел коллегами; применять цифровые инструменты анализа доказательств, снижающие влияние личных предубеждений; на этапе профессиональной подготовки обучать будущих следователей навыкам критического мышления и методам верификации следственных версий; организовать регулярную психологическую диагностику профессионального выгорания и когнитивных ресурсов сотрудников [10, с. 88].

При этом важно понимать, что полное устранение когнитивных искажений невозможно, поскольку они являются неотъемлемой частью человеческого

мышления. Цель состоит не в их полном искоренении, а в минимизации негативного влияния на принятие юридически значимых решений. Когнитивные искажения не ошибки, а естественные механизмы функционирования мышления, которые в условиях следственной деятельности могут приводить к серьезным просчетам в оценке доказательств. Их связь с профессиональной деформацией требует комплексного подхода к коррекции. Внедрение психологических и методологических инструментов способно существенно повысить объективность следственных решений и снизить количество судебных ошибок. Осознание природы когнитивных искажений и их роли в юридической практике выступает первым шагом к совершенствованию системы уголовного правосудия.

Список литературы

1. Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Издательство СПбГУ ; Издательство Олега Абышко, 2007.
2. Бэкон Ф. Новый Органон. М. : Соцэкгиз, 1938.
3. Канеман Д., Тверски А. Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения. Харьков : Гуманитарный центр, 2005.
4. Нуркова В. В. Общая психология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023.
5. Мариновская И. Д., Тихомирова С. В. Юридическая психология : учебное пособие. М. : Дело, 2019.
6. Столяренко А. М. Психологические приемы в работе юриста : практическое пособие. М. : Юрайт, 2022.
7. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для вузов. М. : Аспект-пресс, 2021.
8. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2025 г. М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2026.
9. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М. : Юристъ, 2018.
10. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М. : Норма, 2020.

Артемова К. М.[1],
курсант Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хрусталева Т. А.,
доцент кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Современная профессиональная деятельность следователей отличается выраженной спецификой, обусловленной как технологическими изменениями, так и возрастанием требований к эффективности правоохранительной деятельности. Активное внедрение цифровых технологий в систему расследования преступлений, расширение электронного документооборота, использование информационно-аналитических баз данных, а также необходимость взаимодействия в онлайн-среде формируют новые условия профессиональной практики. Дополнительную нагрузку создают высокая степень ответственности за принимаемые процессуальные решения, жесткие временные рамки расследования, значительный объем информации и необходимость постоянного обновления профессиональных знаний и навыков.

Интенсивность служебной деятельности, высокая ответственность за результаты расследования, регулярное столкновение со стрессогенными ситуациями и эмоционально сложным содержанием уголовных дел могут приводить к состояниям перенапряжения. При этом такие личностные особенности, как выраженное чувство долга, профессиональный перфекционизм, высокая вовлеченность в служебную деятельность и ориентация на безошибочность принимаемых решений, зачастую затрудняют своевременное осознание собственных психоэмоциональных изменений и ограничивают внимание к внутреннему психологическому состоянию.

Исследования показывают, что профессиональное выгорание следователей представляет собой «полидетерминированный синдром, формирующийся под влиянием комплекса профессиональных, организационных и личностных факторов. Данный феномен характеризуется многоуровневой симптоматикой, затрагивающей различные механизмы психической регуляции личности» [3, с. 42].

---

[1] © Артемова К. М., 2026.

В отличие от представителей ряда других профессиональных групп, у следователей отмечается определенная специфика проявлений выгорания. Так, по мнению И. В. Забары, «подверженность данному синдрому может наблюдаться у специалистов с различным отношением к профессиональной деятельности – как у высоко мотивированных сотрудников, так и у тех, чья профессиональная идентификация выражена в меньшей степени» [4, с. 35]. Одной из характерных особенностей развития выгорания в данной профессиональной группе становится усиление негативной оценки собственной профессиональной эффективности, сомнений в результативности служебной деятельности и сниженная субъективная удовлетворенность достигнутыми результатами.

Феномен профессионального выгорания сотрудников органов внутренних дел, в частности следователей, в последние годы становится объектом пристального внимания, как научного сообщества, так и практикующих психологов. Исследователи подчеркивают, что данное явление отличается выраженной спецификой, многофакторной обусловленностью и сложной внутренней структурой.

Следует отметить, что в большинстве работ основное внимание уделяется тем специалистам, у которых уже наблюдаются формирующиеся либо достаточно устойчивые проявления выгорания. При этом анализ, как правило, сосредоточен преимущественно на профессионально-средовых факторах, способствующих развитию данного состояния.

В рамках настоящего подхода акцент переносится на иной аспект проблемы. Мы исходим из предположения о том, что существенную роль в возникновении и развитии профессионального выгорания играют внутриличностные предикторы, связанные с особенностями индивидуально-психологической организации личности. В связи с этим особую значимость приобретает своевременное выявление подобных факторов и принятие превентивных мер, направленных на предупреждение формирования устойчивого симптомокомплекса профессионального выгорания.

Исследование связи внутриличностных детерминант, прежде всего эмоционального интеллекта, с феноменом профессионального выгорания представляется значимым направлением научного анализа. Подобный подход позволяет глубже понять психологические механизмы, лежащие в основе формирования выгорания, а также создает предпосылки для разработки и внедрения результативных программ психологического сопровождения и профилактики данного состояния у следователей.

В современных условиях профессиональное выгорание все чаще рассматривается не только как следствие длительной служебной деятельности, но и как состояние, способное формироваться уже на относительно ранних этапах профессионального пути, в том числе у специалистов с небольшим стажем работы, что подтверждается результатами ряда исследований.

Развитие синдрома профессионального выгорания оказывает выраженное деструктивное влияние на мотивационно-смысловую сферу личности следователя, снижая уровень профессиональной вовлеченности, удовлетворенности служебной деятельностью и устойчивость к профессиональному стрессу. Эмоциональный интеллект рассматривается в современной психологии как «важная субъ-

ектная детерминанта профессиональной деятельности, связанная со способностью личности осознавать, интерпретировать и регулировать как собственные эмоциональные состояния, так и эмоциональные проявления окружающих. Данный комплекс способностей оказывает существенное влияние на процессы саморегуляции, уровень личностной самоактуализации, развитие коммуникативных и лидерских качеств, а также на характер профессионального взаимодействия в коллективе» [1].

В контексте профессиональной деятельности следователей значение эмоционального интеллекта приобретает особую актуальность. Работа в системе предварительного расследования предполагает постоянное взаимодействие с различными категориями граждан, участие в напряженных процессуальных ситуациях и необходимость принятия ответственных решений в условиях повышенного психологического напряжения.

С целью выявления характера взаимосвязи между интрапсихическими компонентами эмоционального интеллекта личности и выраженностью симптомов профессионального выгорания было проведено исследование, в котором приняли участие 84 респондента, осуществляющих профессиональную деятельность в должности следователя.

В качестве ключевого объекта анализа были рассмотрены различные компоненты эмоционального интеллекта, которые могут выступать значимым метакогнитивным ресурсом, обеспечивающим эффективность и качество профессиональной деятельности следователей. Для оценки степени выраженности профессионального выгорания использовался диагностический инструмент – опросник, разработанный К. Маслач и С. Джексон, представленный в адаптированном варианте Н. Е. Водопьяновой. Диагностика уровня сформированности эмоционального интеллекта у следователей осуществлялась с использованием методики «Тест эмоционального интеллекта» Д. В. Люсина (опросник «ЭмИн»). Такой исследовательский фокус позволил рассматривать эмоциональный интеллект как потенциальный личностный ресурс, способный оказывать влияние на интенсивность и специфику проявлений выгорания в профессиональной деятельности.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные показали, что у заметной части обследованных участников обнаруживаются признаки профессионального выгорания. Одновременно с этим у респондентов фиксировались преимущественно средние и низкие показатели по ряду компонентов эмоционального интеллекта.

Полная сформированность синдрома выгорания по всем трем показателям выявлена у 27,45 % испытуемых, частичная сформированность обнаружена у 69,61 % испытуемых (сформировано два из трех симптомов у 26,47 %, не более двух симптомов из трех выявлено у 43,14 %), отсутствие симптомов выгорания выявлено у 2,94 % испытуемых. Исследование показателей эмоционального интеллекта (с помощью опросника Д. В. Люсина) выявило низкие значения по показателю межличностного эмоционального интеллекта у 48 % обследуемых, средние значения – у 36 %, высокие значения – у 16 % респондентов. По показателю внутриличностного эмоционального интеллекта низкие значения выявлены у 32 %, средние – у 54 %, высокие – у 14 % испытуемых. Понимание эмо-

ций на низком уровне выявлено у 30 % респондентов, на среднем уровне – у 48 %, на высоком уровне – у 22 %. Управление эмоциями на низком уровне – у 44 %, на среднем уровне – у 42 %, на высоком уровне – у 14 %.

Статистический анализ результатов позволил выявить как высокоранговые, так и низкоранговые корреляционные связи ($p < 0,001$; $p < 0,05$). При этом были обнаружены как отрицательные, так и положительные корреляции между отдельными аспектами эмоционального интеллекта и показателями профессионального выгорания, включая интегральный индекс выраженности выгорания, а также параметры, характеризующие три основные фазы данного состояния, формирующегося как реакция личности на длительное воздействие профессионального стресса.

В результате проведенного исследования обнаружена тенденция: чем выше уровень межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта, а также управления эмоциями, тем ниже уровень эмоционального истощения, циничного отношения и отстраненности в профессиональной деятельности, в целом снижается симптоматика выгорания и респонденты не склонны обесценивать свои профессиональные достижения. И наоборот, чем ниже уровень межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта, управления эмоциями, тем с более высокой вероятностью наступает эмоциональное истощение, ярче проявляется безучастность к работе, повышается системный показатель выгорания, а собственные профессиональные достижения будут обесценены.

Таким образом, развитое понимание своих эмоций, согласно анализу результатов текущего исследования, приводит к снижению эмоционального истощения и личной отчужденности.

Результаты и обобщения, полученные в процессе анализа эмпирического материала, планируется использовать в качестве теоретико-практической основы для формирования рекомендаций, направленных на организацию психологического сопровождения. Предполагается, что данные рекомендации будут способствовать разработке и внедрению профилактических мер, ориентированных на предупреждение.

Список литературы

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям : сборник научных статей. М. : Институт психологии РАН, 2009. С. 31–39.

2. Бочкарева Е. Н. Взаимосвязь профессионального выгорания и эмоционального интеллекта сотрудников контактного центра // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 3. С. 576–587.

3. Водопьянова Н. Е. Выгорание – психологическая цена работы в субъект-регрессирующих цифровых средах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9, № 2. С. 36–64.

4. Забара И. В. Обусловленность личностных особенностей спецификой нарциссического радикала // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/71PSMN424.pdf.

5. Пискунова Е. В. Эмоциональный интеллект в профессиональной деятельности следователя // Правосудие. 2024. Т. 6, № 1. С. 136–164.

РАЗДЕЛ XXXIX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Понтелеева М. А.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Мельник С. В.,
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

«ТЕМНЫЕ ПАТТЕРНЫ» КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ И МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В системе гражданско-правового регулирования воля субъекта, свободно сформированная и надлежащим образом выраженная вовне, традиционно признается основанием возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. Процесс развития цифровой среды обусловливает возникновение новых инструментов, оказывающих непосредственное влияние на механизм формирования и выражения воли при заключении сделок. Тенденция внедрения в пользовательский интерфейс архитектурных решений, предопределяющих поведение субъекта, породила переход от классической модели, основанной на единстве волеобразования и волеизъявления, к модели манипулятивного воздействия на слабую сторону договора, предусматривающей введение лица в заблуждение относительно существенных условий сделки.

Деформация воли находит свое выражение в феномене так называемых темных паттернов или темных шаблонов (dark patterns), представляющих собой использование лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность в цифровой сфере, приемов построения пользовательских интерфейсов, побуж-

[1] © Понтелеева М. А., 2026.

дающих лицо к совершению действий, не соответствующих его изначальным намерениям. В отличие от классических составов порока воли, а именно заблуждения, обмана или юридической конструкции кабальной сделки, потребитель полагает, что действует самостоятельно, формально выражая свое согласие с предоставленными условиями, однако в действительности он лишен возможности осознанного выбора, поскольку наиболее существенная информация скрыта от него контрагентом.

Диспозитивность норм договорного регулирования, имеющая свое выражение в принципе свободы договора, гармонично дополняется императивными требованиями к действительности сделки в части соответствия волеобразования волеизъявлению. Однако «темные шаблоны» функционируют в зоне правовой неопределенности, образуя «серую зону» цифрового манипулирования. Классические составы пороков воли подразумевают активные действия контрагента, направленных на искажение волеобразования потребителя, однако, в случае с «темными шаблонами», манипулятивное воздействие носит латентный характер.

При использовании «темных паттернов» возможность оказания влияния на условия сделки нивелируется за счет информационной асимметрии и оказываемого психологического давления на личностные качества пользователя, что закрепляет статус слабой стороны за потребителем. В контексте договорных правоотношений добросовестное поведение сторон, выступающее ограничителем принципа автономии воли, предполагает недопустимость использования преимуществ в целях получения необоснованной выгоды за счет другой стороны (ст. 10 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) [1], что, в свою очередь, трактуется как злоупотребление правом. Конструкция интерфейса, которая создает препятствия для получения доступа к существенной информации о заключаемой сделке, нарушает право потребителя на получение полной и достоверной информации о товаре или услуге (ст. 10 Закона о защите прав потребителей (далее – ЗоЗПП) [2]. Заключение договора под влиянием манипулятивных инструментов влечет за собой ничтожность соответствующей части сделки либо же предоставляет право потребителю одностороннего отказа от его исполнения.

Многообразие форм «темных шаблонов», введенных в 2010 г. британским дизайнером Гарри Бринуллом, вызывает необходимость их дальнейшей систематизации для целей гражданско-правовой квалификации [3]. Прежде всего, это использование владельцами онлайн-платформ приема «подтверждения стыдом», суть которого заключается в формировании отказа пользователя от предоставляемой услуги посредством вызова чувства вины. Отказ от навязываемой подписки коррелирует с психологическим давлением, что побуждает потребителя совершить действия, которые противоречат его воле, во избежание когнитивного диссонанса.

«Подмена» одной услуги другой вследствие особенностей пользовательского интерфейса формирует латентный характер другой группы «темных паттернов», следуя которым лицо совершает не то действие, которое намеревалось совершить изначально, например, путем размещения «замаскированной рекламы» под видом стандартных элементов веб-сайта, что порождает ошибочное восприятие их правовой природы.

Иную группу манипулятивных инструментов составляют «паттерны», которые ограничивают информированность потребителя о существенных условиях договора, а также о дополнительных навязываемых услугах вплоть до финальной стадии завершения сделки. Подобный прием способствует созданию эффекта невозвратных затрат (эффект Конкорда), вынуждая потребителя согласиться со всеми без исключения условиями, чтобы избежать потери затраченных ресурсов [4]. Многоступенчатая процедура отказа от услуги, запутанная навигация, обращение в службу поддержки – все это значительно затрудняет реализацию прав одностороннего отказа исполнения договора.

Автоматическое согласие с выгодными для контрагента условиями (согласие на получение рекламных рассылок, обработку персональных данных, подключение дополнительных услуг) образует группу «темных шаблонов», именуемых как «предварительный выбор за пользователя». Отменить выбранные по умолчанию опции можно путем совершения активных действий, однако чаще всего в данном случае у потребителя формируется желание сохранить текущее обстоятельство дел, даже если потенциальные изменения могут существенно улучшить положение слабой стороны договора (эффект статус-кво) [5].

Юридическим основанием признания сделки недействительной является отсутствие тождества между действительными намерениями лица и формой их внешнего проявления. Как отмечает Е. А. Суханов, недействительность сделки означает, что сделка как акт частной автономии не состоялась, следовательно, сделка, совершенная под воздействием манипулятивных приемов, должна квалифицироваться как совершенная с пороком воли [6, с. 393].

Формально все необходимые элементы для признания сделки действительной присутствуют: соблюдение требуемой формы, наличествует правовая цель (causa), однако качественная характеристика волеизъявления претерпевает существенное воздействие. Пользователь действует в рамках отсутствия реальной возможности критически оценивать предлагаемые условия, что способствует возникновению сомнений относительно самого факта наличия надлежащим образом сформированной и выраженной воли.

Цифровые платформы используют «темные шаблоны» не как исключение из правил, а как стандартный вид взаимодействия между слабой стороной и контрагентом, при этом потребитель фактически лишается права на соблюдение принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Сопоставляя порок воли, детерминированный манипулятивной средой, и заблуждение лица относительно существенных условий сделки, можно говорить о том, что действие «темных паттернов» направлено не на сам предмет сделки, а на правовые последствия. Например, потребитель при отмене подписки может заблуждаться касаемо того, что его действия приведут к желаемому результату, а в действительности он под воздействием манипулятивного интерфейса продлевает ее еще на конкретный период времени. Заблуждение в данном случае возникает относительно процесса заключения сделки.

Порок воли, вызванный действиями лица, находящегося под влиянием обмана, в контексте манипулятивных приемов находит свое выражение в воздействии на слабую сторону через визуальные элементы интерфейса (форму, способ ор-

ганизации пространства, цвет) путем использования особенностей восприятия. Сравнение «темных шаблонов» с юридической конструкцией кабальной сделки считается недопустимым, так как последние предполагают совершение их на крайне невыгодных условиях, которые формируются извне, а в рамках цифрового взаимодействия бременем, которое ложится на потребителя, становятся архитектурные решения интерфейса. Пользователь находится в безвыходной ситуации перед выдвигаемыми условиями контрагентом.

Отсутствие системного подхода и законодательного закрепления понятия «темные шаблоны» предоставляет недобросовестным участникам рынка быть безнаказанными, используя манипулятивные приемы, соответствующие формальным предписаниям, видоизменяя интерфейсы таким образом, чтобы убеждение контрагента не перерастало в принуждение заключить сделку на невыгодных для потребителя условиях. В российской правовой системе ключевым вектором изменений становится признание заведомо неравного положения сторон в момент заключения договора. Потребитель заведомо лишен возможности полно и достоверно оценить условия сделки, которые предоставляет контрагент в цифровой среде. Отдельного законодательного регулирования требует закрепление исчерпывающего перечня недопустимых интерфейсных решений для соблюдения всеми участниками правоотношений добросовестного поведения. С 1 марта текущего года были внесены изменения в ст. 16.1 ЗоЗПП, которые коснулись правил функционирования онлайн-подписок. Был введен запрет, устанавливающий недопустимость автоматического списания денежных средств со счетов потребителя в случае удаления им платежных данных из личного кабинета цифровой платформы, которая, в свою очередь, обязана предоставить доступный для пользователя механизм отказа от пользования платными услугами сервера [7]. Впервые полный запрет «темных шаблонов» будет регламентирован с 1 октября 2026 г. Федеральным законом о платформенной экономике. Его принятие транслирует переход от фрагментарного регулирования отдельных случаев недобросовестного поведения к системному и повсеместному запрету манипулятивного воздействия. Подобная новелла введет императивные ограничения в части использования вводящих в заблуждение архитектурных решений владельцами онлайн-платформ, навязывания дополнительных услуг без явного согласия потребителя [8].

Цифровое пространство не может оставаться в «серой зоне», свободной от обязанности его участников действовать добросовестно. Правовое регулирование должно иметь цель пресечения манипулятивных практик, будучи на стадии создания подобного дизайна, выступая превентивной мерой для возможного возникновения порока воли. Внедрение механизма государственного аудита цифровых платформ позволит выявлять на этапах создания и функционирования интерфейсов элементов, вводящих в заблуждение, что обеспечит реальную защиту воли слабой стороны договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 9. Ст. 1252.

2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

3. Темные паттерны: как уловки в дизайне могут обманывать пользователей // URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/60feaaeb9a79473e32ca7b12.

4. Небогатова Н. Что такое эффект Конкорда и как из-за него можно потерять время и деньги // Лайфхакер. URL: https://lifehacker.ru/effekt-konkorda/.

5. Эффект статус-кво в психологии: почему не хочется ничего менять? // Психология. Кочерыжкин : канал в «Дзене». URL: https://dzen.ru/a/ZJgMQnUB7WSQ3EkO.

6. Гражданское право : в 4 т. Т. 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.

7. С 1 марта 2026 года вводится запрет на автоматические списания денежных средств за онлайн-подписки с банковской карты, от использования которой для таких списаний пользователь отказался // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/91121.html.

8. С 1 октября 2026 года начнут действовать Закон о платформенной экономике и сопутствующие изменения // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519660/5606bd0e3bad946078ddc36832defc5b2b8fb960/ (дата обращения: 10.03.2026).

Калугина А. Е.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
доцент кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ ПОТРЕБИТЕЛЯ: ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Институт защиты прав потребителей в Российской Федерации базируется на принципе защиты гражданина как «экономически слабой стороны» в правоотношениях с профессиональными участниками рынка. Законодательство, в частности Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП), наделяет покупателя широким спектром преимуществ: от освобождения уплаты государственной пошлины до права на взыскание штрафных санкций и неустоек.

Однако исторически сложившийся уклон законодательства в сторону защиты потребителя породил оборотную сторону в виде формирования устойчивой практики злоупотребления предоставленными правами. В последние годы в юридической теории и практике все более остро поднимается проблема «потребительского экстремизма». Данное явление представляет собой форму злоупотребления правом, при которой механизмы защиты, предназначенные для восстановления нарушенных прав, используются гражданином как инструмент для неосновательного обогащения и причинения вреда предпринимательской деятельности [1, с. 347]. Отличительной чертой потребительского экстремизма от обычного злоупотребления правом выступает его системный, нередко «профессиональный» характер, что превращает его из единичного деликта в социально-правовую проблему, требующую специального доктринального осмысления и правоприменительного реагирования.

По данным Роспотребнадзора, за 2024 г. было рассмотрено 8 542 иска о защите прав потребителей, что составило 77,8 % от общего количества поданных исков, при этом доля решений в пользу потребителей составляет более 97 % [2, с. 255]. Столь высокий процент удовлетворения требований объясняется не только реальными нарушениями со стороны продавцов, но и конструкцией самого ЗоЗПП: бремя доказывания качества товара, соблюдения сроков и порядка информиро-

[1] © Калугина А. Е., 2026.

вания по умолчанию лежит на предпринимателе. Иными словами, структура закона в определенной мере создает благоприятную среду для злоупотреблений.

В российской доктрине злоупотребление правом трактуется как осуществление прав и законных интересов с явно не предусмотренными законом целями, с нарушением требований принципа добросовестности и баланса интересов сторон, что ведет к несоразмерным последствиям.

Согласно положениям гражданского законодательства, закрепленным в п. 3 ст. 1 ГК РФ, субъекты правоотношений должны действовать добросовестно на всех этапах реализации своих прав и обязанностей. В дополнение к этому положения п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 10 ГК РФ устанавливают запрет на извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения и пресекают любые попытки злоупотребления правом – действия с целью причинения вреда контрагенту или недобросовестное осуществление гражданских прав. Анализ данных норм позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении споров суд обязан оценивать действия потребителя в соответствии с требованиями принципа добросовестности.

В силу презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений бремя доказывания злоупотребления правом со стороны потребителя ложится на продавца-ответчика. Это существенно усложняет процессуальное положение предпринимателя и требует тщательной подготовки доказательной базы.

Объективная сторона злоупотребления правами потребителя включает в себя следующие элементы: формальное соответствие действий потребителя требованиям законодательства; наличие негативных последствий для продавца; отсутствие реальной потребности в защите нарушенных прав; использование правовых механизмов исключительно для получения имущественной выгоды [3, с. 108].

Субъективная сторона характеризуется умыслом потребителя на получение необоснованной выгоды. Доказывание субъективной стороны представляет наибольшую сложность, поскольку требует установления внутренних мотивов и намерений потребителя [3, с. 108]. В связи с этим на практике суды вынуждены опираться на совокупность косвенных доказательств, позволяющих в их взаимосвязи составить достаточно убедительную картину умысла.

К числу таких косвенных признаков следует отнести: систематическое предъявление однотипных требований к различным продавцам; чрезмерную юридическую грамотность потребителя, несоответствующую его социальному статусу; искусственное затягивание досудебного урегулирования с целью наращивания неустойки; обращение к профессиональным «потребительским юристам» на условиях оплаты из взысканных штрафов.

Переходя к конкретным проявлениям злоупотребления и способам их доказывания, следует прежде всего обратиться к устоявшимся правовым позициям высших судебных инстанций, задающим вектор правоприменения.

Так, согласно определению Третьего кассационного суда общей юрисдикции Российской Федерации от 8 июня 2020 г. по делу № 8Г-9382/2020, отказ потребителя передать товар на экспертизу может рассматриваться как косвенный

признак злоупотребления правом, поскольку подрывает возможность проверки реального качества товарах [4]. На основании данного положения можно сделать вывод, что отказ от экспертизы, в совокупности с иными обстоятельствами, свидетельствует об отсутствии у потребителя подлинного интереса в установлении истины, а значит о недобросовестности его поведения.

В соответствии с определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2023 г. № 18-КГ23-81-К4, намеренное направление претензии на адрес, не являющийся юридическим адресом магазина, не обеспечивающее ее получения, повлекшее искусственное увеличение неустойки, может быть признано недобросовестным поведением [5]. Так, Верховный Суд Российской Федерации определил, что формальное соблюдения претензионного порядка не является достаточным средством решения спора, необходимо наличие реальной направленности на его досудебное урегулирование.

Кроме того, судебная практика показывает, что доказательством злоупотребления может служить систематичность обращений потребителя с аналогичными требованиями к различным продавцам, что свидетельствует о профессиональном характере деятельности. В ряде дел суды фиксируют, что один и тот же гражданин подавал десятки идентичных исков с интервалом в несколько недель, что объективно несовместимо с естественной потребительской активностью.

Немаловажным элементом доказывания служит также анализ поведения потребителя на стадии, предшествующей судебному разбирательству. Так, факт отказа от предложенного продавцом досудебного урегулирования спора, явное нежелание принять замену или ремонт, а равно выдвижение изначально заведомо завышенных требований – все это в совокупности может формировать доказательственную базу злоупотребления.

В условиях ускоренной цифровизации и перехода торговли в онлайн-сферу особую актуальность приобретает злоупотребление правом на маркетплейсах, особенно в праздничные периоды. Глава совета по электронной коммерции ТПП РФ Алексей Федоров отмечает, что массовые возвраты после праздников – заметная проблема для категорий с импульсным спросом, таких как одежда, техника, товары для дома. Количество возвратов в данный период (Новый год, 8 Марта, майские праздники) увеличивается на 15–20 % по сравнению с обычными периодами, при этом значительная часть возвращаемых товаров имеет следы использования [6].

На основании анализа судебной и правоприменительной практики можно выделить основные схемы злоупотреблений правом на маркетплейсах:

1) приобретение товара для краткосрочного использования в рамках конкретного события (свадебные церемонии, выпускные вечера, корпоративные мероприятия) с последующим возвратом;

2) заказ нескольких размеров либо альтернативных моделей одного товара с намерением возврата всех позиций, кроме одной;

3) подмена оригинального товара контрафактной или аналогичной продукцией при оформлении возврата;

4) намеренное повреждение товара с целью последующего требования компенсации или возврата полной стоимости;

5) использование института отказа от товара надлежащего качества, предусмотренного ст. 26.1 ЗоЗПП, в качестве механизма «бесплатной аренды» [7, с. 183].

Массовый характер возвратов влечет за собой существенное увеличение издержек для продавцов, связанных с обратной логистикой, проведением входного контроля качества, утилизацией либо уценкой товаров, утративших товарный вид. Указанные издержки в наибольшей степени затрагивают сегменты одежды, обуви и аксессуаров, где доля возвратов традиционно высока.

Согласно экспертным оценкам, совокупные убытки продавцов, осуществляющих продажу своих товаров на маркетплейсах, от недобросовестных возвратов фиксируются в пределах 3–7 % от общего оборота. В денежном выражении указанные потери достигают десятков миллиардов рублей ежегодно, что негативно влияет на деятельность малого и среднего предпринимательства в сфере онлайн-торговли [8].

Для защиты своих интересов маркетплейсами внедряются меры контроля, направленные на минимизацию злоупотреблений:

1) требование фото- и видеофиксации состояния товара и упаковки в момент инициации возврата;

2) усиление процедур входного контроля при приеме товара в пунктах выдачи заказов;

3) формирование и ведение «черных списков» покупателей, демонстрирующих устойчивое недобросовестное поведение;

4) введение количественных ограничений на число возвратов в расчете на одного покупателя [7, с. 184].

Однако внедрение жестких ограничений возврата в отношении всех категорий потребителей без дифференциации противоречит основополагающим принципам защиты прав потребителей. Универсальное ужесточение условий возврата способно привести к обратному эффекту – нарушению прав добросовестных приобретателей и снижению доверия к институтам электронной коммерции.

Судебная практика по рассматриваемой проблематике формируется в двух основных направлениях: с одной стороны, суды все активнее квалифицируют поведение покупателей на маркетплейсах как злоупотребление правом; с другой – устанавливают пределы, за которыми действия потребителя, внешне схожие со злоупотреблением, остаются в рамках правомерного поведения. Оба направления принципиально важны для понимания того, где пролегает граница между защитой права и его использованием против его целевого назначения.

Показательным примером квалификации злоупотребления правом на маркетплейсе служит дело, рассмотренное Первым кассационным судом общей юрисдикции, в котором покупательница оформила крупный заказ на Lamoda и, заявив о «недостатках» всей партии, направила вещи почтой без указания трек-кода возврата, требуемого регламентом маркетплейса [9]. Кассационная инстанция констатировала, что стороны заранее согласовали порядок возврата, а его игнорирование лишило продавца возможности своевременно проверить товар и урегулировать спор в добровольном порядке. В результате суд отказал

истице во взыскании неустойки, штрафа и компенсации морального вреда, хотя и признал право на возврат стоимости вещей как таковой. Таким образом, данное решение показывает, что нарушение согласованной сторонами процедуры возврата само по себе может выступать доказательством злоупотребления правом, лишая потребителя санкционных требований при сохранении у него основного права на возврат денег.

Принципиально иную логику демонстрирует широко известное дело ЦУМа. Покупатель приобрел в мобильном приложении ОАО «Торговый дом ЦУМ» 19 позиций брендовой одежды по ценам в 846 раз ниже реальных – в результате технического сбоя каждый товар стоил от 19 до 129 рублей, тогда как реальная стоимость всей партии составляла около 2,35 млн рублей. Продавец аннулировал заказ, вернул деньги и отказался осуществить доставку. Нижестоящие судебные инстанции встали на сторону ЦУМа, квалифицировав действия потребителя как злоупотребление правом, однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4 отменила все состоявшиеся по делу судебные акты и указала, что выводы нижестоящих судов о злоупотреблении правом «ничем не обоснованы» [10].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации строилась на том, что размещенное на сайте предложение о продаже товара, содержащее все существенные условия договора (описание, цену, порядок оформления заказа), является публичной офертой по смыслу ст. 494 ГК РФ и п. 2 ст. 437 ГК РФ, принятие которой потребителем влечет заключение договора на объявленных условиях. Продавец не вправе в одностороннем порядке изменить цену, объявленную в момент оформления заказа. Кроме того, само по себе то обстоятельство, что покупатель воспользовался ситуацией сниженных цен, не свидетельствует о недобросовестности его действий. Так, Верховный Суд Российской Федерации фактически закрепил принцип, согласно которому все риски технических неисправностей собственной цифровой инфраструктуры несет продавец, а не покупатель.

Таким образом, проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что злоупотребление правами потребителя сформировалось в самостоятельное правовое явление, требующее комплексного доктринального осмысления и четкого правового регулирования. Отсутствие в действующем законодательстве четкого определения «потребительского экстремизма», единых критериев его доказывания и унифицированных последствий его установления по-прежнему создает правовую неопределенность, которую недобросовестные участники гражданского оборота используют в своих интересах.

Представляется, что системное решение проблемы требует реализации следующего комплекса законодательных и правоприменительных мер:

1. Закрепление в ЗоЗПП или разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации перечня критериев злоупотребления правом потребителя, включая систематичность обращений, уклонение от досудебного урегулирования и нарушение установленных процедур.

2. Введение процессуального механизма «встречного установления злоупотребления»: при наличии определенных признаков недобросовестности суд впра-

ве возложить на потребителя бремя доказывания отсутствия умысла на неосновательное обогащение.

3. Дополнение ст. 26.1 ЗоЗПП положениями, устанавливающими критерии «бесплатной аренды» через механизм возврата товара надлежащего качества, и допускающими отказ в принятии возврата при наличии признаков потребительского экстремизма.

4. Разработка подзаконного регулирования в отношении цифровых доказательств злоупотреблений на маркетплейсах – данных о частоте возвратов, истории заказов и жалоб конкретного пользователя – с определением условий их допустимости в качестве доказательств в гражданском процессе.

5. Введение специальной ответственности за профессиональный потребительский экстремизм – систематическое злоупотребление правами потребителя с целью извлечения дохода – в том числе путем лишения виновного права на обращение в суд по потребительским спорам в упрощенном порядке на определенный срок.

Изложенные предложения не направлены на ограничение прав добросовестных потребителей. Напротив, их реализация призвана восстановить подлинный баланс интересов сторон, защитить институт потребительского права от дискредитации и обеспечить его функционирование в соответствии с изначально заложенными в него целями – защитой «экономически слабой стороны», а не инструментом неосновательного обогащения.

Список литературы

1. Сторожева А. Н., Дадаян Е. В., Горелова А. С. Потребительский экстремизм // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 347–349.

2. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 г. : государственный доклад. М. : Роспотребнадзор, 2025.

3. Усольцев Е. Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя – актуальная проблема современной цивилистики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 6 (285). С. 106–110.

4. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции Российской Федерации от 8 июня 2020 г. по делу № 8Г-9382/2020 // Третий кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://clck.ru/3Sn7ww.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2023 г. № 18-КГ23-81-К4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3Sn944.

6. ТПП: уровень возвратов в e-commerce в праздники достигает 20 % // Ведомости. 2025. URL: https://clck.ru/3SnCDC.

7. Ильяшенко С. Б., Депутатова Е. Ю. Проблемы потребительского экстремизма и недобросовестного поведения покупателей в интернет-торговле // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 3. С. 181–185.

8. Более 60 % продавцов на цифровых платформах сталкивались с инцидентами при возврате товаров // Минэкономразвития России. 2026. URL: https://clck.ru/3SnJHF.

9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2025 г. № 88-1968/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3Sttbo.

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4 // НПП «Гарант-сервис». URL: clck.ru/3TzkYh.

Казекина Е. Е.[1],
курсант Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Максимова И. А.,
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВНУТРИИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА КАК НОВОГО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В наше время цифровая реальность больше не воспринимается лишь как вспомогательный инструмент, наоборот, она выступает самостоятельным разделом. Именно там возникают новые объекты гражданского оборота, характеризующиеся наличием измеримой экономической ценности. В качестве показательного примера можно выделить внутриигровое имущество, как элемент многопользовательских онлайн-игр.

В современных условиях внутриигровые предметы выполняют не только игровые функции, но и становятся предметом сделок и судебных споров, что подтверждает дискуссионный характер их правовой природы.

Актуальность данного вопроса обусловлена отсутствием комплексного правового регулирования, что приводит к неопределенности правового статуса таких объектов и затрудняет защиту прав участников гражданского оборота.

В настоящее время правовое регулирование внутриигрового имущества носит фрагментарный характер и осуществляется на основе общих норм гражданского законодательства. Так, согласно ст. 128 ГК РФ, объектами гражданских прав являются вещи, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и иные блага [1]. Несмотря на отсутствие в ней прямого указания на виртуальные объекты, содержащаяся в норме категория «иное имущество» позволяет включать в гражданский оборот новые виды нематериальных благ, обладающих экономической ценностью.

Ввиду того, что внутриигровые объекты способны участвовать в обороте и представляют имущественный интерес для пользователей, их квалификация в качестве «иного имущества» выступает обоснованной. Такой подход не предполагает изменения фундаментальных положений гражданского за-

[1] © Казекина Е. Е., 2026.

конодательства и одновременно позволяет учитывать специфику цифрового пространства.

Следует также упомянуть ст. 141.1 ГК РФ, закрепившую понятие цифровых прав как обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются в информационной системе [1]. Это стало попыткой адаптации гражданского законодательства к условиям цифровой экономики. Однако применение данной нормы в отношении внутриигрового имущества вызывает определенные проблемы.

Цифровые права в понимании закона существуют лишь в случаях, прямо предусмотренных нормативными актами, тем самым предполагая закрепление определенного объема этих правомочий. Внутриигровые объекты таким требованиям не соответствуют, поскольку права пользователей на них определяются не законодательством, а условиями пользовательских соглашений. В связи с этим отнесение внутриигрового имущества к цифровым правам является преждевременным [2].

Данный вопрос также получил частичное отражение в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [3], а именно, стал важным этапом в формировании правового режима цифровых объектов. Закон закрепил базовые принципы регулирования информационных отношений. Следует отметить, что он формирует общее представление о цифровой среде, где функционируют внутриигровые объекты. Но в данном случае, внутриигровые объекты не наделяют пользователя самостоятельным имущественным правом, которое было бы юридически закреплено.

Анализируя все приведенные примеры нормативных источников, можно сделать вывод о том, что законодательного определения внутриигрового имущества в настоящее время не закреплено. В этих условиях возможно сформулировать логическое определение данного объекта и упомянуть основные признаки.

Итак, внутриигровое имущество – это нематериальные цифровые объекты, существующие в рамках онлайн-игры, обладающие экономической ценностью и способные участвовать в гражданском обороте [4].

Данное определение требует дальнейшей конкретизации через выявление его характерных признаков, позволяющих отделять внутриигровое имущество от иных цифровых объектов.

Такими признаками могут выступать:

1. Игровое имущество непосредственно связано с массовыми многопользовательскими ролевыми онлайн-играми.
2. Не может существовать вне зависимости от них.
3. Игровое имущество выступает нематериальным объектом, по поводу которого возникают отношения в компьютерной игре и взаимосвязанные с ними отношения [5, с. 694].

То, что еще недавно считалось просто развлечением, сегодня превратилось в серьезный бизнес с оборотами в миллиарды долларов. Некоторые пользователи осознанно вкладывают время и средства в развитие своих персонажей и коллекционирование виртуальных предметов, формируя тем самым устойчивый спрос на внутриигровые активы.

Например, в компьютерной игре Counter-Strike: GlobalOffensive в январе 2021 г. был зафиксирован мировой рекорд по стоимости одного скина игрового объекта – 150 000 долларов за виртуальный автомат Калашникова (более 11 млн руб.) [6]. Но, как оказалось, это не предел.

Еще одним примером выступает самая дорогая сделка в истории видеоигр, попавшая в Книгу рекордов Гиннесса по продаже целой виртуальной планеты – Calypso в игре Entropia Universe [7]. В 2010 г. ее приобрели за рекордные 6 млн долларов. По оценкам отраслевых исследований, мировой рынок игровых цифровых активов (NFT, токенизированные предметы) оценивается в миллиарды долларов ежегодно. До 70–75 % выручки игровой индустрии формируется за счет внутриигровых покупок.

Выявленные особенности внутриигрового имущества и неопределенность его правового статуса находят прямое отражение в правоприменительной практике.

На данном этапе появляются существенные трудности, связанные с возможностью распространения положений ст. 1062 ГК РФ. А именно на отношения, возникающие в рамках многопользовательских онлайн-игр. Нередко суды, рассматривая споры о внутриигровых объектах, относят их к отношениям неподлежащим судебной защите. Это связано с природой объектов, отсылающей к играм. Подобный подход фактически исключает возможность защиты интересов пользователей, независимо от наличия у них реальных имущественных потерь. Упомянутая статья изначально направлена на иные по своей природе отношения – связанные с азартом, риском и потенциальным выигрышем. Внутриигровые же взаимодействия в большинстве случаев не относятся к данной направленности, так как речь идет о приобретении и использовании цифровых объектов, обладающих определенной ценностью и реальной денежной стоимостью.

Иной подход виден в отдельных судебных актах. Так, Ленинский районный суд г. Кемерово в 2013 г. признал онлайн-игру программой для ЭВМ (интерактивного типа) и указал, что ввиду отсутствия условия о выигрыше она не является азартной игрой [8]. Кроме того, в определении прямо прописан вывод о том, что к отношениям, связанным с этой онлайн-игрой, нельзя применять ст. 1062 ГК РФ. Суд обосновал свои выводы, в частности, тем, что отношения между участниками и организаторами многопользовательских компьютерных игр, согласно данной статье, не подлежат судебной защите, поскольку относятся исключительно к игровому процессу и регулируются внутренними правилами организатора.

Приведенный пример демонстрирует, что квалификация внутриигровых отношений не может строиться исключительно на формальном отнесении к «играм». В любом случае необходимо учитывать их содержание, в том числе наличие имущественного интереса, характер приобретаемых объектов и способ их использования. Отсутствие анализа этих обстоятельств может привести к неоправданному ограничению судебной защиты пользователя.

Проблему иллюстрируют выводы, сформулированные в научном исследовании Н. А. Смирнова и В. О. Казанцевой [9, с. 495]. Авторы подчеркивают мысль о том, что пользовательские соглашения предоставляют правообладателям широкие полномочия по установлению ограничений – в том числе возможность

комплексно блокировать доступ к интернет-ресурсам. В частности, в работе отмечается, что владелец платформы вправе запретить пользователю взаимодействовать с онлайн-сервисом, например, путем полной блокировки игрового аккаунта.

Сходную правовую позицию подтвердил Третий кассационный суд общей юрисдикции в определении от 24 апреля 2023 г. по делу №88-6578/2023 [10]. Суд указал, что платформы вроде Steam закрепляют в своих правилах механизм санкций за систематические нарушения: в качестве меры воздействия предусмотрена блокировка в сообществе. При этом решение о применении такой санкции может быть принято модератором единолично – на основании его субъективной оценки ситуации. Иными словами, правовая конструкция построена так, что аккаунт и связанное с ним виртуальное имущество во многом зависит от решения администрации платформы, а не от четко сформулированных и прозрачных юридических критериев.

Также следует отметить, что в пользовательском соглашении Steam прописано, что все внутриигровые предметы (скины, оружие и др.) – не выступают объектами собственности игрока. Пользователь получает лишь лицензионные права на их использование [11]. Это предполагает, что пользователи не владеют купленным или полученным в игре внутриигровым имуществом, а получают лишь временное право на использование в рамках условий рассматриваемой платформы.

Сравнительный анализ показывает, что зарубежная практика постепенно развивает более гибкий подход к виртуальному имуществу. В деле Bragg v. Linden Research (2007) [12], связанном с виртуальным миром Second Life, где пользователь оспаривал блокировку аккаунта и утрату виртуальной недвижимости, приобретенной внутри игры. Судебное разбирательство продемонстрировало возможность защиты прав пользователей внутриигрового имущества в суде. Таким образом, зарубежный опыт подчеркивает необходимость комплексного подхода к регулированию рассматриваемых отношений и учета пользовательских интересов.

Можно сделать вывод о том, что внутриигровое имущество выступает новым, но уже устойчивым элементом гражданского оборота. Его правовая природа характеризуется сочетанием признаков нематериального объекта и имущественного блага. Основной проблемой по-прежнему остается отсутствие правового регулирования, что приводит к законодательной неопределенности и ограничению защиты прав пользователей.

Наиболее обоснованным подходом является признание внутриигрового имущества объектом гражданских прав в категории «иного имущества» с последующим формированием специального правового режима [13]. Решение обозначенных проблем позволит обеспечить баланс интересов пользователей и правообладателей, а также адаптировать гражданское право к условиям цифровой экономики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 9. Ст. 1252.

2. Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А., Звездкина А. С. Отдельные аспекты признаков цифровых прав // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 150–153.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

4. Бухно М. Внутриигровое имущество пользователей в онлайн-играх: особенности правового регулирования // StopGame. 2022. 11 февр. URL: https://stopgame.ru/blogs/topic/109695/vnutriigrovoe_imuschestvo_polzovateley_v_onlayn_igrah_osobennosti_pravovogo_regulirovaniya.

5. Олзобоев Д. Ц. Правовое регулирование внутриигрового имущества // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 693–701.

6. Копытина О. Виртуальный автомат Калашникова купили за рекордную сумму в истории // Fintolk. 2021. 19 янв. URL: https://fintolk.pro/news/virtualnyj-avtomat-kalashnikova-kupili-za-rekordnuju-summu-v-istorii/.

7. От бананов до планет: самые дорогие внутриигровые предметы в истории // VK Play : канал в «Дзене». 2025. 30 сент. URL: https://dzen.ru/a/aNvhrJFhAT5-IlEh.

8. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. по делу № 11-59/2013 // Актофакт. URL: https://actofact.ru/case-42RS0007-11-59-2013-2013-03-28-0-1.

9. Смирнова Н. А., Казанцева В. О. Игровое имущество как объект гражданского оборота // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 490–499.

10. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 апреля 2023 г. № 88-6578/2023, 2-5519/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=85933&.

11. Steam: соглашение подписчика // Steam. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/russian/.

12. Bragg v. Linden Research, Inc. / United States District Court for the Eastern District of Pennsylvania // Madisonian. URL: https://madisonian.net/downloads/contracts/bragg.pdf.

13. Тумаков А. В. Правовая парадигма защиты прав обладателя цифрового объекта // Lex Russica. 2025. № 10 (227). С. 117–126.

РАЗДЕЛ XL. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Алексеева Г. П.[1],
слушатель Института
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Игнатов А. Н.,
профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

КОРЫСТНАЯ МОТИВАЦИЯ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Согласно краткой характеристике преступности в Российской Федерации за 2025 г., опубликованной МВД России, наблюдается снижение зарегистрированных преступлений на 7,3 %. В данный показатель входит сокращение особо общественных опасных преступлений, а именно преступлений против личности, сократившиеся на 9,2 %, в том числе убийств и покушений на убийство – на 11,8 %, а также фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 14,8 %. Анализируя представленные цифры, необходимо отметить положительную тенденцию раскрытия и предупреждения преступлений. Сравнение с показателями прошлого года, дает нам вывод о том, что органами внутренних дел была проведена колоссальная работа по разработке и внедрению в массы новых способов предупреждения преступлений, а также усовершенствования механизмов раскрытия преступлений. Показатель снижения совершения насильственных преступлений может свидетельствовать о нескольких факторах. Один их таких факторов упомянут выше и связан с улучшением работы правоприме-

[1] © Алексеева Г. П., 2026.

нителей. Другой фактор – это изменения правосознания общества в лучшую сторону, а именно развитие у гражданского населения должного правосознания и изменение нравственных ценностей, то есть росте нравственной культуры. Также, представленные цифры могут свидетельствовать о снижении тенденции потребления населением алкогольной продукции, а также наркотических и психотропных веществ. Доподлинно неизвестно, какие именно факторы повлияли на снижение показателей преступности в нашем государстве. На наш взгляд такие хорошие показатели, представленные выше – результат симбиоза вышеупомянутых факторов. И все же, опрометчиво будет не отметить, что представленные выше цифры не могут не радовать. Несмотря на рассмотренную позитивную динамику состояния преступности существует актуальная потребность выработке эффективных мер противодействия преступности, в том числе насильственной преступности в Российской Федерации, что диктует необходимость в установлении прежде всего механизма совершения данных преступлений.

Как упомянуто выше, необходимо изучать механизм совершения насильственных преступлений. Категория механизма совершения преступлений впервые была введена в научный оборот в рамках криминалистической науки. Понятие «механизм совершения преступлений» было впервые введено ученым-криминалистом А. Н. Васильевым в выпущенным под его редакции учебником в 1971 г., где он вывел данные термин в отдельную категорию рассмотрения с точки зрения криминалистического аспекта.

Также в научной литературе используются такие понятия как «механизм преступления», «механизм индивидуального преступного поведения». Под механизмом индивидуального поведения понимается связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение. Но если говорить о более высоком уровне абстракции, о виде преступного поведения и так далее, как например насильственного, то необходимо использовать определенную категорию механизма преступлений. Как отмечает А. Н. Игнатов: «механизм с этимологической точки зрения – это внутреннее устройство, система функционирования чего-нибудь», «…механизм следует рассматривать как интегрированную целостную систему необходимых и достаточных элементов, реализация функциональных, структурных и операционных характеристик которой выражается в факте объективной действительности – преступлении» [1, с. 126]. Как он справедливо подмечает, каждое преступление является результатом индивидуального поведения человека, что обусловливается его непосредственным взаимодействием с окружающей средой двигательной и психической активностью. Рассматривая понимание механизма преступного поведения, необходимо осознать, что на развитие взаимодействия элементов механизма преступного поведения влияет совокупность субъективных и объективных факторов действительности. «Механизм совершения преступления», так же как и «механизм индивидуального преступного поведения» как категории, обусловлены изучением определенного поведенческого факта лица, то, чем был вызван такой цикл действий или же бездействия, рассматривая конкретную ситуацию.

С этой точки зрения нам надо понять взаимодействие различных элементов, что составляет этот механизм, какие элементы его образуют и как они между собой взаимодействуют. Следует согласиться с А. Н. Игнатовым в том, что «основными, системообразующими элементами механизма преступления являются: 1) личность преступника; 2) жертва преступления (в более широком понимании – объект посягательства); 3) обстановка совершения преступления; 4) жизненная ситуация совершения преступления. Функциональные и операционные характеристики системы данных элементов и закономерности их взаимодействия и определяют суть механизма совершения преступления» [1, с. 172].

Поскольку речь мы ведем о насильственных преступлениях, а насильственные преступления – это всегда субъект-субъектное взаимодействие, то есть, когда деятельность человека активно направлена на другого человека (деятельность одного субъекта на другого), то в механизме насильственного преступления всегда присутствует такой обязательный элемент как жертва. Как отмечает А. Н. Игнатов: «для насильственных преступлений характерна взаимная связь „преступник – жертва“, которая, по сути, вытекает из имеющегося в данном случае типа общественных отношений „субъект – субъект“» [2, с. 149]. То есть при совершении насильственного преступления объект воздействия является активным субъектом, и в очень редких случаях жертва исключительно пассивна. Следовательно, отсюда возникает вывод, что ключевую роль в механизме совершения преступлений играет такой элемент как личность преступника и при этом необходимо установить, что же его побуждает к совершению преступления.

Предварительный этап совершения какого-либо действия – это желание, побуждение его совершить, особенно касательно насильственного вида преступлений. Одним из элементов механизма преступного поведения является мотивация. При исследовании механизма преступления мотивация является необходимым элементом или необходимой характеристикой такого элемента механизма преступления как личность преступника. В психологии мотивацией называют динамический процесс психофизиологического плана, который управляет поведением человека, определяет его направленность, организованность, активность и устойчивость. То есть это совокупность физических и психологических черт личности, сформировавшийся благодаря внешним и внутренним факторам. Нельзя не отметить, что роль играют и нравственные ценности человека, что у него воздвигнуто на пьедестал желаемого, обусловленное эмоциональным фоном, то, чего он желает достигнуть. Тут важно различать понятия мотивация и мотив. Если мотивация – это так называемый «двигатель», то мотив – это то, ради чего человек совершает действия, конкретная причина, основа действия и повод к нему. Мотивы бывают разных видов. Согласно классификации потребностей А. Маслоу, необходимо выделять потребности высшего и низшего уровня. Низшие (они же низменные) – физиологические потребности, такие как голод, жажда, сексуальная потребность, потребность в безопасности и т. п. Высший уровень – это потребность человека в понимании, признании. Исходя из этого можно сделать вывод, что высшие потребности – это психологические потребности. И именно они стоят в вершине пирамиды. Неудовлетворение каких-либо потребностей является фундаментом и причиной возникновения мотивации

и мотива достигнуть, заполучить желаемое. В нашем случае мотив – это внутреннее побуждения для насильственных преступлений, которое выражается в желании утверждения или же зачастую самоутверждения, что не исключает и других мотивов, в том числе и корыстного. Мотивация же – это формирование этого мотива, и непосредственная реализация данного побуждения. Реализация в том, как формируется это побуждение, а также как приводит к человеческой активности, что в результате мы имеем то, что под воздействием мотива совершается преступление.

Мотив, как явление, вбирает в себя и психологический аспект личности, как указано ранее. То есть, то, что у человека закреплено на психологическом уровне, а именно его потребности и желания, рождают мысль, а мысль переходит в навязчивую, что потом побуждает действие, обоснованное желанием заполучить свою цель любым способом. Научные исследователи отмечают разновидность категорий мотивов. Как отмечают психологи, род желаний и потребностей и рождает категорию мотива. Как отмечал А. Н. Игнатов, для насильственных преступлений характерны такие базовые мотивы как утверждение и самоутверждение. Но это не исключает полимотивированности насильственного преступного поведения, то есть сочетания в мотивации преступника нескольких мотивов. Род мотива, его суть, определяется психоэмоциональным состоянием индивида. То есть в зависимости от того, какое чувство превалирует. В психике индивида, совершающего насильственное преступление, одно чувство может быть более доминантным, чем другие, к примеру: гнев, страх, уныние, гордыню, тщеславие, вожделение, апатию. Как показывает практика часто насильственные преступления совершаются в том числе и по корыстным мотивам.

Как отмечал К. В. Вишневецкий: «Корысть как мотив совершения преступления и виктимогенный фактор в виктимологической модели корыстной преступности занимает центральное место. Корысть – это распространенное и сильное побуждение, детерминирующее поведение человека. По силе воздействия на личность и динамической способности вызывать активность человека она не имеет равных и уступает лишь инстинкту размножения» [3, с. 92].

Для понимания роли корыстного мотива в насильственных преступлениях, необходимо понимать данный вид мотива в узком и широком смысле. В узком смысле корыстный мотив – это желание лица получить материальную выгоду имущественного характера, то есть деньги, ценности и т. д.

В широком смысле – это получение любых выгод, благ и преимуществ, как для себя, так и для иных лиц. Именно при широком подходе к пониманию корыстной мотивации здесь наиболее ярко проявляется сочетание мотивов, корыстного мотива и мотива утверждения, самоутверждения. То есть совершая действия корыстной направленности, лицо может удовлетворять свои потребности в признании в субъективном восприятии его собственного успеха, признания его в обществе, и т. д. Так, насильственные преступления могут совершаться из корыстных побуждений такие, например, как убийство по найму, грабежи, разбои с целью завладеть имуществом. Также они могут совершаться для того, чтобы получить и реализовать в широком смысле признание. К примеру, чело-

век может совершить убийство не «по найму», а из корыстных побуждений. В широком – он убил, но при этом желал устранить конкурента, занять социальное положение в обществе, группе. Получить признание. К примеру, лицо имея строительный бизнес, столкнулся с тем, что его строительная компания занимает низкое положение в этой нише, в связи с чем имеется острая необходимость поднять авторитет компании. Для решения данной проблемы необходимо выиграть тендер на строительство жилого комплекса премиум класса, что не представляется возможным из-за иной строительной компании – то есть конкурента, который имеет большую популярность. Для этого лицо, желая получить более высокий социальный статус, совершает убийство конкурента, в последующем выиграет тендер и занимает его положение. Поскольку одним из элементов механизма преступного поведения является жертва, то и корыстную мотивацию необходимо рассматривать при анализе данного элемента. Жертва является значимым элементом во всем механизме, поскольку ее поведение также определяет поведение преступника, их взаимодействие.

При этом малоизученными остаются характеристики жертвы, «виктимные склонности (склонность к определенному поведению, попаданию в определенные опасные ситуации) приобретаются в процессе формирования личности, ее характера, установок, овладения социальными ролями и т. п. Немалую роль в виктимности поведения жертвы насильственных преступлений играют такие ее индивидуальные характеристики (качества), как доверчивость (31,4 %), общительность (14,7 %), склонность к импульсивным и непродуманным действиям (12,9 %), аморальность (8,1 %), повышенная впечатлительность, склонность к фантазированию (6,8 %), смелость, решительность, рискованность (4,8 %), покорность (3,1 %), недоверчивость, подозрительность (3,0 %), осторожность (2,8 %), кокетливость (2,8 %), склонность к случайным знакомствам (1,8 %)». Это в полной мере относится и к мотивации поведения жертвы.

Корыстная мотивация преступника вызвана нехваткой материальных благ или наличием желания получить какую-либо выгоду для себя, что в дальнейшем укажет на его статус в обществе. Яркий пример наличия корыстной мотивации в виде преступления – это преступления, которые совершаются «по найму». Когда лицо, имея острую нехватку материальных благ готов пойти на преступное деяние различного рода, зачастую – насильственное. То есть индивид, которым движет его прогрессирующая алчность, не испытывая морально-нравственных страданий – соглашается на сделку с другим лицом, именуемым в данном преступлении «заказчиком», где обязуется совершить насильственное преступление в адрес третьего лица за вознаграждение, которое может быть выражаться в передаче денежных средств, имущества движимого и недвижимого или предоставлению индивиду высокого статуса в желаемой ему социальной группе.

К примеру, убийство из-за наследства родственника, тщеславие здесь же. Данным преступлением может быть совершение грабежа и разбоя или вымогательства, с применение насилия опасного для жизни и здоровья, или и вовсе убийства. В большинстве случаев совершения насильственных преступлений «по найму» – корыстный мотив выражается в желание преступника получить

именно материальные блага, то есть денежное вознаграждение. Для данного типа преступника это «легкие большие деньги», что говорит об их морально-нравственных ценностях и превалировании негативных эмоций в психике человека. Это может свидетельствовать о том, что главное чувство, которое его побуждает – это алчность.

Обязательных признак насильственного преступления – это наличие жертвы. Особенности личности жертвы, ее личностные черты, являются фундаментом ее виктимного поведения. Виктимность может определяться различными свойствами: физиологическими, психологическими, поведенческими, статусными, социально-ролевыми характеристиками лица. Темперамент, склонность к депрессивным состояниям, повышенная тревожность, типичные поведенческие «паттерны», такие как неспособность отказать, неумение отстаивать личные границы, неблагополучный социально-семейный фактор – все это одни из самых распространенных причин прогрессирования виктимного поведения. Общепринятая и наиболее распространенная в виктимологии типология жертв выделена в зависимости от поведенческих характеристик лица жертвы: активный вид, нейтральный вид и пассивный вид жертвы. Роль жертвы в механизме совершения насильственного преступления, в частности, пассивного и активного типа определяется прежде всего особенностями его поведения. Рассматривая поведения жертвы любого типа необходимо исходить из особенности мотивации данного поведения. Поведение жертвы насильственного преступления может быть мотивировано в том числе и корыстным мотивом. Возникает вопрос: как корыстный мотив может повлиять на поведение жертв?

Пассивный вид жертвы – это когда человек из своей жадности и излишней, как ему кажется, рациональной бережливости, не предпринимает меры по обеспечению личной своей безопасности и безопасности своего имущества. Когда тот, зная про криминогенные риски и ситуации в месте его проживания, не ставит решетки на окна, живя на первом этаже. Либо он сам не заменяет шаткий забор, не чинит сломанное окно, понимая, что имеет риск, но не принимает мер по обеспечению личной безопасности.

Второй пример – когда жертва, имея тщеславные наклонности демонстрирует свою зажиточность в ближайшем окружении, строит себе большой дом, рекламирует себя во всех возможных социальных сетях и прочее. При этом, опять же должные меры по безопасности он не принимает, может это излишняя самоуверенность, но чаще всего это связанно с жадностью, экономию средств на собственную безопасность.

Третий пример – это когда жертва своим активным поведением корыстно мотивированным становится жертвой преступления насильственного. К примеру, грабитель получает надлежащий отпор, в результате чего получается превышение пределов необходимой обороны. Причиняется вред его жизни и здоровью. Иной пример – из корыстных побуждений, с целью получить имущество, совершить хищение, имущество потерпевшего. Подсыпает сильнодействующие вещества, но по независящим от нее причинам потенциальная жертва этих действий не потерял сознание и начинает причинять вред жизни и здоровью этой девушки. Или, к примеру вор залез, его наказали. Лицо проникает в жилище

с целью похитить чужое имуществом, но по независящим от него обстоятельствам лицо получает вред здоровью или угрозу жизни.

Для успешного противодействия данной преступности необходимо исходить и исследования специфики механизма совершения насильственных преступлений. Механизм насильственных преступлений характеризуется наличием таких обязательных элементов как: личность преступника, жертва преступления, обстановка совершения преступления, жизненная ситуация совершения преступления. Характеристики таких элементов как личности преступника и личности жертвы насильственного преступления требует установления специфики мотивации их поведения. Корыстная мотивация является характерной как для поведения насильственного преступника, так и для поведения его жертвы. Указанное при понимании корыстной корысти как как в узком, так и в широком смысле позволяет установить особенности механизма совершения насильственных преступлений, совершаемых из корыстных побуждений и выработать эффективные меры как для специального криминологического и индивидуального предупреждения насильственного преступления.

Список литературы

1. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 126–132.

2. Игнатов А. Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 145–150.

3. Вишневецкий К. В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. С. 89–98.

4. Антонян Ю. М. Криминология : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.

5. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics.

6. Решетников А. Ю., Афанасьева О. Р. Криминология : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026.

Кубанкин Ю. Ю.[1],
курсант факультета
подготовки следователей
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Научный руководитель:
Савин П. Т.,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящее время в условиях серьезных глобальных изменений, эскалации напряженности на мировой арене между крупными державами, которая перерастает в открытые вооруженные конфликты, Российская Федерации сталкивается со всем комплексом факторов негативного воздействия, направленного на дестабилизацию общественного порядка и безопасности государства. Помимо явного примера такого фактора в виде террористической деятельности со стороны иностранных государств выступает планомерное вовлечение несовершеннолетних в совершение различных преступлений. Особую актуальность с опорой на сложившуюся политическую, социально-экономическую и технологическую действительность приобрела проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности, о чем говорят многочисленные материалы средств массовой информации (СМИ) и 5 920 зарегистрированных преступлений террористического характера за 2025 г., что относительно 2024 г. составляет прирост на 59,4 % [1, с. 6].

Например, 2 марта 2026 г. следственными органами Центрального межрегионального следственного управления на транспорте СК России возбуждено уголовное дело в отношении 16-летнего уроженца иностранного государства в связи с попыткой совершения террористического акта на объекте железной дороги. Подростку предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) (покушение на совершение террористического акта группой лиц по предварительному сговору). По версии следствия, обвиняемый в феврале 2026 г., находясь на перегоне «Екатеринбург-Сортировочный – Палкино» Свердловской железной дороги, совершил попытку

[1] © Кубанкин Ю. Ю., 2026.

поджога пункта параллельного соединения «Кунгурский», предназначенного для обеспечения электрического соединения участка железной дороги. За совершение данного преступления подросток планировал получить от интернет-вербовщиков денежный перевод в сумме 400 тыс. рублей, однако был задержан сотрудниками УФСБ России по Свердловской области [2]. Всего с начала 2026 г. в новостном разделе официального сайта СК России автором обнаружено пять публикаций, связанных с совершением несовершеннолетними преступлений террористической направленности, где они выступали в качестве исполнителей после соответствующей вербовки.

Вышеуказанный пример отражает сложившуюся тенденцию использования несовершеннолетних в качестве исполнителей преступлений террористического характера, что представляет серьезную угрозу в целом для будущего развития общества, поскольку формирует у несовершеннолетних устойчивые криминогенные установки, а также укореняет радикальную экстремистскую идеологию и ломает традиционные представления о добре и зле. Вербовка несовершеннолетних в данном случае оказывается результативной в связи с возрастными особенностями психологической уязвимости подростков, недостаточным жизненным опытом, стремлением к социальной идентификации, повышенной восприимчивостью к манипулятивному воздействию и протесту устоявшимся в обществе идеям и ценностям [3, с. 151–152]. В первую очередь для противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений необходимо воздействовать на тех, кто осуществляет то самое воздействие, однако правоприменитель не в праве ограничиваться таким подходом. В случае с преступлениями террористической направленности вовлекающие остаются вне поля зрения сотрудников правоохранительных органов, а несовершеннолетние – в поле зрения своего же государства. Таким образом, ввиду того, что вовлеченные несовершеннолетние хоть и являются исполнителями преступлений, но они так же являются жертвами планомерных действий с вербующей стороны, а потому в настоящей работе больший акцент будет сделан на виктимологию в части противодействия повторяющимся специфическим причинам и условиям, способствовавшим совершениям преступлений, что позволяет разрабатывать и апробировать меры по противодействию вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности [4, с. 89].

Анализ следственно-судебной практики и криминологической литературы позволяет выделить несколько основных факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в преступления террористической направленности, которые во многом определяют основные направления профилактической работы.

Первичным фактором следует отметить семью, так как на этот социальный институт приходится основной пласт формирования базы личности в дошкольном периоде, а также он сопровождает особо интересуемый вербовщиков подростковый возраст. В. Н. Кудрявцев еще в 1997 г. указывал, что около 35 % правонарушителей, не достигших совершеннолетия, воспитывались в неполной или распавшейся семье, в каждой третьей семье таких подростков имели место скандалы, драки и злоупотребление спиртными напитками, в 7 % семей взрослые члены семьи сами совершали преступления, в 11 % – пренебрежительно

относились к труду, а в 20 % – безразлично относились к воспитанию подростков. В свою очередь Д. А. Шестаков, получив похожие результаты по исследованию семей несовершеннолетних преступников, сделал вывод, что у 30 % взрослых преступников их преступные наклонности связаны с негативным влиянием его родительской семьи [5, с. 287]. Профилактика преступности на уровне семьи сводится к тому, что в период детства ребенок максимально ориентирован на контакт с родителями. Если на этом этапе родители смогли установить психологический контакт, основанный на доверии, то в подростковом возрасте это позволит свести к минимуму протест против взрослых и сформировать авторитетную фигуру, с которой можно открыто взаимодействовать, в том числе поставить в известность о выходе вербовщиков с целью склонения к совершению преступлений террористической направленности. Также немаловажно своим примером показывать стратегическое планирование в рамках правового поля, что позволит сформировать как правосознание у подрастающего поколения, так и видение позитивных путей личностного развития. Занимательный факт, но неблагополучная обстановка с преступностью на Северном Кавказе в малой степени затрагивает несовершеннолетних, благодаря прочности семейных уз, низкому коэффициенту разводов и традиционным подходам в семейном воспитании, в результате чего несовершеннолетние реже совершают преступления.

Экономический фактор является одним из ключевых на пути открытия возможности институту семьи благополучно противодействовать преступности несовершеннолетних. Подростки из социально неблагополучных семей чаще оказываются вовлеченными в криминальную деятельность, поскольку испытывают дефицит внимания, поддержки и позитивных моделей поведения. Абрахам Маслоу в предложенном им пирамиде потребностей человека отводил закрытие базовых потребностей в жилье, тепле, еде, одежде на нижние страты, без реализации которых движение к социальным и духовным потребностям малоэффективно. Это прослеживается в реальности, когда родители в неблагополучных семьях заняты работой, и у них не остается времени на воспитание своих детей, а при неблагоприятном исходе возможны дестабилизирующие проявления в виде алкоголизма, наркомании и прочих зависимостях на фоне бесконечных безуспешных попыток улучшить свое благосостояние. В случае с преступлениями террористической направленности усреднение материального достатка в обществе будет нивелировать воздействие вербовщиков в части экономического неравенства.

Следующий фактор связан с психологическими особенностями несовершеннолетних, когда у них завершаются процессы формирования личности и начинается поиск собственного места в обществе. В этот период несовершеннолетние особенно восприимчивы к идеологическому воздействию. Террористические организации активно используют следующие психологические механизмы: формируют чувство исключительности; создают образа «борца за справедливость»; манипулируют религиозными или политическими идеями; оказывают давление через социальную группу.

Образовательные организации должны активно участвовать в профилактике экстремизма среди подростков. Особенно важно вовлекать подростков в занятия спортом, формировать позитивные коллективные, командные начала, которые будут подконтрольны педагогам, тренерам, наставникам, с происходит сближение и установление доверительного контакта [6, с. 20].

Также необходимо выделить среди факторов совершенствование организационно-технической и методической работы правоохранительных органов, особенно оперативных подразделений в тесном взаимодействии с Бюро специальных технических мероприятий МВД России. Так, координация совместных усилий при проведении оперативно-разыскных мероприятий позволит устанавливать очаги вовлечения несовершеннолетних в совершения преступлений, дестабилизировать каналы взаимодействия между преступными группами, а также предотвращать уже спланированные преступления, избегая причинение реального ущерба [7, с. 20]. Актуальная проблема в виде анонимность сети позволяет преступникам устанавливать контакт с подростками без прямого личного взаимодействия, что существенно осложняет выявление подобных преступлений, причем каналы связи не ограничиваются традиционными средствами коммуникации, например, сотовой связи и мессенджеров, а также уходит в сетевое игровое пространство, где подростки проводят значительное время, которое позволяет вербовщикам установить с ними контакт.

Основные направления деятельности правоохранительных органов должны включать:

1) выявление каналов распространения экстремистской идеологии;
2) пресечение деятельности экстремистских организаций;
3) выявление фактов вербовки несовершеннолетних;
4) повышение эффективности расследования таких преступлений;
5) мониторинг интернет-пространства;
6) проведение профилактических мероприятий среди подростков;
7) взаимодействие с образовательными учреждениями.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности представляет серьезную угрозу для общественной безопасности и стабильности государства не только в настоящее время, но в долгосрочной перспективе. Анализ причин и условий данного явления показывает, что оно обусловлено совокупностью социальных, экономических, психологических, технических и иных факторов. Эффективное противодействие возможно только при условии комплексного взаимодействия государства, правоохранительных органов, образовательных учреждений и семьи. Необходимыми мерами являются совершенствование организационно-технических мероприятий по противодействию распространению экстремистской идеологии, координация усилий социальных институтов по профилактике среди молодежи деструктивного влияния, повышению уровня правового сознания, а также оказанию адресной поддержки нуждающимся семьям и совершенствование рынка труда. Реализация указанных мер позволит значительно снизить уровень вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и как итог укрепить систему обеспечения общественной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 г. / ГИАЦ МВД России. М., 2026.

2. В Свердловской области возбуждено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, пытавшегося совершить террористический акт на железной дороге // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/news/item/2066556/.

3. Любин С. Ю., Яценко О. А. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия : материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (9–10 декабря 2010 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 155–156.

4. Русина Т. С. Оценка масштабов вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность (на основе данных социальной и уголовно-правовой статистики) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62). С. 87–91.

5. Криминология : учебник / [К. И. Богомолова и др.] ; под ред. А. Н. Варыгина. Саратов : Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2024.

6. Кубякин Е. О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 19–24.

7. Сокол Е. В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 2 (12). С. 17–23.

РАЗДЕЛ XLI. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИИ

Корнилова Е. С.[1],
слушатель международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Харламов С. О.,
начальник кафедры
организации деятельности
органов внутренних дел
в сфере миграции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВИЛ ВЪЕЗДА И ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ (ОПЫТ «ЭЛЕКТРОННЫХ» СИСТЕМ КОНТРОЛЯ И УЧЕТА)

В контексте глобальных трансформационных процессов государство обязано обеспечивать незамедлительное реагирование на все вызовы и проблемы социального, политического и экономического характера, пользуясь актуальными мерами адаптации. В условиях стремительной модернизации и цифровизации всех сфер общественной жизни, правоохранительная система также обязана не отставать от мировых тенденций и вводить новые механизмы контроля и учета миграционной ситуации в стране.

Так, согласно ст. 10 Федерального закона о Миграционном учете органы, осуществляющие миграционный учет, на основе информации полученной об иностранном гражданине формируют государственную систему миграционного учета. Данная система является средством межведомственного автомати-

[1] © Корнилова Е. С., 2026.

зированного взаимодействия [3], которое предназначено для автоматизации процессов в указанной сфере. Учитывая содержание в указанной системе сведений банка данных об иностранных гражданах и лицах без гражданства, следует сделать вывод, что централизованный сбор и хранение и обмен информацией между органами исполнительной власти помогает в обеспечении оперативного контроля за соблюдением миграционного режима в Российской Федерации.

2 апреля 2024 г., выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, что в регулирование миграционного процесса необходимо внедрить современные цифровые электронные базы биометрических данных.

В связи с этим Министерство внутренних дел совместно с иными органами исполнительной власти Российской Федерации принимает активные меры по переходу многих процессов, использовавшихся для контроля миграционной ситуации в цифровую сферу.

Так, например, постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 [4] был запущен эксперимент по апробации правил въезда и выезда иностранных граждан, который проводится до 30 июня 2026 года и состоит из двух этапов:

1. В московских аэропортах (Шереметьево, Домодедово, Внуково, Жуковский) и на остальных пунктах пересечения границы «Маштаково» (Оренбургская область) проводился сбор биометрических данных.

2. Иностранные граждане и лица без гражданства, въезжающие в безвизовом порядке, получили обязательство в регистрации через приложение ruID, а также в подаче заявления на въезд.

В рамках совершенствования механизмов миграционного контроля и учета на территории Российской Федерации подписан Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» [2], содержащий комплекс положений, направленных на обеспечение безопасности государства, охрану общественного порядка и оптимизацию государственной миграционной политики.

В рамках Указа Министерство внутренних дел до 30 июня 2026 г. обязано обеспечить создание государственного информационного ресурса, который представляет собой централизованную информационную систему, содержащую сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства, в отношении которых осуществляется миграционный учет на территории Российской Федерации, а именно:

– въезжающих на территорию Российской Федерации;
– выезжающих с территории Российской Федерации;
– пребывающих либо проживающих на территории Российской Федерации.

К ключевым элементам системы «цифрового профиля» относятся:

1. Приложение «Госуслуги RuID». Иностранцы должны зарегистрироваться в мобильном приложении за 72 часа до въезда, с указанием цели визита и сроком планируемого пребывания, загрузить фото и записать образец голоса.

2. Биометрический контроль.

3. Эксперимент в Москве и МО. В соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» [2] с 1 сентября 2025 г. трудящиеся иностранные граждане, прибывшие на территорию Российской Федерации в безвизовом порядке, обязаны регистрироваться в специализированном мобильном приложении «Амина».

Принимая во внимание опыт иностранных государств, считается необходимым рассмотрение опыта Соединенных Штатов Америки, для произведения сравнений опыта различных государств в сфере контроля миграционных потоков и обеспечения национальной безопасности.

Так, с 11 апреля 2025 г. Министерство внутренней безопасности (Department of Homeland Security (DHS) ввело обновленные обязательства по регистрации в соответствии с разделом 262 Закона об иммиграции и гражданстве (Immigration and Nationality Act (INA).

20 января 2025 г. Президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп подписал указ № 14159 «Защита американского народа от вторжения» (Protecting the American People Against Invasion) [5]. Согласно этой директиве, Министерство внутренней безопасности должно в полной мере обеспечить соблюдение существующих требований о регистрации иностранцев, изложенных в разделе 262 Закона об иммиграции и гражданстве (INA) [6]. Согласно новому указу, регистрация иностранцев является приоритетной задачей гражданского и уголовного судопроизводства, любой иностранный гражданин, находящийся на территории США более 30 дней и не прошедший регистрацию или процедуру снятия отпечатков пальцев, обязан пройти регистрацию, в том числе при необходимости предоставить биометрические данные. Чтобы упростить этот процесс, Служба гражданства и иммиграции США (U.S. Citizenship and Immigration Services (USCIS) создала новую онлайн-форму G-325R. Заполняя эту форму, иностранные граждане добровольно предоставляют Министерству внутренней безопасности свои имя, дату рождения, адрес и, при необходимости, отпечатки пальцев. Это форма предназначена для лиц, которые не регистрировались ранее при оформлении визы, пересечении границы или подаче каких-либо заявлений в Службу гражданства и иммиграции США.

В случае достижения несовершеннолетними четырнадцатилетнего возраста Служба гражданства и иммиграции США вправе потребовать от заявителя прохождения биометрической идентификации в местном центре поддержки заявителей (Application Support Center, ASC). Процедура сбора биометрических данных предусматривает получение отпечатков пальцев, фотографирование и удостоверение подлинности личной подписи заявителя.

За неисполнение нововведенных требований также предусмотрена и юридическая ответственность, которая проявляется наложении штрафов и/или тюремное заключение сроком до шести месяцев.

Следует также рассмотреть опыт цифровизации европейских стран, так Европейский союз планирует внедрение двух новых информационных систем пограничного контроля – системы въезда/выезда (Entry/Exit Systems, EES) и Евро-

пейской системы авторизации и информирования о поездках (European Travel Information and Authorisation System, ETIAS).

Данные информационные системы призваны упростить электронное оформление въезда для граждан стран, не входящих в Европейский союз. Каждый иностранный гражданин, не являющийся гражданином Швейцарии, Европейской экономической зоны или Европейского союза, должен получить разрешение на въезд в Шенгенскую зону.

После внедрения данных механизмов пограничный контроль может осуществляться автоматизировано с использованием информационных ресурсов без постоянного участия сотрудника в пограничном контроле.

Основной целю Европейской системы пограничного контроля и безопасности является отслеживание перемещений в пределах Шенгенской зоны.

Таким образом, контроль в Шенгенской зоне станет более эффективным и качественным. Система пограничного контроля и безопасности являясь мерой реагирования на технологические инновации, позволит сократить количество задействованных человеческих ресурсов при сборе информации, а также рациональному распределению материальных ресурсов.

Проведение сравнительного анализа опыта зарубежных стран в области применения электронных систем контроля и учета миграционной ситуации является достаточно важным элементом правовой и практической оценки возможностей совершенствования национальной миграционной политики.

Во-первых сопоставление иностранных моделей и российских систем позволяет выявить наиболее автоматизированные и практически полезные формы миграционного учета, интеграции информационных ресурсов межведомственного взаимодействия и использования цифровых ресурсов для мониторинга перемещения и нахождения лиц на территории страны, а также обеспечения установленных сроков пребывания и оперативного реагирования на уже совершенные правонарушения и преступления и профилактику нарушений миграционного законодательства.

Во-вторых, изучение использующихся иностранных механизмов способствует определению положительных направлений соблюдения баланса интересов национальной безопасности, потребностей экономики в рабочей силе и соблюдения прав иностранных граждан. А также совершенствованию инструментов защиты персональных данных, обеспечения прозрачности процедур контроля и учета и уменьшения бюрократизации процедур.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52130.

2. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2007 г. № 94 «О государственной информационной системе миграционного учета» (ред. от 01.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111902.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411130026.

5. Указ Президента Соединенных Штатов Америки от 20 января 2025 г. № 14159 «Защита американского народа от вторжения» = Protecting the American People Against Invasion // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-the-american-people-against-invasion/.

6. Immigration and Nationality Act // The U.S. Citizenship and Immigration Services. URL: https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act.

Казаков Р. А.[1],
слушатель факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Гоглева К. Ю.,
доцент кафедры
конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ КИБЕРРИСКОВ СИСТЕМ «УМНЫЙ ДОМ»

Массовое распространение технологий «умный дом» в жилищном секторе породило не меньшее количество киберугроз. По представленным данным организации Forescout, в период с 2023 по 2024 г. количество уязвимых устройств возросло на 136 %, а число атак – на 107 % [3; 4]. При этом вопросы правового регулирования в указанной сфере по-прежнему не претерпевают значительных изменений. Правоприменители используют общие механизмы имущественного страхования, которые не учитывают специфику правовых рисков. Целями указанной статьи является исследование текущего положения механизма публично-правового регулирования прав граждан в цифровом пространстве (в контексте жилищного сектора) с учетом нарастающих киберрисков, а также формулирование оценки предлагаемых поправок к Федеральному закону «О страховании в Российской Федерации».

Рассматривая пробелы правового регулирования, считаем важным обозначить, что действующая нормативная правовая база не способна регулировать отношения в сфере киберстрахования «умных домов» [1, с. 72]. Это связано с такими причинами, как:

1. Страховые продукты на рынке имеют существенные отличия по перечню охватываемых случаев, срокам осуществления выплат, порядку уведомления страховщика о наступлении случая. Это вызывает сложности среди потребителей в виде затруднений при выборе нужного продукта страхования.

2. Отсутствует система оценки киберрисков, что не дает страховщикам выдвигать предложения по формированию адекватных тарифов и резервов.

3. Отсутствуют регламенты к формам договоров при наступлении страховых случаев в рассматриваемой нами сфере. Данная среда специфична, а отсут-

[1] © Казаков Р. А., 2026.

ствие требований ведет к снижению уровня защиты имущественных прав граждан и сдерживает развитие рынка систем «умный дом».

Рассмотрев текущие пробелы в действующем законодательстве, хотим раскрыть предлагаемые нами механизмы публично-правовой защиты, которые мы предлагаем интегрировать в Федеральный закон «О страховании в Российской Федерации». Ключевым нововведением является введение п. 13 ст. 3, в котором содержится понятие киберстрахования систем «умный дом», посредством которого определяется четкий перечень покрываемых рисков. К ним относятся: несанкционированный доступ к системам управления, утрата или искажение данных, нарушение работы систем из-за кибератак, расходы на восстановление и компенсации третьим лицам [2, с. 63].

Законопроект также устанавливает перечень требований к предоставлению услуг страхования систем «умный дом», путем внесения ст. 3.1. Так, для осуществления страхования потребуется лицензия на добровольное имущественное страхование и соблюдение нормативных актов Банка России. Эквивалентность страхового тарифа будет варьироваться на основе актуарных расчетов с учетом технического состояния системы, уровня ее защищенности и истории киберинцидентов у страхователя. Кроме того, страховщики будут наделены правом проводить предстраховой аудит кибербезопасности, привлекать аккредитованных экспертов для расследования инцидентов [5].

При киберинцидентах важно сформулировать обязанности страхователей. Так, страхователи будут обязаны соблюдать требования, установленные договором, незамедлительно уведомлять страховщика о киберинцидентах, предоставлять доступ к системе для оценки ущерба. Это стимулирует ответственное отношение к безопасности своих устройств.

Гарантии страхователей будут размещены в п. 10 ст. 10. Для страховщиков является обязательным включение в правила страхования исчерпывающего перечня покрываемых рисков, а также исключительных случаев, устанавливая четкие сроки выплат.

Регулятором данных общественных отношений должен будет выступать Банк России путем возложения на него надзорной функции, а также функций по аккредитации экспертов по оценке киберрисков. Согласование требований к киберзащите будет осуществляться совместно с ФСТЭК и ФСБ, что обеспечит комплексный подход к обеспечению безопасности.

Какими видятся результаты после внесения поправок в действующее законодательство о страховании:

1. Страхование станет более обширным продуктом, так как использование систем «умный дом», первоочередно, носит бытовой характер, что определяет широкий круг потребителей. Это позволит страховщикам активнее разрабатывать специализированные продукты, а потребителям выбирать более выгодную программу.

2. Снизятся финансовые потери при наступлении страховых случаев. Четкое определение страховых рисков и механизмов возмещения позволит компенсировать не только прямые затраты на замену оборудования, но и косвенные убытки, связанные с временной непригодностью жилья.

3. Закон стимулирует постоянную динамику мер киберзащиты. Требования, определяемые ФСТЭК, побудят производителей технологий к более частому и оптимальному обновлению ПО, использованию многофакторной аутентификации и организации резервного копирования, что является профилактикой инцидентов.

Итак, публично-правовое регулирование киберстрахования систем «умный дом» устраняет правовой вакуум и создает надежные гарантии защиты имущественных прав страховщиков. Законопроект формирует страховые продукты унифицировано, дает четкое определение страховых случаев, определяет регуляторов в данной сфере, механизмы, используемые ими.

Кроме того, прозрачность гарантий потребителей цифровых технологий обеспечивает развитие и рост в указанной сфере, способствует как экономическому, так и правовому развитию.

Список литературы

1. Григорьева Е. Д., Тружевская В. Б., Плотников Д. А. Киберстрахование: вызовы и угрозы цифровизации // Человеческий, производственный и сервисный потенциал экономики: глобальные тренды и локальные практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 28 ноября 2020 г.). Саратов : Кубик, 2021. С. 72–77.

2. Рахматуллина Р. Р., Байгузина Л. З. Современная система страхования – киберстрахование // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 67-4. С. 61–64.

3. Kurmaev P. Yu., Seliverstova L. S., Bondarenko E. S. et al. Cyber insurance: the current situation and prospects of development // Amazonia Investiga. 2020, vol. 9, no. 28, pp. 65–73.

4. Прирост в 136 %: лавина уязвимостей с головой накрыла IoT-сегмент // SecurityLab. URL: https://www.securitylab.ru/news/549086.php.

5. Гаджет или шпион: как хакеры берут под контроль «умный» дом // Медиа о недвижимости. Движение.ру : канал в «Дзене». URL: https://dzen.ru/a/Z_d5p59Jd3kR8DOk.

Писаренко С. В.[1],
курсант Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Попов А. И.,
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ПОЛИЦИИ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА РЕЖИМА ПРЕБЫВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современных условиях и возрастающей интенсивности миграционных потоков, обеспечение режима пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации приобретает стратегическое значение для защиты национальной безопасности, общественного порядка и традиционных ценностей. Центральное место в государственном механизме противодействия угрозам миграционных процессов отведено МВД России, которое осуществляет комплекс контрольно-надзорных функций. Согласно данным официальной статистики, в 2025 г. за первые полгода общее количество составленных протоколов об административных правонарушениях иностранными гражданами достигло 2 349,6 тыс., что составляет 1,4 % от общего числа протоколов (173 093,6 тыс.) [2].

Понятие государственного контроля (надзора) в сфере миграции является предметом научной дискуссии. Как отмечают А. В. Мартынов и В. В. Черников, современная административно-правовая конструкция государственного контроля в сфере миграции необоснованно ограничивает предмет этого контроля только надзором за иностранными гражданами и лицами без гражданства. По своему объему государственный контроль в сфере миграции значительно шире и включает в себя также и другие разновидности [3, с. 94].

Для понимания сущности деятельности полиции необходимо обратиться к категории «административно-правовой режим пребывания». Обобщая различные подходы, Н. В. Муленко предлагает авторское определение, закрепление которого в Федеральном законе № 115-ФЗ представляется крайне важным. Режим пребывания – это специальный административно-правовой режим, направленный на упорядочение миграционной политики. Он включает в себя не только совокупность норм, регулирующих въезд, выезд и нахождение ино-

[1] © Писаренко С. В., 2026.

странцев, но и деятельность органов публичной власти по контролю за законностью их пребывания в интересах обеспечения национальной безопасности [4, с. 39].

Реализация этого режима невозможна без эффективного контроля. В настоящее время в законодательстве и научной доктрине наблюдается терминологическая неопределенность. Как верно подчеркивается в научной литературе, несогласованность юридических норм вызвана отсутствием единого подхода к содержанию федерального государственного контроля в области миграции. Решением проблемы, по мнению некоторых ученых, может стать введение единого термина «федеральный государственный миграционный контроль», который более полно отражает смысл управленческой деятельности с различными миграционными потоками [5].

Осуществляемый полицией контроль и надзор за соблюдением установленного режима пребывания иностранными гражданами и лицами без гражданства имеет своей первоочередной задачей противодействие незаконной миграции. Данное явление рассматривается как один из ключевых факторов, создающих прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В рамках реализации указанной функции государство наделяет полицию широкими юридическими властными полномочиями, включая: применение технических средств идентификации и слежения, право беспрепятственного доступа в помещения различного назначения для проверки, административное ограничение свободы передвижения нарушителя путем согласования маршрута его выдворения [1].

Анализ действующего законодательства позволяет выделить два основных направления деятельности полиции в рассматриваемой сфере:

1. Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, включающий надзор за соблюдением правил пребывания (проживания), а также за трудовой деятельностью иностранных работников.

2. Иммиграционный контроль, осуществляемый в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства при въезде в Российскую Федерацию, выезде.

Полиция реализует контрольные полномочия в следующих основных формах:

1. Профилактические и оперативно-профилактические мероприятия. Систематически проводятся мероприятия «Мигрант», «Нелегал-2025» и иные, направленные на выявление лиц, нарушающих миграционное законодательство. Так, например, на территории Рязанской области на постоянной основе осуществляют процедуры депортации и выдворения иностранных граждан, в особенности за нарушение миграционного законодательства. В частности, 13 марта 2026 г. были отправлены в страны исхода 14 мигрантов, двое из которых за нарушение миграционного законодательства России.

2. Проверки соблюдения миграционного законодательства, которые согласно приказу МВД России от 28 июня 2022 г. № 468 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» могут быть плановыми и внеплановыми. Однако согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 1405, форма плановых миграционных проверок МВД России была отменена. Думается, что это обосновывается предсказуемостью их проведения.

3. Мониторинг информационных систем. Ключевая форма выявления нарушений, заключающаяся в анализе данных, содержащихся в автоматизированных системах, например, АС ЦБД УИГ. Именно она позволяет выявлять факты превышения сроков пребывания, отсутствия регистрации и т. д. без непосредственного контакта с иностранным гражданином.

4. Осмотр помещений и территорий. Проводится при наличии данных о нарушении, в том числе по заявлениям граждан. Проблемным аспектом здесь является доказывание факта проживания иностранного гражданина не по месту регистрации.

Считаем, что систему на базе искусственного интеллекта целесообразно использовать в целях противодействия нарушений в сфере миграции, так как технологии на базе ИИ будут позволять автоматически проверять на подлинность свидетельства, определять подлинность паспортов и иных документов лиц, въезжающих на территорию нашей страны.

В связи с этим предлагаем внедрять технологии на базе искусственного интеллекта, направленные на сбор и интеграцию данных о лицах, въезжающих на территорию Российской Федерации. ИИ технологии будут анализировать данные, находящиеся в базе МВД России. Чтобы наиболее эффективно предпринимать меры, касающиеся предотвращения незаконной миграции, необходимо использовать данные, предоставляемые из ведомств других стран. В рамках заключенных соглашений между МВД России и МВД иного государства может предоставляться информация о нахождении лица на территории государства ранее, о его семейном положении, о наличии судимости, о попытках пересечения государственных границ.

Кроме сказанного, полагаем, что алгоритм работы должен строиться исходя из трех этапов, включающих в себя обработку поступившей информации, ее анализ и выявление поддельных документов, а также оповещение уполномоченных служб о случаях незаконного пресечения государственной границы.

Вместе с тем, целесообразно введение института, предусматривающий соглашение с законами Российской Федерации лиц, пребывающих на территорию нашего государства и согласие с возможностью выдворения за их нарушение, что может стать эффективным профилактическим инструментом в борьбе с нелегальной миграцией.

Согласно нашему предложению, в указанном соглашении в обязательном порядке должны содержаться сведения о законодательстве России. В основном должны быть указаны нормы Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях, непосредственно регулирующих ответственность за незаконное пресечение государственной границы.

Таким образом, контроль и надзор полиции за соблюдением иностранными гражданами режима пребывания является сложным и развивающимся направлением государственного управления. Проведенный анализ свидетельствует о наличии ряда проблем. В связи с чем предложенные направления совершенствования позволят повысить эффективность деятельности полиции и способствовать укреплению миграционной безопасности и общественного порядка в России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080069.

2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – сентябрь 2025 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/

3. Мартынов А. В., Черников В. В. Государственный контроль (надзор) в сфере миграции: понятие, особенности правового регулирования и проблемные вопросы совершенствования // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 93–112.

4. Муленко Н. В. Административная ответственность за нарушения иностранными гражданами или лицами без гражданства режима пребывания на территории российской федерации и роль полиции в ее реализации : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. Белгород, 2026.

5. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Федеральный государственный миграционный надзор: перспективы формирования нормативно-правовой концепции // Миграционное право. 2018. № 2. С. 31–34.

РАЗДЕЛ XLII. ПРИМЕНЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Биктимеров Б. Р.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Булгаков В. Г.,
начальник кафедры
естественнонаучных дисциплин
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат технических наук, доцент

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ПОХОДКЕ

Искусственный интеллект в настоящее время является одним из ключевых инструментов в сфере правоохранительной деятельности Российской Федерации [1; 3]. В крупных городах реализуются комплексные системы видеонаблюдения, использующие алгоритмы распознавания лиц, видеоаналитику и предиктивные модели, что приводит к снижению уровня преступности в общественных местах и сокращению числа грабежей [1; 7]. Принятие национальных стандартов, регламентирующих оценку биометрических алгоритмов по показателям точности, скорости и надежности, подтверждает тенденцию к расширению применения таких технологий в различных регионах страны [1; 3; 6; 7].

Одновременно усиливается интерес к динамической биометрии, предполагающей идентификацию личности не только по статическим изображениям лица, но и по походке, голосу, жестам, а также по иным поведенческим характеристикам [2; 3; 5]. Походка рассматривается как перспективный биометрический признак для городской среды, поскольку поддается анализу на больших расстояниях, в условиях плотного потока людей и без физического контакта с объек-

[1] © Биктимеров Б. Р., 2026.

том наблюдения [2; 5]. В российских научных и образовательных организациях ведутся разработки программных средств анализа походки и их интеграции в криминалистическую практику с целью повышения эффективности идентификации в ситуациях, когда традиционные методы оказываются ограниченными.

Уязвимости систем распознавания лиц

Современные системы распознавания лиц демонстрируют высокую точность (свыше 99 %) в контролируемых условиях и уже доказали эффективность при розыске лиц и предотвращении имущественного ущерба [3; 6]. Однако в реальной городской среде точность таких систем существенно снижается при использовании маскирующих средств: шарфов, капюшонов, головных уборов, медицинских и иных масок, особенно темных [5; 8]. Это обусловлено тем, что большинство моделей обучается на относительно «чистых» изображениях, с хорошо различимыми ключевыми элементами лица.

Маскировка в сочетании со сменой одежды и выбором значительного расстояния до камеры позволяет преступникам эффективно затруднять работу алгоритмов распознавания лиц [5; 8]. Даже при наличии крупномасштабной сети видеонаблюдения доля успешных идентификаций в неблагоприятных условиях может снижаться до 10–20 %, что негативно сказывается на результативности розыскной деятельности [1; 7; 8]. Одновременно формируется противоречивое отношение населения к биометрическим технологиям: с одной стороны, растет уровень доверия к их потенциальным возможностям, с другой – сохраняются опасения, связанные с риском ошибок и нарушением права на приватность [3; 6].

Сравнение различных биометрических и поведенческих методов показывает, что идентификация по лицу обеспечивает высокую точность на небольших дистанциях, но отличается низкой устойчивостью к маскировке [3; 8]. Идентификация по походке, напротив, демонстрирует высокую устойчивость к закрытию лица и сохраняет работоспособность на расстоянии свыше 50 м, в то время как голосовые и жестовые методы занимают промежуточное положение по точности и зависят от условий записи и качества оборудования [2; 5].

Концепция нейросетевой системы идентификации по походке

В качестве направления развития динамической биометрии предлагается создание специализированной нейросетевой системы идентификации личности по походке, интегрируемой с существующими комплексами видеонаблюдения и распознавания лиц [2; 3; 5]. Целью такой системы является не вытеснение традиционных методов, а их функциональное дополнение в условиях, когда лицо частично или полностью закрыто либо съемка ведется на значительном расстоянии [2; 5].

Предполагаемая схема работы включает несколько этапов:

– получение видеопотока с камер, используемых в системах обеспечения общественной безопасности;

– детекция позы человека и выделение ключевых точек суставов (например, с использованием решений класса MediaPipe или OpenPose);

– обработка полученных признаков с помощью гибридной архитектуры, сочетающей сверточные нейронные сети (CNN) для пространственного анализа

и рекуррентные или трансформерные модели (LSTM/Transformers) для учета временной динамики;

– извлечение информативных признаков походки: формирование GEI-карт (усредненных силуэтов цикла ходьбы), расчет углов и траекторий движения конечностей и корпуса;

– сопоставление результатов с биометрической базой и принятие решения об идентификации [2; 3; 5].

Использование pose-based-подхода позволяет повысить интерпретируемость результатов за счет анализа скелетной структуры и динамики движения, а применение архитектур, ориентированных на последовательности, обеспечивает учет временных зависимостей между кадрами [2; 3]. Для обучения и тестирования системы предполагается использование реальных видеозаписей городской среды с обязательной анонимизацией персональных данных в соответствии с требованиями законодательства о персональных данных, при этом предпочтительным форматом хранения становятся векторные представления, а не исходные видеозаписи, что повышает уровень информационной безопасности [3; 4; 6].

Потенциальные преимущества и ограничения

К основным преимуществам нейросетевой системы идентификации по походке относятся бесконтактный характер, возможность функционирования в режиме, близком к реальному времени, а также устойчивость к маскировке лица и изменениям освещения [2; 5]. При совместном использовании с алгоритмами распознавания лиц такая система может формировать гибридный контур идентификации, в котором сопоставление результатов по разным биометрическим признакам увеличивает общую надежность выводов [1; 3; 6]. Несовпадение идентификации по лицу и по походке может использоваться как маркер для дополнительной проверки, а также как аргумент в пользу пересмотра выводов автоматизированных систем в рамках судебного разбирательства [3; 4].

Перспективным направлением развития является также использование анализа походки для косвенной диагностики нарушений опорно-двигательного аппарата, что потенциально позволяет сузить круг проверяемых лиц при розыске, при условии соблюдения медицинской и правовой конфиденциальности [3; 5]. В то же время внедрение подобных решений требует значительных финансовых и инфраструктурных ресурсов: более производительных вычислительных мощностей (GPU-серверов), специализированных камер (в том числе стереокамер) и увеличенных объемов хранения, поскольку анализируется последовательность силуэтов, а не одиночное изображение [1; 2; 4].

Существенным ограничением является также необходимость формирования масштабной биометрической базы походки. Сбор, разметка, анонимизация и правовое оформление использования таких данных могут занимать от одного до нескольких лет, что замедляет практическую реализацию и требует выработки устойчивых организационно-правовых механизмов обращения с динамическими биометрическими признаками [3; 5].

Риски и правовые аспекты

Развитие систем идентификации по походке сопровождается комплексом рисков, связанных с защитой персональных данных и прав человека. К ним относятся возможность несанкционированного доступа к биометрическим векторным представлениям, неправомерного наблюдения за лицами, не причастными к противоправной деятельности, а также риск ложных срабатываний, способных привести к ошибочным решениям в правоохранительной практике [3; 4; 6].

Минимизация указанных рисков предполагает строгую регламентацию обработки биометрической информации на уровне федерального законодательства и подзаконных актов, развитие национальных стандартов, устанавливающих требования к точности, надежности и защищенности алгоритмов, а также создание процедур независимой оценки и аудита биометрических систем [1; 3; 4; 6]. Важное значение имеет использование форматов хранения, при которых обрабатываются векторные представления признаков, а не исходное видео, а также наличие ясных механизмов апелляции и судебного оспаривания результатов автоматизированной идентификации [3; 4; 7].

Заключение

Идентификация по походке представляет собой перспективное направление развития динамической биометрии, способное компенсировать уязвимости традиционных систем распознавания лиц в условиях маскировки и сложной городской среды [2; 3; 5]. При соблюдении технологических, правовых и этических требований интеграция таких систем в существующую инфраструктуру видеонаблюдения может повысить эффективность правоохранительной деятельности и укрепить доверие общества к использованию биометрических технологий при сохранении баланса между обеспечением безопасности и защитой прав личности [3; 6; 7].

Список литературы

1. ГОСТ Р 70268.3–2026. Информационные технологии. Биометрия. Применение биометрии в системах видеонаблюдения. Часть 3. Единая методика определения точечного рейтинга специализированного прикладного программного обеспечения, используемого в городских системах видеонаблюдения. Введ. 2026-03-01. М. : Стандартинформ, 2026.

2. ПНСТ 656–2022 (ИСО/МЭК 39794-17:2021). Информационные технологии (ИТ). Биометрия. Расширяемые форматы обмена биометрическими данными. Часть 17. Данные последовательности изображений походки. Введ. 2023-07-01. М. : Стандартинформ, 2022.

3. ГОСТ Р 54412–2019 (ISO/IEC TR 24741:2018). Информационные технологии (ИТ). Биометрия. Общие положения и примеры применения. Введ. 2020-01-01. М. : Стандартинформ, 2019.

4. ГОСТ Р 58624.5.2–2026. Информационные технологии. Биометрия. Обнаружение атаки на биометрическое предъявление. Часть 5.2. Расширенная классификация. Введ. 2026-03-01. М. : Стандартинформ, 2026.

5. Купин А. Ф., Коваленко А. С. Признаки походки человека и методы, применяемые для их изучения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 4. С. 45–52.

6. В России принят национальный стандарт для рейтингования биометрических алгоритмов // Кодексмедиаинформ. 2026. 10 марта. URL: https://kmi.ru/news/read/v-rossii-priniat-nacionalnyi-standart-dlia-reitingovaniia-biometriceskix-algoritmov.

7. Утвержден ГОСТ о применении биометрии в городских системах видеонаблюдения // SMK Standart. 2026. URL: https://iso-smk.ru/press-czentr/news/utverzhdyon-gost-o-primenenii-biometrii-v-gorodskix-sistemax-videonablyudeniya.

8. Маски повышают вероятность ошибки при распознавании лиц в 10 раз // Российская газета. 2020. 29 июля. URL: https://rg.ru/2020/07/29/maski-povyshaiut-veroiatnost-oshibki-pri-raspoznavanii-lic-v-10-raz.html.

Черноглазов И. А.[1],
курсант факультета
подготовки специалистов
в области информационной безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Григорькин А. А.,
старший преподаватель
кафедры естественнонаучных дисциплин
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат физико-математических наук

СОЗДАНИЕ НЕЙРОСЕТИ ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНИЯ ФУНКЦИИ НЕСКОЛЬКИХ ПЕРЕМЕННЫХ

1. Структура и обучение нейронной сети

1.1. Теоретические аспекты

На сегодняшний день задача аппроксимации непрерывных функций является весьма востребованной, поскольку такими функциями описывается множество процессов и алгоритмов. Аппроксимация позволяет ускорять соответствующие вычисления, получая пусть не идеально правильный, но достаточный для практических приложений ответ. Использование нейросетей в таких задачах может иметь определенные преимущества перед традиционными алгоритмами.

В основе применения нейросетей для задач аппроксимации лежит теорема Цыбенко, которая утверждает, что нейросеть прямой связи с одним скрытым слоем может аппроксимировать любую непрерывную функцию с любой заданной точностью при условии правильного подбора ее параметров. Эти параметры зависят от конкретной функции и подбираются индивидуально.

Нейронная сеть, созданная в соответствии с аппроксимационной теоремой, состоит из трех слоев. Узлы входного слоя получают и передают дальше значения параметров функции. Узел выходного слоя выдает полученный ответ.

Во втором (скрытом) слое сети находятся нелинейные элементы – нейроны. Они преобразуют полученные с первого слоя сигналы, применяя заданную функцию активации. В данной работе использовались функции Гаусса и сигмоиду. Именно нелинейная функция активации является ключевым элементом алгоритма, поскольку остальные элементы сети осуществляют лишь линейное преобразование сигналов при передаче их на следующий слой.

---

[1] © Черноглазов И. А., 2026.

Основной функциональной частью сети являются связи между узлами разных слоев. Мощность связи характеризуется величиной соответствующего коэффициента. Исследуемая сеть создана как полносвязная, когда каждый узел данного слоя соединен с каждым узлом следующего. Набор коэффициентов связей в трехслойной сети описывается двумя матрицами связей W_{ih} и W_{ho} – соответственно между входным и скрытым слоем и между скрытым и выходным. При прохождении аргументов аппроксимируемой функции по связям нейросети, они умножаются на их веса.

Оценочный показатель обучения нейронной сети вычисляется с использованием задаваемой функции ошибки. Скорость его уменьшения показывает эффективность алгоритма, а конечное значение позволяет оценивать корректность полученного при опросе значения. В данной работе в качестве функции ошибки используется сумма квадратов отклонений функции от целевого значения:

$$\varepsilon = \sum_{p=1}^{N_{\text{pr}}} (b3_{1p} - a3_{1p})$$

Здесь $b3_{1p}$ – значение функции, выдаваемое нейросетью для *p*-го обучающего примера, $a3_{1p}$ – требуемое значение аппроксимируемой функции в *p*-м примере. N_{pr} – количество примеров в обучающей выборке.

Данная функция позволяет достаточно точно оценить ошибку на всем участке опроса, не учитывая направление девиации в конкретной точке.

1.2. Алгоритм Монте-Карло обучения нейронной сети

Суть обучения нейросети состоит в том, чтобы правильно изменять коэффициенты связей, приближая ответ сети к ожидаемому значению функции.

Алгоритм Монте-Карло случайным образом меняет веса, создавая новые матрицы связей. Если изменение матриц оказывается выгодным с точки зрения оценочного показателя, то изменения закрепляются, и начинается новый цикл случайных изменений матриц.

Масштаб изменений весов связей задается величиной коэффициента обучения сети *t*. Для того, чтобы не «перепрыгивать» значения, приводящие к корректному ответу, матрицы весов следует изменять аккуратно, небольшими шагами. С другой стороны, малые значения *t*, приводят к замедлению процесса обучения. В общем случае, для обеспечения и скорости и точности обучения, требуется динамический подбор значения *t*.

1.3. Алгоритм градиентного спуска

Альтернативный способ обучения – минимизация ошибки с помощью градиентного спуска. Задачей алгоритма обучения является уменьшение ошибки. Математически эту задачу можно сформулировать как нахождение минимума функции ошибки, зависящей от весов связей нейронной сети.

Итак, у нас есть неизвестная функция от многих переменных, нам надо найти ее минимум. Направление к точке минимума функции определяется с использованием вектора ее градиента.

Для определения градиента требуется вычислить частные производные функции ошибки ε. С учетом структуры нашей нейросети, несложные, хотя и несколько громоздкие преобразования приводят к следующим значения производных:

$$\frac{\partial \varepsilon}{\partial W_{\text{ih}}} = -2 \sum_{p=1}^{N_{\text{pr}}} \times \left(b3_{1p} - a3_{1p}\right) W_{23_{1i}} \frac{\partial f\left(a_{2\_\text{ip}}\right)}{\partial a_{2\_\text{ip}}} \text{a}_{1_{\text{hp}}}$$

Здесь a_{2_ip} – ip -ый элемент матрицы выходного сигнала из скрытого слоя.

$\frac{\partial f\left(a_{2\_\text{ip}}\right)}{\partial a_{2\_\text{ip}}}$ – производная функции активации нейрона.

$$\frac{\partial \varepsilon}{\partial W_{\text{ho}}} = -2 \sum_{p=1}^{N_{\text{pr}}} \left(b3_{1j} - a3_{1j}\right) \text{a}_{1_{\text{op}}}$$

В процессе обучения следует двигаться в направлении убывания функции ошибки. Соответствующее такому движению изменение матричных элементов связей описывается формулами:

$$W_{\text{ih}_{\text{nm}}} \rightarrow W_{\text{ih}_{\text{nm}}} - t \frac{\partial \varepsilon}{\partial W_{\text{ih}_{\text{nm}}}}$$

$$W_{\text{ho}_{\text{nm}}} \rightarrow W_{\text{ho}_{\text{nm}}} - t \frac{\partial \varepsilon}{\partial W_{\text{ho}_{\text{nm}}}}$$

Здесь t – коэффициент обучения, регулирующий скорость процесса. Вообще говоря, он не совпадает с коэффициентом обучения метода Монте-Карло, хотя, как показывает опыт, значения их величин практически всегда близки.

Минимум функции ошибки будет найден, когда ее значение станет близко нулю в соответствии с заданной точностью.

Таким образом, на каждом шаге градиентного спуска значение ошибки уменьшается, но метод требует масштабных вычислений в каждой итерации цикла. Соответственно проявляются недостатки градиентного спуска – необходимость тонкой подстройки параметров обучения или повышение затрачиваемого времени и ресурсов.

2. Экспериментальная часть

2.1. Изменение коэффициента обучения

Рассмотрим и испытаем методы ускорения работы классических алгоритмов обучения.

Первое, что мы рассмотрим – повышение эффективности за счет оптимизации значения коэффициента обучения. Например, в алгоритме градиентного спуска

это работает так: пока функция монотонно и резко убывает, то длина шага t должна быть большой, чтобы быстрее пройти этот участок. При уменьшении же наклона, наоборот, шаг должен быть меньше, чтобы не «перескочить» минимум функции. В алгоритме Монте-Карло тоже применима логика уменьшающегося коэффициента.

В нашей работе эта идея реализована путем уменьшения коэффициента обучения в 10 раз при достижении определенных значений ошибки. Заметим, что эти значения зависят от размерности матриц связей и количества обучающих примеров. В нашем случае аппроксимации сравнительно простых функций и, соответственно, малого количества нейронов, это были числа 0,5 и 0,1.

В проведенном численном эксперименте (аппроксимация синуса, метод Монте-Карло, 10 обучающих примеров, 6 нейронов, нелинейность – гауссова функция) удалось сократить время обучения в 3 раза – с 11,1 секунды до 3,7 секунды.

2.2. Изменение нелинейности

Во время тестирования нейросети было замечено, что вид функции активации существенно влияет на ход и скорость обучения.

Например, сигмоида обеспечивает достаточно стабильный процесс обучения, но требует большого количества итераций, и, соответственно, времени для достижения целевого значения. Функция Гаусса же, в среднем, обеспечивает более высокую скорость работы, но только на начальных этапах обучения. При малой ошибке (в нашем случае это $\varepsilon \sim 0{,}01$), нейросеть с гауссовой нелинейностью резко, порой до нуля, снижает скорость обучения.

Наблюдаемые особенности функций активации логично приводят к идее их комбинирования путем использования гауссовой нелинейности на начальном этапе обучения и сигмоиды – на конечном. Подобная комбинация позволяет получить разумное сочетание высокой скорости в начале обучения и стабильности вблизи конечного результата.

К сожалению, эксперименты показали, что резкая смена функции активации с большой вероятностью «ломает» процесс обучения. Поэтому был введен переходный режим длительностью $i_{пер}$ шагов, на протяжении которого действует функция активации *NonLin*, вид которой соответствует плавной замене гауссианы на сигмоиду:

$$NonLin = (1 - a) * \text{gauss} + a * \text{sigmoid},$$

Здесь $a = i / i_{пер}$, где i – индекс итерации.

Плавная перестройка позволяет сети подстроиться под внесенные изменения и использовать их наиболее эффективно.

В проведенном эксперименте (аппроксимация синуса, Монте-Карло, 10 обучающих примеров, 6 нейронов, переключение нелинейности с Гаусса на сигмоиду за $i_{пер} = 1\,000$ шагов) удалось сократить время обучения в 2,7 раз – с 11,1 секунды до 4 секунд.

Соединение наработок в виде одновременной динамической подстройки коэффициента и замены функции активации в условиях, аналогичных предыду-

щему примеру, позволило сократить время обучения до 5,5 секунд, но и ошибка уменьшилась в 10 раз по сравнению с принятым нами за малое ($\varepsilon \sim 0{,}01$), снизившись до 0,001. Таким образом, рассмотренные методы помогли существенно снизить значение ошибки, затратив относительно небольшое время на обучение.

2.3. Приложение по аппроксимации функции многих переменных

Определение особенностей обучения нейронной сети позволило написать эффективное универсальное приложение для аппроксимации любой непрерывной функции от произвольного количества переменных. Обучающие данные в приложении считываются из файла. В файл же сохраняются и результаты обучения сети, причем не только окончательные, но и промежуточные. Это позволяет пользователю гибко подбирать стратегию обучения, добиваясь наилучших результатов. Стандартный формат используемых файлов позволяет легко использовать полученные нейронные сети в любых программных продуктах.

Список литературы

1. Cybenko G. V. Approximation by Superpositions of a Sigmoidal function // Mathematics of Control Signals and Systems. 1989, vol. 2, pp. 303–314.

2. Горбань А. Н. Обобщенная аппроксимационная теорема и вычислительные возможности нейронных сетей // Сибирский журнал вычислительной математики. 1998. Т. 1, № 1. С. 12–24.

3. Haykin S. Neural networks. A comprehensive foundation. NY : McMillan College Publ. Co., 1994.